М. М. ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1930–1931

М. Пришвин

М.М.ПРИШВИН

Дневники

1930

1931

Санкт-Петербург
2006

УДК 882
ББК 84Р7-4
П77

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Художник Г. Расторгуев

На форзаце:
фотографии работы М. М. Пришвина (1930, Загорск)

На нахзаце:
фотографии работы М. М. Пришвина (1930, 1931)

Пришвин М. М.

П77 Дневники. 1930—1931. Книга седьмая / Подгот. текста Л. А. Рязановой, Я. З. Гришиной; Коммент. Я. З. Гришиной; Указат. имен Т. Н. Бедняковой. — СПб.: ООО «Изд-во "Росток"», 2006. — 704 с.

Книга дневников 1930—1931 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914—1917) вышла в 1991 г., вторая (1918—1919) — в 1994 г., третья (1920—1922) — в 1995 г., четвертая (1923—1925) — в 1999 г., пятая (1926—1927) — в 2003 г., шестая (1928—1929) — в 2004 г.

Публикуется впервые.

ISBN 5-94668-041-2

УДК 882
ББК 84Р7-4

1930

<*Сергиев Посад*>

4 Января. Показывал Павловне упавший вчера колокол, при близком разглядывании сегодня заметил, что и у Екатерины В<еликой> и у Петра П<ервого> маленькие носы на барельефных изображениях тяпнуты молотком: это, наверно, издевались рабочие, когда еще колокол висел. Самое же тяжкое из этого раздумья является о наших богатствах в искусстве: раз «быть или не быть» индустрии, то почему бы не спустить и Рембрандта на подшипники. И спустят, как пить дать, все спустят непременно. Павловна сказала:

— Народ навозный, всю красоту продадут.

Говорят, что коммунары «Смены» обязуются говорить о ней только хорошее — вот почему о хозяйстве в ней ничего не известно. На этом мотиве можно нанизать рассказ: везде ужас какое безобразие, а что в коммуне будет — не известно.

5 Января. Несколько дней тому назад лопнул поршень в электростанции, свет погас и надолго, на месяц, говорят, а там, кто их знает. Пришлось бросить фотографию. Купил себе керосиновую лампу и светом ее очень доволен. Сегодня утром говорю Павловне:

— Смотри, в окне чуть белеет. В это время гасили электричество, и я должен был обрывать работу. Теперь же я сам зажег себе лампу и сам ее потушу, когда захочется. Так было в прошлом, радость детская об этом чувстве жизни: «я — сам», в будущем это «я сам» в массах на поверхности должно совершенно исчезнуть и проявляться вулкани-

чески, извержениями, а вулканами будут гениальные индивидуумы. Значит, будет, как во всем цивилизованном мире.

Сколько тысячелетий в тех же самых берегах бежала вода, привыкала к горушкам и низинам их, уносила с собой воспоминание в море, там испарялась, поднималась наверх, облаками парила, вновь падала и узнавала те же самые берега. Наша революция там, в этом мире воды и суши, называется землетрясением: потряслась суша, исчезли косные берега, вода разлилась, бросилась в иное русло. Все, что у нас называется искусством, у них — отражение неба в воде — это все их искусство исчезло, потому что смущенная вода стала мутной. И так долго воде привыкать к новым берегам, размывать их, обтачивать камни, пока не станет это дело своим, привычным, и берега обточенные, устроенные, поросшие деревьями будут своими[1] берегами. Тогда осядут мутные частицы на дно и начнется в воде игра света с небом в отражениях. В нашей человеческой жизни этот свободный бег умной воды с игрой света называется искусством. Я так понимаю... А сейчас у нас теперь половодье с переменой русла. Так мне представляется. Широко, но мелко, а зайцу довольно глубоко, утонуть ему непременно, если только не встретится... факт... Так я понимаю жажду факта в наше время и сам оставляю привычную мне игру света в спокойной воде, беру фотографический аппарат и снимаю. Искусство это? Не знаю, мне бы лишь было похоже на факт, чтобы читатель прочел с живым интересом и сказал: «Да, это факт!»

<На полях:> *Погонят в коллектив.*

1. Как у нас церковь закрыли.

2. — Пойдем, мы тоже, когда умрем, поглядят и пойдут.

3. — Когда его сбросили?

— Ночью в 12 часов.

4. Как подымали? Сбросить — техника, всякие специалисты, а ведь как дураки подымали.

---

[1] Здесь и далее подчеркнуто автором.

Поп:
— Пустой! Языка нет, ну так чего же...
— Чего?
— Да вы говорили, что просто упал, и ничего не было: откуда же возьмется, если языка нет: лишенец...
В работу: скомпоновать «воду» — факты. Майоров: земля крякнула.

***6 Января.* Сочельник.** Со вчерашнего дня оттепель после метели. Верующим к Рождеству вышел сюрприз. Созвали их. Набралось множество мальчишек. Вышел дефективный человек и сказал речь против Христа. Уличные мальчишки радовались, смеялись, верующие молчали: им было страшно сказать за Христа, потому что вся жизнь их зависит от кооператива, перестанут хлеб выдавать, и крышка! После речи своей дефективное лицо предложило закрыть церковь. Верующие и кое-какие старинные: Тарасиха и другие, молчали. И так вышло, что верующие люди оставили себя сами без Рождества и церковь закрыли. Сердца больные, животы голодные и постоянная мысль в голове: рано или поздно погонят в коллектив.

***7 Января.* Рождество.**

Продолжается оттепель. Вечером на Красюковке в маленьких домах, засыпанных снегом, везде светились огоньки лампад и праздника. Вдали слышался звон. Я читал «Литфакт» (Страшная зюзюка) Трубецким. Хорошо вышло, и потом мы славно назюзюкались.

Старик Трубецкой[1] Владимир Михайлович, бывший городской голова в Москве, родился в 47 году. В 62—63 учился (в Париже) русскому языку у Шевырева. Проф. Шевырев уехал в Париж тогда потому, что гр. Бобринский дал ему пощечину (Бобринский за это был выслан). Трубецкой (16 лет от роду) слушал тронную речь Наполеона III, в ложу его тетки вошел очень красивый вельможа в расшитом мундире с седеющей бородкой, остриженной à la Nap<oleon> III, и тетка с ним холодно разговаривала.

[1] Описка М. М. Пришвина. Речь идет о Голицыне. — *Ред.*

Оказалось, это был барон Геккерен (Дантес, убийца Пушкина). Каждый день видел катающегося Наполеона, он сам правил. Верхом был хорош, пешим безобразен: длинное туловище и короткие ноги.

8 Января. Оттепель продолжается. Вчера сброшены языки с Годунова и Карнаухого. Карнаухий на домкратах. В пятницу он будет брошен на Царя с целью разбить его. Говорят, старый звонарь пришел сюда, приложился к колоколу, простился с ним: «Прощай, мой друг!» и ушел, как пьяный. Был какой-то еще старик, как увидел, ни на кого не посмотрел, сказал: «Сукины дети!» Везде шныряет уполномоченный ГПУ. Его бесстрастие. И вообще намечается тип такого чисто государственного человека: ему до тебя, как человека, нет никакого дела. Холодное, неумолимое существо. Это же настроение было, помнится, в тюрьме царской от тов. прокурора.

Разговор об отливке колоколов, о способах поднятия, о времени отливки и устройства колокольни, и все врут, хотя тут же над головой стоит дата начала закладки здания при Анне Иоановне в 1741 году[1] и окончания при Екатерине в 1769. «Все врут, никто ничего не помнит теперь верно!» — закончила одна женщина.

9 Января. Текучую оттепель ночью схватил утренник, взошло открытое солнце и сияло весь день не как на масленице, не как Вел<иким> постом, а как бывает в Апреле при запоздавшей первой весне — сила мороза уравновешивается с силой солнца, и вся снежная громада зимы в ослепительном сиянии на волоске от исчезновения...

Сегодня под капелью воробей купался.

На колокольне идет работа по снятию Карнаухого, очень плохо он поддается, качается, рвет канаты, два домкрата смял, работа опасная и снимать было чуть-чуть рискованно. Большим колоколом, тросами, лебедками завладели дети. Внутри колокола полно ребятами, с утра до ночи колокол звонит... Время от времени в пролете, откуда

---

[1] Ошибка. Дата начала закладки здания — 1740 г. — *Ред.*

упал колокол, появляется т. Литвинов и русской руганью, но как-то по-латышски бесстыдно и жестоко ругается на ребят. Остряки говорят: бьет в большие колокола и с перезвоном.

<На полях:> *К ругани латыша: мать ударит своего ребенка — ничего, чужая — ужас! Так и ругаться по-матерному нежестоко может только мужик русский.*

Одна мысль повертывается у меня в голове теперь постоянно, это — что коллектив государственный вполне соответствует строю русской деревни: во-первых, со стороны слежки друг за другом очень похоже, со стороны... (об этом надо хорошенько подумать). Главное вот что: мы, интеллигенты, воспитанные на европейских гуманных идеях, так оторвались от деревенского коллектива, что не можем без отвращения и возмущения думать о государственной «принудиловке», а между тем, очень возможно, она органически выходит из жизни крестьянина.

15 Января. Все продолжается теплая бессолнечная сиротская зима.

11-го (Суббота) сбросили Карнаухого. Как по-разному умирали колокола. Большой, Царь, как большой доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался опуститься на рельсы и с огромной быстротой покатился. Потом он зарылся головой глубоко в землю. Толпы детей приходили к нему и все эти дни звонили в края его, а внутри устроили себе настоящую детскую комнату. Карнаухий как будто чувствовал недоброе и с самого начала не давался, то качнется, то разломает домкрат, то дерево под ним треснет, то канат оборвется. И на рельсы шел неохотно, его тащили тросами... При своей громадной форме, подходящей к Большому, Царю, он был очень тонкий: его 1200 пудов были отлиты почти по форме Царя в 4000. Зато вот, когда он упал, то и разбился вдребезги. Ужасно лязгнуло и вдруг все исчезло: по-прежнему лежал на своем месте Царь-колокол, и в разные стороны от него по белому снегу бежали быстро осколки Карнаухого. Мне,

бывшему сзади Царя не было видно, что спереди и от него отлетел огромный кусок.

Сторож подошел ко мне и спросил, почему я в окне, а не с молодежью на дворе.

— Потому, — ответил я, — что там опасно: они молодые, им не страшно и не жалко своей жизни.

— Верно, — ответил сторож, — молодежи много, а нам, старикам, жизнь свою надо продлить...

— Зачем? — удивился я нелепому обороту мысли.

— Посмотреть, — сказал он, — чем у них все кончится, они ведь не знали, что было, им и не интересно, а нам сравнить хочется, нам надо продлить.

Лебедки.

Вдруг совершенно стихли дурацкие крики операторов, и слышалось только визжание лебедок при натягивании тросов. Потом глубина пролета вся заполнилась, и от неба на той стороне осталось только, чтобы дать очертание форм огромного колокола.

— Пошел, пошел!

И он медленно двинулся по рельсам.

В понедельник (13-го) вечером после заседания правления Федерации у Воронского встретил Пильняка и наконец-то отвел себе душу: совершенно серьезно и самыми поносными словами я изругал его и как человека и как писателя. В ответ на это он уговорил меня ехать к нему в гости пить ликер, мне было совестно отказаться. Был у него, ночевал, выслушал его исповедь: признался в дружбе с генералом от ГПУ, раскаялся в своем поведении и т. п. В конце концов у меня осталось, будто я был у публичной женщины и не для того чтобы воспользоваться ей, а только выслушать ее покаяние...

Леонов, хорошо откормленный, приобрел, в общем, довольно противный вид. Притом Воронский говорил, что он в последних своих писаниях мастерил ложно советские вещи. Между тем, это был именно Воронский, кто первый обратил его на советский путь.

16 Января. Сиротская и малоснежная зима продолжается.

Вчера приезжал Ю. М. Соколов со свояченицей и французом. Осматривали музей. Две женщины делали вид, что рассматривают мощи преп. Сергия, как вдруг одна перекрестилась, и только бы вот губам ее коснуться стекла, вдруг стерегущий мощи коммунист резко крикнул: «Нельзя!»

Рассказывали, будто одна женщина из Москвы не посмотрела на запрещение, прикладывалась и молилась на коленях. У нее взяли документы и в Москве лишили комнаты.

Сколько лучших сил было истрачено за 12 лет борьбы по охране исторических памятников, и вдруг одолел враг, и все полетело: по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей.

Всегда ли революцию сопровождает погром («грабь награбленное»)?

Сильнейшая центральная власть и несомненная мощь красной армии — вот все «ergo sum» коллектива советской России. Человеку, поглощенному этим, конечно, могут показаться смешными наши слезы о гибели памятников культуры. Мало ли памятников на свете! Хватит! И правда, завтра миллионы людей, быть может, останутся без куска хлеба, стоит ли серьезно горевать о гибели памятников?

Вот жуть с колхозами! Пильняк уезжает в Америку. Крысы бегут с корабля.

17 Января. Не то замечательно, что явился негодяй — ими хоть пруд пруди! — а что довольно было ему явиться и назвать дом ученых контрреволюционным учреждением, чтобы вся Москва начала говорить о закрытии дома ученых. По всей вероятности, такое же происхождение имеют и все нынешние зверства в отношении памятников искусства: причина гибели, например, нашей колокольни вернее всего заключается в собаке, подобной проф. Коро-

вину, тоже, какой-нибудь негодяй из семинаристов, спасая свою шкуру, воинствует в безбожии, а мы, запуганные, забитые воображаем себе какую-то непреодолимо великую силу разрушения, проносящуюся над нашими головами.

Нужно сказать, однако, что Мещеряков потому отрыл собаку, что на его стороне Семашко и множество других, кому необходимо защищать ЦКУБУ, что сам он очень укреплен в партии и вообще ему можно.

18 Января. Погода, как на масленице и день в день, — то же тусклое небо, рыженькая дорога — как будто природа остановилась в движении и дожидается, когда кончится страшная беда в нашей русской человеческой жизни, чтобы по этой рыженькой дороге всех отправить на небо.

Неужели опять доведут до людоедства? Только теперь еще хуже, теперь уже нет «без аннексий и контрибуций» и т. п. Полное неверие теперь.

Мы и они. Они хотят человека заставить быть машиной, мы хотим машину одушевить...

От Пети ответ на телеграмму: «Где Зоя?» — «Зоя Пришвина здесь». Сначала обрадовался, но вечером пошел к старухе, и почему-то стало неприятно. Может быть, очень глупо, нелепо я вел свою семью, но никто не вмешивался в мою жизнь, и выросли хорошие ребята. Теперь лезет какая-то мудрость, какой-то опыт со стороны... Кроме того, Петя теперь уже не наш.

19 Января. Весь день отделывал снимки колокола. «Разрушьте храм сей»... На какие-нибудь 30 верст, а мой колокол будет звонить по всей земле, на всех языках. Но... Вот это «но» и завлекает в тему: какое должно быть мое слово, чтобы звучало как бронза!

Все это время лебедкой поднимали высоко язык большого колокола и бросали его на куски Карнаухого и Большого, дробили так и грузили. И непрерывно с утра до ночи приходили люди и повторяли; трудно опускать, а как же было поднимать.

Внутренность нашего большого колокола, под которым мы живем, была наполнена туманом: чуть виднелась колокольня, но резко слышались металлические раскаты лебедок, управляющих движением большого колокола на пути по крыше, с которой сегодня он должен свалиться, будто в высоте были слышны раскаты аэроплана, который, наверно, летел над туманом, залитый лучами солнца, и летчику мы были тут в тумане, как мухи под неприкрытым стаканом: он мог так думать о нас, но не видеть. Туман, однако, быстро редел...

Обобщение с механизацией, кроме некой и человеческой личности, является, началом, вероятно, всякого зла: жили-были Иван и Дмитрий, из них двух сделали одного большого, разделили его надвое, рассмотрели этого среднего, сделали заключение и применили его как правило к живому Ивану, равно как и к Дмитрию. Так начинается власть и борьба живых Иванов за себя с этой государственной властью. В наше время это доведено до последнего цинизма. Пока еще говорят «фабрика зерна», скоро будут говорить «фабрика человека» (Фабчел).

Вот во дворе сложена поленница березовых дров, сделанная для нашего тепла из когда-то живых берез. Мы теперь ими топимся и этим теплом, размножаясь, движемся куда-то вперед (мы — род человеческий). Точно так же как дрова, и электричество, и вся техника усложняется, потому что мы размножаемся. И так мы живем, создавая из всего живого средства для своего размножения. И, конечно, если дать полную волю государству, оно вернет нас непременно к состоянию пчел или муравьев, т. е. мы все будем работать в государственном конвейере, каждый в отдельности, ничего не понимая в целом. Пока еще все миросозерцания, кроме казенного, запрещены, настанет время, когда над этим будут просто смеяться. Каждый будет вполне удовлетворен своим делом и отдыхом. Вот почему и был разбит большой колокол: он ведь представлял собой своими краями круг горизонта, и звон его купно...

Язык Карнаухого был вырван и сброшен еще дня три тому назад, губы колокола изорваны домкратами.

Аргус. 1913 г. № 8. Очерк Зорина: Колокола. Еще египтяне и ассирийцы «звоном созывали молящихся в храмы». А за 200 л. до Р. Х. историки дают точное описание колоколов в современном значении. В Китае, Японии, Индии за 4000 лет до Р. Х.

В Зап. Европе начало колоколен (колоколов) в VII в.

В Лондоне 850 пуд. — самый большой, если не считать Кельнского «великого молчальника» в 1312 п. (неудачный).

В России первое упоминание в 1066 г.

В XVI в. в Ростове «благовестник» 1000 п.

Конец XVII в. в Ростове митрополит Иона Сысоевич — страстный ревнитель колокольного дела — в 1689 г. он отлил знаменитых 3 Ростовск<их> колокола: Сысой 2000 пуд. Полиелейный 1000 п. и будничный Лебедь 500 п.

Троице-Серг. в конце XVII в. отлит в 3.319 п. и в 1746 Елизаветой перелит и доб. до 4000 п. (Царь) Годунов — 1850 и Карнаухий 1275 п.

В Москве на Колок. Ивана Великого Успенский — 3.355 п. 4 ф.

Крепостной Смагин «собирал звоны» и обучал звонарей.

23 Января. Все воскресенье и понедельник горел костер под Царем, чтобы оттаяла земля и колокол упал на отбитые края ближе к месту предполагаемого падения Годунова. Рабочие на колокольне строили клетку под Годунова.

Кочетков, наконец, привез аппарат (во вторник).

24 Января. Вчера Тарасиха рассказывала о вырождении мужчин в Москве (и, вероятно, везде у нас): будто бы на улицах теперь постоянно видишь мужчину с ребёнком на руках, или катит тележку, словом, мужчина постепенно делается нянькой. После того разговор на «пересадку»,

и Евг. Ив. Гиппиус сказала, что где-то один мужчина даже родил.

Доктор Кочергин. На овальном столике, накрытом плюшевой скатертью с цветочками, стоит цветущее миндальное деревце, и один розовый цветочек у него стал серым, потому что каждый подходит, трогает пальцем, чтобы узнать, настоящее дерево или бумажное. Деревце, конечно, бумажное. На полочке с одной стороны игрушечные грибы, с другой стороны пейзаж ранней весны, полное окно цветов, и угол тоже в цветах, и всюду лампадки. На дворе игрушечные сараи и клетушки, конура с собакой, индюк.

Иной совестливый человек ныне содрогается от мысли, которая навязывается ему теперь повседневно: что самое невероятное преступление, ложь, обманы самые наглые, систематическое насилие над личностью человека — все это может не только оставаться безнаказанным, но даже быть неплохим рычагом истории, будущего. <*Зачеркнуто*> В этом идейном разочаровании...

Редкость великая: солнечный день. Царя подкопали и подперли домкратом. В воскресенье рассчитывают бросить Годунова.

Образы религиозной мысли, заменявшие философский язык при выполнении завета: «шедше, научите все народы», ныне отброшены как обман. «Сознательные» люди последовательны, если разбивают колокола. Жалки возражения с точки зрения охраны памятников искусств.

Кто является виновником уничтожения памятников? Я думаю, это кто-то вроде тов. Октябрьского, настоящая фамилия которого что-нибудь вроде Рождественского, окончившего духовную семинарию и, возможно, бывшего некоторое время попом. Сначала он приспосабливался к революции через кооперацию, потому что и раньше вел кредитное тов-о и потребительское о-во. Знание крест<ьянского> быта и счетоводства обеспечило ему путь к советской власти. Так мало-помалу, приспособляясь, он снял сан и поступил в исполком заведующим. Но только на

12 году революции, уступая из своих традиций поповских версту за верстой, он дошел до самого Бога, и сначала поместил в «Атеисте» свое «Мнимое чудо» (чудо было в том, что Преподобный будто бы создал в Сергиеве реку Кончуру, а он разъяснил это чудо рационалистически; Кончура была раньше Кон-сера. Кон — от ..., а Сер — от Сергия). Так дошел он до колоколов, предложил свои услуги и был принят начальником в Рудметаллтрест.

Иной человек по делам своим, по образу жизни подвижник и настоящий герой, но если коснуться его сознания, то оно чисто мышиное: внутри его самая подлая *<1 нрзб.>* тревога и готовность уступить даже Бога, лишь бы сохранить бытие на этом пути, который извне представляется нам героическим.

Мы ездили вечером на извозчике к Кожевникову.

— Плохо живется? — спросил я извозчика.

— Очень плохо, — ответил он, — перегоняют в коллектив.

— Не всем плохо от этого, — сказал я.

— Да, не всем, только лучше немногим. Через некоторое время он сказал:

— Ждать хорошего можно для наших внуков, они помнить ничего нашего, как мы страдали, не будут.

— Будут счастливы, — сказал я, — и не будут помнить о нашем мучении, какие счастливые свиньи!

— Извозчик очень понял меня и со смехом сказал:

— Выходит, мы мучимся для счастливых свиней.

(Кстати, — вот зачем мощи и крест).

Растет некрещеная Русь.

Нечто страшное постепенно доходит до нашего обывательского сознания, это — что зло может оставаться совсем безнаказанным и новая ликующая жизнь может вырастать на трупах замученных людей и созданной ими культуры без памяти о них.

Рабочие сказали, что решено оставить на колокольне 1000 пудов.

— Лебедь останется? — Не знаем, сказали: остается 1000 пудов.

— А Никоновский? — Ничего не ответили рабочие, в сознании их и других разрушителей имя тонуло в пудах.

Рабочие, разрушители колоколов, жидов ругали за то, что все они делают легкое дело, раньше торговали, смотришь, теперь занимаются фотографией. И вот тоже, найдите хоть одного еврея, который бы этим опасным и тяжелым делом занимался — сломал бы колокол, а в правлении Рудметаллтреста одни жиды.

— Православный? — спросил я.

— Православный, — ответил он.

— Не тяжело было в первый раз разбивать колокол?

— Нет, — ответил он, — я же за старшими шел и делал, как они, а потом само пошло. И рассказал, что плата им на артель 50 к. с пуда и заработок выходит по 8 $^1/_2$ р. в день.

Наконец, когда дело дошло до меня самого, понял я окончательно и навсегда названия родства: Я — это Зоин свекор, Павловна — свекровь, Лева — деверь... и т. д.

А как же мне быть, ко двору идти?
Свекор — батюшка мой журливый был,
Свекровь-матушка ворчливая,
Деверя мои пресмешливые,
    А золовушка колотовушка.

Золовки (моей дочери) нет.

И вот всю жизнь разговор в интеллигентном обществе, кто-то спрашивает: «а что такое золовка», кто-то объясняет неверно, потом является прислуга, и все разъясняется.

Если принять, что в мире людям в среднем живется во все времена ни лучше, ни хуже, то спрашивается: что же хорошее, какая связь ставится у людей на место родственной?

У нас это была «идея» (идейные люди всегда были против родства, оттого и забыла интеллигенция слова, озна-

чающие родство). «Идея» — 1) «хочу все знать» (то есть вместо религии — наука), 2) социализм.

Вот теперь только «идея», наконец-то, стала острием к острию к этому скрытому для большинства чисто родовому строю крестьян (Род и Коллектив).

Организация наблюдений: 1) срыв культа (около Лавры), 2) <*1 нрзб.*> творчества (игрушка), 3) колхоз («идея» вместо «рода»).

Говорил с рабочими о Годунове, я спрашивал, не опасно ли будет стоять около <*1 нрзб.*> на крыше.

— Нет, — говорили они, — совсем даже не опасно.

— А вот когда будете выводить из пролета на рельсы, не может он тут на бок...

— Нет, — ответили рабочие, — из пролета на рельсы мы проведем его, как барана.

Колокола, все равно, как и мощи, и все другие образы религиозной мысли уничтожаются гневом обманутых детей. Такое великое недоразумение...

Если бы да, если бы нет! Ужасно, что, видя воочию ниспровержение всего, на чем вырос и стал как человек нынешний пожилой гражданин, ученый, даже и заслуженный, при каждом новом ниспровержении вспоминает минувшее и думает: «Вот было уже, в тот раз я никак не мог допустить, а оно вышло». И вспоминая это, думает о последнем безобразии: «Да, это последнее безобразие, но кто знает? Вот вышло же в тот раз»... И потому он стоит в раздумье, в «ни да, в ни нет»... как остолоп. И те, кому надо, говорят: «Мы его проведем, как барана».

<На полях:> *Дабы дитя получило книжный разум не от людей, а от Бога. Святолепый и ангеловидный.*

А что если в нынешнем разрушении памятников религиозной культуры вовсе нет, как я думаю, противостоящей «идеи», что если это при попустительстве невежественного, тупого владыки временно получили ход действительно какие-нибудь людишки из неверующих семинаристов?

К этому рассказ Попова: прошлый год вся великолепная академическая библиотека (500 тыс. томов) чуть-чуть не попала на свалку в колокольню из-за того, что помещение ее понадобилось для какой-то затеи. Так! Почему бы в таком случае инициативу уничтожения монастырей не объяснить просто попыткой отдельных лиц выслужиться; инициативу питает выслуга, мотивировка: потребность в кирпиче и цветном металле. И все! Это, конечно, так, если смотреть в упор, но, с другой стороны, возможность действия негодяев является результатом, во-первых, окончательного разложения церкви (семинаристы же действуют), во-вторых, при перегонке мужиков в коллективы необходимостью потрясающего их миросозерцание эффекта (мы все можем, нет чудес против нас).

Боголюбивая киновия с церковью на иждивении купчихи Логиновой с престолом во имя святой жены Матроны и Капитолины.

Пу́стынь Параклита (осн. 1861 г.)
Скит начался с 1843 г.
Рож. Преп. Сергия 1314-й:
Верещал (младенец в утробе).

25 Января. Лебедками и полиспастами повернули Царя так, что выломанная часть пришлась вверх. Это для того, чтобы Годунов угодил как раз в этот вылом и Царь разломился.

Жгун определенно сказал, что Лебедок и с ним еще два сторонние колокола остаются.

Явились в Сергиев цыгане с медведями, я позвал их к себе и завтра буду фотографировать в лесу.

1) Следы медведя.

2) Медведь удирает в лес, цыган бежит за ним: следы медведя и рядом цыгана.

3) М<едведь> вылезает из берлоги (между елками голова, осыпанная снегом).

4) Спит (берлога на виду).

Случай забылся. Охотники на лисиц с флажками. Увидели медвежий след.

5) Изобразить самостоятельное поведение в лесу убежавшего медведя: попробует лезть на дерево, катается и проч.

Обрехт

Есть люди неизвестного для меня назначения, и мне даже никогда в голову не придет посмотреть на них со стороны, взвесить, определить их удельный вес. Случайно они встретились, как-то пришлись ко дню, и так пошла складываться бездушная привычка отношений. Такой у меня князь, таким (в малой степени) становится Пендрие, возможно и Обрехт войдет в ту полосу. Такой страшный охотничий враль, что у иных является вопрос, не тот ли этот самый Обрехт, которого очень давно съела пантера в Пиринеях. Тот был совершенно такой же, а что его съела пантера, то это он сам наврал о себе, люди подхватили: съела и съела. На самом же деле он и в Пиренеях-то никогда не бывал, *<2 нрзб.>* сидел в Сергиеве и придумывал диковины из собственной жизни.

Лесничий Обрехт это Обрехт тот самый, которого ягуар съел в Пиренеях. Вышло это, как обыкновенно бывает: врал охотник о своих похождениях в Пиренеях, хотя никогда там не бывал, и наврал очень странную встречу с ягуаром, хотя никаких ягуаров в Пиренеях никогда не было. Интересную историю передавали из уст в уста, переврали в том смысле, что ягуар съел охотника Обрехта. Совершив свой круг, легенда о гибели Обрехта явилась на местожительство живого Обрехта, первого сказителя о себе самом.

Так случилось, что в одном городе Сергиеве жили были два Обрехта, один живой лесничий, милый парень, любитель выпить на охоте, поврать и другой Обрехт, которого съел ягуар в Пиренеях. Трудно мне было, когда я исследовал историю до конца: каждого я хотел убедить в истине, что Обрехт один, и каждый спрашивал меня: «Как это может быть, если одного съел ягуар в Пиренеях, а дру-

гой служит в <*1 нрзб.*> лесничества?» И каждому я должен был рассказывать очень скучную историю о том, что никогда не было на свете второго Обрехта и никогда в Пиренеях не водились ягуары. Дело дошло до самого Обрехта, и вот случилось тут для меня самое скверное: Обрехт, наврав под пьяную руку о ягуарах, через несколько лет сам совершенно забыл о своем рассказе, сам, читая в детских книжках историю с ягуарами, дивился ей. Он высмеял все мое исследование, и я стал посмешищем города.

Читал Павловне из жития пр. Сергия проф. Голубинского, что младенец в среду и пятницу, постные дни, не сосал грудь матери. Она возмутилась и так стала издеваться над Св. Писанием, что у меня мелькнула мысль о ее полной православной дикости.

26 Января. В 10 у. по моей просьбе вчерашний на площади явился ко мне цыган (молдаванин) Скакунов с медведицей Марьей Петровной («Маса»). Ей 4 $^1/_2$ года. Другая медведица с медведем остались работать на площади, ту звать Тамара Владимировна, ей 8 лет, а весу всего 1 п. 16 ф. По сообщению Скакунова существуют совсем маленькие медведи, как собаки, это «муравейники», медведи более крупные — овсяники и самые большие — стервятники. Все это неверно, но так въелось в народное сознание, что приходится считаться. «Маса» выросла будто бы в семье Скакунова и происходит от Тамары и стервятника (большая). «Маса» ест 25 ф. хлеба в день.

Патент на «представление с медведями» в гор. Сергиеве. Скакунов — цирковой человек (и фамилия же!). Поход с медведями из Москвы (в Москве у Скакунова семья в 7 челов.) по деревням через Владимир в Нижний. Невероятные трудности (ночлег, доставание хлеба). Тяжкое такое время, и так везде одинаково. И все-таки можно, благодаря огромному успеху таких представлений.

Редко приходилось чувствовать так остро скорбь от разорения земли, как при рассказе об этом увеселительном походе с медведями. И когда мы поставили так во-

прос: «Что если бы разрешить торговлю, явились бы у нас теперь продукты?» и после нашего собственного ответа: «Да, конечно, явились бы» и нового быстрого вопроса: «Но почему же они могут?» Скакунов ответил: «Потому что у них есть связь и они доверяют друг другу». Это значило, что они обладают кредитом и могут торговать без денег. В этом и есть секрет их успеха.

«Маса» в лесу. Игра с елкой, нельзя пустить только потому, что залезет на дерево, а оттуда не достанешь. Закусы. Игра с чучелом. Лизание снега. Сидячее положение. Почему на задних лапах пальцы обратно нашим (большой палец наружу). Мальчишки. Веревку дали Карасевы. Оборвалась. Сердитый глаз. Выражение скуки голосом. Бунт. А вообще в лесу: «Маса дома».

К вечеру у Карасевых (соседей) произошел страшный разгром. Человек только что выстроил дом, и вдруг все имущество описывается, дом отбирается, а сам всей семьей пожалуйте в какую-то другую губернию. Это его как бывшего торговца. Сына его Жоржа я описал в рассказе «Клубника». По-видимому, это начало разгрома купцов и лишенцев. Это будет страшней, чем когда-то помещиков. Во-первых, тогда думали все, что без помещиков жить можно, во-вторых, была мечта о будущем. Ныне все уверены, что без купцов никак не проживешь и что в будущем непременно голод.

Цыган сказал: «Сперва будут загонять в коллектив, а потом выгонять: доставайте, как можете».

Смешанное. Плохо у нас, много хуже, чем у птиц, там птицы мирные и хищники так резко отличаются, издали видно, где ястреб летит, какой голубь сидит наверху дерева, у нас все смешано, и хищники-люди, домогатели власти вид имеют совершенно такой же, как и мирные люди.

27 Января. Так и продолжается время, день в день как в зеркало смотрятся. Я не помню другой такой сиротской зимы, всего один солнечный день простоял и эта неделя со дня солнцеворота.

На сегодня обещают бросить Годунова.

А может быть, иногда человек умирает только затем, чтобы явиться назад с другим поручением, в образе грозного мстителя? Умирая, он оставил записку: «Не хватает больше в душе любви. Позором считаю жить среди вас, ухожу, но помните и ждите с трепетом: я приду вас наказывать!»

Погром. Когда бьют без разбора правых и виноватых, и вообще всякие меры и даже закон, совершенно пренебрегающий человеческой личностью, носят характер погрома. Ужас погрома — это гибель «ни за что, ни про что» (за грехи предков). «Грабь награбленное» — это погром. И так, наверное, всегда погром является непременным слугой революции и возможно представить себе, что погром иногда становится на место революции.

Нынешний погром торгового класса ничем не отличается от еврейского погрома и может кончиться еврейским погромом в собственном смысле слова, потому что евреи были торговцами с древнейших времен. Говорят, будто из Москвы начали высылать множество евреев...

Удались снимки медведя. Идея моя ввести в действительный зимний лес игрушку оказалась блестящей. Если не попаду в погромную полосу и не пропаду, оставлю после себя замечательную детскую книжку, мое слово любви, может быть, в оправдание всей жизни, может быть, так без всего: удалось и «ша!» (... и точка!) (раз-два и в дамки).

На Красюковке в Сергиеве, который на днях получил новое имя «Загорск» в честь местного партийца Загорского, до сих пор живет бывший голова города Москвы, бывший князь Владимир Михайлович Голицын. Он большой знаток французского языка и теперь переводит написанные на труднейшем старинном французском юмористические рассказы Бальзака. Его можно видеть часто сидящим на лавочке возле бедного домика в беседе с детьми, которых он знает по улице всех по именам.

Старец, сохранивший во всей свежести свою память, охотно погружается с вами во времена стародавние. Он

рассказывает о своей встрече с царем Николаем Первым в детстве, с екатерининскими вельможами. Он живо передает свои впечатления от тронной речи Наполеона III, и неудачливый император, фронтовой кавалерист и уродливый пехотинец с большим туловищем на коротеньких ногах встает как живой перед глазами. Встреча с бароном Геккереном, убийцей Пушкина. А учителем по русскому языку у Владимира Михайловича был сам Шевырев. Случалось не раз, когда Владимир Михайлович рассказывал о своих встречах с екатерининскими вельможами, колонны пионеров барабанным боем прерывали наш разговор, и я уносился воображением во времена еще более давние, потому что, связав в себе живые свидетельства остатком екатерининского быта с <*2 нрзб.*> нынешнего, я становился как бы хозяином очень отдаленных времен.

Мощи преп. Сергия, открытые ныне для всех в музее местного края... (Начало Сергиева).

28 Января. Падение Годунова (1600 — 1930) в 11 у.

Спортивное чувство — это непременно оптимистическое, и даже если находишься около порога смерти. Даже в религиозных исканиях есть спорт, помню, Мережковский чисто в спортивном восторге кому-то доказывал, что его Христос выше... (а сектанты?) а Георгий Чулков? Чулков — настоящий религио-спортсмен.

А то, верно, что Царь, Годунов и Карнаухий висели рядом и были разбиты падением одного на другой. Так и русское государство было разбито раздором. Некоторые утешают себя тем, что сложится лучшее. Это все равно, что говорить о старинном колоколе, отлитом Годуновым, что из расплавленных кусков его бронзы будут отлиты колхозные машины и красивые статуи Ленина и Сталина...

<На полях:> *Хороша зависть, когда остается уверенность, что придет время, и у меня будет еще лучше. Но что хорошего в зависти, если времени нет, вышло — так нет — секунда успеха никогда не вернется. Так было у нас в спорте фотографирования падающего колокола, отлитого при Годунове.*

Сначала одна старуха поднялась к моему окну, вероятно какая-нибудь родственница сторожа. Напрасно говорил я ей, что опасно, что старому человеку незачем и смотреть на это. Она осталась, потому что такая бессмысленная старуха должна быть при всякой смерти, человека, все равно как колокола... К ней присоединились еще какие-то женщины, сам сторож, дети прямо с салазками, и началось у них то знакомое всем нам обрядовое ожидание, как на Пасхе ночью первого удара колокола, приезда архиерея или...

О Царе старуха сказала:

— Большой-то как лёгко шел!

— Легко, а земля все-таки дрогнула.

— Ну, не без того, ведь четыре тысячи пудов. Штукатурка посыпалась, как упал, а пошел, как лёгко, как хорошо!

Совершенно так же говорила старуха о большом колоколе как о покойнике каком-нибудь: Иван-то Митрофаныч, как хорошо лежит!

Потом о Карнаухом:

— Вот вижу: идет, идет, идет, идет — бах! и нет его, совсем ничего нет, и только бегут по белому снегу черные осколки его как мыши.

Послышалось пение, это шел для охраны отряд новобранцев, вошел и стал возле Троицкого собора с пением:

— Умрем за это!

Рабочие спустились с колокольни к лебедкам. У дверей расставились кое-что понимающие сотрудники музея. Когда лебедки загремели, кто-то из них сказал!

— Гремит, и, видно, не поддается...

— Еще бы, — ответил другой, — ведь это XVI-й век тащат.

— Долго что-то, — вздохнула старуха, — вот тоже Карнаухого часа два дожидались. Хорошо, лёгко большой шел: не успели стать, глядим, идет, как паровоз.

Показался рабочий и стал смазывать жиром рельсы.

— Бараньим салом подмазывает!

— В каждом деле так, не подмажешь, не пойдет.

— Да, большой-то летел и как здорово!

— Будут ли опять делать?

— Колокол?

— Нет, какие колокола, что уж! Я про ступеньки на колокольне говорю разбитые, будут ли их делать.

— Ступеньки... на что их!

— Ах, как легко шел, большой. Жалко мне. Работали, старались.

С насмешкой кто-то ответил:

— И тут стараются, и тут работают. После нас опять перерабатывать будут, а после них опять, так жизнь идет.

— Жизнь, конечно, идет, только дедушки и бабушки внучкам рассказывают, вот и мы им расскажем, какие мы колокола видели.

— А миллионы! Мы людей видели, у которых миллионы в руках были, а у нынешних пятерки, да десятки.

<На полях:> *Друг мой, какие это пустяки, не в том дело, что его при Годунове отливали, многие из нас самих начало своей дух. организации получили при Годунове, — каком Годунове! Через творения эллинов от Эллады, и от Египта, и кровь наша* <5 нрзб.> *рекой бежит от первобытного человека.*

Многие из нас тоже колокола очень звучные и в падении колоколов...

Мотив утомительно нудно повторяющийся: сколько пудов и как поднимали и вспоминали о тех колоколах, которые упали.

После некоторого перерыва в работе, когда все как бы замерло и время остановилось, из двери колокольни вышел Жгун с портфелем, и за ним все рабочие. На колокольне остался один Лева-фотограф. Жгун с рабочими отдалился к толпе, дал сигнал, лебедки загремели, тросы натянулись и вдруг упали вниз: это значило, колокол стронулся и пошел сам.

— Сейчас покажется! — сказали сзади меня.

— Ах!

Показался. И так тихо, так неохотно шел, как-то подозрительно. За ним, сгорая, дымилась на рельсах подмазка. Щелкнув затвором в момент, когда он, потеряв под собой рельсы, стал наклоняться, я, предохраняя себя от оскол-

ков, откинулся за косяк окна. Гул был могучий и продолжительный. После того картина внизу явилась, как и раньше: по-прежнему лежал подбитый Царь, и только по огромному куску, пудов в триста, шагах в 15-ти от Царя, можно было догадаться, что это от Годунова, который разбился в куски.

Большой дал новую трещину. Пытались разломать его блоками и полиспастом, но ничего не вышло...

Так окончил жизнь свою в 330 лет печальный колокол, звук которого в посаде привыкли соединять с несчастьем, смертью и т. п. По словам Попова, это сложилось из того, что 1-го Мая служились панихиды по Годуновым и, конечно, звонили в этот колокол.

<На полях:> *Подмазка дымилась.*

29 Января. Проскочил морозный и ярко солнечный день, второй после солнечной недели (солнцеворот).

Мы отправились снять все, что осталось на колокольне.

Рабочие лебедками поднимали язык большого колокола и с высоты бросали его на Царя. Стопудовый язык отскакивал, как мячик. Подводы напрасно ждали обломков.

В следующем ярусе после него, заваленного бревнами и обрывками тросов, где висели некогда Царь, Карнаухий и Годунов, мы с радостью увидели много колоколов, это были все те, о которых говорили: останется тысяча пудов.

Это был, прежде всего, славословный колокол Лебедь (Лебедок), висящий посередине, и часть «зазвонных колоколов». В западном пролете оставался один колокол (из четырех). Можно надеяться, что это остался знаменитый «чудотворцев колокол», отлитый игуменом Никоном в 1420 году. В северном пролете оставались два, один из них царя Алексея Михайловича.

С большим трудом мы сняли верхние возы. В морозный день безветреный дым из труб белый сложился как небо и многое закрывал, но все-таки на площади виднелось правильное колечко, о котором не сразу мы догадались, что сложилось оно из людей, смотрящих на представление Скакунова с медведями.

Нужно воспитание, чтобы молодежь уважала и любила священников, в естественном состоянии она не любит ни Бога, ни попов. Отсюда успех антирелигиозной пропаганды.

Тимофей рассказывал, как у них в Бобошино приезжали уговорщики, 6 человек. «Добровольно?» — спрашивали их. «Мы, — говорят — никого не насилуем». А когда за коллектив поднялось только 5 рук, сказали: «Ну, мы еще приедем и посильнее нажмем. У вас и постричь надо».

«Постричь» — значит, разорить более состоятельных, признав их за кулаков.

Мужики вообще привычные к войне, к стихийным бедствиям и готовы бы и в коллектив идти, но удерживает что: удерживает страх перед тем, что корову, лошадь отдашь, сарай отдашь на общий сарай, а потом, глядишь, все не состоит и вернешься назад ни к чему, по миру ходить, и мира не будет...

Правда, страшно до жути. Хотя и мелочи тоже ужасны, например, молоко от коровы: доили корову, ребятишек кормили, а тут корова пошла в коллектив, и молоко твое увезут на продажу, а если тебе надо, свое же молоко купи.

Везде на улицах только и разговору, что о коллективе. В Доме крестьянина за чаем вдруг женщина ни с того ни с сего разревелась. «Что ты?» — спрашивают. Баба отвечает: «Перегоняют в коллектив, завтра ведем корову и лошадь...»

Некрещеная Русь.

Сколько размножилось безжалостных людей, выполняющих тяжкие госуд<арственные> обязанности по Чеке, Фиску, коллективизации мужиков и т. п. Разве думать только, что все это молодежь, поживет, посмотрит и помягчеет...

30 Января. Как удивительно вчера сошлись обе мои темы: 1) революционное разрушение святынь несчастнейшего народа и 2) медвежье — игрушечное: с высоты колокольни мы разглядели колечко народа, окружающего представление Марии Петровны.

И после тоже так, когда мы спустились, посмотрели на разрушение колокола балдою посредством лебедок и ручной работой гирями, так было приятно войти в круг представления с медведями и видеть, как медведица Мария Петровна после слов цыгана: «Ну, покажи, как ты со мной ночью говоришь», — она целовала его в щеку и облизывала лицо языком.

Сегодня утро открылось сильнейшей метелью, а князь поехал вчера на зайцев, хорош будет! После обеда явилось солнце, и к вечеру начало сильно морозить.

Мишка
Индустриализация медведей

Давайте (в Мишку играть), будто все началось в Москве на Тверском бульваре № 8, в квартире изобретателя Ивана Ивановича Острого. Долго думал Острый, как бы сделать ему, пустить в ход небольшого медведя из тряпок. Только через три года Острый надумал, распорол своему Мишке брюхо, вставил туда электрическую батарею <*6 нрзб.*>... Миша ведь побежал, но бессмысленно: тыкается в стенку и больше ничего. Еще три года думал Острый и, наконец, хорошо зарядив батарею электричеством, вставил в голову Мишки пружину из неизвестного металла.

Острый, храня тайну металла пружины, так рассуждал:

— Если дело выйдет, медведь пойдет сознательно, и все будут знать, каждому захочется своему детскому медведю вставить пружину. Тогда явится множество медведей, и, кто знает, с чего они начнут. Что если они поведут себя по-медвежьему и начнут бросаться на стадо. Правда, они маленькие, <*1 нрзб.*>, но будучи электрическими, сознательными, они организуются и тогда наделают беды куда больше, чем просто дикие медведи.

— Погожу открывать тайну пружины, — сказал Острый, выпуская из рук сотворенного им медведя.

Пока Острый это говорил. Мишка с пружинкой, сделанной в голове, не думал...

Не успел изобретатель глазом моргнуть, Мишка с пола прыгнул на лавку, где лежали дорогие стеклянные приборы для электричества.

— Не надо по лавке! — сказал Острый.

Мишка, валяя лампочки и колбы, прыгнул к форточке.

Он испугался, что Мишка бросится в форточку и разобьется, и закричал ему:

— Не ходи по лавке, не гляди в окно!

А Мишка прыг в форточку и на подоконник, и по карнизу до водосточной трубы, и по трубе, и на забор.

Сердце у Ивана Ивановича было очень больным, доктора давно и строго запретили ему волноваться. Увидев созданного им сознательного медведя, Острый забыл доктора, начал страшно волноваться, сердце не выдержало, и он скоро и тихо скончался среди своих близких, из предосторожности не раскрыв даже своим милым родным тайну пружинки медвежьего сознания.

Индустриализация медведей

Мишку мы все знали, какой он хороший, это любимая всеми детьми игрушка. Получив в голову пружинку, Мишка оставался таким же хорошим, только ему невыносимо стало лежать и дожидаться, когда начнут с ним играть. Невыносимо ему тоже стало думать, что вот он единственный из всех диких и детских медведей имеет в голове пружину сознания, а все остальные лежат и в ус не дуют.

31 Января. –28 градусов С. Солнце. До обеда снимал в лесу игрушку «Мишка идет по медвежьему следу».

Жгун с сокрушением рассказывал Леве о своем промахе: он доложил о трудности снятия Лебедя, и тут оказалось: Лебедь один из древнейших колоколов, и его решили сохранить. «Надо было кокнуть его на колокольне, — сказал Жгун, — а потом и докладывать».

Вот такие они все техники. Такой же и Тиайн, и Лева таким же был бы, если бы не мое влияние, и я, не будь у меня таланта.

Все колокольные рабочие антисемиты то ли потому, что эта работа самая тяжелая и рискованная, а евреи все любят легкую работу, то ли по особому влиянию православных колоколов на рабочих...

Вышло это, может быть, и просто из добродушия, из привычной готовности при всякой трагедии думать: «авось, все как-нибудь благополучно пройдет». Так и теперь он подумал о воинствующих безбожниках, что во многом и они правы... например, конечно, не было, как это описывается в житии пр. Сергия, чуда извлечения воды реки Кончуры...

И он решил прочесть доклад «о мнимом чуде». Потратив несколько лет жизни, чтобы доказать о естественном происхождении речки, он теперь прочел доклад. Он был потрясен, когда ему сказали, что труд его напрасный; все и так без всяких доказательств знают, что на свете все происходит естественно.

1 Февраля. День солнечный, но не такой, как вчера: сегодня солнце в дымке, –29 °С, вечером снег.

Перемученные люди начинают создавать легенды. Вчера слышал, будто английский посол срочно выехал из Москвы. Сегодня говорят, будто англичане заняли Соловки. Это подходит предвесеннее время с непременной болезненно острой надеждой на перемену. В нынешнем году, конечно, материалу для таких легенд безмерно больше.

2 Февраля. Продали Жданку за 400 р. и купили Червонку за 150.

Коровы очень дешевы, от 150 р. — 350 р., потому что двух держать боятся и продают обыкновенно совхозам, колониям, которым резать коров можно. Вообще это мясо, которое теперь едят — это мясо, так сказать, деградационное, это поедание основного капитала страны.

3 Февраля. Мороз и ветер. Дома сидел.

Трагедия с колоколом потому трагедия, что очень все близко к самому человеку: правда, колокол, хотя бы Году-

нов, был как бы личным явлением меди, то была просто медь, масса, а то вот эта масса представлена формой звучащей, скажем прямо, личностью, единственным в мире колоколом Годуновым, ныне обратно возвращенной в природный сплав. Но и то бы ничего, — это есть в мире, бывает даже цивилизованные народы сплавляются. Страшно в этом некое принципиальное равнодушие к форме личного бытия: служила медь колоколам, а теперь потребовалось — и будет подшипником. И самое страшное, когда переведешь на себя: «Ты, скажут, писатель Пришвин, сказками занимаешься, приказываем тебе писать о колхозах».

Шесть или семь лет бессловесный Мишка недаром лежал в мастерской и детской Ивана Острого. Часто мастер беседовал с собой, или пел, или ругался, не думая о том, что Мишка все слушает. Правда, есть старые игрушки, с которыми мы долго жили, такие они милые, такие умные, вот только не говорят. И если бы им в голову попала пружинка сознания, то, конечно, они бы заговорили, как мы: ведь с нами же они дневали и ночевали долгие годы, все наше им передалось.

Шесть или семь лет бессловесный Мишка недаром лежал в мастерской Ивана Острого, и дети многосемейного Ивана Ивановича изо дня в день годами тоже не напрасно передавали ему свою любовь. Вот почему и случилось так, что когда пружинка сознания попала ему в голову, то это не было как у нас, когда мы начинали учиться с губ матери звукам, потом долгие годы воспитания, учения. Это все у Мишки накопилось в мастерской Острого, когда лежал годами и выслушивал его разговор с самим собой и товарищами. Тут он пополнялся всякими знаниями техническими и общественными, вплоть до управления домами, потому что Острый был управдом (Преддомкомом). В детской, как всякого Мишку, его очень любили и так же через это наполняли его любовью своей, как Острый наполнял электричеством свои конденсаторы, ему не хватало способности двигаться.

Вот почему, когда Мишке попала в голову пружинка, и он мог действовать сам от себя, то первое его движение

было выскочить через форточку на волю прямой жизни, чтобы пополнить ее скопленной в детской любовью и полученными в мастерской знаниями.

4 Февраля. Мороз с легким ветром, но в лесу все-таки можно было фотографировать. Опыты съемки теней деревьев на снегу.

Лида вдруг ушла. Попало что-то в голову, ушла и не простилась. Вспоминается обратное, Маня из большевистской деревни, корненожка — зато и пошла к страдающим людям и теперь живет где-то у лишенцев.

5 Февраля. Морозная буря (20° с бурей) ужас!

Привезли Зоино приданое. С вещами ее прибыл Спас и Владимирская Божия Матерь (неугасимая лампада из рода в род 600 лет) — 600 лет огонек переходил из рук в руки... и теперь, в наше время не гаснет.

6 Февраля. Метель обыкновенная, сверху, хорошая зимняя. Страшна метель снизу при сильном морозе и полном солнечном свете (как вчера).

Второй день кулаки перевозят Зоино приданое. Павловна зажгла перед Владимирской неугасимую. В доме рояль появился.

Размножение людей возможно и без прогресса (Китай), но прогресс (цивилизация) прямое следствие размножения. Вероятно, и рост государств с техникой, капитализмом понять яснее всего можно, узнавая в том или другом явлении родовую причину. И «чем все кончится» скорей всего догадаешься, вдумываясь в жизнь праотца Авраама...

Кулаки. Долго не понимал значения ожесточенной травли «кулаков» и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила все их достояние. Теперь только ясно понял причину злости: все они даровитые люди и единственные организаторы пре-

жнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени. Все эти люди, достигая своего, не знали счета рабочим часам своего дня. И так работают все организаторы производства в стране. Ныне работают все по часам, а без часов, не помня живота своего, не за страх, а за совесть, только очень немногие.

В деревне настоящая всеобщая отрава, последнее разложение...

<На полях:> *Я, когда думаю теперь о кулаках, о титанической силе их жизненного гения, то большевик представляется мне не больше, как мой «Мишка» с пружинкой сознания в голове.*
(Чувство жизни).

Можно себе представить безбожника, который произносил бы речи в деревне, закрывал церкви, но раз, когда ночевал у старухи и, проснувшись, заметил, что «Неугасимая» погасла, зажег ее.

Два разоренных, обобранных попа, в чем были, в паническом страхе бежали из Александровского уезда. На станц. Берендеево они сошли с поезда, остриглись, переоделись в какое-то рубище и потом продолжили свой путь до Сергиева. Тут было раньше прибежище всем таким людям. Но теперь нет ничего, и уже имя свое Троица переменила. Теперь это Загорск.

Пустите волка — он в лес, ястреба — он в небеса, певчая птица найдет себе дерево, козел капусту, кошка — мышку. Так все устроено. И точно так же, тем же самым путем искусственный Мишка появился в городе, где большая часть жителей занимается изготовлением детских игрушек.

7 Февраля. Вернулась мягкая погода. Ходили с Левой в лаврскую баню. По пути видели остатки колоколов: несколько обломков Царя и тот большой, пудов в 300 кусок Годунова, который отлетел на 15 шагов. Встретился Пендрие. Ему приходит конец. Теперь уже не я питаю его, а он меня. Раньше ему всегда казалось так, что большевизм

пройдет, Россию займут иностранцы, и он по-прежнему будет зарабатывать в месяц 1000 руб. Много раз он ошибался в предвидении конца, но ошибку забывал, делал новое заключение и не сомневался. Теперь он говорит: «конец несомненный, но — кто знает? — что если и теперь я ошибаюсь?» Теперь, оказывается, нельзя ошибаться, потому что теперь, если ошибся, может выйти так, что там не кончится, а сам пропадешь. Как иностранный подданный он может уехать, но во Франции голому русско-французскому еврею может быть хуже будет, чем в России сторожем своего клада.

Университет, говорят, превращается в Политехникум, и это, «вообще говоря», вполне понятно: революция наша с самого начала не считалась с тогами ученых и так постепенно через 12 лет превратила науку в технику и ученую деятельность в спецслужбу. Было благо-го-ве-ни-е к науке даже и у попа Мишки Рождественского: занимался краеведением и стариной. Теперь поп Мишка Рождественский служит в Рудметаллтресте, занимается добыванием цветного металла из колоколов и больше не поп Мишка Рождественский, а тов. Октябрьский.

Я лично давным-давно расстался с научным «миросозерцанием», но сохранял уважение, и теперь сохраняю к аскетизму ученых и их независимости от влияния многоразбойной повседневной жизни. (Проходят многоразбойные дни текущего времени.) Несомненно, особенно у нас, корпорация ученых была определенной большой общественной и политической силой. Теперь она сломалась до основания, и ученые стали просто техниками.

И космос изъят из Академии. Давно пора! Спектральный анализ — почтенный метод для техника, но он именно противник космоса.

Что же принесет с собой новый молодой человек на ту сторону бездны, разделившей нас с мечтой о любви к ближнему по церковным заветам и милым гуманизмом науки?

Леонов, благополучный писатель, печатает в «Новом Мире» новый роман «Соть». Леонов — стилистическая

отрыжка эстетической эпохи девятисотых годов после первой революции. Испортил его, по-видимому, Воронский, соблазнив «Красной Новью».

Мишка

Пустишь волка — он в лес, певчая выпущенная птица садится на сучок первого дерева, козел спешит в огород за капустой. Так все устроено, каждый стремится к своему желанному делу и каждый на деле встречается с определенным свояком: волк с волком, певунья с певчими птичками, козлы с козлами. Сделанному по образу диких медведей, конечно, Мишке бы надо из мастерской броситься в лес к своему классу медведей. Но ведь он был не только простым медведем, он был почти тем самым, что в нашей жизни гениальный поэт: обыкновенный человек у нас много работает и очень немного шалит, а поэт, наоборот, очень много шалит и немного работает. Точно так же и Мишка был таким — очень немного медведь, а главное в нем была игрушка. И, конечно, как только он почуял охоту двигаться, думать и приносить пользу, он прежде всего бросился к своему классу, в мир близких ему игрушек. А игрушки, это всем известно, идут к нам от Троицы. Переменилось имя Троица на город Сергиев, и город Сергиев ныне переменился на Загорск. Но игрушки, как помнишь, в давнее время у Троицы, так и теперь продолжают создаваться в Загорске. Мишка ночью прибыл в Загтрест и, пользуясь *<2 нрзб.>* лунного света, незаметно пробрался в лавру, где раньше жил монах, а теперь находится дворец игрушки. У дверей в музей он лег на снегу и вообще сделал такой вид, будто его несли и уронили. Расчет его оказался верным. Утром ученый сотрудник музея поднял его, вошел в музей и стал расспрашивать других сотрудников, они...

Случилось так, что...

8 Февраля. Командировать Леву в КУБУ (Заявление в Райфо о понижении ставки).

В понедельник в Москву и Питер.

Непокорные колокола (Истор. Вестник, 1880, т. II, ст. 796).

Битва под Нарвой (1700 г.). В 1701 г. неслыханная мера — $^1/_4$ часть колоколов отобрать. В конце 1701 г. было добыто 8000 пуд. меди.

9 Февраля. Зоя приехала. Вечер у нас. Икона под окладом — светится, снять оклад — икона годится только в музей.

10 Февраля. Сборы в Питер. Сходить сегодня к Пендрие с Левой — заказать бак. Приготовить рукопись «Каляевка». Рукопись и фото Мишки.

11 Февраля. Мороз подбирается к −40°.

Собираюсь в Питер.

Уехал.

18 Февраля. Приехал.

В среду из Москвы в Питер, в понедельник в Москву.

Воронскому снова хорошо, потому что он ограничивает себя литературой. «А как вам было, — спросил я, — когда вы служили? — Там очень отвлеченно, — ответил он, — не по мне...» А может быть, это у него природный семинарский оптимизм, культивированный литературно-политической богемой? Интересно его замечание, что ГПУ собрало в себя все талантливое; причина этому, во-первых, что оно бесконтрольное.

Алеша Толстой, предвидя события, устраивается: собирается ехать в колхозы, берет квартиру в коллективе и т. п. Вслед за ним и Шишков. Замятин дергается... Петров-Водкин болеет... Чтение «Погорельщины». Некий Лев... Куклин. Шаг в «Октябрь». Устройство «Мишки».

19 <Февраля>. Лева болен ангиной, ходил к нему в больницу и подивился на Екатерину Семеновну: нет никого на земле серее ее, такая некрасивая, маленькая, неразвитая, с неподвижным умом, и какой герой она в больни-

це! Замечательно, что она, такая великая человеколюбка, религию считает обманом и церковь ненавидит без всякого раздумья даже, считая мошенничеством. Оно так наверно и должно казаться всякому, кто поглощен спасением жизни. Меня поразил этот источник безбожия...

21 Февраля. Все поплыло в весенних лучах. Вот уж денек! Писатели собираются и валом валят смотреть на посевную кампанию, как в былое время валом валили на войну. И ни одной подлинной книги никто не написал о войне до сих пор! Вероятно, главная причина этому даже и не гнет цензуры, а просто, что фронт событий так велик, что писателю невозможно осмотреть его весь и описывать в частном явлении общее дело.

Скажем попросту, что при наблюдении и описании таких событий, как война или как нынешняя посевная кампания, задача писателя в каждом частном явлении всего огромного фронта представить как общее дело. Но весь фронт осмотреть невозможно, потому частное заслоняет общее и, вероятно, потому все мы, корреспонденты всякой войны, потерпели неудачу: у нас нет о войне ни одной подлинно хорошей книги.

Теперь на посевной фронт все валят совершенно так же, как валили когда-то мы на войну. Два часа, проведенные мною в издательстве, прошли... что делу время, потехе час. Литература в известном смысле, конечно, потеха. Федерация дала мне в руки несколько документов в таком роде очень смешных: напр., один молодой человек, написавший единственный рассказ, не застав редактора, оставил записку ему, что он завтра едет на посев и просит изготовить договор и деньги... И сколько таких!

Ошибка нашей молодежи во время войны была, я теперь хорошо понимаю, в том, что мы стремились туда, где не пишут, а только делают и, как писатели, попадали в постыдное положение бездействующих наблюдателей. Некоторые из нас, понимая это, делались санитарами. Но этот подлог кончился наказанием: надо было не ехать, а жить своей обыкновенной жизнью и записывать, как

обыкновенная жизнь изменяется в связи с событиями и успехами фронта. Сейчас посев возьму для примера, в Москве на Конной, мне рассказывали, в один из конских базаров, после торга случилось, что осталось три лошади без хозяев. Такого факта на Конной никогда не бывало и, если его анализировать, то я уверен, что события в глубине страны предстанут гораздо более выгоднее для литератора, чем если он поедет туда и после больших хлопот и ссор за помещение попадет на место действия и будет смотреть в упор...

Я это говорю в виде предупреждения, но никак не для того чтобы оставить события и сидеть дома. Нет, пусть едут, но побольше думают о деле, чем о себе. Надо бы немного подготовить себя, и цель моя обратить внимание всех на одну очень полезную и забытую книгу[1].

<На полях:> *В частных разрозненных явлениях уметь выслушивать ритм общего дела, — вот необходимое условие создания великих художественных произведений. Но как можно, сидя в окопе простым солдатом, видеть ход общего дела на фронте в тысячу верст. Вот почему, несмотря на массовое устремление писателей на войну, до сих пор не только великой, но и средней книги о ней не написано. А еще причина: что делу время, потехе — час. Литература в известном смысле, конечно, потеха.*

22 Февраля. У Левы осложнение в ухе.

Классовый подход к умирающим (в больнице выбрасывают трех больных, разъясненных лишенцами).

Каждый день нарастает народный стон.

Память отшибло

В какой-то деревне (рассказывала Марья-о-го-го!) две вдовы не согласились идти в колхоз и, конечно, как ведь говорится, что насилия нет, по их требованию выслали землемера нарезать им землю, двум особенно. Этот землемер был известный всем, потому что ездил везде с ударной бригадой и уговаривал мужиков идти в коллективы.

[1] Речь идет о книге Александра Николаевича Энгельгардта «Письма из деревни». — *Ред.*

Случилась, когда этот землемер нарезал вдовам землю, оттепель, где-то на льду поскользнулся, упал навзничь и затылком пришелся об лед. Вдовы помогли ему подняться, а он, как оправился, и говорит им:

— Вот, милые вдовушки, только вы две во всей деревне оказались людьми и не пошли в коллектив, умные вы и хорошие, а они все бараны.

Вдовы это поняли так, что землемеру при ударе затылком об лед память отшибло, и он сразу все выученное забыл и стал, каким был. Дивный этот случай обращения землемера — от человека к человеку потихоньку обошел весь край.

<На полях:> *Об ударниках всюду теперь пошли легенды в том роде например, что вот-де говорили, говорили — уговорили мужиков, но один ударник вышел до ветру и там одному мужику сказал: «Стойте на своем до последнего, нас не слушайте, мы тоже за вас, да нам нельзя, мы не сами говорим».*

От хорошей жизни.

Рассказывал на базаре садовник, будто два мужика легли под машину и оставили после себя записку: «В смерти своей никого не виним, уходим от хорошей жизни».

24 Февраля. Заключил договор с Федерацией о книге рассказов (взял вперед 625 руб.).

В Октябре: рукопись увез Фадеев, ответ через 4 дня.

Познакомил Зою с Дунечкой.

По дороге разговор со Свириным.

Окрмолокосоюз. Шел я вечером по Петровке, думаю о своем, ничего не вижу и вдруг очнулся: я стоял у витрины магазина Окружного молочного союза. Десятки сильных электроламп заливали светом пустые прилавки, огромные раскрытые цинковые баки, предназначенные для хранения масла и тоже пустые. Совсем ничего не было в пустом магазине, только кое-где желтелись и красовались головки деревянных бутафорских сыров. А посередине магазина был столик какой-то, совсем чужой этому молочному магазину, у этого столика, согнувшись, какой-то

человек резал алмазом стекло, резал и отламывал, а другой, вероятно, заведующий магазином, в хорошем пальто с каракулевой шалью, заложив руки в карманы, смотрел, как другой режет стекло, и видно было, что он очень скучал и проводил время: только бы шло!

Какая фантазия даст такой образ! В чем же дело? Значит, надо избегать пользоваться своей фантазией, легкой и несовершенной, а идти к самой жизни, которая и есть сущность фантазии.

Головы

На Неглинной у черного входа в Мосторг всегда стоят ломовики: одни привозят, другие увозят товары. В одной фуре малый, кем-то расстроенный, взлезал по каким-то невидимым мне товарам, вероятно, очень неустойчивым: то взлезет, то провалится, грозится кому-то кулаком и ругается матерным словом. Я заглянул в сучок боковой доски огромной фуры, чтобы увидеть, какие же это были неустойчивые товары, и увидел множество бронзовых голов Ленина, по которым рабочий взбирался наверх и проваливался. Это были те самые головы, которые стоят в каждом Волисполкоме, их отливают в Москве и тысячами рассылают по стране.

Выйдя на Кузнецкий, сжатый плотно толпой, я думал про себя: «В каком отношении живая голова Ленина находится к этим медно-болванным, что бы он подумал, если бы при жизни его пророческим видением предстала подвода с сотней медно-болванных его голов, по которым ходит рабочий и ругается на кого-то матерным словом».

Самых хороших людей недосчитываешься: честнейший человек в уезде, всеми уважаемый, описанный мною в «Журавлиной Родине» А. Н. Ремизов сидит в тюрьме. Академик Платонов, которого я слушал когда-то... И какая мразь идет на смену. Так создается новое время, и новые хорошие люди не будут как мы вверять себя: они будут знать, что вокруг них мразь, а свое упование будут

охранять в недоступных тайниках личности... Так сформируются сложные (европейские) люди, а наша Россия была очень проста.

Пендрие провалился со своей валютой и контрабандой — конец Пендрие! Говорит, между прочим, что у него крысы съели валюты на 2000 долларов. И в самом деле, принес бумажный ящичек от фотопластинок с остатками множества изъеденных долларов. Павловна думает, что в роду Пендрие в 4-м или 5-м поколении был волк, но теперь жалеет его.

***28 Февраля.* Масленица.**

В эту среду праздновали Зоины именины с блинами. Была Дунечка.

Начало романа.

Пожилые люди (как Дунечка), любя человека, вспоминают родных и знакомых в мельчайших подробностях с окончательными характеристиками личностей и оценкой поступков (вроде Суда). Иметь в виду, что в этом какая-то сила великая, вероятно, послужившая материалом для создания евхаристии (о здравии и за упокой). Поминают о здравии и за упокой не только в церквях, все люди близкие, сходясь между собой, время от времени, вспоминают родных и знакомых углубленно, как бы питаясь... Жизнь в этих воспоминаниях является уже преломленной сознанием и может быть отличным материалом для романа. Проходит рассказ (беседа) как сон, и вдруг современность врывается и начинается действие. Напр., если о революции, то беседу ветеранов революции, о сбросе колоколов — беседа со стариком Голицыным.

1 Марта. Сегодня в Москву для решения судьбы Петезои.

Федерация. Звонок в «Октябрь» и «Недра».

Сущность жизни, конечно, игра (фантазия, свобода), но чтобы жить играя, надо быть, как дети. Редкие могут быть, как дети, но смутно все этого хотят, повторяя лице-

мерно заповеди необходимости и долга. Когда же начинается революция, все вместо долга начинают игру, только будучи рабами, закончат игру эту в стенах долга и необходимости: вот почему и не бывало искусства во время революции.

«Что это: политическое руководство колхозом или политика его разложения и дискредитации. Я уже не говорю о тех, с позволения сказать, «революционерах», которые дело организации артели НАЧИНАЮТ со снятия колоколов. Снять колокола, — подумаешь, какая ррреволюционность!»

(Сталин. Извест. 2-го Марта 1930 г.)

2 Марта. Вчера было напечатано распоряжение о том, чтобы в средних школах не мучили детей лишенцев за их лишенство. Так резко выделялись эти строки среди человеконенавистнических, что все это заметили и все об этом говорили. К этому так странно прибавляли, что будто бы к 15 Марта хотят отменить пятидневку. В воздухе запахло поворотом: боги насытились кровью. И правда, сегодня напечатана статья Сталина «Головокружение от успехов», в которой он идет сам против себя. Едва ли когда-нибудь доходили политики до такого цинизма: правда, как на это смотреть, если я, напр., отдав приказ об уничтожении колоколов, через некоторое время, когда колокола будут разбиты, стал бы негодовать на тех, кто их разбивал.

В учреждениях, в редакциях, в магазинах сонно, пусто и как-то пыльно, везде остатки чего-то, хлам. Да, по-видимому, дальше идти некуда...

<На полях:> *Чернила купить. Письмо Разумнику.*

Зоя в анкете не могла обойти вопрос о лишенности прав и, по-видимому, должна курсы бросить.

Греческие черты в духовенстве: если хотите, то Зоя настоящая гречанка, а хотите — поповна.

3 Марта. Морозик пересидел (так понимаю положение после статьи Сталина).

Шалуны государственные постановили обработать общество перед раскулачиванием: эффекты сбрасывания колоколов, разгрома церквей, музеев. В ответ на эти шалости некоторые люди молились Богу! Так вот интересно располагаются типы тех и других (кошки и мышки).

Поражает наглая ложь. (Умные лгут, глупые верят.) Пишут, будто как коллективизация, так и раскулачивание происходили сами. Это совершенно то же самое, что в 18 г<оду> «грабь награбленное»: кто-то разрешил грабить, а потом грабеж сам пошел и стал народным. Такого рода «успехи» кружат голову. Кончается тем, что центральная власть отнимает «самость» у движения и винит во всем разгулявшихся товарищей (легкую кавалерию).

Баба, нанятая кооперативным магазином «Смычка» № 1, на улице в нагольном полушубке рубила лед. Другая баба подошла и спросила:

— Ты чего это?

— Чего... — ответила работница, — а ты чего?

— Я иду за капустой, не иду, да гонят.

— Ну и надо мной тоже стоят.

— Кто же над тобой стоит?

— А вон...

Баба показала на двух в пальто с барашковым воротником.

— Чего же они стоят?

— Известно чего, работать не умеют и стоят...

Лица в пальто был заведующий коопер. № 1 «Смычка» и его помощник. Баба разбивала лед от «Смычки».

— Что же они стоят?

— Работать не умеют и стоят, — ответила баба с ломом.

4 Марта. С неделю уже или больше настоящая весна. В городе испортилась дорога. Лошади мучаются.

5 Марта. Морозик пересидел.

В деревне сталинская статья «Головокружение», как бомба разорвалась. Оказалось, что принуждения нет —

вот что! Дом, корова, птица, огород не подлежат коллективизации! Гнули в три дуги. Председатель Кузнецов прямо говорил: «Вас надо стричь» (в Соловки высылать). Грозили прямо: «Не пойдете в коллектив, заморим: корки не дадим!» И вдруг нате: «У нас не полагается принуждения, изба, корова, огород не подлежат...»

В коммуне «Смена» долго крепились и молчали, потому что страшно сказать: выгонят — куда пойдешь? Но мужики все-таки дознались и вот как. Однажды женщина из колхоза ездила в Сергиев за бумагой: <*2 нрзб.*>, так вот бумага нужна. Едет эта женщина за бумагой. Идут три женщины еще тоже из коллектива и просятся подсадить. Та женщина отказала, а когда они хотели садиться сами, то дала им кнутом и уехала. А мужик сзади ехал и тех трех женщин подсадил. Так вот эти бабы ему и сказали: «Беда у нас в коллективе, что делается страсть сказать: коровы есть, молока не дают и резать нельзя, поехали к Калинину хлопотать о разрешении. А хлеб, только что родные принесут, то и едим. Даже и капусты нет. — Куда же капуста-то делась? — спросил мужик, — ведь я сам видел: огороды были хорошие. — Все за налоги пошло, — ответили женщины, — привезли им капусту рубленую соленую, они взяли ее да под пресс, выжали, а потом свешали».

Так вот и вас всех, — сказали женщины, — разными обещаниями и угрозами загонят в коллектив, а там, — как кислую капусту. Крепитесь до последнего, умирать будете — умирайте, да не соглашайтесь. А не выдержите, зажмут вас и выжмут, как капусту под прессом.

Длиннобородый рассказал с упоением, что уж он это знает сам: пять колхозов с воскресенья распались, это только вокруг него, а там по округу мало ли чего творится. Собрались где-то обсуждать устройство колхоза. Выходит человек с газетой в руках и говорит: я думал и понимал, в колхоз идти обязательно, а тут вот написано, что это по доброй воле. Ежели по доброй воле, то до свиданья, товарищи! И вышел, а за ним еще кто-то, и еще, да так ма-

ло-помалу без всяких слов все показали затылки, и стол остался пустой.

Еще рассказывал длиннобородый, что бедноту теперь за шею взяли, и нет человека, кто получил власть, в то время как был с бедняком, чтобы тому бедняку в шею не дал. Бедноту за шею взяли, а в некоторых приходах, как говорят, церкви открыли.

Конечно, — человек тот перегибал, но все-таки... Пахнуло первыми днями Февральской революции. Разве я лично страдал от царизма? Мне было хорошо, как и теперь неплохо, но война как прошлое с обидами, все это висело бременем, и, когда вышла революция и убрали царя, то, оказалось, с царем пало все бремя прошлого... И разве есть у меня счеты с бедняками, им так уж хочется попов и церковного звона. Нет, теперь было (да, уже было!) истязание народа во много раз хуже войны. И тоже, как в феврале, бремя спало: ух! Был обман великий тогда, стало много хуже, и теперь возможно будет плохо, но пусть... Старик свое чувство дал мне понять такими словами: «В Чистый понедельник объявили волю», — он хотел сказать, в грустный, потому что Чистый на Страстной, — а теперь в воскресенье, на один только день раньше. — «В Прощеный день, — сказал я». — «Да, да», — повеселел он. Простились.

Итак, это совершенно очень похоже во исполнение моей программы «через колхоз в совхоз», вторая часть «трилогии»: первая в колхоз с раскулачиванием, вторая окулачивание: беднота в совхоз, кулакам земля. Третья часть...

Неужели Сталина совершенно переварили, не пролив капли крови? Или это все впереди?

7 Марта. Потчевали Зоину родню с князем. Пете телеграмму: «Зою собираем ехать тебе совсем. Давно нет тебя писем отвечай, все ли благополучно.

Михаил Пришвин.»

Намечается образ Пендрие. Что если это французский шпион? Раскусили и уехал (а фотография?) Что если наши проморгали, а он отводил им глаза, как спекулянт? Его слова: я прошлым никогда не дорожу: прошло и кончено.

А в будущем я всегда вижу лазейку, чтобы ни было — я вижу (рассказывал с гордостью). Можно представить себе превосходного человека в личных отношениях и как отца, семьянина — все, все очень хорошо! и в то же время вокруг него смерть — он же всегда вывертывался, он бессмертен. Помнить свое первое впечатление.

Другой тип Иван Ив. Веденский, бывший начальник тюрьмы (наверно семинарист): доносчик... Веденский свой доносчик, ничтожного умственного кругозора. Пендрие — французский, с большим кругозором, но сущность, верно, одна.

Огород Ив. Ив. Веденского лежит на южном склоне до самого оврага, вверху у него огурцы, внизу по сырому овражьему месту капуста. По ту сторону оврага на северном склоне <*1 нрзб.*> домиками тоже везде с огородами. И все видят отчетливо, как растут огурцы и капуста у Веденского. Можно себе представить, что еще они видят, если Иван Иванович упорно держится китайских взглядов на способ восстановления производительных сил огородной земли...

Бывает, думается, что нынешнее безобразие было и при царе, только не было доступным зрению, т. е., тогда могли быть люди, которые и не догадывались о тайнах жизни, в особенности дети, юноши и девушки об этом ничего не знали.

Манифест Сталина вызвал бурю радости у мужиков, но интеллигенция расценила его как искусственный прием, сдерживающий прорыв гнилого нарыва. Черносотенцы недовольны, либералы равнодушны.

Теперь вслед за большевиками все понимают, думаю, что кончиться должно непременно войной: в течение 12 лет большевики заставили этому поверить. Весь вопрос, когда мы хлебнем эту, верно, уж и последнюю для нас чашу горя...

11 Марта. С некоторого времени интеллигенция разделилась, одни стали думать, как большевики пишут, что все кончится непременно войной; другие надеются

на медленный спуск вплоть до полного открытия границ капиталу. После манифеста Сталина это разделение стало особенно заметно, одни понимают манифест как уступку, за которой пойдут новые уступки, другие подозревают в этой уступке обход мужика: берут в обход.

Гамза (авантюрист) — антирелигиозник, выгнанный из директоров музея, пишет работу о Троице, в которой доказывает, что Троица есть явление чисто феодально-хозяйственного порядка. Вследствие нехватки денег для жизни в течение 3-х месяцев он предпринимает поездку к митроп. Сергию с целью уговорить его совершить турне по СССР с диспутом: «Митрополит Сергий и лектор Гамза...»

Весна воды

12 Марта. С неделю или больше это продолжалось, и все не верилось: слишком рано, тем более, что вот уже не помню сколько-то лет весна обманывала. Сегодня утром тает в тумане, невозможно не верить. Трубецкой слышал от многих, будто показались отдельные грачи.

Помню первый аэроплан в Петербурге, Мережковский видел в летчиках нового человека-птицу. В какой-то комиссии мы подбирали русское слово для пилота, и я предложил цирковое «полетчик». Потом стало летчик...

И вот прошло время, четверть века. Летают аэропланы, рычат, и люди не дают себе труда поднять голову — поискать его в небесах.

Я сказал Леве:

— Какая неприятная, злая вещь и как-то совсем чужая.

Лева на это:

— Но представь себе, что аэроплан у тебя свой, как фотоаппарат.

Пришлось подумать.

— Фотоаппарат, — говорю, — маленький, ему не завидуют, но аэроплан, если мой собственный полетит — мне да... мне было бы очень хорошо, если бы не совестно: я ведь наверно буду знать, что лечу один, что человек у

земли холодной, снежной, идет злой, у земли, разогретой солнцем, завистливый. Мне бы такое обладание не только не доставило радости, но лишило бы последнего счастья, доставляемого мне скромным трудом... Вот если бы о моем собственном аэроплане я мог бы сказать: это наша машина.

— Как железная дорога? — спросил Лева.

И тут мне опять пришлось задуматься, потому что на своем месте сидишь в вагоне и в то же время наша дорога: все едут. Но никогда не чувствуешь к железной дороге, к нашему, того, что к своему? Ответ: потому что эта дорога создавалась без моего личного участия.

Моспушторг.

Егоров:

— Зайдите... Некогда, говорите, убили лисицу. Зайдите, вышло... такое, 30 лет окладывал лисиц, и не было такого.

Я зашел. — Ну, что же? — Зайца обложил. (Обложили лисицу, стали затягивать, увидели выходной след — выругались! Пошли по следу, обложили и оказалось, — это заяц вышел из оклада, а лисица осталась на старом месте.)

После манифеста мало-помалу определяется положение: сразу вскочили цены на деревенские продукты, это значит, мужик стал продавать в пользу себя, а не распродавать ввиду коллективизации. И заметно многие перестали думать о войне, что, по всей вероятности, и более верно: не будет войны. Сколько же порезано скота, во что обошелся стране этот неверный шаг правительства, опыт срочной принудительной коллективизации. Говорят, в два года не восстановить. А в области культуры, разрушение всей 12-летней работы интеллигенции по сохранению памятников искусства?

14 Марта. Чуть подморозило. Пасмурно. Ветер. Зоя и мы с Павловной едем поздравить Дунечку.

Дела: с приезду ($^1/_2$ 12-го) Павловну с Зоей за «Лейкой». Я в «Федерацию», в «Октябрь».

Дунечка больна. (Справим ли еще именины?) Видел Маню Игнатову. Умер Анат. Алек. Александров.

15 Марта. Вернулась зима.

Второй манифест. Все злодейство этой зимы с государственной точки зрения названо «исправлением партлинии».

Вынос Александрова.

16 Марта. Валит снег.

А. Н. Тихонов (я говорю о нем, потому что он, Базаров — имя им легион) все неразумное в политике презрительно называет «головотяпством». Это слово употребляют вообще и все высшие коммунисты, когда им дают жизненные примеры их неправильной, жестокой политики. Помню, еще Каменев на мое донесение о повседневных преступлениях ответил спокойно, что у них в правительстве все разумно и гуманно. «Кто же виноват?» — спросил я. «Значит, народ такой», — ответил Каменев.

Теперь то же самое, все ужасающие преступления этой зимы относят не к руководителям политики, а к головотяпам. А такие люди, как Тихонов, Базаров, Горький еще отвлеченнее, чем правительство, их руки чисты не только от крови, но даже от большевистских портфелей... Для них, высших бар марксизма, головотяпами являются уже и Сталины... Их вера, опорный пункт — разум и наука. Эти филистеры и не подозревают, что именно они, загородившие свое сердце стенами марксистского «разума» и научной классовой борьбы, являются истинными виновниками «головотяпства».

Они презирают правительство, но сидят около него и другого ничего не желают. Вот Есенин повесился и тем спас многих поэтов: стали бояться их трогать. Предложи этим разумникам вместе сгореть, как в старину за веру горели русские люди. «За что же гореть? — спросят они, — все принципы у нас очень хорошие, желать больше нечего: разве сам по себе коллективизм плох или не нужна

стране индустриализация? Защита материнства, детства, бедноты — разве все это плохо? За что гореть?»

Вероятно, так было и в эпоху Никона: исправление богослужебных книг было вполне разумно, но в то же время под предлогом общего лика разумности происходила подмена внутреннего существа. Принципа, за который стоять, как и в наше время, не было — схватились за двуперстие и за это горели. Значит, не в принципе дело, а в том, что веры нет: интеллигенция уже погорела.

<На полях:> *Разум хорош, когда он идет в помощь вере, но когда он прикрывает равнодушие...*

В редакцию журнала «Октябрь».

Пересмотрев дома вещь, которую я Вам предложил, я убедился, что в «Октябре» ее печатать не стоит: это не октябрьская (небольшая) вещь.

Месяц тому назад я был свидетелем гибели редчайшего, даже единственного в мире музыкального инструмента — Растреллиевской колокольни: сбрасывались один на другой и разбивались величайшие в мире колокола Годуновской эпохи. Целесообразности не было никакой в смысле материальном: 8 тыс. пудов бронзы можно было набрать из обыкновенных колоколов. С точки зрения антирелигиозности поступок не может быть оправдан, потому что колокола на заре человеческой культуры служили не церкви, а общественности. И единственный в мире музыкальный инструмент — Растреллиевская колокольня могла бы служить делу социализма: на ней можно было играть 1-го мая революционные марши, и процессии рабочих под звуки революционных колоколов, единственных в мире, привлекли бы к делу социализма любопытное внимание иностранцев.

Я являюсь в религиозном отношении человеком совершенно свободным и разделяю вполне взгляд Перикла: чем больше богов, тем государство богаче. Я являюсь смертельным врагом того мрачного фанатизма, который, несомненно, живет в сердцах некоторых влиятельных членов партии и порождает те преступления относитель-

но живой жизни, которые post factum называют искривлением партлинии.

Я готов с эпиграфом Сталина «снять колокола — подумаешь, какая революционность!» написать новую «поэму с фотографиями». Я напишу ее с темпераментом и без малейшего лукавства.

Если мне будет дана возможность высказаться, не озираясь на «партлинию», то я готов удовлетвориться не только гонораром пролетарского писателя, а даже и вовсе отказаться от денег, если их мало в редакции.

Обсудите с товарищами мое предложение и напишите безоговорочно: да, или нет. Если да, я приступаю к работе, нет — буду продолжать писание своей книги для маленьких детей.

Похороны Анат. Алекс. Александрова.

Червонка огулялась (16-го Декабря отел.).

Едет папа Римский. Рассказывала Мария Виссарионовна, что будто бы стояла она у шлагбаума, в ожидании проезда поезда, мужиковские подводы прикапливались. И вот показывается дрезина, в кабинке человек.

— Это папа едет! — сказал мужик. Другой серьезно ответил:

— Ну нет, папа еще через неделю приедет.

Слова Конст. Леонтьева: если только мужики попадут в католичество, то за папу они всю либеральную Европу расплющат.

17 Марта. Мороз –15°. Сильный роскошный свет в снегах. Весь день фотографировал Мишку.

Первый раз в жизни открыл Америку. Шурик Филимонов рассказал мне, что похождения кота постоянно снимаются в кино методом мультипликации. Таким образом, вышло, что фотоаппарат привел меня к теме «Мишка» и выполнение задания фотографического привело в кино. В ближайшие дни надо там побывать.

Манифест и фельетон. Сталинский манифест «Головокружение» — пример всем литераторам, желающим

влиять на жизнь непосредственно: добейся государственной власти, а потом напиши не жалкий фельетон, а манифест.

18 Марта. До восхода –25°. Весна света сияет. С медведем хожу в снегах и такие вижу в лесах сказочные долины с голубыми тенями и через долину след лисицы — против солнца черный по белому, по солнцу белый по серому.

Что это, правда щелкнула белка орехом или мороз поиграл или так что-нибудь: мало ли что может в лесу... Но что же именно может быть, если не белка щелкнула и не мороз поиграл? Притаился где-нибудь человек? Нет, в снегах зимой после пороши птица-тетерка спускается погулять вокруг можжевельника, и то видно, зачем птица! мышонок пройдет, и то останется, бисерная ниточка на снегу, даже сухой лист скорченный упадет на снег и ветер погонит его, то от этого листа остаются тоже следы. Что же это, нет-нет и щелкает совершенно как если на очень хороший молодой зуб и крепкую челюсть орех попадет? Нет, беличьи следы с каждым часом слабеют, жарко идти, солнце жарит в лоб, пахнет солнцем, рубаха вся в поту, лыжи хорошо еще <*2 нрзб.*>. Нет, и не мороз. Я не знаю что, и так пусть останется. Я не знаю, но есть много такого в (самой?) природе, чего не знаем ...

19 Марта. Третий сияющий день весны света провожу в лесу и фотографирую Мишку.

Вышел я довольно рано, солнце еще косыми лучами освещало снежную поляну, и голубая тень на вчерашнем моем лыжном следу от неровной стенки лыжни показывалась мне то неровной стеной хвойного леса, то городом с башнями, зубчатыми стенами и фабричными трубами.

NB. Снять веточку ольхи, зонтик.

Высшая математика. Теория относительности:

Он постиг (о. Павел Флоренский) самую высшую математику, и ему было все одинаково: скажет кто, что Земля ходит вокруг Солнца или Солнце вокруг Земли. Если человек едет в вагоне и ему представляется, будто он на мес-

те сидит, а бежит лес, то это так и есть, с точки зрения теории относительности — все равно. Или вот идет человек в лесу, задел шапкой за сук, и она свалилась, то это будет опять все равно с точки зрения математической сказать, как было, то есть, что человек шел и задел шапкой и т. д. или же, напротив, человек стоял, а дерево шло и задело.

Из этого, на мой разум, выходит не «подарок средним векам» (Флоренский о системе Птолемея), а только что математика говорит об отношениях вещей, но не о самих вещах, искомое значение которых человек устанавливает только относительно себя самого.

Вероятно, так и надо «Мишку» писать, как «Журавлиную родину». Между прочим, дети отлично знают, играя, что они играют.

Дорогие граждане всех возрастов от самых маленьких и до самых старых, позвольте предложить вам игру мою с медведем из тряпок. С маленькими гражданами мне гораздо легче, они постоянно сами себе выдумывают разные игры, возьмут, например, полено и скажут: «пусть это полено будет будто медведь», и после того полено это живет в игре как настоящий медведь. Взрослые тоже постоянно занимаются игрушками и сказками, только им нельзя так прямо поверить, что полено по их желанию может быть медведем. Бедные взрослые люди! Они так забиты нуждой, что уже пользу свою, нужду, считают настоящей жизнью. Им нужно забыться от этой жизни, обмануться. Им нужно из полена очень похожего медведя с шерстью, с глазами и ушами, лучше, если он будет двигаться и рычать. А еще лучше пойти на охоту к настоящему медведю и считать это не игрой, а спортом, чем-то вроде дела. С этими старшими мне гораздо труднее, просто не знаю, как вовлечь их в эту игру с медведем из тряпок.

В Загорскую налоговую комиссию

Жалоба

Главная часть моего дохода получается от сочинений, написанных в течение 20 лет литературной работы. Эти сочинения издает Гос. изд., которое выплачивает мне ежемесячно 500 рубл.

Имея в виду этот постоянный доход, я так организую свое литературное производство, что оно поглощает значительную часть, если не всю, основного моего дохода.

Мне известно, что существует предписание, которым следует руководствоваться при обложении литераторов: издержки производства до 25%

20 Марта. Три солнечных дня кончились бурей с дождем. Всю ночь на пятницу гудело. Трубецкой принес <*1 нрзб.*> известие, что грачи прилетели.

Происхождение «головотяпства». Левый курс или «ускорение темпов» неизбежно должен давать большую власть местным начальникам, и это приводит к головотяпству точно так же, как правый курс неизбежно ведет к торжеству кулака. Вот так и качается наш государственный маятник... Хорошо отцам-мужикам, потому что дети их в красной армии, и эти дети в огромной своей массе еще держатся естественного завета «чти отца!» Благодаря этому, конечно, мужики пересидели.

А кто заступится за тех, кто 12 лет работал в искусстве и науке, полагая, что факт разрушения неизбежный был раз и будет больше нескоро и что настало время созидать. А бессмысленное, жестокое, злодейское разрушение пришло снова. «Чти отца» остановило в деревне безумную политику, но здесь, в области культуры, молодежь подчеркнуто выступает против отца, по невежеству не понимая его дела, по мещански-индвидуальному устремлению забывая о всем, кроме себя.

«Директор» музея Дунин, вероятно, сойдет с ума, потому что будучи совершенно невежественным (только грамотным), признан, говорят все, глупым, читает толстые книги, стремясь стать на высоту достоинств директора историко-художественного музея.

Предполагаемая поездка на Алтай к Пете.
Отъезд 15—20 Апреля.
На месте 1-го Мая.
Обратный путь 1-го Июля.
Очистить на поездку 1000 руб.

Пристрелять бездымным порохом ружье.

Заказать глубокие ванночки.

***22 Марта.* Сороки**[1]. Тепло и в тумане тает. Провожаем Зою в Сибирь.

Вчера с Колей снимали шкуру медведя в лесу.

Зою проводили. Вечером навестили сватью. Старуха гораздо более хитрая, чем умная. Что выдумала: поповское происхождение своего мужа (б. полиц. пристава) выдает за греческое (а в этом есть смысл: духовенство у нас вначале было греческое и до сих пор потому часто у наших священников видишь греческие черты).

Весна — в состоянии Сорочьего царства. Обычная тоска и разброд в себе. Сумею уехать к Пете или нет?

Какой разрыв в душе моей, какая боль бессмысленная. Утомленный бездельем, думаю иногда: «Как бы ужаснулся какой-нибудь восторженный мой читатель, если бы он заглянул в мою пустоту». Но это невозможно, потому что с появлением другого человека я делаюсь блестящим собеседником. С этим догадываюсь о многих красноречивых собеседниках своих: «Так, стало быть, собственная пустота является причиной их красноречия» (Рязановский).

24 Марта. Туман. Тепло. Сорочье царство, а грачей нет. Перед чем?

В Москве. Предложение Совкино: написать пуш-пьесу алтайскую. Подумать.

Беседа по пути в Москву с Алексеем Михайловичем Егоровым.

Как у них распался совхоз: в эти дни, когда вышла газета с первым манифестом свободы, пришел один в сельсовет и подал заявление, без всяких объяснений, молча, что он из колхоза выходит. Вслед за ним другой и тоже

[1] Сóроки — народное название праздника 40 Севастийских мучеников. — *Ред.*

молча, и третий, и повалили все, и никто не сговаривался, все молча каждый за себя отказались.

— И как иначе, — сказал А. М., — если в газетах было запрещено насилие: какой человек охотой пойдет в принудиловку? Осуществили у меня корову (обобществили), осуществили лошадь, свинью зарезать велели и мясом представить. А в газетах говорят, что корова, лошадь, изба моя, огород, все это мое и вещи все мои. На каждую вещь я имел охоту, за каждой вещью я как за лисицей охотился. И когда остался я без охоты в коллективе, стал всякую мою вещь, нажитую охотой, спускать за бесценок, чтобы не себе и не им. Без вещей и без охоты шел я в коллектив, как на войну околевать, и вдруг читаю в газетах, чтобы никакого принуждения не было и все шли в колхоз только по доброй своей воле. Как прочитал, пошел в сельсовет и подал заявление молча, что ...

Кинофильм
(вроде: «Пушторг»)

1-я Картина.

Надпись: Века идут, берега плывут.
(История цивилизации). Пролог

Дерево на скале, пещера, океан. Дерево стареет, от ветра падает в океан. Молодое дерево. Из пещеры вышел медведь. Дерево стареет и опять падает. Выходят человекоподобные, и из пещеры медведь. Схватка. Человекоподобные надевают шкуру медведя. Молодое дерево и т. д. кончается — что на том же месте город, поезда, станция: бедные и богатые в разных мехах.

<На полях:> *Алтай как колыбель человечества.*

25 Марта. Сорочье царство. — «Эн-на сорока! — Эн грач! Только очень редко грачи, очень медленно летят. — Где-нибудь на пути перехватка»...

26 Марта. Всю ночь лил дождь и утром продолжалось.

Курок налево, спуск направо (ручной) (и <*1 нрзб.*>) — вверху — выучить!

Мирон рассказывал с отличным своим смехом, что Шараповский колхоз распадался с великим боем: три дня мужики бились. «Из-за чего же бились?» — спросил я. «По разным причинам, — ответил Мирон. — Прохор бился из-за овса: когда лошадь сдал в коллектив, то с ней сдал 17 пудов овса, а когда лошадь получил обратно, овес ему не вернули. Как же ему, правда, с лошадью весной в распутицу оставаться без корма?» По разным причинам так бились мужики Шараповского колхоза три дня, а вот где-то в Спас ли Закубежье или у Дмитрия Солунского и посейчас бьются: согнать дались в коллектив, сойтись — сошлись, а разойтись не могут.

Мирон еще рассказывал со смехом:

— Смотрю, стоит у окна, стучится ко мне один из бригады: уговаривал идти в колхоз, ругался, грозил лишить мануфактуры, пайка, обещался собственными руками зарыть, когда с голоду издохну. Теперь стоит, улыбается. «Ты что, — говорю, — опять уговаривать?» «Нет, — отвечает, — чинить приехали, если плуг или борона там или что...» Вытащил я плуг, десять бы рублей надо, а он так починил. «Да что же, — спрашиваю, — с вами сделалось? То кидался, как ястреб на курицу, а то... поди вот». Он отвечает: «Мы перегнули, теперь исправление направления и насчет веры не стесняем: собрались 6 человек — и верьте! И Пасха придет, у кого куличи будут, тоже стеснять не будем, только узнаем, у кого куличи, придем и будем рассказывать и пояснять, что все это тьма и предрассудок».

Мирон же на это будто бы ответил:

— Так-то ничего, мы будем есть, а ты стой и рассказывай.

После мрачной поры, когда вот-вот ждали мы кровавого конца, все вдруг кончилось комедией: колхозы распустились с боем и смехом...

«Аппарат» действительно вполне аппарат, стоит нажать пуговку, и начинается мгновенно соревнование. Слишком зависимые люди, холопы, а самостоятельным

быть нельзя. И, видимо, это необходимо в наше время, из-под палки с голодным ничего не выходит. Чувствуешь, как неизмеримо умнее их мужики, даже бабы. Егоров, например, так охарактеризовал эту эпоху: «Все было не к делу». «К какому делу?» «Да к ихнему социализму: не нужно это социализму...»

27 Марта. Утро было морозно солнечное и в расчете, что разогреется и сложится роскошный день, мы с Павловной пошли в Бобошино. До полудня солнце светило через окошечко, потом пошел мелкий снег, и вечером, когда мы возвращались, вернулся зимний ландшафт.

Скворцы прилетели, но еще беспокойно перелетают с дерева на дерево и не занимают скворечников. Тетерева, говорят, воркуют по утрам.

Шеф

В Бобошине Еремин — бедняк держал всю деревню в страхе. Первое, конечно, что бедняк и у него особенные права. В последние дни («до газеты») страх в народе дошел до невозможного. Довольно было, чтобы на улице показался какой-нибудь неизвестный человек с папкой в руке, чтобы бабы бросались прятать добро, а если нечего прятать, то с болезненным чувством ожидать какой-нибудь кары. Тимофеева Мария рассказывала, что бабы по вечерам бегали друг к дружке, сговаривались в случае беды мужиков услать куда-нибудь в лес, а на сходку выходить одним бабам, потому что мужиков со сходки берут, а баб оставляют с детьми, а если бабу взять, то и детей надо. И обещались бабы стоять до последнего, и в коллектив нипочем не соглашаться. Так и ожидали этой сходки, как смерти: помрем вместе с ребятишками, подохнем с голоду, а в коллектив не пойдем.

И до того дошло ожидание чего-то страшного и последнего, что как только покажется на улице неизвестный человек с папкой, баба думает: «вот оно, начинается!» и бежит и прячет если есть какое лишнее добро, потом бежит сказать соседке. «Бывало, — рассказывал Мирон, —

побежит к бабам, а дома ребятишки молятся: «Господи, не дай нам попасть в коллектив». До того дошло у детей, что Мирон своих уж отговаривал: «Глупые вы, чего вы боитесь, у нас лепешки овсяные, а там будут белые, там сахар, молоко, кисель».

Один только Еремин-бедняк ничего не боялся и всю деревню в страхе держал, первое, потому что он бедняк и у него права, второе, что на сходке горланил и яро требовал коллектива, третье, был здоров и хлестко дрался: говорить против него было опасно, встретишь в лесу один на один и отлупит. Их было, Ереминых, два брата, этот Антошка и Тимофей. После отца братья разделились, отцовский старый дом достался Антону, а Тимофей пошел жить на квартиру и через пять лет поставил себе новый дом и отличное завел хозяйство: три коровы, две свиньи, пять овец. У Антона же не только ничего не прибавилось, а даже и что было, ушло, и дом отцовский стал вовсе разваливаться: матица прогнулась, треснула, потолок чуть не подавил семью. Мастер кое-как справил дом, сделал железную скрепу, схватил ею матицу, винт пропустил и вверху навинтил гайку. Ну вот когда стали сверху настаивать на колхозе, Антон сразу горячо взялся за колхоз, потому что у него мысль была: когда, мол, утвердят колхоз, отвинчу я наверху гайку, матица разломится, потолок завалится, и я тогда буду у колхоза требовать себе новый дом. Из-за того и спорил и бился на сходках за колхоз, и доносил и держал всех в большом страхе. А когда газета вышла и было объявлена свобода: хочешь — иди в коллектив, хочешь — живи, как жил, то приехали все это разъяснять с Мытищенского завода шефы. Собрали сходку и шеф стал извиняться, что перегнули и линию партии искривили разные недобрые люди: бюрократы.

Конечно, тут все вздохнули свободно и стали высказывать и жаловаться. Рассказали и об Антоне все с самого начала, как он разделился с братом и ему досталась изба, а через некоторое время у брата Тимофея явилось хозяйство и чуть его за это не раскулачили, а у Антона отцовская избушка чуть не рухнула и что он матицу схватил болтом

и рассчитывал, когда начнется колхоз, гайку отвинтить, обрушить потолок и требовать себе новый дом.

— Всех нас в страхе держал, — сказали шефу на сходке.

И спрашивали мужики и бабы шефа, что как понимать теперь, после газеты таких бедняков.

Шеф вспыхнул, переменился в лице и проговорил:

— Дайте вы ему в морду.

Потом одумался и поправился:

— Нет, я ошибся, извините, нельзя бить по закону в морду никакого человека. Так вот вы не бейте его в морду, а просто плюньте — все, плюньте ему в глаза и не ответите.

Учительница в Бобошине партийная и гуляла с шефом, а муж ее служил в красной армии. Вот было в школе представление для детей, и для этого привезли из Позохина икону. После спектакля икону эту бросили на пол, и так она долго лежала на полу, и через нее сор мели, не обращая внимания. Вот однажды приезжает в побывку муж из армии, по пути, конечно, узнал, что жена гуляла с шефом. Пришел домой — ее нет, а на полу в школе валяется в пыли икона. Поднял он икону, протер платком и поставил на подоконник, а сам пошел тихонечко загумной дорожкой. Его кто-то встретил там и спросил — чего это он идет загумной дорожкой. — Совестно, — ответил он, — мне по улице идти. Прощайте, больше вы меня никогда не увидите. И пропал.

Уважаемый тов. Щеголев.

Предложенную Вами тему для кино-пьесы: «Охота за пушниной в СССР» с изображением алтайской природы и народностей с социальным углублением я готов разработать, однако, при непременном условии maximum двухмесячного изучения местных материалов, главным образом, путем фотографирования. К 1-му Октября или Ноября я мог бы взяться представить Вам такое либретто, такое подробное, что, может быть, ничем не будет отличаться от сценария. Я постараюсь в этом либретто-сценарии разговаривать, главным образом, фотоснимками, что чрезвычайно должно облегчить кино-съемку, а в некоторых частях при помощи мультипликации быть может и совсем обойтись без таковой.

Эту поездку на Алтай я предполагал до Вашего предложения и, имея литературные цели, заключил два договора с издательствами. Я могу хорошо работать и отвечать за выполнение плана лишь при условии полного сосредоточения на теме и потому, если ехать для сбора материалов для Совкино, то мне придется отказаться от литературных задач.

Вследствие этого...

28 Марта. Ночным большим снегом завалило было всю весну, но... вот штука! Написал «но» и представилась передовая «Известий» после манифеста: пишут их, начиная о здравии или за упокой – и кончают, если началось за упокой – о здравии, а если началось со здравия, то конец за упокой: и ровно посередине (надо будет сосчитать строки) непременно бывает это «но»: например, если началось со здравия, похвальбой удивительным невиданным ростом колхозов и прогрессивно возрастающим крестьянским самосознанием, то строк так через полтораста перечисления всевозможных доблестей партийного строительства следует роковое «но», после прогрессивного возрастания в напряженности следуют примеры и левого загиба и перегиба. Наоборот, если барин встал с левой ноги, то после «но» следуют примеры правого уклонизма с призывом собрать все силы для борьбы с кулаками, которые в гонениях как будто даже окрепли духом и стали особенно опасны: разоренные, обезличенные, они срываются с мест и там, где их не знают, проникают в колхозы, вконец разлагая их...

NB. Материалы юмористические и сатирические собирать для путешествия Мишки, который будет проповедовать социализм в природе среди зверей и птиц. Сочетать совершенную детскую простоту рассказа с глубочайшим юмором или сатирой.

Итак, я работаю над следующими вещами:

1) Литература документов: Гибель, Каляевка, очерк путешествия на Алтай:

2) Мишка.

3) Кино-фильмы.

30 Марта. И вчера было холодно весь день, по городу ходить невозможно: все во льду. А сегодня и вовсе метель настоящая зимняя. Ландшафт глубокой зимы. В газетах пророчат холодный Апрель и тепло только с 10-го Мая.

Сватья приходила, хитрая.

Враги большевиков при «левом загибе» страшно радовались. Теперь большевики отступили и у них уныние. Так крыло левое и крыло правое касаются друг друга (франц. — противоположности сходятся): очень яркий пример. А я? Нет, я не с правыми... И ненавижу левых. На одной стороне мундир и полиция, на другой — хамская наглость.

Уважаемый тов. Крыленко.

У научного сотрудника Дорогобуж. музея искусства Н. И. Савина только в минувшее время «левого загиба» отняли ружье, под предлогом, что оно музейное.

Я лично сам работал в этом музее с Савиным и свидетель, что это ружье Зауера куплено было Савиным при мне и что Савин человек абсолютно честный и совершенно предан своему делу.

Я обращаюсь к Вам за помощью, как к имеющему власть товарищу по охоте, потому что однажды при личной встрече на Вашем и моем пути за медведями на вопрос мой, знаете ли Вы меня, как писателя охотника, Вы сказали: «Хорошо знаю».

Себя же рекомендовать мне Вам нечего, все охотники меня знают по сочинениям и мы с Вами даже лично познакомились при поездке Вашей на медведей. Николай Васильевич, велите, пожалуйста, вернуть ружье Савину.

С охотничьим приветом.

Михаил Пришвин.

Все начинают свыкаться с мыслью о неизбежности России-колонии. Не на чем больше и остановиться. И нет производительных единиц в коллективе, на которых могло бы опереться правительство. Нет, по-видимому, возможности оправиться от ужасных последствий «левого загиба». Скоро все представится судоргами умиравшего царизма...

1 Апреля. Вполне зима, все белое, на окнах мороз. Вьюга. Точно как прошлый год обманула весна, и, значит,

вот почему так неохотно прилетали грачи, как будто каждый, прилетев, думал: «По правде говоря, весна уже кончилась в Советской России, и летать бы вовсе не следовало, но все как-то неловко потерять связь с предками».

Из очень верного источника слышал, что в Рязанской губернии во время мужицкого бунта бабы с детьми стали впереди мужиков, и солдатики не стали стрелять. В царское время ничего такого быть не могло: солдаты бы, конечно, стрельнули, но не вышли бы бабы, потому что только коллективы могли довести бабью душу до героизма. И этот мотив, отмеченный мной, уже рассказала Марья — ого-го! — характеризует, наверно, всю страну в эпоху «левого загиба».

В политике сейчас, как весна: рвануло вперед, и опять все заморозило. У нас остались только базары. Радуйся базарам: масло, яйца, сколько хочешь! И мужикам вообще стало хорошо. Когда и куда теперь еще рванет?

2 Апреля. Снегу навалило больше, чем зимой. Читаю «Робинзона» и чувствую себя в СССР, как Робинзон. Это свойство всех крупных произведений — передавать мысль на себя. Так что бывает недоумение: что, это автор открыл твои глаза на твою вечную, присущую всем черту, или же так пришлось, что избранные автором черты жизни как раз были твоей особенностью?

Думаю, что очень много людей в СССР живут Робинзонами, что только тому приходилось спасаться на необитаемом острове, а нам среди людоедов.

<На полях:> *Сталину:*
Среди ограбленной России
Живу, бессильный властелин.

И вот размышляешь в своей пещере, задавая главный вопрос: есть ли наша революция звено мировой культуры или же это наша болезнь?

Если это наша болезнь, то болезнь, как например, сифилис, полученная извне случайно, или же болезнь, как

следствие своей похоти. Или это болезнь роста, вроде юношеской неврастении?

Я хочу думать, что это у нас болезнь роста в том смысле, что и если «Россия-колония», то и это как неизбежная болезнь роста, и, значит, например, явление Сталина с его «левым загибом» — неизбежно было что-то вроде возвратного тифа.

Пойму (хотя не разделяю), если поставят вопрос: «Идея или народ», но, конечно, это болезнь, если ставят, как у нас: «Машины или народ?»

Теперь, когда на базарах опять яйца и масло, пасмурен ходит творец великой формулы «машины вместо народа», он понимает этот поток яиц и масла в сторону потребления граждан, как огромный убыток государству, ведь все это должно бы уйти за границу на уплату долга за машины.

<Зачеркнуто:> *Мысли о диктаторе Сталине и английском короле. Король английский, как частное лицо, смотрит на исполнение им обязанностей короля вроде того, как знаменитый артист на свои выступления.*

До газеты.

Статья «Головокружение» в деревне теперь как эра, так и говорят всюду, начиная рассказ: «Было это, друг мой, до газеты»... Или скажут: «Было это после газеты».

И немудрено, это эра. В этом краю ремесел центральной и прилегающих областей нет села и деревни, где бы люди веками не занимались каким-нибудь ремеслом, часто удаляясь из дома и оставляя земледелие бабам. Какое это земледелие! Но ремеслу не посчастливилось, с первых дней революции рухнули в столице мастерские, кустари явились домой, сели на бабьи наделы и стали земледельцами. Подросла не обученная ремеслу молодежь... Попробуйте таких в коллектив! А между тем «левый загиб» автоматически загибал и в этом краю.

4 Апреля. Последние три дня зима спускалась постепенно к теплу и сегодня солнце.

Вчера опять Сталин. Оказался прав тот мужик, который, прочитав манифест, сказал, что хотят взять мужика в обход. Обозначился обход: опубликованы льготы колхозникам и подчеркнуто, что крестьяне вне колхозов этих льгот иметь не будут. Иначе говоря, государственные налоги должны будут платить дикие крестьяне. Иначе и быть не может, на мужиков правительству опереться нельзя, значит, надо создать верных мужиков (то были столыпинские «крепкие земле» мужики, теперь колхозники, т. е. крепкие правительству).

В общем, острота миновала. Если сев пройдет более или менее благополучно, то по обыкновению общественное сознание на летнее время провалится, а осенью обозначится неизвестно что...

Лева едет кончать с Совкино.

Когда говорят о детях, как о цветах, то значит, в глубине себя исходят от своих детей, от собственного своего чувства жизни. Само собой поводом могут быть и чужие дети, в которых и выражается свое чувство жизни. Но бывает взгляд на детей как бы со стороны и как на чужих, тогда через лицо ребенка просвечивают бесчисленные пороки его предков. Эти дети очень страшны. Вообще это прозрение очень страшно. У меня это было лишь раз (мистически), а так для всех это понятно, если смотреть на детей беспризорных. Гоголь такими глазами смотрел на русских.

5 Апреля. Рубят лес мужики из Березовки. Мне они рассказали вот что. Нужно было кого-нибудь раскулачить, а нет кулака, бедная деревня — один середняк. Вспомнили, наконец, что у Семена Ивановича есть стенные часы, ореховые с боем, без гирь и заводятся всем на удивление раз в месяц. Вот и решили эти часы отобрать. Свезли в сельсовет и повесили. На другой день выходит газета. Раскулаченный человек — в Совет с газетой, показал. Делать нечего, часы отдали...

— Значит, — сказал я, — раскулачили и опять окулачили. Смешная история!

— Смешная, — согласился мужик, — только куда тут смеяться: страшно, не до смеху.

— Да, — сказал я, — может быть, не смеяться надо, а плакать.

— И плакать нельзя, — сказал он, — смеяться страшно, плакать — некому слез утереть.

В Ленингр. отд. Государственного издательства.

Для моей работы, которая войдет в новый том моих сочинений, потребовались материалы с горного Алтая. Я не мог найти для этого путешествия денег и прошу выдать мне из моего гонорара. Мне будет достаточно, если Вы дадите за май и июнь, что составит с неполученным еще апрельским гонораром, 1500 руб.
Я убедительно прошу достать мне эти деньги срочно, и это будет в Ваших интересах, потому что деньги эти у меня являются производственным ресурсом того, что я буду издавать у Вас.

Ув. Тов. Щеголев!

Предложенный Вами гонорар, обычный для рядовых сценаристов, не устраивает меня, потому что, я писал Вам, мне нужно делать опыты с поездкой на места, где водятся звери. Я все-таки от мысли своей не отказываюсь и поеду при поддержке журналов и газет. Но при условиях работы для газет я не могу ручаться за успех своего дела и взять обязательства для Вашей фабрики.
Я очень прошу Вас помочь мне в одном: предоставить мне 250 метров ортохрометиловой пленки. Если нужно, к моей просьбе присоединится редактор «Известий» или Федерации писателей.

8 Апреля. Подряд стоят светлые, прекрасные дни. Вчера слышал единственный раз коротенькую характерную пробу первого зяблика.

А какие ночи!

Леве в Москву:

1) Кино (за пленкой)

2) Анкету КУБУ.

3) Фиксаж: гипосульфит, метабисульф., серн. кислота...

4) Д-р Поль, Кузнец. <*1 нрзб.*> Журналы. Книги.

5) Каменский.

9 Апреля. Вчера ходили с князем на тягу. Напрасно. Ни одна птичка не пела. Слегка морозило, заря горела, и тишина была, вот тишина! Мне этот воздух к вечеру, как бы напоенный солнцем и тающим снегом, содержал в себе все возможности рождения необыкновенно прекрасных запахов. Вот хрустнул под ногой снег или лед, наклюнулась звездочка, и запахло мне, когда хрустнуло, почему-то первым свежим огурцом, когда разрежешь его ножом и солью посыплешь, в первый раз сезона, первый огурец пахнет первой самой чистой весной, потом это проходит.

Князь сказал:

— Иногда мне бывает так жалко родину, что до физической боли доходит.

Мишка на сцене.

Изображение весны. М. сидит на вытаявшей кочке. Снег тает, и показываются из-под него разные чудеса.

Фотографировал весну: снег с летними облаками; снег на глазах рождает воду, и летние облака уже спешат отразиться в этой мутной воде. Летят журавли. Муравьи выбрались наверх и почему-то лежат толстым слоем, темным пятном на освещенном солнцем муравейнике (как пчелы, когда им холодно). На муравейнике видны дыры, их которых выбирались наверх хозяева.

Зяблик поет, а певчих дроздов почему-то нет, и березка соку еще не дала.

Весь насквозь протравленный весенними лучами, подхожу к полотну железной дороги. Поезд идет, бегут вагончики, очень славные, и люди в них сидят непременно хорошие: нет никому теперь зла от них, сидят, глядят в окно и раздумывают. Наверно и меня среди белых березок заметили, может быть, кто-нибудь узнал и обрадовался: «Вот, — скажут, — и Пришвин идет с топориком в непромокаемых сапогах по воде, сочиняет сказку детям или охотникам».

Мальчишка потребовал: «Сними меня!» Я промолчал. Он лезет. «Убирайся!» — сказал я. Он отстал и камнем ме-

ня в затылок, меня, старика, собиравшего материалы для детских рассказов. Что было делать? Он пустился бежать во весь дух. Сверху видели два молодых человека. Я им пожаловался. Они не отозвались даже... Вот так и съел камень.

Конечно, такие мальчишки всегда были, но боли такой не было в душе, и потому камень нынешнего времени гораздо больнее ударил. Боль небывалая. И некуда с ней прислониться, как раньше бывало («некому слезу утереть»). Бывало, все надеемся: вот переможем, нажмем — и будет лучше. Главное, тогда (хотя бы при Ленине) думалось, что можно смириться, по-человечески кому-то рассказать, и поймут, и заступятся. Теперь некому заступиться. И вовсе пропади — совсем не отзовутся, потому что мало ли пропало всяких людей и пропадает каждый день.

Может быть, Сталин и гениальный человек и ломает страну не плоше Петра, но я понимаю людей лично: бить их массами, не разбирая правых от виноватых — как это можно!

А впрочем, тут есть еще вот что: я, как многие, вероятно, пережидаю и думаю: «Я погожу в стороне, а оно само собой перейдет как-нибудь к лучшему». Между тем без меня оно к лучшему не переходит, и вот почему боль, и так хочется кого-то обвинить. С другой стороны, это уже последнее разложение воли, когда человек доходит до самообвинения...

10 Апреля. Продолжаются золотые дни, утекает вода из лесов в реки. Но вечером при звездах и луне непременно начинается мороз, и, вероятно, этого боятся вальдшнепы и не летят. Явятся они наверно после первого теплого дождя и тумана. Другие птицы — зяблики и певчие дрозды в малом числе прилетели и нет-нет! да услышишь изредка их знакомые песенки.

Никогда весной не был я таким гражданином как теперь: мысль о гибнущей родине, постоянная тоска не забывается ни при каких восторгах, напротив, все эти ручейки из-под снега, песенки жаворонок или зябликов,

молодая звезда на заре — все это каким-то образом непременно возвращает к убийственной росстани: жить до смерти в полунищите среди нищих озлобленно воспитанных на идее классовой борьбы, или отдаться в плен чужих людей, которые с иностранной точки зрения взвесят твою жизнь и установят ее небольшую международную значимость...

Снегами вылез я к соснам на княжеской вырубке, где прошлый год мы зачем-то оставили на березовом пне монету. Я ошибся, сосны были не те. Искать, лазить по снегу не захотелось. Я стал на ближайшую полянку, где были редкие березки, большие проталины и слышалось непрерывное бормотание ручья. Столько лет подряд ранней весной я погружался в этот полусон в лесу перед закатом! Мысль о гибнущей родине с требованием ответа: «стоять за свое безобразие или начинать приучать себя к чужому хозяину?» была написана черным по белому и не уничтожила основное чувство природы, как буквы, вырезанные на белой коре, не мешают березе расти. Когда солнце, спускаясь, коснулось леса, и свет ущемился, я услышал всего один только раз пропела ночная птица свою «Сплю!» и замолкла. Я вспомнил тогда, что прошлый год на первой тяге, когда мы положили на пень монету, сплюшка ныла неустанно и тоже влево от солнца. «Она, — подумал я, — на том же самом месте, быть может, на том же самом дереве». На случай крикнул я князю наше условное: «Гоп, гоп!» и он мне отозвался тоже в той стороне, где крикнула сплюшка. Я пошел туда и сказал князю о сплюшке: на том, мол, самом месте, где прошлый год. — Это что! — ответил он, — вон там за ручьем, когда я подходил, вспомнились мне заячьи катушки, виденные мной прошлый год возле этого пня и я подумал: «был ли заяц и этой зимой у пня, где я постоянно сижу на тяге?» вдруг смотрю, на снегу два желтых пятна от рябчиков и точно на том же месте, где были прошлый год, потом я перешел ручей и тетерка вылетела из-под того же самого куста, как прошлый год, у березового пня увидел я заячьи шарики, потом крикнула

один раз сплюшка на том самом дереве, и вслед за тем вы крикнули, и я вспомнил о монете. Вот она лежит!

Целый год под летним солнцем, осенним дождем и потом заваленная, глубоко покрытая в снегу пролежала монета и вытаяла теперь вся черная...

Стало сильно морозить. Вальдшнепов не было. Мы пошли домой, и я сказал князю:

— Что со мной случилось в этом году, не могу отогнать от себя одну печальную мысль...

— Теперь все подавлены, — сказал он, — решительно все.

И тут я прислушался к себе и попробовал сделать себя понятным князю:

— Заболей я какой-нибудь смертельной болезнью, жена моя Ефрос. Павл. непременно бы на первых порах сделала меня самого виновником: «говорила я тебе, не выставляй так рано окон, не ешь грибов, не ходи по лавке» или что-нибудь в этом же роде. Очень возможно, что и я сам бы признал свою вину, и, во всяком случае, в тот момент, когда болезнь даст отдых, порадовался бы людям и жизни всей вообще: «ну, умираю и умру, так надо, а все-таки, ну как же славно они живут». Так вот это состояние легче и во всяком случае как-то достойней, как теперь: я здоров, как бык, в полном расцвете своего таланта, а родина, умирая, проходит мимо и ей не до тебя. Так вот что хочу я сказать: лучше мне, лучше умереть самому и в хорошие мужественные минуты радоваться, что жизнь остается хорошая, чем самому оставаться и думать, что жизнь, заключенная в понятие «родина», проходит. Нет ничего печальней одинокого дерева на вырубке...

Забили нас «родиной» в гимназии, и только теперь раскрывается это понятие во всем его значении: родина — это от рода; пусть сам «род» свой какой-нибудь неприятный, и родство среди людей не удалось, все равно: эта сила сродства воплощается в чем-нибудь и как возможность какого-то счастья, быть может, и не для себя самого, а так в смысле уверенности, что есть оно где-то, кому-

то — светит звездочкой, или раскрывается в почках или бормочет ручейком...

Слышу, понимаю и знаю, что есть какая-то жизнь идей вне «рода» и родины. Но тоже знаю, что некогда идея эта была тоже в брюхе рода и трудно рожалась. Кто-то стал наследником этой идеи. Быть может, он со снисходительным состраданием с высоты глядит, как мы в крови и слезах утробы, барахтаясь, с криком и болью выбиваемся на свет...

12 Апреля. После этой светлой недели (или больше) впервые утро показалось с огромными дождевыми облаками...

Пусть люди добыли хлеб и молятся усердно Богу, словом, все у них будет и в полном порядке. И все-таки, если нет у них игрушки, нет досуга играть и забываться в игре иногда совершенно, то вся эта деловая и умная жизнь ни к чему, и в этом уме не будет смысла. Значит, мы, артисты, призваны дать людям радость игры против необходимости умереть. Верность мысли моей свидетельствую памятниками искусства всех народов...

Много раз мне приходила в голову эта мысль, и недаром я хожу теперь по лесам и на ручьях и пнях снимаю своего Мишку. Это произведение должно быть моим самым лучшим.

Ходил с Левой в колхоз «Смену». Председатель показывал коров, сказал, сколько отправляют молока на продажу. Мы спросили его, а сколько оставляют себе? — Сколько же оставляют? Сколько выпьют. — А сколько полагается человеку молока? — Сколько хочет». Недоумение наше скоро кончилось, надо было сказать — не сколько хочет, а сколько может купить, потому что каждый берет лимит по своему заработку...

Приходит иногда человек в одной рубашке, его оденут, запишут вступительные, и так сразу в первый же день за ним будет рублей 80 долгу, потом еще и еще...

— Потогонная система.

— Конечно, не социализм, будет он когда-нибудь нескоро, когда машины будут...

Так оказался молочный конвейер идеалом...

Любопытно, что председатель спор завел с Левой. Он: «Все зависит от культурного уровня». Лева: «Культурный уровень зависит от экономики». «Нет, один человек стремится, потому что у него культура, а другой ничего не хочет, и кто стремится, тот всего может достигнуть...»

Интересно, под давлением каких обстоятельств произошло такое отступление от политграмоты.

13 Апреля. Пасмурно. Тепло. Накрапывает дождь. На закате вдруг открылось солнце, и боковыми лучами освещенный лес загорелся червонным золотом, и, кажется, не менее ярким был и лес в отражениях. Избегая снега, извилистым путем, с проталины на проталину я ходил до ночи и видел двух протянувших вальдшнепов. На Торбееве токовали тетерева. После тяги был у председателя колхоза Анисимова.

Лесопилку пробовали. Вышло так, что пар выпускать можно было только через свисток. В лесу на тяге казалось, что машина с ума сошла, взбесилась. А часы прозвонили прежние монастырские колокола.

И все-таки, если представить себе, что свисток этот и машина и дело настоящее — пусть! не жизнь пустыни, потому что хороша пустыня, если в ней молятся Богу, но если в ней люди заняты пожиранием друг друга, то лучше машина, которая заставит бездельников трудиться.

Мастер колхозных дел Анисимов уже после газеты организовал колхоз в Малинниках: мужики будто бы сами пришли. Он отрицает (!) принуждение и до газеты. Мы спросили: «Почему же после газеты все развалилось? — Потому что взяли пример, в одном месте распался колхоз и, глядя на него, пошло кругом...»

Жизнь в колхозе ф а б р и ч н а я.

Я спросил: — В капиталистическом мире талант находит себе применение и вознаграждается, что движет

здесь? — Идея? — нерешительно спросил он. — А есть она? — Он замялся. И привел в пример безыдейности тот факт, что Сталин съел Троцкого. Значит, «идея» в его понимании есть согласованность людей, может быть, и любовь.

Среди бедняков 50% природных лентяев.

Часто бывает, женщина в общественном деле выступает в том же тоне, как если бы это было не в обществе, а в домохозяйстве. Там, в домохозяйстве это продолжение правды, здесь...

Тяга (Очерковая молодежь)
Власть как сила греха,
История паровика.
Стены — разгораживаться, а не огораживаться.

15 Апреля. В час ночи загорелся дом сватьи и в 4 у. подняли нас: «сватья сгорела, приезжайте за вещами».

Вчера был некий молодой писатель Ф. М. (а там кто его знает — кто он?)

Он был на хлебозаготовках, рассказывал и становится понятным, что хлебозаготовки в этой войне большевиков с мужиками были как бы артиллерийским огнем, а последующее «раскулачивание» — атакой. И так еще надо понимать, что первая атака была отбита, теперь же начинается новая.

Он рассказывал, что в одной деревне (около Ульяновска!) мужиков до того довели, что они вынесли и бросили ключи от амбаров. Еще было, что в амбарах на муку сажали маленьких детей, рассчитывая, что детей пожалеют, не возьмут. (Автобиография будущего счастливого человека: «Помню свой крик, мне страшно и я кричу, но крик этот был от меня как бы отдельно: кто-то кричит, а я слышу. Потом все скрылось, потемнело. Я очнулся в муке, и какие-то люди берут меня, а муку насыпают в мешки и т. д.). Лева вчера снимал в колхозе. История локомобиля. Надо

найти «историю» лесопилки, и т. д., перемешать с историей человеческих жизней.

Троцкий погиб, потому что был недостаточно прост для власти нашего времени: власть, как «сила греха» является нам олицетворением палача и жертвы. В мирное время палач маскируется.

16 Апреля.

Задача прожить на 967 руб.

Зое	50 руб.
Павловне 2 мес. + 10 дн.	250 руб.
Леве поездка в Питер	50 руб.
	350

Остается на жизнь от 20-го марта по 20-е Апреля 967 – 350 = 617.

Москва, Тверской бульвар, дом Герцена

Исполком Федерации Осипову для Тихонова

Считаю возмутительным отказ мне в комнате с обреченностью на ссылку, сознательное устранение старого писателя от общественной деятельности. Требую пересмотра, и в случае вторичного отказа буду бороться путем широкой огласки. Отказ в комнате считаю сознательным устранением старого писателя от общественной деятельности. Требую пересмотра и в случае вторичного отказа, начинаю борьбу путем широкой огласки и обращения к Правительству.

Известия 30 г. № 16.

В № 6 «Вечерней Москвы» (от 8 января) напечатана статья проф. Коровина «Зачем существует ЦЕКУБУ». Эта статья утверждает, что существование ЦЕКУБУ является «вопиющей бессмыслицей», что деятельность ЦЕКУБУ «объективно контрреволюционна», и выступает с предложением о «скорейшей ликвидации ЦЕКУБУ», «как одной из помех на пути социалистического строительства».

Деятельность ЦЕКУБУ затрагивает очень широкие кадры научных работников; немудрено поэтому, что статья привлекла к себе внимание и вызвала в рядах научных работников довольно сильную тревогу. А потому небезынтересно будет посмотреть, откуда идут обвинения против ЦЕКУБУ и насколько они основательны.

Вся статья Коровина переполнена абсолютно неверными утверждениями. А между тем, он знакомился с делами ЦЕКУБУ. Его ошибки так элементарно грубы, что их нельзя считать простыми ошибками, а прямо приходится признать заведомой ложью. Я не буду говорить обо всей работе ЦЕКУБУ, это потребовало бы слишком много места, — я скажу немного только о работе экспертной комиссии (комиссия, которая удостоверяет, имеются ли основания у того или иного лица быть зачисленным в списки научных работников ЦЕКУБУ), к которой я ближе всего стою.

Коровин лжет, когда утверждает, будто «партийная часть экспертной комиссии... как правило, передоверяет свои функции экспертам, обычно приглашенным из категории «А». Я уже более пяти лет состою членом экспертной комиссии; ее заседания происходят еженедельно. Насколько помню, эксперты приглашались нами за все время два раза, причем первый раз был приглашен коммунист, а во второй раз из трех приглашенных по одному вопросу один был коммунист. При этом таким экспертам предоставляется только совещательный голос, а члены экспертной комиссии никогда не передоверяли им, да и не могут передоверять своих функций.

Гр. Коровин пишет: «Еще плачевнее обстоит дело с советской юридической мыслью, литературой и пр., работники которых в составе экспертной комиссии вообще не представлены». Он пишет далее, что эти эксперты, «по-видимому, незнакомы, хотя бы понаслышке, с секцией права Комакадемии». Это новая ложь: экспертом по праву состоял в основании ЦЕКУБУ до весны 1929 г. делегированный в комиссию Комакадемией член Комакадемии коммунист тов. Ф. А. Ротштейн, а после его ухода также делегированный Комакадемией коммунист т. Гольдштейн. По отд. философии экспертом состоит т. Луппол; по отд. литературы — автор этой статьи. Оба — коммунисты, члены Комакадемии.

Гр. Коровин пишет, что «в качестве светил военной науки фигурирует (в списке «А») группа генералов царской армии». «Группа» эта в действительности состоит из двух человек. Оба они крупные военные ученые, известные и за границей. Оба были профессорами Академии РККА. Оба продолжают работать в советских учреждениях. Раньше в этой группе были еще умершие ныне Зайончковский и Новицкий, оба они были также крупными военными учеными и активными работниками Академии. Их заслуги в советской работе были отмечены правительственным сообщением по поводу их смерти.

Гр. Коровин указывает, что в списки ЦЕКУБУ включены как ученые, многие лица, которые этого не заслуживают. Я во многом не согласен с ним относительно приводимых им примеров,

но об этом спорить не буду. Я охотно сознаюсь, что у нас были ошибки. Включались в списки лица, не заслуживающие этого или по отсутствию научной работы или потому, что идеологически или политически они чужды нашей революции. Поэтому и установлено правило, что через каждые 3 года эти списки пересматриваются, производится своего рода чистка. Эта чистка началась в Лениграде в прошлом 1928–29 году, а в Москве и в центральной экспертной комиссии – осенью 1929 года. Ошибки были. Вот, например, включен у нас в списки проф. международного права Е. А. Коровин. Что же он собой представляет? Мы ничего не знали об этом, когда он проходил регистрацию, а теперь знаем следующее:

Гр. Коровин – сын быв. крупного домовладельца в Москве. В гимназии и в университете Коровин примыкал к монархическим группировкам. По окончании университета был оставлен при кафедре проф. Байкова (назначенца Кассо), в то время как этих назначенцев бойкотировала почти вся профессура и студенчество. После возникновения «сменовеховства» стал сменовеховцем. При советской власти работал, между прочим, в Красном Кресте (РОКК), откуда был снят по инициативе ячейки ВКП за религиозную пропаганду и другие «качества».

ЦЕКУБУ есть комиссия при Совнаркоме. Ежегодно ЦЕКУБУ дает отчет Совнаркому о своей работе. Все члены ЦЕКУБУ (правление) назначаются Совнаркомом. Происходит постоянное сближение работы ЦЕКУБУ с работой профсоюзной организации – секцией научных работников. А теперь является гр. Коровин и требует упразднения ЦЕКУБУ, деятельность которой называет контрреволюционной.

Он делает это в момент, когда рост социалистического строительства в связи с нажимом на кулака и нэпмана вызывает обострение внутренней и внешней контрреволюции. Он сеет тревогу и смуту среди научных работников. Разве это не прямое и явное вредительство, прикрытое «революционными» фразами? Но гр. Коровин забывает, что он сам слишком колоритная фигура и что это обстоятельство придает его статье специфический вес и значение.

Н. МЕЩЕРЯКОВ.

Письма из деревни

Нет хорошей книги.

Как бы спасая лично себя от поглощения народническим долгом, а чтобы не мучиться, не стал смотреть на мужиков, а больше в сторону сознательных рабочих фабричных.

Через некоторое время по своей специальности агрономии мне пришлось вернуться к мужикам, и вот тут я нашел себе писателя, который до некоторой степени примирил мое народническое сердце с марксистской головой. Я и до сих пор остаюсь ему верным и откровенно сознаюсь, что обязан ему не только методом научно-художественного исследования быта, но и самой манерой писания о деревне, вплоть до своих «фенологических записей».

Этот писатель-исследователь был убежденный коллективист, явился в деревню не как теперь часто бывает с одним автоматическим пером, а с очень солидными знаниями и начал основательно изучать хозяйство и природу края. Через несколько лет упорной работы он убедился в органической деградации и помещичьего и крестьянского хозяйства. После того он работал еще несколько лет и над изучением природы края, отыскал, открыл один камень, в котором содержалось могучее средство для поднятия урожайности, камень этот был фосфорит, содержащий в себе драгоценную фосфорную кислоту. Когда это было? Но я в 1923 году был свидетелем, как крестьяне этого края массой стояли на вокзале в ожидании поезда с фосфоритом. Второе средство у Энгельгардта было улучшение породы скота. И поезжайте теперь в Батищево (Смоленской губ.) вы удивитесь, на какой лошади теперь там ездит крестьянин. И, наконец, Энгельгардт используя <*3 нрзб.*> стал зазывать интеллигенцию к коммунизму. «Письма из деревни» Энгельгардта в свое время сыграли большую роль, народническая интеллигенция ринулась в Батищево строить коммуну. Нечего объяснять, почему в царское время эта коммуна не удалась. Но кроме этого общего, мне думается, в головах самих коммунаров-народников как-то не было того «царя», которым отличался их учитель Энгельгардт: у них не было никаких знаний, и они несли в коммуну только свои малоприспособленные к земледельческому труду руки. Мужики этих коммунаров называли «тонконогими» и сейчас помнят их и смеются, а за фосфорит и лошадей и нынешние Батищевские <*2 нрзб.*> благодарны Энгельгардту.

«Письма из деревни» — теперь очень редкая книга, в ней тридцать листов, но она читается, как роман, потому что написана блестящим языком. Она представляет собою воплощение той мечты, которая, к сожалению, теперь <*2 нрзб.*> на месте живет в наше время: производственное краеведение. Правда, во всей стране у нас теперь идет смутная борьба молодого краеведения со старым. Понятно, что стар... заслон... отриц... сторонами. Но почему это мешает молодым делать исследования подобно Энгельгардту и не мешать старым охранять памятники природы <*1 нрзб.*> и старины. Мне книга эта как увлечение со стороны литературной и агрономической. Я много вдумывался в коммунизм Энгельгардта. Может быть, он и в этом отношении мог бы чем-нибудь <быть> полезен нашему времени? Я забываю еще самое главное: эта книга была и мне школой «подхода» к мужику. Энгельгардт не Успенский. Как бы в поисках Бога несчастный Успенский по ошибке попадает к мужику. Энгельгардт сам живет своей умной исследовательской жизнью и очень любит крестьян, потому что любит страстно вообще жизнь и в частности отличную эту устную словесность, которой так богат русский народ.

Вся книга в 30 листов, конечно, роскошь для нынешнего скудно-бумажного времени, но если умело написать жизнь Энгельгардта и к этой биографии выбрать листов 5—10 из «Писем», эта книжка могла сыграть огромную роль и в уяснении производственного краеведения, и как блестящий пример литературных писем для <*1 нрзб.*> и, главное, в формировании того умного и ровного курса, который так необходим, как гарантия от разных левых загибов и всяких уклонов.

До газеты

Мне бы хотелось рассказать здесь по-энгельгардтовски просто и правдиво несколько эпизодов из жизни современной деревни. Я очень боюсь, что эти рассказы поймут <*зачеркнуто*> как насмешку над коллективизацией и сделают неверный вывод относительно <*1 нрзб.*>самого

автора. Нет! я на это скажу: хорошо писать Вам, живущим там, где все-таки благоприятная коллективизация. Но вот я живу не только в ремесленном краю, где массы людей лепят и режут игрушки, шьют башмаки, сапоги, пиджаки, валяют валенки и т. д. Полвека или более этими ремеслами до революции жили в большом городе, а бабы занимались земледелием. После революции все эти ремесленники свалились из города в свои деревни *<1 нрзб.>* и тоже с бабами стали заниматься земледелием. Попробуйте их коллективизировать! Ведь есть целые деревни *<1 нрзб.>*, есть деревни скорняков, которые в прежнее время специализировались на каракуле, соболе и бобрах. *<1 строка нрзб.>* и вот нате, — безработным *<2 нрзб.>* с работой на бабьем наделе и вот еще новость: "перегоняют в коллектив!" Что же, неужели мне, живущему в невозможных условиях *<2 строки нрзб.>* «после газеты» ... Да, это верно, так и говорилось о времени до статьи «Головокружение», «до газеты» и после нее — «после газеты».

Вот рассказывала мне Мария, к имени которой всегда прибавляют «О-го-го». Эта Мария «О-го-го» так и начала свой длинный рассказ: «Было это еще до газеты». А это в ее представлении, значит, время мрачное, мужик ходил, понуря голову, и даже кто отродясь «вина в рот не брал» — запил. Среди «уговорщиков» (ударные бригады) в то время стали появляться какие-то необыкновенные люди, слухом о них наполнился весь край. Так вот однажды приехали девять человек уговаривать и три дня жили, и каждый день мужиков уговаривали и почти уж и уговорили. Как случилось, один из ударников вышел до ветру и только там, в темноте сказал мужику: «Стойте на своем до последнего, нас не слушайте, мы не помним, что говорим». Конечно, после того мужики слушать не стали. А то вот было, — рассказывала Мария-О-го-го...

После газеты.

Весной света снег блестит так ослепительно, а к вечеру тени ложатся такие длинные на снегу и... И от рябины обломанной... ложится тень длинная *<1 нрзб.>* бедняки, а в сторону обсохшей избы Марьи-О-го-го! веревка, и на этой

веревке висит тряпье, дающее от себя тоже длинную голубую тень. По месяцу тут висело белье, и это тряпье-белье Марьи ... что и брать не стоит. Так оно и висит, бросая на снегу длинную тень. Ребятишек у Марьи полна изба, а мужа ее —<*1 нрзб.*>, лошадь все как-то хромает, корова, стены ветер продувает, но соломой обложили и ничего, и вообще Марья ничего, молодец-баба и в бедняки себя ставить никак не желает. «До газеты» эта Марья организовала почти всех баб, что если когда приедут ... «сгонять в колхоз» — часть мужиков — в лес, а самим бабам выходить на сходку и с детьми...

С... этого часу жизнь как смерть.

17 Апреля. Страстная. После ночного дождя озимь вдруг позеленела, и некоторые мужики выехали пахать. По пути в Переславище видел у ручья журавля, окруженного лентами воды из талого снега. После Зимняка на песках снег совершенно исчез.

Извозчик Улитин, злейший враг «их». Много врагов и не подавленных, как в интеллигенции. Вообще в столице мало учитывают победу мужика. У каждого человека, старого и малого, на устах легенда о красной армии с Ворошиловым.

Страшнейшая чистка «головотяпов» (наган на стол и мужикам: «Колхоз или Нарым»).

Роль женщин в колхозное время. «Хотя и равноправие, но все-таки бабу считают как бы глупенькой, с нее не взыскивают, если она скажет лишнее и она все говорит. А мужик прятался за бабу. Он тоже все понимает и не глупей ее, да вот с него спрашивается, он отвечает, а баба как бы глупенькая, ей все можно».

Поняли победу свою, как временную. Данило сказал:

— Телку я оставил теперь на два <*1 нрзб.*>: коли не так, нож в горло и кончено,

В Ведомше было 500 овец, теперь осталось 40 (посолили).

Странная зима. Время шло, а как шло, мы не знали.

18 Апреля, — в Переславище — 19-го выехал назад и вечером под Пасху был дома. К сожалению, было ветрено и охотничьих впечатлений мало, разве только этот черносотенец Марконетт (Александр Гаврилович) с глухарями...

Деревенское настроение. В городах все теперь в большой тревоге: как будто некто сжал в ладонь свою весь русский народ и собирается швырнуть его, чтобы этой бомбой поджечь международный пожар. Все затихло перед катастрофой неминучей. А в деревне мужики этим нисколько не беспокоятся, они рады-радехоньки, что их коровы из колхозов вернулись домой.

— Был колхоз?

— Был и развалился.

— Корова вернулась?

— И корову вернули, и лошадь. Спасибо Римскому папе.

Нет никого, даже маленькие дети знают, что Римский папа помог. Наряду с этим все уверенно говорят и о Красной армии. (Ворошилов).

Чистка руководителей колхозоустройства. Некий Сыроешкин после чистки был арестован, и бабы плевали ему в лицо.

Мужики больше всего волнуются, что в делах хозяйства им указывают ничего не понимающие мальчишки. Молодостью, невежеством при коротенькой политической натаске объясняется возникновение такого множества негодяев среди партийцев, строителей колхозов («в два счета на ять»).

20 Апреля. (Пасха). Солнечный тихий день, так тепло, что в одной рубашке — самый костюм. Как говорят, со вчерашнего дня, а сам видел сегодня: лягушки начали скакать. Черемуха навострила тонкие зеленые почки. Ольха доцветает. Начинает осина. Видел желтые цветочки.

Сап.

Эпоха диктатуры страшно понизила нравственное сознание масс и, по-моему, главным образом через мальчи-

шек, которых в месячный срок учат на курсах «в два счета на ять» классовой борьбе. Их бы таких надо было на фронт и они бы героями были, а они упражняются в геройстве на беззащитных гражданах под видом войны с кулаками. Так через них и сами граждане мало-помалу затемняются в своем нравственном сознании. Вот моя хозяйка в Переславище Домна Ивановна какая хорошая, трудолюбивая женщина и вот как удивила она меня, как задела, как расстроила. Правда, ничто так не расстраивает, как это понижение сознания. Конечно, Д. И. ненавидела большевиков с самого начала революции, а нынешней зимой дать бы ей в руки нож и позвать помогать бить (сказать, напр.: «большевиков бьют, иди помогай!»), то она бы и помогла. А когда ее Сережа пошел в комсомольцы, — ничего, хоть бы что, вероятно, так понимала: «к Сереже не пристанет, а нам на пользу». Теперь девочка ее Дуня, ученица школы шитья, тоже стала комсомолкой, так вот об этом Домна Ивановна даже с радостью мне сказала с похвальбой: «а Дуня у меня косомолка!» В этот раз разговорились мы о конском мясе, что вот мужики правильно же едят конскую колбасу, «тпру, тпру, а едят!» хоть бы что! Домна Ивановна при этом рассказала, что сапом от конины можно заразиться, что в Кимрах так было — 40 человек заразились.

— Расстреливать будут! — сказала Д. И.

— Виновников? — спросил я, полагая, что ветеринар не досмотрел и вот их за это.

— Да, да, — не поняла меня Д. И., — всех их сорок человек расстреляют, чтобы других не заражали.

— Вздор! — сказал я, — не может этого быть.

И рассказал Д. И. о двух-трех случаях из медицинской практики, когда смерть человека и ему самому кажется желанной и другим очень полезно, а вот нельзя...

— Подумайте, — рассказывал я, — если бы можно было уничтожать безнадежно больных, то непременно это перекинулось бы на бесполезных, потом стали бы отбирать на племя более сильных, а слабых топить. Чуть нехватка в чем, и лишних долой. С землей-то как хорошо: переум-

ножились люди и чистка! Да разве так можно! да разве можно поверить тому Кимренскому сапу, Господь с вами Домна Ивановна!

Равнодушно так ответила Д. И.:

— За что купила, за то продаю, Михаил Михайлович, слышала от людей, сказывали, что болезнь заразная, неизлечимая...

Тяжело мне было, главное, потому, что речь моя так и не возвратила Домне Ивановне ее прежнее, очевидно умирающее в ней сознание. Правда, столько расстреливают людей признанных гражданами вредными, почему же не расстрелять зараженных этой страшной неизлечимой болезнью людей.

И вот это не все. Продолжение было у меня в Сергиеве. В самый день Пасхи вчера пришла Евг. Ив. Гиппиус (мужики ее зовут «гепеусиха», а интеллигенция из-за этого шепчет, что она в ге-пе-у).

Вот, чтобы занять ее, стал я рассказывать о нравственной деградации и как примером воспользовался случаем мнимого расстрела сорока человек в Кимрах за сап.

— Так и было! — воскликнула Гепеусиха.

И рассказала один случай, что молодая девушка губы помазала помадой, заразилась сапом и пошла показать прыщик доктору. Этот доктор будто бы дал ей порошок и велел принять после обеда и лечь в кровать. Так она и сделала. Приезжает карета скорой помощи. Спрашивают девушку. Отвечают, что спит. — Нет, говорят — она не спит, а умерла.

— Не было этого! — сказал я.

— Зарегистрировано, — ответила Гепеу, — и есть такое распоряжение Совнаркома о сапе и какой-то еще болезни.

— Хорошо, — сказал я, — завтра я иду к Заведующему больницей и потребую от него распоряжение.

Гепеусиха вдруг опомнилась. Ведь она этот случай выдумала в тон рассказу моему о 40 расстрелянных в Кимрах и выдумала именно для того, чтобы этим случаем оттенить мораль большевиков. Точно так же и сосед ее в мещанской слободе извозчик Устин, когда крикнут «боль-

шевиков бить!», схватит нож и побежал «помогать». Гиппиус этим рассказом (большевиков) помогала бить. Но вдруг опомнилась, струсила и сказала:

— Очень возможно, в этом обществе и я отупела.

Александр Гаврилович Марконетт.

Часто не поймешь этих воспитанных аристократов, — кажется, глуп, и вдруг скажет такое, чего и очень умному не сказать. Это бывает, когда их обыкновенный ум приходит в соприкосновение с залежами богатств их кровного воспитания (благородство). Условие благородства — это непосредственная соприкосновенность крови с идеей (органичность), напротив, хам носит идею, как маску (отсюда бой, война, т. е. восстание крови за идею).

— Родина? я служу династии и у меня родина, какая может быть родина без династии?

Николай I-й, Аракчеевщина, военизация страны — вот идеал. Русский фашизм (черносотенство).

Универсальный аристократизм, как возможная составная часть общественного понимания будущего: был князь буржуа говорят: «и у нас есть не хуже» и он доказал. Так вот чтобы и последний разряд рабочих и мужиков мог сказать: «и у нас есть люди не хуже, чем у князей и буржуа». Освобождение творческой личности из недр всего народа, без отношения к классу. Соединение всех освобожденных. Фашизм противоположен коммунизму: первый вызывает творческую личность из недр для работы вне классов и для всех классов, второй напротив, устремляется к классу и творчество жизни возлагает не на собор внеклассовых личностей, а на коллектив машинно-принудительно организованных классовых единиц. Те и другие организации общества являются в бедственном состоянии народов, так сказать в силу военно-полевой необходимости. Нормально — это правое и левое крыло общества, два потока: обиженные в правой стороне текут в левую и, наоборот. Раз нет сосуществования этих сторон, то они чередуются во времени: после монархизма коммунизм, после этого опять монархизм.

Элементарное для среднего нравственного и умственного сознания понятие он иногда принимал, как совершенно новое для себя и объяснял это своей умственной и нравственной отсталостью. Часто признаки глупого он ставил выше признаков умного. Это бывало оттого, что рядовой человек подходил к этим понятиям, как к данным и с готовым умом. А он свой ум всегда ставил вразрез с чужим и, когда его медленно доходящее, зреющее десятками лет свое собственное опытное понимание встречалось согласно с чужими давнишними — он вдруг чувствовал себя дураком и отставшим.

У Марконетта (как все говорят глупого человека) много чего-то данного ему воспитанием и он легко может ставить в тупик образованного и умного человека.

Глухариный ток

За час, за два можно пройти на середину тока. Глухари спят. Вдруг что-то треснуло. Совсем похоже: человек крадется к току, или большой зверь. А это, может быть, глухарь спросонья отломил клювом сучок. По поломанным сучкам под сосной узнают, что на ней сидел, кормился глухарь.

Токуют два раза: когда чуть рассветает (чем дольше, тем темней) и потом когда восходит солнце.

Хорканье — тревожный сигнал одного, когда под песню охотник подходит к другому.

Коп — Коп (Тэк — тэк) — интересно таинственностью: лес и этот ... звук (Звон к заутрене — ...).

Централизованный ток.

У многих драки (глухарей и косачей).

22 Апреля. Теплая ночь и теплое утро. За ночь сок плакучей березы из корней вверх подавался так сильно, что утром пропитывал через сережки, на всех двойных рожках висело по две капли, как после дождя, все березы были в радостных слезах, и только теперь я понял, почему березы с длинными опущенными как волосы, ветка-

ми, называются плакучими; ведь это явление могло быть только при опущенных веточках.

Это было самое певчее утро, какое только бывает весной: пели все зяблики, все дрозды. «Плыть, плыть, плыть!» — раздался в лесу чрезвычайно резкий крик, прилетела желна и забарабанила по сухому стволу с такой силой, что, не зная, подумаешь на какую-нибудь машину, вроде того трактор в колхозе налаживают. Глухарь ли спросонья, желая поразмяться ночью отломал наверху сучок, или дятел — лесной доктор, выбирая насекомых из пораженных мест дерева, задел своим носом за живое и поранил березу — только все время с высоты березы капало вниз, мерно, как по часам — сверкало и тюкало.

На опушке тающий снег оставил широкую мелкую лужу, солнце прогрело ее сильно до самого дна, через прелую листву пробилась тонко-иглистая изумрудная трава, и тут все местные лягушки собрались метать икру, и их хор урчащий был далеко слышен. Было бы омерзительно глядеть на них, если не были они лягушки: что с них спрашивать! выпучив глаза на меня и все-таки не слезая друг с друга, все они тут наметали такую массу икры, что я решил все эти их занятия сфотографировать. Собрались какие-то ребята, и не смея спросить меня, в чем мое дело, стояли выпучив на меня глаза, как лягушки. Сняв это действо, я объяснил ребятам, зачем я снимаю лягушек.

Один из них спросил: «Специально этим занимаетесь? — Специально, — ответил я и, показав на винтовочку, добавил: — А если встретится утка — убью. — Факт!» — ответили все хором ребята.

Ранняя ива цветет, и пчелы на ней работают. Осина цветет, и ольха еще не сбросила на землю сережки. У березы стали такие большие почки и рожки, что она совсем как шоколадное дерево. Трава на лужайках показалась и на ней уже держится роска, но в лесу, в общем, все очень серо, только напряженно так, что когда увидишь неожиданно кустик цветущего волчьего лыка, подумаешь: — Вот не выдержало и прорвалось.

Торбеево озеро, вероятно, только вот-вот освободилось от льда, потому что возле него холодно и сильно пахнет гниющими водяными растениями. Возвращались Параклитской дорогой, в лесу на поляне, залитой весенней водой, увидел я множество голубых пятен и пошел туда, крайне удивленный, полагая, что так голубым преломляются лучи солнца на лягушках. Но не было никакого преломления и светового обмана: лягушки были действительно голубые, маленькие и в великом множестве.

Никогда в жизни не видал голубых лягушек и не видал, чтобы сок у берез выступал на сережках, как от росы или дождя. И это большое счастье, что я все еще открываю каждую весну что-нибудь новое.

Из разговора с Б<острем?> запомнилось:

— Монахи брали себе дело для спасения души, и потом, отдаваясь делу, забывали о душе: делает и забывается, в таком забвении и проходит время и это самозабвение принимается за спасение.

23 Апреля. На тяге.

Ничего нет прекрасней ранней ивы в цвету, особенно когда неожиданно завидишь ее где-нибудь среди серого молодого осинника: такое чудесное видение почти зимой многоцветущего дерева, какое-то чудо воскресения земли; когда же подойдешь вплотную и станешь разглядывать, все так и вблизи прекрасно: группа цветов собирается в яичко, желтенькое, как новорожденный цыпленок, душистое, на каждом работает пчела и все деревце, далеко слышно, гудит...

Рыцарь «на ять»

Есть нечто, в чем очень трудно признаться, вот хотя бы признаться мужчине, что он никогда не был с женщиной... или... да мало ли чего! Так вот и охотнику, известному по всей стране своими рассказами про охоту как признаться, что никогда он не бывал на глухарином току. Много раз я

пытался и все как-то не выходило ничего, раз даже, помню, убил глухаря, но не слыхал его песни: он летел на ток, и я хватил его на лету.

Фокус: Хвост глухаря внизу (вверху как голубь, внизу — конь) и рыцарь франц. эмиграции (Люд. XVI): монархизм по крови. Родина? это служба династии. Вопрос ему: «Интересно бы знать, в каком живом представлении видите вы теперь династию?» В это время затоковал глухарь и ответ на конец. Мы подскакиваем. Хвост глухаря. И после того ответ: «он жив!»

К рассказу. Колхоз Параклит. Свистки лесопилки. Моя родина — родина глухарей: сплюшка и прочее — сюда.

Железный ремонт.

Fodis.

Этот инструмент для измерения расстояния от предмета, не сходя с места и без метра, устроен так, что смотришь в щелку на предмет и видишь два изображения его, повертываешь кольцо таким образом, чтобы эти два изображения слились в одно, и когда они сливаются — кончено! смотришь на деление и черточка на движущемся круге указывает число метров от себя до предмета.

Я работаю в литературе совершенно так же как Fodis: у меня два круга, один видимый, и другой в себе самом, но видя все вокруг себя, я ничего не нахожу ценного для изображения словом, и точно так же, бродя постоянно где-то в себе, я тоже ничего не могу извлечь оттуда и сказать с уверенностью, что раньше меня никто не говорил об этом, притом еще и много значительней. Но случается, когда я брожу где-то в себе, происходит встреча этого моего личного круга или <*1 нрзб.*> с видимым кругом, часто совершенно ничтожным предметом. И вот когда эти два круга сходятся в один, то видимый предмет как бы вспыхивает внутри «души» и волшебно просвечивает. Весь этот сложный процесс можно выразить простыми словами: я обратил на предмет жизни родственное внимание.

Вполне допускаю, что в этом схождении родственных кругов действует какая-нибудь обыкновенная сила вроде

родовой жизненной силы, сводящей в одно живое существо два его изображения, — мужское и женское. Вполне допускаю, что поэтическое «родственное внимание» питается, а может быть и паразитирует на чувстве родового влечения. Но это интересно для ученых аналитиков, а не для самого поэта... Я изнутри поэзии не могу увидеть ту силу, как сидя внутри поезда не могу увидеть самого поезда. Так жизненную силу нам тоже не с чем сравнить... (Пути сознания — это пути смерти, отмирая, — человек сознает).

26 Апреля. Вчера была гроза и ночью дождь. Деревья распускаются. Апрель вышел на славу, и не запомнишь такого!

Вчера сватья уехала. В понедельник уезжает Лева в Петину сторону.

N был и опять расстроил меня. В конце концов, эта попытка заглянуть правде в лицо сводится к чувству конца или смерти. Маркс употребляется будто бы для невежд. Через это создаются кадры войны (политграмота создает жизнь в резиновом мешке, война реализует в <*1 нрзб.*> все этические ценности: будут геройски умирать, будут побеждать. Искусство, как выход из мешка, должно быть уничтожено. Союз международных анархистов. Пятилетка — это организация войны. Предусмотренное переустройство личной жизни.

А Лева сказал: «Плюнь, папа, на все это, плюнь! живи по-прежнему веселым человеком». И он прав. Спасаться от уловления в резиновый мешок, все равно как в былое время Ник. Мих. зарывал себя в землю (дни и ночи копал) — какой смысл? жизнь так коротка, я довольно пожил, пусть будет, что будет.

<На полях:> *Организация добра и организация зла. Невидимые помощники. Почему сорвалось дело антропософов.*

Он сказал: — Я считаю своими родственниками две группы людей: один человек говорит, что мир и я — это

одно, и я — это проводник (сознание мира). Другой человек, кроме этого, чувствует влияние высшей силы (святость), такой может и оградиться от мира, чтобы лучше слышать веление божества.

О Толстом. Нарушил закон пребывания в самости. Стиль *<1 нрзб.>* диктатор-стражник и Толстой в его статьях — одинаковый.

Толстой — большевик.

Учитель-педагог приходил (не помню его имени) один из тех, кто органически не понимает моих книг. Я думаю это оттого, что лишены чувства природы. Это люди без натуры. Множество художников и писателей теперь в материалах своих исходят не от первичного материала, а от книг и картин.

Все эти разговоры очень важны для проверки себя, для самоутверждения. Одно отрицательно подтвердили мое, другое положительно...

Глухари

Обходя стену пустыньки с правой стороны, попадаешь на «кривую канаву» и по ней идешь версты три до поваленной через канаву березы, которая теперь совершенно сгнила, хотя следы ее заметны даже в темноте. Сюда на глухарей, так бывало, не только звон колокола проникал, но даже слышно было, как били часы. Это часто мешало выслушивать ток... Теперь тут колхоз «Смена».

Меньше и меньше становится людей, кто может выслушать песню глухаря, и людей меньше и глухарей: эта птица не современной эпохи *<4 нрзб.>*, в лесу она исчезает и *<3 нрзб.>* лишь в заповедниках.

Колхоз «Смена» получил две тысячи гектар леса и начинает вокруг себя корчевать...

Надо спешить...

27 Апреля. Со вчерашнего дня после грозы похолоднело. Не «майские» ли это холода начинаются?

В нынешней войне скрывается ее противоречие и какая-то расслабленность: с одной стороны снаряды и всякая дальнобойная злость, с другой — солдат, пускающий в ход это зло, в большинстве случаев добрый человек. Во сколько же раз усилится действие снарядов, если будет и снаряд зол, а солдат еще злее. Так будет у нас, потому что значительная часть нашей армии будет воевать «сознательно», молодые люди, комсомольцы, через войну даже впервые свет увидят, самоопределятся, реализуются.

Встретил искусствоведа из Третьяковки (Свирина) и сказал ему, что для нашего искусства наступает пещерное время и нам самим теперь загодя надо подготовить пещерку. Или взять прямо решиться сгореть в срубе по примеру наших предков 16-го в. Свирин сказал на это, что у него из головы не выходит — покончить с собой прыжком в крематорий. — А разве можно? — спросил я. — Можно, — сказал он, — когда ворота крематория открываются, чтобы пропустить гроб, есть момент, когда можно прыгнуть. А Бострем собирается уехать на Кавказ и жить пчелами. Одному смерть мелькает, другому жизнь в одиночку в природе с пчелами.

Глухари
Второе начало

Когда у нас развалился сразу после газеты колхоз «Гигант» и множество маленьких внутридеревенских, один колхоз «Смена» не только не развалился, а даже именно в самый момент выхода газеты электрифицировал и установил лесопилку. Главная причина этому — что колхоз «Смена» сложился год тому назад без помощи «головотяпов» — это раз, второе, что когда в других колхозах энергия инициаторов тратилась на уговоры, здесь руководители, пользуясь распоряжением правительства *<2 нрзб.>*, подобрали себе живой и мертвый инвентарь, чуть ли не даром где-то на складе Рудметаллтреста подобрали старый локомобиль, ремонтировали его и пустили электричество на лесопилку. Но самая главная причина,

это что «Смена» воспользовалась хозяйством «пустыньки», как все звали здесь этот пустынный лесной монастырь, в который никогда не допускались женщины. «Пустынька» эта устроена...

28 Апреля. Отзимок.

Леву проводили в Сибирь.

Вчера было – 4 °R. Сегодня – 2 °. Ходили за сморчками. Нашли замерзшего на земле дрозда-рябинника. Сморчков урожай.

Опять голова болела. Принимал пирамидон. Вечером читал К. Леонтьева и дивился. Чувство весеннего перелета покидает меня, напротив, хочется зарыться в свой будничный день...

Обдумываю «глухари».

29 Апреля. Земля переночевала под серым одеялом тяжелых туч, много подтаяло под ним, согрелось, и это утро, после морозов вышло довольно теплое, дождь пошел.

Кулик

В Ченцах взялся меня везти Данило, седеющий, кудрявый бездетный Авраам. Мы поглядели с ним друг на друга и, как это бывает, без слов уговорились дорогой молчать и не мешать друг другу думать. Моя дума была невеселая: о том, что я пережил всех своих родных, притом еще вышло так, что не видел смерти ни матери, ни сестры, ни трех своих братьев. «И за то вот, – думал я, – что был избавлен от зрелища смерти родных, теперь вот живу и смотрю на смерть всего, что называл своей «родиной». Данило, вероятно, тоже думал о чем-то невеселом, я заметил это в нем, когда мы переезжали ручей: куличок-песочник с писком взлетел и пересел от нас подальше; так вот Данило, думая, посмотрел на него, повел головой в сторону его полета и, когда он сел и закачался, а лошадь двигалась, то Данило повертывал глаза в сторону кулика по мере того как лошадь двигалась: так цепляются равнодушным гла-

зом за что-нибудь мало-мальски живое среди огромного мертвого, когда одолевает однообразие неразрешимой думы. В тот момент, когда кулик стал невидим, я спросил:

— Скажи, Данило, о чем ты сейчас думаешь?

— О мальчишках, — ответил он, — что вот я остарел на своем хозяйстве и землю постиг, а теперь приходит чужой мальчишка, лошадь не умеет запрячь, а учит тебя... Хуже этого ничего нет. Я об этом думаю: для чего такая напасть?

Все утро сегодня провел в беседе с комсомольцем из колхоза.

С малолетства осталось у меня в памяти из жизни дворянской России: у одной светской барыни единственная любимая дочь из Москвы поехала в деревню к родным и пропала. Следы ее скоро нашлись в одной женской общине. Мать поспешила туда. Но игуменья видеться матери с дочерью не разрешила, и дочь через послушницу прислала отказ. Несколько дней под дождем без пищи бродила в лесу мать и потом вошла в монастырь навсегда и жила там долго с дочерью, не будучи никогда религиозной, не только <*1 нрзб.*> кто из них раньше помер, мать или дочь...

Пусть не такой монастырь и даже не женский, и в мужском нет монахов, ничего нет монастырского, только стены монастырские и башни, из которых слышится иногда крик и плач колхозных ребят, но я, выслушав в этом колхозе жизнь Насти, вспомнил о матери ради дочери, заточившей себя в монастырь. Настя, красивая, высокая женщина была отличной матерью и хозяйкой: трое маленьких у нее, свой дом был, две или три коровы, лошади, свинья, птица. А муж ее, партиец, был назначен в колхоз устраивать новую жизнь в монастырских стенах. Там устраивал коммуну, сюда приезжал помогать жене в своем хозяйстве. «Одно исключает другое» — это родилось в городе и там живет, в деревне одно входит в другое, часто мешает, но никогда не исключает. Городским можно удирать в деревенскую. Пришлось свое хозяйство ликвидировать, и Настя с детьми поехала жить к мужу в колхоз. С недобрым

сердцем пошла, и случись, в колхозе у нее украли шерстяной платок. «Воры, — сказала она мужу, — к ворам жить меня привел». Села на порог кельи и заплакала. Две недели с места не сходила, ревела, и тут за две недели все ее прошлое прошло, как у той героини, когда она бродила в лесу. Когда все прошло, она встала и, оглядевшись вокруг себя, увидела, что все, чем она жила — нет ничего: дети в яслях с утра до ночи, пищу готовить незачем: все в столовой и в комнате прибирать нечего: там только переспать, там кровать стоит, голые стены. Тогда Настя повязала красный платок и пошла на работу. Теперь она в партии.

Молодой человек шел по дороге, сухой, тонкий, как все нынешние, в кепке, несколько мрачного вида: молодой старик. «Из колхоза?» — спросил я. Он кивнул головой, и мы пошли рядом. Мне удалось сразу завоевать его доверие советом записывать в тетрадку результаты своего ежедневного труда в колхозе, чтобы понимать движение трудовой общины.

— Все теперь у нас очень быстро движется, только мы мало обращаем внимания. Вот *<1 нрзб.>* приходит человек, заложил руки в карманы и начинает в воздух пускать слова с потолка, а ты сам трудился, сам делал и не можешь сказать, потому что забыл.

Слова мои попали в самое сердце комсомольца, он рвался что-то сказать с своей стороны, но я еще прибавил:

— В этом и есть жизнь сознания: каждый день отдать отчет в своем труде и не располагаться на табельщика и бригадира: каждый внутри себя должен быть и табельщиком и бригадиром, тогда бюрократия займет свое скромное место.

После этого вступления я даю слово своему спутнику, и он мне много рассказывал.

Сколько раз приходит в голову, что жизнь необыкновенная и надо записывать, но когда станешь писать, все идет кругом в голове, а на бумаге нет ничего. Все началось от книг в деревне, попало в голову о новой жизни. Собрались, начали колхоз. Работали много, больше нельзя.

Главное — это неграмотные: те работали без отказу. Грамотные хуже работали, а табельщики себе часы и дни насчитывали, теперь это начинает всплывать. А члены правления работают на расширение, до нас им дела нет никакого, двигалось бы дело, расширялся бы колхоз.

Такие женщины, как Настя, — все: каждая выплачет из себя деревню, потом становится работницей. Некоторые не выдерживают и возвращаются домой. Для брака записи даже не требуется, все дети обеспечены, и женщина два месяца не работает до родов и два после родов. Гулящих, однако, только две, все держатся парами (потому что все-таки работы очень много и пища неважная).

Жизнь в колхозе фабричная. Она тяжелей деревенской и скучней. И там можно улучшить жизнь свою придумкой: нажег углей, отвез в Москву и поправился. Тут все продумано, только работай: 14 к. и самое большее 18 к. за час. В деревне любви к человеку больше, чем тут: неравно работают люди, и на глазах все, и все укоряют ленивых, а ленивые заведуют. Тут свара постоянная.

На днях постановили перейти на коммуну. Есть надежда, что так будет лучше: все-таки коммуна, идея. А члены правления, конечно, рассчитывают, что на коммуну больше будут давать. Вот хотя бы трактор, что это за машина: каждый день чинить приходится.

30 Апреля. Отзимок. Утром мокрый снег белеется на воротах и заборах, а на земле делается грязь.

Вчера Петя телеграмму прислал (просит денег). Читаю К. Леонтьева. Из его пророчеств многое сбылось, напр., о падении монархизма в Германии при небольшой неосторожности правительства в отношении России и Франции.

1 Мая. Вчера вечером ходил на тягу с Трубецким и Огневым. Морозило. Желтый холодный закат — серп и звезды над черными зубцами лесов.

Утро солнечное, потом чудесные майские облака.

Снимал торжество на площади. Когда сходились организации, то настроение поднималось сильно, главное,

мальчики удивляли стройностью своих колонн. Потом, когда собрались, оказалось, что кого-то нет из Москвы, и так долго это было, ждали, ждали, а неизвестно из-за чего. Фотограф снимал, и к нему власти относились с редкостным уважением, как будто он был главное лицо, и все собрались только затем, чтобы сняться.

М. сказал, что «пролетарий» в первоначальном значении значит производитель потомства.

Колхозы при благоприятных условиях превратятся в фабрики с одной стороны, <*1 нрзб.*>, с другой — рабочих людей («пролетариев»).

Мужики теперь на племя не телок, а бычков оставляют, потому что телок резать не дадут.

Члены правления: «все полагают на производство, и до человека им дела нет».

Среди самых серых мужиков приходилось слышать рассуждения о поколениях нашем и будущем: «почему те такие счастливые люди, что для них все, а для нас ничего».

2 Мая. Стоят майские холода, но трава растет и так сильно, что ее чуть не на глазах пуками выбрасывает из земли. Кукушка.

Ходил к Игошину в Параклит (Утешитель):

Вид попа (волосатого, в подряснике) для множества «натуральных» людей очень противен, чем и объясняется, что мальчишки в монахов бросаются камнями, и здоровые парни вроде Игошина надругаются.

<На полях:> *Табельщики и бригадиры.*

Единство в разнообразии называется «законом природы», — и это единство действительно суровый и страшный закон, сила самого божества (так дерево: ствол — единство, листья все разные).

Наша бюрократическая механизация стремится навязать единство самому многообразию природы...

Убит человек и нет его личности. Все, что было в нем, теперь остается на совести общества. К этому «страшный суд», на котором хозяин не спрашивает голоса подсудимого, а просто отбирает овец от козлов.

Я шел к председателю колхоза, и почти у ворот мне встретился мрачный молодой человек в кепке и сказал, что председатель.

Мы разговаривали о нашумевшем...

Никаких обязательств между полами, а держатся парами... детей в ясли — сколько хочешь, а живут и держатся мужей. — Почему так? — спросил я спутника. — Потому, — ответил он, — первое, что работа у нас все-таки очень уж трудная, а второе, пища пока тоже неважная.

Сквер. Демократизация.

Д-р Варушин сообщил, что ему поступила (в отдел) жалоба. Оказывается, в небольшом скверике посреди города ночная любовь оставляет большие следы. Утром дети «этим» играют и приносят даже домой, им очень нравится надувать презервативы. В «Смычке» для ознакомления выставлены все виды презервативов.

Май. Куда ни пойдешь, куда ни взглянешь, в воде, в траве, в деревьях, даже в воздухе все движется и возится. И это действительно, есть настоящее движение мира: это мы все, размножаясь, проходим земной свой путь: на зиму все замираем, потом опять и каждый год. Ночь. Люди в Сергиев. сквере. Наутро дети находят презервативы и надувают их.

В каждой передовой «Известия» считаются с теми заграничными публицистами, которые болтают в своих газетах, будто варшавская бомба — дело наших собственных рук. И каждый раз, читая эти статьи, краснеешь за «родину»: до чего же мы упали, что смеют о нас так думать заграницей, до чего унижены, что находим нужным в передовых официальных газетах защищаться.

3 Мая ночь провел в лесу на току. 4-го Мая весь день спал. В этот день к вечеру собрался холодный дождь. Утром 5-го мая лежал мороз, но солнце очень яркое и будет жарко.

Читаю К. Леонтьева. Самое худшее его предчувствие сбылось и мрачные пророчества осуществились. Настоящая действительность: «Не хотели чтить царя, чтите... Сталина. Сброшена царская мантия, и трон и сам царь расстреляны, но необходимость царя осталась: в дыру кляп забили и корабль хотя и плохо идет, но все-таки на воде держится».

К. Леонтьев — смелая, героическая натура, но... можно было предвидеть, и сам он предвидел, что из всего его дела выйдет лишь жест.

В наше время правительство обладает теми кадрами, которых не было при царе: фанатически преданной ему молодежью. Вот почему троцкизм, воронизм, перевальцы должны сойти на нет: это прежние либералы.

А может быть, Леонтьев был бы и доволен нашей партией: пусть хамство, но ведь все-таки и хамство тоже, если довести до конца, то будет уже не хамство, потому что предел одного значит близость другого. Леонтьев сказал бы: «Этой костью либеральная Европа подавится».

Глухари. Лес подлежит корчевке. Локомобиль к корчевальной машине. Идея рассказа: К. Леонтьев среди прогрессистов. (Отдать справедливость глухарю (красоте): но истоки критики прогрессистов — эстетизм и барство.)

<На полях:> *Хлебы, череда гостей, именины, и т. п. — событие, когда...*

29-я весна от рождения (поэта).

29! — и все-таки обычное割 словоделие (Шампанское).

К. Леонтьев и прогрессисты.

Мать — либералка, монархисты все или не умные или крайне <*1 нрзб.*> заскорузлые.

Вечером у Кожевниковых. Знакомство с Влад. Андр. Фаворским.

6 Мая. Перепархивает снежок. Еду в Москву. 1) Дело Раз. 2) < *нрзб.*> 3) Замошкин.

Человек русский, которого не хватает у Гоголя: др. Варушин (из семинаристов), гекзаметром «туберкулез» (хвала наркомздраву Семашке), как теленок отдается и от ласки закатывает глаза, так что показываются белки голубоватые.

Продолжаются майские холода. Был в Москве. Дело с налогом фукнуло. Виделся с Лидиным, — это мой термометр. Жена у него ослепла (вот бедный! первая жена умерла в родах, вторая, сестра ее — ослепла!) В пессимизме он ужасном, но едва ли от семейного горя. Булгаков пришел — в таком же состоянии, Казин — тоже. Предсказывают, что писателям будет предложено своими книгами (написанными) доказать свою полезность советской власти. Очень уж глупо! Но как характерно для времени: о чем думает писатель!

Купил «Записки писателя» Лундберга. Вот писатель: умный, образованный, честный и не безвкусный, но... повидимому, претензия на ум все убивает. Книги его, однако, наводят на мысли начать свои мемуары.

<На полях:> *Вдруг понял, почему он мне неприятен: это Мариетта Шагинян.*

Не было еще случая, чтобы мне отказывали в журналах, но больше уже и не просят. Самое же главное, что сам чувствуешь: не нужный это товар, всякая инициатива глохнет. Итак, или мемуары или экзотика.

Реквием. Памяти Л. Андреева. Из предисловия В. Невского: «Жизнь Л. Андреева, этой оригинальной индивидуальности, ставшей в противоречия с нами особенно резко и непримиримо, когда этот старый мир погибал, и на его развалинах возникало что-то новое и прекрасное».

Не согласен, что современная жизнь есть прекрасное, потому что «прекрасной жизнью» понимаю момент творческого воссоздания настоящего из прошлого и будущего. Мы же теперь не творим, а бунтуем еще, потому что мы не спокойны в отношении прошлого, мы его отрицаем еще только, поэтому у нас только будущее без прошлого и настоящего, жить будущим, не имея ничего в настоящем, чрезвычайно мучительно, это очень односторонняя и вовсе уж не прекрасная жизнь.

— Из-за чего гореть?

— За свободу совести, за свободу печати, за неприкосновенность...

— Свободу? у нас самое свободное государство. Вот доказательство. Мы понимаем свободу личности не в пространстве, как анархисты, а в коллективе конечно. Итак, наш рабочий коллектив предоставляет каждому трудящемуся наибольшую во всем мире свободу.

— Трудящиеся! мы все трудящиеся.

— Конечно, не всякий расходующий свою трудовую энергию может быть назван трудящимся. Мы называем трудящимися тех, кто работает в советском государственном предприятии, фабриках, колхозах и учреждениях государственного аппарата. Все эти лица пользуются свободой совести, поскольку совесть их является формой личного выражения совести пролетарского коллектива... За что же гореть? за анархическую совесть или за буржуазную? Ведь староверы горели за веру свою, выраженную в перстах, в иконах и книгах, они могли на вопрос «за что горите?» поднять вверх два пальца — и все! Назовите же вы или покажите то, за что вам гореть? Подумайте, ведь решительно все, названные вами лозунги, входят внутрь нашей рабочей программы: у нас все ваше — либеральное, прогрессивное и рациональное только без лицемерия либералов — все в пентаграмме. Покажите же, за что вы хотите гореть, мы, может быть, вас удовлетворим.

— Крест.

— Пожалуйста, несите крест, у нас Голгофа для всех открыта. Не хотите истинной Голгофы, идите в Живую церковь: там недурно.

<На полях:> *Они говорят, болтают и врут потому, что сделали кое-что: Октябрь не шутка. Вам же нечего сказать на эту болтовню, потому что вам надлежит кое-что сделать (может быть из себя к р е с т поднять!).*

«Время переходит: перейдет как-нибудь без нас, а когда перейдет, мы тогда тоже примкнем к хорошему», — так живет и думает старая интеллигенция в Сов. России.

Надо бы против пентаграмм крест поднять из себя, а это тяжело очень.

Вчера смотрел, как со Страстного монастыря снимали огромных майских чудовищ, лягушек с <*1 нрзб.*> головами и т. п.

За событиями не надо гоняться. Каждое событие дает волну, которая достигнет непременно и тебя, сидящего за 1000 верст от исхода его. Нужно было быть готовым в себе самом, чтобы по появлении в твоей повседневной жизни понимать и общую мировую жизнь. На деле, конечно, есть множество волн, которые докатываются до тебя едва заметными и потому не воспринимаются. Но среди них все-таки везде найдется довольно, чтобы думать и понимать историю. Вот ограбили, сбросили колокол у нас — я понял борьбу креста и пентаграммы.

Православный крест... монархия... попы... панихиды... урядники... земские начальники — невозможно!

С колокольни Расстреллиевской сбросить крест не посмели, зато маем и в октябре устраивают из него посредством электрических красных лампочек пентаграмму...

<На полях:> *В Федерации, а, говорят, и везде будет так: установилась «твердая пятидневка», т. е. пять дней работают, а шестой день отдыхают. таким образом больше нет уже непрерывки, из-за которой ввели пятидневку. Все свелось к спору с Богом. Он*

велел шесть дней работать, а у нас велят пять. А везде на всем свете есть воскресенье.

Благодарю Вас, многоуважаемая Фега Евсеевна, за письмо, за перевод и журналы, мне совестно немного, что я написал Вам о мимолетном своем самочувствии («деградация») и тем принудил Вас писать длинное объяснение. Зато вот теперь, обдумав очень многое, я решился с Вашей помощью начать серьезно работать для Европейских журналов, не обращая внимания на то, как меня будут встречать: «по платью встречают, по уму провожают», — чтобы меня читали в Европе.

Мне все говорят, что особенно в Англии мои рассказы о животных могли бы иметь успех, и что тоже следует попробовать во Франции. Вот я обращаюсь...

Во-первых, об «экзотической странице», Вы подчеркнули мне для прочтения, очевидно, как внешний пример. Этот очерк (о Тайге) сделан очень слабо, в нем нет сюжета и, самое главное, характерного для очерка, нет достоверности, что автор был в тайге, а не написал все из головы и книг. Вы знаете «Черного Араба», и потому нечего мне Вам рассказывать, как я смотрю на очерк, как форму литературного произведения. Вот я хотел бы дать для экзотической страницы очерк с сюжетом и достоверностью. У меня есть один, который я почему-то берегу и не печатаю здесь. Его название «Мох» я переменил для Германии в «Клюквенная тропа», чтобы через клюкву дать экзотический штрих. Предложите его редактору для экзотической страницы (я точно рассчитал число букв), дайте ему понять, что, во-первых, пора бросить тигровую и крокодиловую пошлость экзотики (клюква благороднее), во-вторых, что хорошо бы дать и формально-литерный пример для очерка. Если, однако, ему нельзя отказаться от крокодильего, у них не пойдет, попробуйте в Atlantis. К сожалению, фотографии слабоваты...

Вопрос. Надо спешить со сборником. Выбирайте рассказы тщательно. Считайтесь с легкостью чтения (чтобы создать легкость печатать). Имейте в виду как план три книжки: 1) Краткий рассказ о животных, 2) Очерк — поэма; 3) рассказ для детей, который интересен и для всех. Можно, конечно, и в одной книжке дать все три жанра, если дать ее с предисловием. А впрочем, это дело Ваше, но прошу только прислать список рассказов, на которых Вы остановите свой выбор. К сожалению, фотографировать я стал <*4 нрзб.*> тому назад, но мастерства достиг, таланта только теперь. На всякий случай посылаю свой портрет на охоте — это годится. Остальное сделает иллюстратор.

Третье дело вот какое. Мне нужно одновременно печатать на французском и английском. Так делает, напр., Замятин и он, ко-

нечно, устроил бы мне дело с переводчиками. Но, может быть, у Вас есть связи в Париже и Лондоне (или Америке), и я мог бы устроиться через Вас (даже и с гонораром). Вам наверно приходится очень много работать, и едва ли такого рода комиссия Вам выгодна, но для нас отсюда «заграница» одна и Вы извините меня за этот, возможно... провинциализм моего предложения.

Мой сын уехал на Алтай. Я вынужден несколько обождать. Буду чрезвычайно обязан Вам, если каким-нибудь образом до отъезда получу камеру.

<На полях:> *Итак, напишите пойдет «Мох» в экзот. или это...*

10 Мая. Со вчерашней ночи стало немного теплее. Как задержалось! Ведь только кустарники лозы в зеленой дымке. Береза чуть распускается и цветет (сок кончился). А в общем весна еще в шоколадной поре. (Шоколадная весна.)

Позавчера был у меня N и наговорил мне очень много о практическом мистицизме, сменившем в настоящее время антропософию и т. п. — Кому говоришь? — Всему миру. — Где организация? — Нет ее и т. п.

Идея второй Голгофы. Страдают за то, что обнаружились. (И так же Христос...)

Был у Попова и много разговаривал с ним о разрухе. Вот теперь трапезную, здание XVI в. переделывают на завод, а возможно будет Педвуз, зависит от того, кто победит. Перемены во всем и везде, а причина их — авантюризм (анархист-индивидуалист). Занятно, что библиотекарь на свой счет содержит уже 5 лет сторожа и страхует библиотеку за свой счет.

Итак (майский парад) все видимость (тов. Игошин), а внутри нет ничего: nihil. Суждено ли этому nihil начать мировой пожар, или видимость раньше того исчезнет?

Встретил Софью Карловну, у которой, известно: в роду был Карл. Она начала бранить русских: «всех без исключения». Высказала свою, а скорей всего и не свою, отчаянную мысль, что большевизм всем русским нравится тем или другим, что все без исключения ему преданы, и даже

граф Олсуфьев отпустил бороду, ходит в рубашке и доволен этим свинством — в рубашке ходить.

— Все без исключения довольны этим свинством!

Мне, как совсем русскому человеку, стало неловко: у нее в роду Карл, у меня лавочники. Чтобы дать ей возможность поправиться, я сказал:

— Ну, как без исключения, а вот родственник ваш Влад. Андр. Фаворский — какой славный человек.

— Так у него же мать англичанка! — воскликнула Софья Карловна.

Я приготовился сказать:

— А у меня мать испанка.

Но побоялся, что она опомнится и ей будет неловко. Она глупенькая. И какая же болтушка!

Если бы могла эта дурочка чувствовать хоть немного, как болит душа у русского, сколько сослано людей и как там страдают!

11 Мая. Тепло и парко после ночного дождя.

Туман. Хорошо.

Вчера болела голова. Пирамидон.

Детскую книгу поручить Разумнику.

Замошкину: выслать «Гибель».

<На полях:> *Попов сообщил факт, о котором я догадывался: главные кадры безбожников вышли из семинаристов. Отсюда: а в прошлом — Добролюбов и проч.? Если да, то безбожие это полное, голое, ни в каком случае не натуральное безбожие (в смысле богоотступничества).*

Вчера нащупалось: с самых разных противоположных сторон жизни поступают свидетельства в том, что в сердце предприятия советского находится авантюрист и главное зло от него в том, что «цель оправдывает средства»; а человека забывают. В этом же и есть, по-видимому, вся суть авантюры: внимание и заботы направлены на внешнюю сторону, отрыв от человека — потому несерьезность. Забвение человека ради дела, поставленного авантюристом.

Сов. типы: 1) Американец (новый Хлестаков), Варушкин — слуга его: закатывает глаза, как теленок, так что в поле зрения остается только белое, искренно отдается с потрохами, семинарист, б. лоб, ученый, очки, безбожник (наука).

N произвел на меня сильнейшее впечатление, кажется, в 1-й раз в жизни встретился столь близкий человек. Через него я увидел сам себя и очень вырос в своих глазах. Напр., я узнал, что всю жизнь свою был «практическим мистиком». (Писание есть моя практика). Второе, — что надо учитывать хорошую сторону революции и пользоваться ей для «переоценки» всего: Христос, Толстой, Гоголь, семья, Россия, государство — все это должно быть теперь по-новому.

Странное в этом человеке: он до того настороже: он как птица или дикий зверь живет, постоянно прислушиваясь и чрезвычайно обдумывая свои поступки. Или, как Робинзон среди людоедов («след человека» у Робинзона). В этой борьбе за жизнь он и понял первое и самое главное в жизни, самое, самое необходимое — чтобы ее (жизнь) себе отстоять. Десятки, сотни лучших людей проваливаются, попадают в Соловки. Они попали в Соловки по своей вине: сделали какую-нибудь ошибку. И Христос погиб (его словом), потому что сделал ошибку: открыл народу не подлежащие оглашению тайны. Вот откуда мистическая болезнь и церковь, которая, в сущности, лечила ее, прятала тайну обратно в организм, в природу (М. Пр.). Если бы уж спасать мир, то это надо бы не проповедью, а делом: совершить чудо спасения мира.

<На полях:> *Если так сказать: всякая секта обнажает тайну жизни, благодаря чему сметливые козлы берут власть над овцами и для их успокоения «втирают очки»: лечат болезнь, разлом, возвращая идею в природу.*

Мелькает в этом аспекте вреднейшая деятельность Зин. Гиппиус. Блок и Белый, возможно — ее жертвы. Она спекулирует самим понятием тайны; нет! если ты коснул-

ся ее, то держи в себе, а сам делай по своему знанию жизнь (совершил чудо).

Пишут письма о «Каляевке», а мне «Октябрь» не шлет журнал. Пишу — не шлет. Полное пренебрежение к производителю. Мысль об этом создает бесплодное состояние бессильной злобы. Это мелочь, но «чистка» уже не шутка, она целиком пленяет злобой своей личность. (Дать денег Т-у купить). Борьба с этим состоянием на два фронта: 1) углублением в творчество, 2) стремительной атакой на причину беспокойства.

Однако все эти меры, как аспирин в инфлюэнции. Болезнь очень глубока: в наше время человеческая личность — ничто, в расчете на смену можно личностью распоряжаться, как вещью. Наркомздрав Владимирский, сменивший Семашко, при своем вступлении стал опрашивать служащих, кто сколько служил. Один, наивный, похвалился: — С основания Наркомата. — Пора в крематорий, — ответил начальник. И уволил служащего. Так перед каждым работником: дай дорогу молодому лучшему.

Книга Чулкова.

Это литератор, который весь распубликовался: ему даже, пожалуй, и хорошо, все сделал, что мог.

Анархизм. Один утвердил себя в творчестве, он мог бы жить в свободном обществе, зачем ему государственная власть? и он называет себя анархистом (Толстой, Ибсен, Реклю).

Другой, как наш русский крестьянин, устроил себя в своем доме, в деревне, знает одну версту течения своей реки, и все, что приходит к нему от всего государства — все это зло ему. Он анархист. Третий вышел на волю и свою удачу, свои достижения считает мерилом жизни — тоже анархист?

Из всех этих элементов сложилась наша государственная власть, она знает, что все анархисты все сволочи и личностей не признает. Она безлична и отвлеченна, потому что исходит от личников, стертых трением друг

о друга на пути к власти. Так возникает «колхоз» (садок анархистов).

12 Мая. С ночи в день дождь, потом гроза с окладным дождем до вечера. Это чудесно, в Мае окладной дождь — отдых от движения бурного жизни, совсем как осень рабочая, но с <*1 нрзб.*> внутри, что завтра или послезавтра непременно засверкают мокрые зеленые острые листочки.

Смотришь, бывает, на человека и думаешь: что бы за человек он был, если бы марксизма не было.

Т. Дунин, директор музея искусств в Сергиеве вечером, уходя домой, захватывает с собой самую толстую книгу и всю ночь читает, стараясь догнать мир в отношении культурности. Он читает всю ночь напролет какую-нибудь загадочную книгу, напр., о древнерусской старине и старается понять это явление с точки зрения экономического материализма. Мало-помалу он так наторел в этом, что за ночь мог перевести на марксизм довольно толстую книгу. Сегодня, выходя из музея, он сказал: — Не могу себе представить совершенно жизнь без марксизма на земле...

13 Мая. С раннего утра мало-помалу расходятся тучи, и с 8-ми утра начинается влажно-солнечный день.

Борьба со злом возможна лишь путем творчества жизни. Зло в творчестве используется, как самопобуждающее к высшему напряжению творческой деятельности (подлежит разработке и усвоению).

Когда старые березы только цветут еще, на макушке уже есть ярко-зеленые листики величиной в крупную дождевую каплю, но все-таки в общем лес еще серый, вот тут, когда встретится черемуха, до чего же у нее на сером общем фоне кажутся большими и яркими ее листья: в это время у нее уже готовы бутоны, и кукушка поет сильным сочным голосом, и соловьи учатся, начинают, а комаров еще нет. Чертова теща и та в это время очаровательна,

она еще не поднялась, а лежит звездой внизу. Из-под воды везде выбрались и сразу же тут и раскрылись ядовито-желтые цветы. В черной воде лесных ручьев...

В этот роскошный день, как часто бывало и раньше, я почувствовал общую неразрывную связь себя с природой, на чем бы ни останавливалось мое внимание — все было мне где-то знакомо, в своем внутреннем мире я находил полное соответствие, так что, наконец, весь, так называемый внешний мир с растениями и небом, и водой, и животными совершенно то же стал, что и я. Все отличие этого внешнего мира и моего внутреннего, что внутри себя я все объединял своим Я, а что было без связи через это я, а жило, как мир совершенно свободно, как в сказке без времени и пространства: в некотором царстве, в некотором государстве... Волшебная нить, такая искусная являлась мне как дар того мира и <*1 нрзб.*> я — художник, я — обитатель того мира.

Выходило так, что Я — это было сознание мира. И вдруг все повернулось. Так я подумал: но что если это право на Я — только наше безумие, что если и все они там, по-своему каждый, выступают, как я, и может быть смутно, а может быть еще и яснее, чем мы, тоже чувствуют мир через свое Я? Например, эта очаровательная чертова теща сейчас еще без колючек, раз это в ней теперь есть такая стадия без колючек, то значит было время, когда она росла совсем без колючек смолоду и до старости. Было же, стало быть, с ней что-нибудь, почему она покрылась колючками. <*1 строка нрзб.*>... но почему же чертовой теще свойственны колючки, а березе плакучей изящные маленькие летучки? В простоте своей скажу: потому что береза добрая, а теща — злая чертова баба. И конечно, у нее есть свое «я», и у всех свое «я», все они живут одинаково, чувствуя, или как мы, представляя собой мир, и я тоже узнавал в них свое прошлое. Есть ли у них, как у нас, что я — это царь природы: чертова теща <*1 нрзб.*> вылезая из-под земли, глядит на черемуху, как на низшее существо. Правда, какое низкое сознание у черемухи! Нужно же покрываться такими золотыми цветами и давать смерти

ее любимый аромат. Когда зацветет черемуха, является Смерть и начинает ломать цветы. Приходит другая Смерть — по запаху. Сходятся, обнимаются, ложатся, мнут цветы. Расходятся разными тропами, одни *<4 нрзб.>* другие... Приходят другие пары и тоже ломают черемуху и ложатся. Расходятся. Образуется тропа смерти, на которой ничего не растет...

Два противоположные лица — Белый и Бострем. Одному в природе — маски, другому — родственники.

15 Мая. Дождливый день и прошел бестолково, если не считать разговор с N, в некотором отношении интересным. Первое выяснилось, что от рабочих масс к правительству исходит некая сила, все обезличивающая на своем пути, вплоть до главы правительства, который всегда может быть заменен другим, совершенно равным ему.

Второе, существуют лица у нас везде и всюду, столь убежденные, что никакая сила не может остановить их. Мой собеседник, думая о них, сказал: «А социализм у нас растет. — После он оговорился: — Я не знаю, впрочем, социализм ли из этого выйдет. — Может быть, фашизм? — спросил я. — Может быть, — ответил он».

Вот и надо понять, что значит этот «социализм». Мне думается, что есть нечто очень далекое от «социализма», скорее всего — солидарность с правительством.

К этому еще одно о N. Силясь вдуматься и понять события, он не понял их за все 12 лет только потому, что втайне, как высоко поставивший себя, презирал большевиков, *<1 нрзб.>* считая их просто случайностью, а потом временным затмением невежественного народа. Никогда он не мог про себя ставить народных комиссаров в уровень с императорскими министрами. Короче сказать, события не были для него универсальными, а мелкими, временными, вроде китайских бунтов и замирений. После двенадцати лет у него, наконец, открылись глаза: события были универсальными, стоящими как огромный и страшный «русский вопрос» перед всем миром.

16 Мая. После устройства Зоиных вещей в нашем доме и начала маленького хозяйства с коровой становятся нелепостью поездки Павловны со мной на охоту. Это раз, и второе, кажется, приходит острая потребность (к табаку). Тоже и дети вылетели из гнезда. По-видимому, мне предстоит устраиваться (на север. полюсе).

Совиное гнездо. Гриша вчера звал меня фотографировать совиное гнездо. Был день пасмурный, я сказал, что завтра, пойдем, если будет светло. — Как-нибудь уберегу, — ответил Гриша. Оказалось, гнездо-то не он нашел, а тот, кто нашел, один мальчик, показал всем, и вот теперь десяток хищников рвутся замучить птенцов. — Упрошу, — сказал Гриша. На другой день он явился с Татей и рассказал, что один совенок из трех пропал, но что это вероятно родители перетащили в другое дупло. Это очень возможно, потому что отец и мать вначале ужасно кидались, прямо в лицо крыльями били, мальчишки же в них камнями, а ночью, вероятно, и перенесли.

— Ах! — воскликнула Татя, — смотрите, это что?

И показала нам. Рассмотрели: совиные головы. Значит, не птица перенесла, а мальчишки казнили. Гриша так рассказал, что казнят птенцов мальчики, обыкновенно расстреливают, есть маленькая пушка такая...

— Но за что же?

— Так ни за что, сова, говорят, вредная птица, под предлогом вреда.

— Под предлогом?

— Ну да, конечно. А дедушка говорит, что не нам судить, что в природе полезно и вредно.

Еще бы. Я рассказал, что в серьезной литературе ведется спор, полезная птица ворон или вредная, <*3 нрзб.*> казалось, вреден, а когда их истребили, <*4 нрзб.*> урожай. Даже самый страшный хищник ястреб-тетеревятник оказывается полезным: без него во Франции выродились и захирели куропатки.

Так в разговоре мы пришли в липовый парк. Глупые совы, вот выбрали место! С одной стороны Каляевка, с другой прямо улица и дорога. Липа с дуплом была поч-

ти на опушке. Видимо, она умирала: дупло начиналось с высоты роста человека узкой щелью и на развилине расширилось и шло в правую развилину щелью вверх. Птицы были видны через щель, на темном резко выделялся их белый пух. Вокруг все гамело, десяток мальчишек камнем гоняли родителей, другие ждали, когда начнут фотографировать и можно будет вытащить птенцов. Мальчишек сдерживал отец Гриши Влад. Серг. С дороги сюда завернул какой-то инвалид с женщиной, они сели на опушке под большую липу. Он вынул бутылку водки, она выложила закуску. Трава майская молодая в косых лучах зеленела необыкновенно ярко, и на этом ярко-изумрудном хороши *<1 нрзб.>* были глубоко — темные стволы старых лип. Между ними была одна береза и цвела по-своему, как береза, удивительно целомудренными своими золотыми сережками...

Но кто это видел?

Мальчишки, враги всего живого, гамели, а коммунарам ни до чего не было дела: выпивали и наслаждались вином. Одного совенка пришлось подвинуть из дупла к свету. Десять рук потянулось за ним. Ведь уж сто раз вынимали. Совенок пробовал открыть глаза в *<1 нрзб.>* пленке и както ужимно смертельно-устало полузакрывал их, качаясь сверху вниз. Совенок...

Тяжело было смотреть на него.

Вдруг Влад. Серг. толкнул меня и в сторону повернул.

— Снимайте!

Я увидел там под липой, где выпивали мужчина и женщина, ноги голые раскинуты в стороны и...

— Редчайший снимок, спешите! — говорил Т.

Я только теперь отдаю отчет себе, почему я, пораженный никогда невиданным зрелищем, не мог снимать. Меня поразило, что то таинственное, запрещенное стороннему глазу, и теперь на полном дневном свету, при гаме мальчишек не было ни очень противно, ни даже занимательно: птицы, быки, собаки ежедневно в мае — все так. И замечательно было, что часть детей была занята совенком и не хотела смотреть туда. Может быть, это и часто здесь,

привычно: сова интересней. Другие же дети, как все дети, в присутствии взрослых этого стыдятся. Словом, дети тоже не хотели смотреть. И потому я тоже не должен был приближаться туда с аппаратом и смотрел туда, как виноватый: должен что-то делать, а не могу.

— Ну, вот опоздали! — с разочарованием сказал В.

Любовники привычной рукой оправили костюм, сели и стали целоваться взасос, потом опять выпивать. Им не было никакого дела и до шума этих ребят и до прохожих на дороге. Среди яркой зеленой травы они были совершенно как лягушки или быки какие-нибудь. Атавизм этой сценки <*7 нрзб.*> как бы ежедневно видишь, человек свернет с дороги и станет на минуту за дерево: его видишь и не видишь...

Совенка я велел отнести к одному натуралисту...

А как не хотелось старым липам весны, черные, голые...

Чертова теща.

Было время, когда я, увидав это, страшно бы возмутился и написал бы в газету или донес бы в администрацию и потребовал... И теперь я тоже подумывал что-нибудь предпринять, но привычка во время революции за 12 лет переоценивать ценности и <*3 нрзб.*>, кроме всего я подумал: а что если эти пьяные любовники являются пионерами той проповеди возвращения к природе. Ведь противно и жутко, если представить себе согласно со своим воспитанием, но в действительности было очень просто, «вполне естественно», а дети гораздо больше интересовались совами.

А дома меня дожидались представитель МОНО, доктор и <*2 нрзб.*> из Москвы и заведующий <*1 нрзб.*>. Они прочитали мою «Каляевку» и просили меня в Москву на большой диспут.

Есть птички, такие маленькие, что сами себя, кажется, не считают за птицу и человека не боятся совершенно, если же неподвижно сидеть и посвистывать вроде рябчика

или мышки, то она так близко подлетит, что вот только не сядет на плечо.

Встретилась девушка с таким румянцем, что вот, кажется, когда-то встретила кого-то, он посмотрел на нее так, что она вспыхнула и вот с тех пор такой и осталась, ходит такая, и каждому кажется, что это она сейчас только от его взгляда вспыхнула.

17 Мая. У ежей, таких умных, есть...

В природе ежей, таких умных...

Еж иногда поступает так, будто он вдруг как бы забыл, что в колючках. Не знаю, почему это? У меня на днях один ежик из-за этого чуть-чуть не погиб. Он вылез ночью из ящика своего и задумал пролезть на волю через балясины в терраске. Щелка была узка, он застрял — вперед не лезет и назад нельзя, потому что колючки упираются в дерево, если подаваться назад. Хорошо мы скоро заметили, несчастный уже задыхался. Пришлось ведь выпиливать балясины, вот с какой силой он лез вперед.

Жалко мне стало этого ежа, и я решил его выпустить, но посмотреть, куда он пойдет. Смутно я помнил то место, где нашел его, — Дубец, но вот именно и хотелось мне, чтобы ежик сам нашел свое родное место. Я уложил ежа в особую мою ежовую шляпу, в которой раз принес ежа, и так она и пошла специально для ежей, птиц и всяких маленьких зверьков. На первой полянке в лесу я посадил ежа на землю, сам стал поодаль. Он полежал, полежал, потом вдруг дернулся — раз! раз! и быстро побежал в кусты. Я за ним издали, стараясь не шуметь.

Описание весеннего леса. Тишина — секрет понимания леса. Сова (сучок свалился — испугана). Накололись ландыши. Сухая листва. Шелест. Добрый характер ежей (защищен колючками). Вокруг поляны (не хотел переходить открыто). Замирание. Посидит немного и бежит. Потом надолго замер. И стал чесаться — весь бок вычесал лапкой, как собака. Другой бок. И тихонько пошел, нюхал носом листву, что-то быстро хватал. Дерево — стояло...

Канавы и проч. — это и была ежовая родина. Все другие ежи спали, потому что ночью жизнь.

За оврагом, откуда начинаются родники добра и зла, по ту сторону...

Цветы в воздухе. Раньше всех деревьев цветет в нашем климате ольха и замечательно — на снегу, когда все деревья спят, когда у берез даже и сок не шевелится, ольха процветает, а листья раскрываются нескоро, даже после березы. Отчего это? А еще интересней осина, та тоже очень рано покрывается червяками, стоит она как бы вся темная, потом это сменит на зеленые червячки, и стоит совсем зеленая, но это все цветы, а распускаться начинает она очень поздно: когда на березе лист в копейку, она только-только почки раскрыла. Начинаются цветы у нас в воздухе. (Начало.)

Семафор. Известно, что в охотничьем словаре нет хвоста: у волка — полено, у лисы — труба, у зайца — цветок, у борзой — правило, у гончей — гон, у сеттера — перо, у пойнтера — прут. Только раз было, слышал я в устах охотника слово «хвост». На севере один старик признался мне, что раз в жизни своей видел черта в глаза.

— Какой же он? — спросил я.

Старик раздвоился в глазах и таинственно пролепетал мне:

— С хвостом. — Какой же хвост? — спросил я. — Коровий, — ответил он.

Значит, у охотников с хвостом только черт, а если кто-нибудь скажет о звере *<1 нрзб.>* «хвост» — верный признак, что он ничего не понимает в охоте и только ружье держит в руке, больше наган.

Моя лайка Бия прислана мне из Нарыма, в лайках я ничего не понимаю и принужден говорить о хвосте: он у нее чуднее, чем у всех животных, и лежит на спине, свернутым в колечко. Как назвать его, разве крендель? Но тоже нельзя, потому что в минуты крайнего недоумения, вопроса, крендель развертывается и пресмешно повисает поленом.

Недавно три мальчишки шли по той стороне ручья, а я на этой с Бией. Вот мальчишки поравнялись, и один из них стал выделывать что-то непривычное языком, давать клички, чтобы раздразнить Бию. Она остановилась крайне удивленная, уши рожками, а кольцо со спины, как распаренный крендель, стал развертываться и падать...

— Хвост-то, гляди хвост, — крикнул один мальчишка.

Когда крикнул, крендель опять завернулся.

Тогда первый мальчик опять гикнул.

Крендель опустился.

— Вот так хвост! — крикнул второй мальчик.

Третий же резонно сказал:

— Это не хвост.

Крайне удивленный и обрадованный я спросил:

— А что же это?

Третий мальчик ответил:

—Вот опять подняла, вот опустила. Это не хвост, а семафор.

С тех пор временно, пока не узнаю от сибиряков, зову у лайки хвост семафором.

19 Мая. Цветет черемуха. Под березами легкая тень. Осина стоит густо-зеленая во втором цвету, потом, когда береза вовсе станет где-то зеленой, осина начнет покрываться сначала не зелеными, а бурыми листьями... Есть ивы, которые только теперь цветут и сильно пахнут. Вот теперь интересны липы, такие черные.

Поездка на Зооферму «Лисья поляна».

Цыгане.

Из беседы с извозчиком:

— Скоротечный, двухгодовалый анжинер.

— Мальчишка от политики, комсомолец, мешающий работе: «гуттаперчевая пробка».

Революция нахлобучила (жил человек и вот...).

Строительство не отрицает, везде видно строительство — вот и зеленый город в Софрино — хорошо? — хорошо. А если подумать, что для этого города надо на сто

верст разорить — не дюже хорошо. Одну фабрику выстроят, а пять разберут...

<На полях:> *Легенда извозчика: «Привезли 5 вагонов крыс из Америки». Вдруг — «не туда!» и отправили дальше. На <1 нрзб.> крысы отдыхали.*

Из лесов на холм вынырнула деревушка и название ее «Вынорки».

Зоофермы —

1) Архангельская
2) 1-я Московская (под Пушкиным)
3) 2-я Московская строится
4) Тобольская
5) Байкальская
6) На острове Путятин в заливе Петра Великого — Дал. Вост.

Зооферма в Европе самая большая, в Америке есть.

Лисофон.

Баргузин (помесь куницы с соболем).

Таркули и Алинька

Кинг

Норковый сарай.

«С» — Значит Copellaru — легочные глисты.

Тан и Тувинка (Тувинской респ.)

Как образуются дырочки в вольерах: ставится дерево, ветер качает сук, он рвет ячейку... Выскочил. На дерево. Окружили дерево. За голубем спустился. Когда хватил, — *<2 нрзб.>* и был пойман (покусал).

Дали «Мишку», а бумажку бросили, он за бумажкой и нашел дырку. К счастью в руках оставалась половина — разделили на части, давали и привели.

Антонина Яковлевна Ченцова.

Правда ли, что соболь очень нервный вымирающий зверь. Нарыв у Тони. Под наркозом операция, вынули скуловую кость и живет.

Единственный случай оплодотворения в неволе: у Мантейфеля.

Необходимо образование, а та запись:

«Она спала. Он подошел, понюхал. Посикал и сам лег».

Через $1\,^{1}/_{2}$ месяца (июль—август) гон у соболей, а теперь уже приучают самца к самке, она на него лает.

Случается, сожрет соболенка от испугу (девать некуда — собственность). А лисица раз живого зарыла. Мантейфель дал калошу, она взяла зарыла калошу и этим отвела душу, а потом ничего.

роман Мусик и муська
Хромой
Кривой зуб

Мусик зажирел и не мог, Муську дали Хромому. Когда вернулась к нему — радостная встреча: отмывал ее. А Кривой зуб, когда дали ему Муську, бросился на нее (у него своя).

Любовные запахи тайги не разгаданы.

Раз утром ее наши мертвой с выеденным боком и внутри сперма: он ее загрыз, потому что она еще была не в полной течке: изнасиловал и загрыз.

Рубен Багратионович Шхилянц.

Лисятник: 600 старых + 800 молодых и еще будет (всего 1500). Старый в среднем 1200, молодой 500.

Кошки лисят соболей кормят и котят дают соболям.

Сука лежала с лисятами и рычала.

Енотовидная собака ходила по <*1 нрзб.*>

Енот американский медвежеобразный.

Заготовка корма в голодное время и эфемерность фермы: слишком велика не согласуется со всем другим: соболей кормить или людей: люди стали есть голубей, телят запрещено резать.

<На полях:> *Спец-человек непременно должен иметь горизонт деревенского.*

Есть такое на свете для каждого из нас, что вот самый опытный и не видел, и слава Богу: ведь всегда же есть такое страшное, что, кажется, вот если увидишь, так и жить потом не стоит. Не резали у меня на глазах женщину или ребенка. С другой стороны, по старому опыту, по тому, что видел, думаешь: а и нет там, в самой жизни, того страш-

ного, что мы предполагаем. Зарежут на глазах ребенка, и окажется, особенно страшного так, как предполагаешь, в том нет. По крайней мере, пулей при мне убивали не раз и совсем ничего. Не так как было: как-то «ничего». Только я очень боюсь, что это не простое «ничего». Жизнь без всякой примеси традиции, воображения — «ничего». Но... жизнь и <*1 нрзб.*> без той примеси? Тоже вот никогда я не видел спаривания людей при солнечном свете где-нибудь на траве чтобы недалеко от дороги. Люди чтобы по дороге шли, дети... Мерзости такой никогда не мог себе вообразить, и рассказываю так понемногу, что недавно удалось видеть.

Такого не может быть другого дня, как сегодня: май блестит, ночи нет. Мы уговорились идти вечером в лес. К чаю приходит из огорода. Спрашиваю: «Ну как всходит? — Молчит. — Почему ты не отвечаешь? — Не хочу. — Но так же нельзя, мне кажется, если ты поработаешь в огороде, то в этом я виноват. — Никого я не виню... а просто не хочу отвечать...»

Я ухожу из комнаты, и не только прогулка вечером становится невозможной, а едва ли состоится Никола[1], если только я не стану шутить с ней, как будто ничего не бывало. Однако эти мои приемы действуют все меньше и меньше. Никакими придумками не возьмешь.

Эта ее самодурь является, думаю, от хорошей жизни, т. е. дети поставлены, устроены, все есть, а я заметно не могу обойтись без дома, без уюта, без болтовни, без гостей. Я без нее гостей накормить не могу, я одеться не могу — все у нее! Вот она разбаловалась и дурит. Ей все равно, может вполне удовлетворить самодурь. Защита и от нее — Лева, его нет. Как же быть? Сразу тут трудно, а надо почаще вон из дома и к этому бездомью (возможно ли?) приучать себя.

Очень возможно, что ее удовлетворяет самое мое расстройство, что этим она участвует в моей жизни. Без этих эксцессов она себя чувствует кухаркой, огородницей, хо-

[1] 22 мая — Николин день, в народе — Никола Вешний.

зяйкой, но не женой. Это эксцессы яловой самки, сформированные характером. Едва ли тут как-нибудь и обманешь...

Вот мое художество, восторг мой от весны, от солнца, сотни тысяч людей читают меня и ждут нового слова. А она знает, что стоит ей выкинуть за чаем какую-нибудь маленькую штучку свою и все это художество разлетится, как дым. Есть наверно особое злобное наслаждение пользоваться такой силой...

Как же иначе?.

Если бы она, как С. А. переписывала мои рукописи и вообще вела плюс к тому и это хозяйство, то было бы много мучительней.

Если бы она товарищем была в художественной работе, другом, как было прежде, когда она не знала общества и «держалась» за меня. Я ведь этого хочу, но это прошло... Она хотела бы на машинке писать, как жена писателя, а огород, вероятно, ее оскорбляет. Словом, тут неисправимо. Разве только если я займусь огородом? Это, конечно, вздор, тогда она и вовсе съест меня.

Написав все это, подумал, что в моем положении все-таки выгодней лаской брать и вдруг отправился к ней и наговорил ей всего много хорошего — какая она хорошая была и лучше нет ее, и вот теперь — это пустяки.

Да так <*1 нрзб.*> со всем и опять отличное у меня настроение!

Так вот создан был мир домашний, но как же создается мир всего мира. Где тут? Хотя бы только смелости набраться, чтобы о мире всего мира помолиться... как ведь оно: только подумаешь о мире мира так сейчас появляется Европа, Англия, Америка, Китай... до того, <*1 нрзб.*> въелось разъединение. Надо быть очень близким к ужасу разрушения ближайшей войны, чтобы молиться о мире.

Надо войти внутрь современной мировой политики, сделаться очень близким мировой жизни, трепетать всем существом перед ужасом предстоящей войны, чтобы дерзнуть помолиться о мире всего мира.

Смысл современного обезличивания (перемен, перебросок и т. п.): это ставка на сильную личность. Писатель, напр., — в обыкновенных условиях награждается лавровыми венками общественного признания, в прежнее время можно указать множество примеров бездарностей почему-то признанных и наслаждавшихся всеобщей известностью до конца своих долгих дней. Теперь такие ошибки возможны на короткие сроки — сезон, не больше. Зато и даровитые люди мало поощряются. Теперь ставка на такого писателя, который вовсе бы разучился думать о награде и о своей личности... Так понимаю я. Но можно и так понимать, что ставка теперь не на сильную личность в широком творческом смысле слова, а на личность, которая выживает... Еврей, напр., выжил, сбросив балласт физического органического труда (новое слово: выжива — вместо выжига). Комсомолец выживет, ограничивая себя политграмотой...

21 Мая. Черемуха в полном цвету.

***22 Мая.* (Никола Вешний.)**

Продолжаются жаркие дни. Ходил через Торбеево и *<1 нрзб.>* к Тимофею в Бобошино на праздник. У Торбеева молодые ребята собираются гулять, а колхоз сажает картошку.

Сидели, пьяненькие, тесно друг к другу, жарко, потно. Посредине избы девка, — получает 8 р. алиментов — заголив ногу, поправляла подвязку. На улице мальчишка на солнце пустил струю, как у Рубенса. Мужики все бранили власть. Один утверждал: — Без капиталу никак нельзя устроить социализм, хорошо как у меня есть и у тебя, и у соседа, вот мы сошлись с капиталом и говорим: «давайте строить социализм». А как у нас нет ничего, то социализм нельзя устроить. Без капиталу нет социализму!»

Князь вышел, качаясь, ходил по деревне, где-то нашел двух хороших кобыл и повел нас показывать и просил понюхать под гривами: пахло кирасирским полком. Княгиня согласилась.

Уходя, покачиваясь, князь говорил княгине вполголоса:

— Никогда не был сентиментален, но должен сказать сейчас, — как бы вздохнули наши эмигранты, если бы могли взглянуть на нас.

Я шел вовсе трезвый и думал:

— Да, вот бы взглянули!

На огороде у нас таз стоял, в нем лежали корки для коровы. Пришел грач и стал корки доставать из таза. Одну взял и зарыл в огороде, другую достал — зарыл, третью... Он и все бы зарыл и сделал громадный запас для корма своих молодых, но где-то в высоте пролетел второй грач, подсмотрел и спустился на огород. Первый, наш грач, встретил его, дал ему что-то понять и они вместе пошли: наш впереди, гость позади. Они спустились вниз, в обратную сторону от того места, где был таз с корками, Там наш грач начал что-то копать, другой смотрел.

— Вот видишь, нет ничего! — сказал по-своему наш грач.

— А ну-ка еще покопай! — сказал гость.

Наш еще покопал.

— Да ты сам попробуй! — сказал он, перестав копать.

Гость попробовал.

— Вот видишь! — сказал наш.

— Делать нечего, — ответил гость.

— Не надо отчаиваться, — возразил наш, — недалеко отсюда есть отличная помойка, хочешь покажу.

И полетел к соседям. Гость тоже полетел туда, и правда раздобыл какую-то крошку и улетел.

А наш вернулся к тазу и закопал последние старухины корки для своих молодых.

Значит, грачи, так же как и мы, думают о завтрашнем дне и собирают запасы и так же, как мы, дети буржуазного мира, обманывают других, чтобы себе больше досталось.

Старухин хлеб.

<u>Грачи</u>. Жила у нас старушка, расстроенная голодом в двадцатом году. Когда голод прошел, и все стали жить хорошо, ели белый хлеб, а черный подавался к столу больше

для виду так, чтобы белый елся вкуснее, она потихоньку уносила к себе в комнату черный хлеб, и так собирала запас. Сын ее рассказал мне об этом, извинился за мать и очень просил нас не мешать ей собирать запас, в этом было все ее наслаждение жизни: собирать запас тайно. Раз в неделю сын потихоньку от матери забирал ее запас — она не замечала, и возвращал нам куски. Хорошие куски частью сушили, частью отдавали нищим, а корки бросал в лоханку в коровье пойло. Хлевушка для коровы у нас был на огороде, и лоханка стояла под окном и все было видно из кухни, что делается на огороде.

Дня через три мы у нее этот запас потихоньку отбирали, но она не замечала убыли и продолжала изо дня в день носить корки.

Так было не один год. Летом этот хлеб обыкновенно каждый день выбирали и после обеда, раскрошив его, бросали в лоханку в коровье пойло. Эта лоханка стояла у нас под окном, и все, что делалось на огороде, из кухни было видно.

С этого разу так и повелось: старуха от нашего стола делает запас для себя, а грач старухин хлеб запасал себе. Очень нас это дивило, что грачи тоже, как мы, думают о завтрашнем дне, собирают запасы и тоже, как мы, обманывают друг друга.

<На полях:> *Так и старуха наша — это ведь замечательно: она ведь думала, что мы не заметим ее, не оценим, и собирала запас.*

25 Мая. Продолжается жара. Вчера вечером пришел «поэт Вечерний» (Кассиан Федорович), часы, Гедройц. Чего не бывает на свете!

Познакомился с художником Влад. Ивановичем Соколовым.

Был у Тиайна.

Пушица со старых осин, как снег идет. Молодые осины сейчас, весной, своим цветом празднуют осень, а когда осень придет, опять как весной загорятся, выделяясь из всего леса своим пламенем. Цветет бузина. Начались

ландыши. Подумал, бабы идут с ведрами за водой, а оказалось, это под барабан маршируют пионеры. Мухи, пчелы, жуки, так много всего на солнце, что иногда кажется, будто где-то вблизи люди между собой разговаривают. И вот хоть убей, а на такой жаре пахнет свежим, горячим вареньем.

Homo sapiens. Очень много в человеческом мире суждений поверхностных, потому что судят не по своему личному опыту, а как это видится со стороны. Напротив, о спаривании человека говорят больше по себе, воображая, что свое тайное становится явным. От этого, вероятно, и представляется человеческий coitus[1] чем-то совершенно особенным, чем у животных.

О смерти люди обыкновенно судят не по себе и оттого очень ее боятся, и нет больше предрассудков, чем о смерти. Напротив, о любви говорят только по себе и глядят в глубину. Смерть видят все понятно, а увидеть, как спариваются Homo sapiens... как это увидеть? Есть, конечно, сладострастники, которые специально за этим охотятся, но разве они видят со стороны: они такие же заинтересованные участники, как и сами любовники. Мне за всю жизнь этого не приходилось видеть ни разу, и когда я представлял себе возможность этого где-нибудь вблизи дороги весной на траве, то всегда было противно, отвратительно. Пожалуй, такое в общественном месте считали бы самым позорным для человека. И вот на днях случилось мне это увидеть...

Пришел ко мне мальчик и позвал смотреть гнездо совы. Некогда было, я попросил отложить это до завтра. Но оказалось, что мальчишек собралось у гнезда немало, всем хотелось поскорей разорить гнездо и сдерживать <*2 нрзб.*> невозможно...

27 Мая. Продолжается жара. Цветут все сады. Вчера ушел гость. Я думаю, что он из семинаристов, потому что, во-первых, окаянный, во-вторых, пишет, в третьих,

[1] coitus (*лат.*) — совокупление.

имеет благодушное сентиментальное чувство к природе. Он изнасиловал Иванова-Разумника, Ю. М. Соколова, Воронского, Ценского, Цявловского, меня... Является неожиданно, рекомендуется поэтом, читает стихи, среди которых есть и неплохие, просит написать о них несколько слов. Все пишут, не подозревая, что своим именем дают паспорт, возможно, отъявленному негодяю. Разумник дал ему рекомендацию к Гедройцу, а тот написал, что он у него украл золотые часы. И я, зная это, все-таки написал ему исключительно от охватившей меня радости, когда узнал, что он уходит.

Похож на волка. Стихи — волчий вой. Думаешь об этом человеке-волке и понимаешь, что только семья может быть школа альтруизма, социализма, коммунизма. Без этого воспитания внутреннего, люди вырастают волками, хотя будут служить, работать на соцфабриках, участвовать в профсоюзах, выполнять всякую «общественную нагрузку».

Насильник (восп<итатель> Козочки), как вечный фактор.

28 Мая. Барометр падает три дня, и вот сегодня, наконец, серое небо и капают теплые капли.

Вчера приехал родственник Коля (Ник. Алекс.) Булгаков, симпатичный, но какой-то вареный молодой человек (23 г.) И не у дел. Говорит, что много таких из интеллигенции. Тоже и в деревне, своего рода «лишние люди».

Пошел прочный слушок о переменах в денежной системе. Вероятно, это будет к осени. И надо ожидать полное отстранение художественной литературы. Ввиду всего этого, а так же и возможности писать заграницу, начинаю серьезно заниматься зверями.

29 Мая. К жаре теперь присоединился знойный ветер, перебегают бесплодные тучи, духота.

Непротивление злу.
Надо разобраться, какое зло.

Тот, кто требует непротивления злу, конечно же потому прибегает к этому, что непротивление злу представляется единственным средством борьбы. Но если бы хоть какая-нибудь возможность была уничтожить зло прямой борьбой, то, конечно, никто бы не стал говорить о непротивлении. И такого рода зло живет среди нас постоянно: в сущности, это бессильное, не творческое, мелкое повседневное зло. Но есть другой род зла, это большое, творческое зло, вроде, напр., государственности. Это зло так же необходимо для достижения высшей цели, как выжидающая длительность в творчестве или самое время, как срок: с этим ничего не поделаешь, и приходится дожидаться, когда время пройдет. Вот и теперь несомненно, все господство зла обусловлено состоянием в данный момент всего народа. И мы все знаем, что это зло «перейдет», это зло в нашем сознании почти сливается со временем, сроком, необходимым для просветления масс. Борьба с этим злом, определенным для государства на срок, невозможна, и в этом смысле можно говорить о непротивлении. Но это творческое зло рано или поздно должно перейти в добро, и нам при всякой организации, при всяком господстве зла можно стоять на путях добра. Тут в недостижимых для зла недрах совершается постоянно та самая героическая, жестокая борьба, которая рано или поздно придаст постоянному творчеству жизни форму видимого добра. Итак, непротивление злу означает сознание бессилия борьбы со временем или сроком, на который в творчестве жизни необходимо определяется господство зла. А «пассивное сопротивление» есть иначе борьба со злом на путях добра в смысле подготовки...

Наш социализм питается разложением государства и является продолжением великой войны: верней всего, это мост между одной и другой будущей войной. Сила его состоит в определенном отношении к факту войны.

30-е — 31-е Мая провел на Зооферме.

1-го Июня утром вернулся домой, приехал Разумник и был у меня до 4-го Июня.

4 Июня. Проводил Разумника.

В 4 еду в Москву на диспут о «Каляевке».

В понед. 1-го Июня ударил мороз. Помидоры (и сады вероятно) погибли. Что с птичьими гнездами?

«Сахар на базаре 3 руб. кило и в киле фунт».

Расстались с Разумником с такой резолюцией: какая-то слабая надежда, что пересидишь, все еще есть, и сдаваться нельзя: будем работать над «соболями». Но не мешает также начинать собираться в последний путь, укладываться, чтобы не кончить жизнь подзаборной собакой. Разумник говорил, что слышал от человека, который слышал речь Семашко выпуску врачей: «Врачи должны держаться классовой морали и не лечить кулаков».

— А что если больной страдает заразительной болезнью?

— Изолировать.

Значит, если не лечить и изолировать...

Вступительное слово.

То, что я имею вам сегодня доложить, товарищи, напечатано.

Холодно.

Проводил Разумника утром, вечером читал и вся ночь прошла в этом паскудном диспуте.

5 Июня. Холода.

Написал о диспуте.

Отец отечества, Семашко, снова на склоне лет вмешался в мою жизнь. Люди искусства могут жить, не занимаясь политикой: она им не нужна. Но политика только во время войны обходится без искусства: им необходимо оно для славы (после войны). Художник не судит политиков, он испытывает на себе их действие, кричит от боли, редко радуется. Но политик непременно считает себя понимающим в искусстве и судит. Художник часто в несчастном положении от политики, политика — в глупом от художника.

Семашко закончил:

— А насчет аполитичности художника, то об этом мы поговорим с глазу на глаз. Товарищи! не может быть художника без политики.

9 Июня. Диспут 4 Июня превратился в чистку, вероятно, по упущению председателя, который до того привык быть на чистке, что, упустив вначале, потом даже и забыл совсем, что происходит диспут, а не чистка. Эти узкие спецы, вероятно, не могут даже допустить мысль, что поэтические произведения пишутся без всякой помощи Маркса.

Вчера был на «встрече писателей с детьми». Попал к пионерам — такое множество, что президиум кричал в трубы. Я был совершенно один среди мальчиков. Мне тоже предложили трубу.

— Это Робинзон Крузо, — сказал кто-то в толпе.

Потом открылось, что я не туда попал: тов. Халатов где-то в другом месте. Искал и не мог найти.

Великая сушь.

Вчера по пути в парк культуры и отдыха разговорился с пожилой женщиной, которая лицом была похожа на старую народницу-учительницу, но коротенькая юбка, чулки, подвижность и деловитость современная преобразили ее. Она оказалась врачом-педологом (по-прежнему бы работала в земстве лекарем, ныне бегает в столице около чего-то).

10 Июня. Великая сушь. Вечером началась сухая буря.

Приходил гравер Павлов Иван Ник. и с ним Влад. Ив. Соколов. Создаем с Бостремом сову.

11 Июня. Великая сушь, буря. Занимаюсь фот. работой. Увеличивал сову. Бострем будет ее писать.

Ожидаю письмо Зуева о Госторге и ответ Разумника.

12 Июня. Сушь. Бострем начал сову. Боюсь, что картина, если она удастся — будет беспредметной, и если останется сова, то будешь досадовать, что осталась.

Человек вроде плотвы, начинился мельчайшими костями... Самонадувание.

Претензионные нищие и самодовольные, и завистливые, и невежественные, организованные... В общем, мелочь, дрянь.

Начинаю рвать и болтать. Срочно принять меры к самоохране.

Ехал со мной юрист (вероятно из ГПУ), я с ним был очень откровенен и болтал без умолку. Он очень натасканный, но не умный и малообразованный еврей. Характеризовал наш строй, как беспримерный образец господства большинства. И вскоре затем раскрылся: «Почему бы не пожертвовать 5 миллионов для благополучия будущих ста?» Я отказался... Он сослался на войны. Я о них: «Бессознательно». Он: «Нет, вполне сознательно». Я: «По крайней мере, обывателям представлялись войны как несчастье, а теперь, — как сознательное действие. Обывателю трудно».

14 Июня. Сушь и жара.

Думаю о Сергее Сергеиче. Он встретил меня во время обеда в Доме Печати. Страшно знакомое, типично профессорское лицо, маленький, но петушком выглядит, иронический человек. Первое мгновенье подумал на Анисимова, но потом, нет. Но кто же он? Был он так приветлив, что нельзя было не узнать. Я сделал вид, что узнал, и он мне напомнил, что последний раз виделись мы у него на квартире на Остоженке в 23 году. Еще он рассказывал, что написал две книжки. — О чем? — спросил я. — О политкаторжанах, — ответил он. Потом он о *<1 нрзб.>* говорил. И под конец дал адрес: Остоженка 16, кв. 2, тел. 3.23.36, меня, конечно, вы помните, Сергей Сергеевич... — Помню, помню! — сказал я.

И вот теперь все думаю, думаю: до того лицо это памятно, что прямо... представишь, и висит в воздухе, но больше ничего...

Мне приходилось рекомендовать его для возможности ему пообедать в Доме Печати.

— Вы его знаете? — спросил Зуев.
— Хорошо знаю, очень порядочный, очень, очень!
— Как его фамилия...
— Не могу вспомнить.
— Ну, чем занимается?
— Тоже не знаю.
— Что же вы знаете?
— Все знаю, только не могу почему-то сказать имя.

В четверг 12-го Бострем начал писать сову. Что-то будет? Ведь при малейшем отступлении от фотографии, которая открыла нам такую действительность, сова будет казаться произвольно очеловеченной. Если же, наоборот, будет сохранена фотографичность, что же останется от «беспредметника».

Я себе так представляю истоки беспредметной живописи. Вот я по дарованию своему художник-живописец, но внешних средств писания нет у меня, и я этот дар свой выражаю не красками и линиями, а словами, я писатель. Так бывает, музыкант перемещается в живопись, и уж он непременно стремится музыкально располагать свои краски, «беспредметно». Бострем прямо и называет картины свои «симфониями».

Я не успел закончить свое рассуждение, как явился Бострем с готовой картиной: он ее сегодня в 3 ч. утра начал, в 12 д. кончил и отделывал до вечера.

Мы долго беседовали об искусстве и последние заключительные слова о создании чего-нибудь нового были: «надо жить иначе».

15 Июня. Сегодня к вечеру собрался, наконец-то, небольшой дождь и жара внезапно сменилась холодом.

16 Июня. Вчера днем я снимал одуванчики, их было целое поле, один к одному. Мне очень они нравились, и казалось их коротенькое бытие так значительно для характеристики начала типичного лета — кстати и Петрово заговенье пришлось как раз к случаю.

И тем одуванчики были милы, что свою человеческую жизнь узнавал я в них, тоже так эфемерна! Я сделал множество снимков, как бы предчувствуя их близкий конец. И очень хорошо, что снял много раз, а то при неудаче пришлось бы ждать их еще год и кто знает? дождался бы сам...

К вечеру начался вихрь, бушевал всю ночь. А утром не было ни одного одуванчика. Как же хорошо, что снял их с запасом, а то при неудаче пришлось бы ждать их целый год, и кто знает? Уцелел бы в этот долгий год я-то сам.

К вечеру поднялась буря, и утром не было ни одного одуванчика.

18 Июня. Вчера в 6 в. пошел на почту отправлять телеграмму Разумнику о согласии издавать «Записки Охотника». Мне думалось по пути, что эта книга, если не теперь, то позднее, станет на смену Аксаковской. Правда «Записки ружейного охотника» — богоданная книга, а моя самодельная, но Бог, конечно, не лишен любопытства и мою книгу прочтет с интересом, тогда как аксаковскую, как свою, читать Ему незачем.

По пути на почту влево от полотна ж. д. над Вифанией была синяя плотная туча, справа над городом сияло летнее солнце. Я думал, это уходящая туча, но когда возвращался, увидел, что туча двигалась к нам. Где-то был уже дождь, через полосы сзади черно-синей тучи виднелись дальше прекрасно-сияющие края... Туча нас краем задела и то, что пролилось, можно было назвать почти дождем.

О беспредметном искусстве.

Всякий предмет с нашей человеческой точки зрения есть воплощение добра или зла, предмет — образ бытия какого-нибудь духа. Беспредметник хочет писать о самом духе... Это возможно путем святости («жить иначе»).

Быт умирал, и с ним отмирали художники-бытовики, новые художники остались без быта, «без предмета».

В сущности, я всегда был беспредметником, потому что...

20 Июня. Продолжается влажная прохладная погода. Огороды и травы заметно поправляются. Давясь чем-то от жадности, орут в гнездах молодые грачи.

Вчера после моего рассказа о том, как счастливо я миновал Сциллу и Харибду в пору богоискательства, Бострем сказал: «У вас гениальнейший инстинкт самосохранения». И потом еще: «Вот и Толстой даже не мог справиться...»

Мне было ново такое понимание инстинкта самосохранения. Мне думается, что в состав этого инстинкта входит тот же риск или пренебрежение самосохранением в общепринятом смысле.

Хорошо если Б<острем> напишет Одуванчики и Глухаря, а я Сову и Глухаря. С этим можно бы выступить.

Можно ли так понимать наше время, что «правый уклон» означает красный империализм, который, в свою очередь, раскрывается как стремление СССР войти в семью обыкновенных капиталистических государств? а современная «генеральная линия» ведет сознательно к войне, которая должна сделаться гражданской войной всего мира?

Если это верно, то является новый вопрос, нельзя ли правый уклон понимать, в конце концов, как фашизм и, таким образом, что наше государство является наиболее ярким местом начала мировой борьбы коммунизма с фашизмом.

Теперь дальше — новый вопрос. Как понимать нашу пятилетку строительства, — есть ли это органическое строительство нового промышленного государства, или это лишь скрытая форма военизации? В первом случае, думается, рано или поздно страна должна стать на путь фашизма (ниже развить это), во втором, очень скоро (потому что голод не даст быть долго) должна быть непременно война.

Какое же наше строительство?

Несомненно, строительство сильной центральной власти с государственным аппаратом управления и ар-

мией. Все остальное, промышленность и школа стоят под вопросом, а в моем опыте и вовсе нет органического строительства. Беру городскую зооферму: лисят кормят кониной, — жуть! Взять исправдом Каляевку... тоже одна видимость. Впрочем, пессимизм и сомнение запрещаются, как преступление, и потому все раздувается в «строительство». Следовательно, как будто мы накануне войны или крупной перемены в политике.

Заключение:

Мы живем на острие всех возможностей и предвидеть ничего не можем, потому что «мы», живущие в данном отрезке времени, слишком неустойчивые величины и оттого кажется, и это практически верно, что все зависит не от нас, а от случая, напр., засуха, или личной выходки когонибудь из политиков. Даже повседневная оценка какогонибудь явления в строительстве чрезвычайно меняется. Остается вести «генеральную линию» самосохранения в том смысле, что иногда в целях подлинного самосохранения необходимо рисковать своим бытием.

Генеральная же линия это особая статья.

21 Июня. Продолжается сырая переменная погода.

Приходил Б<острем> и говорил о том, что такие учителя, как Фл<оренский>, как вообще люди вроде Штейнера и даже русские простонародные старухи-учителя теперь уже не современны. А надо быть современным в том смысле, что прошлое это ассоциация, будущее, мечта, современность — ни мечта, ни механизированное повторение, а свободное начало... (понятно, а выражено не ясно). Современность — это религия Духа Святого.

Начинает выходить «соболь». Письмо.

Многоуважаемый Рубен Багратович,

я записал факты и впечатления от Зоофермы и думаю, что если еще немного при Вашем содействии пополнить, и, может быть, и исправить ошибочное, то получится для публики интересное чтение. Я Вас очень прошу по этому поводу устроить маленькое совещание из двух-трех лиц, напр., как мне бы хотелось, Вас, Ченцовой + такое же лицо от лисиц, как от соболей Ченцова. Я мало знаю Петряева, но мне думается, если бы он хотя бы слу-

чайно был в это время на ферме, то дал бы много интересного. Хотелось бы устроить это поскорей. Вы напишите, если можете предвидеть день, а если нет – телеграфируйте накануне. Я бы мог приехать опять дня на два. Помните, Вы говорили о какой-то Вашей работе с Петряевым и вместе с этим об американской практике симбиоза писателей с биологами. Вот Вы познакомились с моей манерой писать очерки, и быть может, мы устроим такой симбиоз. На некоторое время, пока не минует крайняя заостренность бытия, которая не дает мне возможности сосредоточиться на худ. темах, я предпочитаю заниматься пока практической работой с прикапливанием иного худож. материала. И эти очерки Зоофермы мне хотелось бы написать так, чтобы они выявляли не так мою индивидуальность, как запросы самой фермы. Вы мне в этом поможете для того, чтобы Вам веселей и вольней было бы работать на ферме.

22 Июня. Б<острем> сказал, что никаких «классов» нет, что это абстракции на службе у политики. Есть просто богатые и бедные. С<околов> оспаривал, ссылался на экономику. «Это мало-наука, – говорил Б<острем> – она не дает нам точных признаков класса рабочих: сегодня он рабочий, завтра предприниматель… Земледельцев, кустарей легче характеризовать».

– Но если бы да, – воскликнул N., – если эта абстракция «класс» имеет некоторое жизненное основание, то идея единства людей имеет в жизни не меньшее основание. И если выбирать нам для построения практического действия ту или другую абстракцию, то я выбираю единство, стремлюсь к нему и верю, что будет время, лев ляжет с ягненком и говорю: нет классов, а если они и встречаются, то это надо преодолеть.

«С ножом к горлу!» иначе не могу назвать обращение пролетарских писателей к европейским писателям. Всего несносней ответ Роллана, Горький что ли вскружил ему голову? Дурак дураком.

Мой возможный ответ:

Мнение писателя по тому или другому вопросу общего значения надо искать в его произведениях: на то он и писатель. Спросите мертвых писателей, Достоевского, Толстого – они ясно отвечают своими произведениями. Но

живые, втайне зная, что живому на современный вопрос ответить можно или в плане творческом или непосредственным действием, обыкновенно отвечают несерьезно, вроде Б. Шоу: «меня, вероятно, повесят». Точно так же Р. Роллан.

— Вы спрашиваете да или нет? Я могу сказать да, а на деле будет нет, и наоборот, последнее очень возможно: я скажу под влиянием сегодняшнего жестокого дня «нет», а когда дойдет до дела, возьму винтовку свою и сделаю совершенно другое, что обещал. В вопросе войны и революции ценю лишь бессловесное действие, и когда писатели, разбалованные (словопечатанием) об этом говорят, мне бывает очень стыдно за них. В особенности <*1 нрзб.*> ответ дал Роллан: живу и умру индивидуалистом, а соединяюсь с коммунистами. Да, и я живу индивидуалистом, но <хотел бы умереть коммунистом — *зачеркнуто*> Я очень страдаю всю жизнь болезнью индивидуализма, товарищи не тревожат мои раны пустыми вопросами<*2 нрзб.*> лучше помогать своим добрым примером повседневному строительству человеч... <*1 нрзб.*> в сорадовании умереть коммунистом.

26 Июня. Как будто птицы растут несколько раньше против прошлого года, бекасята на Зубачевском болоте летают, как старые, только без увертов, о дроздах и говорить нечего, собаке уже их теперь не поймать. Краюшком воды и по воде, если совсем мелко, бежит озабоченная трясогузка: вероятно, трудновато ей доставать корм своим молодым.

Во вторник вечером было второе пришествие поэта Вечернего, вчера утром я его проводил с омерзением. Он ходит по деревням и, притворяясь идущим с Соловков попом, вымогает себе у баб пищу. Сочиняет стихи, очень скверные, и, пользуясь похвалой Иванова-Разумника, нападает на других интеллигентов, которые верят в его гениальность. Такую смесь подлости, тупоумия, жестокости и сентиментальности может дать только разлагающееся племя служителей православного культа: наверно

семинарист. Точно такой же, два сапога — М. И. Смирнов, б. завед. Переслав. музеем.

Зоотехник Е. А. Соколов говорил, что дикие животные, делаясь домашними, под влиянием (глав. образ. вероятно условий питания) изменяют деят. своей половой системы, отчего являются разновидности. В природе все голуби серые, домашние самые разнообразные. Тоже волки и собаки.

Вся интеллигенция верит, что будет скоро война, и все о ней говорят. Это становится подозрительным. Тем более, что и газеты спешат говорить каждый день о войне. Очень похоже на прием, чтобы все проходило болтовней, а не действием, чтобы в последний решительный момент (будет ли такой?) закричать на весь мир: «ратуйте, бьют!».

Думаю о переходе на инвалидность.

Проект книги для детей.

<u>М и ш к а</u>
(Охота с фотокамерой)

Вступление о камере, как я задумал переменить ружье на камеру по причине запрещения охоты и достал камеру... Лейка. Выход мой на охоту. Конец вступлению.

Глава I-я.

На Тверском бульваре в Москве я сел отдохнуть на лавочку.

— Аля! — сказал неизвестный мне мальчик, — давай в Мишку играть.

— Ну, что же, Митя, давай.

— Пусть он будет будто живой, — начал Митя.

— Будто живой, это хорошо, — вмешался я, — но только не сразу живой, а мы будем его оживлять, конечно, будто оживлять.

— Оживлять! — воскликнули дети, — но как?

— Посредством электричества, — ответил я, — давайте мне сюда Мишку.

Они подали. Это был обыкновенный детский суконный Мишка, голова вертелась и ноги тоже. Я дал детям свой аппарат, показал Мите, как надо нажать и снялся...

— Ну, что же, — начал я, — давайте сочинять похождения Мишки: я сочинитель.

После того я назвал свои книжки, которые дети хорошо знали и любили за то, что книжки были совсем правдивые и в то же время, как сказка, будто все во сне.

— Так в чем же дело, — воскликнул я, — давайте только подумаем, будто Мишка лежит в мастерской изобретателя-электрика и про себя потихонечку все понимает, только не может ничего сказать и двигаться.

Дикий зверь, приручаемый, претерпевает ту же судьбу, что и человек: балуется разнообразием в своем размножении и становится зависимым в потомках от хозяина. У человека «индивидуальность» есть, вероятно, явление размножения видов, и тоже у него теряется самостоятельность, хозяином его становится государство. Мечта об анархизме, таким образом...

Торф

Переславль-Усолье торф. массив. Общая площадь 19.682,62 гект.

200 тыс. gw Станция
(1. Половецко-Купанские болота)
Расход на 1 gw топл. $1\,^{1}/_{2}$ тонн
Ежегодно потреблять 20 миллион. тонн
<*2 нрзб.*> на 1 куб. метр сырца 100 кг.
Вода
Расход реки 18 кб. мт. в сек.
Общий запас топлива 500 мил.
Полезн. торф. залежи 20 тыс. ha
Общая заболоченность 32 тыс.
На 20—25 лет

<На полях:> *Аграфена Дмитриевна Назарова (Паша, Иван). Василий Поросенков (Фед. Слобода). Логинов Петр*

Ефим. инженер по торфу Усолье Алекс. Пересл. район Иван. обл.

Ревизия Берендеева царства.

Выехали в пятницу 27-го Июня в 10.40 у.

Приехали 1-го Июня в 8 у. — 4 суток.

27 Июня. В Берендееве встреча с Россолимо Леонид. Л… (Георгий Ник. Зайцев). Извозчик 10 р. с четверых. Ужас автобуса. Ботик и озеро. Павел и Дуня. Страшные дети (по ним о родителях на биостанции).

Конечно, все постарело и как раз настолько, насколько я сам постарел. Эта встреча не как первая трепещущая, а тут больше воспоминаний и размышлений над прошлым. Хорошие люди непременно возвращаются к прошлому и так следят за жизнью людей. Сходил на могилу Верного.

28 <Июня>. Трава в цвету. Летние птички, иволги. Ласка озера. Фотографирование. Приезд Россолимо и путешествие в Усолье на моторной лодке. Трактир. Рыба. Уклейка. Попоедство. Один работает, другой стоит. Вешки. Раскулачивание. Переход в Хмельники. Пуня. Оазис. Ночлег в пуне.

29 <Июня>. Результат моего пропуска. Спящий на древней стоянке Сергей. Усольская торфяная экспедиция. Слепни. Пешком. Сияющий путь. Парни возле Симакова. Гулянье на Ботике.

30 Июня. Заболевание. Поход в Горицкий. Обед у Гемельмана. Болезнь. Дождь. Ночная поездка на Берендеево. Вокзальная мелочь, вырождение берендеева царства.

Уклейка прыгала на водопад под плотиной. «Отпершилась» и возвращается на свое место. — Вон увидите, непременно встретим табунок. — Вот идет табунок, вот другой.

Раскулачивание: в одной деревне бабы пошли с вилами и добились своего: «Думали дядя Иван, а оказалась тетка Марья».

— «И пожалеть нельзя!» (о попах).

Музейные (городские и т. п., вообще красные).

— Музейные! рыбу по глазам узнают: красные глаза, значит, карась.

— Красные! это пока не жареный, а у жареных карасей глаза белые.

Попоедство.

Серьги выдернули у попадьи. У детей фуфайки сняла. «А кто это делал? — Зауздин. — Кто он? — Не знаем. Бумаг не спрашивали».

Когда Арина Дмитриева прижала к груди своего внука, то почти видно было, как ее жизнь, ее лучшее радостью переливалось в ребенка. Что это продолжение первого эроса, что живая любовь непременно эротическая. Что в социализме Эрос обрывается и отсюда все бедствия.

Вечное.

Люди менялись, а озеро глядело вечным глазом. И это оно привлекало людей.

Моя аудитория.

5 лет тому назад я в тоске думал, что — как невозможно соединить людей для общего восторга здесь на озере (как созвать их в тот день, когда бывает хорошо, как устроить, чтобы все благоговели). И вот прошло пять лет, тысяча людей прочли мои «Родники» и читают, и будут читать. Я соединил их. Я вполне могу представить теперь себе, что тысячи их стоят на берегу и внимают с благоговением тому самому, от чего я начинал...

Смотришь вокруг — сколько чужих людей проходят мимо, равнодушных, а иногда враждебных, больше равнодушных и совершенно, совершенно чужие и сколько! у них нет ни малейшего интереса к моей судьбе и уж, думаю, подозрения или вопроса никогда не может быть, что я тоже человек, им подобный. Сколько чужих!

Сборы.

Телеграмма: Переславль. Федор. слобода. Василию Поросятникову. Выезжай вторник двадцать второго дневным.

Фото:

Штатив — 15 р.

Пластинки — 25 р.

Испыт. (теле.)

Аристат<ипная> бумага

Простая бумага —Местком — профсоюз.

2 Июля. Рассказ художника о муках своего разделения: эти портреты даром не прошли. И мы согласно сказали: «да, так разделиться невозможно». Какой-то предел. Очень больно...

На съезде бьют Рыкова и Томского, Угланов. Справедливо бьют: правый уклон, — это контрреволюция. Да! ведь это кровь пролитая, миллионы умученных (невинно) людей, вот отчего «темпы»...

Угланов, защищаясь, сказал:

— Из всего 23-летн. пребывания в партии я за последнюю пару лет плохо работал...

3 Июля. Пасмурно.

Возможно, и вероятно нельзя отрицать этого, что классы в нашем обществе существуют и что классовая борьба неизбежна. И еще больше допускаю: надо не отказываться и самому от этой борьбы, и, если тронет за жилу, хватать что есть под рукой и швыряться. Но жизнь в интимном мире, в творчестве, в семье, среди друзей и просто честных людей, вступающих с тобой в бескорыстные, скажем, праздные отношения, — в этом мире всего мира надо жить так, будто никаких классов нет в обществе, люди все равны, все достойны беседы с тобой, открывай для всех двери своей хижины — и тоже сам смело иди к мудрецу и простецу за советом и радостно, не обращая ни малейше-

го внимания на его происхождение и его «классовое самосознание».

Скажи я эти слова до революции, они бы казались обращенными к гимназистам 3-го или 4-го класса — до того уж мораль эта была общепринята. Теперь же мои слова нигде не напечатают, и ожесточенно будут ругать, как отрыжку мещанской морали.

Почему так?

Разберем. Условием истинного творчества должна быть его органичность, т. е. сознание творца цельности, единства в происхождении мира, связи себя самого со всеми живыми и мертвыми. Это условие присутствия чувства общей жизни или мира всего мира необходимо для творчества как рычаг, если даже творец хочет, как Гоголь, изобразить нам зло, или пролетарский писатель победу своего пролетарского класса; если такой писатель создал действительно, *<2 нрзб.>* дал нам победу, то класс пролетариев, создавая внеклассовое общество, мир всего мира, в то же время должен сам умереть как класс, и при строительстве жизни отбросить сыгравшие свою военную роль ордена красного знамени.

И с этим анализом умные спорить не станут. Таким образом, остается признать, что только по случаю военного времени, а не абсолютно встречается мораль буржуазно-мещанская и пролетарская.

Слезы и кровь в наше время, как две большие реки бегут и почему-то, видимо так надо, до конца должны бежать и, если родники слез и крови станут иссякать, то ты стань коленкой на живое — и еще много выжмется.

Почти прямо так и говорят и сестер милосердия наставляют классовых врагов лечить во вторую очередь, а маленьких детей — ненавидеть родителей и предавать их как классовых врагов. Воевать хорошо и нажимать коленкой на павших, но выстроить что-нибудь с такой моралью нельзя и, я думаю, продолжить жизнь людей на земле невозможно. (В твою комнату входит этот человек будто бы новый, как друг, удивляется твоим словам, восхищается,

а потом предает тебя, заявляя с поднятой вверх головой, что для партийца нет ничего частного, все частное есть общее.)

— Иногда думаешь, — сказал я, — а что как большевики правы, и им удастся построить новый мир.

Серг. Серг. ребячьими глазами посмотрел на меня и любовно-укоризненно ответил:

— Нельзя так думать.

Мы помолчали. Я продолжал:

— Нет, я не могу остановить свою мысль и не хочу и не боюсь принять на себя все последствия ее беготни. Признаюсь, что начиная разглядывать любую сторону строительства, всегда имею в виду и начинаю с этого: «кончилась война, слезы, кровь; как хорошо! кончилась классовая рознь, — нет больше классов, как хорошо! люди приступили дружно к творчеству, положим, «Зеленого города» и одушевленно работают, находя в труде своем творческое счастье и радость». С этим чувством я искренно, по-детски наивно каждый раз приступаю к своему исследованию и отступаю, потому что строительство это внешнее и непрочное, внутри его те же слезы и кровь. Тогда, отступая, я думаю: «Им не удастся ничего построить, потому что они еще не забыли войны, и их дергают, в скором будущем возникнут реки крови и слез. Но дальше должно прийти время, — я нравственно пугаюсь людей, которые, может быть, что-нибудь и построят, и откуда-то придут другие, новые настоящие люди и поселятся в этих домах... Те будут все видеть и чувствовать и знать. Будут ли они счастливы? Едва ли, ведь они тоже будут знать, сколько для их счастья было пролито крови и слез».

Так я сказал. И Сергей Сергеич, не упуская из головы, с чего все началось, когда я сказал: «Иногда думаешь, что большевики правы и им удастся построить новый мир», ответил:

— Ну вот, видите, как разобралось. Я правильно говорил: не надо бы думать об этом и гнать из головы праздную мысль, что большевики что-нибудь выстроят.

Все стало по-разумному, и даже простые рабочие стали говорить не «грецкий орех», как раньше, а «греческий».

Заключительные слова Сталина: «И ничего – живем!».

4 Июля. Окладной дождь. По-видимому, наступила пора дождей.

Заключительная речь Сталина очень верная: и что Рыков и др., как и все мы, обыватели, ждем весну и осень из года в год в надежде, что вот эта весна, эта осень наконец-то освободят нас от Маркса. И то верно, что правый уклон — это возвращение к капитализму. И верно, что узкий путь «генеральной линии» — единственный, по которому революция может двигаться вперед: это путь личной диктатуры и войны. Можно думать, что личная диктатура должна завершить революцию неизбежно, потому что как из множеств партий у нас после падения царизма, в конце концов, взяла вверх одна и уничтожила все другие — так точно и внутри партии происходит отбор личностей, исключающий одного, другого до тех пор, пока не останется личность одна. Теперь это Сталин, человек действительно стальной. Весь ужас этой зимы, реки крови и слез, он представил на съезде, как появление некоего таракана, которого испугался человек в футляре. Таракан был раздавлен. «И ничего – живем!» (Оглушительные, несмолкаемые аплодисменты).

Вот человек, в котором нет даже и горчичного зерна литературно-гуманного влияния: дикий человек Кавказа во всей своей наготе. Мистика погубила царя Николая II, словесность погубила Керенского, литературность – Троцкого. Этот гол, прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени. И так нужно, потому что наступает время военного действия. Надо и самому еще упроститься, сбросить с себя последние, без проверки живущие во мне или, вернее, висящие как одежда, наследственные убеждения. Один из таких idola, конечно, война. Что может быть фальшивее и противоречивее того, что давали нам под этим понятием: священник в

гимназии доказывал, что в жизни людей убивать нельзя, а на войне можно; дома в семье над этим все старшие издевались; Толстой войну запрещал; социалисты шли войной против войны...

Вот теперь только чуть мерещится истинное значение войны, как испытание групповой мощи...

Погружаюсь в раздумье:

Творческая личность непременно дает плод, который достается другим, и они продолжают творить и, в свою очередь, дают свои плоды. Так произошла народность, каста, класс и всякий ферайн[1], пусть даже и музыкальный, да именно, пусть это будет у нас в примере музыкальное общество. В таком ферайне непременно есть «душа общества», несколько сильных людей, которыми все общество держится. Эти люди сильны тем, конечно, что сами они, так сказать, больше себя, отчего и складывается групповое сознание. Если же в обществе нет таких личностей, то нет и группового сознания, и общество при первом толчке разваливается. Таким толчком была у нас в России война с Японией...

Я не считаю, что Германия была разбита в Великой войне; ее взяли, но она сейчас же вернулась к себе, построилась и живет, и может быть еще и Англию переживет. Россия же была разбита и подожжена, потому что не имела единства в групповом сознании.

Таким образом, война — это испытание группового сознания населения данной страны.

При чтении фельетона Радека.

У этих очень развязных людей все строится исходящим от абсолютной истины, что последний шаг истории мира находится в СССР, что, напр., Америка, Англия — все эти очень отсталые государства в сравнении с нами. Так мыслит «парт-человек», в то время как обыкновенный трудящийся, «спец-человек» никак это не может понять: столяр ищет и не находит в стране стали для рубанка, фотограф — гидрохинина, писатель — бумаги,

[1] fereіn (*нем.*) — общество.

мать — ситца на рубашку ребенку, ребенок — конфетку, ведь ничего-ничего нет!

5 Июля. Вчера весь день дождь и гроза. Сегодня пасмурно, насыщено влагой, тепло.

Маня девица ведь совсем серая из недр Смоленской губернии, и вот сегодня какое слово отмочила! «Дедушка! — сказала Павловна. — Что ты, — говорю, — ну какой же я старик, смолоду многие такими не бывают, как я. Правда, Маня? — Правда, — говорит, — вы артист, настоящий артист!» Мы очень удивились, как же Маня и вдруг слово такое выговорила: «артист!». «А что значит артист? — спросил я. Она ответила без колебания: — Хороший человек».

У каждой собаки, как и у каждого человека, есть свое интимное выражение, которое раскрывается постепенно по мере роста дружеских отношений. Нерль вышла собакой исключительно грациозной, кокетливой и нежной. Сколько ни учил я ее подавать лапу, так и не мог научить, чтобы подавала по нашему желанию. Это случилось, потому что с первого разу она поняла: дело с лапой — несерьезное дело, это шутка, значит, в это можно играть. Так, бывает, просишь, просишь, она только глядит, но как глядит! как будто страшно серьезная, сухая, а в глазах смех так и брызжет. Надоест возиться, плюнешь и отойдешь. Раз, уходя, я оглянулся с порога, смотрю — Нерль сидит и помахивает мне одной лапой, как будто желая подать мне ее по воздуху. Подошел — не дает. И так пошло, прошу — не дает, ухожу — издали машет и только не говорит: не уходи, не уходи, дам!

Еще у нее манера есть одна, когда она лежит на матрасике в передней недалеко от умывальника. Я встаю, она лежит и, не поднимая головы, приветствует мое утреннее вставание, барабанит обрубком хвоста. Но только я направился к ней, хвост перестает барабанить. Умываясь, поворачиваюсь к ней спиной — хвост барабанит, и знаю: голова поднялась. Оглянулся — голова мгновенно опускается, и нос прячется глубоко в развилку задней ноги.

Деликатность ее безмерная, ночью, если ей сделается необходимым выйти до ветру, никогда она не позволит себе разбудить меня брехом. Она обыкновенно приходит в мою комнату и садится близко возле кровати. Очень часто я бываю чутким во сне, и каким-то образом передается мне, что я не один, что в темноте около кто-то есть. Но, бывает, я сплю крепче. Тогда она подвинется так близко к лицу, что я почувствую непременно близость к моему лицу... И если не помогает и это, а выйти надо необходимо, то она понюхает у меня за ухом и даже лизнет — тут уж я непременно проснусь.

6 Июля. Продолжается пора непрерывных дождей, вчера была сильная гроза.

Повторять свои рассказы, образы, суждения в беседах с людьми надо крайне экономно, потому что эти рассказы и мысли могут сделаться подсобными и в затруднительные моменты будут появляться автоматически: не сам будешь говорить, а язык отдельно от тебя, как у болтунов. Истинный мудрец сам никогда не должен повторяться, другие должны повторять его мысли. Потому же и писатель в своих новых произведениях не должен повторять себя: Мопассан, Чехов, — сколько они блинов испекли своими маленькими рассказами!

7 Июля. Пора дождей продолжается.

Литературный критик — это кто словами об искусстве (слова) пытается возместить в себе недостаток таланта или, по крайней мере, труд и риск самому создавать новое.

Когда говорят об оздоровлении города тем, что выстроят зеленые города и что рабочие и служащие будут слетаться на собственных аэропланах в город лишь на время, то это говорят лишь о внешних крайностях <*1 нрзб.*> в отношении гигиены тела, но не духа: пусть будут жить вдали от города, тем хуже, люди с автоматической душой внесут разложение в недра природы, и тогда не останется на земле даже и уголка, не разложенного городом.

8 Июля. Залило водой, а барометр все падает. Цветет Иван-да-Марья всей силой, галчата летают и везде кричат.

Вчера меня задела статья в «Новом мире», где автор осуждает «Перевал» и меня упоминает, перемешивая с мальчишками, притом еще так, что мальчишку поставит на первое место, а меня на десятое. Но самое главное, что статья бьет в «биологизм», в «детство» — ничего этого, мол, не надо, все это отсталость, реакция, а нужен «антропологизм». Сама по себе статья, конечно, ничего не сделает, но «ахиллесову пяту» обнажает, следующий ударит в пяту, и связь моя с обществом прекратится. До сих пор я относился к непризнанию себя так, что «наплевать», но это «наплевать», оказывается, было при наличии фактического признания: печатают, зазывают и проч. Открывается перспектива очутиться за бортом и, таким образом, утратить всякую связь с действительностью, быть действительно непризнанным...

И в такой период группа «Перевал» — последыши школы Воронского — в ответ на лозунг ликвидации кулачества как класса, выдвигает лозунг гуманизма и человеколюбия. Они утверждают, что вся советская литература представляет собой единый поток; они настаивают на том, чтобы к писателям не предъявлялись требования политической выдержанности.

Трудно представить себе что-нибудь более гнусное, чем речь пролетарского писателя Киршона на съезде, но тем хорошо, что заставляет задуматься о других крайностях: почему, напр., издевается автор статьи «социалистического города» над материнским чувством? почему «детство», «любовь» и т. п., напр., почитание стариков, отца и матери — все это запрещено у нас. Не остается больше никакого сомнения, что невежды, негодяи и т. п. не сами по себе это делают, а в соподчиненности духу социальной революции, что все люди, Сталин даже, не знают, что делают, и их со-знание является действительно не знанием, а одержимостью. Так создается пчелиное государство, в котором любовь, материнство и т. п. питомники индивидуальности мешают коммунистическому труду. Стоит

только стать на эту точку зрения — и тогда все «изуверства» партии становятся целесообразными и необходимыми действиями.

9 Июля. С утра туман. Пора дождей продолжается.

Обозначилось и теперь скоро выйдет наружу явным для всех: это направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса. И это произошло как-то без всякого идейного принуждения, прямо вышло следствием раскулачивания и обобществления.

Если когда-нибудь осуществится социализм в такой степени, что о личном люди вовсе перестанут думать и все в государстве станет, как у пчел, то особенная порода человеко-пчел, которая будет двигать общество по пути совершенствования будет обязана своим существованием культуре, предшествовавшей социализму, буржуазного общества.

10 Июля. Дожди. Цветы. Галчата. Писк ребятишек на стручках акации.

Совершенно ничего не делаю. Становится явным невозможность дальше писать о своем: только производственный очерк, только наблюдение, а мне все это надоело... И еще не хватает сил, чтобы перестроиться на писание непечатаемого в настоящем.

К. Леонтьев где-то говорит, что пессимизм или неверие в будущее благополучие человечества, обыкновенно сопровождается оптимизмом в частных делах, в личных отношениях, вообще в повседневной жизни; наоборот, люди, воодушевленные идеей спасения человечества, жестоки (я бы сказал: по невниманию) к текущей жизни, часто бывают истинными мучителями своего ближнего. Это очень верно и близко мне: в свое время я был именно таким спасителем человечества, оптимистом извне и пессимистом, бессильным и ненужным человеком внутри слов и внешних действий; наоборот, не только разуверив-

шись, но даже просто отстранив от себя, как невозможность и ненужность, спасение человечества, я стал счастливым обладателем жизни самой по себе и для других ценным человеком как писатель. Воистину на своей шкуре все испытал! К сожалению, только это обретение счастья через находку самого себя не повлияло на спасителей человечества, не умалило, не остановило их. Напротив, вот теперь от их действий спасения я теряю себя и не могу больше писать. И так должно быть, потому что «я сам» и мой талант жизненны, биологичны, а от спасения человечества («антропологизм») как всякая жизнь, должны погибнуть рано или поздно.

Внешний пессимизм и внутренний, повседневный оптимизм характерны для женщины, тогда как спасение человечества, идейная, общественная жизнь – это мужское «дело». И вот характерно, что теперь при победе мужского начала «идеи», «дела», с особенной ненавистью революция устремилась в дело разрушения женственного мира, любви, материнства. Революция наша как-то без посредства теорий нащупала в этом женственном мире истоки различимости людей между собой и вместе с тем, конечно, и собственности и таланта.

Революция создает женщину колхоза, которая отличается от рабочего-мужчины только тем, что имеет свободных четыре месяца: два перед родами и два после родов. И нет никакого сомнения в том, что в дальнейшем рационализация половых отношений доберется до полного регулирования процесса зачатия и рождения рабочего человека, как это происходит у пчел. Мы себе это не можем представить, потому что мы выросли в «буржуазном обществе» и думаем, что вавилонская башня рухнет непременно. Говорят, однако, будто европейцы сговорились не трогать нас и дать возможность продолжить свой опыт для примера социалистам всего мира. Допустим же, что мы так и будем долго-долго с ворчанием и злобой идти по генеральной линии; так мало-помалу мы все, ворчуны, перемрем и вырастут настоящие пролетарии, у которых будет новое против нас чувство...

Это, конечно, матери воспитывали у нас чувство собственности, которое и было краеугольным камнем всей общественности; с утратой матери новый человек трансформирует это чувство в иное: это будет чувство генеральности линии руководящей партии, из которого будет вытекать следствие: способность к неслыханному для нас рабочему повиновению и, второе, как прямое следствие из первого — неслыханная, безропотная, рабочеспособность. В зачаточном состоянии мы и сейчас можем наблюдать проявление этих чувств, именно это и входит в состав той веры, которая окрашивала слова и поступки пролетарских деятелей.

К. Леонтьев:

«Только созданное для себя и по-своему может послужить и другим».

Вот образец прежнего мироощущения.

У него же можно найти бесчисленные издевательства над «религией человечества». К сожалению, он не допускает осуществления. Несерьезно. Надо отнестись без раздражения... с уважением...

11 Июля. День роскошный солнечный и насыщенный влагой от прошлых дождей.

Ездил в Москву. Пришло в голову по пути:

наша революция, начав с разрушения общеизвестного, внешнего и близкого всем — войны, аграрных отношений и т. п. мало-помалу углубляется, и в нынешнюю зиму добралась до разрушения интимнейших ценностей человеческой жизни — детства, как оно сложилось в нашем понимании за десятки тысяч лет существования человеческого рода, брачных отношений, материнства и т. п. Этот разрушительный процесс, которому теперь поставлена задача войти в берега созидания, конечно, само собой устремляется и к ценностям идеологическим, возникающим на существе нашей родовой и всякой общественности, и может быть, и в свою очередь, породившую общественное прошлое человечества.

Как можно это разрушить в какой-то десяток лет, притом не имея никаких средств доказать людям, что, думая иначе, мы лучше будем жить. Напротив, мы живем все хуже и хуже, революционные лозунги и понятия все больше и больше густеют в своем содержании. Но вот замечательно: и эти явно пустые слова, прикасаясь к интимно-вечному человечества, имеют какое-то свое действие, это интимно-вечное после, казалось бы, отвратительного прикосновения революции, в сознание является как новый материал для переработки и после нескольких болезненных и напряженных усилий мысли и воли продвигается вперед, очищается и встает новым и ярким, как запыленная в засуху озимь блестит после дождя. Вот в этом есть революция: являясь как зло, она, в конце концов, творит добро. И еще вернее сказать: революция присоединяет к творчеству жизни самое зло.

Из Москвы приехал измученным и голодным. Самое ужасное для меня — это очереди. С утра часа за два до открытия магазинов стоят перед закрытыми дверями очереди «охотников». Это кадры, вероятно, состоят из тех служащих, которые пользуются своим выходным днем для покупки чего-нибудь, все равно чего, всякий товар в отношении наших падающих в ценности денег — валюта. Вероятно, среди них много и прежних торговцев. И вот эта причина валютность каждого товара и порождает, вероятно, то следствие, что в магазинах все пусто. Кончиться это должно нормировкой всего, значит, концом денежной системы.

Выбрал самую видную столовую как раз против Съезда в Метрополе. Там была очередь к кассе и у каждого столика, кроме обедающих, стояли в ожидании, когда счастливцы обслуживаемого столика, кончат есть. Переполнение столовой объяснили мне тем, что дома никак ничего нельзя сделать, все от домашнего стола выскочило к общественному. Я простоял в хвосте долго и, услыхав, что все спрашивают «гуляш», спросил это себе. «Еще и потому, — сказали мне, — сегодня много здесь обедающих, что сегодня мясное блюдо — гуляш. — Значит, — спросил я, мясное не

каждый день? — Нет, — ответили мне, — мясное раза два в неделю, в остальные дни «выдвиженка».

Выдвиженкой называли воблу.

Простояв у кассы, я стал к одному столу за спину обедающих и мало-помалу дождался. Потом очень долго ждал официанта, не мог сердиться на него: человек вовсе замученный. Гуляш оказался сделан из легкого (лошади?) с картошкой, в очень остром соусе. Есть не мог, а стоило 75 к. Спросил салат «весну», в котором было $^1/_4$ свежего огурца, редька и картошка в уксусе и на чайном блюдечке. Это стоило 75 к. и кружка пива 75, итого за 2 р. 25 к., истратив 1 $^1/_2$ часа времени, я вышел с одной «весной» в животе. Поехал на вокзал и, проделав там то же самое, достал хвост страшно соленого судака. Обидно, что после всего встретился человек, который сказал, что в Охотном ряду есть ресторан, в котором за «страшные деньги» можно пообедать по-настоящему, даже с вином. Я бы не пожалел никаких «страшных денег», чтобы только избавиться от очередей. Эта еда и всякие хвосты у магазинов самый фантастический, кошмарный сон какого-то наказанного жизнью мечтателя о социалистическом счастье человечества.

В беседе с Тихоновым пришел к заключению создать книгу «Михаил Пришвин. Очерк».

Критико-биографические статью напишу сам.

Писатель Михаил Пришвин более четверти века (1905—1931) своей литературной деятельности посвятил очерку. Он является у нас, и вероятно во всем мире, первым «очеркистом», потому что едва ли найдется еще где-нибудь на свете даровитый писатель, ограничивший свое творчество исключительно очерком.

Правда, у Пришвина есть большой роман «Кащеева цепь», есть множество рассказов и литературных новелл, даже есть пьеса для чтения «Базар» и поэма «Девятая ель», но мы беремся доказать, что и роман его и рассказы, и пьесы, и поэмы являются очерками, насыщенными поэтическим содержанием.

В критических статьях иногда встречаются ссылки на «пришвинский очерк», который этим сами критики хотят выделить от других обыкновенных очерков. Нам думается, что в пришвинском очерке нет существенной разницы от других, кроме, конечно, особенного мастерства, обретенного автором в течение четверти века, не выпустившим свой недюжинный талант из рамок обыкновенного очерка.

12 Июля. Дождь весь день. Я в Москве. Нашел обед в Савойе, выпил водочки 3 рюмки, кофе, стоило 10 руб., играл отличный оркестр, а все люди ели в столовой обыкновенную воблу. Большего контраста трудно себе представить. Вероятно, скоро дадут какое-нибудь утешение, иначе работать нельзя и просто жить очень трудно. Впрочем, разговоров о перемене, предчувствий, соображений никто не высказывает, как-то не до того.

Очерк.

Если взять большие тяжелые литературные формы, былины и саги, где личность автора исчезает, и мир, изображенный им, приняв в процессе творчества в себя свет своего творца, является читателю как сам по себе, независимо от своего создателя. И если взять, с другой стороны, песенки и частушки современности, где автор живет и умирает как поденка, не обращая внимания на какой-то высший мир — то между этими тяжелыми и легкими формами эпоса и лирики расположены и все другие формы письменной словесности: романы, рассказы, новеллы, поэмы и очерки. Правда, иная частушка бывает чуть ли не предметнее, чем былина, и, наоборот, в иных отступлениях эпическое произведение бывает очень субъективно — какая частушка и какая былина! Но тем не менее, одна форма является сосудом скорее для предметного, другая — гораздо больше подходит для выражения личного. В какой же род поставить нам очерк? Трудно ответить на этот вопрос, потому что очерки бывают разные, скорее всего надо ответить так: бывают очерки высокохудожественные, но сам по себе очерк, как форма литературного

произведения, вовсе не существует, потому что сразу же возникает сомнение, является ли вообще очерк формой литературы художественной, как новелла или поэма. Правда, если бы Маяковский, один из самых признанных у нас поэтов современности под каким-нибудь своим произведением написал «очерк», мы все бы подумали, что Маяковский выступил в нем не как поэт. С другой стороны, однако, если представить себе у Пушкина то же самое, то подумаем, что, возможно, у Пушкина его «очерк» явится поэтическим произведением. Есть очерки этнографические, географические, но возможны очерки кристаллографии, истории и т. п. Эти произведения обыкновенно потому называются очерками, а не трактатами, что больше относятся к литературе, чем к науке. Можно сказать, что всякий очерк является промежуточной литературной формой, в которой поэтический локомотив эпоса или же лирики, все равно, тянет за собой грузовой поезд с скромным научным или эпическим содержанием.

Таким образом, очерки можно характеризовать, как товарные поезда в воздушно-легком движении изящной словесности. Особенность душевного строя и жизни его заставляют иногда автора браться за такую невыгодную серую форму словесности. Не нужно доказывать, что эстет никогда не возьмется за такую неблагодарную литературную форму, зачем она ему, если он питает глубочайшую уверенность, что не важно, о чем писать — этнография это, быт или география, важно — как написать. Надо быть довольно наивным и юным, чтобы искать чего-то вне себя, и так верить, будто в этом этнографическом самом по себе, если докопаться до сущности, живет поэзия. Очерки — эта начальная литературная форма, «годы странствий» поэта и, если в какой-нибудь стране очерк является господствующей формой литературы, то можно ли сказать, что эти годы (<*зачеркнуто*> странствий мятущегося народа) (и) литер. творчества совпадают и являются накоплением <*1 нрзб.*> материала перед новым высшим творчеством?

Да, вот рождается такая мысль для дальнейшей проверки: в нашей стране в настоящее время огромная уст-

ремленность всех к очерку является ли признаком упадка литературы — возможно ведь и упадок, если очеркист, избегая тяжелого современного непосильного труда, занимается очерком как фотографией; или же в нашу эпоху после чудовищной войны, спутавшей все мерила... потрясшей все авторитеты, — очерк является... жизненной силой наивного вопроса <*1 нрзб.*> действительности... Из всех писателей не только наших, но и, вероятно, всего мира, нет столь устремленного к очерку, как Михаил Пришвин. Более четверти века...

Возвращаясь к образу локомотива, влекущего нагруженный товарный поезд, ведь можно же себе представить локомотив такой силы, что он обгоняет с товаром быстро бегущие легкие поезда. Взять современный очерк Арсеньева «В дебрях Уссурийского края» — разве этот очерк не является блестящим романом, далеко превосходящем попытки завзятых романистов дать этнографию или очерк Пришвина «Черный араб», чем уступит какой-нибудь экзотической поэме призванного формального поэта?

Но самое интересное для исследователя трудов Пришвина является то, что он сам очень много и подробно рассказал о происхождении своего творчества, столько лет <*1 нрзб.*>, и о происхождении его очерка и такого не искажаемого казалось бы долгого пребывания в нем автора. Интересно же явление потому что Пришвин был в юности марксистом, <*3 нрзб.*> хотя правда марксистом 90 г., и ранее, но революция все-таки одна, одно отечество очерка, пусть эпоха революц. и <*2 нрзб.*> но если мы увидели, что отечество очерка одно — революция, то имея <*2 нрзб.*> все произведения Пришвина, быть может мы приблизимся к пониманию явления очерка нашего времени. Только в ...

Марксист и пр.

Предисловие автора.

Желая издать несколько своих последних очерков книжечкой, я задумался о происхождении очерка и некоторое время <*2 нрзб.*> написать сам о себе. Но я очень горжусь несколькими своими достижениями и явно их пере-

оцениваю, точно так же <*1 нрзб.*> многое написанное, что со стороны кажется вовсе не так уж и плохо. Вот почему работы своей я выполнить не мог и попросил это сделать очень любящего меня друга, очень странного человека, не профессора, даже не литератора. Он любит меня и мне не совестно признаваться в его похвалах: это дело нашей дружбы.

17 Июля. Наконец-то солнце!

Если это, правда, не переменится, то завтра же всюду выйдут косить, и моя охота за цветами кончится.

Определилось больное место у Б<острема>: избушка в лесу, куда можно уйти и укрыться.

А разговор начался от меня.

— Вот еще сегодня я думал, — начал я, — что если бы в галерные рабы попасть, то что останется по исчерпании всех средств борьбы: внезапный бунт? это ведь форма самоубийства. А если жить, то грести примерно и отличаться от прочих тупых рабов горящим внутри светом сознания; ведь и простые рабы несут такое страдание, которое равняется голгофе, но это слепая голгофа; сознательный раб не ворчит, а забегая вперед необходимости быть рабом, добровольно дает больше, чем требуют: «Сия есть кровь моя!» — говорит, и отдает ее: «пийте от нея вси». — Позвольте, а если велит господин быть палачом? тоже надо стараться и забегать вперед?

Очерк.

Очерк по сравнению с другими литературными формами.

Ближайшая к опыту, как научному, так и бытовому, литературная форма — это очерк. Огромная масса исследовательского материала заключается в очерках научных и бытовых. Можно сказать, таким образом, что форма очерка является посредствующей между жизнью и творчеством (Wahrheit und Dichtung[1]).

[1] Wahrheit und Dichtung (*нем.*) — правда (истина) и поэзия.

Очерки нашего времени можно разделить на две группы: в одних молодые начинающие литераторы, не накопив еще в себе достаточного материала, бросаются в лоно опыта, хорошо не зная, к чему собственно приведет такой опыт; это некоторые; другие, напротив, заранее имеют свою точку зрения и питаются действительностью для проверки или подтверждения своих идей, готовые даже подчас изменить «болото» действительности, согласно со своей уверенностью в истинной действительности, назначенной, напр., движением по генеральной линии партии. Это активисты. Трудно себе представить искателя и активиста в чистом виде, потому что активное исследование в известной мере необходимо искателю, равно как активисту-исследователю тоже приходится волей-неволей встречаться с такими же <*1 нрзб.*>, которые временно отклоняют его от генерального пути.

18 Июля. Утром туман, потом солнце. Плохое лето.

Раньше, когда кто приезжал из Москвы, чуть совестно было за свой домик в три окошка на улицу; теперь же, по мере того как строился социализм, все московские в один голос охают и завидуют моему счастливейшему житию.

Вернулась во всей красе пора военного коммунизма. В борьбе с кулаками встает не социалистический, а казенный против частной организации произвол.

Политпросвет. На улице в полдень ревел громкоговоритель: пел оперный артист романс Бородина. Шли мимо рабочие и кустари, не обращая никакого внимания на пение, будто это был один из уличных звуков, которые, становясь вместе, в сущности, являются как молчание, и каждому отдельному человеку дают возможность жить и думать совсем про себя, как в пустыне. Я шел и думал о галерных рабах, — какая им возможность освободиться? одно — бунт, который, как у Мериме, кончается гибелью (негры захватили корабль, но управлять им не могли), другой путь — выполнение воли своего господина с тем, чтобы оградить внутреннюю свою неприкосновенность.

— Но если господин велит быть палачом? — Если дело несродно тебе, и хозяин твой неразумен, постараешься вразумить его, не вразумляется, — откажись и, если надо, умри...

Да, видно путь раба один: внутреннее освобождение при полном равнодушии к жизни внешней...

Но вот теперь новое время, не рабы, а рабочие! По существу, то же самое, они делают чужое дело для пропитания, а душа их у себя, в своей семье, в личности.

И вот приходит снова новое время: нет капиталистов, нет ничего чужого, все свое. Личное уничтожается всеми средствами, чтобы рабочий находил радость свою только в общественном. Таким образом, новый раб — (очий) уже не может ускользнуть от хозяина, как раньше, — в сокровенную личную жизнь под прикрытием хорошего исполнения хозяйского дела. Теперь он весь на виду, как бы просвечен рентгеновскими лучами.

«Попы» на опушке леса все повернули головы свои, маленькие солнца — золотые как солнца с белыми лучами — на юго-восток...

Цветы эти совершенно как солнце, золотые с белыми лучами, они, правда, до того просто подражают солнцу, что как будто их дети вырезают ножницами из бумаги, и так их много, и так они всюду в пору Петрова дня, что зовут их не солнцами, а попами («Попик, попик, выгони коровку!»).

Спирея пахнет медом с примесью чего-то не неприличного, а порочного. Сегодня я захотел понюхать это и вспомнить, но внутри каждого белого попика — цветка было по два-три больших зеленых жука («шпанские мухи»).

Молодая женщина несла в руке какой-то фунтик. Старая женщина издали заметила фунтик и думала: «Откуда фунтик, если ничего нигде нельзя купить, разве дают гденибудь?» Поравнявшись с молодой женщиной, она спросила:

— Дают?

Молодая очень серьезно бросила:

— Нигде ничего не дают.

Бострем и сова.

«Б» в живописи имя совсем неизвестное, потому что один известный художник однажды бросил имя свое, взял это Б. и скрылся. Время от времени он писал картины, но не выставлял их, а дарил друзьям, а кормился разного рода занятиями, ничего не имеющими общего с искусством. Он написал мне сову с особенным взглядом древней мудрости. Простодушные, ничего не понимающие в искусстве люди принимают ее за Маркса и ничего не говорят, а если обратят внимание и они вдруг поймут, то всегда говорят: «А я думал, это Маркс». Люди образованные, напротив, непременно восхищаются, правда, чрезвычайно эффектной, неожиданной и колоритной картиной. Ищут имя, но его нет: имя свое художник бросил давно и не подписывает.

— Кто это писал? — спрашивают. Я называю это никому неизвестное имя «Б» и говорю:

— Вы знаете этого художника?

— Ну да, конечно... — обыкновенный ответ.

Самые осторожные говорят:

— Имя слышал, конечно, но...

Никто не отвечает:

— Нет, я такого художника не знаю.

Это потому, что образованный человек должен все знать.

Политпросвет. В нашем большевистском социализме не то страшно, что голодно и дают делать не свое дело, а что нет человеку сокровенного мира, куда он может уходить, сделав то, что требуется обществом. На этом и попадались те усердные старатели из интеллигенции, истинные «попутчики», которые легкомысленно пользовались давно пережитым <*1 нрзб.*> тех рабов, которые в прежнее время выслуживались и получали грамоту вольности. Они того не разумели, что против того темного времени

рабства социализм далеко ушел вперед и обладает какой-то мало понятной способностью видеть раба насквозь. Попутчики этого не учли и, после того как отдали свои силы, были просвечены и грамоту вольности не получили.

О просвечивании. Этот ничтожнейший человек — полит-вошь, наполнивший всю страну, в своей совокупности и представляет тот аппарат, которым просвечивают всякую личность.

N в сущности стоит на старой психологии раба, конечно, утонченнейшего: он очень искусно закрывается усердной работой, притом без всякой затраты своей личности: это не выслуга. Конечно, он в постоянной тревоге, чтобы его не просветили, и в этой тревоге и заключается трата себя, расход: легко дойти до мании преследования, тут весь расчет в отсрочке с надеждой, что когда-нибудь кончится «господство зла».

Я спасаюсь иначе. Мне хочется добраться до таких ценностей, которые стоят вне фашизма и коммунизма, с высоты этих ценностей, из которых складывается творческая жизнь, я стараюсь разглядеть путь коммунизма и, где только возможно, указать на творчество, потому что если даже коммунизм есть организация зла, то есть же где-то, наверно, в этом зле проток и к добру: непременно же в процессе творчества зло переходит в добро. Дело в том, что у меня есть общие корни с революцией, я понимаю всю шпану, потому что я сам был шпана... И я потому смотрю на их движение по меньшей мере снисходительно... иногда мне даже кажется, что по существу бояться мне нечего и, если бы пришлось в открытую биться за революцию, то враги бы мои отступили; во всяком случае, дело это поспешили бы замять.

Подумать и подумать! (Наше расхождение с Б<острем>: его мечта о лесной избушке, я живу в городе, утром выхожу и весь день в цветах...)

<На полях:> *Роман в то* <1 нрзб.>, *где еще не набили оскомину, или в прикладное искусство...*

Очерк. Почему-то роман у Пушкина, Толстого, Гончарова начинается непринужденно, а роман современный, когда начинаешь читать, всегда преодолеваешь некоторую условность, как будто автор сделал необходимые реверансы, и потом начал. Думаю, это потому, что время романов прошло.

19 Июля. Все еще не начинают косить из-за дождей.

Вчера была чудовищная гроза.

В Германии парламентский кризис. N., который был когда-то либералом и по Уолсу тогда давно торжествовал при победах С. Д., теперь ликует, когда побеждают фашисты, и Германия <*1 нрзб.*>, такой победы.

N. (охотник) высказал странное: «когда на охоте добываешь старого зверя, то всегда радуешься, и у кого зверь старше, тот хвалится: а у меня старик!» Но почему же в нашем союзе человеков стариков совсем не ценят, им говорят: «уступи молодому».

Засоренность аппарата чуждыми элементами — частниками и лишенцами.

Разложение руководящей головки.

Художник света. (Охота с камерой).

23 Июля. Провел на зооферме. Пав. Александ. Петряев. Зоотехник с Соловков. Уральский проф. Клэр.

Гон соболей. Она висит на крыше и передвигается, он там не может, утомляясь, она падает, он с раскрытым ртом. Настигает — клубок, спаривание или смерть? Разгоняют, а вдруг спаривание?

К тому, что погибла самка: просто от злобы, а не от пола: сперматозоид в половых путях не нашли, значит, нет объективных данных.

В Новосиб. спарились на сапоге.

— Мозги отпадают (измученные, кормились кониной и вдруг спарились). Значит, мозги отпадают? Питание отпадает.

Возбуждение всех: четыре самки погибло, а ни одного спаривания.

Злобность — это видовой признак, как напр., пение птиц тоже вовсе не связано с половой деятельностью. Тоже и злоба не обязательно сопровождает половую деятельность. Искусственная злоба, как ценное собаки. Надо чтобы они были вместе... и тогда определяющим моментом при спаривании будет спермогенез самца и овуляция самки.

— Позвольте, — Ченцова — самка Муська и Мус. Он ожирел. У нее явные признаки течки: клейкие выделения, опухоль, куньи запахи, половую щель повертывает к его носу. Ее пускают к Хромому и он ее с ненавистью гонит, хотя тут же вскоре покрывает самку Кривой Зуб.

— Индивидуальность самца, вот если бы самка...

— И тоже с самками постоянно...

...Шаляпин и Собинов.

Соболь—исследователь, если видит дырку, влезет, если покажется закоулок — зайдет.

Основание: небоязнь человека, если соболь встретится в лесу, то не убежит.

Подбор лучших индивидуальностей.

Где солнечное пятно — там соболь.

27 Июля. На днях приходил Якут, говорил, что в эти дни чуть-чуть не лег под поезд. «Мне что, — говорил он, — ведь я в Бога совершенно не верую. — Семинарист, — ответил я, — семинария поставляла кадры безбожников. — А разве вы-то веруете? — спросил он. — Верую или не верую? — сказал я, — к сожалению, не могу ответить на постоянное: то верую, то не верую; в прежнее время, когда все носились с богоискательством, я сказал бы «пожалуй, не верую», а теперь во время гонений отвечу: «верую, Господи, помоги моему неверию».

28 Июля. Завтра в Москве:

1) Федерация: а)местком, б) бумага
2) Сдача рукописи
3) Поиски бумаги
4) Патроны 38, щетка 38.
5) Фото: гипос, арист<атипная> б<умага>.
6) Бальзак и проч. литература.

Сегодня:

1) Телеграмма Фадееву и о бекасах в союзе. Письмо Разумнику.
2) Подготовка материалов для книги «Очерк».
3) Снаряжение, патроны.

Беседовал с Б<остремом>. Главное: мы, как писатели, поэты и художники не являемся, как раньше думали, «избранниками», будто бы мы живем, а внизу где-то прозябают (обыватели). Нет! мы ничем не отличаемся от других, если их дело является творчеством жизни... Так мы говорили, а между тем нового в этом для меня нет ничего: я так и писал...

Хитрость есть низшее свойство ума и высшее свойство глупости.

Хитрость находится сзади ума: это зад. А у глупости хитрость это мощь.

Назовите хотя бы один роман нашего времени, начиная читать который, не приходилось бы преодолевать некоторой неловкости, а часто и стыда за автора: «Зачем он заводит, думаешь, свою игрушку в то время, когда нам всем не до игры и вообще не дети мы, чтобы обманывать нас какой-то «фабулой» или попросту сказкой».

Романов таких, если только в них с самого начала не вплетено что-нибудь философское вроде как у Белого, такого, для чего собственно движется, скрипит и визжит избитая телега, нет таких романов. Расчитаешься — ничего. И есть читатели, и долго, долго они будут рождаться и жить такие невзыскательные и наивные; они берут в руки роман не для того, чтобы творить возможные пути жизни или образцы вслед за автором, а только чтобы отдохнуть, забыться и потом бросить «книжонку». Читателю

просто, но как писателю делать роман, если необходимая наивность для этого дела кончилась. Возьмешь Мериме, Бальзака, Диккенса, Толстого, Достоевского – их читаешь без неловкости, но берешь современного романиста, который строит роман во всех отношениях лучше классиков, и как-то с трудом и неохотой расчитываешься. Это не в дудку тем старикам-читателям, которые могут признавать только памятники своей эпохи. Нет, я больше думаю о самом писании, чем чтении, читать-то можно, а вот как писать роман, если форма его для нас теперь как гнездо, из которого птицы улетели и не вернулись. Отчего бы не поцеловать руку милой даме? Но если никогда не целовал и, только глядя на других воспитанных джентльменов, почувствовал надобность тоже не ударить в грязь лицом, то, как ни старайся, выйдет смешно и ненужно. Нет, если не воспитан в условности, то и не надо воспитываться, тем более, что и время этой формы жизни прошло.

Так прошло время романа, и молодежь прямая, нелживая, теперь свою поэзию передает нам стихами, а прозу (тоже поэзию), очерками. Я смотрю на современный роман, как на дань прошлому времени. Взять самых читаемых и даровитых современных романистов <зачеркнуто: Пильняк и Лидин>, – как хорошо они пишут! Когда тот же самый <зачеркнуто: Лидин и Пильняк> изредка напечатают свои фельетоны в «Известиях», то это читаешь по-настоящему, не расчитываясь, без неловкости, напротив, с восхищением и радостью, и чувствуешь Париж вместе <зачеркнуто: с Лидиным> и Японию <зачеркнуто: с Пильняком>, это все у них взаправду, а роман их – это талантливая дань прошлому в лице невзыскательных читателей-мещан всего мира, которые жаждут жизни...

30 Июля. Вчера в Москве старо-революционная еврейка рассказывала, какая ненависть в Украине к русским. «Нет, – говорила она, – нам эта власть лучше всех: я видела в Киеве много разных властей, все приходят, чтобы грабить». После того она рассказывала, что в отношении продовольствия Москва на последнем месте. «Чем же это

кончится? — Подвезут, — ответила она, — лет пятнадцать еще так будет, а дети теперь уже туберкулезные».

В вагоне старуха из благородных в старомодной шляпке отодвинула мешки и села к окну. Пришел рабочий, хозяин места, и принялся ее ругать, да как! вступилась одна женщина: «Ну, раз сказал, не ругаться же час!» — так на эту женщину весь вагон накинулся за то, что она до сих пор находится в «их» услужении. Вот! конечно, каждый из них ругает современную голодную жизнь, а когда основного коснется, социального самолюбия, все за революцию. Этим и держится власть: массы не идут против, чтобы не упустить революцию.

Смешно было перед отходом поезда из Москвы, народу собралось множество, и за решетку не пускали, потому что состава не было. Непонимающая, нетерпеливая публика стала ворчать и набрасываться на человека, придерживающего дверцу. Это было простое обыкновенное ворчание. Придерживающий даже не удостаивал ответом. А мужик с мешком за плечами, заросший волосами, грубый, подумал, надо всерьез бунтовать и крикнул придерживающему:

— Отворяй, еб твою мать, в голодные годы не было Вас, еб вашу мать, а теперь чем не голод, еб вашу мать!

Тогда все, оскорбленные ругательствами, невозможными в столице среди дам, набросились на мужика и забыли человека придерживающего.

Так будет с каждым, кто пойдет против власти: ход революции держит эту власть, а революцию все делали. И пусть рождаются дети туберкулезными, и еще будет хуже — выхода нет!

В Савое подали мне чашку консоме, а хлеб черный. Я сказал человеку: «Надо пирожки, гренки, или хотя бы хлеб белый. — Будет! — ответил человек. И ушел. Я ждал, ждал, суп остывал, я постучал человека. — Что угодно? — говорит. — Да гренки. — Какие гренки? — Да вы же сказали, что «будут». — Он засмеялся. — Так я же, —

говорит, — сказал, что через три года будут. Вам надо тут три года сидеть». И с хохотом удалился.

Савой. Кто в Савое? англичане, вероятно, какие-нибудь у себя на родине монтеры, это видно по их слишком правильным проборам на голове и не очень ловко сшитым костюмам и деревянным манерам. Еще японцы-студенты, как сядут, так и замрут, как изваяния. Чрезвычайно удивишься, когда появляется русский, вполне как раньше, сытый, отлично одетый буржуа, подумаешь: «этот наверно за границей живет по русским делам». А то войдут двое в широчайших галифе и парусиновых куртках, лица авантюрные, глаза задымленные — не то командармы, не то наблюдатели из Г. П. У. Всегда на свое место садится старик-сатир, думаю, что это советский д-р В., балетный бог: у него есть Лейка и он снимает голых балерин, все балерины непременно бывают у него и снимаются.

Из окон Савои видны только камень и небо, ни одного дерева, так что не знаешь времени года и только догадываешься по синему небу, светлым камням и особенно, что окна открыты и в них цветы. Лучше всего цветок... желтый, он в солнечных лучах светит золотым жучком и чудится... какая-то чудесная уютная жизнь. На самом деле — нет! там людей, как клопов и вечные ссоры женщин в кухне, где вечно шипит несколько примусов.

Давно в буржуазное, богатое время, я помню, любовался из какого-то бедного кабачка богатой квартирой с открытым окном — как прекрасно было это... белое открытое окно! в аквариуме светилась зеленая водоросль, и золотились рыбки. Показалась женская рука... Я страдал, я завидовал. Я презирал свою бедность и думал про себя, что там внутри этой квартиры так хорошо! Прошло столько лет. В Москве во всех столовых едят вонючую выдвиженку — воблу и это не просто: долго стоят в очереди, чтобы заплатить, потом долго стоят за спинами сидящих, чтобы дождаться места, и потом долго дожидаются, когда измученный человек принесет им вонючий хвост соленой рыбы. Только один ресторан для иностранцев — Савой вполне как в прежнее время: осет-

рина в томате, вино, в окне белый камень, синее небо, открытое окно и светится желтый цветок. Нет, я теперь больше не вспоминаю о дорогой квартире, где аквариум и белая женская рука с длинными музыкальными пальцами. Разве что-нибудь особенно изменилось? Нет, и теперь, наверно, есть юноша и много их, больше, чем у нас было, кто смотрит на окно с цветами и думает, что там внутри квартиры хорошо и завидует. Ничего по существу не изменилось, это у меня прошел обман..., я теперь знаю, что за цветами шипят примусы теперь, а раньше барыня с прислугой шипели. И право же лучше теперь, жизнь без обмана, зато <*1 нрзб.*>. В Савое тем хорошо, что из действующего лица при помощи белуги, рюмки водки, желтого цветка делаешься созерцателем, не действуешь, а читаешь историю: и так это интересно ее читать! Счастливые будут наши наследники, которые будут только читать наше время.

Закусив осетриной в томате, я спросил консоме, а когда мне подали чашку бульона и черный хлеб, я сказал: «к бульону надо пирожки, гренки или хотя бы белый хлеб».

— Будет, — сказал служитель.

И чему-то улыбнулся.

За мой стол попросился юноша, очень бедно одетый, в синей косоворотке, сверх нее совсем дешевый пиджак, лицо незначительное, хотя восточное. Я догадался: это татарин, наверно студент восточного факультета и на положении иностранца ходит в Савой. Он робко спросил себе борщ, человек посмотрел на него свысока и, по-моему, нарочно из-за презрения к ничтожеству тут же забыл.

Мы очень долго ждали, я гренки к бульону, юноша борщ. Опять я вспомнил свое время и видел в татарском юноше себя. Я, в сущности, не дожидался, а медленно по ложечке глотал бульон и больше глядел в окно на залитый солнцем цветок и вспоминал музыкальные пальцы. Служитель мелькал иногда близко от нас, я просто забывал о гренках, а татарин робел, понимаю: недалеко возле <*4 нрзб.*> как изваяние, сидели во всем английском японские студенты, татарин их стеснялся, меня <*3 нрзб.*>,

зеркальный потолок отражал его синюю косоворотку. Ему было обидно, больно, что человек не обращал на него внимания, сердце его сжалось, он тоже стал смотреть в окно на белый камень, синее небо, квартиру с цветами *<4 строки нрзб.>*

— Да, конечно, — думал я, — ничего не изменилось: юноша этот — я в прошлом, он завидует японским студентам, думает очень хорошо в Японии, завидует квартире с цветами, — думает, живет в ней женщина-ангел.

Человек, наконец, подошел.

— Я просил борщ, — сказал солидно юноша.

— Хорошо, — ответил человек.

— Гренки, — сказал я.

— Нет гренков.

— А вы мне сказали: будут.

Человек стал смеяться.

— Я, — сказал он, — говорил Вам, что были, дня три тому назад еще были, а будут, я сказал, что через три года, когда кончится пятилетка, будут. Вам надо три года ждать...

31 Июля. Завтра мы уезжаем на Журавлиную родину.

Из последней нашей беседы согласно выходило, что современные исторические деятели, конечно, не сознают, что они делают, им, возможно, менее видно, чем нам.

Можно отметить, что теперь, когда мучительство жизни достигло очень большой степени, почему-то как будто вовсе почти исчезла в широком обществе (интеллигенции) сладость, сопровождавшая чувство ожидания близкого конца. Возможно, это признак большой внутренней победы революции. Во всяком случае, представители старого гуманизма и либерализма в настоящее время совершенно пусты, точно так же простой мещанский воп очень слабо действует на нервы. А так как тирания сменяет гуманизм не только у нас — везде в Европе намечается фашизм, то начинает быть понятным, почему теперь исчезает «сладость конца»: ведь «конец» жил в сознании потому, что сознание питалось основной неправдой ком-

мунизма, и против либерализма и социализма; казалось, что это случайное проявление дикости, что это судороги самодержавия; теперь же начинает проглядывать в длительность и как бы универсальность и необходимость этого «коммунизма»...

Окончательная победа должна быть такой, чтобы сам враг положил оружие и признал, что он ошибался и теперь видит правду общую на стороне победителя. К сожалению, «враг» до того изолгался, признавая это в различных анкетах, и чистках и т. п., что нет возможности поверить ему, если он по-настоящему увидит правду в руках врага и раскается.

Бумага от Пендрие.

32 листа 50 × 60 — à 2р. 50	—	80р.
24 листа русской 50 × 60		
34 Royal Кодак 18 × 24 à 35к.	—	11р. 90к.
36 глянц. Кодак 18 × 24 à 25	—	9
115 24 × 30 à 60	—	69
		169р. 90к.
Отдано		50
		119р. 90к.

До 1-го Августа в моем распоряжении имеется денег:

На руках	—	43 р.	Налог	512 руб.
На почте	—	207 р.	Налог на стр.	14 руб.
В банке	—	1476 р.		526 руб.
		(1726 руб.)		

Остается на 7 мая 1200 руб.

За огород Тимофею — 15 руб.

8 Мая. Костюм Павловне 23 руб. 16/V Взято 550 р.

10 Мая. Страховка коровы 5 руб. Уплачен налог 512 р.

Ночному сторожу за 2м. 5 руб. 16/V оплата пайка — 4 р.

Пакет заграницу 90к. 19/V В Дорогобуж на корову в счет поросят — 30 р.

11 Мая.

Мясо 12 р. 60 к. 21/V Взято 25 руб. из них:

В аптеке — 2 р.

Конфеты — 2 р. 50 26/V взято 50 руб. из них:

Рис — 3 р.

Взято 50 руб. 29/V 100 руб. уплачено Пендрие за долг

Сухари ржаные

30 Мая. — 10 руб.

4/VI за бумагу Пендрие 50 руб.

9/VI Прислано от Октября 100 р. из них: 50 р. послано Пете.

Оборвалось...

Ревизия оборванного 2-го Июля

На почте	—	207 руб.
В банке	—	301
Всего		508 руб.

5 + 11 взято 200 руб.

13 Июля остается 308 руб.

1 Августа. Дождь. Приехали на Журавлиную родину. Везде бедно. Надо выбирать ту деревню, где могут давать молоко. Остановились в Переславище. В Заболотье прошло 13 автомобилей. Перед деревней яма, в которую садятся все автомобили. Ребята их за деньги выкатывают. Говорят, будто в одном авто был Сталин с Ворошиловым.

***2 Августа.* Ильин день.**

Сильная гроза. Нашел большой выводок и принес порядочного тетеревенка. Хозяин рассказывал, какая беда вышла в Москве в очереди за орехами (почему же за орехами? — крикнули: «орехи дают!» — и все бросились и стали). Хвост был очень длинный, а орехи кончились. Оставалось кило. Право ближайшего к орехам стала оспаривать женщина с ребенком. Явился муж этой женщины, спор перешел в драку, очередь бросилась грабить магазин,

но в нем совсем ничего не было. Один из тех, кто дрался, высадил окно. Другого потянули к ответу: 30 рублей!

— А кому же достались орехи?

3 Августа — воскресенье, 4-е Понедельник — были дожди. Рожь переспела, чуть ведро — жать скорей, враз побежит.

Фабрика в Москве 3000 рабочих, из них 300 партийных, и среди этих трехсот хорошо, если найдется 30 убежденно согласных. Все остальные молчат («Что значит «молчат? — Ничего нет в них, как прикажут, так и делают»). Тысячи беспартийных все идут против. Их основание к протесту единственно то, что очень голодно. Идей никаких. Вот у крестьян, когда они ворчат, жалуются на недостатки, выходит как-то естественно, как будто отсутствие ситца (дегтя, даже колес...) есть идея сама по себе. Но безыдейный протест московских рабочих — темный протест, просто разложение (ведь у них все-таки в день остается фунт хлеба).

Думаю я вот о чем: когда массы рабочие аргументируют недовольство свое недостатком в продуктах, и если среди них найдется идейный и скажет: «Я готов голодать, сколько могу, лишь бы сохранить идею социализма», — то наши товарищи такого идейного, независимого от экономики рабочего очень одобрят. Но если интеллигент скажет, что его убеждения и поступки не зависят от экономики (или «политики»), то на него набросятся.

Откуда в марксистской этике явилось это настойчивое требование проводить экономическую необходимость вплоть до зависимости от нее самих истоков личности? Это явилось по всей вероятности исторически еще от фр. буржуазии, бунтующей против феодальной праздности. Социализм это углубляет: всякий труд — есть творческий труд, нет ничего «сверх». Вот откуда... И с этим можно согласиться и даже этому обрадоваться. Но вот возьмем практически. Эти массы рабочего мещанства, идущие против большевиков вследствие недостатка в продуктах, нам, интеллигенции, чужды, мы бы сочли для себя унизи-

тельным в своем протесте ссылаться на недостатки, и мы так же чужды этим массам, как если бы совершенно другие существа были. Стало быть, надо же провести черту?.. Нет, тут должно быть какое-то очень важное молчание и только действие. Так Ленин об этом молчал.

Из рассказов рабочих:

Перебегающая молодежь: сегодня здесь, завтра там, безответственность.

6 Августа. Вчера день прошел без дождя и сегодня очень жарко и сухо.

Все принялись жать. Хорошо бы недели на две жары, чтобы можно было пойму косить (ее теперь залило, и косить — значит только макушки хватать). Вот если бы скосили, то бекасы бы высыпали из леса, а то теперь их совсем нет. Вчера убил двух глухарей дуплетом, эти глухари появились возле церкви, потому что, во-первых, их основное место залило, во-вторых, ягоды нет; из-за этого выбрали они черный ручей возле поймы, закрытый наглухо ольхой, там в глухой черноте, вероятно, много есть для питания насекомых, а гулять они выходят на луг сухой, где теперь пасут скот, тут я их и прихватил.

Сегодня в Сеславине собирал боровики.

Прошла моя жестокая молодость, теперь я ружье беру только, чтобы добыть себе пищу. Вот убил вчера двух глухарей, теперь хватит нам дня на три, и я иду без ружья за грибами стариком, будто иду в свой настоящий дом, где такой мир, такая радость, такая слава жизни в росе. Грибы такие глазастые смотрят на меня со всех сторон. Кто не обрадуется этому всему? Вот по-своему, вероятно, какой-то мальчишка тоже обрадовался и оставил на тропе, прямо на ходу ему не нужное. Конечно, по молодости он анархист, ему только до себя дело. Но пусть! Природа исправляет все, и всякую дрянь пускает в дело: вот уже подошла собачка и очистила все оставленное на тропе анархистом.

Красильщик Ник. Вас. Сафонов такой удивительный грибник, что в Москве, будучи теперь рабочим на фабри-

ке в свой выходной день достал себе грибов и малины: выезжает в Лосинку, там идет часа два и приходит к грибам. Если бы совсем оборвалась связь с деревней, и в Лосиноостровской под Москвой перевелись бы малина и грибы, непременно бы он так устроился, что стал бы разводить в Москве в каком-нибудь садике малину, быть может, шампиньоны, и тем бы удовлетворялся. Так «заграница» вышла из дикости — тоже ведь как у нас было — и теперь вся оделась садами и неприятными загородками. Если бы на смену дикой природе стал бы вольный сад! Нет, нам потому там тоскливо, что в дикой природе, как у нас, вольно... Надо думать, что все индивидуальное должно быть очень интимным и до крайности, как явление пола, секретным. В особенности огороженный сад — pars quo totum — подчеркивает обнажение индивидуальности. Вот это, вероятно, и противно нам, дикарям, за границей.

Итак, друг мой, все Ваше личное должно быть вашим секретом, этим отличается культурный человек от варвара, а среди варваров тем же отличается мудрый человек: простотой он отличается от обыкновенных людей, почему-то неудержимо стремящихся к усложнению и вместе с тем, к глупому самообнажению.

Хитрость есть низшая степень ума, и самая высшая степень глупости. (Сказал Михаил Пришвин.)

7 Августа. Воробьиная ночь: сверкало на горизонте, а в избе духота. За час до рассвета пролил сильный дождь. Народ повалил за грибами на восходе. Часа через два обдует, и снова примутся жать. Туча тяжелая, синяя пошла от нас куда-то дальше. На десять минут я вошел в дом и, когда вышел, все изменилось: откуда-то нанесло серые тучи, которые все закрыли. Но через некоторое время снова появились просветы, явилась надежда на солнце. Я взял аппарат и стал снимать жизнь неба. Много сделал интереснейших снимков неба, а когда солнце окончательно определилось, занялся землей, снимал водоросли в пруду, цветы, мох, детей, труд крестьян...

Мой разговор с Николаем Васильевичем в присутствии Сережи и Домны Ивановны с внешней стороны носил характер очень осторожной защиты сов. власти, потому что от Ник. Вас., квалифицированного рабочего из Москвы, мне хотелось извлечь более идейного понимания современности, чем мужицкое. Мне думается даже, что нападки Домны Ивановны на власть, исключительно от недостатка в пропитании, справедливы и совершенно убедительны, потому что Домна Ивановна действительно всю себя с утра до ночи отдала на добывание средств пропитания семьи (у нее от работы голова постоянно болит, без всякого перерыва). Но высший рабочий из Москвы, у которого остается ежедневно фунт хлеба, который он променивает на ландрин, а ландрин на масло, должен, конечно, критиковать с какой-нибудь «точки зрения». Вот почему я очень осторожно вставлял свои замечания в том смысле, что при достижении высокой цели приходится терпеть, тем более, что есть слово главы правительства об улучшении продовольствия в ближайшие месяцы. Комсомолец Сережа понял мои слова, как защиту сов. власти и об этом он сказал Дом. Ив., ненавистнице власти.

— Мих. Мих. нельзя не защищать, — ответила Д. И., — он охотник, как же он бы охотился...

8 Августа. Темы: «Старик-чучело». «Самогон и книга».

Мой «рабочий» паек при охоте наверно смущает крестьян. Потому я сегодня шуткой сказал Сереже, показывая убитых птиц: «Вот видишь и заработок к “рабочему” пайку охотничий. — Сережа ответил: — Как же мы бы без книг-то жили, конечно, Вы тоже рабочий, советская власть вся на книге стоит. — Это верно, — сказал Ник. Вас., — а мужицкая на самогонке, оттого у нас нет ничего, кроме книг и вина». Мы продолжили этот разговор о вине в связи с тем, что вино исчезло. Никто об этом не говорит даже, потому что хлеб жнут, через неделю можно будет начинать самогонку. В этом русский народ покорил власть совершенно, тут какой-то предел, через который никакое

правительство перейти не может. Вот так и во всем бы можно, если бы нечто было в народе общее. Значит, нет... Впрочем, может быть тут обход, конечно, бессознательный, борьба органическая. Обвиняют кулаков. Но вот сейчас привезли в кооператив мясорубки, – на что они крестьянину?! а вмиг расхватали. И так все расхватали, как только уничтожили частную торговлю: каждый стал запасаться, чтобы сохранить свою жизнь. Вот где первые истоки капитализма...

...а социализм (истинный?) имеет совсем другие истоки. До сих пор наш социализм еще ничего не творил, он прозябает, как паразит на остатках капитализма: «кулак» никогда не может быть раскулачен, потому что капитал не в вещах, а в душе.

<На полях:> *Каждая жизнь что-нибудь разрешает, и человек продолжает жить и не хочет умирать, пока не придет срок. Тем и объясняется долговечность (Фет). Но бывает, человек и так живет – в равновесии и проводит время.*

Счастливая старость. Наш сосед создал себе счастливую старость, в 75 лет он перестал работать в поле: дочь присылала ему из Москвы подмогу. Он ходил в лес за грибами и клюквой, продавал, посылал дочери и сам пользовался. Так он жил ровно, счастливо до 100 лет, после чего ноги у него ослабели, и он занялся огородом, выгонял отличные подсолнухи. Он был в свои 100 лет очень свеж, всегда весел и, по-видимому, совершенно счастлив. Пожалуй, он бы и еще прожил лет 50 на удивление всем. Но однажды какой-то полоумный охотник, выпивши, возвращаясь с неудачной утиной охоты, принял старика на огороде за чучело и разрядил в него ружье...

Вчера вечером после заката солнца выкатилась из лесов луна, такая огромная и красная. И там ведь луна, эта самая показывается, во Франции, в Париже и в деревнях французских крестьян, и в Америке, и в тайге. Луна универсальна, везде одинаковая... и так это значительно, так

прекрасно, что есть луна для всех и солнце для всех, и звезды для всех...

9 Августа. Вчера и сегодня ветер, ясно, прохладно. «В полном разгаре страда деревенская» (половина ржи сжато). Гриб лезет и лезет.

Деревня повторяет точно годы военного коммунизма: деньги не берут, подавай сахар. Из Москвы едут за маслом с конфетами. Солью, керосином запаслись надолго. Кооперация занимается променом махорки на яйцо. Все уверены, что должна быть перемена.

Художник, чтобы существовать, пишет черта, кажется, теперь уже гонит третью тысячу, возможно ему за эту работу скоро дадут пенсию, и очень может случиться самое худшее: он сам увидит, что все свое дарование отдал на изображение черта... Да, в сердце имел чувство нового срока мировой жизни людей в Духе Святом и сорадовании всеобщему творчеству жизни и в уме держал новый творческий путь в обществе невидимых Покровителей, а в повседневной жизни ежедневно получал все больше и больше заказов на изображение черта. И вот пришел день вроде как бы Страшного Суда, когда обличительный голос совести спросил: — Покажи, что ты делал в эти годы? — и в ответ показать можно было только 3.000 портретов главного черта...

Вот тогда в последнем унижении художник вдруг стал на сторону черта и принялся на Страшном Суде доказывать и прямо даже указывать, что в рабстве у черта он научился во всем сомневаться, до такой степени ясно видеть обманы религиозные, что все прошлое отверг, и религию Сына Человеческого увидел как прошлое невозвратное, неповторимое, и в своем последнем отчаянии увидел грядущий свет Духа Святого...

А что, правда, остается в положении раба? Бунтовать — бесполезно, обманывать, лукавить — унизительно. Нет, остается единственное: раз не умер и не хочешь

умирать, остается служить честно господину, и если нужно — умереть за него (за черта?)

Как я решил для себя? Мне было так, будто черт по своему незнанию черт, а если ему раскрыть истинное творчество, то он им тоже заинтересуется. И вместо того, чтобы угождать ему или обманывать и лукавить в ожидании момента возможности изменить и предать его, своего господина, я раскрывал ему поразительный мир творчества, не говоря прямо, что он происходит от Бога. «Дело вовсе не в причинах и мотивах, не все ли равно вам, чем я руководствовался, — смотрите, я сделал хорошо!» Черт смотрел, улыбался и говорил: «Эта манера писать, во всяком случае, годится, как образец, для обучения нашей молодежи».

<На полях:> *Точно таким же образом входили в жизнь и влияли наши классики — Пушкин, Толстой, даже Тургенев. Словом, занималась такая позиция творчества, откуда...*

Занималась такая позиция, с которой было видно, что черт и всякое зло, сами не зная того, принимают участие в творчестве...

Очерк. Почти все писатели-беллетристы, между прочим, немного писали и в форме очерка, притом писатели не только газетные, так называемые «полубеллетристы», но и самые изысканные эстеты, как например П. Мериме, назвавший, впрочем (не совсем верно), свои испанские очерки «письмами». Некоторые думают, что очерк отличается от рассказа отсутствием сюжета. Это неправда, мы можем назвать много очерков сюжетных, если понимать сюжет в смысле ритмической связи всего произведения. Нет, нам думается, что очерк отличается от рассказа близостью к «жизни».

М. Пришвин в своей книге «Журавлиная родина» эту близость к жизни художника сравнивает с полетом ласточки над водой: ей интересно оставить кружок на воде, но не упасть самой, интересно так близко пролететь возле кур, чтобы они испугались.

После Великой войны очерк сделался господствующей литературной формой не только у нас, но и в значительной степени заграницей.

Да, у всех писателей, когда они хотят определиться во времени и пространстве, является попытка написать очерк путевой, исследовательский или производственный. Конечно, огромное большинство этих попыток со стороны художественной кончалось неудачей, получалась «полубеллетристика», имеющая прикладное значение. Но это происходит исключительно от неумения, отсутствия таланта, от старого предрассудка больших мастеров, коснеющих в общепринятых формах. Вот почему пионерами этой формы являются обыкновенно не писатели по профессии или писатели, которые еще не определились, как профессионалы. Так в недавнее время создалась книга Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», — огромный очерк, вполне удовлетворяющий во всех отношениях требованиям высокохудожественной литературы. Точно так же этнографический очерк «Колобок» Михаила Пришвина, много раз отмеченный критикой как замечательное художественное произведение, был создан им в то время, когда он был агрономом, пытающимся сделаться этнографом, и самый «Колобок» этот писал для детей для заработка; когда лишился агроном места. После Великой войны очерк сделался господствующей литературной формой не только у нас, но и заграницей, у нас, впрочем, много больше: у нас поток очерков в редакции принял прямо лавинный характер. И если принять в определении очерка вышеназванный признак, попытки автора приблизиться к жизни, то появление господства очерка в наше время становится очень понятным. Сейчас каждый может проверить на себе, взяв в руки любой талантливый роман прошлого и такой же талантливый роман современный: «Капитанскую дочку» или «Анну Каренину» начинаешь читать с первой строки с интересом; в современном романе, самом талантливом, надо расчитываться, потому что теперь не веришь, что роман может быть «взаправду». Жизнь совсем переменилась с тех пор, как писались

настоящие, правдивые романы, теперь читать их некогда: нетерпение, фабула не обманывает, ухищрения авторов разгадываются и надоедают. А старые читаются, потому что писались они безобманно, кроме того, конечно, про старое нам так много напето.

Все эти догадки об очерке, как доступной и гибкой для всех форме письма о современной быстро бегущей жизни, мы высказывали, имея в виду Михаила Пришвина, применялись именно к его пониманию очерка. Есть основание придавать его словам значительный удельный вес, потому что нам нетрудно доказать, что вся литературная деятельность его была над культивированием формы очерка. Мы постараемся сделать здесь обзор всех написанных Пришвиным за 25 лет от первого его очерка в 1905 году «Манифест 17 октября в деревне» («Русские ведомости»), кончая единственным романом, который можно считать огромным очерком собственной жизни. Чрезвычайно интересно, что в последней своей книге «Журавлиная родина» сам Пришвин сознательно берет форму романа, ломает ее и делает очерк.

10 Августа. Утро очень росистое, яркое, на вырубке всюду висели кружки паучиных сетей, от росы сделавшихся кружевными. Я так увлекся фотографированием этих сетей, что забыл про Нерль, которая шла по чернышу. Вспомнив про нее, я по колокольчику разыскал ее и убил черныша (Всего с 1-го Августа: 2 глухаря, 1 черныш, три молодых тетерева и 1 бекас).

Рано утром сегодня занимался луной — ничего не вышло, потому что она мало светит, а я дал скорость, как солнцу. Потом снимал восход солнца. Плохо вышло, потому что восход не виден за лесом. Заметил, что после грозы, при радуге свет много актиничней (прозрачность?) Радуга разделяет фотографию пополам: со стороны красного — она темная, со стороны фиолетового — светлая. Продолжаю заниматься снимками водяных растений. Начал снимать людей, старух и детей.

11 Августа. Утро светлое, потом сильный ветер при солнце, под вечер дождик.

Охотился в Селкове, убит молодой тетерев в черном пере, другого поймала Бьюшка, еще рябчик.

Надо понять, что может дать камера и что не может. И это очень трудно, потому что хочется снять все, что кажется очень красивым. Вот сильно росистое, ярко солнечное утро. В мелколесье роса села на тончайшие сети пауков, и они стали очень заметны. С восторгом я бросился снимать эти кружева, но когда проявил – никакой особенной прелести не вышло. Это потому не вышло, что восторг мой при виде сеточки был не от нее одной, все блестело, все сияло, а сеточка значила не больше кружевного чепчика на голове прекрасной женщины. Фотография дала мне только чепчик... Надо научиться требовать от камеры только для нее возможное...

Пожар. В обед прошел в сторону Заболотья древний старец, в поповском котелке, синей рубахе без пояса и в парусиновом балахоне. Хозяева нам объяснили, что это священник из Селкова идет в Заболотье: зимой его раскулачили, а теперь вот вышло, что неправильно раскулачили, и ему возвращают коз, он идет за козами. Матушка же его, говорили, еще утром прошла, такая маленькая, старенькая...

Потом вскоре после того, как священник прошел, в Селкове загорелось. Ветер был страшный, сгорело 27 дворов. Приходили о пожаре разные слухи, до вечера народ обсуждал событие на разные лады. Интересно, что в разных деревнях по-разному бывают пожары: есть деревни, например, Скорынино, которые вовсе не горят: никакие старики не запомнят, когда горело Скорынино или (Мергусово?). А в Селкове каждый год горят. Думают, что горят больше от ребятишек, которые играют в огонь, когда родители уезжают на весь день на далекие покосы. Где правильней родители соблюдают детей, там и горят меньше. А может быть, и где полосы ближе к деревне.

Под самый вечер в полумраке обратно прошел из Заболотья в Селково старый батюшка с маленькой своей попадьей и тремя возвращенными ему козами. На нем висели какие-то лохмотья, а белого балахона не было. Стали догадываться, что он балахон променял, на этом согласились все, а на что променял, догадаться не могли. Еще долго спорили о том, сгорел ли он или нет.

— Сгорел! — говорили одни.

— Остался, — спорили другие.

Тут вскоре из Селкова приехала Нюша. Ездила она туда за своими сундуками, которые свезла к родным недели две тому назад: она хотела уйти от мужа и переправила сундуки в Селково, но потом раздумала уходить и теперь, маскируясь пожаром, вернула сундуки. Ее обступили и долго расспрашивали, отчего началось и кто сгорел. Началось, конечно, от мальчишки, играл в огонь, ветер подхватил искры и понес. Страшно горело! Какая-то старая дева увидела пожар из болота — ноги отнялись, три версты на брюхе болотом ползла.

— Сгорела? — спросили Нюшу.

— Сгорела, — ответила она.

— А поп?

— Какой поп, молодой или старый?

— Старый.

— Старик сгорел, молодой остался.

Мы с Ефр. Пав., раздумывая о старости этого древнего попа, оставшегося с тремя возвращенными ему козами, сделали заключение: — Если о современной жизни раздумывать, принимая все к сердцу, то жить нельзя, позорно жить...

Кооперация променивает мужикам махорку на мешки, а мешки нужны, конечно, для нового хлеба, который будет поступать от мужиков.

Солнечный день в бору: после росы — матовый блеск брусничника, а иногда и металла.

В нынешнем году глухари почему-то перебрались в Попов Рог, где раньше я их никогда не встречал, — вероятно — думаю — их коренное место залило водой, и матки перевели молодых сюда; еще, может быть, повлиял неурожай ягод, правда, и тут их вовсе нет, но зато, вероятно, много животного корму.

Так устроено в космосе, что вокруг одного светила вращаются другие, и то большое светило, в свою очередь, вращается вокруг какого-нибудь, и малое светило, в свою очередь, часто является центром вращения какого-нибудь «спутника». У нас же, в человеческом мире, если кому-нибудь попадает в руки власть, то он думает, будто все вокруг него вертится, а сам он неподвижен.

12 Августа. В природе творится что-то непостижимое, сильнейшая буря вдруг сменяется полной тишиной и наоборот. Так вчера вечером необыкновенная была тишина, жарко, душно немного. И вдруг ураган до восхода солнца. Я почти уверен по вчерашнему дню, что к обеду ветер стихнет. Так было зимой и летом продолжается все полосами: весенняя сушь, потом летние сплошные дожди, теперь ветры...

Наконец, на 11-й день моего бегства в дебри Журавлиной родины газеты и письма достигли меня. Узнал, что Зоя беременна. Пишет она об этом, вернее расписывает с наслаждением и несколько излишней обнаженностью.

Вчера видел во сне девочку, в которую был влюблен в 1-м классе гимназии, лет 47 тому назад, имя ее Соня или Надя — не точно помню, фамилию очень точно, самое удивительное, что вспомнилось, как она «по батюшке»: Игнатьевна: мне думается, что это «по батюшке» вспомнилось у меня прямо через весь промежуток в 47 лет, что наверно с тех пор ни разу не приходило в голову. По обыкновению всех таких снов, я искал ее, бродил около ее дома, расспрашивал, но прямо к ней идти не смел. Обыкновенный мой романтический сон на почве тончайшей эротики (сказки Кота Мурлыки). Вся разница от прежних

снов, что героиня тех все-таки хоть лет-то на 20 ближе к нашему времени. Надо бы забыться от «Кащеевой цепи» и подойти к главному материалу своей жизни как-нибудь с другой стороны.

Шершунович рассказывал, какой в кооперации существует адский прием для выманивания у крестьян молока: договариваются, напр., с каждого рубля за сданное молоко 10 коп. оставлять за башмаки, которые стоят 9 руб. (недорого, потому что в частной продаже стоят они рублей 50). Сколько же надо сдать молока по 8 коп. за кринку (цена частная за кринку 25), чтобы получить башмаки? Конечно, никто почти не донашивает молоко до стоимости башмаков. Точно так же и с другими продуктами.

<На полях:> *Береза, заломленная в прошлом году.*
Гриб. Разрыхленная муравьями земля была покрыта брусничником, тугой гриб, поднимаясь из рыхлой земли, поднял над собой целый свод брусничника и показался.

14 Августа. (1-е августа — **Медовый спас,** в Переславище никто не работает).

Вчера утром был сильный ветер, я ходил на Журавлиху проверить бекасов, ничего не нашел. После обеда ветер по обыкновению стих, и при солнце я фотографировал вырубку, там, где прошлый год мы с Петей нашли выводок и заломили березу. Эта березка, сломленная и повисшая, была покрыта свежими зелеными листьями, потому что часть коры не была оторвана, и сок подавался даже к упавшим ветвям. Случайно брошенный взгляд открыл мне интересное явление: земля была разрыхлена муравьиной работой и сверху покрылась брусникой, а под брусникой зародился гриб и, напирая своей упругой шляпкой, поднял вверх над собой целый свод с брусникой и сам белый, показался на свет. Еще я снимал руины старого пня, это были совершенно, как руины дворца: пень разваливался и у подножия его лежал ворох гнилых обломков, и на них уже прорастали семена трав и деревьев. Был один пень, поверхность которого, как могильная плита: черви прото-

чили в ней дыры... Много раз пробовал также снять мох и сверху звездочками и со стороны и сбоку, чтобы схватить зеленые мягкие волны. Как удивительно мох подбирался к старому пню, и у одного схватил только коленки, которыми дерево когда-то держалось, у другого вовсе закрыло коленки, и из самого пня начала расти брусника с ягодами и даже березка. То, пользуясь синим небом, как фоном (белым) для черного пня, то ярко до белого освещенный пень обращал в фон для красной (черной) ягодки брусники, я рылся в этих последних мелочах земли, открывая и тут скрытую и для всех незримую красоту...

Деревья, умирая, роняли сначала засохшие бурого цвета листья и сучки их с макушки странно и неприятно в одетом лесу оголялись. После того как все дерево умирало, валилась вниз иногда большими, иногда малыми пластинами его кора и вся совершенно падала, как одежда. Голое дерево после того долго стояло: это сухостойное дерево... Эти деревья в лесничествах используются, но иногда их забывают и они постепенно начинают разваливаться. Большей частью валятся сначала макушки, сучья и, наконец, разваливается сам пень. Руины деревьев, для тех, кто любит всматриваться в подробности земного ковра, не менее живописны, чем руины дворцового и башенного быта: множество трав, цветов, грибов, папоротников, разных ягод спешат возместить собой распад когда-то великого дерева; прежде всего оно тут же часто возле пня своего само продолжается, начинаясь маленьким деревцем; мох ярко-зеленый крупнозвездный, с высокими частыми бурыми метелочками спешит укрыть голые коленки дерева, которыми оно когда-то держалось к земле; на этом мху бывают ярко-красные, иногда гигантские в тарелку сыроежки; светло-зеленые папоротники, красная земляника, очень часто голубая черника и опять красная брусника; клюква, невидимо ползущая тонкими нитями, и то случается окажется на пне: бывает, зачем-то понадобится клюкве перебраться через пень, глядишь, вот и ягоды кровяно-красные висят в воздухе.

Есть деревья, по березе я это замечал, у них кора не отваливается с пней, как у других, а так и остается, пока все не сгниет изнутри; и остается, в конце концов, как бы толстый берестово-белый воротник, изнутри которого из трухи часто вырастают уже новые березы и множество привлекательных трав.

15 Августа. Ночевали у меня охотники Александр Александрович Реформатский с женой Надеждой Васильевной (сестра Елены Вас. Вахмистровой) и с ними какой-то пьяненький доктор Александр Николаевич.

16 Августа. Утром проводил гостей в Шепелево. До обеда фотографировал вырубку (негатив <*1 нрзб.*>). Вечером ходил на глухарей. Нерль измучилась. Ведь третий уж год не могу сознаться, что собака плохая: так загипнотизировал я себя своим рассказом «Нерль».

17 Августа. Ходил через Сеславино во Власовскую дачу фотографировать лес, ничего там не нашел, да и дождь помешал.

В Сосновке в большом бору я сильно вздрогнул, думая, что это сорвался глухарь, но это был гром. После короткого дождя и мрака вырвался солнечный луч, и сосны, как свечи, зажглись, луч пал на мох и там внизу мох засиял лунным светом, а брусника ослепительной литой сталью. Луч перебежал лунный мох, стальную бруснику, и на той поляне, где мох был совершенно как светло-зеленая плюшевая скатерть, открылся громадный гриб-боровик прямой и ясный как памятник Пушкину, и подальше стоял тоже большой, но старый и <*1 нрзб.*> и непонятно деформированный, как Гоголь на Никитском бульваре.

Власть. Это загадочное, может быть, и пустое слово «человек» можно понимать, как явление власти в природе. Можно оспаривать все другие атрибуты понятия человека: милосердие? его можно не меньше найти и в природе, любовь, сострадание, и пусть инстинктивное, но все равно сознание: есть сознание и какое! но вот стремление

к исключительному господству, и подчинению себе всего живущего под предлогом лучшего для всех, а в действительности, чтобы себе лучше пожить, такой организации всего живого по своему плану, — вот чем отличается человек на земле. Последовательный анархист должен бы дойти до свержения власти человека в природе, а не только в обществе... Впрочем, анархисты, конечно, если и не говорят прямо об этом, то оно само собой выходит как из рассуждений их, так из их отношения к природе.

<На полях:> *Семью Домны Ивановны многострадальной описать параллельно с лозинкой, которая росла и росла. Начало где-то есть, очень хорошее.*

На Журавлиной родине днем на воле слепни, в комнате мухи, вечером комары, ночью вши, блохи и, особенно, клопы. Я сегодня ночью сбросил одеяло с груди, вышел на улицу, сел на лавочку и долго при ярком свете остатка луны любовался игрой ветра на лозине нашего соседа. Не было ни одного момента покоя, дерево всеми своими листочками играло и жило прекрасно. А изба, возле которой оно стояло, была самая бедная в деревне, крыльцо в ней было все кривое, один чайник-умывальник только и висел прямо. Дерево жило прекрасной жизнью, тысячи, десятки тысяч листиков-жителей всем организмом на своих стебельках, ветвях, закрепленные с жизнью земли единым стволом, сияли всем своим свободным государством при лунном свете так прекрасно! А человек, «властелин мира», плохо спал у себя, расчесывая грудь по укусам клопов грязными ногтями. Он был полуработник, потому что стал слепнуть: жена его, маленькая сухая женщина, работала от света дотемна, и у нее голова болела всегда и днем, и ночью. Старшая дочь, вековуха, была уродлива и зла. Вторая дочь ходила на фабрику и копила приданое. Сахару в семье не было, чай никогда не пили. Огурцы пропали от мороза, семена на новый посев купить было не на что. Остались без огурцов. Хлеб, картошка и лук. Младшая дочь работала вместе с матерью, она завидовала средней, что та копит приданое, часто дрались. И еще двое было маленьких, угрюмый Мишка и всегда крикливая плачу-

щая Лизка. Прошлое вспомнить было нечем, настоящее убийственно, будущее беспросветно: ежедневно картошка с луком, днем мухи, вечером комары, ночью клопы, вши и блохи. С утра до ночи все грызлись, ночью грызли всех клопы. Неужели же это властелин земли? Да, он кое-что мог. Только очень был подавлен, и не приходило в голову сорвать сердце на лозинке. А мог бы срубить! И как могла она десятки лет жить, распускать, размножать свои ветви и листики-жители, не обращая никакого внимания на своего властелина...

18 Августа. Ходил к Скорынину за бекасами, но всего за все утро нашел одного, которого и убил. В предрассветный час был дождь, а потом страшнейшая жара. Нога болит все сильней.

Снимал Попов Рог.

19 Августа. **Спас яблочный,** а яблочка ни одного, нигде. Спрашивают: «Куда делись яблоки?» Отвечают: «Подвоза нет». Смеются: «Подвоза нет!», раскулачили садовников, вот и подвоза нет.

Жара! ходил по журавлихе, убил двух бекасов и коростеля, в черныша промахнулся. Снимал р. Журавлиху (она является в водливые годы).

У Нерли начались краски (1-й день). Я удачно начал ломать у нее поиск (потому что при плохой стойке и широком поиске часто упускаешь дичь).

В такую жару безоблачное небо у нас бывает белым, не голубым, и часто в этом молочном небе безоблачном чувствуется за этим белым как будто что-то темное. Началась на днях большая высыпка бекасов, вчера убил 5, из них два были уже жирные.

В деревне овинный дух.

Пастух, как новобранец, считает себя обязанным пить водку и оттого сильно поглупел.

Дочь хозяйки в Москве поймала коммуниста и привезла его в деревню гулять. Днем она надевает лучшее свое

городское платье и лежит на траве перед домом на улице. Вечером каждый день напиваются. Грубое животное, возможно даже и непартийный, но все поверили, что он партийный и надеются через него попасть на место.

У женщин переполох.

Вчера было второе тихое утро с орошенной паутиной.

Вопрос экономисту:

Кустарная промышленность наша или ремесло за границей...

Что, ремесло совсем умирает или же оно в крупной промышленности как бы воскресает? Я хочу сказать, что крупная промышленность обязана ремесленным навыкам...

24 Августа. В книгу «Охота с фотографией».

Сегодня солнце взошло несвободно через сплошную пелену облаков и роса явилась поздно, когда солнце оказалось значительно высоко. Но зато тем ярче сверкала роса и трава, и необыкновенно четко раскинулись на кустах орошенные тенета пауков. Нерль причуяла тетеревиный выводок и повела. Продвигаясь вперед медленно за собакой, я вдруг увидел на поляне с редкими кустами множество больших паучьих сетей, до того разукрашенных росой, что я, такой страстный охотник, остановил собаку, уложил ее и принялся фотографировать. Из мелькающих мыслей, между прочим, была одна: «Вероятно, моя страсть к наслаждению красотой сильней, чем охотой».

Покончив с паутиной, я оглянулся на несчастную Нерль и попросил ее продолжить подводку. Она повела сначала неохотно и неуверенно. У меня было сомнение в том, что ведет она по свежему следу. На мою команду она <*1 нрзб.*>. Я уверился. Нерль переступала с лапки на лапку. Вот-вот грохнет выводок. И в этот момент прямо перед моими глазами, перед носом показывается роскошная ткань паутины и самое главное — сам громадный хозяин паук посередине. Вот бы сфотографировать, будет ли еще такое утро, а паука посередине уж не увидишь! Но Нерль

остановилась и замерла. Нет, оказалось, это было неверно, что страсть моя к исканию красоты сильней, чем к охоте. Как только Нерль замерла, и паутинная стена мешала стрелять, я разорвал ее...

— Вперед! — приказал я Нерли.

Я сдернул рукой паутину, мешавшую стрельбе, сбросил паука.

— Вперед, — сказал я Нерли.

Грохнул выводок.

Я принес в это утро домой двух роскошных, почти совершенно черных петухов с косицами даже. Но весь день прошел, и я стал обдумывать, вспоминать и решать, что же мне от него осталось, что было мне как счастье, как радость и притом навсегда как-то прочно: это множество капель росы, сверкавших на еловой лапке — в это время я снимал кружево...

На утренней заре весело стучат гуськи-дубовые носки. Я долго стоял и смотрел из-за угла, как работала вдали семья. Виделась большая женщина в белом, и казалось, это она управляла ритмом молотьбы. (Вот тут-то я раздумывал о ремесле (см. выше).

Вопрос экономисту: сохраняет ли крупная промышленность характерные аристократические навыки предшествующей эпохи ремесленного производства, больше — возможно ли <*2 нрзб.*> без предшествующей школы ремесленного навыка.

За нашим матросом-большевиком вся деревня ухаживает. Домна Ивановна готова на куски разорвать коммунистов, а для этого «зятя» сегодня зарезала почти последнюю курицу, и зять должен же был видеть это блюдце со множеством яиц, вынутых из курицы. И как не зарезать! Он вчера сказал Поле: «Приезжай ко мне в Москву, в школу устрою». Молодежь льнет к нему в надежде получить местечко. Возможно, что зять этот на неделю всего, и что вовсе даже не коммунист... Все объясняется крайне жалкой жизнью, люди хватаются за всякую возможность. И

потом это и сила: сделать врага своим, затянуть его в свое болото.

Ночью (на 25-е) в комнате стало очень душно, я вышел на крыльцо и сел на лавочку. Все небо было, как оспой изрыто. Медведица была без хвоста, Плеяды вовсе исчезли, в иных местах, напротив, были целы все звезды, в иных было совсем тяжело, темно и густо; и все двигалось и переменялось, открывался хвост Медведицы, закрывался, вдали сверкала «зарница». Вскоре из хаоса определилась туча, сверкнула молния, ударил гром, и пошел теплый летний дождь. В комнате стало возможно открыть все окна, потому что комаров бояться уж было незачем, и стало под шумок так приятно лежать и думать.

Продолжение + о погоде.

Вдруг крик раздался знакомый осенний — а!, через $^1/_2$ минуты крик этот слабо повторился вдали, и еще ровно через такое же время чуть слышен был в той стороне. Это цапля летела.

О книге Арсеньева я думал, что это, конечно, не случайно вышел у него Дерзу с его анимизмом: он, конечно, не выдуман и, возможно, выведен в книге точно таким, как был в действительности. Но Арсеньев обратил на него внимание, сделал героем своей книги и всю работу расположил вокруг этого лица, потому что до известной степени, хотя бы просто в смысле желанного — сам Дерзу стремился к его «анимизму». И множество читателей, которые теперь так полюбили Дерзу, конечно, в известной степени расположены к приятию такого «анимизма». Сам Арсеньев смотрит на Дерзу с сожалением, когда тот обожествляет и робеет перед тигром. *<1 нрзб.>* почему бы современному человеку вообще не включить в свой творческий день, как полезную силу, анимизм Дерзу? Этот анимизм, как его выводит Арсеньев, есть, иначе говоря, просто чувство жизни всей вообще по себе самому: я живу, рассуждает Дерзу, и ворона тоже так живет и есть хочет «как люди», и в этом даже особенной разницы нет между ней и человеком; потому он ей сочувствует и остав-

ляет кое-что ей поесть. Такое чувство жизни открывают почти все большие поэты в своих дикарях. (Ерошка Толстого и множество других), потому что сами им обладают и только узнают его в простом человеке. Думается, что и все европейские ученые-биологи вначале исходят из этого свойственного им чувства общей жизни и не теряют его даже в то время, когда их работа принимает чисто практический, даже технический характер: вот почему, вероятно, каждое новое изобретение люди встречают так, будто через него переменится в хорошую сторону и наша общая жизнь. В большинстве случаев, однако, ученый отрывается от своего начально-исходного чувства жизни и, погружаясь в специальную задачу исследования, вполне отдается интересной задаче распутать клубок явлений и вытянуть из него причину явления, его специально интересующего. Общее чувство жизни остается у таких ученых где-то в юности: это чеховские профессора. Но это не видно нам, все ли ученые, как у Чехова, должны растерять общее чувство жизни, или многие из них до конца как бы соучаствуют в сознательном жизнетворчестве. Ведь мы хотим понять «анимизм» Арсеньева и думаем так: этот недюжинный исследователь, как топограф, имеет слишком узкие технические задачи, чтобы ими удовлетворить свою огромную потребность соучастия в жизнетворчестве. Это неугасимое военно-топографическими измерениями чувство жизни находит удовлетворение себе в дневниковых записях. (Этим объяснить интерес книги, которая не имеет языка, сюжета и проч.)

После того, как определилось утро, я вышел на охоту за бекасами. Все небо курилось, всюду бежало курево, как после пожара, но за дымами-курилками там и тут проглядывало второе высокое небо, удивительно нежно-бирюзовое, светящееся, и тут я узнал, что это же самое было и ночью, там, где теперь бегут дымы, — ночью казались темными пятнами, а где бирюза — там были ночью звезды. И точно так же, как ночью, и днем пошло, эти дымы нижнего неба то складывались в тучу и шел дождь, то одолевало солнце и открывалось высокое небо.

Нерль плохо работала, и оттого я плохо стрелял, убил трех бекасов и вальдшнепа. Сделал несколько снимков водяных растений, конского щавеля. Надо снять Чертову тещу, как она выглядит, когда опадает ее красный цвет: какое злое растение! какой это хищник и как зачем-то она вооружена!

Приходил Шершунович звать смотреть Банковскую дачу. Немного посплю и пойду.

Видел сон, будто идет стадо коров наше, а ни одной нашей коровы узнать не могу. — Наше ли, — спрашиваю, — стадо. — Наше, — отвечают пастухи. И опять я смотрю, а узнать в нашем стаде коров не могу.

Весь день было истинно — «переменно», то прояснивало, то моросил дождь. В 5 веч. у Шершуновича, но он еще не приходил с работ. В ожидании его пошел в лес и стал фотографировать. Открылась красота силуэтов ветвей деревьев на облаках — можно посвятить целую серию снимков. Снял таким образом дорогу в Заболот. лесничество (чуть моросил дождь 10/9 ф. и 25/6,3 ф.).

Как боль отпускает, так точно же чувствуешь, когда в лесу начинает прояснивать. Оказывается, сорока может крикнуть в лесу так, что подумаешь: — это галка так может, да и как увидишь и поймешь, что это сорока, то вдруг определяется у них такое большое родство.

Дятел, как будто не веря перемене погоды, не стучал по стволу, как дятел, а как маленький ползунок, опрокидывался, ползал по веткам и сползал на низ хвои. Потом погода укрепилась, и дятел принялся за свою долбню.

Закат был невидим, но после долго горело в облаках и светило в промежуток черных стволов.

Лесничий не пустил Шершуновича, я возвратился домой. Ночью была гроза очень основательная и дождь очень большой, сильный и долгий, — всю ночь лил дождь.

26 Августа. Дождя нет, но серые тучи кругом повисли. Ворона сидит рядом с трубой и орет при всяком явлении. Вот четыре журавля летят над деревней — ворона орет им

вслед. Журавлей этих не было ни разу по утрам, это, конечно, семья, два старых и два молодых, какие-то новые события случились в их жизни.

Те общеизвестные городским людям остро-радостные чувства при встрече с природой, мало оставляют следов после себя, появляются и проходят, как при коротких связях. Чтобы войти в природу серьезно, надо пропустить эти роскошные чувства — десерта, потом надо привыкнуть совершенно как к совершенно необходимому и неизбежному, к постоянной грызне насекомых, к переменам жары и холода, к утомлению при излишней ходьбе, иногда недосыпанию, иногда недоеданию. И так, когда все застойные привычки будут нарушены, — когда-нибудь, в какой-нибудь вечер мелькнет на случайно радостном чувстве какая-то случайная мысль, и с той поры откроется особенное родственное внимание к окружающему повседневному миру. Тогда нужно, если к этому делу вообще есть расположение, вести дневники и, как бы плохо ни писал, все равно все записанное будет интересным для всех, потому что сила родственного внимания будет давать новую точку зрения на окружающий мир, и он будет показываться в особом, как бы сказочном, но в то же время и наиболее достоверном освещении.

Дни с 1-го по 24-е августа я по-видимому израсходовал на борьбу со множеством косностей(?), которые вошли в меня в этот тяжкий год; теперь вновь открылся мне прежний ритм природы, и надо постараться, чтобы в этот раз так и остаться с ним и сделаться совсем независимым. Это нечто совсем новое для меня. Буду укреплять его тем, что постоянно буду записывать о своих работах, главный мотив — движение (непрерывное) жизни в природе и перемене форм.

Осеннее: Куда ни посмотришь внимательно — везде разглядишь затерянный желтый лист, вот в лесу тетеревиная копка, в такой расчесанной лапами птиц кочке, бывало, непременно находилось и перышко, теперь птицы подались с места гнездований, к стайным жировкам, и в разрытых ими когда-то ямках находится не перышко, а

желтый листик березы, а то вот старая-престарая сыроежка, огромная, как тарелка, и красная стоит и завернула от старости края вверх, и в это блюдо налилась вода, а в блюде плавает желтый березовый листик.

Сегодня весь день идет дождь, я ходил все-таки в Селково до обеда, насквозь промок, но все-таки принес петуха и подарил его хозяйке для заболевшей девочки.

Овес почти уже сжали. Молотьба во всю. Вчерашнего матроса повез наш «кулак» и будто бы матрос уже определил его сына в Москву.

27 Августа. Не переставая всю ночь продолжался дождь. Ожидают возрождение усохших грибов белых, появление рыжиков и груздей.

Раз уже начали выдумывать и удалось, то, конечно, будут в этом идти до конца, выдумывать и производить самовольно то, что раньше получалось, как дар природы, дойдут не только до управления солнцем и звездами, но тысячами будут ставить на небо собственные послушные солнца и, наконец, поймут вполне химию и произведут серое вещество мозга. После изобретения мозга, который будет присоеденен к машинам и вполне заменит нынешнюю, хотя и пассивную, но все-таки очень ворчливую и недовольную интеллигенцию силой первичного происхождения, останется только воля к власти, осуществляемая, конечно, все теми же большевиками. Эта власть будет иметь те же самые атрибуты, как и божество: вездесущая, всесильная и т. п. Власть эта зайдет так далеко, что станет для всех существ новых, вызванных к жизни ею, непостижимой и само собой незримой. Правильное движение вновь созданных небесных светил будет поражать воображение вновь созданных высших существ, и они начнут, как и в старое время, догадываться о существе божественной воли. Явится какой-нибудь великий пророк, назовет эту волю «большевики», и тогда снова по всей земле начнутся кумирни, и новые люди будут молиться большевикам...

<На полях:> *Неверно: большевики действуют открыто. Надо развить так, что произойдет разделение: человек одной власти перестает понимать человека, наделенного всеми другими свойствами Личности, и этот последний в безличии власти-машины будет создавать себе бога.*

Революционная личность определяется, конечно, верностью революции (Ленин, Сталин, Дзержинский), нет таких тайников, где могли бы спрятаться чисто личные интересы (Троцкий); при условии верности революции все средства прощаются. Что же есть революция?

В 8 у. мало-мальски утвердилось, что может быть обойдется без дождя, и я вышел к Федорцовской треснице стрелять бекасов. Полтора суток без перерыву лил дождь, шоссейная дорога была как в распутицу, я снял эту лесную дорогу и еще снимал крестик молодой осины с крупными каплями дождя, верх крестика ставил на светлое небо, низ, обрамленный крупными, как брусника, каплями, ставил на темный лес. Капли снимал с 1-й линзой.

Бекасов почти не было, 3 вместо 30. Полагаю, что вода загоняет их в крепкие места, а зной, подсушивая края поймы, создает грязь, столь привлекательную для бекасов. Возвращаясь через Попов Рог, спугнул с дерева глухаря, заметь я его на дереве, то можно бы на счастье стрельнуть — так близко он не пустил, и потому можно было догадаться, что это был один из трех молодых, оставшихся в знакомой выводке. И правда, сделав несколько десятков шагов по лесу, я спугнул еще двух глухарей, причем заметил, что один направился дальше через лес, а другой не вышел на светлое и, по-видимому, остался в лесу. На счастье отправился я к месту предполагавшегося спуска глухаря, придерживая Нерль у ноги. И несмотря на то, что я сам же все затеял, настолько не верил в затею, что когда Нерль повела, то я подумал — это по тетереву или по вальдшнепу. Впереди нее что-то бежало в можжевельнике, я рискнул быстро обойти место, чтобы бегущая птица вышла на меня. Расчет мой удался, глухарь-самец выбежал на поляну. Не целясь, на вскидку я выстрелил.

Глухарь темной тучей взлетел над можжевельником, и я еще раз в эту тучу ударил. Нерль вышла к месту падения глухаря, и он кинулся на нее, да, нашел силы в себе с перебитыми лапами и крыльями, с целым зарядом дроби в себе кинуться на собаку и очень был страшен, бородатый, краснобровый. Сделав это движенье, он опрокинулся на спину и в предсмертной птичьей агонии захлопал крыльями.

Если у Сережи будет сын, и он долго проживет, так это выйдет рассказ его через 100 лет: будет он внуку, как сказку рассказывать, что около самой деревни Переславище, где теперь стоит завод Попов Рог, писатель Пришвин бил глухарей.

Дождик не утерпел и после полудня слегка побрызгал. Но, в общем, день кое-как простоял. На фоне серых туч летели журавли. На пойме сегодня видел мало *<1 нрзб.>*, зато утки летали с утра. Стрелял неудачно в тетеревятника. Эта птица относительно человека ведет себя не так осторожно, как напр. ворона и очень часто глупо нарывается на выстрел почти в упор. Вероятно оттого, что она очень увлекается охотой.

Зло творит новую жизнь совершенно на тех же правах, как и добро, только раз мы установились в добре или зле, то необходимо должны бороться, если мы в добре, — то со злом, если во зле, то с добром.

***28 Августа.* Успенье.**

Это двойное небо, когда облака шли в разные стороны, кончилось дождем на $1\,^1/_2$ суток, и дождь кончился прохладной пасмурно-осенней погодой с ледяными облаками. Только на восходе сегодня солнце сияло, не обращая внимания на мрачные заговоры под собой... Я обманулся и снарядился, было, на целый день фотографировать. Очаровательный вид представляло озимое поле: только-только всходила рожь и как-то солдатиками, каждый из этих солдатиков был в красном до самой земли, а штык зеленый и на каждом штыке висела громадная в

брусничину капля, сверкавшая на солнце то прямо, как маленькое солнце, то радужно, как алмаз. Когда я прикинул глаз к визирке, и все представилось картиной, восторг мой был безмерный; не обращая внимания на грязь я в *<1 нрзб.>* залез по колено, надеясь как-нибудь снять; но фотографически ничего не выходило: красные рубашки солдатиков — фотографически — темные сливались с темной землей, чуть отделяясь от темного зеленого штыка, а бруснички росы могли выйти только передние при снимании на 1 метр; если же поставить при d 18 на ∞, то с $2\,{}^{1}/_{2}$ метров роса должна быть сильно мелкой. Так что же, невозможно снять? (Второе сводится к аппаратуре.) Но можно сделать раздвижную игрушку, как солдатики.

Ходил за тетеревами в Башлаево, на вырубке убил одного, снимал причудливые скелеты елок. Уже начинают отмечаться резкими тонами осенней окраски лиственные деревья. Вот именно в этом есть поэзия осени, как в весне света, — первое личное выступление деревьев: я видел одну пышную березу, которая выступала как бы в золотом кринолине, видел робкую девушку с чуть-чуть обозначенными формами (этот мотив надо развить: лето безлично, осень — рождение личностей).

Те сравнительно редкие дни, когда тоска моя так мало отличается от головной боли, что подумываешь — не принять ли пирамидон — я знаю одно средство: выпить. Боюсь одного: привыкнуть, попасть в самое омерзительное рабство и не держу вина. Пошли к Шершуновичу в надежде, что угостит.

По пути жена лесника Хренова сообщила, что в лесничестве совещание и они с мужем пили чай у лесничего. Хренов — веселый враль и пустоплет и пустодей. Однажды к нему в его халупину случайно попал лесничий, и вся деревня слышала, как Хренов крикнул жене: «Марья, завари какао!» С тех пор часто зовут Хренова просто «какао». Вот, вероятно, за это какао лесничий и напоил их чаем, и это тоже будет известно всей деревне и надолго будут говорить и смеяться. В лесничестве Шершуно-

вича не было, хотя собрание кончилось, но — мигнули нам — началось другое собрание. Марья Конст., однако, нас не пустила. Шерш. зовет ее «бабушкой», хотя она его старая жена. Теперь он живет с ее дочерью. По-видимому, этот хитрый и очень тактичный белорус жил приказчиком в имении Ляпуновых, потом сошелся с барыней, использовал, а теперь использует ее дочь. Точно так же очень ловко он выставил интеллиг. лесничего Клопского и фактически теперь управляет лесничеством, потому что лесничий очень «простой», и недоучка. Шершунович привел с собрания лесника, которого нам представил, но лесник подумав немного, лег в сенях и, будучи совершенно пьян, уснул. Спьяну, а может быть, по дружбе Шершунович выболтал, что в лесничестве вышел огромный конфуз: по небрежности или незнанию спутали семена и вместо сосен высеяли ель, которая не может произрастать в условиях сосны. Между тем, громадный посев сосны назначен в компенсацию огромной заготовки экспортного леса. Совещание и было об этой грандиозной рубке. Прочитав приказ, спросили мнения собрания. Все молчали, а когда стали требовать голоса, ответили: «раз приказано, то можем». «Как же можете? — возразил Ш. — сапоги нужны, полушубки нужны, плащи, пища...». Тогда все заговорили, и каждый про себя прославлял Шершуновича.

Ночью по выходе на двор, услышали крик, Мар. Конст. спешила к нам: «Красавин убивает Таню». Через несколько минут мы увидели бегущую к нам в белом женщину и за ней темную фигуру. Женщина быстро сунула Павловне, в руки узел, крикнула «спасите ребенка» и убежала. Подскочил ко мне вдребезги пьяный Красавин и, узнав меня, сказал: «Пришвин? — Да. — Извините».

Мы узнали историю. Красавин, лесник-коммунист, застал жену с делопроизводителем. Родился ребенок. Развелись. Красавин уехал в другое лесничество. Таня сошлась с другим делопроизводителем, а на Красавина подала в суд на алименты. Вот он теперь, когда напьется, все хочет убить ребенка от делопроизводителя. И, вероятно, убьет.

<На полях:> *Чтобы пополнить ущерб, наносимый экспортом леса, решили высеять огромное количество сосны. Но в лесничестве по небрежности вместо сосны посеяли ель, которая совсем не может расти в условиях сосны.*

29 Августа. Борьба за свет, перемена облаков (весь день облачная), вечер <*1 нрзб.*> туман, игра собак, заря, силуэты, дым овинов, утром хлебный дух. В тундре: тростинки в лесу, след лося, следопытство, падающие деревья.

Утро было солнечно светлое, потом явились те самые нижние темные облака, очень угрожающие, с которых и началась перемена погоды. Некоторое время, часов до 11 была борьба в небе с темными силами, потом началось как бы преображение темных сил в светлые и в полдень все небо было загромождено облаками, прекраснейшими и надежными. С этого разу началась роскошная погода.

<На полях:> *Тень такая большая была в лесу от дерева, что раз я даже вздрогнул: одну тень за человека принял.*

Мы проникли через девственный заболоченный лес (пробовали снять в нем освещенные солнцем тростинки) в можжевельник, покрытый ерником (betule nona). Вероятно, эта кругловина только очень недавно еще была дном озера (как Туголянское). Ерник – растение чрезвычайно редкое для Моск. губ., я снимал его всячески. Снимал также клюкву и друг. моховые растения для иллюстрации рассказа «Мох».

Вечер был роскошный. Курились овины, из хат очень вкусно пахло свежим печеным хлебом. Мы долго забавлялись с собаками, швыряли им палку. На оранжевой, уже сентябрьской заре провожали мы силуэты избушек, овинов, лозинок. Потом на луга прокрался белый низкий плотный туман, и началась сильная звездная ночь.

<На полях:> *Вся Русь, – сказал Сережа. – Почему? Разве нет болот в других местах?*

30 Августа. Тот украдчивый туман, что с вечера выполз на луга перед восходом, встал и, когда солнце взошло,

быстро свернулся белой радугой и разошелся. Пала самая сильная и уже порядочно холодная металло-матовая роса. В разных сторонах затоковали тетерева. На пойме начался журавлиный крик. Паутины так много, что собака приходит слепая, совершенно закрытая вуалью, на лугах внизу везде частые в кустах *<1 нрзб.>* белые сверкают паутины, а на деревьях разной работы сетки везде снизу доверху. Я пробовал снимать сегодня не только самые сети, но и способ их прикрепления. Трудно назвать что-либо более удивительное, чем съемка этих инженерных сооружений (паутин в росе, росы в солнце; паутина, одетая в росу, роса, одетая в солнце).

После того я отправился на Журавлиху и долго следил с удивлением назойливое приставание вороны к сарычу; другие две вороны лезли зачем-то к цапле. Одна цапля прилетела ко мне и стала устраиваться на бору, выбрала она себе самое высокое дерево и, балансируя крыльями, пыталась устроиться на самой верхней ветке самой высокой сосны; ветка, вероятно, очень качалась и цапля долго балансировала, развертываясь на все крылья, она как бы дышала, раздувая крылья, и они волновались и поддерживали цаплю, никак она не приладилась. Когда же она совсем устроилась и сложила крылья, то стала наверху очень тонкой пружинкой, до смешного почему-то похожей на цаплю. Потом на луг «Журавлиху» прилетели с поймы два журавля. Тетерева из кустов по открытому месту переходили в овес и, заметив меня с собакой, поднялись один за другим, как поднимаются выводки: один поднимается, другой подумает: «надо, а не хочется, может быть, и не надо? Надо!» — решает и поднимается. И потом всегда один ленивый остается и замирает, пока собака не подойдет к нему вплотную. Так было и теперь. К этому тетереву я присоединил еще одного бекаса и кончил охоту, потому что стало очень жарко. В ручье «Журавлихи» я, по своему обыкновению, увлекся солнечной игрой на водяных растениях и принялся их снимать.

Пришел от жары чуть живой, хотя эта жара уже не прежняя невыносимая. Вообще после этого ненастья началась собственно осень... нежнейшими мотивами.

Снимал сегодня ерник, клюкву и другие болотные растения, расположив их венком на болоте.

Сережа сказал:

— Вся Русь!

Почему он так себе «Русь» представляет?

Вечером курятся овины и серп месяца красный рано уходит за черный бор. Утром солнце заливает росой и всходит, и из каждой избы пахнет сладко хлебом.

Глухарь:

В зобу осиновые листья (на осине с вечера). Глухари стали летать на осину рано (ягод нет и перемена погоды: прохладно). Как я заметил, что один из трех опустился в можжевельник.

История охоты переплетается с охотой за паутиной.

31 Августа. Пауки. Рабочее утро.

Вчера серпик уже довольно толстенький скоро с вечера покраснел и опустился за черный бор. Ночь была прохладная звездная. Утром солнце взошло не без помехи. Я пробовал снять его за легким облаком с лучами света вверх.

Роса обильная сразу обозначила все ловушки пауков и воздушные и наземные. Сегодня я разобрал, что наземные ловушки тоже не просты, это маленькие шатры, прицепляемые обыкновенно к соломинке. Разглядывая первую воздушную ловушку, я скоро по нитям добрался до телефонной станции: паук устроил свою ловушку на ветке ивы, которая засохла, потому что заяц обглодал ее кору; телеф. станция заключалась в скорченном засохшем листике, притом еще скрученным паутиной; сам хозяин сидел внутри и не выходил, потому что роса паукам вообще не дает ходу. Еще я видел такое же устройство и на срезанной березе тоже со скрученными листьями; вообще

засохшие кусты и деревья паук охотно избирает местом своей охоты, может быть и потому, что не надо хлопотать о жилище, а может быть, и улов больше на сухом. В елках жилище устраивается прямо под лапкой, конечно уплотненной стягиваемой паутиной; так же устроено и в можжевельниках; молодые ветки можжевельника сгибаются аркой, точно так же сгибаются и цветы острые, которые паук тоже иногда притягивает к своему строительству. Сегодня солнце скорее прежнего расплавилось с росой, и когда я захотел проверить пройденные ловушки, я не мог ничего увидеть ни по деревьям, ни по земле. Вот в том-то и суть всей работы, что она совсем незаметна, и это только роса на короткое время открывает целые города паучьего ткацкого царства: Манчестер в Поповом Рогу.

Теперь не паутина выдавала ловушку, а паук: когда роса сошла, начался лов, иные пауки вышли хватать добычу, иные строили сети, иные чинили повреждения. Я выбрал себе одного паука средней величины на второй вырубке..., ловушка его была между маленькой елкой и сосной, совсем по соседству с этим работал другой хозяин. Мой паук ставил круги на лучи. Можно было заметить, что лучи *<2 нрзб.>* делались из более тонкого материала, а кольца из толстого; вот почему при росе кажется иногда, что внутри сетки пустота: это потому, что тонкая сеть невидима. В лупу я смотрел за работой на очень близком расстоянии. Паук работал двумя длинными ногами, одной протягивал ту паутину, к которой должна быть приставлена новая, другой подхватывал выпускаемую паутину и притютюкивал. Вот именно в этом отчетливом броске, прицепляющем новую паутину к старой, и было что-то в высшей степени артистическое и в то же время жуткое: до того было похоже на человеческую работу, что вопрос о первенстве на земле человека, существа, делающего орудия, стал снова во всей напряженности: ведь только и есть все отличие, что человек ухитрился делать орудия; паук весь сам в себе: материал делает из своей задницы, орудия — ноги, пузырь с материалом — собственное брюхо; вполне независимое существо; человек...

Я хотел сфотографировать паука за работой, но при установке штатива, задел какую-то нить, и паук мгновенно бросил работу и ускакал на телеф. станцию под еловую лапку. Но я не знаю, от страха ли он убежал, или, может быть, убрался, чтобы не пугать добычу, которая, как ему показалось, тронула нить?

С другой стороны елки, оказалось, работал другой хозяин, поменьше. Он тоже чинил свою сеть. К сожалению, не было у меня часов, но я так прикинул приблизительно и думаю, что в час-два паук может сплести изрядное зеркало своей ловушки. Вернувшись к наблюдению над первым пауком, я увидел там, в центре ловушки, что-то большое и большую возню. Это попалась большая серая муха с зеленой головой, «дурная муха», как ее называют, потому что после укуса ее появляется опухоль. Паук с неимоверной быстротой опутывал ее паутиной и, сделав из нее совершенно неподвижную мумию, схватил и очень быстро и ловко унес на телеф. станцию под лапку ели. Там он стал по своей паучьей манере высасывать из нее жизнь... Минут 15 не более он наслаждался и потом спустился и принялся заделывать дыры, сделанные попавшейся мухой. Работа его была ритмически-мерная, четкая. Наслаждение смотреть на такую отличную работу было так велико, что совершенно забылись те навязанные представления антропоморфизма, перенесенные на паука-«кровопийцу». «Что же, — думалось, — дурная-то муха с зеленой головой разве лучше паука? а брюхо паука, перенесенное с кулака, ведь вовсе же не брюхо, а магазин жидкости для паутины». Восхищение отличным трудом перенесло меня в Германию, и я подумал, что вот немцы тоже только по одному тому, что умеют отлично работать, гораздо ближе к социализму (который есть осуществление творческого труда), чем мы, — социалисты на словах. Восхитительны были часы моей работы на вырубке. Между прочим, по соседству со мной работал дятел на сухом дереве — какая у него сильная шея! Желна, эта черная птица с огненной головой, то трещала, то жалобно пищала. Канюк все вре-

мя ныл. Сойка драла горло. А журавли на пойме, те сами собой: там большая особенная жизнь.

1 Сентября. Солнце взошло опять совсем чисто и опять обильная роса и жаркий день. Хорошо! Только мухи явились в огромном количестве и, что совсем удивительно, комар, который обыкновенно уже после Ильина дня пропадает. И не щуплый комар, а во всей своей силе. Такое наблюдал первый раз в жизни. Утром снимал пауков, потом пробовал охотиться, но опоздал: очень жарко было. На осине в Селкове (в 10 у.) застал глухаря, он, вероятно, с вечера сюда прилетел и задержался. Надо бы попробовать там вечером у этой осины посидеть.

Сегодня при снимании работы пауков я думал о страшном вреде, который приносит нам, так сказать, дачный антропоморфизм и анимизм. Самое легкомысленное усмотрение человеческих свойств в животном создает ходовую легенду, которая определяет на сотни лет неверное понимание жизни животного. К этому присоединяется миф, и вот осел животное, возможно, очень умное и прекрасное, навсегда «осел». Точно так же и наш пра-охотник и пра-ткач паук подвергся такой же обидной дачной антропоморфизации и сделался «пауком»-кровопийцей и кулаком. На самом деле его кровопийство много меньше, чем, например, полезной и прекрасной ласточки, а то, что мы видим, как брюхо, есть магазин его материалов для плетения сетей. Этот магазин у него украшен рисунком, очень похожим как это делают выжиганием на дереве.

Сильная была сегодня роса, и сети пауков от нее стали тяжелыми: не только цветы и тростинки, притянутые к паучиному строительству, гнулись от нависших на них гамаков, но даже и верхушки можжевельников.

Наблюдал телеф. станцию (гнездо) паука просто в листе, который держался в воздухе исключительными паутинами.

Еще видел гнездо в живом скорченном листе, на обратной стороне которого было вздутие величиной в брусничинку и внутри брусничинки личинки (пауков?)

Еще очень красива была сухая береза, превращенная как бы в город охотников-пауков. Я пробовал ее снимать, но солнце давало ореол, а отклониться нельзя было, потому что сети делались неосвещенными.

Еще видел, как один паук, несмотря на росу, принялся доделывать начатую сеть и устроил ее всего не более как в $^1/_2$ часа. На моих глазах он поймал карамору, муху, а мошкары попадалось такое множество, что он ее и не брал и, наверно, не рад был ей, потому что каждая немного надрывала сеть.

На сыром лугу было особенно много паучиной работы.

Паук — это артист труда, но он, конечно, и не думает о красоте, это солнце и роса почему-то согласились украсить его дело. А скорей всего и солнце и роса тоже не думали о красоте, да... все работают и никто не думает о красоте, но кто работает лучше всех возбуждает радость в человеке-художнике и это сорадование, похожее как бы на узнавание себя самого, как члена творческой огромной родственной среды, — вот отсюда является начало того великого сорадования жизнетворчеству, которое мы называем искусством.

Говорят, что человек определяется, как животное, делающее орудия. Но сеть паука ведь есть орудие, ничем не уступающее человеческим сетям.

Рыболов.-охот. сеть, вероятно, в ткачестве является началом, а ситец (мануфактура) — концом.

Мануфактура — избранное производство. Солнце и роса украшают сеть паука и сеть рыболова очень красива. Ситцевая набойка из цветов...

2 Сентября. Ночевали в сарае, и оказалось, в сене же, только наверху ночевал и Серега. До того я увлекся охотой с камерой, что сплю и все жду, поскорее бы опять светозарное утро. Раз приснилось мне, будто люди додумались использовать на что-то паутину и стали освещать леса прожекторами, чтобы пауки это принимали за утро и работали... Оказалось, сон мой происходил от молнии, которая освещала через щели сарай. И когда в

полумраке послышался голос Домны Ивановны: «Серега, вставай молотить», я спросил: «А разве погода хорошая? — Ничего, — ответила Д. И., — пока хорошо».

<На полях:> *Те самые черные шишечки на ольхе, которые держатся всю зиму и даже весной, теперь сидят на ольхе зеленые, сочные.*

Выйдя из сарая, я увидел на небе борьбу света с темными облаками, но впечатление оставалось такое, что солнце победит. А роса уже была и сильная. Утро определилось серым, роса же обильная — это редко, и я обрадовался: поснимаю сети в серое утро, солнце не будет опалять ореолами. Когда же я прошел на вчерашнее место, там не только новых сетей не было, но и старые куда-то исчезли. Предполагаю, что сети за сутки просто истрепываются, ведь одной мошкары сколько попадается и каждая мошкаринка дерет. И вероятно паук готовит сети в предрассветный час. Вероятно, те немногие пауки, которых я видел за работой утром, какие-нибудь запоздалые, тем более, что заставал я конец работы. И вот, вероятно, в предрассветный час сегодня пауки уже знали, что предстоит ненастье, и не работали. А Домна Ивановна, даже когда уже рассвело, не могла ничего понять и отправила сына возить снопы. Пауки, оказалось, лучше человека знают: сегодня был проливной дождь.

Впрочем, не так было, что ни один паук не работал, там и тут, в особенности на земле, виднелись сети, но это был какой-то ничтожный процент в сравнении с тем, что бывает в светозарное утро. Меня это даже обрадовало, потому что, значит, не все пауки одинаковы, а есть, как у нас, умные и глупые. Впрочем, процент глупых заметно был меньше, чем у людей: в нашей деревне разве один-два мужика только и не выехали на работу и то, может быть, не по чувству ненастья, а с перепоя и по лени.

В предрассветный час и мы среди звезд догадываемся о близости светозарного утра, о близком светозарном утре, обильном росой, но мы скорее заключаем умом, чем догадываемся: самое чувство нами уже утрачено. А пау-

ки чувствуют, и в предрассветный час, когда они знают, что утро будет роскошное, могут все приниматься за работу и раскидывают свои сети по кустам можжевельника, елкам, березам, на лугу между цветами, и большинство развешивают свои гамаки и на самой земле, пользуясь какой-нибудь одной травинкой, или соломинкой, ставят свои палаточки. На тончайшие, при солнечном свете едва видимые, тайные нити на восходе солнца ложится роса, и тогда каждая паутинная нить становится нитью тончайшего жемчуга. И так много бывает такого жемчуга, что не только гнутся головки цветов, к которым прикреплена паутина, а гнутся даже очень сильные ветки-побеги можжевельника со своими бесчисленными ягодами.

После часовой борьбы за свет, солнце, наконец, показалось. Быть может, пауки и начали бы работу, но роса была очень сильная, и начинать работу в такую росу было невозможно. Нет, скорее всего, пауки далеко до восхода в предрассветные часы уже знали хорошо, что день будет ненастный и трудиться незачем.

Птиц я тоже встречал очень мало, до самого Заболотья только двух бекасов, из которых одного убил. Петухи стали строгие и вылетают очень далеко. Журавли молчали на пойме. Ястребов и тех было как-то мало...

Я сделал несколько снимков паутины без солнца и потом после дождя, росы на сосне.

Ловушка философии состоит не в том, чтобы захватить человека в невозможность открытия вещи в себе... а что самое открытие не нужно (как полюс).

Сегодня перед грозой не было душно, а чрезвычайно тихо и раздумчиво. Среди чрезвычайно нежных огромных облаков и лазурных просветов и туч, очень синих на горизонте, издали полыхнула молния, и внезапное явление солнца — нельзя было не радоваться самому изнутри туда в ширь, не радоваться обилию жизни. Был сильнейший дождь и гроза, а я сидел под елкой сухой, вспоминая свою юность и молодость, но не жалел ее и не хотел воз-

вращения, потому что моя старость гораздо лучше, чем моя молодость. Могу смело и о матери своей сказать, что только под старость она развернулась и жила сама собой...

Под елкой же думал об удивительном идеализме всего русского народа до революции, идеализм высших и готовность простых (что тоже, по существу, идеализм). Просто, как сон! И, правда, то был сон.

...Психология человека, который верен революции и побеждает всех ее явных и тайных врагов: массы — это пасть, в которую нужно бросать векселя на «хорошую жизнь»; надо сбрасывать этот балласт, чтобы дальше лететь в будущее; часто в угоду массам приходится жертвовать лучшим из настоящего (гибель интеллигенции) (рабочим выдают конфеты в буквальном смысле)...

3 Сентября. Так со вчерашнего утра до вечера с перерывами, а с вечера и до утра без перерыву идет дождь. Д. И. ставит самовар, я говорю ей: — Вот, Д. И., вчера утром вы будили Серегу молотить, и я спросил вас, какая погода? Вы сказали: хорошая. А пауки в это время и еще много раньше знали, что будет ненастье, и не работали. Выходит, что паук больше человека знает. — А как же? — сказала Д. И. и впилась в меня своими очень маленькими, похожими на муравьиные головки глазами.

В этом вопросе заключается целое мировоззрение, противоположное современному господствующему. Современный человек, если и признает в чем-нибудь превосходство над собой природы, то лишь, как временное, а в будущем разум непременно овладеет всеми этими «тайнами».

Характеристика такого человека, как homo faber[1], или как существо, делающее орудие, неверна: паук ведь тоже делает оружие производства. Разница его с homo в том, что делает орудие свое чувством, а не разумом. Может быть, это чувство тоже является частью общего Разума,

[1] homo faber (*лат.*) — созидатель.

но мы привыкли «разумом» у человека называть нечто самое характерное для homo faber: способность делать орудие «на все руки». Паук и рыбак делают только сети, кустари только в своей части, унаследованной от родителей. Для homo faber нет наследственности и родства в производстве, он может перекидываться во все производства, быть всюду и всем «на все руки». Само собой он при этом должен утратить все привязанности к предкам своим, не чувствовать родства с миром и эту часть Разума даже совсем отделить от своего человеческого счетного на все руки разума и назвать его «инстинктом». Понятно также, что обретение этого нового разума, способного с легкостью перекидываться во все области производства сопровождается чувством «свободы». Так, напр., было на днях, приехал в деревню зять хозяйки, коммунист, матрос с женой, дочерью хозяйки. Она истеричка, изнеженная, так сказать, «абортовая». Зашел разговор о детях, он говорит: «Нет, этого не будет!» Павловна ему: «Вы партиец и должны пример давать нам, а если все как вы, то и род прекратится». «А и пусть, — ответил он, — меньше будет этой сволочи. Вот если бы мы в 18-м году всю буржуазию перерезали, так нам бы и пятилетки не надо было теперь, все давно бы сделали». В то же время жена его, дочь хозяйки, не видит никакого смысла в деревенской жизни: в Москве театр, чисто, легко — и все! Да и каждый в деревне теперь, отрываясь от обязанностей к делу отцов, от самих отцов, испытывает непременно при переходе на городское «положение» веселость, легкость и, скажем, свободу.

Чудовищно грубо и смешно, а если поглубже вникнуть, то ведь и не так все глупо: не жить же, в самом деле, как пауки! (Между прочим, поэты и художники являются непременно хранителями органического Разума.) Наши коммунисты, истинные властелины всей природы, всего органического труда, пауки для них есть только техники, Европа с наукой — слуги социализма (все ихнее мы покупаем за лес). Такое homo-центрическое мировоззрение, вероятно, является продуктом европейского индустриального безверия, поддержанного и обращенного в веру

русской революцией (изнанка этой веры: «жить хочется»).

<Приписка на полях:> *И так надо и быть посему впредь до «установки». При первой же возможности схватятся за органичность.*

Мне представляется все так: мировоззрение homo faber несомненно является теперь господствующим на земном шаре, но даже в Европе ему противостоят здоровье и органичность народная, бесчисленные навыки в труде, перенесенные из ремесленного быта в капиталистический, громадная работа ученых, поэтов, художников, приносящих органичность жизни посредством культуры.

4 Сентября. Так и продолжается дождь, как в ноябре с сильным SW. Небо даже не серое, а прямо белое и совершенно сплошное. Вспоминаю, что эта резкость перемен погоды была еще зимой и так продолжается до сих пор. Сидим в пальто дома после росисто-солнечных дней и дожидаемся перемены, как на станции поезда.

Вычитал у Арсеньева, что староверы называют переселенческую мелочь, с ее слабостью и развратом: «шуга». У нас в деревне только один не «шуга» — Качалов. По случаю дождя все сидят, не работают, а у него гумно крытое и он молотит, а когда начнутся ясные дни, он будет картошку копать, а шуга овес дожинать; и так он всегда впереди и ежедневно он даже на работу выходит первый. (Я сказал сегодня дома: «представьте себе, что в Германии все такие в деревне, как наш Качалов»...) Между тем, человек он немудрящий, когда начнешь с ним говорить, то стыдно за него становится: до того он, такой значительный в труде, такой рослый и красивый, начинает вывертывать неприятно по-городскому свое слово и мысль. В общественной жизни он мало годится руководителем: «уедчив» — говорят о нем. Но все прощается ему за его красивый труд и (хотя он считается кулаком), чувствуешь, что такой человек все-таки гораздо ближе к социализму,

чем «шуга» (социализм – в смысле поэзии, может быть религией творческого труда).

А литературная шуга?

Вот уж тут я похож на арсеньевского старовера: живет на месте не более 5 лет, как только приближается «шуга», так он продает им дом, а сам уходит подальше.

5 Сентября. Вот еще одни сутки сплошного дождя. Говорят, что в Зимняке вода Дубка идет через шоссе и что вообще настоящее наводнение, притом еще холодно... Достали за 6 руб. $^1/_2$ лит. водки, позвали Шершуновича и выпили за хорошую погоду. Ночью ветер несколько стих, и к утру дождь приостановился, но сейчас в 6 утра все-таки ничего нельзя сказать о перемене, скорее – в одном положении. Выпивка наша видимо не помогла.

На днях приступят к рубке Власовской дачи (45 гект.). Лес не доспел, еще бы 25 лет, – и ценность его, вероятно, удвоилась бы, а может быть, и утроилась. В прежнее время за такую рубку лесника отдали бы под суд. На это есть возражение – что машина ценится у нас, как создательница валюты, и за это можно отдавать неспелый лес. Следующее возражение гораздо труднее опровергнуть: население нищает, морально разлагается.

После рубки солнце врывается и вырастает гигантская трава, которая не дает прорастать семенам сосны и ели; но осинник все-таки пробивается, очень густой; когда поднимется осинник, травы меньше и меньше, светолюбивая елка начинает расти в осиннике. Так на смену сосны идет ель. И на этой вырубке теперь были бы везде елочки и ни одна сосна была в <*1 нрзб.*>: была береза и, главное, моховые, заболоченные пятна, которые так и остались и даже повеселели, когда явился свет. Вырубка эта была самая...

Вечером. Весь день чуть-чуть моросило и на короткое время прояснело. Ходили по дождю. Убил вальдшнепа. Рожь вышла из краски почти на всех полосах. На нежную озимь все летит, и все выходят из леса: вальдшнепы выхо-

дят, зайцы, витютни летят, большими стаями дрозды-рябинники. Бьюшка заела курицу, страшно подумать, сколько придется заплатить — вероятно, рублей двадцать.

«Новый мир» представленную в июле «Зооферму» предлагает напечатать в Январе.

Хлебнул чувство своей ненужности и в «Новом мире» и вообще в мире современной литературы: видимо, все идет против меня и моего «биологизма». Надо временно отступить в детскую, вообще в спец. литературу и примолкнуть, потому что оно и правда: или все на ликвидацию «прорывов» или художественная литература.

Ночью было... но теперь утром только хмуро и сырость.

На почве распада и неверия в Европе создалась наивная большевистская вера в Россию — в индустриализацию.

Вышел на большую охоту, но в лесу было очень сыро, с неба нависло так, что чуть не хватало за елки. Пытался найти вальдшнепа и спастись от тоски, но вальдшнеп не нашелся, тоска охватила меня, и я — пошел дождик — вернулся домой.

Меня оттирают из «Нов. м.», как оттерли из «Охот. газеты»: расчухали окуня. И вот оказывается, что мне это очень неприятно остаться без почета, вот уж не знал-то! И как же я мал еще... Не городские маски и пустынька деревенская спасут меня от болезненного чувства, похожего на манию преследования, а увлечение какой-нибудь новой работой.

В Редколлегию «Нового мира».

Через Н. И. Замошкина я получил уведомление, что мой очерк «Зооферма», представленный мной в редк. в конце июля, будет напечатан в следующем году. Это невозможно для меня, потому что мною заключен договор с «Федерацией» о книге, куда войдет очерк «Зооферма»: к Январю должна выйти эта книга.

Н. И. Замошкин сообщает мне причину отстранения моей работы: необходимость печатать ранее поступившие работы. На это

я напоминаю Вам, что у нас с редкол. Н. М. заключен договор, следовательно, место мне должно было быть редакцией предусмотрено. В переписке с т. Соловьевым мною это было еще более уточнено. Я писал ему, что вследствие особенного напряжения... в гражданской борьбе считаю невозможной и ненужной беллетристику, что уже написанный для «Н. мира» мой рассказ «Мох» не могу дать раньше, чем мною будет сделана исследовательская работа «Зооферма», имеющая большое актуальное значение. Эта работа о зооферме и рассказ «Мох» вместе, писал я, как раз и погасят остатки взятого аванса под большую работу.

Таким образом, ссылка на загруженность редакции отпадает: согласно договору и письму редакция должна для меня иметь место. Очевидно «Зооферма» просто мало интересна для редакции, и она ставит очерк во вторую очередь. Другие журналы, однако, ждут от меня материала и «Зооферма», — я в этом уверен — всюду найдет самый радушный прием. Вследствие этого я беру вещь назад и печатаю в другом журнале. Точно так же и рассказ «Мох» я не пошлю: он еще менее интересен, чем «Зооферма». Деньги, которые мне дадут за рассказ, я передам в «Новый мир», но если за него заплатят меньше чем по договору с «Нов. миром», то из своих денег доплачивать аванс не буду, т. к. считаю редакцию виновной в неисполнении договора.

Дорогой Николай Иванович!

Вы, хотя и по дружбе, но все-таки втираете мне очки: мыслимо ли мне, Пришвину, за которым «Нов. мир» гонялся, как я сейчас гоняюсь за вальдшнепами, поверить, что места нет для меня. Нет, это подошла такая полоса: в Охотничьей газете то же самое. Возможно, будет и еще хуже. Но пройдет «полоса», и опять я знаю, за мною погонятся. Пока же у меня есть довольно работы: книга «Очерк» для «Федерации» и большая книга для детей из области охоты с фотографией. Сейчас я дошел до пауков и снимаю росистыми ясными утрами их паутинные сети на кустах. Получаются прямо чудеса! Вы знаете, я научился по этой паучьей работе предсказывать погоду: мужиков удивляю. И вот уже дня три у нас дождь. Как раз в это время получил Вашу открытку и совестно сказать: мне стало очень больно. Совестно, потому что никак не думал, что окажусь в такой зависимости от редакции. Впрочем, конечно, это мелочи, раз я после 40 лет курения мог его бросить и вот уже 1 $^1/_2$ года не курю, то наверно и от <*1 нрзб.*> редакций освобожусь и чувствовать их не буду.

Лева, слава Богу, недавно откликнулся из Малокрасноярска. Петя с женой скоро приедут. Я решаю вопрос для себя: вступить в широкое соприкосновение с литер. жизнью в Москве или напротив, на годик остаться в лесу и даже почту от себя отстра-

нить. Недели через две я это решу, а пока пришлите без всякой задержки рукопись. Я направлю ее или в «Наши достижения» или в «Октябрь». Как по Вашему? И что если Вы возьмете телефонную трубку и принципиально поговорите об этом с «Нашими достижениями»? Если выйдет да, пришлите адрес. Всем Вам Ольге Николаевне и Кирюше и теще Вашей от нас привет и поклон. М. П.

Сегодня утром во время дождя в лесу увидел на группе разной высоты елового подроста хорошо устроенные сети, все соединенные с центральной более высокой елью. По-видимому, все сети принадлежали одному хозяину, и сам он устроился на самом конце еловой лапки так между двумя темными шишечками (начального годового прироста), что они скрывали его, а сеть сгущенных зеленых иголок прикрывала от дождя. Когда же это сооружение сделано? Едва ли до дождей, потому что буря смела бы паутину, а если сегодня в предрассветный час, когда не было дождя, то не перед ведром ли он начал работу? В самом деле, после обеда серая хмарь разорвалась, сложились превосходнейшие, громадные кучевые облака, из которых некоторые заслонили значительную часть неба. До заката солнце показывалось из-под темных облаков, чтобы перейти под другое, еще более прекрасное и опять показаться. Я снимал вечером бруснику на белом мху 3-й линзой с выдержкой в 1 мин., и еще снимал «копыта» — грибы на березовых пнях. Все вышло превосходно. Ночь была ясная, холодная, лунная. В предрассветный час небо стало закрываться, на рассвете стало вдруг тепло и все закрылось серым туманом. Все было как после великого похмелья и нельзя было долго понять, что будет: разойдется ли туман и откроется солнечный день, или туман соединится с дождевым облаком и будет моросить. Вскоре пошел дождь.

< На полях:> *Быть или не быть, если быть, то надо решать и действовать.*

6 Сентября. О литературной «Шуге».

Мое самоопределение начинается стыдом их самоуверенностью.

Самостыд начинает мое самоопределение, после чего чрезвычайно робко с постоянным дрожанием и колебанием всего себя я начинаю действовать, опираясь не то на свое счастье, не то на судьбу, провидение и, может быть, и прямо волю Божию. Их, напротив, жизнь прямо в сыром виде берет в лапы, по молодости им даже в голову не приходит вопрос «быть или не быть», конечно, быть, а если быть, то надо решить и действовать немедленно в том образе, в коем застало требование жизни. Им некогда стыдиться себя, колебаться и дрожать, свой естественный самостыд они закрывают самоуверенностью и неслыханной в наше время претензией. И нам кажется, что в литературу надвинулась ветром как бы шуга...

Вчера вечером на крыльце беседовал с вышибленным комсомольцем Сережей. Он говорит, что один комсомолец (Борисов) очень хороший (слава Богу, что хоть один!), что вообще комсомольцы собираются из негодных ребят и потому скоро все ячейки распадаются.

Потом о труде лесорубов: что это гораздо хуже сахалинной каторги в смысле оплаты труда. И за весь этот труд — презрение к несознательным мещанским элементам. Что же может лесоруб со своей стороны сказать о сов. власти! вот где действительно «болото» во всех смыслах слова. Да, конечно, если 5-летка удастся, то ценою окончательного расстройства жизни миллионов. Таким образом, мы все как бы в атаке, и нет возможности никакой думать, что уцелеешь: как случай, может быть, что уцелеешь. Но лесоруб знать ничего не хочет об атаке. Так опять получается «слепая Голгофа», о которой писал я во время великой войны.

Дождь был до обеда, и потом, как вчера, постепенно начало крепнуть, холоднеть, а вечером показался месяц и светил всю ночь большой.

Я ходил за мясом, убил молодого глухаря и двух тетеревей. После взлета матки Нерль опять сделала стойку на чистом месте, а тетеревенок сидел у нее над головой на сучку.

Всю ночь на 8-е пробыли под луной, и так продолжалось утром: сквозь кучевые облака иногда проглядывало солнце. В 4 в. начался дождь, и стало холодно.

8 Сентября. Я выходил утром на вырубку, но ни одного паука не было на работе. Токовали в разных местах тетерева. Журавли, курлыкая, большой стаей треугольником пролетали высоко, я думаю, на Дубну, на луга. И замечательно вовремя пронесся благовест. Какая великая красота этого утреннего звона! Между тем почему-то ясно представилось, что за веревку тянул и звонил пропитой человек, пожилой с флюсом, который не приходил уже полгода... После того мысль перекинулась к этому светозарному утру, когда росинки устраиваются на паутинах и тогда открывается необыкновенная красота сетей, а сети эти устраивает паук! И вот тоже попы, разве они, жалкие попы, понимают свое дело... Возможно по тому же самому не видим мы красоту революции.

Красота далеких стран непрочная, потому что всякая далекая страна рано или поздно должна выдержать испытание на близость. Потому истинную прочную красоту художник должен открывать в близком и повседневном.

Охотился опять там же, стреляя неудачно в глухаря. Убил одного только бекаса. Нога болит.

Снимал утром на солнце иву с ее осенними сережками (плоды), и с 1-й линзой и просто на 1 метр. Еще снимал бледное солнце с громадами облаков, на переднем плане верхушки ивы с тончайшим веточками и редкими листьями. Наконец снял середину неба, загражденного облаками с центральным просветом невидимого солнца.

На Дубне никто не запомнит такой водопойки. Две телушки пропали. Унесло ли водой или под шум увели... Мельницы последние снесло. Ругают сов. власть за мельницы, что разорили: сколько было! а теперь, чтобы смолоть 10 п. ржи, нужно везти ее за 50 верст! Мать с дочерью спорила о сов. власти, старуха ругала и хвалила свое время, дочь хвалила сов. власть. Аргументы у них были

исключительно крестьянские: «При Миколаше была мука и каша», — говорила мать. А дочь говорила свое... (что Сережа, ее брат, не ходил бы в английской паре и пр.) Эта пара у Сережи все: был комсомольцем, на почту попал, обвинялся в ограблении почты. У него только пара. В таком роде. Между тем, мать с утра жала, а дочь сидела и ничего не делала.

Аргументы матери и дочери одинаково смешны: у матери — мука, у дочери — пара.

В 5 в. хватил проливной дождь, но скоро перестал, и на небе явилась даже радуга, хотя и небольшим кусочком. Я ходил с Бьюшкой в бор, там, в моховой низине налился небольшой прудик. Великая тишина. Высокие сосны отражаются в воде. С огромной высоты капли падают в воду, и музыка эта далеко слышна в бору. От каждой капли вскакивает большой пузырь. Бьюшка тогда идет в воду и вероятно, принимая за что-то живое, хватает этот пузырь.

Солнце село в плотную синюю завесу. Потом, когда стало темнеть, синяя завеса в двух местах прорвалась: в одном месте вышла на синем красная птица, в другом — красный всадник на коне.

Ночь прошла под луной вся до света и перемены не было на восходе: из-за тончайших пурпуровых на полнеба барашков поднялось солнце, мало-помалу легкие облака ромбами сложились в белую сеть с голубыми узлами. Громоздились среди дня кучевые облака, была угроза от мутной хмари, но все прошло и день остался прекрасно-задумчивым, время от времени с радостным просиянием.

После холодов мне сегодня утром показалось тепло, но на самом деле все-таки температура обильной росы была, конечно, довольно низкая: пауки вовсе не работали, но самое главное, — много было уснувших стрекоз у земли на цветах и траве, и на ветвях можжевельника. Я снимал одну стрекозу на ветке можжевельника, у головки ее висели две громадные капли росы. Плохо было с крыльями, которые не помещались в глубину резкости 3-й линзы. Пос-

ле оказалось, однако, что сон стрекозы столь глубок, что не только можно выправить крылья, но даже переносить насекомое с ветки на ветку: цепляться может, но не летит: одно плохо, что при переноске стряхивалась с крыльев роса и нельзя бывает сфотографировать крылья, которые делаются прозрачными. Впрочем, в этот раз я делал опыт, в следующий начну разрабатывать тему росы.

Я снимал около часу. Все время Нерль сидела на холодной росе и, не шевелясь, смотрела на работу, как будто ей было интересно. К сожалению, я не мог потом удовлетворить ее охотой в полной мере, потому что чувство радости, сопровождающее выход на охоту утром, теперь связалось с росой на крыльях стрекозы. Из этого я понял, что душа охотника-любителя, даже самого примитивного, непременно питается красотой. И тоже понятно, почему художники, имеющие дело с природой, редко бывают хорошими охотниками: у них есть средство общения с природой более глубокое, чем наивная охота. Тоже и биологи-ученые перестают просто охотиться. Словом, охота это самое наивное разрешение смутного стремления людей к красоте и знанию.

Тем не менее, одну-то птицу мне надо было добыть и я отправился в глубину Селкова. Снимал волосы лешего (лишаи). По-видимому, недра лесные надо изображать именно подобными мелочами, иначе все получается «шишкинский лес». Точно так же и осень нельзя изображать желтеющими деревьями (фильтр отделяет очень слабо), а тоже надо искать частности. (Надо потом снять елку, осыпанную листьями березы, уснувшего шмеля на цветке...) Пробовал снимать лужу, в которую напали желтые листья березы и уже начались какие-то водяные растения. Много снимал веток молодых сосен, обрамленных росой: раз даже пытался схватить из росинок красивую линию. Еще снимал ветку сосны на небе, старые-престарые сыроежки, дерябку, охватившую цветы (попы и желтики).

Возле новой вырубки с осин спугнул глухарей и решил их тут сегодня вечером постеречь. Их надо выслушивать,

как они отрывают листья осины, говорят, что старые берут за черенок, а молодые за лист и потому в зобах у молодых листья хватаные, а у стариков целые (и с черенками?).

Пастух рассказывал, как «прыгают» пауки: спускаются и отталкиваются к другой ветке, а то спустится и дожидается, пока его перекинет ветер.

<Приписка на полях:> *Убил тетерева и чуть-чуть не схватил глухаря: помешали ветки.*

Еще он говорил, что раз вздумал вымотать на палочку всю паутину из паука, мотал весь день и не вымотал.

Еще пастух говорил, что видел на Селковской низине много бекасов. Там возможно и дупеля. Предрассветным лунным утром я выйду туда, проверю. Вечером проверял глухарей, сидел целый час на вырубке. Заготовленные дрова не вывезены и обросли осинками. На годовой осине листья огромные, как лопухи и зелень светлая, яркая. В куче хвороста мышкой бегала птичка самая маленькая, коричневые крылья, грудь серая, голова исчезает, так что глазки и носик видны. Прыжки ее огромны, я так и не мог узнать, пользуется ли она при этом крыльями. Глухари с громом поднялись откуда-то и куда-то сели.

Ночь на среду (на 10-е сентября) была довольно светлая, но перед светом за час-два пошел мелкий дождь, который однако не промочил меня в походе на Селковскую низину. Видел там бекасов, сначала двух, потом слетело 5 штук сразу и все. Одного убил и все. На обратном тетеревином ходу ничего не убил, больше потому что устал, болела нога. Снимал расчесанную тетеревами, обрамленную белым мохом кочку, в которой теперь были не тетеревиные перья, а желтые березовые листики. Еще снимал на большой пали уродливое начало дерева. Нерлюшку снял на верху стога в болоте. Солнце весь день так и не показалось, и дождь принимался не раз. Вначале кажется, что все можно снять и юный фотограф щелкает затвором. Потом оказывается, что снимать очень трудно, ходишь, ходишь, и все кажется, что фотокамера очень скудный

инструмент. И, конечно, начинаешь понимать, что снять можно все, только очень трудно и зависит все не от аппарата, а от своей головы.

Последние дни мне возвращается такая мысль: будто бы жил я на планете Земля, и мне казалось, что я жил сам собой, от себя: пусть выходило для других, но это для других, мне казалось, я беру только от себя. И вот я на другой планете какой-то, где все чужие мне, и вдруг оказывается, что и от себя и для себя — все исчезло, оказывается, я не сам собой питался, а нечувствительно для себя получал побуждение и веру в себя от других...

Становлюсь на «их» точку зрения, и тогда начинаю понимать, что «биологизм» в литературе действительно вреден, хотя бы по тому одному, что ведь это «я и мир», а надо «я и человек» и даже не это, а прямо мы — масса.

С другой стороны этот «человек» есть только высший хищник и «мы» значит, организация хищников. Истинный человек характеризуется личностью, в которой определено отношение и к миру и к человеку. Такая личность в мире («биологии») является проводником высшего порядка, который предусматривает такую же личность и во всей природе. Это понимание мое противоположно нынешнему, и близко к христианству, даже церковному. Нет! надо бросить Шпенглера. Пусть «цивилизаторы» и большевики делают одинаковое дело с нами «личниками» См. выше: о предшественниках нашей земной культуры.

Дуня Ландрин (учится на портниху).

Спор Нюшки с матерью. Просто стыдно бывает за старого человека, который всю жизнь с утра до ночи работал, стыдно, что ничем не может защититься против внуков, дочери-лодыря, как: при Николаше была мука и каша.

Очень возможно, что из многого, принимаемого за личную обиду, некоторая часть происходит от иного размаха жизни. При косности жизни прежде говорили в «обществе», которого была горсть, о мелочах, теперь молчат и о крупнейших делах. То же самое и литератур. явления:

ведь говорят, собственно, о том в литературе, что касается совр. политики, а вообще о литературе молчат. Надо перестроиться на новую молчаливую жизнь и освободиться от всяких (и скрытых) претензий на признание и почет. Очень, очень возможно, что моя чувствительность к себе — остатки прошлого.

Нынешние литературные критики вышли из ораторов (Полонский и проч.) и пишут ораторским словом, которое никогда не может быть литературным.

Такие как Бабель и даже Воронский целиком обязаны революции, в ней начинаются и с ней исчезают. И такое множество, и все больше и больше их становится не только в литературе, а во всей жизни: они отталкивались от старого, не переживая его; им нечего принимать, кроме нового. Часто какой-нибудь случайный пиджак определяет сознание деревенского парня: «в императорское время разве я мог иметь такой пиджак!» (Сережа).

Завтра 11-е сентября (29 августа), — так подкрались дупелиные святые Иван Постный и Александр Невский. Попробую завтра поискать дупелей в Скорынине.

11 сентября. **Иван Постный** (поверье: если весь день не есть, голова не будет болеть (**Усекновение главы**).

Ночь лунная. Утром кольцо неба чистое, середина — барашки и чуть даже брызнул дождь, вроде росы. И несмотря на прохладное утро и этот маленький дождик, некоторая часть наземных паучков построила свои шалашики, но, конечно, общей работы пауков не было. Стрекозы все привесились. Я снимал их линзой № 1-й. Еще много снимал белое солнце, которое ныряло в барашках, то показываясь белым кружком, то исчезая. Снимал Нерль на верху стога. Дупелей, даже бекасов в Скорынине не нашел и возвращался весь мокрый, измученный с одним погонышем, около дома убил тетерку на пищу. Пора уезжать домой.

Облака постепенно сдвигались, сгущались. До вечера было то дождь, то улыбка сквозь слезы: бабье лето. Вече-

ром окончательно раздрызгалось, и заморосил дождь до утра.

Мелочи в наблюдениях:

Кошмарный лес. Береста, известно, слабо поддается гниению, сколько видишь на вырубках березовых белых пней, в которых внутри нет совсем ничего, весь пень — только берестовый белый воротник, обнимающий иногда целый букет цветов, растущих на распавшейся древесине. Так бывает часто, сгниет целое дерево внутри, а все стоит, потому что гниль скрепляет крепкий футляр бересты. Иногда довольно самого слабого прикосновения к стволу, чтобы дерево все распалось кусками. И эти куски, падающие с высоты, могут сильно ушибить, если даже и вовсе не проломить череп. Однажды я, заблудившись в болотном лесу, наткнулся на целый участок такого леса. Вокруг было глубокое болото, мне непременно надо было идти через этот ложный лес, частый, как конопля. Деревья не были так высоки, чтобы опасность была от падающих кусков. Я вырубил себе хорошую дубину и стал ею валить лес направо и налево. Так шел я легко, оставляя за собой широкую просеку.

В кошмарных снах чаще всего мне видится поезд, к которому я опаздываю или даже, что вещи свои устраиваю как-то, а сам не могу сесть и он увозит их... Теперь к этому иногда присоединяется, что я валю дубовый лес и не могу всего повалить, ему нет конца.

Пойма. Далеко виднеются стога сена: там видно заботливые хозяева скосили свои полосы и поставили стога до дождей. А то везде осока и выше колена вода, невидимая за водяными растениями.

<На полях:> *Крик журавлей. Ястреба* <1 нрзб.> *уток. Утиные присадки. Попов Рог: глухари, тетерева, вальдшнепы.*

Смотри лучше под ноги, как только увидишь листья водяных лилий (батожник), обходи, — это окно или провал под сетку сплетенных растений, по которой ходишь, раскачивая соседние кустики. Есть и кустики, даже неболь-

шие деревья... Стожары, длинные шесты, поставленные для стогов, там и тут виднеются, ныне осиротелые. Иные покривились. В одном наверху отлупился длинный кусок бересты и мотается белым флагом даже на самом легком ветре, флаг заметный на целом море желтеющей травы. У края поймы большой бочаг, тут собралась скотина на водопой. На пастушьем шалаше треплется небольшой красный флаг. Это пастух Васька устроил. Обыкновенно он сидит тут и плетет корзины из ивы. Но сегодня он удивился пауку, плетущему паутину много искусней, чем он корзину. Взял он этого паука в руку и стал вытягивать из него паутину и наматывать сначала на палец, потом на палочку. Ему хотелось всю вымотать, и он мотал ее упрямо весь день с утра до ночи и так и не мог вымотать.

Сейчас, первой осенью, на тех ивах, с которых крестьяне дерут на дубку корье, появились рожки, совершенно как весной, — это семечки; потом к каждому семечку присадится пушинка, и ветер будет их сеять. На тех же ивах с засохшими красными листьями, с которых крестьяне содрали кору, теперь на месте семян висят белые, как снег цветы, — издали они похожи на прекрасные цветущие деревья; но это не цветы, а преждевременно выступивший пух семечка умершего дерева: ободранные ивы, умирая, как бы собрали последние силы, чтобы поскорей дать миру и пустить по ветру свои семена.

Василий Максимович Качалов.

Красивый, высокий, стройный мужик, прямо пиши Степана Разина. Особенно красива его работа, на которой он весь день и всюду он, куда ни кинешь взгляд, во всякое время то в поле, то на опушке, с дровами, то у изгороди, то у <*1 нрзб.*> — везде с утра до ночи этот Степан Разин. За красоту, особенно за неустанную работу ему сочувствуют. — Вот бы, — говорят, — его бы назначить, в заведующие какой-нибудь артели. — Нельзя, — говорят, — он уедчив. Раз он ехал в телеге. Я попросил взять его мои вещи. Он не взял, сослался, что тяжело. Потом вернулся: «за шесть рублей возьму». Я нанял за шесть рублей

мужика, который увез не только вещи, и меня и собаку. И все-таки теперь, когда его описали, он пришел с просьбой его выручить, дать ему денег. Я дал, не глядя в лицо его, потому что он страшный. Это настоящий хищник. Домна Ивановна говорит, что это у него от деревенской серости, нигде не бывает, сызмальства работал в деревне...

Выходит как будто, что деревенская среда является положительной средой для кулака, способный человек непременно проходит в кулаки. Это очень сложный процесс: индивидуальность заостряется на достижении материального благополучия — всякий талантливый обращается в кулака. Вокруг лень, безвыходность, пьянство, слабость, зависть. Страшная среда. И вот это идеализировали и поэтизировали! Теперь кулак потерял всякий смысл, зато вся остальная деревня ринулась по легкому пути, сбрасывая с себя все старое, и плохое и хорошее.

— С ландрином можно теперь путешествовать, а с деньгами нельзя: за ландрин все дадут, и масло, и молоко.

Ночь прошла под большой чистой луной, и к утру лег первый мороз, все стало седое, но лужи не замерзали.

Когда явилось солнце и разогрело, то деревья и травы обдались такою росой, такими светящими узорами глянца из темного леса ветви елей, брусника сияла не тусклым металлом, а тоже огнями горело внизу все, и особенно хороша была вся в диадемах маленькая молодая королева-сосна. Радость, когда выходишь на охоту и видишь, как собака, сдерживаемая моей рукой, вся кипит и дрожит, мое сердце дрожит, и кровь вся кипит, совершенно как у собаки. Горюны всего мира, не упрекайте меня: ведь почти все вы еще спите и, когда вы проснетесь, обсохнет роса, кончится моя собачья радость и я тоже пойду горевать о всем вместе с вами.

Что может рассказать С. И. Огнев о своем знаменитом снимке, например, тетеревиного тока: ведь он снимал этот ток в Зоопарке. Но мне есть много чего интересного рассказать о сегодняшнем снимке моем головы вальдшнепа. Началось с того, что я вышел снимать мороз, но он

все-таки слишком слабо или слишком ровно все обелил, чтобы снимать. Трещали очень ярко дрозды-рябинники, конечно, токовал петух на Антипкиной горе, и ему, как эхо, отвечал петух с Попова Рога. Несло чуть-чуть запахом овина, но этот запах в морозе не узнавался и почему-то казалось, что пахнут левкои и настурции с осенних клумб... Есть осенние одуванчики, они много меньше летних и крепче их и не по одному сидят, а на одной ножке часто штук десять. Надо снять их на бархате.

Вспомнил лаборанта Гедройца. Я только по лабораторным делам с ним разговаривал, но так почувствовал в нем хорошего человека, что до сих пор (лет 25) ярко помню. У эсеров почему-то были замечательно хорошие люди. Среди марксистов я не знал никого. Ленинское деревянное лицо имеет общие черты.

Дикари.

Качалов, одичавший в деревенском индивидуализме, погоня за материальным, такие были купцы елецкие (травили нас собаками; на что Горький злится). Одичалые дворяне (<*1 нрзб.*> в министерствах, а не в глуши). Одичалые ученые. Все это мертвое. <*зачеркнуто:* мрачная религия озлобленных мертвецов: марксизм> И так «эти мертвые души» распространяются... Вспомнишь дикарей разных классов, тоже иностранцев.

Постепенно годами можно научиться снимать в лесу сказку росы. Никогда не надо упускать снимать резкий луч солнца в лесу. Сегодня мне это не удалось, потому что — при моей страсти — упускаешь небо (передерживается) и больше: деревья и <*1 нрзб.*>. Возле озими убил вальдшнепа и снял его мертвого. Потом в осиннике подстрелил в крыло другого и сделал с него множество великолепнейших снимков. С 3-й линзой (непременно надо штатив, при солнце в лесу и поляне 6, 3/5 давало несколько густой негатив с 1-й линзой (4,5/25С) и без линзы (4,5/25С).

Вечером был Шершунович и рассказывал много про свою охоту на глухарей на осинах (убил вчера 6-го глуха-

ря; подранная дробь мелка, подранок; раз увидел голову, ударил: большой глухарь, а легкий; крыло отгнило; дарить хозяйке не стал: скелет. Жизнь подранка).

Сон глухаря (Рассказ егеря.)

Что гуси посапывают и даже чуть прихрапывают во сне, это знают все, кто только имел дело с домашними птицами. Храпят ли во сне дикие птицы? Могу про двух птиц рассказать. Первое, о галках. Жили они под колоннами в одном доме в *<1 нрзб.>* имении, где я служил егерем. Во время революции меня назначили садовником, а барыне дали одну комнату с балконом как раз там, где во множестве жили галки. Чахла барыня одна, я же потихоньку ей помогал. Раз вечером приходит она ко мне и говорит:

— Вот, Михал Михайлыч, вы егерь, а слышали ли вы когда-нибудь, как галки храпят.

— Что вы говорите, Зинаида Алексеевна, могут ли птицы храпеть?

— А вот идите, послушайте.

Время было позднее, когда галки уже проводили грачей в теплые края. А тепло стояло, и балкон на зиму не заделали. Пришли мы на балкон. Тишина! Месяц большой, чистый, не красный, нормальный месяц. Такая тишина и ясно, просто на весь двор слышно, как галки храпят.

Это я сам своими ушами слышал и очень дивился. Другая птица — это глухарь и было это недавно в сентябре, когда глухари за час перед закатом солнца прилетают на осины клевать листья. В эту осень их на осинах было особенно много, потому что весенним морозом ягоду убило, и кормиться им было нечем, кроме осины. Полные зобы они набивали себе осиновым листом (опоздал, прислушался: коп! коп!) Тишина — условие охоты, а то при малейшем ветре осина трепещется. Тишина: слышно птичку в дровах. Хворост, обросший яркой осиной. Молодые осины листья — в самое большое яблоко. Птичка ныряет, маленькая (дровяная) умная, ястреб не берет ее там. Прилетел, хлопанье на весь лес. И никогда не ходит сразу: он сидит и слушает. Потом зашумело: это он пересел на тонкую, а та не выдержала, он съехал по листве на другую.

Пошел. Как ходят: ногу десять раз переставит, пока установит. Разобрал: старый, — хватается за черенок, молодой непременно за края листа и выходит по-разному.

Когда подошел к дереву, солнце село, и туча закрыла зарю. Ничего не видно. Услышал и стал ругаться: хрюкать, вот это хрюканье и заставило не шевелиться и простоять дотемна (спросить — как вел себя засыпающий глухарь). Он остается до утра на том же дереве. Пришел утром в темноте рано. Тут ли? И — вот слышу, храпит наверху, как человек, затихнет и всхрапывает. Как это выходит — я не знаю. Быть может, он спит, загнув за крыло голову, дыхание проходит через перья, какие-нибудь перышки трепещут. А может быть, просто храпит точно так же, как мы? Я не знаю причину, а ухом слышу ясно, храпит глухарь на верху дерева. Потом... птичка пикнула. Храп перестал. И потом опять... Стало белеть. Перестало. Смотрю. Ничего. Вдруг тучи куда-то делись, и сразу стало светло. Увидел...

Вдруг шея, как рука выкинулась на небо и голова такая большая на небе. Мушка, — сплывается. Подождал. Вдруг — ш-ш-ш! выкинул хвост веером как на току. Подумал, не будет ли токовать: слышал, что есть осенний ток и *<2 нрзб.>*. Потом вдруг хвост опять сложил и опустил, шея — рука — раз! Я... в сторону... два — в другую... Прикинул я мушку: ясно, видно было...

Конечно, много хлопотать надо, чтобы принести глухаря домой, а интересно. Каждый раз что-нибудь новое. Вот слышал как храпит, а больше ходить, может быть, и самый сон поймешь...

Осенью соек снимать можно легко на лету. Если увидишь, летит сойка, скорей готовь аппарат —— обыкновенно летит за ней вторая тем же путем, когда вторая — скорей на путь поближе, как можно, там будет скоро третья, десятки иногда летят одна за одной и очень тихо.

Ястреб...

Журавли в дупелиное время лицом к лицу...

Как усядется цапля на дерево.

Изучить характер птичьего полета, как сороки, тетерева.

14 Сентября. Серый тихий, претихий задумчивый день. Мы с Павловной ходили к Тимофею Александровичу Ненюкову на его дачу под Новоселками на Сухманке. Старой дрожащей рукой преподносит корм своим животным, в числе которых есть и заяц. Задумываешься, он ли сделал зверей добрыми или они его. Вот бы всех пионеров обязать вы́ходить сколько-то домашних животных, а комсомольцев няньчить детей и, когда станут коммунистами, размещать их в школы учителями. Вот был бы коммунизм, а не крепостное право!

<На полях:> *Днем летела паутина. Ржаное поле* <1 нрзб.> *не были затянуты паутиной. Когда ж пауки ее сработали, если вгера не было. Днем?*

Решено перенести охотн. базу к Ненюкову в Банковскую дачу, где водятся и лоси. Подлежит на решение вопрос о ближайшем переселении на хутор и самоукрепление там.

Какая ночь! Сильно лунная холодная и тихая со стерегущими возле темного леса туманами.

15 Сентября. Лучезарный рассвет. Родился второй мороз. Он был сильнее первого, потому что лужицы теперь кое-где были подернуты тончайшими льдинками, и в тени белое на траве сохранялось долго, часов до 10.

Фотографировал рогульки – двух- и трехзубые плаунцы: мучка-плывучка; эту мучку употребляют для присыпки ран, заживляет; берут в аптеку. Я ее на темном фоне брал, прикалывая к стволу сосны; а к белой березе прикалывал бруснику. Надо снимать обмерзающие злаки, цветы белые, например на черных пнях. Вообще взять в правило пользоваться естественными фонами. Когда обогрелось, пошел искать вальдшнепов. Имел дело с двумя: осечка и промах. Возле просеки нашел свежий выводок тетеревей, убил петуха молодого, но уже с косицами.

День оставался до ночи светозарным.

Чрезвычайно сложное по существу иногда чудесным образом является нам в простейшей форме и, если это искусство, в особенности если это женщина, то мы о ней в восторге говорим: какая простая! В прежнее время мы так иногда говорили, теперь это забыто, и в настоящее время, наоборот, простейшее стремится к явлению в наисложнейшей форме, теперь о женщине сказать «простая!» это значит совсем оскорбить ее. Искусство тоже без наряда теперь не узнали бы...

Я это по поводу моего сна: мне снилась царская дочь: заговорила со мной по-французски, расхохоталась и вдруг начала со мной болтать на самом лучшем русском языке, потом из салона пышного мы вышли с ней на улицу и стали вместе с большим интересом и весельем читать стенную газету. — Сколько вам лет? — спросил я. — Мне двенадцать. — Неужели? — Ну, сорок». И так выглядит, что ей, может быть и 12 и 40. Не в этом дело, а что насквозь она психична и, так как не в теле тут дело, а часто в душе, то и проста бесконечно, а между тем царская дочь, и там, в доме остался целый штат ей фрейлин.

16 <Сентября>. (3-й мороз. Картошку копают).

Луна светит четвертинкой. К утру вышел мороз, казалось бы, совсем, как вчера: так же солнце всходило светозарно, и все, как вчера, разве только мороз как будто был послабее, а может быть, казалось так уже по привычке. Но почему-то вчера играли тетерева так ярко, так дружно, что я сегодня ружье взял, чтобы подкрадываться. И вот тетерева молчали сегодня. Почему же? Конечно, к перемене. И правда, когда сошел мороз и солнце пригрело, начался довольно сильный западный ветер. Этого вчера не было...

Эти дни, днем до вечера летит паутина и очень длинная. Одна села на прогоне от прясла до прясла, вероятно, не менее шагов двадцати. Одну я поймал за головку (так называют плотный паутинный белый сгусток) и долго мотал ее на палец, тоже не меньше вышло метров пятнад-

цати. Откуда эта паутина? Разве только пауки бросаются по ветру с высоты деревьев и выделяют паутину? Не летучая ли эта паутина ложится на молодую озимь сетью. (Любознательность Шершуновича.)

Здоровье и с ним самую сущность жизни не ценят: здоров и здоров. Надо заболеть особенной болезнью, такой роковой, что иные, одержимые ею, сами кончают с собой, иные же, напротив, выздоравливают и те, кто выздоровел от этой ужасной болезни, эти стали здоровее здоровых, потому что они не только здоровы, но сознают свое здоровье и ценят в нем жизнь, как великий дар, как творческую силу всего сущего. В этом, вероятно, и есть «искупление»: потому что раз человек самую жизнь благословляет, как величайший дар, то, конечно, эта жизнь даже без уже: тот грех выпал из нее, отболел.

Благодетельная и роковая болезнь эта, конечно, любовь, притом не какая-нибудь платоническая, а та самая, которая гонит рыбу кету через пороги вверх, множество гибнет ее по пути, но кто достиг, тот осуществил свое назначение. Тогда рыба играет или пускает на тихой воде пузыри. А человек сорадуется всему живому, потому что тоже, перескочив через пороги, он ведь в этом не больше всякого животного, он только тем велик, тем отличается, что вмещает в себе все их, когда относится ко всему в природе не как хищник-поработитель, а с родственным вниманием и готовностью, как старший...

<На полях:> *Иван-чай пускает летучки... Копают картошку все...*

Охота с камерой. Пытался снимать омороженные цветки и разные колоски, отяжелевшие от морозной опушенности. Превосходно вышли те осенние одуванчики, которые помногу сидят на одной ножке. Я подвешивал сзади темный фон и потому вышло. В дальнейшем мороз надо непременно снимать со сроком: так открывается возможность изобразить осень морозом. После мороза, когда все травинки обдались росой и засияли, я пытался, снимая против солнца, получить изящнейшее изображе-

ние светящимися тонами. Вышло неважно, потому что я не пользовался темным фоном и как-то спешил. Но уже по сделанному видно, что росу снять возможно.

Все испугались мороза и принялись дружно за картошку. Иван-чай раскрыл свои стручки и выпустил невероятное число белого пуха. Я издали это заметил и только благодаря фотографии узнал про это... (Годится в книгу.)

По-моему, научный интерес к явлению (почему это?) должен прийти после того, как явление это чем-нибудь остановило на себе внимание. И вероятно в том, что действует на силу нашего изображения именно данного явления, заключается нечто не менее значительное, чем ответ на «почему». Между тем, школьникам постоянно навязывают научное понимание действительности, минуя совсем их удивление, или пользуясь этим удивлением, чтобы дать нечто научное. А надо идти навстречу самому удивлению. Иван-чай меня давно удивил своим ростом и красным цветом у черных пней. Меня очень удивило однажды, что на месте цветов было что-то большое, белое, как вата. Тогда я стал разглядывать и увидел стручки...

Сережу выгнали милиционеры в Сергиев за товаром, потому что его судили за ограбление почты и принудили к принудилке, — вероятно, не за самое ограбление, а за попустительство, т. к. он был в Федорцове заведующим почтой. Не будь дураком, Сережа надел худое колесо. В Сергиеве колесо это рассыпалось. Возвращался он без товаров на ваге вместо 3-го колеса. Когда прохожие спрашивали, куда он едет на ваге, Сережа отвечал:

— Европу догоняю.

Прохожие смеялись.

— Долго же тебе догонять.

Сережа отвечал:

— Нет, я ведь пятилетку в четыре года проеду: осталось только два.

А Сережа ведь комсомолец, его выгнали только недавно, после суда.

В кооперативе висит присланная для хлебозаготовок, как премия, пара сапог: самые сапоги в кооперативе по цене очень дешевы, что-то десять или двадцать рублей вместо рыночных 150 р. Но процент погашения этой маленькой суммы так подстроен, что мужик должен сдать 50 пудов хлеба по коопер. цене (коопер. 2 р., рыночная 12), чтобы получить сапоги. Конечно, охотников отдавать 600 р. (50 п. × 12 р.) за сапоги не находится. И сапоги висят. Так с одной парой сапог проведут всю хлебозаготовку в волости, и сапоги будут целы.

Это светозарное утро с морозами вернуло меня к тем утрам, когда я на хуторе у Бобринского тоже встречал солнце.

17 Сентября. Ну, вот разгадка вчерашнего молчания тетеревья явилась: подул западный ветер довольно сильный, солнце село в тучу, потом скоро все небо закрылось и сегодня с утра из висящего сплошного мутно-серого неба снова моросит дождь.

Тетерева знали перемену раньше нас.

«Мы прибегаем к истории (философии) не ради истории, а для того, чтобы найти с помощью анализа действительных и возможных миросозерцаний пути, возвращающие к утраченным идеалам живого знания» (Грекам). Лосский. Обоснование интуитивизма.

Положим, что в Совнаркоме постановили сделать обязательным для каждого пионера выхаживание и выращивание домашних животных, для комсомольца — выхаживание и выращивание детей в яслях, для коммуниста определено число лет учительской практики. Положим, завтра появится такой декрет. И непременно вслед за этим появится необходимость в новом раскладе на паек многочисленным нянькам людей и животных до тех пор по крайней мере, пока эти животные и люди вырастут и самоокупятся и дадут хозяйств. возможность продолжения этого дела. При настоящей же нехватке необходимых предметов

потребления молодежь будет стремиться не к делу, а к захвату пайка, и декрет породит миллионы новой бюрократии. Итак, всякая попытка вывести современный бюрократический коммунизм на волю истинного творчества жизни упирается в недостаток продовольствия, потому что всякое новшество требует средств. И потому всякая актуальность ограничивается производством матер. ценностей.

Таким образом выходит, что ничего хорошего, непосредственно к данному времени пригодного я дать не могу: всякий мой план, самый хороший, как только получает санкцию госплана, явится населению, как новый нажим...

До вечера хмурилось и брызгало небо, под вечер перед самым закатом явилось солнце, и я снимал его, укрываясь под елью от дождя.

Такая и ночь была.

18 С<ентября>. Все завешено. Терпение мое кончилось. Объявлена демобилизация. Завтра утром выезжаем в Сергиев к своей корове.

На очереди работа:

1) «Очерк» для Федерации.
2) Художник света (Охота с камерой).
3) Охотничий рассказ: Сон глухаря.

Дела: 1) Коронки 2) Очки 3) Ноги 4) Сапоги 5) Увеличение с подготовкой фото-материала для книги «Охота с камерой»; этим ушибить Гиз.

Умерла Нюша. (Как хлопала дверца в печи — буря?) Поездка наша отложена до субботы.

Утром ветер, но ходить можно было, и я пошел на охоту. Очень пахнет хорошо листва. Глухарь вылетел из-под ног, но я забыл патроны...

Потом началась буря. Перед самым закатом буря стихла, и такие громады разноцветных туч сложились, расходясь, чтобы дать свет звездам, что я схватил аппарат и принялся снимать их. Сделал массу снимков, потому что вошел в азарт...

Начало книги «Охота с камерой»

Прочитав прекрасную книгу Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», я не раз порывался поехать туда на охоту с камерой, но каждый раз, вспоминая свои дебри Московской области бывшей Владимирской губернии, останавливал свой порыв. Ведь только тигров нет, а лоси, волки, барсуки, лисицы такие же и в наших дебрях. Нет фазанов, зато сколько глухарей! Цветы, конечно, в сравнении с нашими огромные, но зато наши маленькие гораздо сильней пахнут. Певчих птиц у нас, наверно, больше, потому что много очень молодых зарослей, удобных для гнездования. Весной эти заросли так и звенят. Люди там китайцы: ловят крабов, рис у них, собирают грибы, священный корень жень-шень, истребляют оленя для пантов. У нас люди гораздо интересней: кустари. Об анимизме. Дерсу больше — свой анимизм. Вот только, пожалуй, не найти у нас Дерсу. Не все читали книгу Арсеньева, я принужден рассказать немного об этом дикаре, герое всей книги «В дебрях Уссурийского края». Этот дикарь, поев в лесу у костра, оставлял немного пищи воронам, потому что, говорил он, вороны тоже как люди. И даже погода у него тоже как люди: <*2 нрзб.*>, небо плачет. Когда тигр начинает преследовать его, он в гневе кричит ему: «Какой плохой люди, уходи!» Дерсу — замечательный следопыт и по одному следу какому-нибудь узнает целую историю. Он, преданный до самозабвения, спасая друга, совсем не помнит о себе.

Мне бы очень хотелось иметь такого друга, каким был Дерсу для Арсеньева. И будь у меня Дерсу, книжка моя была бы гораздо интереснее.

— А нельзя ли найти здесь воспоминания охотников, — сказал я себе вслух.

И как только я сказал это вслух, моя Нерль вдруг бросилась вперед.

Вышло это потому, что я держу свою собаку у ноги, чтобы она не умаривалась зря и пускаю только в тех местах, где можно предполагать дичь. Ей не особенно удобно

свой собачий шаг соразмерять с человеческим. Она страстно ждет от меня позволения, которое является в звуке: и вот звук раздался и, конечно, она пустилась.

Я взял ее обратно к ноге и стал раздумывать о наших охотниках. Долго я раздумывал и мог сравнить с Дерсу только одного перепелиного охотника, которого любил в детстве, как и Арсеньев своего Дерсу. Грустно мне стало, и вот в этот самый момент Нерль, вероятно, почуяв издали какую-то дичь, понюхала кончики пальцев моей правой руки, и я почувствовал на них холод ее носа. Убедившись через это каким-то неизвестным мне образом, что я в хорошем добром настроении и непременно исполню ее желание, она сделала два-три шага в сторону и заиграла ноздрями...

Бывает, я даже погрожусь за то, что она смела начать охоту сама от себя. Но она, понюхав кончики пальцев, обыкновенно знает, когда я сердит.

— Так вот же мой следопыт, как Дерсу! — сказал я вслух.

И Нерль, услышав мой голос, пустилась очень осторожно в ту сторону, откуда почуяла запах.

Она <*1 нрзб.*>, я не стал ее возвращать, напротив, сам пошел вслед за ней.

В этом нет ничего обидного, что я сравнил его героя со своей собакой: ведь я свою Нерль очень люблю, и то прекрасное, что Арсеньев вложил в Дерсу, я нахожу и в Нерли: она мне предана тоже до самозабвения, она птичьи следы понимает еще лучше Дерсу, и бесконечно любит всех детей. Дерсу только смотрит на мир, что в нем все «как люди», а Нерль может быть понимает детей и все на свой лад: как собака. Никогда она не только не рычит на детей, даже если они ей делают больно, но даже не морщит нос. Однако, если они уж очень ей надоедят, то лицо ее вдруг делается каким-то странным, я представляю себе, что она думает, как Дерсу: «Какой плохой, люди!» и как-то только на свое переводит: какой плохой собака! (Гнездо тетерева). Меня как тигра.

19 Сентября. Вчера днем был гром, на закате коротенькая радуга и ночью на севере виднелся бледный столб северного сияния. На закате ветер лег совершенно, а ночью дул ровный небольшой. Вся ночь была звездная. Утро ветреное, но солнечное. Только уже значительно после восхода начала белеть трава. Морозец был легкий (4-й). Днем опять началась путаница с облаками.

Я снимал утренний лес, черные стволы с тенями и лучами.

Убил 1-го дупеля (кустового), приняв его за вальдшнепа, убил вальдшнепа, бекаса, видел гаршнепа – все это новая пролетная дичь. Очень мазал по вальдшнепам. Дупель разманил меня и решил остаться еще на день-два. Уж очень лень-то эта хороша, встаешь без всяких обязанностей: ружье или камера. Очень хорошо и делается все лучше и лучше оттого, что сильнее желтеют деревья, ароматней пахнет листва.

Перед вечером ветер опять стих. Солнце перед закатом озарило уже золотые леса и спустилось в тучку.

Часто слышишь: «А если бы от них Бога отнять, то что же останется им». Очень обидно быть на месте Бога: веруют такие, у кого больше ничего и нет, какие-то пустые мешки. Еще есть подобное в искусстве, когда говорят, что оно «для отдыха». Не особенно тоже приятно художнику знать, что его труд пошел на забаву и развлечение...

20 Сентября. И с вечера пахло морозом, и ночь прошла вся такая звездная, а утром не мороз, а туман и туман какой-то неопределенный: то бывает туман хороший перед ветреным днем, тут же туман был как-то слишком тяжел и сер. И действительно, он нескоро разошелся, и за ним оказалось облачное небо. Скоро, однако, облака определились большими кучевыми, между ними время от времени солнце являлось, как радость. День сложился прекрасно-задумчивый со вспышками солнечной радости. Я решил посвятить его охоте.

Я думал, что витютни улетели, но вчера на закате далеко летела стая каких-то птиц. По томv. как они стали

рассаживаться на вершинах высокого леса, я узнал в них витютней.

В тумане сегодня обошел места, где вчера убил дупеля и вальдшнепа, но ничего не нашел. За канавой в мошку пришлось крикнуть на собаку, и в этот момент сорвалась с дерева большая птица, я подумал — это глухарь, но птица на мгновение мелькнула, и я опять подумал, что не черныш, а глухарь, потому что слишком узки и длинны для черныша крылья; когда же подумал об узких крыльях, вспомнил, что сорвалась слишком резко для глухаря, и тогда стало понятно: это был не тетерев и не глухарь, а зазевавшийся ястреб-тетеревятник.

Вальдшнепа удалось застать во время его прогулки на чистом месте. В другого неудачно стрелял в чаще Попова Рога. Больше не видел вальдшнепов. Когда разошелся туман, заметил летящего над лесом черныша, вскоре вслед за ним протянул другой. Это значило, что начались вылеты и в можжевельнике возле тресты, вероятно, начался уже осенний ток. Глухари не допустили близко к себе Нерль и поднялись, большой хищник сорвался с дерева, он, вероятно, караулил ее, не решаясь напасть. Вслед за этим раздалось в ольховой чаще ужасное хлопанье крыльев, это запутался, как часто бывает, глухарь. Много раз приходилось замечать, что глухарь не так осторожен и ловок, как тетерев, очень возможно, что ему трудно быть ловким и осторожным из-за величины своей, будь ему просторно, как журавлю в поле, а то сам такой огромный и притом в чаще. Нет, это слишком крупная птица для нашего времени, долго ей теперь уж не пробыть у нас.

На берегу поймы, как я и ожидал, в можжевельнике застал большую партию чернышей. Тут их хорошо можно скрадывать в морозное утро, а еще лучше охотиться с чучелами. Тут же в кочках, к великой радости, нашел дупеля, какие это были вкусные кочки для охотника, как хряпнул он при взлете, с какой страстью бросился я обыскивать болото. Нашел только двух бекасов, которых убил. Один из бекасов так упал в ямку, что только хвостик торчал, это напомнило мне, что хорошо бы снять его таким.

Тут солнце показалось и я очень хорошо снимал и бекаса и дупеля (линза № 1 d12 V-I сек.)

В можжевельнике были бесчисленные дрозды-рябинники. И конечно со стороны поймы все время слышался журавлиный крик. Хищников летало над поймой чуть ли не больше, чем таящихся в ней птиц. Заметив на кочке пучок белых цветочков, столь обычных для дупелиных цветов, я бросил тушку убитого дупеля и занялся съемкой. Через некоторое время какой-то писк вверху привлек мое внимание. Оказалось, это высоко летели, кружась, два крупные хищника, похожие на орланов, один из них, который пониже, время от времени свистел, потом складывая крылья, превращался на мгновенье в падающий комок и снова расправлял крылья и поднимался. Впрочем, очень возможно, что свистел не он, а другой, летавший кругами выше него.

Ни что коммунист, ни что матрос и проч. и проч. не входило совершенно материалом для деревенского суда, когда Нюша умерла, а у каждого на уме было уголовное дело. Деревенские люди увидели в нем просто легкого человека: жалования получает 300 р. в месяц, а одежда неважная, потом он у одного попросил махорки и, когда выкурил, еще попросил, а когда уезжал, на дорогу денег попросил и еще хуже: в Сергиеве, у того самого парня, которого принял на службу и взял с собой, выпросил на литр и выпил... Какой же это человек!

Вечер строгий, заря оранжевая и очень долгая. Окна отпотелые с ручейками, цветущая герань прилипла к окну так, что лепестки оторвались. И через это прекрасное окно долго смотрела оранжевая заря.

Тагор в Москве! Вот приехал из Индии смотреть, а я не хочу из Сергиева ехать в Москву. Тут много личного. Тагор богатый, я нищий. У него народ, в который он верит, у него школа. У меня народ, как бы исчезающий. И какая тут школа... И я сам в обществе какое-то суконное рыло... Что увидит Тагор? какую-то европейскую погудку

на русский лад. Не увидит он деревенских бледных детей, растущих на хлебе и картошке без молока.

***21 Сентября*. (8-е С. Рождество Богородицы).**

Глубокий мороз («глубокий» — т. е. рожденный ночью в предрассветный час при звездах, а не при восходе солнца). Это 5-й. Лужицы были подернуты. Все сияло. Часов с 10 у. при безоблачном небе, солнце начало светить тускло и тревожно, начался западный ветер. После обеда солнце скрылось за тучами. Ветер перед ночью затих не совсем, потом взялся с большой силой и всю ночь на дворе бушевало и лил дождь до утра.

Утро посвятил фотографированию мороза. Нашел, вероятно, старую, брошенную паутину, которая обмерзла и стала очень толстой. Снимал побелевшие звездочки моха, похожие теперь на кристаллы. Пользуясь черным фоном пня, снял листья, обрамленные кружевом мороза. Пробовал против солнца снимать блестящие обмерзшие ветви. Росу после мороза...

Утро. Только, только занималась заря. Трава была белая, и бревна тоже побелели. В деревне все спали, но с гумен слышалась молотьба цепами. Спали журавли над колодцами. Одно ведро было забыто на журавле и, оставаясь на краю колодца в таком положении, не выливало воду, а держалось за петлю журавля. В деревне все вещи без людей — забытая борона, плуг, телега, иногда ушат чрезвычайно выразительны.

<На полях:> *Мотив для фото.*

Из птиц, мне думается, первым начал дятел. Он прилетел и, по-видимому, еще сонный, затих в желтых березах. Я начал работать и через некоторое время обратил внимание, что в полной тишине все березы стояли, как восковые, а с одной почему-то слетали желтые листочки. Потом я расслышал там стук работы дятла и понял, что дятел, ударяя носом о ствол, трясет дерево, и оттого тронутые морозом листья слетают. Другие птицы как-то

очень не торопились. Только уж когда солнце позолотило верхушки сосен, над лесом, поспешая, пролетела стая лесных голубей (еще здесь). Соединенные семьи крестьян для молотьбы, кончили работу, пошли завтракать, коровы пачкали в поле, и только тут тетерева, один не видя другого, по каким-то тайным вехам, по воздушному пути полетели на ток. Тоже как будто с запозданием против людей пошли молотить. И наш здешний постоянный бормотун заиграл.

<На полях:> *Дятел тих — это с березы падали желтые листья. (Сокращение).*

Тайна творчества. Свет и мороз — это братья родные. Так я подумал, и вот что пришло в голову вслед за этим: «Не совсем от нас зависит семейное счастье, и даже без счастья просто устроенная деловым порядком семья, не вполне в наших руках. Тут есть много от «судьбы», понимаемой как живая сила всех предшествующих нашей личности сил. В нашей власти прибавлять к этой «судьбе» личность нашу, но не в нашей власти идти против судьбы. Потому семейное творчество не всем удается и не всякий обязан устроить семью. Можно жить и без семьи, но каждый обязан в ином своем творчестве жизни устроиться так, будто он создает семью».

Евангельское направление идет против семьи, но построено оно на семейных образах («духовные» братья и сестры и т. д.). Быть может и все образы (в искусстве) такого же происхождения, и все образы в родстве.

Родство образов. (Свет и мороз — братья).

Творческие образы — которые делают самую жизнь (духовные братья по роду не братья, а в творчестве — братья; духовное родство это родство, нами лично (а не судьбой) сотворенное.

Вспомнил Фаворского (мать англичанка). Русские и англичане сходятся простотой, но русская простота дана жизнью и очень скоро разлагается и становится сложностью, английская простота — дело культуры...

Вечером ходил с Шершуновичем на глухарей. Ветер помешал выслушать их и мы подшумели двух самок и пять самцов.

Ш. отрицает теперь свое предположение, что молодые рвут листья, а старые берут за черенок.

Охота до тех пор, пока среди голых осин не останутся отдельные багряные деревья.

Вершина ели вдвинулась в осинник и была как глухарь.

Возня съезжающего глухаря (когда голова перестает доставать листья, он подвигается и очень шумит. Это возня — главное, а потом звук, как если оторвать кусок листа у осины).

Глухарь превращает лист в трубочку и глотает... (так в зобу).

Вечером глухарь сидит до ночи и тут уснет, если не подшуметь, значит все от охотника, а утром он сам может вздумать полететь. Один лесник рассказывал, что ночью глухарь ничего не слушает, он стрелял пять раз, сбегал за зарядами и застрелил только утром (человек говорил правдивый, но надо проверить).

Два мира — мужской — ток и бабий — место гнездований. У нас это в двух-трех километрах. Осина большая стояла на местах гнездований.

Год безъягодный и вода гнала глухарей на осину, но и в ягодный год они бывают на осинах: это у них лакомство.

Бледно-желтые листья осин на черной грязи, на лужах, на елочках.

Выслушивание леса — целый мир (ветер что-то делает свое).

Глухарь слишком велик для нашей жизни: раз, испуганный ударом о сосну, он свалился.

Самка иначе садится и срывается.

Чвякнул сапог в ручье: подшумели.

Три осинника, на которых можно застать глухарей: не там, так там. И все надо обойти за вечер.

22 С<ентября>. Как это объяснить, что я, когда пишу рассказ или делаю снимок, то знаю, что я не повторяю другой чей-нибудь рассказ и не делаю такой же снимок, как все, что я создаю нечто совершенно новое, показываю такое, чего никто еще не видал. Словом, как мне известно, что я не открываю второй раз Америку. Обычный ответ будет такой, — что я образованный человек и могу просто знать, фактически. Но нет, я и не так образован, и мало слежу за новостями века, да и никакому образованному невозможно все знать. Мое знание неповторяемости создаваемого мной всегда находится в знании себя внутреннего: там внутри меня есть такой глаз личности, которого нет у другого; я им увижу, назову это словом, и люди будут его понимать, потому что я увидел и назвал такое, чем они живут повседневно, а не видят.

<На полях:> *Ходил на Журавлиху. Видел одного дупеля. Растратил все патроны, убил одного бекаса. Испортил руку частой стрельбой в кустах вальдшнепов: чуть зашумело и бей туда. Очень устал.*
Среди дня стало очень тепло.

23 Сентября. В кровавых облаках на минутку при восходе показалось солнце. Очень тепло.

Солнце праведное! я люблю тебя за то, что ты всем светишь, и через это я понимаю кровь людей, она преображает твой свет и что эта кровь на земле одна у всех людей и у всего живого.

Вышел вчера вечером на лавочку посидеть. Над бедной избушкой шумят лозинки. И так по всей стране огромной одинаково. Там на востоке и на западе тоже. А у нас большая дорога идей... место войны их...

Дутые мысли. Мысль о воспитании пионеров посредством выхаживания животных и комсомольцев — нянчания детей при ближайшем рассмотрении оказалась «дутой». Это значит, что не большой творческой силой создавалась мысль, а раздувалась ненавистью к власти, и эта ненависть создавалась обидой и недовольством со-

бой. В свое время такими были либералы разные. В этом отношении, особенно если дальше в литературе пойдет неудачно, надо очень следить за собой. Сейчас я уже значительно отравлен, и надо срочно принимать меры к самогигиене (дисциплиной может служить работа по внешнему устройству).

Сон глухаря (Рассказ егеря).

Этот рассказ егеря Михал Михалыча мне понравился и тем, что он приближает к интимнейшей стороне жизни птиц, а также знакомит с мало известной охотой на глухарей осенью в осинниках. В августе началось, а в сентябре я обратил серьезное внимание: каждый раз в тихий вечер за час или за полчаса до заката солнца в западной части нашей лесной дачи раздавался одинокий выстрел. Я стал стеречь и вскоре узнал, что каждый раз, когда в тихий вечер перед закатом раздавался выстрел — вслед за тем один глухарь падал с осины. Это егерь Михал Михалыч добывал мясо своему многочисленному семейству. Сказать — все кажется очень просто, а пойди убей глухаря на осиннике! Я попросил егеря научить меня этой охоте, а когда он мне рассказал про «сон глухаря», стал интересоваться этой охотой, чтобы сделать рассказ свой более выразительным и убедительным. И проч...

<На полях:> *Листья осины попали в паутину.*

Продолжается W-ветер, весь день была в небе борьба за свет и кончилась к вечеру мелким дождем при полной тишине. Утром я бестолково ходил в Поповом Рогу и ничего не убил. Вечером отправился изучать глухарей на осинах. При переходе через ручей спугнул чваканьем глухарей, самка пролетела над моей головой. Шел дождик, капало с осин, и ничего не было слышно. Я крался по дорожке вдоль вырубки. Видел, как с вырубки подлетел один глухарь, потом другой, и в разных местах раздавался треск крыльев. Это глухари поднимались вверх с вырубки, или пролетали со стороны. Пройдя всю дорожку, я вернулся к середине ее, к поваленной березе и услышал на той стороне вырубки треск. Решил перебраться туда. Но

как только ступил на открытое место, там, незамеченные мной на фоне темных сосен, сидели два глухаря (сидели не на осине, а на сосне), потом слетел один, сидевший над моей головой, — я его не расслышал из-за капели. И так, не спеша, один за другим поднялись штук десять. Когда стало сильно темнеть, я перешел ручей и тихо пошел высоким бором. Вдруг раздалось близко знакомое хлопанье крыльями: сел глухарь на сосну. Потом прилетел другой и тоже устроился. Третий сел очень близко. Я тихо пошел к нему. Но еще ближе на высоте полдерева послышался звук, похожий на то, как если бы кто-нибудь маленьким острым топориком цокал по дереву. Я подумал, что глухарь так обламывает (для чего-то) сосновые ветки. Но, может быть, так он выражал тревогу, заметив меня? Было совсем темно. Я рассчитывал, что глухарю я буду незаметен на темном фоне, а я его замечу на фоне неба. Звук обманул меня, я двигался вперед, а глухарь сидел в полдерева над моей головой и вдруг с треском сорвался. Я не стал тревожить других и тихо удалился. Чудесно было думать, что наверху этих огромных сосен спала такая огромная птица. Кого-то она могла ужасно испугать, но мне именно потому и не было жутко одному в бору темном в капель, что вокруг спали живые существа.

1. <*1 нрзб.*> 2. Постоянная ночевка или потому, что я их согнал с обычного места.

Наступили холодные ночи. Замерли пауки. Но брошенные кое-где и не смытые дождями паутины продолжают ловить.

Так попался, слетая на землю, большой зубчатый великолепно золотой осиновый лист.

Золото в грязи!

Вышел теплый день, и в этом тепле особенно сильно пахло листом, увядшей травой, боговником.

24 С<ентября>. Вчера вечером начался сев. ветер, стало прохладно. Утром, против ожидания, солнце не вышло и день так и остался серым, прохладным. Несмотря на

мрак, и особенно в лесу, я отправился на места глухариного вылета, чтобы наснимать материал для рассказа «Сон глухаря». На охоту я вышел в 4-м часу. В самом начале пути в сосновом бору спугнул глухаря, потом другого. Делаю предположение, что кто-нибудь глухарей разогнал, и они временно присели тут. На случай, если не прилетят глухари на свое место, высмотрел еще два осинника, чтобы, как учил Ш., за полчаса до зорьки прекратить ожидание и осмотреть другое место. Переходя через ручей, в этот раз глухаря не спугнул. Чрезвычайно осторожно пошел к поваленной березе. Вдруг раздался треск, и где-то очень близко от меня сел глухарь. Через минуту он пересел еще ближе. Я замер в ожидании, когда он начнет щипать листья. Так стоял полчаса, а глухарь почему-то вдруг сорвался и полетел, цепляя, как мне казалось, за вершины осин и елей. Возможно, он где-нибудь недалеко устроился на осине, но я решил его пока оставить и вернуться к нему под конец. Не успел я сделать десятка два очень осторожных шагов, как услышал летящего глухаря. Я его увидел всего летящего над собой, потом он сел на ближайшей осине, на самой верхушке осины и скрылся там в желтых листьях. Устроившись, он сразу же начал клевать, ветка непрерывно шевелилась. Я сделал осторожно шаг в сторону и увидел рогульку, а за рогулькой голова глухаря очень часто по-куриному клевала листики и слышался четкий звук разрыва листа. Стрелять через рогульку в голову 6-м номером было очень рискованно. Я не стал и еще продвинулся в сторону. Теперь в листве мне открыто окошечко в небо, и в это окошко то и дело показывалась голова глухаря с бородкой. Такой редкий случай вышел, что видна одна голова, если я в нее попаду, глухарь упадет и от 6-го номера, если нет — он улетит. Сердце колотилось и потому я быстро, почти навскидку ударил в окошко с головой. Там ничего, глухарь не упал и не улетел. Только голова шевельнулась в окошке, я еще раз выстрелил, и громадная темная птица вывалилась из желтого и с треском, обрывая сучки и массу желтой листвы, обрушилась на желтую постель. Глухарь был старый (12 фунт.), на голове была

кровь. Он всего несколько раз трепыхнулся. Так уже в 5 час. окончена была моя охота.

<На полях:> *И вот после выстрела вдруг — ничего! Глухарь не летит и не падает и в окошечке пусто. Я подумал, было, что глухарь убитый* <1 нрзб.>, *но вдруг в окошке показалась вся голова и не в профиль, а с шеей, как черная рука с кулаком погрозилась. Я хватил туда же из второго ствола, и сразу же глухарь полетел вниз, сшибая суки, увядшие желтые листья.*

Снимал желтую дорогу осиновых листьев на черном, елочки, осыпанные осиновыми листьями. Еще снимал наполненные водой колдобины с желтой листвой. Захотелось снять глухариную вырубку. Времени было всего часов 9—10 у. Я никак не мог предположить, что глухари тут. Расставив штатив посередине, я принялся ее снимать. Когда работа была кончена, вдруг совсем неожиданно с дерева сорвался глухарь. После того я хотел сделать еще один снимок, в другую сторону, а оглянулся — и на осине шагов в 150 от меня сидит глухарь. И, значит, все время пока я снимал, он сидел и глядел на меня. Конечно, я пошел не на него, но как только двинулся, он улетел. После того я снимал мох с листьями осины. Особенно интересно было снимать моховую растительность на коре умершей березы. Считаю, в этот раз я достиг двух вещей: первое, это наконец-то решился снимать в лесу с большущей выдержкой (при пасмурной погоде d18 брал до 10 шипящих сек. — получалась передержка, надо так 5 что ли); второе, — это что осиновые бледные листья на зеленом выходят очень контрастно и, значит, осень можно ими изображать отлично.

Страшная повесть: Ландрин.

Отец «закобелял». Из-за этого нищета (крестьянство без Москвы — нищета). Две дочери ушли в люди. Через 8 лет Домна Ивановна намолила: отец вернулся, и появились три девочки: А старшая Нюша с 8-ми лет в людях. Все потеряли. Осталось последнее: выбиться из прислуги и стать барыней. Явился заведующий и все обещал (мат-

рос, партиец, «легкий человек»). Страшный зять (появление новобрачных в деревне). «Старуха» явилась с девочкой, Богу помолилась: «не хочу алименты», и вот... Гибель: *<1 нрзб.>* умывалась, рука в двери. Страшная весть на поле. Мать с молитвенником, а у той вера только в ландрин была. Самоубийца не тем виноват, что свою жизнь убил, а что он дает горе близким. (Последствие шалости Андрея Васильевича.) Как узнали, что легкий человек. Как встречали «молодых».

Творческая жизнь человека проходит для того, чтобы дело личного его интереса сделалось в своих достижениях общим достоянием.

25 Сентября. При западном ветре стало почему-то холодно, облака не дождевые, но солнце было плотно закрыто до обеда, очень было пасмурно, а часам к трем выглянуло солнце, и вечер удался тихий с холодной большой долгой оранжевой зарей.

Утром фотографировал убитого вчера глухаря. Вообще в пасмурную погоду с маленькой диафрагмой и продолжительной выдержкой можно очень хорошо снимать близкие предметы. Не удаются лишь большие планы. Я делал темному глухарю фон из светло-желтых осиновых листьев. Эти листья при светоф. № 1-м очень передерживаются, в то время как остальное выходит нормально.

К вечеру ходил к глухарям. Они сегодня против обыкновения бегали по вырубке до шести часов. Очень возможно, что на молоденьких осинках их зеленые листья более удовлетворяют их, чем желтые. По крайней мере, я не раз слышал внизу тот же самый звук, как бывает вверху, когда глухарь разрывает лист. Вечером один сел на дерево недалеко от меня. Я стал его скрадывать, но, боясь, что к тому времени стемнеет, а также, подхваченный удальством вчерашнего выстрела, хватил по-вчерашнему в окошечко, чтоб по голове пришлось. Глухарь от выстрела пересел шагов на 30 дальше, а когда я туда пошел, улетел. Вероятно, вчерашний глухарь был убит случайной дробинкой в голову.

Солнце, луна и Большая Медведица.

Чту Б. Медведицу наравне с солнцем, луной, потому что ночью очень хорошо на нее смотреть и думать и пользоваться можно, как часами, когда забудешь завести свои карманные или станут. Больше месяца редко случалось в порядке держать часы. Но днем они совершенно не нужны. Трудно ночью, и тут выручает Большая Медведица.

26 Сентября. К утру при чистом небе в тишине разыгрался мороз.

Ходил на ток к мосткам на пойме. Петух бормотал и чуфыкал в можжевельнике. Тетерева сидели вдали на деревьях. Я их спугнул, но вскоре они опять сюда прилетели. Значит, и у них есть какое-то влечение к осеннему току.

Пауки, мне думается, всё работают, только вероятно не все, и очень мало. Там и тут на можжевельниках видишь тонкие обмерзшие нитки. Сегодня мне удалось видеть паутину, протянутую от куста к кусту горизонтально без посредства высоких деревьев на 25 шагов. Я подумал, было, что это села одна из летающих паутин, но, оказалось, на можжевельнике было скрепление, узел, от которого к другим паутинкам были разбросаны сложные провода.

Не забыть особенность паутины: держит нить большие предметы, но когда я хотел подвесить маленького умершего паучка, труп его был слишком тяжел...

Когда мороз сошел, то кочки обдались росой и засияли на солнце, а когда разогрело, то от каждой повалил легкий пар, как будто каждая кочка, спасенная солнцем, облегченно вздохнула.

Стрелки Берендея растут пучком и у них есть смешные цветы на боку ближе к острию, как полагается быть стреле.

Присоединить к фото-книге рассказ «Гуси-Лебеди» (написать Смирнову).

Для этого рассказа снял свою тень.

Конечно, настоящий фотограф снял бы все лучше меня, но настоящему специалисту в голову никогда не придет смотреть на то, что я снимаю: он это никогда не увидит.

<На полях:> *Услышал полет в воздухе большой птицы, потом было слышно — глухарь покрыл вершину осины.*

К рассказу «Сон глухаря»:

Услыхал, как глухарь съехал с ветки на ветку. Стал подходить. Ему не видно сверху на землю, мне видней. Он слышит. Мышь бежит и поднимает листву с шелестом бóльшим, чем я, но глухарю тот шелест известен, а мой — нет, и, может быть, он прислушивается. Птичка в дровах — тоже звук. Дятел. Желна. И вот, наконец, капнуло и еще. Болотная грязь — вязнет носок, тогда пятка никогда не чмокнет. По яркой и грязной бледно-желтой листве издали видно, где осины, где березы. Слышу и не вижу. Самое трудное, чего-чего не покажется (вершина ели вдвинулась в осины). Наконец, увидел маленькое окошечко из листвы желтой в синее небо, и вот это маленькое в кулак окошечко то откроется, то закроется, а ветки над ним шевелятся. Я понял.

Вспомнилось то пробуждение в 17-м году, когда прекратилась уличная стрельба, и стало вдруг так, будто огромная тяжесть — ноша всей жизни спала с плеч: это что нет царя.

И вот сейчас...

Вечером ходил на глухарей. Заря вышла опять тихая совершенно и такая теплая, что ожили комары и жук прожундел. Глухари стали прилетать лишь когда стало темнеть после заката, видимо, на ночевку. По всей вероятности, они бегают внизу и кормятся молодой, еще совсем зеленой листвой однолетних осинок.

И так рассказ обрамить своими переживаниями. 1 — Этот рассказ был мне передан егерем-объездчиком лесным во время нарезки делянок: деловая часть о глухарях. Я заинтересовался им и т. д. II. Рассказ егеря. III. Как я убил глухаря. Хотел услыхать храп, его удаль

<*1 нрзб.*> десять штук. Зато вечером в сосновом бору ночевка. Подошел — он цокал над головой... Улетел... Храп не удалось услыхать.

27 Сентября. Отъезд с Жур. родины в Сергиев. До Зимняки везет Сорока. От Разумника письмо с согласием на «Очерк», 10 лист. × 250 руб. = 2500 руб., получено 1250; получить 1250 : 5 листов = 250

2 лист. Р. В. + 3 листа я = 750 руб. Каляевка – 2 лист. + Мох – 1 лист. + Гибель — 1 л. + Зоопарк 1 лист. = 5 лист. Книга Очерк 1. Теория 2 лист. + 3 лист. Пришвин (старые очерки) + Новое с фото.

<На полях:> *Письма: спешное Разумнику. Ответы.*

Завтра начинаю фотоработу. Найти негативы для книги «Очерк» и отпечатать все. Разобрать новые негативы, приготовить лучшие отпечатки для Фото-книги. До зимы набрать денег, и книг, и запасов, одежды.

В 6 ч. выехали в 3 ч. д. проехали в Сергиев. Солнечный день, а тетерева совершенно не токовали. И верно оказалось: после полудня шел маленький дождик.

Кутерьма у Б<острем?>. Ужасы и проч.

Два лица жизни: что видит Тагор и что мы: на протяжении 25 верст автомобиль (кооператив.) терял соль и белую полосу на шоссе лизали коровы. Наводнение прорвало все мельницы, потому что служащим до них дела нет (не хозяева) и т. д. И это правда.

«Упустили».

28 Сент<ября>. Невидимо, где-то вне поля зрения прошел сияющий роскошный день. Б. переносил вещи к себе, я раскладывал свое. Иногда обменивались мнениями. Его поразило мое «приятие машины». Было это так: когда вспыхнуло после двухмес. керосинной деревенской полутьмы (керосин выдавали с водой) электричество, я сказал: «Ну, чем же это не солнце?» А потом рассказал о сложном орудии, сети паука. Если мы восхищаемся сетью

паука, то почему же не хотим смотреть на машину. А какая милая машина моя камера! Значит, не в машине дело, а в наших человеческих отношениях, и если бы возможно стать по ту сторону текущих человеческих споров, то машина могла бы показаться прекрасной. Владельцу фабрики машин, инженеру производство может быть необычайно-увлекательным прекрасным делом. И, если рабочий является хозяином, то, конечно, и рабочему машина должна быть так же увлекательна, как капиталисту.

Критика чувств «девственной» природы. Как можно наслаждаться чувством девственной природы, если знать, что завтра непременно лишат ее девственности и все будет потом на этом месте, как в Бельгии или Париже. И проч.

Это правда, теперь надо, чтобы не окаменеть, оградить себя скептицизмом направо и налево, — это, чтобы самому примкнуть к свободной текучести жизни.

29 и 30 Сентября. Эти серые дни прошли под диктатурой свеклы. Достаточно было двух сотен корней свеклы, чтобы Е. П. вообразила себя хозяйкой и, убирая свеклу, не только перестала вовсе кормить меня, но даже презирать, грубить. С приезда хожу в грязном белье, жалкий, забытый, не смея даже и попросить. Кончилось все скандалом. Итак проживи не 25, а сто лет, все равно у крестьянина так и останется, что свекла больше человека (мне думается, я в один день заработаю все, что дала нам свекла за лето). Итак, пусть человек будет А, а картошка, хлеб, свекла и т. п. — Б., то формула крестьянского миросозерцания будет Б > А, и это все.

<На полях:> *Начало рассказа «Наш зять».*

«Наш зять» — пожалуй, можно и написать.

1 Октября. Ночной дождь. Сырое, грязное утро, падали белые мухи. В амбулатории у Диомидова (очки). Необходимость срочной разработки архива. Последние тетради, выборка и перепечатание, остальное только выборка,

вся работа вместе с тем, может быть, приведет к знакомству с материалом. Собирать материал для книги «Охота с камерой» и «Очерк».

В Москве: 1) Федерация 2) Очки 3) Зубы 4) Фото 5) Бумага, 6) Сухаревка (трам. № 8).

<На полях:> *Начало рассказа «Наш зять».*

Добудь самого себя!

14 Октября. Итак, обыватель вовсе потерял гражданское чувство, даже в смысле ожидания перемены. Ничего не ждет и весь в «довлеет дневи» в смысле, напр.. заготовки сена для коровы (сено 4,50 пуд.). <*Зачеркнуто:* надо в себе так устроиться, чтобы не по-обывательски устраниться от общества, а так сосредоточиться в творчестве, чтобы зло не мешало. Бессознательно до сих пор я шел правильным путем: я так обходил зло, находил благодаря этому обходу новый путь, откуда самое зло... Таким образом, зло является побудительным в творчестве...>

Что такое творчество? Борьба со злом в первую очередь, но именно не борьба, как отрицание, а борьба, как переключение направления действующей силы зла, вследствие чего зло и превращается в добро.

15 Октября. Уехал Б<острем>. Фега Ф. объявилась. Взялся за «Очерк».

16 Октября. Видел множество щеглов. День простоял без дождя. После обеда солнце. Вечером запахло морозом. Написал предисловие к «Очерку» и отправил Новосельскому. Баня. Фотоматериал для очерка «Соболь».

Никогда не надо без необходимости деловой, в особенности ради одной только личной заинтересованности искать знакомства с людьми.

Б. летит, как ракета.

18 <Октября>. Вчера в Н<овом> м<ире> был объявлен рекламный список напечатанных в прошлом году

авторов и вот что меня забыли упомянуть, или нарочно пропустили — этот величайший пустяк! — меня расстроило. На ночь я прочитал потрясающий, ужасный рассказ Новик.-Прибоя «Цусима» и всю ночь в кошмарном сне преследовал меня убийца, и я всю ночь держал наготове в кармане револьвер, все время опасаясь, что он сам выстрелит в кармане.

И это расстройство, и сон есть индивидуальное проявление господствующей ныне среди интеллигенции мании преследования. У меня доходит до того, что боюсь развертывать новый журнал, все кажется, что меня чем-то заденут и расстроят. (Острой формы при общем заболевании бояться <*1 нрзб.*>)

Спасение, конечно, одно, надо решительно отдаться работе, для чего надо создать хорошие условия. Сегодня еду в Москву, а завтра вернусь к этой теме.

19 Октября. День, как бывает поздней осенью, медленно просыпался и, когда открылись глаза, — Господи! какое счастье дает теплый солнечный день поздней осенью!

Приезжал Тимоф. Алексд. Ненюков. Сын его, парикмахер Иван Тимофеевич.

Болела голова. Готовил для Нивы «Мох».

Повторяю заповеди:

— Для победы над мелочью надо, во-первых, спешить к творчеству, если при этом удастся обрадоваться, то мелочь растворяется в улыбке. Если не успеешь обрадоваться, и мелочь разольет свой яд по душе, то надо удрать скорей и, напротив, если мелочь действует издали — то надо приблизиться к ее факту и рассмотреть его при луче света.

Итак, мелочи бывают двух категорий, одни близкие, другие далекие, первые являются злостью, вторые страхом. Злость от близости, страх от дальности. Надо иметь двойные очки, bifocal, чтобы уничтожать неясность предметов при слишком большой к ним близости (явление злости) и неясность, порождающую страх от дальности предмета.

Bifocal.

Мне сделали двойные очки, bifocal, нижние части стекол, для чтения, это стекло уничтожает неясность от слишком большого приближения к предмету; верхняя часть стекла отшлифована, чтобы можно было глядеть вдаль. От чрезмерной близости к предмету обыкновенно у людей является злость и вместе с тем желание поразить врага, хотя бы просто ворчанием; от дальности, напротив, предмет возбуждает страх, является мания преследования, хочется бежать, спасаться. Bifocal поэтому удаляет предметы слишком близкие, возбуждающие злобность и в то же время приближает все пугающее издалека.

Меня спросят, вы с нами или нет? Я отвечу: «Если вы будете себя вести, как порядочные люди, то я с вами, нет — я не с вами. — А принципиально? — Принципиально, почему же нет, принципиально я с вами, только что в этом?»

Весь «Капитал» Маркса построен на возмущении засилием машины и происходящим через это фетишизмом денег. У нас теперь правящим лицам и представляется, будто власть машины окончилась, что мы сами строим свое будущее, что это наш добровольный отказ от жизненных благ сегодняшнего дня порождает нам явление машин из заграницы. В этой свободе от хозяйственного загада обаяние большевизма. И все «комчванство» происходит от этой благодати, нисходящей на прозелитов. С другой стороны, все представляется, как неслыханная в мире диктатура машины. И вот почему, когда заграница не дала машин и отказалась от нашего сахара, и этот сахар явился на рынок, то обыватель брызнул радостью...

Между тем, все правильно: и машины должны быть, и темпы, все решительно! только одно надо поправить, чтобы всей огромной массе народа разъяснить необходимость машины для чувства свободы, дать ему понять, что лично он не беднеет, а обогащается, утверждая господство над машиной... и вот.

Я купил детский журнал «Ёж», где помещены «Одуванчики» и в ужас пришел от пошлости политической злобы,

которую проповедуют маленьким детям, от еврейского юмора Шкловского и проч. Так вот выходит мерзость, а ведь задумано отличное дело. И так решительно все прекрасно, если подходить «принципиально», и мерзко, если дано видеть факт. Вот почему на вопрос: «с нами вы и пр.» я отвечаю «если будете хорошо поступать, я с вами, а если плохо, то не посмотрю и на хорошие принципы».

Автоматизм огромного государства, требующего жестокой единой центральной власти, охотно присоединит себе на помощь пафос индустриализации (бюрократизации) страны, жестко расправляясь с проявлением той свободы, из-за которой написан «Капитал».

Не согласен с Б<остремом> в отношении «неприятия машины». Это очень легко «неприять» и есть культ<урная> традиция на помощь. Нет, вот ты прими и машину и государственность, как необходимость, а сам останься свободным настолько, чтобы и машина и государство служили тебе.

20 Октября. Очень тепло и пасмурно.

Дуня опять спасена от штрафа (как они узнают?)

Лева приехал в Алма-Аты. Рабочие со шпалами. Цыгане.

Сергиевские жители.

Цыгане. За ветром от железнодор. насыпи, в овраге, но не у самой речки семья цыган повесила на палку брезент и жила себе, как ни в чем не бывало. Мать в цветистой одежде цыганской крадущейся походкой красовалась возле чумазых детей, а цыган на далекий слух звенел молотком по железу: вероятно, переделывал украденную подкову, чтобы не узнали.

Рабочие-великаны ворочали шпалами. Их лица были прямо с обложки «Красной Нивы», и таким жалким вспоминался русский интеллигент в пенсне. Сочувствие красоты моей было на стороне рабочего, и вдруг представало мне, какое великое у нас дело, ведь действительно вот новый человек идет и действительно какая-то гадливость является, когда представляешь себе рядом с ними тела

попов, купцов, адвокатов и тощих интеллигентов. Удары молота, звон шпал, потом каша и хлеб, водка, сон...

Б<острем> явился как дух и намекал нам о близости царства Духа...

Кн. Трубецкой идет с виолончелью, где-то играл вечером, выпил и заночевал.

Француз Пендрие.

Тов. Дунин, директ. музея.

Спившийся судья

Камушек

Флоренский. Колхозник «Смены», Каляевцы. И т. д.... вот бы всех в роман!

<На полях:> *Цыгане – типы людей.*

Очерк

2-я часть. Набрать отрывков из Пришвина на три листа и распределить их последовательно, чтобы показать, каким образом из очерка или корреспонденции вышел роман.

Р<азумник> В<асильевич>!

Меня долго занимало и теперь не оставляет мысль об управлении талантом и даже применении художественного дарования к исследованию, скажем, качественному, которое по крайней мере столь же важно, как и научно-количественное исследование. Я Вам укажу, во-первых, на мою работу «Башмаки», выполненную мною по поручению оргбюро ЦПО при Госплане. Но это, если и пример, то слишком упрощенный. Вероятно же и в других моих работах, имеющих чисто художественное значение, есть значительная доля, как говорят теперь, «целевой установки». А может быть, даже и самая форма очерка предполагает в авторе такую установку, недаром же к очеркам присоединяется обыкновенно прилагательное от науки: этнографический, бытовой, астрономический и т. д. Впрочем, цели бывают разные, коротенькие цели жизненной практики, или те большие цели, которые рождаются, если даже не из миросозерцания, то, по крайней мере, из мироощущения. И, конечно же, всякое миропонимание в личности есть процесс, в котором чередуется внимание и действие.

Значит, Вам следует разыскать в моем написанном эти элементы внимания и действия. Ну, конечно, между прочим, Вы найде-

те и элементы просто счастья. Допустим, напр., что я разгуливал по улице и нашел золотую монету, или же я вышел на улицу с целью найти золотую монету, и нашел. Можно ли художнику просуществовать без «счастья» с одной целевой установкой. Едва ли... Возвращаюсь к управлению талантом: ведь сам талант предполагает уже счастье, природное богатство, к которому присоединяется более или менее разумное управление. Но можно в этом стремлении к разумности до того переборщить, что выйдешь за пределы таланта, и вещь выйдет от головы. Автору, в особенности, как я, имевшему соприкосновение с научным методом, чрезвычайно трудно смириться до тождества себя с талантом (природой) и потом выждать возможность выхода себя из природы без разрыва с ней связи. Когда я подумаю, сколько мною истрачено сил на обуздание себя в этом отношении, то все написанное мною кажется до смешного ничтожным. Однако тут начинается самый опасный путь унижения паче гордости, приведшего Толстого к отрицанию значения даже своего, Толстовского дарования. Нет! пусть ничтожны результаты усилий, пусть все останется так. Когда-нибудь все разберутся и учтут, потому что в написанном слове все видно...

Сейчас мне приходит мысль, что вот именно опасение не выйти за пределы своего дарования, заставило меня быть на страже у хранилища всех дарований — природы и делать ее главным образом предметом моего изображения; с другой стороны, тягостность такой вахты (ведь даже чисто с внешней стороны, с образа жизни) поселяет мечту о целевой установке, о выходе из этого состояния только внимания, только ожидания — в действие. С этой стороны возьмите любую форму — поэму, роман и т. п., все эти формы, во-первых, представляют неоправданно-рационально: страшно и брезгливо как-то становится вливать в чужие, может быть, дырявые, или вонючие меха вино своей жизни. Не могу и не могу! Вот почему я пишу лучше заметку, корреспонденцию, очерк и пишу их непременно от «я», потому что при переходе на 3-е лицо теряется искренность и убедительность.

Если представить себе, что автор множества вещей и много-много лет все пишет от «я» очерки, то мало-помалу это «я» превратится в «мы» и форма очерка станет романом. Вы можете, конечно, привести в пример целевой установки мою командировку от Госплана в башмачное царство, которую осуществил я, как признают, с блестящим успехом. Но этой ссылкой на «Башмаки» имейте в виду, Вы можете принести вред молодежи: она вообразит, что можно исследовать чужую жизнь без самоисследования... Нет, Вы лучше покажите в примерах как «я» моих очерков перешло в «я — мы» моего романа «Кащеева цепь».

Рекомендую Вам для напечатания в книге «Очерк» особенно те главы, где юноша Алпатов вдруг становится марксистом и начинает за Маркса почти что кровь свою проливать. Между прочим, эта глава была очень сочувственно отмечена в комсомольской печати, что меня обрадовало, почти так же, как большой успех моих охотничьих рассказов. И правда, если доставляет радость, что юношу-марксиста Алпатова узнал в себе через 25 лет комсомолец, то какое же счастье написать такой рассказ, чтобы в нем созвучно дрожали общие струны души следопыта-охотника и человека, искушенного довольно близким соприкосновением с мировой культурой. В этих охотничьих рассказах я достигал <*зачеркнуто:* перевоплощения> общего в своем собственном «я» такого предела, что какие-то незнакомые мне самарские охотники выслали без просьбы моей деньги на помощь, хотя я не нуждался. И можно по этому одному думать, как они были просты, и в какие пределы ушло мое «я».

Вот в этом управлении талантом, в смысле сознательного очищения своего «я» от мусора индивидуального и нахождения его в «мы», по-моему, и заключается весь интерес писательства. Трудно это ужасно! А мне кажется, очень легко писать книжки, которые они принимают, прежде всего, как отдых, развлечение, а не труд совместного с автором продолжения творчества. С тем же пониманием включилось в литературу и множество начинающих авторов. Вот не надо им потакать, предлагая в очерке им наипростейший рецепт мастерства. Надо, напротив, представлять им очерк, как самую непретенциозную и гибкую форму для начала творчества и упражнения в управлении своим талантом.

23 Октября. Очень тепло и серо. Обычный грипп. Склеиваю «Очерк». Дунины новости: все учебные мастерские Вифании уводят, на место их птичье хозяйство, тоже и с Каляевкой. Приехал инженер рыбу разводить. Строится Зеленый город. И довольно, можно себе представить, что если на наш небольшой район столько строится, как же грандиозно все «в общем и целом». Между прочим, надо везде побывать, чтобы проверить фактически зыбучесть строительства. Именно тут зыбучесть и там отчаяние. Опять начали выгонять из школ детей лишенцев (торговцев).

25 Октября. Материал к рассказу «Человек».

Несколько часов среди дня было и солнце даже, а тепло так, что в ватной куртке жарко было ходить. Очень од-

нообразно и скучно в лесу, приниженная в желтом иногда совсем зеленая трава, иногда наверху березки два-три оставшихся золотых листочка. Мы в 7 у. вышли из Бужаниново, через Торбеево, к 5 вечера вернулись домой и ничего не видели, ни птиц, ни зайцев. Ходили Яловецкий, Преображенский (партиец) и один рабочий. Удалось наедине перекинуться несколькими фразами с молодым рабочим. У него туберкулез. Ездил в Крым. «Вот разве прежде можно бы мне было поехать в Крым?» (Ефр. Павл. на это ему бы ответила, что раньше бы ему и ездить было незачем, не заболел бы, жиров было много). Но он не партийный, нет! ведь социализма же никакого нет и это невозможно: «вот ружье, разве я его отдам кому-нибудь?» И все вокруг не социалисты, маленькие дети больше чтут ни отца, ни мать, им хочется самим жить, а это разве социализм? Тем не менее, он все на что-то надеется, ведь такое строительство идет, и столько рабочему делают хорошего. Так и все рабочие, конечно, есть недовольные, и довольно их, но когда чего-нибудь выдадут им сверх ожиданья, тоже смолкают.

Преображенский типичный партиец, речи очень хорошо говорит, привык властвовать тоже и все повадки его генеральские, так и прет из него «актуальность» и тоже, как у сановников, склонность к матерному слову, но не рабская, а естественная и беспрерывная. На отдыхе я рассказал о «железном воротнике» — что вот из-за этого не стал вникать в жизнь колхоза.

— И что вникать, — сказал я, — машина и производство сами по себе ничего не говорят, а человек в колхозе такой же, как в деревне, нового с ним ничего не произошло.

— И ничего не могло произойти, — ответил Преображенский, — потому что человек, йоб его мать, это глина.

— Вот-вот глина! — сказал я насмешливо.

— А вы не знали? конечно, йоб его мать, глина и больше ничего. Вот как его уй-ли, ну, как это называется, где жгут-то?

— Крематорий.

— Вот, вот, сожгут человека этого, йоб его мать, в крематории и что же...

Он взял щепотку земли.

— Ну, хуй ли в этом?

<На полях:> *Будь заяц, мы бы бегали и ничего о себе не знали, а тут все и раскрылось.*

Трудно было разгадать, что он этот нигилизм подносил с отчаяния, как скептик наших дней, с тайной верой в иные человеческие отношения, или же это его повседневное убеждение и он сам из этой глины человека лепит свое. Последнее верно, а первое это мое.

Да, в то время, когда кончилась в природе жизнь и как бы лежит вся на виду в открытой могиле, в томительном ожидании всепокрывающего белого снега, даже теплынь, даже солнце ничего не оживляют.

Думаю о Ницше. Вот человек, взявший на себя бремя двух тысячелетий: такую задачу взял на себя этот человек, чтобы все постепенно пережитое человечеством, накопить в себе лично, как одно чувство.

«Немцы» для него значит идеализм или обман.

Психологически я примыкаю к Ницше в двух точках:

1) Помню в юности, как я устанавливал ценность только личного («немцы» — это даром через традицию).

2) «Помоги, Господи, ничего не забыть и ничего не простить»: эта молитва относится к тому, что люди устанавливают свой оптимизм, «немецкий идеализм» на забвении отцов, трагедии и т. п.

<На полях:> *3) Ненавижу своих прозелитов.*

Розанов, вникнув в меня, сказал: «Это от Ницше». Конечно, я не знал Ницше, но я был Ницше до Ницше, как были христиане до Христа. Сам же Розанов есть Ницше до Ницше. (Это значит, бросив все, начать это же лично, все взять на проверку с предпосылкой «да» вместо «нет», как нигилисты).

Итак, Ницше — это переоценить все на себе, оторвать человека от традиции и вернуть его к первоисточнику.

Мережковский сказал, что Ницше под конец в своем Дионисе узнал Христа.

Следовательно, и Ницше и Розанов отрицают Христа исторического, церковного.

А что же сам Христос?

У Достоевского «Великий Инквизитор» иронически защищал традицию против «самого» Христа.

Да, все сводится к тому, существует ли творческое начало (Бог) вне меня или же это из меня только.

Принимать «немцев» (традицию) можно лишь в том случае, если она передаст рядом со всякой мерзостью и «спасение наше», и если нет, то, конечно, я *<1 нрзб.>* что я – Бог и при наличии сил изуродую жизнь свою под Христа: и в конце приду к Христу.

Вот еще: в состоянии Заратустры в сверхчеловеческом и есть именно то, в чем и Ницше и Розанов обвиняют Христа: «да» за счет отрицания рода.

Удовлетворить себя (не впадая в мещанство) можно тем – (не начинать переживать в себе Христа, как Ницше), а признав Его как Спасителя (не начинать, а причаститься), продóлжить творчество мира.

Русский опыт. Новая история будет история борьбы фашизма с коммунизмом (Фашист: коммунист: – Хуй ли!).

Коммунизм погибнет не ранее чем будет совершенно разбит «идеализм» всемирного мещанства (фашизм?) и одна сторона (коммунизм) посредством отрицания Бога придет к утверждению, другая, утверждая ложного Бога, придет к его отрицанию.

Цивилизация учит закрывать глаза на трагедию человека, культура причащает. Наш коммунизм есть неприкрашенный безобманный дух человеческо-отрицающей цивилизации (машинной).

Я вижу нечеловеческое «да», которое скрывается за всеми сделанными человеком вещами. Но разные люди могут делать себе из этих вещей сегодня кумиры с тем, чтобы завтра их свергнуть. Но я нахожусь вне и создания кумира и его свержения. Я питаюсь творчеством только

цельным, в котором человеку большое участие поручено большим страданием множества и, значит, ему не только нельзя этим гордиться, но даже и отмечать в себе, как личное. Гордиться можно только тем личным, что в человеке нисколько не больше, чем у муравья и работает человек в мире, вне поручения низших его родственников в природе, как нечто отличное от всех, не больше того, что работает муравей, <*1 нрзб.*> и т. п. Что же касается того настоящего личного, что отличает человека, то смысл этого «личного» состоит в назначении распознать неличное, нечеловеческое в созданных человеком вещах.

<На полях:> *Русский фатализм.*

27 Октября. Ругались. <*Зачеркнуто:* с Павловной>. Это всегда, конечно, так унижает, что хочется как-то сразу переменить жизнь, но потом, когда одумаешься, станет совсем уж стыдно. В этот раз никуда я не хотел бежать, менять положение, мне хотелось идти по дороге так долго, пока хватит сил, и потом свернуть в лес, лечь в овраг и постепенно умереть. Мысль эта явилась мне сама собой и вовсе не сейчас после ссоры, она последнее время живет со мной, и с удивлением вычитал я на днях у Ницше, что это — «русский фатализм». Правда, это не совсем самоубийство: я не прекращаю жизнь свою, а только не поддерживаю, потому что устал. Сейчас после домашней ссоры мне казалось особенно легко это сделать, взять и пойти... Когда же стал себе представлять, что лежу в овраге, то вдруг жизнь моя последнего времени именно такой и явилась, и оказалось еще легче и лучше выходит: ведь это же и есть теперь такая жизнь, как если бы я лежал в овраге с ожиданием конца. В чем же дело? Лег и лежи. Не все дождь и холод, будут и радости, потому что, если и немножко меньше будет дождь, и то станет полегче. Вот сахар выдали по 4 кило...

28 Октября. Закончил начатый вчера рассказ «Птичий сон». Посылаю Феге. Надо позондировать «Огонек», может быть, хоть там напечатают, а то в Сибирь пошлю в

«Охотник». Вот до чего дошло! Но, конечно, литературе-то уж нечего бояться, запретить вовсе литературу, значит, запретить половой акт. Долго не протерпишь...

<На полях:> *Поэзия управления.*

30 Октября. Серые дни с дождями в природе и в обществе тоже открытая могила и тесная очередь к ней. Уныние и отчаяние. Торжество частностей («а я — ничто»). Заняться бы поэзией управления государством (вероятно, разлагается на утопизм, авантюризм и халтуру).

Перемены лиц на службе и переезды учреждений с улицы на улицу кажутся бессмысленными только с точки зрения клиентов этих учреждений. В каждом отдельном случае надо разобраться, и тогда окажется, что перемены и переезды обусловлены силой железной необходимости общего движения, а не прихотью отдельных лиц. Так вот у нас из маленького помещения своего Сберкасса перешла рядом в обширный магазин Потреб. общества, потому что денежные операции колхозов разрослись и обратно О-во потребителей перешло в маленькую кассу, потому что нечем торговать, нет товаров.

Вот тоже с Каляевкой: это дом беспризорных был под особенным покровительством государства, начальник милиции, бывало, не смел выступать круто против каляевцев. И вдруг возник гигант птицеводства, и не только Каляевку смахнули, но и Вифанию со всеми ее учебными материалами и другими учебными заведениями. И еще Глинково переселяют и еще какие-то две деревни.

А я-то! я писал о внутренней логике событий, вроде суд истории видел я в том, что на место монахов в скит сели разбойники и проститутки. И о могиле Розанова, попираемой ногами проституток, тоже я писал, подчеркивая внутреннюю последовательность в судьбе певца священных проституток. Но вот после монахов, разбойников и проституток будут птицы ходить, будь дикие, можно бы говорить о мерзости запустения, но ведь кормленые гуси, утки и куры...

Встретил Ростовцева, отличного доктора из Каляевки. Он и не думает уезжать за Каляевкой. И никто из служащих об этом не думает, все рассчитывают найти место в птичьем гиганте, даже доктора, и найдут. А Каляевка тоже может быть никуда не переедет, инвалиды получат назначение в одну сторону, разбойники в другую, проститутки в третью. Инвалиды кое-как добредут, а кто и помрет, проститутки и разбойники займутся своим привычным делом. Каляевка просто растает, исчезнет, как призрак.

Полная бессмысленность истории? Нет, надо просто оставить положение классического гуманизма и посмотреть на все со стороны сил, делающих историю... Но как долезешь туда, к этим силам-то? ведь там для писателя воздуха нет, наверно, и холод, как на луне. Поэзия луны опять-таки ведь предполагает тоже наличие земного клиента луны. И поэзия государственного строительства тоже предполагает человека общественного и среди них поэта.

Сиротой живу.

Ресурсы Гиза кончились.

Новое время.

Гуманизм — это отстой жизни, сливки, на которых, как на желатине бактерий, культивировали интеллигенцию. Это питательная среда теперь совершенно исчезла и переход в новую среду, конечно, должен сопровождаться чувством сиротства и от-чаяния. Новая среда самого сурового, беспощадного эгоизма, где поддержку, дружбу и вообще состояние как бы родства среди людей добывают не стихами и рассказами, а борьбой за грубую жизнь плечо с плечом.

(«Рыжий» дерет лошадей. Из оврага вместе с собаками лезет в тумане человек, похожий на директора департамента. Он помогает Рыжему и получает за это кое-что от лошади. Так было множество лет. И конечно Рыжий не чувствует себя сиротой на свете: директор департамента всегда его выручит из последней беды, точно так же как Рыжий его... Да, это вероятно и теперь есть, только нет

культуры этих чувств... Вот мы с Разумником так живем. И у крестьянина через эту поддержку в борьбе соседа или кого там складываются отношения...)

31 Октября. Понравился фельетон Радека, разрешающий загадку, почему Berliner Tageblatt перешел на сторону Парижа в деле демпинга. Да, по-видимому, большевизм есть болезнь самой Европы. А наша политика состоит в том, чтобы поддразнивать их и довести до того, чтобы они из-за нас разодрались.

Ехать к Радеку знакомиться или нет. Хорошо видеть человека, занятого большими планами, пропускающего как мелочь и целые народы, и даже всю человеческую личность («глина, уй-ли! глина чистая, такая-то мать!).

<На полях:> *Если бы люди не очень сильно множились, то и машин бы не так много делали. Господство машины сводится к силе размножения.*

Человек и политика.

— Человек? я полагаю, это дело самого человека. Политике до человека нет никакого дела. Мы имеем факт размножения людей и ограниченности естественных средств существования. Чтобы сохранить жизнь, мы прибегаем к технике производства, которая позволяет безгранично увеличивать средства существования и обеспечивать людям досуг для их творчества глубокого, менее зависимого от нужды в ежедневном пропитании. Самого человека мы совершенно не касаемся... Прогресс? опять-таки в отношении материальном, с чем вместе получается само собой, что люди начинают сморкаться в платки, спать на простынях и читать беллетристику. Сам же человек, в его личности с его трагедией, страхом смерти, или счастьем и вообще творчеством качества вещей не является предметом политики. К политике это имеет столь же малое отношение, как в мировом пространстве атмосферы явления земли: туман, облака и т. п. Да солнцу и нет никакой возможности считаться с туманами на Земле...

(вот из каких источников у того партийца вырвалось: «человек, греб его мать, глина, уй-ли!).

Качество вещей. Попался Дудышкин, автор предисловия к старинному изданию Лермонтова. Какая же это цепкая традиция у критиков объяснять творения личности той или другой социальной средой, в то время, как именно в том и состоит творчество, чтобы уйти и увести с собой читателей в мир иной, совершенно свободный от социальной и родовой тяготы, с их первородными и производными грехами. В этом мире творчества качество всех вещей так же свободно, как на базаре цены, и всякий прохожий может сказать: это мне нравится, это нет.

1 Ноября. Вчера Сталин в «Известиях» назвал Троцкого «трагический герой кинофильма мистер Троцкий» и сильно погрозился Бухарину («двурушнику»). Трагизм Троцкого состоит в том, что он выдумал «левый курс» и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон. Да, пожалуй, тут пахнет просто комедией, а если трагедия, то конечно, только в кино. Сталин прав, но в этом и трагедия всей революционной интеллигенции.

Характерная черта революции, что факт победы того или другого претендента на власть сейчас же устанавливает обязательность для всех и даже непогрешимость его идей. Победил и кончено, и животы наши на! вот наши животы, и головы, и все. В этом отношении очень поучительна борьба Сталина с Троцким, которую можно выразить так: «мало ли что можно выдумать, ты вот сделай-ка!»

Мы, славяне, для Европы не больше, как кролики, которым она для опыта привила свое бешенство, и наблюдает теперь болезнь и готовит фашизм, чтобы обрушиться на нас, в случае болезнь станет опасной. Впрочем, рассчитывают больше на действие самой болезни, что мы погибнем, как кролики от привитого бешенства.

Анкета. Когда входишь в мировую политику и в свете большевизма расцениваешь все эти робкие и лживые попытки разоружения, и открываются перспективы на хищнический расхват нашей страны, то без колебания становишься на сторону большевиков. Но когда оглянешься на внутреннюю сторону дела нашего, на те достижения социалистического строительства, которые свидетельствуют об изменении отношений людей между собой в лучшую сторону, то видишь громадное ухудшение в сравнении с отношением людей в буржуазных странах. Суждения о наших достижениях всегда есть танец от печки: что раз мы правы извне, то должны быть правы и внутри. Нет, если пристально вглядеться в наш социализм, то люди в нем, оказывается, спаяны чисто внешне, или посредством страха слежки, или страхом голода, в самой же внутренней сущности все представляется как распад на жаждущих жизни индивидуумов. Особенно резко это бросается в глаза, когда вглядываешься в отношение детей к отцам: мотивы презрения к родителям в огромном большинстве случаев у детей только грубо личные. Отвращение возбуждает также циничное отношение к побежденным: детей лишенцев выгоняют из школ и т. п. И вот, когда в упор смотришь на это, а сверху присылают анкету, в которой ты должен засвидетельствовать свою верность генеральной линии партии, то попадаешь в очень трудное положение. Совсем бы по-другому можно жить, если бы переехать, напр., в Италию, оттуда мелочь не видна. Даже неплохо жить в Москве, но только заниматься не искусством, несущим ответственность за частность жизни (мелочь), а, напр., наукой или большой политикой.

Все происходит, вы скажете, от интеллигентщины, включающей в себя излишнюю долю гуманности и культа личности, вы укажете еще, и справедливо, на картонный меч трагического актера, в то время как играя, радуя пустую толпу, а между тем найдется ли в толпе один и т. д. (из Лермонтова). Но я, напр., сделал все, чтобы меч мой не был картонным, вернее даже и принял положение трагического актера, но с необходимостью, т. е. что актер

такой же работник, как и вся эта толпа. Одного я не могу принять это, «если ты актер, так будь же слесарем». И я отстаиваю право, долг и необходимость каждого быть на своем месте. Вот отсюда как-то и расходятся все лучи моей «контрреволюционности»: стоя на своем месте, я все вижу изнутри, а не сверху, как если бы я был Радек или жил в Италии. И потому если мне дадут анкету с требованием подтверждения своего умереть на войне с буржуазией, я это подпишу и умру, но если в анкете будет еще требование написать поэму о наших достижениях, я откажусь, потому что поэмы делаются той сущностью личности, которая прорастает в будущее и тем самым ускользает от диктатуры данного момента. Все эти достижения чисто внешние и на мой взгляд ничего не стоят, как с точки зрения большевиков тоже ничего не стоят, напр., эсплуататорские, капиталистические достижения.

— Чего же вы хотите? — спросят меня.

Отвечаю:

— Хочу, чтобы в стране было объявлено на первом плане строительство лучших отношений между людьми и господство человека над машиной, а не наоборот, как теперь. Хочу раскрыть всем, что «Капитал» был написан Марксом именно для того, чтобы дать страшную картину фетишизма золотой куколки, господствующей над человеком, а не для того, чтобы куколку эту заменить господством государства с его кооперативами.

— Чего же вы хотите практически?

— Ничего. Складываю руки, преклоняюсь перед необходимостью и делаю все, что мне прикажут, за исключением творчества положительной качественной оценки «наших достижений».

Авантюризм, Утопия, Халтура и Грабеж.

— Вы все с мелкотой возитесь? — спросил меня N из Госторга.

Жаль, не умел я тогда ему ответить, что положение художника обязывает меня к собиранию мелочей, внимательно-родственному отношению к ним и бережному хранению, что только в переменах света и тьмы на мелких

предметах могу знать я о восходе и закате солнца; что я ничего не вижу, если прямо стою против солнца, лишаюсь способности быть художником и потому методически повертываюсь к солнцу задом; что я, имея дело постоянно только с мелочами, привык делать только то универсальное, что явилось мне самому в мелочах; что всех, кто имеет дело непосредственно с универсальным и презирает мелкоту, я подозреваю в трех грехах нашей современности, эти три греха или вернее три кита: утопизм, авантюризм и халтура; полагаю, на этих же трех китах стоит и буржуазная цивилизация, и разнится от нас только размером того или другого кита, у них самый большой кит авантюра, у нас утопия и халтура. Правда, капитал начинается авантюрой, социализм утопией. И что же, через много лет авантюра создаст цивилизацию; почему же утопия не может создать свою?

Итак, деловые американцы — это дети авантюры. (Вся Америка есть ведь европейское предприятие).

Было давно время завоевателей (феодалы), тогда Грабеж (война) была в основе жизни государства, потом Авантюра. В эпоху Грабежа были настоящие войны, потому что грабеж все определял собой. В эпоху Авантюры война всегда нежизненность и наказание, она «выходит» из закулисных посягательств на что-нибудь чужое каждого государства в отдельности. Словом, в феодальном обществе Грабеж использует Авантюру, в буржуазном же, наоборот, Авантюра пользуется лишь грабежом. В социалистическом обществе появляется новая сила — Утопия, которая находится в смертельной борьбе с Авантюрой, и часто ей уступает: часто обыватель, входя в дверь с надписью «Утопия», видит за письменным столом Утопии сидящую Авантюру рядом со своей родной сестрой Халтурой. Меняются места, но ничего в истории не исчезает совсем. Так Грабеж, переживший эпоху своего плена во время господства Авантюры, во время Утопии на первых порах получает полную личную свободу: «грабь награбленное». Трудно пока понять сущность чрезвычайно капризных отношений Утопии и Грабежа: первый медовый месяц

их сожительства «грабь награбленное» скоро кончится подчинением грабежа. Утопия говорит: «Ты грабь, но все приноси и сдавай мне». Международная роль Грабежа совершенно отвергается, и Утопия располагает им главным образом, для <*1 нрзб.*> ограбления и обуздания Авантюры.

Мелочи.

Так я отклонился от анализа «мелкоты». Откуда явилось это чувство ответственности за мелкоту, за слезу ребенка, которую нельзя переступить и после начать хорошую жизнь? Это ведь христианство, привитое нам отчасти Достоевским, отчасти церковью, но в большей степени и социалистами. Разрыв традиции делает большевизм, и вот именно, когда он захватывает государственную власть. И тогда с особенной ненавистью обрушивается он именно на «мещанство» (христианство + весь социализм с анархизмом), как опирающееся именно на «мелкоту», народ, и т. п. Троцкий удивительным образом сочетал левизну большевизма в программе с «мелкотой» своей натуры, он дошел до полного абсурда и вдруг развалился, как у По, человек, переживший на целое столетие срок своей смерти.

Трудно теперь оценить это действие большевиков, когда они брали власть, подвиг это, или преступление, но все равно: важно только, что в этом действии было наличие какой-то гениальной невменяемости. И вот именно потому-то и нельзя теперь нам в большевики, что прошло время, и раз тогда мы из-за «мелочей» не стали в ряды (мы с большевиками ведь только в мелочах разошлись), то теперь нельзя из-за утраты самости.

Нас разделяют «мелочи», перешагнуть которые мы не можем без утраты своей самости.

Счастье.

Была иллюзия счастливой жизни, если не будет царя. Тоже иллюзия теперь у тех, кто мечтает о счастье без большевиков.

Счастье на свете одно — это быть самим собой. (Ницше, напр., хочет быть сам собой и не достигает: он самый

несчастный). Ленин, вероятно, был не совсем счастлив. Вот, кажется, Сталин счастлив: он сам, со всем своим грузинством. Быть самим собой, значит, и быть победителем. Но ведь есть и сладость и счастье быть жертвой, побеждать страданием. Так или иначе, счастье в победе и своем становлении.

Бывает усталость, которая вызывает ссылку на внешние обстоятельства. Да, бывают несчастные случаи давления внешнего на личность (громом убьет), но никогда не надо персонифицировать судьбу и жаловаться на нее, т. е., опускать руки в борьбе.

2 Ноября. Утром легкий мороз и наконец-то солнечный день. В газетах о съезде *<1 нрзб.>* пролетарских писателей. Нет, кажется, ничего мне горше, как групповое вовлечение писателей в политику. Собственно говоря, «писателем» тут и не пахнет, но у нас это задевает писателя... Представляю себе возможный ответ, если бы приступили с ножом к горлу, вот он:

— Если будет война я, как гражданин, готов защищать СССР и, если придется, умру с чистою совестью: мое слово верное, как сказал, так и будет. Но если меня обяжут написать поэму о войне или даже просто о наших достижениях, то я этого сделать не властен. Напротив, чем больше будут понуждать меня, тем на дольше будет отдвигаться срок создания этой чрезвычайно желанной поэмы.

Немецкий писатель Вайскопф пошел в правый уклон, он объявил по радио, что пролетарской литературы не существует. А совесть — вот: можно ли сказать «пролетарская совесть»? — Сказать можно, только есть ли она? Совесть — это личный контроль. Это везде, не только у пролетариев. Так и литература пролетарская может отличаться от других только темами, которые являются из недр жизни рабочего класса.

3 Ноября. Все более определяется в лягушечьем царстве, что действительно упал к ним новый чурбан. После всего пережитого ни одна лягушка более не сомневается,

что это не царь, а чурбан, весь вопрос только, на что бы скакнуть, чтобы потом залезть на чурбан. В последнюю революцию нас всех вытащил, конечно, Воронский (тайным вдохновителем был, наверно, Троцкий), Луначарский был! Кто же теперь просто заступится за творчество? Или должна пронестись такая же волна, как прошлый год, волна варварств, разбившая колокол Годунова — да вот и нас, последних из могикан, также будут валить друг на друга и бить, как тяжелые колокола?

6 Ноября. В 11 в. во вторник от Левы из Ташкента: «завтра (значит, в среду) аэропланом домой». Явился вопрос о глаголе — «приеду» или «отправляюсь». По-видимому, «отправляюсь». Сегодня ждем.

Туляки.

Тульские колодец делают (10 саж. — 400 руб. + дерево, все под 1000 руб., у нас $6\,^1/_2$ саж. — руб. 600—700). Один туляк на дне в бадью накладывает глину. Остальные у ворота ходят. Рассказывали, что Лев Толстой к ним приезжал смотреть: «тоже, как вы, любопытствовал». Белый, на белой лошади. Хороший человек, народ любил. Про германский плен рассказывал: умный порядок. А вождь-то какой, Вильгельм. И то ведь сдал! — А что теперь у Николая-то борода уж отопрела?

7 Ноября. Всю ночь шел дождь и к утру, к празднику так расхлябилось, что без чувства подавленности нельзя было глядеть на улицу. В грязи и тьме видишь, все равно как закрывши глаза, ведь продолжаешь видеть внутренним глазом, так видишь в грязи и тьме нашей жизни те же самые отношения людей между собою, как и в их чистой жизни, только там, в чистой среде, каждому довольно умыться, чтобы казаться и слыть за чистого, а теперь, когда мылом ничего не сделаешь..., эта чистота, любовь, доброта, нежность, дружба и все другие добродетели являются лишь в отдельных существах; слов нет, этих отдельных не уменьшилось против прежнего, но их фона-

рик света закрыт черным, невидим и потому, в общем, все представляется грязно и мрачно.

<На полях:> *(но их свет для обыкновенных людей закрыт. Скажут, сущность не изменилась. Да, но поверхность все-таки грязная, темная. Закон творческих сил остался тот же, и будущая жизнь прекрасней, чем настоящая).*

<На полях:> *Так ведь и солнечный свет играет только по наружной стороне, а между тем в солнечный день все чувствуют себя много лучше, чем в пасмурный.*

К. вчера рассказывал, что на фабриках и заводах ходят бригады каких-то «писателей» и говорят рабочим: «Товарищи! у нас на литфронте прорыв, идите помогать писателям» и т. п.

Я вчера в лесу в кустах спугнул какого-то оборванца, у него был карандаш в руке и тетрадка, — это, конечно, «писатель». Было очень мрачно в этих ноябрьских кустах, голых совершенно и подостланных желтой травой. Оборванный поэт, молодой человек, безумными глазами окинул меня и побежал...

Потом встретился сумасшедший Алекс. Ив. Майоров, нес провизию с рынка и не удержался: из-под хлеба достал переплетенную тетрадку своих стихов, тех самых, которые отвергли все редакции. Он уже, было, совсем отчаялся и запил на некоторое время, я думал — кончилось. Нет, вот опять. Он же теперь вновь все переписал, многое исправил, переплел. «Может быть, теперь напечатают?» — робко спросил он. Неизлечимая болезнь, куда хуже алкоголя. И сколько их!

Все это порождение односторонности в жизни общества: потому все безумие, что смеяться нельзя. (У советского гражданина два страстных желания: 1) работать на свое счастье, 2) смеяться.)

Начинаешь понимать французов, почему у них «ridicul» есть самое страшное для человека: потому что хоть в самой малой степени, но каждый имеет какую-то частную мечту, которую он тщательно скрывает от других и должен непременно скрывать до тех пор, пока она внутри се-

бя до того окрепнет, что с ней можно «выступить». Необязательно ни это выступление, ни даже намерение сделать это маленькое, но истинно свое, публичным. Во всяком случае, нечаянное обнажение ужасно, невольное обнажение этого для себя самого убийственно, а для других смешно. Вот этого смешного и боятся французы. Но если в обществе запрещен смех как у нас, то вот это тайное перестает бояться чего-нибудь, наглеет и господствует: является множество тупоумных невежд, до крайности самолюбивых и, конечно, тут один шаг до мании. Вот почему графомания. Без смеха жизнь превращается в манию.

Смех — это жало мысли. Просто идейная жизнь без смеха — тупая.

«Нет (ничего) хуже людей, натертых умом и знанием», как говорила покойная г-жа Жофрень (из письма Екат. II к Гримму).

Вчера К. высказал свою мучительную мысль: «А что если окажется возможным создавать насилием, приступить с ножом к горлу, крикнуть "делайте!" и все будут делать хорошо». Создал же Петр I Петербург? И почему же простых работников можно заставить, а сложных нельзя: вот инженеров заставили же.

— Менее счастливые, но более достойные...

Проснулись вечером, я удивился странному свету на обоях комнаты и выглянул в окно: береза моя светилась в чисто золотых лучах заходящего солнца так ярко и так необыкновенно и так неожиданно, что я серьезно взялся за бороду и, потянув, убедился, — это не сон! Потом, когда село солнце, долго оставалась желтая заря, — ведь так это редко теперь и после такого ужасного дня. Потом явилась луна и осталась на всю ночь.

Я до полночи ждал Леву, прислушиваясь к извозчикам после каждого поезда, и не дождался. Итак, он летит из Ташкента три дня. Послезавтра буду разыскивать.

8 Ноября. Опыты с фотографией убедили меня в возможности продолжить литературно-худ. реализм, иллю-

стрируя свои художественные находки фотоснимками. Я убедился в том еще, что в обыкновенных фотоработах получается «фотографичность», а не художественный реализм только потому, что фотографы подчиняют себя воле машины-камеры, а не пользуются ею, как писатель пером и художник кистью. Если же понимать фотографию как техническую возможность реализации худ. восприятия, то выразительность снимков получается чрезвычайная. Вместе с тем в литер.-худож. произведении «иллюстрация», имея единое происхождение с текстом, должна дать сочинению большую простоту и выразительность.

Эту мысль я развиваю в книге, посвященной «охоте с камерой». В Америке и Англии очень развит спорт «охоты с камерой» и, конечно, чтобы книга не попадала в узкий круг спортсменов, она должна иметь более широкое название. Но тема ее именно «охота с камерой». Она будет составлена из ряда охотничьих рассказов и очерков с фотоснимками. Один из главных рассказов представляет нам 7-летнего деревенского мальчика, заблудившегося в огромном лесу, его переживание, его спасение. Как и в «Робинзоне» у Дефо здесь взят в основу тоже факт, но разработан с чрезвычайным реализмом вплоть до фотографии, до краеведения без погашения чисто худож. значения рассказа.

Другие рассказы и очерки часто посвящены обстоятельствам, из которых возник тот или иной снимок.

Последний «Переход». Моя печаль в этом году перешла в отчаяние, потому что я ведь художник, я отдал уже этому всю свою жизнь и вот это последнее, артист-писатель, сбрасывается вниз, в лишнего человека, как последний балласт, чтобы власть могла продолжать еще немного лететь. Мое отчаяние велико, потому что вместе с этим творческое начало жизни, сама личность человека падает. Я у границы того состояния духа, которое называется «русским фатализмом», мне стало чаще и чаще являться желание выйти из дому в чем есть, и пойти по дороге до тех пор, пока в состоянии будешь двигаться и, когда силы на передвижение себя вовсе иссякнут, свернуть с дороги

в ближайший овраг и лечь там. Я дошел до того, что мыслю себе простым, вовсе не страшным этот переход, совсем даже и не считаю это самоубийством. И вот замечательно, что это состояние духа, предельное на другой своей стороне, имеет вид необычайной жизнерадостности, какая-нибудь безделица, кофей из-за границы и т. п. чрезвычайно радует. А если бы я добился лицензии на Лейку с 3-мя объективами, мне кажется, я задохнулся бы от радости. Эта жизнерадостность и есть главное в «русском фатализме», которое никак не самоубийство, а сознание необходимости своего «перехода», несмотря на все прелести мира.

Меня удерживает от этого перехода привязанность к нескольким людям, которым без меня будет труднее. И потому каждый раз, когда я около решения идти в овраг, меня останавливает жалость к близким и вдруг озаряет мысль: зачем же тебе еще идти в овраг, сообрази, ведь ты уже в овраге.

10 Ноября. Утром появился Лева.

12 Ноября. Ездил с Левой в Москву.

<На полях:> *Раздумал печатать.*

Письмо в редакцию.

Среди современных романтиков, схоластиков и просто очеркистов или корреспондентов я определяюсь, как <*зачеркнуто:* последний реалист>. Меня в молчаливом согласии признавали в советское время последним реалистом, и было принято в литературе после каждого моего нового произведения сказать несколько уважительных фраз, соответствующих моему положению почетной реликвии. В последнее время, как сообщают мне друзья мои, в разных журналах (Кр. Новь, и т. п.) появились враждебные мне статьи, в которой мне инкриминируется моя принадлежность к литературной организации «Перевал». В то же самое время я получил несколько писем из провинции от учеников средней школы, в которых излагались гонения, испытанные ими от современных Передоновых за излишнюю приверженность к сочинениям «перевальца» Пришвина. Конечно, я столько поработал в литературе, что как- то обидно встречать актуальность моих сочинений за счет «Перевала», и это

вынуждает меня, наконец, как выражаются теперь, разъяснить себя, как перевальца. Не помню, в каком году приехали ко мне прекраснейшие юноши и предложили мне искать вместе с ними Галатею. Я, будучи в положении почетной реликвии, подписал анкету и через это получил положение генерала на свадьбе, хотя ни разу на свадьбе не бывал. В самом деле, я ни разу ни на одном заседании «Перевала» не был, мне романтизм перевальца столь же близок и столь же далек, как схоластика.

Каждый понимает, что такая актуальность имени идет на пользу писателю начинающему, но мне эта известность за счет «Перевала» обидна. Я спешу отстранить от себя эти дары и объясняю всем пишущим, что в «Перевал» я записался по просьбе каких-то отличных юношей, вроде романтиков, но после этой записи не получил ни разу ни одного приглашения на ту свадьбу, где я должен бы быть генералом. Один-единственный раз я видел перевальцев у напостовцев, где т. Горбов отстаивал реальность Галатеи, а напостовцы их опровергали, ссылаясь на Плеханова и даже на Чернышевского. Это был для меня вечер самых дорогих мне воспоминаний юности моей, и я ничего не говорил, потому что и Галатея, и Чернышевский, и Плеханов перенесли меня одновременно в последнее десятилетие прошлого столетия... Хотя неполучение ни одной повестки за несколько лет на собрания достаточный повод, чтобы выйти из «Перевала», но как-то неловко сделать это теперь; подумают, что я испугался травли за «Перевал». Лучше уговоримся с критиками так: пусть они разбирают мои сочинения без отношения к «Перевалу», а я, когда будет прилично, выйду из него.

В чем виновны перевальцы, не могу понять. Во всяком случае, числиться в организации, в которой никогда не бывал, и не иметь ни малейшего понятия в наше время рискованно и, пожалуй, надо бы из нее выйти.

13 Ноября. На ночь 12-го выпала пороша, сильно подтаяло днем, а ночью на 13-е опять немного прибавилось. Весь день летел снег, и ночью была настоящая зимняя метель.

14 Ноября. Валил мокрый снег и таял. Непролазная грязь.

Последний путь. Как будто всех нас стукнули, мы очнулись, но не такими, как были, и ходим теперь, все целые по-прежнему, но без охоты к делу. Так иногда старые люди, очень деятельные, сядут отдохнуть, задумаются... так жалко их бывало, так грустно. Мы теперь все-такие. Думал, это я старею, я такой — нет! и Павловна не та, и Лева не тот. Вроде как бы все мы при последнем пути и чувствуем, не видя глазами, смутную преграду, за которую, как через туман, не смеет уже по-прежнему перекинуться мечта.

Что же это такое?

Ближе всего к жизни в осажденной крепости, когда очень мало остается запасов, и все начинают ссориться между собой из-за продовольствия и думать постоянно: «поскорей бы конец». В то же время начальники, вопреки общему упадку, малодушию, ропоту, вопреки собственному домашнему неверию, на людях вслух гораздо громче, чем раньше, твердят о возможности достижений в недалеком будущем... Осажденные начинают глохнуть от громких слов и, наконец, просто перестают обращать внимание и пропускать казенные слова, не слышать. Но и та радость конца, что вот это мучительное кончится же когда-нибудь — и эта надежда пожить хоть сколько-нибудь после конца покидает нас: конец может прийти далеко после нас. Вот вероятней всего это и отнимает охоту к любимому делу, к привычной борьбе.

Да, но ведь не первые же мы и не последние, мало ли погибало людей в осажденных крепостях во время чумы, во льдах на севере... И все было по-разному, и в высшую категорию мы ставим тех погибших, кто до последнего момента давал сигналы будущим людям и забывал о себе.

Опыт. Надо изобразить день советского строительства: прошлое, настоящее, будущее в текущий момент. Остановить текущую минуту. Материал взять возле себя:

Цыгане. Вокзал.
Каляевка. Переезд кассы в Епо и т. д.
Птичий трест и т. д.
Зерно-трест. Колодец. Смена.
Рыбо-трест.
Зеленый город
Зооферма.

На не дело страстно отдаться, вникнуть во все, должен показаться сюжет всеобъединяющий.

<На полях:> *Дуня. Дружба. Гамза.*

P. S. Однако, нет дыма без огня. Есть же, значит, во мне нечто «перевальское», если юноши избрали меня своим шефом. Да, конечно. Я шесть лет писал «Кащееву цепь» в чаянии, что наша страна находится накануне возрождения, мной понимаемого, как согласное общее творчество хорошей жизни. Предчувствие меня обмануло, оказалось, что до «хорошей» жизни в свободном творчестве еще очень далеко, и, может быть, среди «перевальских» юношей я был самым юным. Ошибка эта произошла от наследственной привычки подчеркивать в своем сознании важность словесного творчества относительно общего творчества жизни. И этой ошибке, по-видимому, подвержен и «Перевал». В самом деле, раз Галатея или Прекрасная Дама, то это уже литература, а не жизнь: все эти дамы бумажные и их рыцари вооружены бумажными мечами. Если бы юноши из «На посту» отказались бы от некоторых своих приемов убеждения, я сейчас был бы ближе к их организации, чем к «Перевалу», потому что из двух дам мне ближе теперь «Необходимость» с ее реализмом, чем «Свобода» с ее иллюзией и романтикой.

15 Ноября. Утром был наст и такой, что я опасался за ноги своей Бьюшки, вечером и на всю ночь пошел дождь: зима фукнула!

Что сталось теперь с теми людьми, которые жили, придерживаясь ума своего начальника, раньше можно было так долго жить, а теперь едва ли: сегодня один начальник,

завтра другой, и говорят и делают совсем по-другому. Вероятно, эти люди стали чрезвычайно гибкими и чуткими, как звери. Ругая большевиков вообще, к каждому в отдельности они относятся очень хорошо, как самые добрые рабы.

16 Ноября. Потопы. Лева поехал в Москву. Книгу мою в Акад. не приняли. Письмо в «Лит. газету», оказалось, напечатать нельзя: «Заедят», — сказал Замошкин. Любопытно бы разобрать, из каких элементов состоит эта сила, обращенная против «своего мнения». Вот я уступаю все им, даже то, чем всю жизнь жил: «искусство слова» ставлю в одну плоскость со всем творчеством жизни, а не с каким-то особенным высшим творчеством. И то нет! давай, скажут, дело, а не <*1 нрзб.*> Остается два выхода: возвратить профбилет и взять кустарный патент на работу с фото[графией?] или же, как цеховой художник, променять свое мастерство на портреты вождей (описывать, напр. электрозавод).

17 Ноября. Мороз. Солнечное утро. Снимал тени деревьев на остатках снега. Беседовал с рабочими, делающими пруды (21 пруд для рыботреста). Заняты люди (2 50 р. день) и хорошо. А дело? Вот штабели дерна, нарезанного для укрепления берегов пруда. Обнаженные корни растений в дерне зимой замерзнут, дерн сопреет и разваливается. «— Для чего же вы делаете? — Велено и делаем. — Я желал бы поговорить с инженером об этом. — Он в Москве». Один рабочий, пытаясь быть серьезным, сказал: «Пятилетка!» Другой закрыл лицо ладонями и фыркнул.

Письмо в «Перевал» Зарудину.

<*Зачеркнуто*> Дорогой Николай Николаевич,

я выхожу из «Перевала», потому что все оппозиционные литературные организации считаю в настоящее время нецелесообразными. Кроме того, мысли, высказанные мной в «Кащеевой цепи» и других моих сочинениях, в настоящее время все слова о свободе, гуманности и т. п. должны смолкнуть и писатель должен остаться с глазу на глаз с Необходимостью.

Перевальские слова о свободе, гуманности, творчестве и т. п. должны теперь смолкнуть, а писатель иметь мужество оставить литературу и побыть с глазу на глаз в недрах жизни просто, как живой человек, «как все». Все литературные оппозиционные организации считаю теперь неуместными и выхожу из «Перевала».

<*Зачеркнуто*> В издательство «Молодая Гвардия»
[от] Михаила Михайловича Пришвина

Заявление.

В силу особенностей нашего времени писатель попадает в положение кустаря-одиночки. Есть выход из одиночества у кустарей: поступление его в артель, где он получает фиксированный заработок. Литераторы в силу разнородности талантов и др. особенностей литературного дела и в организации остаются на воле эгоцентрических побуждений. Сознавая всю ложность «адвокатского» положения в стране советов, я прошу издательство «Молодая Гвардия» принять меня на службу, как литератора, подобно тому, как служат художники, архитекторы и т. п. с определенным вознаграждением за мой труд, позволяющим мне существовать и совершенствоваться в своем деле.

Мною избрана «Молодая Гвардия» вследствие того, что я, как старый мастер, хочу посвятить себя в дальнейшем исключительно трудной литературе для детей и юношества. Вам известно, что некоторые мои сочинения («Колобок», «Башмаки» и др.) пользуются успехом у юношей и в Вашем журнале давались не раз о них блестящие отзывы. Я сотрудничаю в «Еже», в «Зорьке» и др. детских журналах. Государст. изд-во выпустило сейчас много отдельных книжек для детей, и в настоящее время печатает большой труд «Записки Охотника», который должен завлекать юношей в дело активного, радостного отношения к природе.

В настоящее время я готовлю книгу об охоте с фотокамерой, которая более чем ружье способствует пробуждению исследовательского интереса.

Одним словом, я хочу сказать, что вступаю в издательство не с пустыми руками и, если издательство фиксирует мне заработок, я готов подписать условие, которым обязуюсь все написанное печатать только в «Молодой Гвардии». Вместе с тем я, конечно, возьму на себя обязательство представить в год определенное число листов (средняя моя производительность за 25 лет) и на ближайший год дать даже проспект моей работы.

19 Ноября. Мороз –7. Вагоны нетопленые. Ездили с Левой в Москву определяться в ударники. Эффект моего заявления. Осуществляется мой замысел: забежать вперед.

20 Ноября. Мороз –7. Было солнце, и снег валил. Очень радостно в комнатах. Приезжал больной и хороший N, конечно, как все такие, в от-чаянии. «Так может быть десятки лет». Я же «утешал» его тем, что скоро должна быть война. Лева после сказал: — Я, папа, радусь твоему бодрому настроению. — Чем же бодрому? — А вот то, что ты сказал: скоро война.

N. говорил, что старшие могут отказать мне в трудовом договоре и вообще устроят все, чтобы замять прецедент (с моим личным промфинпланом). Но мне думается, что еще можно отстаивать свою позицию, которая состоит в том, чтобы личным примером в деле осуществлять то добро, которое обещают на словах. До некоторого времени этим можно будет побеждать, потому что у них (вредителей) все обстоит так, чтобы слово о добре использовать во зло. Имя этим вредителям легион и, конечно, если я круто стал бы на позицию истинного осуществления слов о коммуне, то меня бы очень скоро одолели вредители.

Скажу все иначе. Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельствами.

N. рассказывал, что на службе в течение нескольких лет он вполне доверился одному лицу и вдруг догадался, что это лицо следит за ним. Он попал в то положение, которое я описал в Курымушке (гл. Сушеная груша). То лицо теперь одной паутинкой держит сердце N. и управляет им. N. утешает себя тем, что, может быть, то лицо тем и удовлетворится и больше «ничего не будет».

Мои книги, написанные за революцию, считаю теперь другим лицом, чем я теперь, скажу больше: между литературой моей до революции и последующей меньше разницы, чем между всем, что было и должно быть теперь. Те

книги диктовала Свобода и возрождение. Теперь диктует Необходимость и война, которые обязывают собраться и быть готовым к концу, а вместе с тем быть особенно бодрым и деятельным по завету берендеев «помирать собирайся — рожь сей».

Вся та мерзость, которую обнажает теперь «человечество», является от индивидуального желания жить во что бы то ни стало: отсюда предательство, двурушничество и т. п. Следует ли отсюда, что «жить» — это дурное стремление? Совсем нет, потому что можно жить и не мерзко, т. е., не только не мешая другому, но и помогая ему. Наша жизнь теперь похожа на два встречных потока с Запада и с Востока: все закружилось, замутилось в этих потоках, потеряло общее лицо, и Восток и Запад. И только с очень большой высоты можно понять эту борьбу. Есть ли такая высота?

Избираю высоту «2000» (лет вместо метров). Наше время, откуда жизнь видна (как творчество радости в людях?).

Но творчество — это мучительный процесс: тот, кто творит, удовлетворяет себя другим, чем тот, для кого творится? Или есть творчество для всех?

Чистая радость является единственно из творчества, первое при загаде (ранняя весна: посев), и главное, при завершении (осенью, сбор плодов). Муки творчества — это опустошение по сотворении, сбор сил перед новым загадом (зима) и те колебания во время исполнения загада (летом), неуверенность, выйдет или не выйдет...

...Вопрос: все творят или отдельные творцы своими страданиями делают «радость» для ослов? (христианство).

«Общечеловеческое сознание» — это согласование своего индивидуального творчества с общим творчеством жизни. (Как это перевести бы на язык берендеев?) Каждый должен делать свое, не заслоняя собой свет от солнца другому...

Общественная сознательность:

Закон. — Каждый берендей пусть делает свое, не заслоняя свет от солнца другому.

Закон творчества: чтобы лучше видеть и делать, надо смотреть не на солнце, а на освещенные им предметы (материализм?).

Искусство — это или образцы возможного творчества жизни, или же обломки прошлого общего творчества.

Женское стремление к искусству и вообще к чему-то «лучшему» (наука?) часто есть лишь предлог к своеволию.

Есть много женщин, которые высшую жизнь видят в искусстве, рисуют, сочиняют стихи, не потому что это их природная родовая необходимость, а «лучшее» в жизни (серой и бедной): все в ущерб хозяйству, деторождению, вообще той жизни, которая свойственна женщине.

«Вопль против цивилизации, машинной жизни, засилия политики и т. п. вполне отвечает воплю женщины, которую одолела кухня, детская. Какая прелесть машина, если она моя, т. е. является органом моего собственного дела, и то же самое как счастлива может быть женщина, когда все гости едят и хвалят ее искусство, нечего говорить об удовлетворении женщины-матери! Между тем, что мы видим теперь: машина закоптила небо, стерла наш вкус, лучшая женщина стонет под бременем обязанностей к кухне и детской. Общий вопль о том, что «не успеваешь справляться», что чисто внешние обязанности задавили в человеке «самость» его, т. е. возможность распоряжаться самому собой, быть хозяином своего дела, хозяином прекрасной машины и... что тоже: руководительницей своих детей. Вот откуда феминизм и социализм, — это круговая порука диктатуры обезличенных индивидуумов.

На все это отвечает N:

— Эта романтика «самости» есть лишь реликт эпохи рабства, когда женщина справлялась с хозяйством при помощи рабов. Точно так же господство ремесленника над своим инструментом — это ведь прошлое, это вздох усталого человека, пока не могущего справиться с нависшей на него машиной. Техника является на помощь размножению (производство средств существования) и отсюда ломка господства женщины в кухне и детской. Правда, са-

моутверждение человека происходит как бы в воздухе, он как приподнятое вверх, лишенное опоры насекомое болтает в воздухе многоножками, что ни подставь — зацепит, и это является как диктатура.

Все это (что идет против машины и т. п.) идет от художников, которые хотят все видеть непременно своими глазами. Это «своими» совершенно тождественно с женщинами «свой» ребеночек, с выражением в этом «свой» какой-то извечной правды с извечной войной «за свое».

Вот, если удастся устроиться, то надо своими глазами посмотреть на современный спор большевиков с капиталом и установить, из-за чего все происходит. Своими глазами, это значит не от книги начинать, а интуитивно, от процесса самого труда. (Своими глазами надо и на Необходимость <*1 нрзб.*> поглядеть).

<*Зачеркнуто*> Быть самим собой — это значит найти согласованность своих природных склонностей (биологии) с общественной деятельностью. Быть самим собой значит находить удовлетворение своим природным склонностям и в этом есть все так называемое счастье.

23 Ноября. Вчера вечером мороз дошел до –17, и вообще стало, как будто мы сразу вошли в сердце зимы.

Читаю с изумлением Либермана «Романы жизни», в которой раскрывается нигилизм коммунистов (как у меня рассказ «Глина») с большой силой. Интересно очень, как девица (Галина), в сущности, по своему невежеству, не имеющая ни малейшего понятия об учении Ленина, когда умер он, поверила в него, как веровала в богов и святых. (Токарь Розанов отдался Ленину, думая, что он изобрел радио).

Полузнание — сила. Нынешний фанатизм, похожий на какую-то мрачную религию, имеет следующие предпосылки: нужно, чтобы национально-бытовые и семейные узы совершенно распались и на пустое место, как догмат веры, вошло «знание». В таком состоянии профессор химии может быть принят, как пророк, тем более профес-

сор полит. экономии, тем более Маркс или Ленин. Подготовка Чернышевских — Плехановых. Начинается этот психический поток стремительной реализацией своего «я», которое все расходится в действии, будь это военные подвиги, или ораторство, или какой-либо иной способ самораспубликования (у женщины процесс сопровождается абортами). В заключение человек внутри делается совсем пустым, хотя вовне он продолжает еще некоторое время действовать. Кончается же такими поступками, которые приводят в недоумение: «как могли такие вредные элементы быть в ВКП». Все можно понять по тем чудо-мальчикам, которые совершали в 12 лет военные подвиги, получали Георгия и тем кончались. Поступок, мотивированный «знанием» (хочу все знать), для понимающего истинное знание представляется явлением deus ex machina, вернее, deus ex Nihil, потому что полузнание есть ничто, и тем не менее «deus» является и все себе подчиняет. Замечательный стиль девушки (Галина Мравина), описывающей свои роды: «понатужилась я и боль достигла своей кульминационной точки». «В общем и целом» революция бросает человека даром (демпинг) — человек дает короткую вспышку и пропадает. Жизнь в ее органическом строительстве заполняется двуликими существами, будь это прожигатели жизни и вредители под маской прошлого героизма или же рядовые трусы, исповедующие генеральность линии партии.

Сознают ли вполне такие люди, как Бухарин, что, отрекаясь публично от себя самих, они в то же самое время и лично кончаются. Один покончил с собой на петле, другой пустил в себя пулю, третий отказался от самого себя публичным заявлением в газете, сохраняя в себе тщетную надежду когда-нибудь при удобном случае вернуть человеческую душу в сохраняемый футляр от исчезнувшего себя самого.

Вот Воронский наверно тоже надеется, а ведь нам-то со стороны ясно видно, что кончился...

Завтра 24-го едем с Левой в Москву в 7 у. В 9 сдать Тессар в ремонт. В 10 у. Гвардия. Заявление. Петизойка. Поиски жилища.

В Издательство «Молодая Гвардия»

Книга (Охота с фотокамерой), которую обязался я дать издательству, предполагает множество фотоснимков, сделанных непременно автором, потому что снимок является не просто иллюстрацией, а органической составной частью целого, в чем именно и заключается своеобразие книги. Эта «охота» с камерой будет производиться не только в лесах, а и на фабриках и заводах, где требуется камера очень светосильная и совершенная с телеобъективом и угольником. Такой камерой является Лейка с тремя переменными объективами последнего выпуска. В охотничьем отделе газеты Die Grusne Ros, где я являлся сотрудником, хорошо знакомы с моими работами, и редакция дала мне такой аппарат, для получения которого не требуется валюта, а только разрешение («безвалютная лицензия»). Ввиду крайней необходимости иметь такой аппарат, с помощью которого я надеюсь сделать замечательную работу, прошу «Молодую Гвардию» ходатайствовать о предоставлении названной мной безвалютной лицензии, а также, если возможно, об уменьшении, или даже отмене пошлины.

24 Ноября. Часто лень указывает правильный путь. Я сегодня остался по лени, а вышло хорошо: пусть Лева выяснит дело с Гвардией, а потом я уже и начну. Кроме того, предстоит поездка в Питер, к ней надо готовить «Очерк».

Кончил «Глину». Мужчина дышит свободой, женщина остается с не-обходимостью (Алименты — налог на свободу в пользу необходимости). Возможно, лучший союз М. и Ж.: жена относится к мужу, как к ребенку, даже если ее муж есть великий государственный муж, а он относится к жене, как к матери в высоком значении слова, т. е., к чему-то высшему, несмотря на то, что она может быть способна только мыть полы, стирать белье и готовить пищу.

<На полях:> *Фото: живые вещи.*
У нас сегодня иней.

Свобода возможна лишь творческая, т. е. такая свобода, которая является не грабежом необходимости, а даром. Грабеж судьбы.

Революция — это грабеж личной судьбы человека.

Теперь надо освоиться с возможностью во всякое время явления войны и голода и жить, как у кратера вулкана.

Выражение: «в силу необходимости».

Солнце и колокола: так, может быть, когда-нибудь сбросят и самое бесспорное — Солнце и поставят на его место свое светило (человек тогда, как личность, спрячется, а человек-повелитель сольется с космической силой: это будет высшее издевательство над Прометеевым разумом). Правда, и сейчас мы чувствуем эту силу власти отдельно от себя, и в катастрофе мы лично бессильны, как кратер вулкана извергается. И все идет, как ему надо идти. Происхождение мира: люди были цельные, один восстал на Судьбу и действительно переменил ее направление у себя и у всех, кто ему помогал. Явился человек-воля и Солнце переменил, поставил все новое и так, отвлекаясь все больше и больше, слился с разумом и стал для оставшихся обезволенных людей невидимым и непостижимым. Мало-помалу явился Прометей, Христос.

<На полях:> *следопыт. Новый след.*

Наркомторг СССР, Варварка 38.
Члену коллегии Наркомторга
Ивану Васильевичу Боеву.

Ввиду того, что в настоящее время в общем порядке нельзя получить разрешение на ввоз фотокамеры из Германии, я обращаю Ваше внимание на особенное обстоятельство моей литературной работы в настоящее время и прошу сделать мне исключение в деле получения безвалютной лицензии на получение камеры.

В течение прошлого года во всех крупных журналах появились мои литер. работы, в которых мои фото играли не роль иллюстраций, а были составной частью текста (Октябрь, Новый мир и др.) В настоящее время я заключил договор с «Молодой Гвардией» на большую книгу «Охота с камерой», в которой фотография играет главную роль, и я надеюсь сделать книгу исключительно интересной. На мои фото-работы обратили внимание заграницей, и редакция Die. Grune Ros, в охотничьем отделе которой я сотрудничаю, готова предоставить мне самый совершенный аппарат Лейка с тремя переменными объективами.

В таком аппарате я тем более нуждаюсь, что мой аппарат от усиленной работы пришел в совершенную негодность.

Сочетание большого словесного мастерства с таким же фотографическим в одном лице представляет редчайшее явление и нет никакого сомнения, что работа, которую выполню я при помощи нового аппарата, во множество раз искупит тот вред, нарушающий общий порядок запрещения ввоза камеры. К этому прибавлю, что для ввоза названной камеры не требуется валюты, и я просил бы лишь какой-нибудь льготы, если это возможно, относительно оплаты пошлины.

В подтверждение всего изложенного дополнительно к этому прошению мною могут быть представлены — мои заключенные договора, ходатайство от следующих литературных органов, которым я обязан своей работой: «Известия ЦК СССР», «Новый мир», «Красная Новь» — имею договор на 10 печ. листов с фотографиями.

Федерация сов. писателей — договор на книгу в 16 печ. лист. и книгу «Очерк с фотоиллюстрациями».

«Молодая Гвардия» — с которой заключил трудовой договор на всю мою литературную деятельность для юношества в ударном порядке до конца пятилетки.

От всех этих издательств, если потребуется, могут быть представлены ходатайства и копии заключенных с ними мной договоров.

Я не делаю это немедленно, потому что достаточно известно мое имя и напечатанные многие фото-работы, и потому может быть доказательства эти окажутся излишними.

Вашу резолюцию прошу оставить в секретариате, куда я обращусь за справкой и вместе с тем, если понадобится, предоставлю выше названное ходатайство и копии договоров.

Записки фенолога.

Дорогая Фега Евсеевна!

Очень Вы меня обрадовали открытием Лейки в недрах Берлина. Посылаю Вам список того, что мне надо необходимо. Я поставил «?» о футляре, потому что за кожу берется большая пошлина. Сегодня же и отправил в Наркомторг ходатайство о разрешении мне лицензии: 50% за то, что разрешат, 25% за то, что Вы разрешите, и 25% — что сын привезет, след. все 100% за то, что у меня будет Лейка с 3-мя объективами и следовательно, что я скоро буду совершенно счастлив. Итак, я буду Вашим должником на некоторое время. Надеюсь, скоро рассчитаюсь. В очерке «Соболь» я имею в виду не так охоту, как особенности

его жизни, наблюдаемые мной на зооферме. Соболь представляет собой монополию СССР, и прежде чем послать Вам работу, я должен справиться в Москве, не является ли рацион и пр. секретами. Что касается записок фенолога, то, по-моему, для Берлина делать невозможно, слишком большая разница в климате. Вот как странно мне, что явился вопрос о моем рассказе «Птичий сон». Вы согласитесь, что мои рассказы (ведь я в год их пишу два) смешно ставить в зависимость от погоды. Знаете, мне приходит в голову, что мы с Вами закормили д-ра Филиппа. Меня очень интересует Ваш перевод рассказа «Смертный пробег», потому что этот рассказ чрезвычайно труден для перевода: фонетика в нем играет большую роль. Пришлите его, если я раз десять прочту вслух, то начинаю воспринимать по-немецки, как и по-русски. Так я, где-то читая перевод Элиасберга «Черный араб», убедился, что переведено очень хорошо.

25 Ноября. Всякий закон человеческого общества родился от законодателя, этот человек умирает, а закон, созданный им, продолжает жить и действовать сам собой. Немудрящие люди — и сколько их! — подчиняются этому закону, в большинстве случаев не допускается даже догадки, что закон этот — он же дан через своего законодателя: ведь он так давно умер и так давно живет закон самостоятельной жизнью. Так почему же не предположить, что давным-давно среди хаоса (без законов), в котором была когда-то вселенная, были тоже существа-законодатели, великие предшественники нынешнего человека, и это они установили закон движения светил, и последующая затем жизнь на земле и других планетах как вывод из этого закона.

А теперь есть сколько хотите людей, не знающих законов, неспособных к ним, даже и грамотных, и мудрых и даровитых.

Эти наши великие предки были тоже, как и мы, не бессмертны, но смерть их была непохожа на нашу, потому что эти существа непременно умирали в законе: создав какой-нибудь свой закон, они умирали (закон творчества), а закон продолжал двигать планету или звезду.

В то время, наверно, постоянно бывали перемены и катастрофы (потому что, конечно же, эти существа жили и умирали) и невозможные для нас пока перемены, как,

напр., управление Солнцем, и даже смена его другим была для них сравнительно легким делом.

Вот именно так надо понимать, что эти существа были чрезвычайно сложны и свободны, и о свободе их мы, [по] оставленным ими законам природы, даже не можем догадываться: ведь создание закона было их последней конвульсией, создавая закон, лично они умирали. Их общая смерть, по-видимому, была в создании того последнего Солнца, которое после великих множеств столетий, египтяне принимали за Бога, и мы до сих пор подчиняемся ему, как царю всего живущего.

Между тем, это последнее Солнце было делом рук нашего предка. Какое-то было великое помрачение перед последней катастрофой, и люди разделились, как у нас теперь, на два человеческих мира. Одни стояли за перемену солнца, другие требовали прекращения законодательств и смерти, или бессмертной жизни в родстве через качество. Это была губительная война и такая напряженная, что в борьбе от борцов за перемену солнца и единого закона остались только воля к перемене, а от белых — да, ведь, конечно же, это было очень похоже на нынешнюю борьбу красных и белых — бессильное воспоминание о прежней свободе великого, цельного человека.

Те прежние красные победили, солнце было свергнуто и установлено новое. И только все силы революционеров были исчерпаны и они все умерли в последнем ими созданном законе Солнца. Много тысяч лет светит это солнце само по себе, пока элементы прежнего человека, вошедшего в систему его, не дали на земле ростки новых существ одной природы, конечно, с прежними красными и белыми. И так было очень долго, и опять вырос человеческий мир на земле, и опять человек стал перед выбором: стать смертным в законе или невозможным желанием вечно жить в создании родственных качеств под вечным солнцем.

Напряженные законодатели последних столетий почти совсем уничтожили интерес к качеству мира, и вероятно скоро доберутся до солнца, и будет создано новое

солнце и в нем какой-то новый закон. И, конечно, опять вырастут новые творцы качества, и новые тома поэм прибавятся в библиотеках, и новые картины в музеях. И тоже законодатели непременно будут искать случая прибавить еще один <*1 нрзб.*> разумных законов в общем строительстве мира.

...Я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божьих, а не в руках человеческих (Ап. Григорьев).

26 Ноября. В пятницу 28-го вместе с Левой в Москву — купить билет и <*1 нрзб.*>. Иван Тимоф. Ненюков. Справка (завтра) в кассе и телеграфный запрос Разумнику.

Читал роман Ап. Григорьева с «Устюжской барышней». Сделать ее матерью, может быть, он сам не захотел, а сделаться ей его матерью, нянькой, секретарем и почитательницей она не могла и не хотела.

Откуда у Левы взялось стремление вечно из себя кого-то разыгрывать, представляться? Возможно, это есть наивное начало литературной карьеры, потому что ведь раз взялся за перо, то надо, в конце концов, показываться.

Прав Ап. Григорьев: странствие тем именно и хорошо, что чувствуешь себя в руках Божьих, а не человеческих. Но можно того же достигнуть, сидя на месте и вникая в перемену погоды и дожидаясь, когда случится вот как сегодня: занесло везде, затрусило, забило снегом все следы человеческие. А весной тоже, когда все смоет вода и встаёт зеленая жизнь. Вот как обрадуешься, что часто и человек становится хорош. И вот в этом весь секрет художника: найти какой-то способ самоочистки и вообще такой гигиены духа, чтобы обрадованным подходить к человеку и видеть его не изуродованным, каким он есть, а в тех возможностях, которые он несет в себе.

Получена телегр. от Раз<умни>ка, чтобы 29-го ехать заключать договор. 1-го выеду в Питер. — Все правильно.

Вдумываюсь в истоки адской злобы, таящейся у женщины («антитезис» любви); это вопреки всякому разуму и существует непременно, как скрытая под юбками их непременно существует у всякой половая щель. То или другое проявление зависит от характера, условий жизни, соотношения полов. Все спасение в синтезе, в детях, в этом «выход», продолжение.

У Ап. Григорьева о Тургеневе сказано где-то, что «поэтическая струя» в нем нашла сильнейшее выражение и все-таки почему-то Григорьев к Тургеневу отнесся холодно. Но ведь он сам большой поэт, у которого поэтическая «струя» совершенно скрыта. Странно...

28 Ноября. «Абис. коммунист» — это малый «исправился», значит, по карманам лазить не будет, но это не значит, что он банк не ограбит, и если не банк, то что он как «исправленный» вообще не будет вредить. Что может быть вообще отвратительней, позорней титула «исправленного» (исправленный вор, исправленная проститутка). Нет, умный не исправится, а только разве расширит свое дело. Вот тоже Рамзин и Ко исправились, чистосердечно каются во вредительстве.

30 Ноября. Смерть подходит ко всем нам совершенно безлично: того поезд раздавил и, знаешь, в этом случае, что смерть явилась в образе поезда, или бывает медведь обрушился... зачем медведь! сыпная вошь укусила и то есть образ, — вошь. А у нас теперь подходит смерть как «промфинплан». Л. сказал, что вся старая интеллигенция обречена и в пятилетку должна быть сменена.

Три дня как оттепель, дождь. Сойдет вовсе снег и опять обнимет необъятная тьма и непролазная грязь, или схватит мороз остатки снега, и новая пороша заделает все темные уроны... Да, конечно, остается некоторая надежда. Если же нет, то уж тогда прощай...

Во всяком случае, решение очень близко, все те, кто говорил «так может и десять лет» — ошиблись, война на носу.

Те взрывы общей жизнерадостности, бывшие раньше по поводу восхода солнца или при замысле книги, теперь являются не в связи с большим, а с чем- нибудь совсем ничтожным, напр., по поводу новых очков или фотокамеры, притом болезненно остро.

Приближается годовщина уничтожения Сергиевских колоколов. Это было очень похоже на зрелище публичной казни. В особенности жаль Годунова. Ведь если бы в царе Борисе одном было дело, еще бы ничего, но между царем Борисом и колоколом Годуновым еще ведь Пушкин.

Небесный деспотизм и земная пошлость стоят друг друга.

Процесс «промпартии» читать не могу... но сегодня случайно задержался на показаниях Рамзина, вот как было: он был против большевиков в 18 г. (с меньшевиками), потом при нэпе соблазнился ленинским планом электрификации и стал по правде работать, а с переменой курса налево, стал против власти. Так одолел ленинизм, но одолеть сталинизм не мог.

1 Декабря.

Дорогой Н. П. (Булатов),

мы наверно не поняли друг друга: я подумал, что около 4-х д. мой сын должен приехать и встретиться с Вами в редакции и написать договор, который на другой я подпишу сам. Я спешу для того, чтобы с Декабря работать в «Молодой Гвардии», в противном же случае я, т. к. денег нет, должен брать какие-то другие обязательства и откладывать работу. Быть может, сегодня устроим договор, а на вокзале я его подпишу.

Если нет, то пришлите в Детское Село, Октябрьский,32, Иванову, для меня.

Большая просьба к Вам. Обдумайте Ваше дело на заводе так, чтобы подвести меня к какому-то моменту производства, где я мог бы выбрать материал на следующие, волнующие меня темы:

1) Видеть то, хотя бы очень маленькое, чего нет у Форда, и что возможно достигнуть только при социалист. организации производства.

2) Человек (рабочий) в процессе производства является не рабом машины, а таким же хозяином ее, как в мелком производстве, и распоряжается ею творчески, с жаром, как я писатель, любовью и ревностью.

Я не верю в определяющую жизнь масс, близость названных «тем», но дорого, что ценою жизни огромного числа «обывателей» где-то...

Дело Рамзина в двух обманах: 1-й обман, когда свергли царя, не успели обрадоваться — хвать! большевики пришли. Мало-помалу наладилась работа и «государственный капитализм» раскрыл перспективу работы, только раскрыл — хвать! вторые пришли большевики.

Моя книга, рассказы и очерки была написана в уповании, что скоро будет на почве революции какое-то возрождение страны.

7 Декабря. Вернулся из Питера. Там дождь и тут от всей зимы остались редкие пятна в полях.

Тема для злого рассказа: Анатол. Васил. Николаев, химик, секрет. отд. Академии Наук утверждал, что посредством диалектического метода найдена вещь в себе. Р. говорил, что в «Правде» был фельетон о Сталине, как большом философе. Петрография — Ленинграфия. Сын Маркса и Венеры... Лунин (Пушкин). Сын Маркса и Венеры Ленин.

Пред. М. И. Калинину.

Это известно, что я в последнее время ввожу в свои литер. произведения фото-снимки не как просто репортер, а с целью создать мало-помалу художеств.-лит. форму наиболее гибкую для изображения текушего момента жизни. В журналах издательства «Известия ЦИК СССР», в журнале «Октябрь» и многих других не раз уже появлялись такого рода мои работы. В Германии, где я таким же образом сотрудничаю в охотничьем издании, редакция «Die Grüne Rost» приобрела для меня самую современную фотокамеру для безвалютного ввоза, <на> которую я получил от Наркомторга разрешение. Мне предстоит теперь, однако, за этот аппарат в 500 мар. заплатить пошлину 1000 руб. Я не имею

возможности в настоящее время заплатить такую сумму. Прошу Вашего согласия в получении льгот или даже отмене пошлины. При общем сочувствии лиц всех учреждений моей работе, формально оказывается очень трудно отменить в отношении моей камеры пошлину. Все говорят, что надо к Вам обратиться, и вот я Вас об этом прошу, не прилагая ходатайства от упомянутых изданий, потому что работы мои в «Нов. мире» и проч. без сомнения Вам известны.

Самуил Миронович Алянский.
Внутри Гост. Дв. ком. 52–54.

За последнее время почти во всех журналах о моих сочинениях последовательно одна за другой появились статьи, которые вплоть до последней ст. т. Григорьева упрекают меня в замкнутости и сознательной отчужденности от <*1 нрзб.*> фронта. Во всех этих статьях, между прочим, инкриминируется моя принадлежность к организации «Перевал», судят меня и как перевальца. Последнее обстоятельство раскрывает мои глаза на существо этих статей: это «чистка».

15 Декабря. Нижнее чутье.

В последнее время почти во всех журналах появились в отношении меня недружелюбные статьи, увенчанные последней статьей т. Григорьева в «Лит. газете»: Пришвин и «Перевал». Все эти статьи исходят из одного неверного факта и потому во всем остальном неверны. Неверный факт — это связь моя с «Перевалом». Я никогда не был ни на одном собрании «Перевала» и плохо даже себе представляю, что такое «Перевал». Раз молодые люди, охотники, приехали ко мне в Сергиев и говорили об охоте, между прочим, попросили подписать меня какую-то платформу с отличными передовыми лозунгами. Я это подписал, — вот и все. Прошли годы. «Перевал», по-видимому, отстал от революции, и его начали бить. Меня предупреждали: они пользуются моим именем, надо уходить. Но мне думалось, что всем, читающим мои книги, понятно же, что я в «Перевале» не больше, как генерал на свадьбе. Но вот те, кто восстал на «Перевал», начинают хвататься за меня, прочитав наспех кое-что из моих сочинений. Друзья молчат. По злобе на «Перевал» начинают искажать смысл моей работы. В одной статье вижу свое

имя между Зарудиным и Губером и вслед за тем рассуждения о реакционности биологизма, которому противопоставляется прогрессивный антропологизм — как это умно не буду и говорить. Потихоньку спрашиваю одного сотрудника журнала, какая цель у автора была объединять меня с Губером. — Во-первых, говорит, вы «перевальцы», а во-вторых, Пришвина он никогда не читал и страшно был поражен, когда узнал о собрании сочинений за 25 лет. Во всех статьях, вплоть до Григорьева включительно, вменяется, инкриминируется моя отъединенность от общественной жизни. Удивительно, до чего же слепнут критики в войне с «Перевалом». Взять хотя бы одно, что ведь я же первый и единственный писатель пришел в Госплан и предложил свои услуги для исследования. Меня командировали на исследование кустарных промыслов, в результате чего появилась небезызвестная книга «Башмаки». Мне противно перечислять свои такого рода заслуги, потому что я сам очень меняюсь, в своем прошлом вижу ошибки и заслугами не интересуюсь. Вот Белинскому не надо было ковыряться в следах, он чуял дичь по воздуху. Не отрицаю, однако, что и нижним чутьем можно добраться до дичи. Но в таком случае надо быть добросовестным и собрать все следы. Рекомендую поговорить о мне в «Молодой Гвардии», где имеются документы о моем чувстве общественности. Неплохо осведомиться в Федерации писателей, какую работу я теперь выпускаю и пр. и пр. Нижним чутьем всех дальше от меня самого (разбирая в самых отдаленных мне следах) ушел от меня из-за того же «Перевала» т. Григорьев. Он понимает меня, как эпигона символистов, хотя трудно во всей литературе найти большего эмпирика и реалиста, чем я. Эта чудовищная ошибка происходит, по-моему, вследствие утраты особенно учеными критиками самого чувства языка и вкуса к живому слову. Но много, конечно, виноват и «Перевал»: имея в виду «Перевал», так и тянет критика найти у Пришвина какую-нибудь зловредность. Так, напр., т. Григорьев моргает в сторону «Кащеевой цепи»: он будто бы знает, почему не написана 3-я часть ее. Я догадываюсь, конечно:

в прошлом я был связан с кружком Мережковского, и мне трудно выдавать своих старых друзей. Нет! я не мог описать эпоху богоискательства только потому, что выходило как-то фельетонно и несвязно с органическим целым.

Без этого живого чувства органического целого, чувства всей жизни по себе самому я ничего не могу писать. Иногда получается разрыв и подмена живого целого, тогда у меня получается в корне враждебный мне символизм. Такие работы я не ввожу в собрание сочинений, я могу назвать таких работ две «Иван Осляничек», напечанный в «Заветах», и «Грезица» в ж-ле «Летопись». И, конечно, много ошибок такого рода вкраплено в разных журнальных статьях, и если идти нижним чутьем, то всегда можно представить меня эпигоном символизма. В заключение просьба к т.т. «перевальцам», не обижаться на меня, что приходится отказываться: посудите же сами, ведь ни одной повестки за несколько лет я не получал от вас, а между тем т. Григорьев хлещет меня: «Пришвин, алпатовщина и «Перевал»». Последняя же просьба к т. Григорьеву не писать «алпатовщина», потому что есть молодой писатель Лев Алпатов и ему от этого выходит неловко. Не рекомендую писать и «пришвинщина», потому что нет ее, и если бы таковая оказалась, то я бы сам на нее восстал, потому что если я иду (хочу идти) против попов, то не стану делать из себя попа.

16 Декабря. (12-го была у нас Светлана). Ей 18 лет, значит, ничего нашего прошлого не знала. А между тем первый раз в жизни вижу существо, которому так близки «Голубые бобры» с Марьей Моревной. Впрочем, я и раньше думал, что раз допущен Пушкин и классики, то непременно все лучшее в прошлом воскреснет рано или поздно в будущем. Однако, видеть воочию свою духовную дочь было чрезвычайно удивительно и радостно.

Вчера в Рике добыл доверенность Леве. Народ в Рике «риковный». Исстари мужики в администрацию давали негодный элемент, и теперь это продолжается: в Рике все

физические вырожденцы. И заметно люди ухудшаются. Нотариус, напр., откровенно, сознался, что он новичок и предложил нам самим разобраться в книге. В это время председатель Горсовета звонил в телефон и, не дозвонившись, при всех барышнях бросил трубку и сказал: «Чиновники, еб вашу мать!»

N. читал описание ночного Парижа, сам наслаждался, а пишет, как о примере падения Франции и проч. Впрочем, теперь весь писатель такой, выполняет задание, а внутри сам по себе. Весь человек теперь такой, все хлопуны и погоняльщики.

Проектируем с Левой ехать в Свердловск от «Наших Достижений», он по «Самоцвету», я за «Пушниной». Надо устроить диапозитивы, прочитать лекцию «Охота камерой», связь с Союзом охотников.

Печатают наши мысли машинами, и никто теперь не жалуется, что наши мысли и образы и понятия чем-нибудь пострадали при переходе от списывания к печатанию. Значит, если теперь всюду в мире чувствуется засилие машины, то дело не в машинах, а в нас самих: мы страшно низко пали.

21 Декабря. Непониманием и ругательством встретили критики даже и Толстого с его «Анной Карениной» и Достоевского. Но в то время книга начинала свой путь в узком кругу, и создаваемая критиком легенда не приносила большого вреда. Теперь же пущенная легенда может прямо испортить жизнь, подрезать крылья и отнять всякую охоту в работе. Раньше я *<8 нрзб.>*. Так вот я читал в Загорском педтехникуме новый краеведческий очерк «Зооферма», в котором изображено наше пушное дело. И в это время выяснилось, что Пришвину верить нельзя, «Пришвин разъяснен»: он принадлежит к контрреволюционной организации «Перевал», приводят выдержки из ст. Григорьева. Должен сказать, что, не имея возможности достать номер газеты со ст. Григорьева, я понимал вышеприведенную статью лишь на основании устного мне

сообщения. А теперь, когда я достал этот номер газеты, я увидел в ней бесконечно больше вреда, чем мне рассказывали.

Прежде всего, спрашиваю, какое право имеет т. Григорьев взять в кавычки марксиста Алпатова? Нет никакого сомнения, что «Кащеева цепь» не только автобиография, а даже есть «призвание». Алпатов марксист взят с марксиста М. Пришвина, который в группе с В. Д. Ульрихом организовал первое рабочее движение в гор. Риге, был за это судим и т. д. Все как в «Кащеевой цепи». (В. Д. Ульрих ныне здравствует, сын его, тогда мальчик Вася, ныне известный Василий Вас. Ульрих). Материал для «Кащеевой Цепи» взят из этого чрезвычайно боевого кружка архаических пламенных марксистов, по темпераменту не имеющих ничего общего с последующими меньшевиками. И я утверждаю, что марксистская глава в «Кащеевой цепи», единственное в художественной литературе отображение «Капитала», художеств.-документ. <*3 нрзб.*> интересна молодежи.

Но это могут вполне понять только старые большевики, такие, как покойный И. И. Скворцов или, как ныне здравствующий друг моей юности Н. А. Семашко, который, между прочим, послужил прототипом недурного марксиста «Ефима». Где был тов. Григорьев в это время?

Я очень подозреваю, что в это время... <*2 строки нрзб.*>

Имея за собой такой опыт и не менее тоже суровый опыт борьбы за осуществление своего природного влечения к искусству, пережив войну, революцию, опять большую войну и величайшую социальную революцию, я представил себя самого в вечной борьбе с Кащеем, начиная от маленького Кащея — учителя мальчика Курымушки («Коровья Смерть»), кончая тем вредительством, которое чувствовал я гораздо раньше, чем это было произнесено вслух. Алпатов — это творческий дух, который, сливаясь с весенней природой, уничтожает Кащея. Так даже прямо и сказано, что он инженер, и в этом инженерном строительстве он соединяется как бы с делом народа (Народ взят в соотношении <*1 нрзб.*> с Кащеем и приро-

дой.) Неудовлетворенный романом, я написал еще «Журавлиную родину», которая излагает творчество, как делание жизни. Нет ни одного величайшего мудреца в мире, кто бы понимал абсолютную истину. От всех систем остается только частица правды. Так несомненно полна и философских и этически-социальных ошибок моя книга. Но я утверждаю, что эта серьезная вещь и требует серьезного отношения. Лично мне эта книга недорога. Я теперь на ином пути. Но мне жаль молодежь. Я <*2 нрзб.*> сотни писем, в которых Марья Моревна признается той «душой» любви, без которой всякая любовь есть свинство. Мне стоит только чуть-чуть припомнить, и я могу вывести эту Марью Моревну из рабочей среды, из крестьянской. Хотите, сейчас в колхозе найду. А то Григорьев притягивает Блока, будучи очевидно сам ушиблен мистицизмом до основания чана, видит в этой реальной женщине «Прекрасную Даму». Где был? И проч. Повторяю: мне написанная мною книга недорога, потому что я напишу гораздо лучше и без тех ошибок. Но мне глубоко противен этот подлог с кавычками. У меня такое чувство, как будто снова я в гимназии, снова Курымушка, и учитель «Коровья Смерть» глядит на меня и, презрительно покачивая головой, говорит: «Мать есть? Несчастная мать!» Кому же сказать, как это больно <*зачеркнуто*>

И вдруг, все объясняется. До какой <*1 нрзб.*> можно договориться.

Т. Григорьев берет мой рассказ «Белая собака», в котором должен произойти самосуд темного страшного мужика над невинной собакой. Между прочим, подобный расссказ «Крыса», написанный во время дела Бейлиса и рассказывающий факт: в Новгороде меня принимали за «жида» и что я с ними. И всю жизнь я кого-нибудь освобождаю. Вот сегодня я пишу роман для «Мол. Гвар.», в котором освобождаю паука от легенды о его кровопийстве, осла от легендарной глупости. Мне хотелось бы этой статьей освободить критику от т. Григорьева.

<На полях:> *Но самое чудовищное искажение — это мое отношение к природе...*

23 Декабря. Вчера читал о соглашении с Францией относительно торговли нефтью. Диву даешься! война войной, а торговля торговлей. Пуанкаре заболел. Вот теперь и учись, насколько же слабо государство с парламентом в сравнении с нашим социально единым государством.

Нельзя открывать своего лица — вот это первое условие нашей жизни.

Требуется обязательно мина и маска, построенная согласно счетному разуму.

Самосохранение в таких условиях осуществляется посредством особого «живчика». Это я представляю себе чем-то вроде семенного быстрого жгутика с мерцательными волосками. Как только дело доходит до гибели, живчик вдруг улыбается и, глубоко запрятав великую трагедию, сам отправляется депутатом. Он состоит весь из улыбки и возвращается с продуктами. Возможно, он никого и не предал и достиг исключительно только улыбкой. Без этого маленького ходатая теперь никак не проживешь.

Слышал анекдот: «У меня один сын сидит в Бутырках, а другой тоже инженер».

Лева завтра (24-го) едет к Андрюше. Он живет без труда и обязанностей: как-то волчком. В момент труднейшего поручения (договор с «Недрами») взял, сорвался и все бросил на меня. Счастье, что он литератор и так консервируется в детскости. Попади в линию государственного прожектерства, давно бы в растратчиках был или вредителем.

17-го Фега выслала Лейку. 10-го Января поедем с Левой в Свердловск от «Наших Дост.» (Пушнина) = 17 дней. Надо взять в Госторге материалы о пушнине и во Всерохотсоюзе. Все через Петряева. Два процесса: обдирательство пушное (Охотсоюза) и строительное (Зооферма). Итак, Январь отдается пушнине. (Лейка и <*2 нрзб.*> легавые <*1 нрзб.*>).

Велебицкая колония распалась невидимо на две власти: духовную о. Николая и материальную — мельника. Потом мельник забрал всю власть и на дальнейших материальных путях братцы пошли друг на друга с топорами.

Итак, должно быть единство власти.

Преимущество высшего класса рабочих от всех нас чуть ли ни в калошах только: им дают калоши, а нам нет, и вот те довольны, а мы все завидуем и готовы на все, чтобы получить <*1 нрзб.*> калоши.

25 Декабря.

В Ленгиз.

Напоминаю Вам, что 25-го Января 1931 года кончается обусловленное генеральным договором право двухлетнего пользования собранием моих сочинений. Между тем за это время из семи прозаических и своевременно сданных Вам томов, издали только т. 1-й, 7-й. Мне известно, что Вами напечатан т. II, который поступит в продажу уже после договорного срока.

Согласитесь, что такой низкий темп производства является убыточным для автора, и я готов после 25 Января заключить договор с другим издательством, которое начнет с издания не напечатанных Вами книг. Имея в виду, однако, что деньги Вами выплачивались, я готов Вам предоставить определенное льготное время для издания остальных книг при условии единовременной уплаты мне в течение Января 1931 года всех остающихся за Вами денег. Такого рода мое предложение согласовано со ст. 23 республ. авторского права, в котором, между прочим, указано, что при неуплате Вами названного гонорара, Вы теряете право на льготное время.

С уважением

История любви Левы и Светланы.

12-го Декабря утром, когда Лева уезжал в Москву я сказал ему: «Зайди к Светлане и, если хорошая, то привези к нам».

Мне очень нравились ее письма, но и Лева и мать находили, что она должна быть болезненной девушкой. Мне вдруг пришла мысль, что может быть она еврейка, или хотя бы русская, но с примесью еврея, и тогда выходило, что ничего, может она быть и не болезненной. Как это

странно: если русская, то больная, а еврейка так только и хорошо может писать и здоровая.

Вечером Лева привез Светлану и сказал: «Привез, хорошая Светлана!» Вошла худенькая бледная девочка 18-ти лет в огромных очках. Оказалось и то, и то: и болезненная и мать ее еврейка, а отец русский, но оставил семью, когда девочке было 4 года. Очень умненькая и тонкая. Я обрадовался вот чему: девочка <*2 нрзб.*> не знает ни Марьи Моревны, ни «Голубых бобров» и даже не знала просто семьи. Возможно тоска по отцу (и у меня же это есть) сблизила ее с моими книгами, и вот получилось от моих книг так, что все мое лучшее прошлое, хорошие люди, хорошая жизнь воскресли в ней. Мне было очень радостно сознавать, что непременно все лучшее наше воскреснет...

Я много раз это повторил Леве. И когда это говорил, Ефросинья Павловна мне говорила потихоньку: «Зачем ты ее Леве навязываешь!» Она не совсем была не права: мне хотелось, чтобы Лева подружился со Светланой и перестал бы назначать ежедневно свидания в кино каким-то сомнительным девицам. По себе судил: когда, бывало, встретится девушка высшая, то этим «высшим» в ней и удовлетворяешься, о «низших» вовсе и не думаешь. И в самом деле, после визита Светланы Лева перестал уходить из дома. Так мы жили. Приходит 19-е Декабря. Поручаю Леве бездну дел и прошу остаться до завтра: обыденкой не управишься. «Зайдешь к Светлане? — Ты думаешь зайти? — Зайди, только не уводи ее из дому, посиди с матерью. — Хорошо». Проходит 19 и 20 и 21. Является Лева 22-го. Ничего не сделал и в разговоре объявляет, что 24-го едет к Андрюше. Мое возмущение. Но билет уже взят. «Зачем ты едешь? — После скажу. — У Светланы был? — Был. — Сидел с матерью? — Нет, матери не было». И уезжает. 25-го вечером к нам является мать Светланы Сара Абрамовна и показывает Левино письмо, в котором он извиняется перед ней, что увозит ее дочь, и называет ее женой и просит не беспокоиться: он устроился «капитально», основательно и сделает ее счастливой.

Так вот Лева женился. И ничего мне не сказал и матери... Совсем, как дурак поступил и грубейшее животное. Чуть живая истощенная девочка и сам, как бык. Мать приняла, как посеянное несчастье — для них и как глубочайшую обиду себе. И если спрашивать, сколько же дней был роман, то это не совсем верно: из часов романа до свадьбы едва ли сложится день.

Что получается... один сын породнился с семьей полицейского пристава, другой — к евреям пристал.

Да, велика сила родственного внимания в природе, — именно эта сила приручила к человеку диких животных, робко подходили зверушки на ласковый призыв и вот теперь прежний дикий кот мурлычет себе на диване! Но больше всех поддалось на призыв родственного внимания солнце: ведь каждый цветок, возделанный в нашем саду, есть солнце, превращенное в доступный человеческой ласке предмет. Все идет нам навстречу, только луна не отвечает на все наши призывы. Сколько необыкновенных мечтаний рождалось под луной, и все они исчезали бесплодно, проходили как лунный свет.

Вчера ночью при луне я шел в лесу, задумавшись, и вдруг вздрогнул и весь похолодел: с левой руки тень от дерева при луне пала такая сильная, что это за человека принял.

Человек, ограниченный своими неудачами... жалкое существо!

Неудачу (зло) нужно сделать стимулом творчества жизни...

29 <Декабря>. Вчера при −21° бушевал ветер. Сижу дома в тулупе. Переживаем с Павловной горе — Левину свадьбу. Вдруг окончательно вскрылась его советская пустота: это истинный герой нашего времени. Значит, велико же мое горе, если собственного любимого сына ясно увидел, как «тип». Между тем ему все как с гуся вода и больше, он думает, что нас осчастливил.

С виду Лева в своей сибирской шубе похож на чрезвычайно важного наркома, полпреда или необыкновенного литератора. На самом деле, шуба эта из линяющей козы и даже без подкладки. И литератор он воистину «липовый», прикрытый именем отца.

И такие все видимые у нас люди, такие тоже цифры в газетах и все. Но мы живем, потому что кто-то работает. Кто же работает, где эти люди труда? Боюсь, что это бессловесные рабы или распятые... Леву держит любовь к нам. Если это отнять, он рассыплется. Поэтому при встрече надо быть чрезвычайно осторожным. Надо начать с объяснения, почему мы не ответили телеграммой на «запрос» молодой, может ли она «войти» в семью.

Был в Москве. Лейка пришла, но в приемной Калинина у секр. Попова выходной день. Завтра Лева получит.

Вечером от Левы телеграмма: «Светлана простудилась». Так отец из домашней хозяйки всю жизнь делает «Светлану», а сын буквально из Светланы сделал домашнюю хозяйку. Разное приходит в голову. Вот, напр., что сдержанный пол (самой «любовью» дорожит или строем семьи) создает эротическое свечение мира с цветами (черемуха): дети... сказочки, праздники... стихи... Какой же мир вне влияния эроса? Вот у Левы выходит вроде восстание на эрос и с первого момента любви уничтожение эротического обмана. Что же остается? Вот тут и является «герой нашего времени». Боюсь, что качество мира исчезнет и останется количество (счетный разум). А может быть, так мы подойдем к пчелиному трудовому государству?

...А без таких догадок, в частности, если взять «скорую любовь», то это есть возвращение к воробьям, уткам и т. п.

30 Декабря. Провел с 9 у. до 12 в очереди в приемной Калинина для того, чтобы получить пропуск к секретарю Попову в ком. № 4, после того часа два сидел на диване в очереди к Попову и добился Попова для того, чтобы узнать о невозможности увидеть самого Калинина. Вообще Ка-

линин — это принцип организации приемной, и самого его странствующие мужики не видят. Впрочем, странствуют больше наверно обреченные, разные лишенцы и раскулаченные. Со мной рядом сидел, погруженный в себя, глубокий старец. Когда один из сидевших сказал: — А ведь тепло! — старец неожиданно открыл рот: — Да, тепло в комнате, а на душе холодно.

Сидел в «Наших Достижениях» и болтал с мальчиком-евреем, который оказался армянином. Вот смысл того, что я говорил:

Литература теперь — это низменное занятие и существует еще, как предрассудок, как, напр., при советской власти некоторое время существовали еще рождественские елки. Правда, наша литература до сих пор еще господствует над разными маленькими литературами СССР. Она будет свергнута с этого положения, как литература просто великорусская. Второе. Наша литература, как и вся мировая литература, кроме подлинного происхождения еще имеет происхождение семейное — это Muttersprache. Семья теперь осуждена, как пережиток. Следовательно, и литература — как пережиток. Во всяком случае моя литература... И разобрать хорошенько — я — совершенный кулак от литературы.

В вагоне все грызли орехи, потому что вдруг откуда-то появились по 1 р. 30 кило, правда, много гнилых, но все-таки много и хороших. Со мной рядом села, — я сразу узнал — учительница, она взяла с собой несколько просяных веников, очень хороших, видно старательно выбранных. И по этим веникам и, главное, по глазам и по всему облику я догадался, что она из духовного сословия. Увидев орехи, она поручила мне веники и бросилась вон, покупать. Много купила она и, когда укладывала, и все кругом щелкали, мне повеяло детством, Рождеством. Я сказал в шутку учительнице: «Вот бы к этим орехам достать где-нибудь сусального золота, и потом золотые орехи на елочку». Учительница встрепенулась и такими злыми и строгими глазами посмотрела на меня: «Что вы говорите, с

елками мы боремся». Я притворился наивным и спросил: «А почему? — Потому что это остатки язычества, у язычников деревья украшались тряпочками. — Но ведь и у христиан, — сказал я тихонько. — У язычников, — сурово возразила она и дала мне почитать одну из множества ее антирелигиозных книжечек». Тут я окончательно убедился, что она поповна.

Напротив сидела ткачиха, курсантка, женщина лет 50 и рядом с ней столяр, убежавший из деревни и бросивший свое деревенское хозяйство вследствие современных условий: «было три коровы, теперь одна, а одну на шесть человек детей, да я ее зубами изгрызу, а не дам».

Делегатка наклонилась ко мне и шепнула: «Типичный кулак!» А вслух она сказала по поводу нашего разговора с учительницей о елке.

— Главное, — сказала она, — вред елки состоит в том, что леса истребляются.

Столяр захохотал:

— Наговорили тебе! Леса истребляются не этим: леса уплывают заграницу.

Столяр, продолжая смеяться, наклонился ко мне и стал рассказывать про «такую же»; муж у ней был партийный и его убили, вот ей тогда наговорили, она и пошла, и пошла. Пришло время, все хуже и хуже, а он все хлеще и хлеще. Но тут вышло такое: вдруг в столовой у нас нашли хвосты собачьи, дальше больше разузнавать и оказалось: повар кооперации собачек поджаривает. А я тут как раз пришел из деревни с коровами, три: одну оставил на молоко себе, другую по честности дал в кооперацию, взвесил ее и дали мне за всю корову 120 рублей и калоши! теленок на базаре и то стоит 200 руб.

— Но все-таки калоши то вам дали, — вмешалась делегатка.

— Дали, дали! ну, думаю, надо находить права и нашел: третью корову разрешили зарезать. И вот тут пришла ко мне та самая женщина. «Ради Бога, дай мясца. — Хорошо, — говорю ей, — собачьи хвосты нашлись, вот ты и Бога вспомнила...»

Спор делегатки со столяром был неравный, каждое слово столяра резонировало на сердцах в вагоне. Потому делегатка боялась и повторяла только: «Ты все говоришь о неквалифицированных». Столяр говорил из себя самого, какую неправду он лично переживает, как трудящийся: «оттого и нет ничего». И возражать ему реально репликой было нельзя. Надо было исходить из общих, идеально-гражданских надежд на будущее. А тут среди «кулаков» этим не возьмешь. Она попробовала, было, когда сказали: раньше было всего много. «Много было, да мы мясо не ели». Как не ели: свинина была 7 к. фунт. — Бекон 7 к., а мы не ели. — Врешь!.. и т. п.»

Смычка моя не удалась. Она была как прежде городская барыня среди мужиков: на разных языках; ему то надо все самому, ей дают жалованье, паек, зарплату, она может быть идеалисткой, у него реальная проверка.

1931

1 Января. Вчера вечером явился Лева со своей Светланой. Мы встретили их сдержанно, и встреча Нового Года вышла немного натянутой. Сегодня отношения стали налаживаться, к тому же Лева съездил утром в Москву и, наконец, привез желанную Лейку с тремя объективами. Ведь даже ремень от футляра, тот самый ремень, который сделан из русской кожи, – чуть к нему дотронешься и чувствуешь по мягкости культурно выделанной кожи, что непременно в состав рабочих ценностей, создавших этот ремень, входит и заповедь далеких от нас поколений: чти отца и матерь твою. И, конечно уж, ремень этот сделан на большой современной фабрике, но рабочий, который сидел над ним, потомок ремесленников таких же, как наши кустари, и когда до его быта дошла разрушающая ремесленный быт сила крупной индустрии, то *<2 нрзб.>* рабочий унаследовал от отцов любовь к труду ремесленника, способность ремесленника все условия принимать близко к сердцу, отчего в крупной промышленности, ему чужой, он работает не совсем как чужой.

Америку начинали тоже не безродные люди.

Итак, вопрос: семья или колхоз.

2 Января. Молодые поехали к теще, Саре Абрамовне. Осадок в душе остался неважный: Лева, этот вчерашний женофоб и мужественный путешественник, при матери сажает ее на колени, пощипывает, потягивает – отвратительно! Физической распущенности медового месяца вполне соответствует и умственная, напр., он высказывал желание поступить в Геолог. институт, чтобы с ней не расставаться, и т. п. глупости. Я направил ее и его к обычным их занятиям, но не ручаюсь, что они, сделав послушную мину, не убегут на Сандвичевы острова.

Учился снимать теле. Сразу же вышло хорошо.

3 <Января>. Мороз с ветром, — это характерно для нынешней зимы. А солнце... Но снимать невозможно.

Смотрел музей Краеведения. Неплохо. Заведующий рассказывал об антирелигиознике Гамзе: как он сговорился с попом объездить всю страну с диспутами, поп за Бога, Гамза против, а денежки пополам.

Были Кожевниковы, и там мы решили, что Великороссия с ее русским языком — дело культуры, а не политики, так же как и семья, и что бояться за это нечего.

Потом приходила жена Каманина, настоящая женщина в противовес щуплой Светлане. И тот вопрос, который поставила мать Светланы (женщина — родильный аппарат), свелся к здоровью физическому и душевному...

Евреи — это вырождающийся народец, разлагающийся на бесстыдно-серых практиков жизни и мечтателей...

4 Января. Много всего говорится между нами, и большую часть сказанного мы ни за что считаем, но если завести канцелярию с секретарем и машинистками, то довольно двух простых болтунов, чтобы канцелярии было дела по горло и... зависит оттого, как смотреть — важного дела. (Хорошо сказать на суде, или в ГПУ на допросе).

6 Января. «Злая метель» — это значит сильный ветер в мороз, когда в –10° мороз хуже, чем тихий мороз в 50°. Теперь у нас продолжается эта злая метель. Лева со своей Светланой прибавили в наш общий холодец еще несколько ведер тоски. Правда, ведь не железные же мы: столько всего!

7 Января. Рождество. Ночью ходил с Павловной в хлев проверять, не телится ли корова. У коровы очень тепло, вся стоит потная, сама собой топит. Н. И. Савин говорил, что в Смол. губ., там, где вырубили леса и топлива нет совершенно, крестьяне корову держат в избе и так согреваются.

Этот хлев — все, что пришло от Рождества. Лева, напр., возможно даже со своей Светланой в Москве и не помнят, что у нас здесь Рождество.

Как быт все-таки живуч! Вот Лева увидал девицу и тут же в день-два стал ее мужем, потом прямо привел ее к матери как жену. И вот, когда за обедом выяснилось, что они даже не расписывались, то стало еще обиднее. Между тем сам-то я... И вообще может ли прибавить что-нибудь «запись». В чем же тут дело? Кроме негодяев, конечно, все, сходясь с девицей «по любви», чувствуют себя в сфере большого естественного права (сама же мать природа благословляет!), и если на пути стоит стесняющий быт, то долой его! Так что устремление к естественному порядку очевидно свойство не одной французской революции...

Так с одним сыном.

Но вот Петя, который до женитьбы два года ухаживал, потом было пари с семьей и, наконец, явилось приданое, т. е., Зоины вещи, которые скоро смешались с нашими так, что граница между ними исчезла. И вот теперь часто я через эти вещи вспоминаю истинно по-родственному хорошо Зою, совершенно своя. Мало того! родители Зои совершенно же чужие мне (полицейский пристав!) и то через Зою в родстве становятся, т. е., я чувствую внутри себя как бы некий долг в отношении к ним, вернее сказать, что старики эти — не пустое место в моей жизни, просто <*1 нрзб.*>, как в воздух туда не ткнешь. Так что через вещи кое-что передалось, нет! оформилось чувство родства.

Так вышло — через одного сына получил родство с полицейским, через другого с евреями. Написать роман — скажут, придуман.

8 Января. Вчера было тепло, но весь день мело: ни зги. Сегодня в предрассветный час южный ветерок, легкий, как дыхание, баловался с дымом соседа. Вероятно, опять понесет.

Решил Леву командировать в Ленгиз. Денежные дела видимо скоро наладим. А тоска грызет неустанно, просто замираю в тоске. Лева сильно прибавил своей «женить-

бой». Между тем положительно он хотел нас осчастливить. Его «инфантильность», по-видимому, начинает переходить в простое легкомыслие.

Вычитал у Фабра, что он делает свои метеорологические наблюдения, избегая инструментов. Фабр, видимо, не даром смотрел всю жизнь на жуков и ос, от них он, видимо, получил бережное отношение к инстинкту: действительно, зачем термометр, если для своих опытов достаточно узнавать холод и тепло «по себе». Совершенно так же, как очки, ведь только в крайнем случае мы их надеваем. При пользовании инструментом мы обыкновенно приучаемся не «обращать внимание» на непосредственное воздействие среды, утрачиваем корректив «по себе», и вот начало той страшной силы, которую называют по-разному, то схоластикой, то бюрократизмом, то автоматизмом и т. п.

Вот говорят: «нам необходимо повидаться». Это значит, что надо отбросить всех посредников общения (всякие термометры, письма, телеграммы и т. п.) и обратиться к свидетельству цельной личности. Я думаю, это и есть истинный смысл того, что называют революцией и по Руссо и Толстому «природой»: люди повидаться хотят и на это ссылаются то как на «смысл», то как на «естество» и т. д. Бросают Бога, церковь, быт, потому что раз свидание, то зачем все эти посредники. И если эти посредники мешают свиданию, то надо разбить их...

Так я понимаю происхождение революций из необходимости личного свидания между людьми.

(История <*1 нрзб.*> стены) Мы разгораживаемся.

1. Сегодня утром наша Червонка при входе к ней нас в стойло первый раз за все время не встала: по всей вероятности через несколько часов отелится.

Революция как желанное свидание между людьми.

Женщина говорила, что когда ребенка отнимают от груди, то это все равно, как если потом он взрослым покидает дом: это первое расставание матери с ребенком.

Вы, молодые люди, плоды революции, при своей большой государственной «нагрузке» можете иногда вовсе и не считаться с тем, из-за чего собственно ваши и наши отцы начинали революцию. Правда, практически это и не всегда нужно.

Был возле Вифании, где теперь поместился «Птичий трест», вздумал снять храм с большими синими куполами, пять куполов, и на каждом вместо креста обрывки флагов. Когда я снимал купола, старая женщина с больными глазами. «На память снимаете, — сказала она. И вздохнула: — Тяжело!» Я спросил: «А что теперь внутри этого храма?» Женщина изумилась: «Да разве вы не знаете?» — «Нет!» — сказал я. Она подошла ко мне вплотную, наклонилась к уху и прошептала: «Куры!»

9 Января. Продолжение о «Свидании».

— Да, страдание огромно (кресты без конца) но, конечно, свидание происходит, строится невидимый град и растет.

Поездка по стране для собир. лит. мат.	1100
Поездка в Ленинград, где издаются мои книги	400
Поездка по лит. делам в Москву	400
Ежедневн. расх.	600
Расход по фотограф. и иллюстрации своих сочинений...	900
Оплата ... секретарю	600
Машинопись	300
Книги	600
Канц. принадл. и ремонт мебели	300

10 Января. Завтра отправляю Леву в Питер.

Сегодня: 1) внести 100 р. «аванс под инвентаризацию имущества» (мое имущество, дом инвентаризируют, так вот я аванс за это дело должен платить, — мало того! пени набежало, т. к. я не знал о постановлении Горсовета, а знать должен был, т. к. оно было где-то вывешено).

2) Получил из кассы 495 р.

3) Проверить займ (выигрыш).

4) Подать декларацию (11775 р. – 4606 расход 4000 = 6875 р.). Ленгиз 7905.62, Федерац. 1225 р. Известия 1650.

11 Января. Отелилась Червонка. Лева едет в Питер устраивать «собрание».

Сборы в Свердловск.

У Кожевникова рекомендация квартиры.

В Москве для фото:

редол, футляр, винтик к «35», Новиков (о Свердловске), Госторг, Федерация, М. Гвардия (сдать «пауков»). Взять с собой: лейка, тел. ком., редол, 3 чашки, штатив, переписать пауки и сдать. Метр, коп. бумага.

Приезжала Светлана (коровье имя!) Не очень она мне по душе: очень умная, но как еврейка умная (вроде Наташи), рассуждением умная, а не жизнью. Она колеблется, бросить ей Вуз и жить с Левой, или учиться. Не доверяет Леве и хочет опереться на нас. Мы же не доверяем Леве в свою очередь. Левина задача вырвать и для себя. Леву надо научить, чтобы он для обладания устраивался в своих журнальных делах. Света – одна из тех рабочих пчелок, которые еще сохранили способность переживания любви, хотя и очень коротенькой, вероятно без обязательств. Эти советские пчелки отодвинут любовь с ее размножением куда-нибудь в глубь колхозов... Между прочим, бунт, который она носит в себе, очень маленький... Вообще от Светланы светлого ничего не остается.

12 Января. Ездил в Москву, а из Москвы приехал ко мне Фадеев (фотогр.) с женой.

13 Января. Начались письма, восхваляющие мою статью «Нижнее чутье». Да, по-видимому, вся сила моего творчества этого лит. сезона нужна была для того, чтобы дать эту статью. В будущем для понимания этой статьи нужны будут большие комментарии. Теперь она является в очень понятном окружении.

15 Января. Были у меня Таня с Наташей и муж Тани (Коншин) Семен Николаевич. Узнал, что М. Гвардия после моей статьи решилась напечатать мое письмо. Лева скитается.

16 Января. Лева явился из Питера. Там дождь, но и здесь оттепель все усиливается. С Гизом наладили: прислали 2 тыс., и получил льготу на год. В Свердловск едем около 21-го.

Итак, я тоже «ударник», тоже закрепился... поставлять свое производство в количестве (столько-то печ. листов). О качестве не может быть у нас и разговора, потому что качество вещей связано с личностью.

Поручения Леве на завтра: 1) пенсне, 2) Зиф...

17 Января. Барометр упал ниже «бури», метель, пурга. Заморила вечером «Гепеусиха».

Иду вечером, слышу, какая-то старушка стонет. Кому нужна она? Ведь в ее-то положении возможна только от родных помощь. Если же социализм, то «родство» это должно распространяться на всех. (И так у наших дореволюционных социалистов и было: разрывалось кровное родство и на место его вступало человечество.) Теперь «человечество» и «родство» взято в принцип, и раз так, то, конечно же, моей старушке надо идти не к родственникам, а к «начальству». Так вот и обездушивается вся страна как бы принципиально. Возможно, такое страшное (и, кажется, ненужное) разрушение имеет значение «сжигания кораблей». А впрочем, разве можно что-нибудь понять в этом стремительном падении «жизни» и материализации «принципа» (вернее, «военизации»).

Становится все более и более невозможным жить нараспашку и доверчиво. Необходимо заботливо-хозяйственное отношение к личине своей, с одной стороны, и с другой, самое главное, установление своей линии (какою бы ни было ценой, даже в последний момент ценой личины, т. е., «жизни»).

18 Января. Шура Соколов (адрес в осн. книге), мастер по фотографии, выверил Леве аппарат и привез сюда, а Лева в Москве собирает экспедицию нашу в Свердловск.

После метели сегодня проглянуло солнце.

Лева обижается, что я к новой невестке отношусь по-профессорски. А я не могу иначе, потому что она для меня совершенно закрыта. Скорей всего это у нее от робости. Впрочем, пока она на глазах, я еще ничего, но как с глаз, то чувствую прямо неприязнь. Вероятно, она очень капризная, болезненная. Ах! вот уж выбрал жену, нечего сказать!

Размножение человека, государство и крупная промышленность — это на одной стороне; личность человека, общество и творчество — это на другой.

I. Размножение – государство – производство = цивилизация.

II. Личность – общество – творчество = культура.

Левин «брак» по заявлению, абсолютно циничный в отношении установления форм, не этим цинизмом оттолкнул Павловну, а тем только, что это «не пара». Вот эта легкость, с которой у нас в русском народе сбрасывается «форма» и вещь рассматривается по существу (пара или не пара?) нечто действительно ценное в революции: как будто мы подходим с открытыми глазами к существу вещей...

...И вот еще сверкает игрушка-Европа на весь мир своей культурностью, затянутая в сюртуки, украшенная белыми воротничками и манжетами. А там на востоке...

«Поневоле соглашаешься» — есть такое выражение, когда хотят сказать, что какие-то события выросли как бы вне нас, предстали нам как факты и заставили с ними согласиться. Так вот, сопротивляясь насилию революции, «поневоле соглашаешься» и «приходишь к убеждению» во многом такому, чему непременно бы сопротивлялся вначале.

Сегодня на рассвете я молился о продлении людям радости на земле (посредством приобщения их к творчеству жизни).

Наша революция родилась в недрах великой мировой войны, загоревшейся в сердце Европы, и является как бы мостом к новой войне, которая даст наконец смысл той великой войне. Правда, как-то после краха всей христианской культуры стало бессмысленно жить. И вот эта необходимость продолжать ту войну и привести жизнь современную к относительной ясности и прочности является единственным смыслом нашего мрачного жестокого существования. И вот, что если и в этом тоже мы действуем лишь «под предлогом» (сознательно или бессознательно), а на самом деле весь спор лишь в том, чтобы тем или иным путем (как Америка, или как колония) $^1/_6$ часть земного шара *<1 нрзб.>*, как агент к современной цивилизации. Что, если под предлогом...

19 Января. Тепло стоит, только не тает. Ходил с N на Виф. пруд. Этот молодой человек был воспитателем в Детдоме. Начал с того, что составил из ребят свою партию, а потом и всех подчинил: заставил, напр., умываться. Откуда взят прием, из деревни (родовые группы) или из партии РКП, или же это правило всякой общественной деятельности? Новое тут только чрезвычайно раннее постижение этого коварного закона господства. Вспоминал Петин опыт, полагаю, что учат все три фактора: 1) деревня, 2) школа, 3) пример комсомола. N говорил, что у него будущего нет: «какое будущее, если с каждым годом уровень развития учащихся все ниже и ниже».

— А комсомольцы? — спросил я.

— Те, — отв<етил> он, — знают только «я» да «я», у них ведь «делячество».

Итак, делячество (ферайн[1] анархистов).

Подал заявление в Музей о своей комнате и представил глухарей и *<1 нрзб.>*с рассказом «Птичий сон». Вечером на муз. заседании.

Как было у Ефр. Павл. Больше всего хотелось бы ей, конечно, чтобы Лева в церкви обвенчался, но он не стал

[1] объединение (*нем.*).

по-церковному. В таком случае записался бы... Но он и записываться не стал. И Е. П., не отвергая даже такой брак без записи, она сказала: «Конечно, не в этом дело, если не наладится в главном, то ни церковь, ни запись не удержат». Итак, Е. П., и, конечно, все неглупые люди, устраняют и отношения церкви и гражданские отношения, имея перед собой факт основной, «самое главное». Не будь личных обстоятельств и революции, то, возможно, они бы могли «самое главное» заменить церковным и т. п.

Что же это такое «самое главное»?

Конечно, лад (любовь).

Итак, в революции лад как «естественное состояние» выдвигается на первый план, и во имя этого лада отбрасываются все легенды.

Но... лад это счастье, а счастье случайно. Между тем на одного счастливого (даровитого, нравственного и т. п.) приходится 99 бездарных, которые устраиваются собственно не по ладу, а по примеру счастливых ладных. Этот пример среди бездарных начинает мало-помалу быть как правило, и так устанавливается быт, в котором уж не видно лица подавшего пример и самый пример стал легендой. До поры до времени быт держится, начинаются «устои», а потом все летит, потому что легенда сильно расходится с «жизнью».

Итак, революция есть действие жизни, и первое строительство после революции происходит на основе естественного лада, который мало-помалу превращается в быт.

Этот «лад» распространяется не только на семейные отношения, но и на групповые...

20 Января. Вечером приехал Лева, деньги получены от «Достижений» и 23-го (в пятницу) мы едем в Свердловск искать достижения. Письма написать: 1) Карцеву, 2) Малишевскому, 3) оставить здесь бумагу.

21 Января. Продолжается теплая погода. День почти солнечный, все завалено свежим снегом. Вот бы снимать!

Но некогда, собираемся выехать 23-го в Сибирь, билеты взяты.

Лева в бане сказал, что Светлане прием наш не понравился, что она гордая, новая женщина. А между тем «новой» женщине 18 лет и она только что окончила семилетку. Глупо и смешно, а немного и досадно, как бывает, когда приходится есть рыбку, наполненную, хотя и неопасными, но бесчисленными мелкими костями.

Эта история со Светланой последнее доказательство эротического происхождения поэзии, последняя чаша, но если тепло и светло возле печки, то зачем же еще лезть в печь...

«Крестьянский писатель» Каманин рассказывал о тех чудовищных антихудожественных требованиях, которые применяются к крестьянским писателям, — что, напр., «аксаковщина» (вероятно, понимаемая как созерцание природы) является преступлением. С другой стороны, легко и дурачить «начальство», против аксаковщины, напр., довольно было сказать, что ведь Аксаков убивал дупелей и ел их, значит, не был только созерцателем. Вся эта эстетическая принудиловка верней всего происходит по традиции от Чернышевского и друг. революционеров-марксистов вплоть до Ленина. Что-то вроде Спарты.

Кто вырос в маленькой семье, тот гораздо больше имеет шансов сделаться эгоцентриком, чем кто вышел из большой семьи.

Рассказ о необходимости.

Все больше и больше начинаю не любить либералов, выдавших нам облигации займа «Свободы». Мой путь теперь возле забора, который устроил я шесть лет тому назад, чтобы мои собаки не мешали соседу моему, живодеру, резать и драть лошадей.

<***Без даты.***> Деревня Самоцветы.

Деревня на камне, которым жили долго (пепельницы делали).

Представление об Урале (геологический рассказ).

Хлеб родился в Самоцветах, и пепельницы делали. Но вот что переменила жизнь, и все бросились на строительство (история об алмазе).

Геологию передать рассказом об алмазе и вместе с тем изобразить все богатство Урала (железо и друг.).

Соединение завода с лесом: брали дрова, торф и песок. Может быть, карьер дошел до Кира.

Пока пропадал, отец с лошадью переехал на завод (постепенно переходил в рабочие).

Представить строительство как войну с косными силами природы, а через Кира завод как продолжение <*1 нрзб.*>

Увалы. Краюхин увал.

— Под Маяковой сланью, на Филькиной гари, у Кедрового ключика.

Каменистый увал известен под именем Ульянова кряжа.

Дорога шла бортом россыпи.

Старинные постройки, как попало, как строились по лесным дебрям.

Каменная церковь, выстроенная каторжниками во вкусе Растрелли, «Узенькое воскресение».

«Заниматься золотом».

Есть озера на Урале, издали посмотришь, вокруг, будто посыпано маком — тысяч десять серых домишек, церковь, конечно, корпуса и трубы завода, и все это вокруг озера с жилищем тысяч людей, ни село, ни город, а просто Завод. Есть что-то обидное, на мой взгляд, для человека в этом названии: когда говорят город, село или деревня, то хорошо ли, худо ли, но думаешь все-таки о самом человеке и спрашиваешь, услыхав название, например, Тула — «чем в Туле занимаются?» Пусть ответят, что в Туле делают ружья и пряники. И тогда чувствуешь себя удовлетворенным, кажется, захотели люди и стали заниматься по своему вкусу и желанию кто ружьями, а кто пряниками. Но когда скажут «Завод», то у меня, по крайней мере, складывается при этом так, что люди тут, как икра для магазина, не для себя, а для Завода. И это действительно так

было на Урале, где заводы обслуживались крепостными и каторжниками... (описание).

Но, конечно, редкое озеро на Урале обсыпано домиками, берега огромного большинства бесчисленных озер до сих пор еще необитаемы, и часто можно видеть, как медведь, поев в лесу чего-то возбуждающего сильную жажду, долго лакает у берега и в тихую погоду далеко пускает круги. (Медведь съехал на заднице — это внутрь.) На одном высоком увале есть озеро, откуда видны сто одиннадцать озер! На этом волшебном месте я думал о тех несчастных людях, про каторжан уральских заводов: поднять бы их теперь, посмотрели бы они теперь на заводы-втузы, рассчитанные так, что малограмотный рабочий, поступая на работу, уделяя два часа на занятия, через восемь лет делался бы инженером. А ведь тот же самый Урал, те же старые разветренные горы, неиссякаемый источник золота, платины, драгоценных камней, руды железной и руд металлов цветных.

Часто говорят, будто время для людей беспощадное. Нет, это не совсем верно. Время выдвигает вперед новых людей, но старых не сразу уничтожает: они очень долго живут. Мы еще и сейчас можем на Печоре слышать людей, которые поют былины, петые тысячу лет тому назад в Киеве при дворе князя Владимира. И на Урале до сих пор живут люди, которые молятся не тремя пальцами, а двумя и думают, будто царь Петр был антихристом.

А Уралмашстрой, этот гигантский завод-втуз, где сейчас десятки тысяч людей создают новую жизнь. Всего год тому назад тут ведь лес был, и какой лес! Инженер и бухгалтер, ныне работающие на постройке завода, теперь уже похожего на город, расскажут, как они здесь прошлый год собирали грибы и заблудились. Теперь от леса на месте постройки остались там и тут лишь жалкие клочки... Рабочий поселок теперь уже — это целая улица каменных многоэтажных домов. И ни одного деревца второпях не оставили на утеху будущего нового человека. До того неудержимо вперед стремится новый человек, что в этом чрезвычайном усердии беспощаден к прошлому, к лесу.

Но что значит площадь в какие-нибудь десять километров, посмотрите, вокруг всего нового строительства синеют леса. Пройдите к этому лесу, и вы увидите там нарытые землянки, между стволами сосен курятся дымы, бродит корова, валяются сани... В этих землянках живут те, кто приехал сюда из деревни с лошадью зарабатывать себе на постройке. Неурожай, разорение, крайняя нужда пригнали их сюда, и большинство, работая, не верят, что завод когда-нибудь выстроится. Среди них даже есть старые раскольники или староверы, предки которых убежали сюда, на Урал, еще в то далекое время, при Петре, когда на них обрушились жестокие гонения за веру. Этим людям, впитавшим в себя с молоком матери ненависть ко всему, исходящему от царя-батюшки, нельзя было жить даже в тех лесах, где прошла цепь землемера, слуги Антихриста. Мало-помалу, однако, пришлось со многим [смириться?], и вот пришел Машинстрой, где люди не только не староверы, но даже и совсем Богу не молятся. Очень плохо, последние времена настали, но ведь примирились же деды с цепью Антихриста, и с чем только не примирились. А внуки в трудный год, когда есть было нечего, запрягли лошадей, забили избушки и поехали на Машинстрой. Среди этих людей, совсем поневоле участвующих в новом строительстве, поселился также в землянке кержак Ульян Беспалов из деревни Кедровый Починок, в этом году весной в лесу у него пропал маленький сын. Об этом и будет этот рассказ.

<На полях:> *Возможно, что дальше следует прямо встреча мальчика со Зверевым, а начало на стр. (8). От Зверева он узнал и о Кабаньей голове. В этой главе (2-й) география и завязка.*
3-я глава: Коровий Починок. Сцена с отцом.
4 – Начало весны. Страстное. Мелочи уходят и... к Кабаньей голове.
5. Машинстрой и мужики.

Деревня Кедровый Починок очень старинная, и это сразу видно по стройке, потому что дома были *<1 нрзб.>* как попало, как строились в глубокую старину беглецы-

староверы. У Кедрового ключика начинались золотые россыпи, но в Починке золотом не занимались, считая его источником греха на земле.

Вначале первые кержаки это принимали по своей вере, но потом убедились на примере, что золото и драгоценные камни приносили людям не радость, а горе. За много лет у них не было примера, чтобы нашедший клад через это богатство стал бы счастливее.

Сама деревня стояла на пластах горного хрусталя, из которого в другом месте крестьяне делали вещи и хорошо жили. Кержаки занимались только земледелием, и если рожь вызябала, работали корзины из береговой ивы и кое-как перебывали год, продавая корзины в город (узел Урала). Самоцветы.

Семья Ульяна II.

Кедровские дачи из конца в конец кипели промысловой работой. Не было такой речки или ложка, где не желтели бы кучки взрытой земли и не чернели заброшенные шурфы, залитые водой (Мамин-С<ибиряк>).

Во мху Лохань.
Стихия мха.
Рассказ Мох.
Кобылья голова.
С весны (отрезаны водой).
Собака Бьюшка (с тока тетеревей).
Бьюшка вытеснила из трясины кроншнепа.
Шахта: добывали самоцветы.

У машин жизнь точно такая, как у людей. Известно, что люди прежние были и крупнее и сильнее. Теперь люди мельче, много слабее, но зато грамотнее и могут больше. Вот и машины: у прежнего парового двигателя бывает маховик такой великий, что если на досуге станешь сам возле такой машины и смотришь, как он вертится, в особенности, когда представишь, что зацепился за что-нибудь в нем и он потащил: ведь он совсем неумолим. Еще думается, так и луна ходит и все планеты, так и весь мир — все

это по-своему идет и нас не касается. А когда после этого увидишь динамо<машину>, которая во много раз сильнее этого гиганта, то никаких мыслей о движении мира не возникает, очень уж мала! <*5 нрзб.*> Да, лишнего чего-нибудь, о звездах, в голову не приходит при виде этой машины и, может быть, к лучшему: не отвлекаясь лишними мыслями, ведь больше сработаешь.

Не было Совета — не видала жопа света.
Явился Совет — увидала жопа свет.

Чисто мужицкое.

Сюжет.

Мальчик Кир, сын кержака на Урале, нашел изумруд, который отец зашвырнул (думая, что он украл). Мальчик ушел... и пропал. Пробрался на Кобылью голову и тут бы <*2 нрзб.*>. Год вышел зяблевый, хлеб повымерз, яровые... Отец (кержак) поехал на Машинстрой и поселился в землянке. Это был Иван, а за ним другие и [много?] Иванов. Строили завод и дошли до нужды в торфе... Разведка экспедиции, и карьер привел к месту, где был <*1 нрзб.*> мальчик. Его спасли и привезли на Завод. Отец с сыном встретились.

Оба сильные люди (отец через веру отцов), сын — через природу. Тон рассказа: война за человека, вместо войны с человеками. Война за человека.

Ульян был как дуб с оббитыми сучьями: три сына погибли на войне за царя, а один, партизан, погиб за Советы. Война оббила дуб, и остался он с маленьким сыном и женой. Он еще не был стар: 50 лет — не старость для уральского кержака.

Спор из-за камня. Красота камней породила охоту за счастьем (как Н. И. Савин). Весь рассказ Зверева сюда (и как муку привез) <Ульян — от помора — певца былин>.

Весна перестоялась: по насту до Кобыльей головы.

Рудоносный Урал (средний).

Север пустынного Урала (возле океана) — равнина, заброcанная обломками скал.

Кобылья голова выпятилась восстанием гранитов и порфиров, взломавших собою послойно-кристаллические породы. Продираясь наружу с большим или меньшим усилием, в иных местах они взбугрили их, в других разорвали, подняли и поставили ребром. Но эта разрушительная сила была вместе и зиждущей силою: граниты и порфиры вынесли с собою нынешние богатства Урала, его различные руды и цветные камни.

Сев.

Восточный склон Урала падает в Сибирь без предгорий и там, в степи, нет забели. Там и днем и ночью при свете прожекторов работают трактора.

Летят стрепеты на места гнездований — не узнать! Сотни рабочих... и не видели стрепета, как он, свободолюбивый и неуступчивый, улетел.

Дрофа — <*1 нрзб.*> птица. В степи ямки с водой, трактор <*1 нрзб.*> заедет. Тут и дрофы приладились.

А с Урала все тронулись на Машстрой.

Цветные камни

Давно ли было всем так, что только южное солнце дает цветы. На севере больше цветов. И еще предрассудок, будто цветные камни рождаются тоже под влиянием южного солнца. Теперь оказалось, что на мрачном Урале больше цветных камней, чем на юге, и что даже такие неповторимые в мире камни есть, как александриты и проч. И когда все это оказалось, то стало всем простым людям на Урале так, будто в этих камнях сама неповторимая вечность.

Но теперь химия, достигая температуры плутонических сил в лаборатории, делает то же самое, что делал когда-то Плутон. Бог Плутон работал на царей. Химия работает на всех. Как бы в раздумывании остановилась новая власть перед этим делом. И все прекратилось... Но Зверев... Встреча мальчика со Зверевым.

(Ударник 50 лет).

Камни.

Перстень — знак отличия патриция от плебея.

Браслеты: зарукавья, запястья.

Монисто — ожерелье (из жемчуга, бус и т. п.).

Екат. II — век бриллиантов и цветных камней (дарили алмазы).

Драг. камень — это орудие внешнего отличия.

Плутонические силы земли.

1) Не было бога Плутона — это люди воодушевили так безличные силы внутренние огненной Земли. И плутонические силы эти, создавая алмазы, рубины, изумруды, сапфиры так, что камни эти стали похожими на кладовые света, а значит, и нашей вечной радости — никак не могли думать, что эти кладовые радости сделаются орудием внешних отличий между людьми. Все эти силы..., и на Урале семилетний мальчик Кир из деревни Кедровый Починок с восточного склона Среднего Урала свою страсть к поискам камней получил... прямо как бы из рук самого бога Плутона. Как всегда началась искательная страсть с пустяка...

Алмаз укрощает ярость и сластолюбие, дает воздержание и целомудрие.

В небесно-голубой бирюзе (сохраняются?) отражаются былые ясные безоблачные дни, вся минувшая радость.

Арабы камни считают звездами.

Алмазный, рубиновый, сапфировый, изумрудный трон Великого Могола. Горному делу и культуре драгоценных камней у нас положил начало Петр I.

Алмазная мельница Петра I в Петергофе.

В 1755 г. в Екатеринбурге шлифов. фабрика.

Индия — алмазами, Бразилия — алмазами, Цейлон — сапфирами, рубинами, Перу — изумрудами, Египет — яшмой, хризалитами, Китай — <*1 нрзб.*>, Персия — бирюзой.

Урал — топазами, каких на свете нет — синие топазы, малиновые шерлы, фианиты, александриты. Но алмазов на Урале мало. Но может быть еще есть и такие, каких на свете нет?

Уральские камни в пегматите (<*1 нрзб.*> гранит) отдельными гнездами, или свободн. кристаллами в жирной глине, или приросшие к породе.

Близость ур. камней узнается по увеличивающимся кружкам и более правильной кристаллизации сост. частей гранита, причем дымчатый кварц попадается большими кристаллами, «смоляками». Эти правильно образованн. <*3 нрзб.*> над пустотой, где — топазы и аквамарин.

Буро-красный венис и черный шерл в виде лучистых скоплений («кустов») сопровождают топазы и аквамарин.

Аметисты вместе с горным хрусталем тоже в пустотах, прикрепленные к кварцу.

Малиновые шерлы в пегматите.

Изумруд, александрит и фианит — их месторождение — бурый слюд. сланец, который часто выходит на поверхность земли и так может быть найден.

Изумруды часто на поверхности земли между корнями выворотня.

Самый большой 101 $^{1}/_{4}$ карат. Наш 20 карат.

23 Января выехали в Свердловск и вернулись 23 Февраля. Целую неделю по возвращении хворал (кашель, насморк и пр.) и отпечатал всю фото-работу.

1 Марта. Строительство на Урале для меня привлекательно тем, что это не «дело» в том смысле, как сложилось во мне понимание дела под влиянием жизни родного мне самого купеческого города Ельца («в Елец, к образованным купцам!» — Чехов). Поистине дела в Ельце относились прежде всего к личному поведению «делового» человека, напр., что копейка рубль бережет, что по одежке протягивать ножки и т. п. Благодаря такому нравственному кодексу создавались такие огромные, миллионные дела, как напр., махорочная фабрика Романова, подразумевавшая всем нам известного Никона Иванова, который в слободской трущобе, в «каменьях» начал свое дело, кажется, с починки гармоний. Биография таких замечательных людей была для нас как бы житиями святых, направленных в сторону земного стяжания. И вот отсю-

да вытекало понятие «дела» как мрачного подвига. Мы *<2 нрзб.>* молодежь, были *<1 нрзб.>* революционерами и очень издевались над всей этой нравственностью купеческого Ельца. Но отрицая, мы ведь необходимо имели перед собой предмет отрицания: купеческий быт с его «делом». Такое деятельное отрицание есть длительный процесс, в котором, конечно, бывали минуты сомнения. Да и как не сомневаться при *<1 нрзб.>*, если их «дело» как-никак, а дает реально всем необходимые материальные ценности, а материальные результаты нашего дела теряются в тумане отдаленнейшего будущего. И вот когда теряешься, бывало, в сомнениях, то встает из недр родового прошлого как необходимость, как неминучесть и смерть и вечность, и роковой голос слышится: «Надо делом заниматься, а не утопией».

В катастрофический момент борьбы с «делом» занятие литературой было для меня истинным спасением: ведь это не было «дело», скорее наоборот, а между тем посредством этого «недела» можно было жить. Я уверен, напр., что мое стремление к реализму и даже больше — к физическому <уплотнению?> слова происходит субъективно от борьбы с елецким «делом»: посредством физики слова добиться тех же результатов, каких добивались купцы производством реальных ценностей.

То, что я увидел на Урале, существует, конечно, и в Москве, но я не могу это в Москве видеть, потому что я хорошо помню вид филипповских калачей, расстегаев. И не только одна память прошлого не дает в Москве ясно видеть новое: как бы то ни было, Москва является все-таки тылом в отношении передовой позиции строительства Урала и Юга, а в тылу все равно *<1 нрзб.>* дело о войне с немцами или с косными силами природы. Только на Урале я понял посредством глубокого чувства, что новое строительство значительно именно тем, что это строительство — не-дело в том смысле, как далось мне это понятие, что истинно железные люди, которые стали во главе этого строительства, только потому и стоят, что совершенно отрицают старое «дело».

Ближе всего это не-дело к войне, потому что, во-первых, как на войне тут действуют массы. Вагоны переполнены, вокзалы набиты людьми из разных, часто отдаленных краев, и все эти, прямо сказать, народы находят себе место, мало того: их не хватает. Точно так же, как на войне, отправляясь на позиции, бывает, встречаешь множество обратно идущих людей, которых называли самострелами или «пальчиками». Так точно и теперь много летунов, которые пришли сюда в лаптях, а уходят в сапогах. На Урале, например, как нам сообщили. ...

Тысячи иных признаков... Мы шли по месту, где прошлый год один инженер заблудился в лесу. Теперь тут от всего леса среди целого города кое-где торчат забытые деревья, и их вид живо переносит к каким-то, когда-то, где-то виденным деревьям. Мало-помалу тыловая психология переменяется, и самое главное это в том, что вдруг как бы исчезают неприятные лица: становятся все хороши...

Мы видели каких-то совершенно железных людей, на которых возложена волевая установка этого не-дела. Очень возможно, что у них с инженерами постоянно неприятности и, если войти в повседневную жизнь, то получится то же, что и у нас в тылу. Но в том-то и цель, что *<1 нрзб.>* передового фронта, скорых и важных событий, как на войне быстро перемещаемых людей

Это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего. Ведь это верно, что инженер еще прошлый год здесь заблудился в лесу. Теперь тут город, а лес стоит вдали. Но какой это лес, ведь он обречен, его завтра не будет, этот лес почти нереальность. Зато вот механический цех, которого еще нет — он реален. После того мы осмотрели все полузанесенные цеха и рассказывали о своих впечатлениях директору, он сказал:

— Это что — все пустяки, вот механический цех это действительно величина.

— Как же это мы не видели, — сказали мы. — Мы все обошли, а механический цех не видели.

Директор засмеялся.

— Так просто это видеть нельзя. Там на земле пока нет ничего.

И послал нас в комнату проекционн<ую>, где много инженеров сидели и думали над планами. Тут мы вошли в механический цех, которого нет в действительности, нам привычной. И нам тут стало мало-помалу понятным, что будущий механический цех представляет реальность большую, чем стоящий вдали лес.

Вот множество подобных впечатлений мало-помалу приводит к заключению, что все это не-дело в смысле нашего прежнего понимания. И война ведь все-таки дело — мы знаем ее... С войной сближает лишь передвижение масс, отстраняющих куда-то в потемки жизнь самой личности. Коренные расхождения наших впечатлениий с войной начинались у нас, когда мы от машины перешли к человеку, который...

Первых людей мы увидели в тех остатках леса, который окружает огромное место строительства. Какой-то Иван явился сюда с лошадью и стал хорошо зарабатывать с лошадью на строительстве. Он выкопал себе землянку в лесу, выпросил тесу, стены набил стружкой, настлал пол деревянный, сам сложил себе русскую печь... Потом этот Иван вызвал к себе из деревни свою бабу с детьми, а когда вслед за бабой пришел брат тоже с бабой и детьми, за братом сват, кум и так в лесу устроилась временная деревня Ивановых. Так не одни Ивановы... Жизнь у них прежняя...

— Было очень уютно в одной подземной избушке, бабы пекли блины, и эти были так же небогаты, как если бы в окопе на передовой позиции тоже запахло блинами и бабами.

Беседуя, мы осторожно спросили хозяина:

— Как вы думаете, удастся достроить этот огромный завод?

Хозяин ответил неопределенно, вроде как Пифия, в том смысле, что, конечно, удастся, если ничто не помешает, и не удастся, если будет помеха.

— Вот вы переехали сюда и налаживаете жизнь, что же будет, если завод не удастся?

— Мы вернемся в деревню, — спокойно отвечал хозяин.

Когда мы вышли из-под земли, до нас *<4 нрзб.>*, несмотря на солнечный свет через деревья *<4 нрзб.>* Подземные люди, женщины с детьми на руках вылезли на свет в большом числе и вместе с нами через редкие деревья смотрели на громадную стройку.

Мой товарищ спросил:

— А может быть, и достроят?

Хозяин с большой готовностью ответил:

— А может быть, и достроят.

Оставив первых людей, мы пошли ближе и к позициям и скоро услыхали звук, отвечающий на войне пулеметам: это работали на *<1 нрзб.>* бесчисленные пневматические молотки. Скоро мы привыкли к этим звукам до того, что они стали нам как кузнечики. Огромное большинство их *<1 нрзб.>* возле цеха металлической [клепки?], и что удивительно было нам: тут были и бабы и мужики, били молотом, как будто это те самые виденные нами первые люди перешли сюда на клепку. Бабы стояли у жернова и щипцами подавали клепку рабочим, а те... Нам объяснили, что «первый человек» с этого начинал, но он уже не крестьянин, как первый, а рабочий. От вторых людей мы перешли к третьим и четвертым, просмотрели весь цех металлич.... с точки зрения формирования рабочего сознания... От цеха к цеху так мы дошли до здания комбината, в котором *<1 нрзб.>* каждый «первый человек», уделяя в день два часа времени, должен сделаться инженером. Так строится этот гигантский завод в расчете сделаться заводом-вузом. *<2 строки нрзб.>* мы видели ясный путь от Ивановых в завод-вуз.

Только одно маленькое сомнение явилось у моего товарища:

— Значит, первые люди у вас непременно должны будут быть инженерами?

— Что вы хотите сказать? — спросил заведующий комбинатом.

— Что, например, будут инженеры знать о *<1 нрзб.>* эллинов?

— Ага, припуск! — ответил заведующий.

И начертил нам схему технического образования, начиная от клепальщиц, кончая инженером: начиная от мальчиков в школе ФЗУ и рабочих-клепальщиц техническое образование будет сопровождаться «припуском» знаний общей культуры человечества, этот припуск расширяется все больше и больше, так что будущий рабочий уже не будет <*4 нрзб.*>, а самостоятельной личностью...

Не дело...

2 Марта. Вчера в «Известиях» Толстой написал, что у нас нет принудительного труда. На самом деле принуждение есть и теперь оно приблизительно, как было с колоколами: официально нет, а на местах практикуется. Толстому будет неловко, когда появится новая статья о головокружении и перегибах. Единственная позиция возможная — это признать, что в такой острый момент жизни государственное принуждение к труду необходимо так же, как во время войны.

6 Марта. Всю неделю оттепель — это, кажется, первая за эту суровую зиму.

Ах, Толстой Алеша! зачем он написал америк. рабочим, что у нас нет принудит. труда. Надо бы написать, что есть такой и да будет он, раз мы строим государство.

Процесс меньшевиков: воистину, «и покори ему под нози всякого врага и супостата».

У нас в городе отбирают коров и в объяснение этого дают ответ: «твердое задание». Отбирают у некоторых и единственную корову, конечно, сделав при этом мало-мальски приличный социал. соус, вроде того, что хозяйка продавала молоко. Насколько это <*1 нрзб.*> удар и коварный! ведь прокормить в эту зиму корову (10 р. пуд сена) истинно геройский подвиг, и вот как раз в то время, когда определилось, что прокормим, ее отбирают. А в деревне все время так. И эта другая сторона героической картины строительства.

Итак, если тебе получшеет, то знай, что, значит, кому-то похужело, вроде как бы отобрали корову у кого-нибудь, чтобы ты пил молоко. Ты можешь радоваться бытию при условии забвения ближнего, ты можешь, впрочем, жить идеей, т. е. самозабвенным участием в творчестве будущего нового человека.

Через год будет лучше вот почему: тогда определится, что пятилетка удастся, и множество людей станут продолжать ее добровольно.

Определилась физиономия крестьянск. писателя: все свое делают на людях (деревня)...

Существующая жестокость — это вышло из деревни, это жестокость физическая.

Свет и тьма.

Можно до того приспособиться к работе в потемках, что чувство недостатка в свете исчезает и, даже напротив, такое может статься, что во тьме достигнутый навык при свете теряется и отличный мастер на свету делает негодные вещи. Так было в Сергиеве в 1923-м году с одним токарем, которого за примерное поведение, трезвость, честность, сердечность и большой практический ум выбрали народным судьей... Куда тут допотопные рассказы о находчивости царя Соломона. Если бы походить по городским слободам и записать переходящие из уст в уста рассказы о суде бывшего токаря, да книжку бы изучить, то, наверное, скоро бы забыли царя Соломона и, по крайней мере у нас в СССР, в соответствующих Соломону случаях, помнили бы Данилу Кондратьевича Поташенкова. Так прошло семь лет, равных по ходу событий и человеческих переживаний семидесяти обыкновенных лет. Поташенков за это время до того утвердился в своем призвании народного судьи, что отдал даже какому-то токарю-пьянице свой токарный станок со всеми инструментами, и тот все это вскоре пропил. Случилось, однажды приехал к нам в С. какой-то большой прокурор, чуть ли не сам Крыленко, и пошел из любопытства в народный суд. Конечно, сразу же Крыленко понял, что в лице народного судьи Поташенкова имеет дело с гениальным самородком. Как раз в это время уст-

раивались в Москве краткосрочные юридические курсы. Крыленко, видя гениального человека, работающего в полных юридических потемках, как и все мы на его месте, предложил народному судье поехать на шестимесячные курсы и подучиться. С большой радостью Поташенков согласился, поехал в Москву и через шесть месяцев вернулся на свое место. С первых же выступлений выученного Поташенкова все товарищи заметили на суде ошибки, а дальше все больше и больше. Конечно, ошибки и раньше бывали изредка, но тогда малейший намек на ошибку Дан. Кондратьевич сознавал и все исправлял. Теперь же не подступись! Не прошло и года, как Поташенкову пришлось уйти из суда. Теперь в Сергиеве днем и ночью вы можете слышать оратора, который <*3 нрзб.*> ругает все до основания: науку, государство и в особенности почему-то кооперацию. На площади во время учения солдат он часто в стороне [делает?] то, что велит командир и смешит публику и..., шут какой-то и в то же время... Жалкое существо, я его часто видел и всегда при этом думал о так называемых «темных» людях, в <*1 нрзб.*> своего сердца, которое заменил им свет ученого разума.

Вечером приехал из Москвы Лева, конечно, расстроенный. «Семейная жизнь» его, по-видимому, вполне ад. Но пережить это надо. Только бы не вышел калекой.

Нет, не только иностранцам, но и плутам хорошо в Сов. государстве, считаю также, что и писателям.

Но до плутов, наверное, скоро дойдет, будут гнать, как бы не дошло и до писателей. Труднее всего мужикам. А рабочим тоже очень хорошо. Итак, страдающие — мужики и большая часть интеллигенции.

Весь идеализм собрался на строительстве заводов, надо бы колхозы посмотреть, притом <*1 нрзб.*> Тут ключ ко всему.

А выстроить могут...

9 Марта. Стоят сильные утренники, а в обед в лесу, засыпанном снегом, кое-где блестят капли. Начались ку-

чевые облака. Вместо Мишки снимаю Бьюшку, и весна света выходит удивительно.

Ночью приехал Лева и объявил, что со Светланой (гнилушка!) они разошлись. Таким образом, сын разрешил мой личный мучительный вопрос: «что бы вышло, если бы я воспользовался первым девичьим замешательством моей Светланы и таким образом основался на совершившемся факте». Теперь ясно, что совсем не в этом дело, ничего бы это не закрепило, но песня моя об Ине Ростовцевой осталась бы неспетой. Но нет! мне предназначена была эта песнь и потому явилась недоступная...

10 Марта. Весна света в полной силе, по утрам морозы трескучие, днем непременно на каждой елке увидишь много светлых капель. Красными зорями краснозобые снегири токуют густым баском. Много снимаю в лесу.

Скорая любовь.

Выясняется, что все произошло 11 Дек. внизу на коврике возле горящей печи. Они выпили немного за нашим хорошим ужином, прошла минутка — и вдруг... Он сразу объявил себя мужем и таскал ее по родным. Она же постепенно как бы в себя приходила и начинала чувствовать оскорбление. Через месяц они разошлись, потом через месяц сошлись и совсем разошлись. Так было и с ее матерью, тоже и та сошлась, даже родила, не войдя во вкус любви, разошлась, когда девочке было четыре месяца, и вся жизнь прошла, как бы девичья. Почти бесплотное зачатие.

11 Марта. До полудня был солнечный день. Снимал в лесу Бьюшку.

Началом весны я считаю, когда где-нибудь на лесной полянке с южным склоном отяжеленная смерзшимся снегом еловая лапка до того обмякнет в полдень на солнце, что на хвоинке явится блестящая капля воды. Скоро эта капля в тень попадет и замерзнет, но всякий солнечный день в полдень к этой капле будет прибавляться еще, и так в лесу на елке мало-помалу вырастет сосулька, потом

другая, третья. Случалось видеть елочку сверху донизу на южной стороне украшенной такими блестящими игрушками, так радостно манящими, что хотелось позвать сюда детей и показать. Февральская городская сосулька на желобах тоже, конечно, прекрасна, но те в лесу на елке много лучше, потому что и елки же намного лучше, чем желоба.

Я так оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет, правда, ведь и не с чем сравнить этот ужас, чтобы сознавать виденное. Только вот теперь, когда увидел в лесу, как растут на елках сосульки, вернулось ко мне понимание возможности обыкновенных и всем доступных радостей жизни и вместе с тем открылась перспектива на ужасный Урал.

Наш семейный праздник откладывается на 22 Марта (воскресенье).

12 Марта. Оттепель. Метель.

Из деревни мужики исчезают, на производствах это уже не мужики. Где же эти миллионы? Кажется, верно сказать — мужики теперь самые настоящие только в вагонах.

Некоторые говорят, что пятилетка удастся, и большевики выстроят фабрики, но эксплуатировать их они не будут в состоянии. Это последнее слово контрреволюции. Впрочем, конечно, нам, воспитанным гуманистам, чрезвычайно трудно представить себе самую жизнь в социал. городе. Ведь и с этим чисто материальным строительством нам трудно мириться, когда оно проходит под тяжестью всего государств. пресса. Мы же видим, как нравственно низка молодежь, значит, принуждение и там будет в области духа, значит, дойдет до последних тайн личного человека, все будет вскрыто.

Вот сейчас кулаки Карасевы после 13 лет борьбы сдают позиции, поняв, наконец, что большевизм не исчезнет не сегодня-завтра. 13 лет они этой надеждой жили и боролись, чтобы теперь признать борьбу эту напрасной. Точно то же, по-видимому, происходит и с «гуманистами».

На этих позициях строительства, как на обыкновенной войне, люди мало и все меньше и меньше смеются. Но нельзя это назвать и трагедией, потому что не «иная» жизнь, которой разрешается трагедия, является целью этой борьбы, а та же самая наша материально-мещанская, чисто земная, только с иным производством и распределением.

При чем тут искусство? Да, было время, когда нужно было искусство и мало художников! была потребность в блаженных всякого рода, людях как бы абсолютно лично бескорыстных. В доме ветеранов революции до сих пор жива <*1 нрзб.*> старушка, которая 40 лет учила в деревне ребят, не будучи ни материально, ни по высокому своему образованию вынужденной к пустынножительству. Это очень яркий пример, а менее ярких сколько угодно, все они сейчас, глубоко смущенные, кое-как существуют, встречаясь друг с другом иронизируют над своим положением, говорят не «как поживаете?», а «как доживаете?» Мне думается, эти обломки большого интеллигентского фронта против царизма должны чувствовать себя несколько обманутыми: кто-то что-то получил, они ничего совсем, тогда при царизме в этом царстве земном, ни в будущем достигаемом Небесном Царстве, которое теперь достигнуто и стало тоже земным. Да, конечно, они обмануты. Когда-то был спрос на них, теперь нет. То же самое с искусством. Не только Толстой, Достоевский, но ведь я, можно сказать, вчера написал «Кащееву цепь», а если бы не вчера, а сегодня подал ее — никто бы печатать не стал. Та чудовищная пропасть, которую почувствовал я на Урале между собой и рабочими, была не в существе человеческом, а в преданности моей художественно-словесному делу, рабочим теперь совершенно не нужному...

По правде говоря, мы совершенно не знаем жизнь пустынников, потому что они там живут без свидетелей: как они вели себя при встрече с пустыней? Мы знаем об этом

или с их собственных слов, или же со слов тех, которым они сами себя искусно показали...

Иногда я подсматриваю из кустов за теми, кто вышел в пустыню совершенно один и в большинстве случаев вижу, что человек, оставшийся подчас с пустыней, занимается пустяками или гримасами; до того много я видел этого, что готов утверждать о непременной глупости одинокого человека при первой встрече с природой. И это вполне понятно, потому что сам человек в обществе оброс <*1 нрзб.*> чужих форм, собственное зерно его неузнаваемо затерялось в огромном чужом, и все это чужое в пустыне обращается в гримасу, и в огромном большинстве случаев оказывается, что от собственного-то зернышка, из-за которого произошла встреча с пустыней, осталась одна шелуха.

Но как я мог из кустов следить за пустынником? Представьте себе, что мог, потому что ведь каждый выходящий с пером на белый лист бумаги тот же самый пустынник, встречающий через пустыню зерно своей самости. Я беру любую книгу, и это все равно, что я из кустов, совершенно невидимый, смотрю на пустынника-автора. Конечно, нужно уметь отбросить все, чем маскируется автор, иногда чрезвычайно искусно.

Карандаш, конечно, может гораздо больше, чем фотография, но только в руках настоящего художника. Огромное же большинство художников владеют лишь внешним мастерством, внутри же люди бездарные. В таком случае, <*1 нрзб.*> художник, не владеющий карандашом, но отлично постигший фото-мастерство, может дать чудеса искусства среди бездарностей.

Люди на Урале.

1) Курносая, стриженая, выдвиженка, сирота, встреча с семьей, невинная перегибщица (колхозы), выдвиженка из неграмотных, теперь вечно читает. Военное положение.

2) Бородатый, седеющий, бывший лесопромышленник, ныне поставщик леса в Новосибирск. Переклю-

ченный на Совет. Вскрыл глубину, когда сказал, потянувшись, «как хорошо, наконец, приехать домой». Злой шутник сказал: «Так у всех есть свой домик». Испугался. «Нет, какой там домик, так просто, к себе домой». — «Не все ли равно, раз домой, значит, домик, вот вы поживите так, чтобы вам везде, на каждом месте был дом свой». Лесопромышленник, пугливо озираясь, вышел, будто до ветру, и не вернулся.

3) Военный ревизор. Из хорошей военной семьи. Служит правдой, как специалист, хотя сам вовсе не разделяет коллективистских идей. Таких очень много. И такие, наверно, немцы и американцы спецы. У них своя правда и своя неправда. Им противопоставляются «кухарки, управляющие государством».

4) Учитель-народник, лыс, неуклюж и до того привержен сов. власти, что говорит всегда, как радио. Хорош, когда начинается общий спор. Он выступает.

5) Михаил Иванович, <*1 нрзб.*> человек (из купцов) всегда весел, обходителен, с юмором, чай пьет с озлобленным человеком семейно, отлично умеет устроить, всем дает практические советы, все любят его.

6) Рыжая еврейка, которая пошла против <*3 нрзб.*>. Художники разошлись со строителями. Тема: «Строитель и художник».

7) Переведенный из Перми в Свердловск устроитель колхозов, гориллообразный, монголовидный, длинное туловище, галифе и валенки.

8) Иван Иванович (вероятно, приставленный ко мне агент) очень неглупый, вдумчивый, весь настроен, чтобы согласиться, тогда как все 75 ждут твоего слова, чтобы не согласиться.

9) Мрачный гепеушник. Спор был из-за чая, почему членам съезда чай, а им нет. Вот тут мрачный, как баба на базаре, вы же знаете, почему нет и проч.

10) Инженер, еврей, спит с логарифмической линейкой, голова быком.

11) «Рабочий класс».

12) Швейцар и выдвиженка.

13) Заведующий Машстроем, из слесарей, кряжистый.

14) Директор Вис'а. До того прошел школу новой жизни и через это так поумнел, что как будто разговариваешь с вполне образов. деловым человеком (<*1 нрзб.*> был кажется).

15) Рукавишников, зав. цехом, вероятно, из матросов.

16) Зав. медным рудником. «Волевая установка».

17) Инженер — строитель во Втуз. городке.

18) Инженер на руднике.

19) Инженер и <*1 нрзб.*>

20) Два журналиста: «отталкивайтесь от Чехова и Щедрина». Другой высокомерно: «будет провинциально, надо идти от Артема Веселого с Пильняком».

21) Осиное гнездо: <*2 нрзб.*>, Мамин (анархист), <*1 нрзб.*> Кармен и проч.

22) Кавказский говорун (кровная месть).

23) Лезгин и куропатка.

24) Командированн. «по снабжению»: за тарой.

25) <*2 нрзб.*> с игрушками.

26) Выдвиженка.

Еврейчик с логар. линейкой, одно плечо ниже другого, голова, как у быка, всегда вниз, ужасный акцент, ночи не спит, все вычисляет и, вероятно, вычислит.

Еврей — жаба, который спрашивал, почем в Москве масло.

Клер — профессор, подоб. Бутурлину религиозно шел к безверию и на этом пути окаменел.

Рукавишников, завед. цехом — общественное слагаемое.

Городаев, зав. Машстроем. Был человек какой-нибудь слесарь, внешне маленький человек, но в своем кругу замечательный, прямо железный человек по характеру и чрезвычайно правдивый. Теперь внешние границы маленького положения слесаря разбиты, он человек государственный, и личное его деятельное через это приобрело громадное значение. Их было таких людей много, незаметных, умных.

Я ли не знаю Мережковского, но я сейчас не знаю, в очках он или без очков, бреется ли, а может быть есть усы и что-то вроде бороды. Как странно, что ясно вижу его, а ничего внешнего назвать не могу. В этом есть моя особенность, я вижу внутреннее, а что извне, то мне нужно усилие. Вот почему я исследователь в литературе. Я исхожу от какого-то внутреннего неопределенного волнения и нахожу иногда с трудом во внешнем мире в вещах и чертах как бы совпадение... Этот момент находки и является у меня зародышем творчества. Я очень актуален и, мне кажется, я все могу описать или подыскать во внешнем мире интересующую внутреннюю. Меня же понимают некоторые, будто я учу, что, не имея мира в себе, можно найти его вне себя.

На машины в иллюстр. журналах смотреть невозможно, потому что их изображают бессмысленно-фотографически и рабочих приставляют условно, тоже каких-то автоматов, а не живых людей. Подходят к человеку от машины, фетишируют. Надо, напротив, все внимание обратить на человека, на его внутренний мир и оттуда подойти к машине.

Тов. Луч думает так: при условии общей круговой неправды в Европе и Америке (капитализма) все «грехи» внутреннего образования СССР должны быть искуплены. Через год, полтора, когда успех пятилетки и углубление кризиса за рубежом создадут уверенность масс в достижении, возможна перемена политики в сторону закрепления согласия между людьми.

13 Марта. До обеда было ясно, снимал в лесу портреты безобидных существ. Завтра, 14-го, еду на Зооферму и пробуду 15, 16–17–18–19 — писать Зооферму, 20–21 Москва, Мантейфель, 22 праздник.

14 Марта. «Блажен муж иже не иде на совет нечестивых» (чист за отриц. качество «не иде» и блажен); это верно при условии, что нечестивые действительно впол-

не уж нечестивы, но если, напр., никониане и Аввакум, то Аввакум не блажен, потому что никониане при всех своих недостатках несли в себе идею универсальности и движения... Так и сейчас точно то же, церковь не спасет себя ни тем, что пойдет, ни тем, что не пойдет на «совет»...

В церкви самое дорогое — это единство, ведь книга, напр., там одна для всех времен и поколений и служба для детей и неразвитых действует огоньком и пр., а для мудрецов удивительными словами. Да, удивительно, почему же не спасла церковь от войны, столь ужасной, и еще более страшной революции?

Кир, сильный человек; идея всей вещи: человек овладевает машиной.

Сюжет:

В духовной семинарии всегда было особенно против других учебных заведений много неверующих, но в последние годы перед революцией семинаристы сплошь шли почему-то в ветеринары. Был один семинарист по фамилии Гамза, так он в безбожии всех перегнал: когда на исповеди его священник спросил: «В Бога веруешь?» — Гамза сам спросил: «А ты?» Его, конечно, выгнали, а в этой семинарии между собой потом долго смеялись: «веруешь?» — «а ты?» Вскоре началась революция, и семинария кончилась. Прошли еще годы, и десять лет прошло. В нашем городе побили колокола, разломали церкви. Остались только две, одна кладбищен. и другая... Служба, <*2 нрзб.*>. Исповедь. В кожаной куртке к священнику: «В Бога веруешь?» По этому священник узнал товарища.

Основное ядро верующих — люди несчастные, много женщин. Введенский (обезьяна) за 150 р. получил место на левом клиросе. Весь на виду. Проходит, осеняя себя броском-крестом, и вытирает усы, целует иконы и <*3 нрзб.*>, опять броском и осматривает публику, наконец, глубокими...

Вместо церкви — кино.

В прежнем (церковном) строе жизни разделение людей было в материальном, в церкви же (внутри жизни) все эти люди, разделенные, соединялись, отсюда шло покаяние и т. п. Теперь в киномоторное время материально люди представляют собой коммуну, но в тайно-духовном отношении каждый коммунист, как неразложимый атом. При уравнении пищи, одежды и вообще устранения из жизни индивидуальной роскоши жизни, которая ранее была простодушным «счастьем» людей (наши купцы просто лопались от жратвы), вероятней всего аппетит людей перейдет в область власти («каждая кухарка и проч.») государственной: оратор вместо жреца, вместо воина инженер.

Хилков — обермашинист, но не госуд. человек (Витте). Характер современности дает государств. человек (не «обермашинист» или спец). Что же такое человек государственный? 1) Общее предпочитает частному в мыслях, в простолюдине как бы <*1 нрзб.*>, прозрел. 2) Как следствие жизнь на людях днем, ночь на диване и проч. 3) Наивно <*1 нрзб.*> движется лично под предлогом общества и государства. Впрочем, он может быть наголо общественным слагаемым. (Это у рабочих.)

Мои личные качества, примененные к государственному аппарату, разрастаются до колоссальной значимости и обратно проектируются внутрь меня в чувстве самоутверждения, небывалого доселе. Такой человек может развить чудовищную силу, а если их много — то вот эта сила сейчас и движет нас. Именно так: скрытая сила личности.

18 Марта. Воскр. и понед. провел в Зверосовхозе. На вопрос мой у немца-зверовода, что побуждает его работать в России, он сказал: Freude am Beruf (радость призвания), или, как у нас — радость специалиста; эта «радость» совершенно противопоставляется чувству государств. мощи, которую испытывает «кухарка», приставленная к аппарату. По-видимому, эта «радость призвания»...

Меня всегда удивляло, когда по-немецки приходилось в Германии называть своих профессоров, не просто зна-

менитый профессор такой-то, а плюс некий, вернее, вперед, с нашей точки зрения, ничтожный Jeheimer[1], а потом уже профессор. У нас теперь этого милостивого осенения государством ученого нет, у нас профессор просто «спец», подчиненный государственному деятелю, являющемуся хозяином дела.

21 Марта. Сегодня первый день такой солнечный, что в полдень наконец-то побурела дорога и так осталась.

Эту суровую зиму перележавший снег к весне сошелся частицами своими в такое единство, что далеко ухало, когда лыжи давили сугроб и далеко где-нибудь елочка, закутанная в белый мех, получая гулкое сотрясение, вдруг раздевалась и выпрыгивала вся целиком зеленая, стройная из-под своего тяжелого странного наряда...

Чуть-чуть только подумав, я понимаю, что нет виноватых, и все всем прощаю всегда, но горе в том, что после обиды не всегда успеешь подумать и бросаешься в войну совершенно бессмысленно.

Как это странно, что можно смеяться до слез! Но над чем же смеяться, как не над собственной своей жизнью, потому что ведь исподняя сторона всякого поступка тут вся налицо со всей своей подноготной. Но только стыд и слезы являются, когда человек смотрит в себя. И когда с глазами, полными слез, он смотрит и видит то же самое свое в другом человеке, то начинает смеяться и часто хохочет до слез.

В 1925 году Союз писателей ликвидировал общежитие, и я в глуши Переслав. уезда получил уведомление, что комнаты у меня в Москве больше нет. Архивы все мои, находившиеся в комнате, были брошены в сарай в незабитый ящик... После больших хлопот я купил себе в Сергиеве дерев. дом в три окошка и с тех пор живу в нем, устраивая литер. дела обыденкой, т. к. номера в гостинице всегда за-

[1] Jeheimer — диалектн. нем. Правильно: Geheimer Rat, что до 1918 г. в Германии означало титул: тайный советник. — *Ред.*

няты. Много раз меня приглашали <*1 нрзб.*> участвовать в общественной жизни, и я не участвовал, [потому] что у меня негде переночевать. При возможности получения комнаты меня всегда обходят, отдавая предпочтение тем людям, котор. живут на столах по два года. В последний раз Федерация <*2 нрзб.*> в новом доме дать мне комнату, но когда я пришел получать, то комната была занята.

По натуре своей, положению и возрасту я не могу отбивать силой комнату у претендента, не имеющего приюта в Москве и начинающего карьеру. И мне отказывают обыкновенно под тем предлогом, что я не городской человек и удовлетворяюсь жизнью где-то в природе. Но это неправда, я живу в «природе» только потому <*4 нрзб.*>, что стесняюсь чуть что не <*2 нрзб.*> добиваться себе жизни в Москве.

...я пошел теперь навстречу общему зову писателя к производству и городу и заключил договор с «Молод. Гвард.» и др. журналами <*3 нрзб.*> договор, должен описывать <*1 нрзб.*> и город. Я жил на Урале, изучая Машинстрой. Получил там много тем, разработать которые могу только по город. материалам.

Мне совершенно необходима в Москве комната, в которой я мог бы удобно работать и, уезжая из Москвы, я должен быть уверенным, что без всяких хлопот и опасений за целостность архива моего могу в нее возвратиться.

Мне сейчас комната нужна, необходима, я прошу принять для этого срочные меры, не забывая при этом, что я, Михаил Пришвин, имею 30 лет литературного стажа, что я мог бы жить <*4 нрзб.*> и нет двух месяцев за годы сов. власти, чтобы не появлялась в наших журналах моя вещь, и нет двух лет, чтобы не выходила в свет моя книга.

23 Марта. Тронутая вчера в полдень дорога так и осталась бурой до вечера, а утро пришло серое и теплое, с крыш побежала вода, все сосульки попадали, крыша стала даже съезжать и обваливаться. В полдень открылось солнце, и так до вечера было очень тепло, и только ночью прихватил легкий мороз.

Были у меня Дунечка, Софья Яковлевна и Наташа.

Тоска ела меня неустанно, начал подумывать, не глисты ли это развелись у меня в животе, отправился к знаменитости, и нет! он ответил, что это не глисты, а душевная болезнь. Но я знаю, что если это действительно болезнь душевная, происходящая от воздействия тяжелых условий, окружающих мало-мальски нравственную <*1 нрзб.*>, то нет надежды на излечение: «условиям» этим нет никакого конца. Но я все-таки сомневаюсь, схожу к нашему обыкновенному доктору Кочерыгину, может быть окажется еще, что глисты.

24 Марта. Очень светлый день и сильно разогрело. Вода еще только с крыш бежит, и снег весь еще цел. Грачей не видно, жаворонков не слышно. Один снимок весны света вышел великолепный.

Петр Великий в указе переславским воеводам говорит: «а буде не..., то сие отразится на вас и на детях ваших». В этом сокровенная душа государств. человека: «и на детях». Напр., сокровенная душа анархиста (Л. Толстой) это забота о личности с подчеркнутым отрицанием ее потомства.

Индустрия и церковь — вот наши два полюса.

Всякий художник по существу непременно девственник, влюбляется, но никогда не отдается жизни, и если бы отдался, то перестал бы быть художником (Мангонари и попадья).

25 Марта. Все киснет, мокро порошит, и ни грачей, ни жаворонков еще нет на виду.

Любовь — это знание.

Есть секрет личного у человека и во всем мире.

Есть в человеке и во всем мире сторона, которую можно узнать только посредством силы любви.

Какой-нибудь человечек, такой плохонький, что хоть бы и не был вовсе, а между тем и у него есть тайная для нас паутина чувств, которые связывают его с его близкими.

Да и зачем плохонького брать. Пусть он вовсе не плох, но стар и умирает, как вот умирал недавно Алексей Кузьмич Соколов. При нем была только его старуха одна, и до чего же было грубо вокруг! Ведь гробов даже нет, и каждый, у кого на руках больной, должен непременно частным порядком где-нибудь доски купить. Когда умер Алексей Кузьмич, в этой мордовской столице (Саранске), то все и говорят ей: «чего же вы не позаботились о досках, когда были раньше». *<зачеркнуто>* Никто не хотел вникнуть в положение близкого человека умирающему, что надежда вы́ходить не покидает — и заготовляет доски на гроб при жизни...

— Чего же вы не позаботились раньше.

— Да как же раньше, ведь он же все жил, и я надеялась — вы́хожу, я даже так думала, что вот я была больна, и ты со мной каждый день гулял, а теперь я с тобой погуляю. Можно ли в таком расположении думать о досках на гроб.

— А как же нельзя, — отвечали чужие люди, — надо было надвое думать, а если пришлось бы гулять, так доски не пропащие, ведь каждый день кто-нибудь умирает.

Поди вот, поговори! А когда доски за большие деньги все-таки достали, то явились гробовщики, выпивши, и потребовали на час десять рублей и чтобы сейчас и не в счет гроба: «а то делать не станем». После того пришел могильщик и, как сговорились, тоже 10 рубл. на чай и вперед. А когда на другой день поставили покойника в церковь, вдруг община церковная потребовала, чтобы убирали покойника, потому что будто бы испортился. Куда же его деть?

Конечно, покойник ничего не чувствует, хотя бы его и вон из церкви выбросили в грязь. Но всякий почти человек перед тем как умирать и остаться без чувств еще долго умирает, все чувствуя. Да и как сказать, мы же все всякий момент не только живем, но и умираем, каждый вечер мы хороним свой день и, если вдуматься хорошенько, что каждый день, каждое мгновение секретно от всех мы хороним себя пока, наконец, не дойдет до необходимости заготовить кому-то для тебя доски.

Я хочу сказать о любви как знании — что у личности есть секрет жизни, который знать может другой только посредством любви.

Две ветви: любовное знание — церковь,
умственное — Машинстрой.

Так, я думаю, скажет и N, который не церковник и не большевик, ему потому и видно, что большевики сделают у нас Америку, но жить в этой новой Америке будет какой-то другой человек, не сам строитель; вот это «не» и является причиной его отъединения. Он в то же время знает, что и церковь выстоит непременно, потому же как непременно осуществится пятилетка; но и в будущей церкви все будет не так, как теперь. Значит, и тут «не», которое не допустит его идти в церковь: ведь там теперь не хотят и знать пятилетки.

Возвращаюсь к рассказу о любви-знании. Итак, каждый момент жизни разлагается на от-живание и на-живание.

Характеристика «на» и «от». На = На-род или род на род: тут нет ничего личного, не один так другой числом берется, количеством, тут нет никаких от-личий, все беднота, и чем бедней, тем больше на-рождается и тем больше спроса на средства существования, значит, на технику, машину и машину всех машин — государство.

«От» — от-живающая часть человека, отживая, порождает мысль или смысл пережитого, и этот смысл заключается в форму личности, которая препятствует простому бессмысленному на-живанию, на-рождению и т. п. вплоть до «Вавилонской башни».

Из этих двух сил, бессмысленного нарождения в настоящем, формирования личного в прошлом рождается будущее. И все надо понимать как процесс, поминутно происходящий в человеке.

27 Марта. Утренник. Полусолнечный день. Дороги все целы. Птиц нет. 10 Апреля (через две недели) Пасха и разрешение охоты до 10 мая. Сговориться с Павловной об охоте и Пасхе.

28 Марта. Прилетели грачи.

Корова просила быка.

Грачи, прилетев, чистили гнезда и выгоняли из них ворон весь день. А к вечеру куда-то улетели, и гнезда остались пустыми.

Корова ревела весь день, ходили за быком (10 р. теперь стоит), обещали, но не привели.

Ритм жизни (радость зачатия будущего и др.) сохранился теперь только в природе: ведь грач чувствует же себя как грач, и корова знает, что она корова, а человек нет, он расчленен, и человек — кулак или человек — пролетарий разные существа.

Диалектическая антитеза: индустрия и церковь.

Начинаю Кира.

31 Марта. Вчера сильный сев. ветер, но вечером был дождь, а утром открылось, и... кругом пушистый новый снег лег на почти нетронутый старый. Деревья забиты снегом.

Так март прошел по-зимнему.

Со мной что-то нехорошее делается. Если я встречаюсь с предметом, напоминающим мне всякое мое прошлое от отдаленного времени до прошлого года, непременно он вызывает во мне что-то вроде психической тошноты, которую на слова перевести будет приблизительно так: «Все это напрасно ты делал»[1]. Мне думается, что это не совсем личное чувство. Напр., вижу пень от срезанного мной на огороде дерева и мне неприятно, конечно, потому, что я резал когда-то дерево, имея в виду сад развести. Между тем, будь у меня теперь сад, я отвечал бы за каждый куст

[1] Это вот отчего: в моей писательской лаборатории есть сила сохранения переживания и последующей вдумчивой оглядки на него, сопровождаемой чувством приятным: ведь оглядываешься и думаешь: не пора ли это прошедшее воскресить (воспроизвести). Но теперь как-то выходит, что сохранять-то вообще ничего не надо. — *Прим. М. М. Пришвина.*

смородины. Я без смородины получаю анкеты о ней, малине, клубнике и пр. Пень в огороде является мне как бы памятником разбитой надежды. Тоже на корову неприятно смотреть и думать, что миллионы женщин и детей у крестьян, где корова как близкое человеческое существо, плачут теперь. Написанное мной я не только не перечитываю, но стараюсь вовсе не думать о нем и действительно не думаю. Я читал недавно детям с таким большим успехом, но внутри даже от этого радости не было. Что это такое?

Когда я в юности встречал настоящих революционеров или представлял себе Чернышевского и подобных, то их «высшее» дело в моем представлении имело аскетический характер. И когда я стал утверждаться в себе самом как писателе, то все эти люди мне стали чужды. Я не отрицал их мира, напротив, я даже признавал, что когда-нибудь с рабочими непременно будет по-ихнему. Но я хотел жить сам, и мне казалось, что в этом может быть такой же долг и служение — раскрыть в мире себя самого. И когда прогремела революция, то я понял ее так, что вот теперь и пойдет дальше, как у меня: все начнут в новых берегах раскрывать себя лично. Я успел с этой позиции написать лучшие свои книги. И вдруг все повернуло точно к тому времени (моей юности), когда мне, колеблющемуся, революционное сознание представлялось высшим и аскетическим. Точно так же и теперь я представляю себе возможными все достижения строительства и даже социализма, но холодно, без моего цельно-личного участия. Я представляю себе это приблизительно, как движение луны, совершенно необходимое — движется и пусть! но есть луна моего личного творчества, без меня этой луны не осталось бы на земле, и никто бы не знал ее такой... Что-то вроде лично-встречного промфинплана, вот именно не группового, а чисто личного.

Главная моя тревога исходит именно из того, что это личное, находящее себе питательную среду на Западе, временно компенсируется восточным Числом, что восточные народы, живущие куском черного хлеба или ложкой риса,

развертываясь изнутри вовне, или материализуясь, должны выделить из себя силу масс, вроде скрытой теплоты, которая будет долго действовать безлико, пользуясь материалом культуры, добытой, конечно, личным путем.

Если это проще выразить, то надо взять нашу действительность, в которой личное творчество совершается под контролем масс, которые чистят за малейший уклон в «бесполезное». Или можно судить по внутреннему смутному чувству, которое подсказывает «личному» сидеть и дожидаться, пока массы догонят.

С точки зрения управителя массами то, что для нас имеет личное, значит, единственное и неповторимое в мире значение — это личное там рассматривается как случайность. И точно так же в прошлом все культурные ценности стараются обезличить и объяснить общественно-хозяйственными причинами. Но как ни своди все к причинам, явление личности, напр., Пушкина или Толстого, есть факт, который необходимо для масс усвоить, равно как и весь комплекс культурно-исторических личностей.

Принципиальной милости у нас слишком много, и я как писатель (один из 150) очень даже обласкан, но я хотел бы милости, исходящей ко мне в силу родственного внимания. Точно так же для устройства детского дома вовсе не надо быть милостивым к детям, жалеть их или любить. Ты пожалей того ребенка, одного из миллионов, который плачет вместе с родителями, расставаясь со своей коровой. Кстати, и корову пожалей, видя, как она, уводимая чужими, оглядывается на своих дорогих хозяев. Вот нам этого личного-встречного промфинплана не хватает, как воздуха. Я могу быть принципиальным последователем большевиков и отличным активным деятелем, но если я естественное, живое чувство жалости к ребенку, от которого уводят корову, буду заглушать радостью от соображения, что молоко этой коровы пойдет в детский дом, то я или обманываю себя или совершаю подлог. Мы даже миримся с этим постоянным явлением, полагая, что

поступающие так политики — люди нравственно бессознательные, что они просто не знают, что творят (и может быть не должны знать). Но если Максим Горький развивает теорию своего принципиального оптимизма, то, конечно же, он хитрит и унижает себя.

В большевизме есть эсхатологическое начало, или нет — я не знаю, как это назвать, эсхатология основана на чувстве конца мира и начала совершенно новой жизни (загробной, после светопреставления и Страшного Суда). Так вот у нас теперь, как после светопреставления, чистилище (чистка) и Суд и разделение овец (пролетарии) и козлов (о лишенцах: там будет скрежет зубов). Иногда на Машинстрое я заражался этой психологией (что новая жизнь началась) и тогда в свете такого понимания видел ту старую психологию, которой жил я со времени юношеского перелома: т. е., что есть в человеке природа, которая преодолевается тысячелетиями и то немного, а последнее преодоление, когда лев ляжет рядом с ягненком, и еще многое... Так вот и в Машинстрое мне было как бы возвращение к юности, когда верилось, что усилием воли можно все переменить и проч. Пожалуй, это важно: ведь всё мальчишки делали и некультурные люди. Значит, не только сила самоутверждения (в государстве, кухарка) и не только сила числа, а еще сила молодости, доверчивой к разуму (юность, число, личность самоутверждения: сказано — сделано, ясно! факт! точка!).

1 Апреля. Сильный ветер, и то снег валом валит, то солнце глянет над белым и так, что всякий глаза опустит или закроет. К вечеру стихло, расчистило совершенно, и солнце, раскинув зимнюю зарю над белой землей, передало постепенно дело освещения огромной луне.

Всюду за этот день на крышах нависли сосульки, но не февральские, спокойно нарастающие с капли на каплю. Тут несколько раз за день и схватывало морозом и опять отпускало, ветер тоже мешал, и часто капля, застыв как-нибудь сбоку и мешая другой, и от этого вся сосулька шла

вбок, и от спешки и рывков получились нелепые кривые сосульки.

Я пошел погулять, дивился отдельно стоящим, занесенным снегом деревьям. В лесу же нет — снегу все-таки было мало, чтобы пригнуть к земле или совершенно засыпать елочку. Возвращаясь по городу, я вдруг поймал у себя то чувство безысходной тоски, которая мучит меня последнее время и, почуяв ее, сразу же стал внимательно рассматривать предмет, возбудивший ее. Это был маленький, вросший в землю дом, и можно было понять, что тоска моя произошла частью от цвета домика, темно-красный цвет, местами повытертый до серого из-под него, а частью отчего-то, что в этом домике все было кривое, подоконники, крыша и даже сосульки на крыше были все кривые.

«Как это ни странно, но взрыв гуманных чувств произошел именно в кабаке, и в голове этого движения встал отпетый кабатчик Ермошка». (Мамин-Сибиряк. Золото, стр. 151 из *<1 нрзб.>*

2 Апреля. (Март 20). Весна не начинается (чуть началась и замерзла). До Благовещенья остается 5 дней, — конечно, доездим; а если неделю переездим, то как раз в начале пасхальной недели будет ростепель.

Война за человека — это одна тема Кира.
С кем война?
Человек в природе — это единство жизни и смысл.

— Покойник у ворот не стоит, а свое возьмет.
— Пустой колос всегда высоко дерет голову.

3 Апреля. Морозики, а снежку тоже все подваливает. Когда нет солнца, никак не узнать, что весна.

Вероятно, с Левой поеду в Москву; потребую устроиться.

Леве: Соколов, Союз (заем), паек.
Юрист — Сегодня позвонить.

Можно ли было в прежнее время за какие-нибудь 100 р. влиятельному органу печати подать в суд на извест-

ного писателя? И теперь, если пойти в редакцию, то в самой редакции очень удивятся и скажут, что это не они, редакторы, подали *<1 нрзб.>*, а делается это «автоматически» их юрисконсультом (так было в Охотнич. газете Моск. Охотсоюза). И так все и во всем, вплоть до описи имущества за налоги и самому безжалостному разорению; просто уничтожение множества людей (крестьян). Вся эта жестокость происходит от механизации жизни общества, которая явилась необходимой при огромных задачах нового государства. Получается, что как если бы мы из кустарной России вмиг переехали в страну, как Америка по темпу и еще гораздо больше, а душа наша ремесленная, мягкая, домашне-обидчивая, личная. Вследствие этого при вторжении автомата в личную жизнь, каждый рабски приспособляется или «слушается», в паническом страхе готовый на все. Сейчас, впрочем, как и прошлый год у мужиков началась эпидемия самоубийств. Марья-ого-го! решилась идти в колхоз, иначе жить стало невозможно (говорила: «Дома с воды пенки сниму и то хорошо, а там пусть сливки — тошнехонько!»).

Новый рассказ ее: об индив. налоге:

В дер. Харлампиевке жило два брата, оба они деленные, соседи, Александр и Кузьма. На Александра лег индивид. налог очень тяжело, не стерпел. Сказал ребятишкам (четверо маленьких): «Мамка придет, скажете, отец в сарай ушел». Когда мать пришла и услышала это, сейчас же в сарай, и как увидела, сама рядом повесилась. Ребятишки, маленькие, досидели до вечера, стемнело, а лампу налить не умеют, и побежали к Кузьме. Тот смекнул сразу дело и когда наведался в сарай, прямо же в Совет. Но там, оказалось, гуляют по какому-то поводу. Все пьяные. Вот он им говорит: «Вы плохо обобрали брата Александра, у него в сарае две туши висят». А оно часто бывает, что в ссоре брат на брата доносит. Люди отвечают: «Завтра обыщем». — «Нет, — требует Кузьма решительно, — сейчас идите, к завтраму туши уберут». Ну, пошли, четверо их и Кузьма. Как глянули, так побелели и хмель вон. А Кузьма вынул револьвер, всех четырех положил, после и себя.

(Что повесились — верю, а что застрелил четырех, это, вероятно, наслоение желанного возмездия).

4 Апреля. Морозно — солнечное утро. Снега нетронутые. Марья-ого-го! вчера отмочила такое, что все вспоминаю ее снова. Я стал ей хвалить длиннобородого извозчика, какой он умный человек, как удивительно мог он еще прошлый год чуть ли не в самый день опубликования статьи «Головокружение» предугадать, что это «обход» мужика, а потом будет еще хуже.

— Очень умный человек! — сказал я. А Марья ответила без всякой иронии:

— Как не быть и умным, с мололетства бутылка в кармане.

— Как, — воскликнул я, — да разве бутылка ума прибавляет.

— А нет! — сказала Марья, — вот и мы с вами сидели, в рот воды набрали, а выпили и заговорили про ум и про все. (Сюда же из Мамина-Сибиряка: о гуманности в кабаке, см. выше).

— Пропали! — сказал великан, — мужики пропали!

— И не вернутся? — спросил я.

Он был сильно выпивши, но все-таки мои слова его будто стукнули, он как бы отметнулся назад, всмотрелся в меня и сказал весело: «Тут меня в трактире Божья пчелка дожидается». В это время вышел из трактира без шапки юноша, весь ободранный, всякие тряпки из пиджака и грязная вата, сам еле на ногах стоит. «Деловой человек, — шепнул великан, — гуляет». И распростился.

Радуга вокруг солнца. Вперед, к земле!

5 Апреля. **Вербное.** Мороз –20°. Вокруг солнца правильно смыкающаяся радуга и с утра до полудня. Громадные кривые сосульки, как будто поток воды из желоба, схвачены морозом на лету. Глубокий нетронутый снег теперь не проваливается даже и в полдень.

Марья-ого-го! и Матрена-охо-хо! пришли обе возбужденные и говорят:

Вперед, к земле!

Наконец-то мне удалось побывать на большом уральском строительстве, и эта поездка разбила в пух и прах то мое представление, которое сложилось из материалов повседневных моих наблюдений строительства возле себя и чтения газет.

Точно так же, как, помню, после поездки на фронт во время войны с Германией я почувствовал очень остро несоответствие маленькой текущей литературы с адским величием картины мирового зла, так и теперь, вижу, пресса не стоит на уровне дела. Не бойтесь, однако, тт. литераторы, мой камень в ваш огород если и полетит, то не с той стороны. Как могу я бросить камень, если сам плохо могу писать о деле, которого на свете не было.

— Ну, М. М., справляем Николу Вешнего! конечно, в колхоз не поступаем.

И это несмотря на мои советы и длинные доказательства невозможности хозяйства вне колхоза. По-видимому, у них есть источники какого-то более убедительного знания. Я думаю, это знание идет от одной бабы к другой везде и всюду. Сейчас все бабы говорят об удавившейся семье в Харлампиевке. Очень возможно, под впечатлением этого самоубийства наросло раздражение против правительства с их колхозами. А между тем видимо эпидемия самоубийств разрастается.

Теперь все сводится к севу и урожаю: будет посеяно и собрано — так, нет, — если голод, — все пропало. Воистину в руце Божией...

Сегодня ночью случилось, как бывает иногда, не «идейно», а органически цельно как бы по седому волосу пришел к разделению всех людей, во-первых, на индивидуалистов таких, которые, в конце концов, если дело их перестанет иметь какое-нибудь значение для общества, и вообще все потеряно, то будут бороться просто за себя и в

этом дойдут до конца. На этом индивидуализме и строится капиталистический мир.

Другие лица свои неудачи, обиды преодолев, применяют в сострадание к другому существу, если оно несчастно, или в сорадование, если жизнь его вполне хороша и достойна того. Эти люди могут вступить в органическое родство с миром. Христианство нам дало много таких людей. И тот социализм, который мы принимаем от своих отцов, казался преемником такой психики. Я думаю даже, что и в нынешнем нашем движении лучшие люди именно такие. Но к этому духовному «ударничеству» присоединяется лично-материальное, в котором простой человек вдруг делается государственным и возможно вырастает во сто крат в своих собственных глазах...

«Любовь всякую, и духовную, я понимаю, как тепло от закрытой печи. Непременно в печи должны гореть дрова, и печь должна быть закрыта. Откуда же возьмется любовь, хотя бы самая раз-духовная, если сама-то печь холодная, или все тепло ее уходит в трубу». (М. П.)

Пол (эрос) это печь мира.

6 Апреля. В полдень в центре города я шел по навозной дороге. Сильный ветер студил мне руки, наверно было морозно.

В полдень в центре города я шел по улице, на которой обнажился навоз, как всегда бывает весной, обнажился на угреве, замерз и так остался, представляя собой ужасный тормоз для санной езды. Мороз был сегодня такой с ветром, что уши и руки мерзли, несмотря на явно греющие лучи солнца. Между тем, по навозной дороге бежали ручьи. Я это объясняю тем, <что> темный цвет дороги давал возможность проникать тепловым лучам.

Те простые радости жизни, которые доступны всем обыкновенным здоровым людям, для некоторых обойденных людей (одних физических калек только взять!) являются достижением целой жизни: они достигают этого путем преодоления личной обиды и неудачи через пе-

ремену этого или в сострадании к подобным существам или в сорадовании тем, кто счастлив и радостен. По-моему было бы очень справедливо и мудро таких людей, вынужденных огромную часть своей жизни тратить на борьбу с собой — освобождать их от войны и политики, требующих от человека цельности и *<1 нрзб.>*

Распределитель № 1.

Это поострей каст и классов (семга или вобла). Почему же? Потому что человек биологически расчленен. Вопросы демократии и коммунизма сводятся к обеспечению возможности для всякого индивидуума занять любое положение (от воблы до икры).

Да, мы все, человеки, биологически расчленены между собой так же, как галка и ястреб, или селедка и лошади. Вот именно, что в психобиологии мы содержим в себе не только человека, но птицу, *<1 нрзб.>* и рыбу, и все.

Разговор о качестве (в связи с требованием государства).

Ремесленная душа:

— Красота вещей и качество их является свидетельством совершенства личности творящего человека, значит, нынешний вопрос о качестве вещей сводится к вопросу формирования личности.

Большевистская душа:

— Можно обойтись без понятия «личности»: такого рода «личность», создающая качество вещей, явится сама собой среди большого числа людей, вступающих в соревнование.

7 Апреля. Несколько теплее, сильный ветер, серо.

В «Известиях» статья Иоффе «Техника будущего». Идея статьи: наука разошлась с техникой; условия капитализма не дают возможности использовать науку для техники; в СССР — это возможно. Мои впечатления на Урале: «не-дело», но не «утопия». Нас с детства до того забили словом «утопия», что мы жили под страхом быть не дельными. И теперь первое, что получаешь в себе от Урала: «не-дело».

В присутствии Марьи-ого-го, отчасти чтобы развлечь ее от мрачных колебаний в «идти в колхоз, или удавиться», я пропел ектенью: «О благорастворении воздухов, об изобилии плодов земных и временах мирных, Господу помолимся!» Мария так и просияла и воскликнула:

— Ну, чего же лучше на свете, о-го-го! Этим только и живем, о-го-го!

Когда же пришла Матрена-охо-хо и я сказал ей про Марью-ого-го, что какая вот она у нас православная.

— Она православная! — воскликнула с ненавистью Матрена-охо-хо.

И рассказала, что слышала про нее от священника. На исповеди Марья будто бы положила на тарелку пятачок медный, императорский, значит, никуда не годный, и взяла сдачи три копейки советскими деньгами. На другой год, заметив это, он последил — она опять положила императорский пятачок и взяла сдачи советскими копейками. На третий год в конце исповеди после его вопроса, нет ли еще чего? и ее ответа «нет», он сказал: есть еще грех, вспомни, что каждый год ты кладешь пятачок императорский ненужный, а берешь целые три советские копейки. Марья-ого-го будто бы ничуть не растерялась и ответила: — А я, батюшка, в том же не грешна, я же думала лучше: нам в мире не грех советские деньги, а в церковь на спасение — императорские. Я Господу угодить хотела.

12 Апреля. Пасха. Снега не только не уменьшаются, но, садясь, уплотняясь так, что всюду можно стало ходить без лыж, принимают на себя новые падающие снега, снова садятся, и так снежный покров все растет и растет.

Поехал в среду на Страстной в Москву и в Субботу вернулся домой.

Из разговора с Лундбергом и Замошкиным убедился, что множество измученных интеллигентов готовы поверить в пятилетку и про себя уже верят, но им очень странно выступать с этим (правда, похоже на примазывание), они ждут вождя от честной интеллигенции.

Подать заявление о комнате в Союз.

Был на конференции (из Иркутска Соснин). Наладил Петино дело.

Экология.

Даже и в детских книжках встречается о птице клест, что она яйца свои кладет в гнездо в середине зимы. Это объясняется тем, что еловые шишки начинают раскрываться при первых теплых лучах солнца, потом семена из шишек падают на снег; через некоторое время начинается оттепель, семена оседают, и метели их погребают совсем. Вот потому клест и гнездится зимой, что ему нужно подогнать время высиживания к тому сроку, когда шишки раскрываются от первых теплых лучей и лежат потом на снегу.

И если мы хотим в Зоопарке представить клеста не для того, чтобы люди бессмысленно смотрели на него и говорили между собой всякий вздор, а чтобы учились думать правильно и обретать охоту к исследованию жизни, то в Зоопарке нужно представлять клеста со средой.

Наука об этом, экология, <*4 нрзб.*> легли в основу Московского Зоопарка, руководимого П. А. Мантейфелем, имя которого всеми нашими натуралистами произносится с большим почтением, а молодежью и с благоговением. Отмеченное нами наглядное представление животного в его среде является лишь малым практическим следствием той перемены научного метода исследования природы, которая легла в основу этого Зоопарка. Имея в виду авторитет Аристотеля, можно очень долго спорить о числе ног у мухи, между тем, если муху поймать и сосчитать число ног у нее, то весь вопрос можно решить в одну минуту.

13 Апреля. Ветер начался с юга, стало медленно таять. Возвратилась унизительная болезнь моей юности: разговаривать с глухими и метать бисер перед свиньями.

Пишу <*1 нрзб.*> как рассказ «Нерль». Роман.

Качество вещей иногда нам до того полезно, что иную вещь за хорошее качество прямо хочется съесть: разного

рода калачи, икра и тому подобное. Но иные люди, когда говоришь о качестве вещи, спрашивают: «А почему?» таким тоном, будто причина вещей полезней, чем качество. Такая замена качества причиной, творчества механизмом, личности единой множеством является следствием жизни, направленной в будущее.

14 Апреля. Вяло тает (подтаивает незаметно). Солнце, сильный ветер. Роскошные летние облака над нетронутыми снегами.

Последние конвульсии убитой деревни. Как ни больно за людей, но мало-помалу сам приходишь к убеждению в необходимости колхозного горнила. Единственный выход для трудящегося человека разделаться с развращенной беднотой, единственный способ честного отца унять своего бездельника сына, проигрывающего в карты его трудовую копейку.

Под предлогом «некогда» мы теперь делаемся все друг другу чужими, и нет предела этому пути отчужденности: так рушится общий строй добродушия здесь, чтобы там где-то в будущем создавалась нерушимая связь между отдельными существами, потому что, конечно же, любовь есть свойство личности.

15 Апреля. Умеренно тает. Воды еще нет.

Бойцов сказал о Мантейфеле то же самое, что и я подумал, только выразил по-современному, я подумал: «М. не признан в той мере, как он это заслуживает». Б. же по-своему это выразил так: «М. недостаточно использован». Так что признание по-ихнему есть использование. И, пожалуй, это грубо, но верно, потому что общество иначе и не может смотреть на выдающегося человека, как с точки зрения пользы.

16 Апреля. Две правды — о письме Домны Ив.

Приходил из «Смены» молодой писатель, читал о своем колхозе чистое славословие. После чтения я показал

ему письмо несчастной Домны Ивановны, которую загоняют в колхоз.

— Правильно? — спрашиваю.

— Да, — говорит, — по жизни правильно, а политически нет.

— Ну вот, — говорю ему, — ваше сочинение наоборот: политически правильно, а литературно нет, слова все пустые, потому что автор не верит в написанное.

17 Апреля. Ночью был мороз, и солнце взошло, было совсем чисто, но вскоре небо посерело, потом дождь, и так началась весна воды.

Вечером у нас были Фаворские.

Прилетели дрозды-рябинники.

Строят плотину в Вифании. Человек 30 работает с воротом, и все до одного рабочие связаны делом друг с другом так, что если один неверно или худо работает, то это сразу же и заметно. Что если бы в литературе тоже так ясно видна была бы цель и роль каждого писателя.

В Зоопарке самый большой бурый медведь Борец и тоже огромная медведица Плакса живут не в клетке, а в бетонных стенах и так, что для публики жизнь медведей внизу в большой яме, собственно говоря, вся как на ладошке. Посередине этого значительного пространства внизу растет большое дерево, обитое листовым железом, чтобы медведи при безделии не повредили кору. В последнюю зиму медведям почему-то не доставили берложного материалу, и Плакса расположилась в одном углу, а Борец напротив ее устроился в нише стены. Плакса выгадала, потому что место ее было хотя и открытое, но зато когда настала оттепель, ей было сухо лежать, а в нишу потекла вода. Борец, недолго думая, распер обитое железом дерево, ободрал его снизу доверху и подстелил себе корьем в нише, хотя все-таки, по всему видно, ему не было вполне хорошо спать на *<1 нрзб.>*, тем более, что наверно не один и гвоздь попал. Но другого ничего не было. В положенное медведице время, в феврале, для всех неожиданно Плакса, уже немолодая медведица, всегда *<1 нрзб.>*,

вдруг родила прямо на скалу. Немедленно же ей сбросили для гнезда сверху соломы. В это время всех чрезвычайно удивило и заинтересовало поведение супруга Плаксы. Борец, дремавший в нише на своем корье, вдруг поднялся и направился к гнезду. Медведица, заметив это, оставила своих двух мальчиков маленьких и направилась к нему навстречу. Когда они сошлись, медведица изо всей силы залепила Борцу лапой по уху и вернулась к гнезду. Борец приложил лапу к ушибленному месту, лег и так долго лежал и все держал лапу на ухе, как бы вызывая сострадание у глядящей на него во все глаза с гнезда самки. «Так тебе и надо», — говорили ее глаза. Может быть, она и правда его пожалела, а может быть, просто устала и отвела глаза. А он, как только она глаза отвела, снял лапу с больного места и, не поднимаясь, прямо на брюхе пополз к ней. Она заметила это, и он сразу же бросил ползти и залег. *<1 нрзб.>* Смерила его сверху донизу и как бы спросила: «Ты зачем это вылез?» Он же виновато опустил глаза и только собрался соврать, вроде того, что ему захотелось до ветру, вдруг Плакса со всего маху дала ему оплеушину. «Врешь, подлый!» И вернулась к гнезду... и опять приложил к больному месту. «Ох, как больно ты меня ударила». — «Так тебе и надо!»

А как отвела глаза, он опять жуликом. У всех принято правило не бить лежачего, так и медведица, конечно, заметила, что он ползет жуликом, но мер никаких не предпринимала и допустила его доползти вплотную до гнезда. Дальше ползти было некуда, и он остался лежать тут надолго в своей жалкой позе: «Хоть убей, никуда не пойду!»

У нас начался большой спор о том, зачем медведь подполз к Плаксе: что ему надо. Иные говорили, что это пробудился в нем инстинкт отцовства. Другие возражали на это: если это отцовство, то зачем же дала она ему оплеушину. Одни делали предположение, что он хочет облизать медвежат, другие, напротив, задавить... Времени для спора у нас было достаточно, тем более что уходить никто не хотел, каждому было интересно узнать, чем кончится эта семейная сцена.

Всех догадок наших не уписать на листе и незачем портить бумагу: никто не догадался. Разгадка наступила, когда медведица захотела оправиться и стала к лежащему жуликом великану задом. Тогда он внезапно развернулся, сгреб огромными ручищами всю солому, взял ее вверх, поднялся на задние ноги и принес ее к себе, постелил на жестком корье и улегся.

18 Апреля. Зарядил мелкий дождь-снегоед. Но в логах воды еще нет и дорога даже не проваливается.

Гигиеной теперь может быть только очень напряженная работа, а чуть покой — сейчас же начинает грызть тоска не какая-нибудь романтическая, а прямо физическая, режущая так сильно, что другой раз и подумаешь, не глисты ли это у меня. Но нет, потому что как только входишь в работу, тоска исчезает.

В деревне беднота, которая с самого начала паразитировала на трудящихся, когда теперь дошло дело до вступления в колхоз, вдруг повернула фронт и оказывает бешеное сопротивление. Это и понятно: в колхозе надо работать. Идут в колхоз те, кто боится быть раскулаченными.

Волки.

Волчица в Зоопарке отличается крутым характером, и все волки ее боятся и слушаются беспрекословно. Раз был такой случай. Молодые волчата вовсе ее иссосали, так что молока перестало хватать. Тут бы самому волку надо помогать больше. Это ведь известно, что у волков молодых кормит мать молоком, а отец отрыжкой, потому что необходима волчатам соляная кислота. Но вот мать заметила, что когда щенята подросли и волку пришлось много давать, он стал отлынивать. Раз, два... В третий раз волчица бросилась к нему, схватила за ухо и подвела к щенкам. Конечно, волк сейчас же выкинул все, что у него было. А другие волки, видя расправу со стороны, забились в угол и, когда старик выкинул пищу, подошли все и тоже выки-

нули. Вот сколько накидали! Как же иногда бывает полезна трепка.

19 Апреля. **Красная горка.** Дождь.

N. рассказывал о «роли личности в истории» (при организации великих огородов Смычки): что личность в творчестве лишь официально не признается определяющей силой, на самом же деле (и в огородах) все осуществляется личностью. Основное же зло N считает в карьеризме.

20 Апреля. Кончура вышла из берегов.

В еловом лесу и далеко вокруг него трудно было признать, что снег — это снег. Ведь всю долгую снежную зиму ветер постоянно сбрасывал хвоинки и новый снег покрывал их опять своей белой скатертью. Теперь, когда сверху сильно оттаяло, множество слоев хвоинок вместе сошлись, и снег возле хвойного леса стал похож на кожу сильно волосатых людей. (Снимок.)

Ствол каждого дерева теперь стоит как бы в блюдце с водой. (Снимок.)

Дорога, однако, все еще держится и не проваливается даже, хотя рядом все елочки стоят по колено в воде. (Снимок.)

21 Апреля. Паводок.

Неслыханный разлив Кончуры. Прилет зябликов. Но в лесу еще нет проталин.

На рассвете произошла катастрофа с местным поездом (редкий случай): в этот раз виноваты действительно стрелочники—сигналисты Самыгин и Васильев. На балконе сигнальной вышки с зеленым флагом в руке стоял старик в кожаной куртке. Внизу шел человек с портфелем. Верхний старик и нижний человек поклонились друг другу и стали разговаривать.

Старик говорил:

— Люди нынешнего века спешат все куда-то. На три секунды раньше перевел стрелку, и три вагона с людьми перевернулись.

— Расстрелять бы за это дело.

— Следует, — ответил старик, — чтобы другие боялись, их теперь только этим способом и можно учить.

— На рычаге-то кто стоял? — спросил нижний.

— На рычаге стоял Васильев, да этот не виноват: он делает, что велит сигналист.

— А кто на балконе стоял?

— Мой сын, — ответил старик.

Человек с портфелем смешался, быстро простился и пошел.

Толпа проходила и, насмотревшись <*2 нрзб.*>.

22 Апреля. Вода гуляет (гуль-гуль-гуль). На разливе видел куликов. В лесу теперь хорошо на опушках и на больших полянах, тут на глазах исчезает снег. Каждое дерево стоит в блюдце с водой, и часто край блюдца прорывается, вода бежит к другому, там новый ручеек выводит воду на новый путь куда-нибудь в предовражную канаву и по ней... в море? или на небо в облака? <*1 нрзб.*> леса, там, где я когда-то снимал с засыпанных елок портреты безобидных существ, снег очень осел, и когда он садился, то брал с собой вниз широкие ветки елок, драл, драл зиму и теперь все держит; так что можно было узнать по елке, с какой высоты он садился и куда сел. На поляне там и тут на глазах эти елочки вдруг вспрыгивали и даже пугали, все казалось, будто зверь какой-то из снега поднялся.

Видели на угреве двух бабочек, красную и желтую. У князя мальчика укусила пчела.

Голиганы (хулиганы).

Дмитрий Матюрин, старик из Дерюзина, не идет в колхоз, потому что на руках у него сын, 11 лет сидит, не встает, ни жив ни мертв. Если в колхоз идти, то его хотят куда-то увезти, а жалко.

Егор — 8 человек, а если в колхоз, то два работника, а дома все дети вместе работают.

Так каждый мужик слушает принципиальное и не слышит, кажется, он спит, а он соображает все до точности и представляет свою жизнь в колхозе (личные обстоятельства).

— Каждый возьмет косить лучше густую мягкую траву, а я возьму белоус, потому что я знаю, как с косой обойтись.

«В Западной области, в колхозе «Красный пахарь» Касплянского района, среди членов коллектива был обнаружен кулак».

Аскетическое сокрытие личности в творчестве сопровождало нашу русскую революцию испокон веков в ее движении по генеральной своей линии. Несомненно, что и весь революционный быт нашего времени окрашен этим же самым аскетизмом не только с чисто внешней стороны <*5 нрзб.*> и т. п., но и с внутренней, психической или идейной стороны. На местах большого строительства незаметные герои выносят жизнь нисколько не менее трудную, чем бывало, выносили люди на передовых позициях войны, хотя, конечно, в совершенно ином самоопределении. Тут и рождается тот естественный, можно сказать, производственный аскетизм. Пример: Рукавишников в отношении личности: дело, а не ты. Это здоровое обезличение дела, однако, ни в каком случае не должно быть обесчеловеченным: пусть исчезает личность в производстве, но не до того, чтобы с нею и человек исчезал, и торжествовала машина, как говорят, в Америке это, по всеобщему утверждению, будто бы происходит.

Мне думается, напротив, коллектив в отношении машины должен приблизительно занять ту самую позицию, как ремесленник относится к своему любимому инструменту. На больших строительствах, беспредельно растущих на каждом шагу, убеждаешься, что вот тем и привлекательно оно и так весь их смысл именно в том господстве человека над машиной, как ремесленника над своим инструментом. Работая с фото, я постоянно слышу суждения лиц, не понимающих в искусстве: «Какой у вас

удивительный аппарат»... и всюду навязывают нам машину без человека, мы просто не в состоянии, мы забиты. <*Мои фото*>.

Отчего это происходит?

Для анализа этого явления отправимся на фронт строительства. Там больше, чем в литературе revol. аскетизм — «Я как мы», приводящее к торжеству коллектива над личностью и человека над машиной, распространяясь в тыл, как будто вырождается в господство машины над человеком и тем самым полному подавлению личности. Особенно это в литературе, потому что нигде кроме искусства...

Пример — колхозник. Пример — Разин (один из редакторов сказал «и не просим генеральность в рассказе <*1 нрзб.*>, а она уже есть»). Боится ошибиться, тлетворная подавленность. Себя в пример: я писатель зверей <*2 нрзб.*> Универсализм литературы, потому что ни в каком производстве, кроме литературы, нет столь сильного расщепления лица. Пример: рабочие — тут же и корректив, писатель — врет (мани, мани).

23 Апреля. Когда смотришь на солнце, то как будто все в порядке, но в стороне почему-то небо не синее, а белое, и свет солнца как бы ущемленный. Кажется, не только снег, но и сам свет плавится. Очень тепло, сильно тает, и улица в городе уже обсыхает.

Мещанство в дворянстве (Огневы). Точно так же и у коммунистов в тылу иногда встречаешь чопорность, надменность и глупость, — три кита мещанства.

24 Апреля. День великой красоты. Тянули вальдшнепы.

25-го укушена Нерль.

Три дня во гробе.

С 26—29 Апреля от заседания редколлегии в детском отделе... про встречу с солнцем в Карбушинском парке.

Все птицы ужасно старались, но они не пели в моей душе, а щебетали. Пришел в место, где весь лес лежал срезанный, а тетерева вокруг токовали.

Гепеусиха и гермафродит Боря: каляевские уроды, сифилитики, женщина с исправленной маткой, онанисты и даже гермафродит (пенис — наперсток, щелка узкая — нельзя), который вечно онанирует и ржет, вся эта публика конвейером делает теперь ту самую троицкую игрушку, которая раньше имела печать Лавры: теперь это красная игрушка.

Долой, долой все пустяки, шуточки: что птицы поют, деревья распускаются, теплый дождь весенний падает...

Солдаты поют: «Свободная страна!»

Совет умного человека и <*1 нрзб.*> моей капельки крови непобедимой силы вернули меня к жизни: 29-го я послал телеграмму, ударная книга должна быть написана.

<На полях:> *Ребенок по улице бежал за мной и лепетал, я спросил, что ему надо, а он спросил меня: «Ты не поп?»*

Когда увидел этот свет и отлегло от души, то вдруг понятен стал птичий язык и дорог, и главное понятно стало, что это не просто птицы, и люди, да, вот как это удивительно просто вышло: голоса птиц весенней порой — это голоса людей, наших предков...

1 Мая. Все эти дни солнце грело, как летом, вдруг после зимы стало жарко в одной рубашке; раскрылись почки, зацвела ранняя ива, волчье лыко, и на иголочках, значимость которых определяется только числом, засверкала первая роса.

Тактика Б<острема> есть общая тактика решительно всех: так получается, что живут люди вдвойне (Л. сказал: «такой разговор я в год раз имею»). Первая форма «отсиживаться и залегать» в пустыне кончилась: пустыни вскрыты; вторая форма: отсиживаться, прикрываясь каким-нибудь делом, но дело-то ведь надо же делать, как требуют, и надо делать хорошо; из этого и выходит жизнь вдвойне.

Как я живу? Живу, укрываясь делом, которое понять и разобрать до сих пор не могли; пожалуй, я даже и не укрывался. Я просто жил за счет своего таланта, меня талант выносил. Но теперь слышатся голоса: «нам не нужно индивидуальных талантов и личных качеств, — ведь таланты как грибы растут при дожде, будет дождь — будут грибы; так и нам нужен социальный дождь, а не заботы об отдельных писателях, будут созданы условия, а таланты вырастут сами».

Разве это неправда? Конечно, правда. Но я, занятый обязанностями в отношении своего таланта, не имею большой возможности определять социальную погоду, если я займусь погодой, а не <*1 нрзб.*> своим — то что же это будет?

2 Мая — провел в Дерюзине, где только что организовался колхоз; церковь закрыта; в 1-й день Пасхи в деревне шла «раскулачка» — одних раскулачили, другие от страха быть раскулаченными бросились в колхоз, беднота не пошла (ей нечего бояться). Молодая женщина говорила: «мысли раскинулись и не собрать, выйдешь из дома и хватишься: "зачем это я вышла?" вернешься домой: не вспоминается; другим займешься чем-нибудь, поставишь чашку на стол, и вдруг вспомнишь то, выйдешь, а когда вернешься, вспоминаешь: "да зачем это я чашку водой налила и поставила на стол"».

Так совершается пролетаризация деревни. Саня говорил: «Вот вы шли сюда по своему желанию, а у меня теперь своего желания ни в чем нету, мне самому жить нельзя». А раскулачивают 18-лет. мальчишки, которые ничего в человеческом деле не понимают.

Разные люди и разные деревни: есть люди, которые бросаются в петлю, есть которые решаются бороться до голодной смерти, но не вступать в колхоз; но определяют поступки отнюдь не идеи, а состояние хозяйства данного лица, напр., Егор не идет потому, что у него восемь работников (дети), а в колхозе будет два, он и жена.

Четыре месяца хлопот, расстройств и, наконец, фининспектор сбавил налог: подох. налог вместо 1500 руб. — 300 р.; культналог вместо 600 р. — 8 р. Сколько потрачено времени, чтобы доказать фининспектору необходимость в отношении писателя считаться со специальными узаконениями. Точно так же, сколько творческого времени нужно истратить, чтобы обороняться от теорий творчества, создаваемых ежедневно людьми, иногда ничего не создавшими и претендующими на руководство худож. литературой.

6 Мая. Лева едет за сывороткой. Вечером прививка.

Мания или реальность Кащеевой силы? Ну, как же не реальность. Вот, напр., «Г. на волоске». — «Как?» — «А разве не читали "На лит. посту"? Почти совсем разъяснен». Что значит «разъяснить» писателя? Значит это прекратить его деятельность. Вроде как бы подкоп ведется под тебя — разве это не страшно? Пора покончить с этой зависимостью от лит. заработка (кстати, ведь и бумаги нет). Буду переключаться на фото-работу и пенсию; буду иметь в виду поехать в экспедицию фотографом, а также изредка и печататься. Так стушевываются и замирают последние из могикан.

9 Мая. В ночь на 7-е мы с Павловной ходили в Бобошино к Марахину, переночевали и 8-го к обеду были дома. Распускаются березы. Снимал в овраге последний старый снег, грязноватый, волосатый и такой крепкий, что только ломом возьмешь.

— Колбаса, какая колбаса? ну, конечно, верблюжья — верблюд горбатый, колбаса должна потом вонять — нет! не возьму верблюжьей колбасы, давайте ландрину!

Парень босой шел, но с портфелем. Вдруг дерево рухнуло где-то в лесу. Парень крикнул:

— Это ты Артамон?

— Валек! — ответил голос из лесу, — иди сюда!

— Некогда, спешу!

— Поди!

— Не могу.
— Подожди.
— Не могу. — Голос приближался.
— Подожди!
— Не могу, а что тебе?
— Купи в Сергиеве полкило ландрину, чай пить не с чем.

Если бы наш социализм явился как средство преодоления мирового капиталистического штампа, от которого тоскует душа всех нас, хлебнувших из блюда большого творчества большого синтеза, то можно бы все простить: революция, разрушение... ведь это разрушение каким-то очень сложным путем вызывает внутренне бессознательно-созидательную работу. Часто разрушительные мотивы столь бессмысленны и отвратительны, что возмущаешься всей душой, а когда разрушение совершится, вдруг оказывается, что жалеть-то нечего. Так вот я целый год мучительно переживаю уничтожение колокола Годунова, вот теперь начинаешь передумывать сложившееся представление о Годунове, и как будто мерещится смысл в разрушении колокола, в этой «динамической» смерти самого Годунова. Из «ничего», оставляемого разрушением, создать новый необходимый смысл в пережитом, и вот этот процесс неизбежно приводит к тому, что ищешь выхода из всего факта революции. На этом сходимся мы все — что европейско-американская культура количества (числа) и вместе с тем падение качества вещей, исчезновение надежды на глубокое счастье в творчестве — что все это нам не мило. Но вот мы, желая преодолеть то, догоняем материально Европу, чтобы этим материальным оружием уничтожить фетишизм *<1 нрзб.>* и денег. Но, догоняя, мы заражаемся этим фетишизмом, отравляемся военщиной, стандартом, теряем из виду исходные пункты революции до полной потери всякого смысла. И когда я говорю, что коллектив должен так же любовно относиться к машине, как ремесленник к своему инструменту, то на меня набрасываются за то, что я посмел взять сравнение из ремесленного мира, окончательно у нас запрещен-

ного. Или когда я говорю против капитализма Америки, все начинают прославлять небоскребы и проч.

Во всех этих глупых возражениях, выходках таится забвение революции и простое стремление к скорейшему мещанскому счастью. Тем наверно все и кончится, если только не возгорится новая мировая война...

10 Мая. Приехал вчера Фадеев с мануфактурой. Рассказывал, как рабочий отвратительного вида и, вероятно, выпивши в трамвае ехал и зачем-то встал со своего места. В это время прилично одетая старуха метнулась, чтобы занять его место, он же, отстранив ее, сел и стал ей говорить, что, мол, довольно посидела, теперь постой, а я, рабочий человек, посижу. «Стой, стой! — не унимался он, — вот я нарочно еще свою остановку проеду, я нарочно буду ехать по всей Москве, а ты стой и стой!»

Удручает в этом рассказе, что всем в вагоне будто бы было очень плохо, «все носы повесили», а никто не встал и не предложил старухе свое место.

Машина и церковь.

На стройке машина и учеба, в тылу великое страдание и церковь. Жизнь так и раньше шла, только теперь погуще...

Нельзя все близко к сердцу принимать — не надо!

Глупо и смешно обижаться на революцию, и это ведь не легко: обижен, а обижаться нельзя. Но, в конце концов, тебе-то после обиды хотя сознание остается, расширяемое все больше и больше в опыте. А тем, кто обижает, ничего не достается, действуют и проходят, совершенно не понимая, что творят.

14 Мая. Мужик ведет от ветеринара корову, сам пьяный, корова еле идет. Ветеринар признал у коровы малокровие, а мужик напился перед вступлением в колхоз: там уж того не будет.

Получается теперь так, что все, кто когда-то словом или делом стоял за революцию, теперь как бы получает возмездие: Ленин был наказан безумием и потом мавзоле-

ем, Троцкий сослан, и так все вплоть до нас. Новая жизнь начнется, вероятно, когда все имущие память о прошлом вымрут, — вот уж воистину «жизнь за царя».

Общее, всенародное состояние духа у нас выражается словами: «работать не хочется, руки отваливаются».

Сегодня Горький приехал, встречают, как царя. В «Правде» поместили этот портрет под Сталина — вот до чего!

Дорогой Алексей Максимович! Приветствую Вас и жду хорошего, свойственного Вам дела охраны искусства даже и в такое время, когда не до него.

При случае заступитесь за моих зверей: ведь писателей-анималистов на всем свете раз-два и обчелся, а между тем предъявляют требование генеральности линии и в поступках животных. Я стараюсь подойти к своим зверям путем достижений в области звероводства. Дан первый очерк «Звери и Люди» в «Наши Достижения», вместе с этим отправляю второй. Считаю в области биологии величайшим достижением наш Зоопарк с Мантейфелем во главе. Хочу им заняться основательно, написать книгу вроде Арсеньевской «В дебрях». Мантейфель соглашается мне помогать. Что вы думаете, если по мере накопления материала я буду печатать его в «Наших Достижениях»? Мне думается, журнал от моих зверей повеселеет, ведь через моих зверей люди видны, а через машины нынешних механизаторов искусства вовсе не видно людей: котлы, колеса, а людей нет, и оттого лиц нет и качества.

Или же, считаете, что теперь не до зверей. Напишите мне, или встретимся и поговорим. Напишите, где встретиться и когда, а то теперь до Вас не долезешь.

Второе.

Дорогой А. М. (Это послано 15-го Мая.)

Читал Ваши громы и молнии (в «Известиях») против загрязнения литературы и, как с фактом, согласен. Но, я думаю, это происходит от общего направления механизации и обезличивания, фетиширования машины (пуще капиталистического), слепой веры в число, будто бы непременно переходящее в качество не путем человеческого творчества, а просто накоплением единиц. Впрочем, я пишу сейчас по маленькому личному делу. Вы знаете, писателей-анималистов на всем свете по пальцам пересчитать, и Вы согласитесь, я не последний в десятке. Между

тем, рассказы мои о животных до того не к лицу, что я печатаю их в Германии, книга этих моих рассказов скоро выйдет там в роскошном издании и, если я умру, то слава моя рикошетом придет в СССР, подобно тому, как это было с книгой Арсеньева «В дебрях Уссур. края». Но самое худшее, что я начинаю вообще терять охоту к писанию, потому что как только подумаю о необходимости проводить генеральность линии в поступках зверей, так вся охота писать теряется. Вот еще вчера мог я писать для детей рассказы, признанные классическими: «Еж», «Говорящий грач», и др.; ныне такие рассказы не напечатают и ответят, что еж, грач и т. п. должны выводиться соответственно с генеральностью линии. Живой о живом думает, решил спрятать поэзию в звероводстве, очень нужном деле. Один очерк дан в «Наш. Дост.», одновременно с этим посылаю другой. Считаю в биологии величайшим достижением наш...

16 Мая. Горький до того теперь высоко поставлен в государстве, что далеко выходит за пределы писательской славы, и к нему теперь относятся прямо как к победителю, которого не судят.

Дорога к власти это именно и есть тот самый путь в ад, устланный благими намерениями. Надо понимать еще так это, что благие намерения лежат лишь в начале пути, а дальше никакие приманки не нужны: дальше движет взвинченное достоинство и постоянно возбуждаемое самолюбие; до того доходит, что самолюбие носителя власти материализуется и, напр., офицер старой имп. армии чувствовал себя смертельно оскорбленным, если кто-либо коснется его эполет. Почему так и противно теперь жить, что это самовластолюбие есть движущая пружина и весьма откровенная, тогда как сам истратил жизнь на то, чтобы спрятать самолюбие и дать сверх него...

Нынешняя литература похожа на бумажку, привязанную детьми к хвосту кота: государственный наш кот бежит, на хвосте у него бумажка болтается — эта бумажка, в которой восхваляются подвиги кота, и есть наша литература.

Во власти человек прячется от самого себя, во власти он живет как бы вне себя, власть дает возможность быть

вне себя, посредством власти можно убежать от себя самого («погубить свою душу»). И есть момент в жизни, когда следует погубить свою душу («за други») — в этом и есть вся правда революции.

Трудно, однако, установить, за что же именно погубил человек свою душу, за други, или за собственное благополучие. Единственно только можно сказать, что если человек душу свою погубил, а тело сохранил, то значит, он не за друга своего погубил, а собственно за себя.

В Зоопарке дрались два горных козла. Мы услыхали издали удары рогов и пошли туда, Мантейфель и специалист по пушнине, только что вернувшийся из командировки в Америку. Мантейфель сказал:

— Вот посмотрим, как они честно дерутся.

Заметно было, что он сделал ударение на слове честно. Вскоре мы увидели козлов и их бескорыстный бой: расходясь, они становились на задние ноги и так подходили друг к другу каждый на двух ногах вплотную и бросались вперед так, что стукались лбами, конечно, прикрытыми рогами.

— Как честно! — повторил Мантейфель.

Между тем каждый из них, ударив честно в лоб, при повороте потом мог бы очень легко ударить рогами в незащищенный зад. И всякому, конечно, пришло в голову сравнение с людьми: кажется, если бы так просто честно дрались между собой люди, не подставляли бы <*1 нрзб.*>, не били бы в зад, то как легко бы жилось, сколько сам бы побил за правду...

— Да, честно дерутся! — еще раз повторил со вздохом Мантейфель и удалился, сказав, что вернется через пять минут.

Мы продолжали смотреть на честный бой горных козлов и, как вскоре оказалось, оба мы думали об одном и том же, именно, что М., подчеркивая «честность» в бою у козлов, выдавал горечь свою и пораженное место в бою с людьми. Я сказал пушнику из Америки:

— Мне кажется, что М<антейфель>, такой удивительный работник, недостаточно признан у нас.

— Да, — сказал американец, — мне тоже кажется, что он мало использован.

Ныне религия в СССР признается дурманом, и это проникло так глубоко, что семилетний мальчишка швыряет камнем в священника и кричит на всю улицу: «Поп!» Несмотря на это Ш<ик>, еврей, переходит в христианство и делается священником. Некто N, из старой военной семьи, кровный ненавистник большевиков, из-за любви к военному делу служит в Красной Армии высоким командиром и, положим, да, я в этом уверен, честно служит. Ему почет и уважение, и он официально признается революционным существом.

Итак, объективно еврей — священник Ш., контрреволюционер, а N — революционер. Субъективно же, напротив, гонимый из ссылки в ссылку, униженный на улице мальчишками еврей есть именно революционер, а военный N, столь любящий войну, что жертвует всеми своими убеждениями, именно контрреволюционер. Так вот у нас теперь хотят, чтобы художник стал на сторону военного N.

18 Мая. Выходки критиков в литературе и может быть даже просто падение своего значения, равно как оскорбления тех, кто не знает, что говорит, вроде <фининспек.> и тому подобное, не надо принимать к сердцу как личную обиду, вскрывающую иногда все старые раны. Разрушительный период революции совершенно то же самое, что и война, а война в отношении личности все равно, что чума или холера, и средства спасения те же самые: не пей сырой воды и т. п. Творчество — это единственная сила против обиды, и вся энергия должна быть направлена на сохранение того творческого светильника, с которым поэт выходит в то время, когда кончается действие разрушительных сил и жизнь вступает в пору созидания. Мне тяжело теперь, потому что десять лет я писал в чаянии, что собственно разрушение кончилось и начинается сози-

дание жизни, лучшей, чем старая, разрушенная. Я обманулся, и теперь очень тяжело ждать нового подъема.

М. М. сказал, что «созидательного» периода в революции не существует, революция только разрушает.

19 Мая. Почему-то нет вовсе цветов, и только мать-мачеха желтеет по берегам ручьев. Черемуха еще не цветет, все как-то холодно.

Собираюсь с силами. К записанному вчера о творчестве, смывающем всякую обиду, прибавляю, что всякому творчеству предшествует момент самоустройства, подобный тому, как в быту, устраивая семью, человек делает себе дом. Правда ведь, чтобы просто мысль записать в лесу, надо остановиться или даже присесть на пень. Конечно, можно и нужно писать о разрывах, но собственная авторская установка похожа на рычаг, имеющий где-то точку опоры: рычаг, поднимающий в настоящем из прошлого в будущее. Эта установка рычага, или гармоническое соприкосновение с органическим целым мира, легко смешивается с тем мещанским спокойствием, к которому стремится усталая робкая забитая душа. В революционное время этого спокойствия быть не может, и нужно выработать особую гигиену для борьбы с соблазнами такого спокойствия.

Очень возможно, что творческая предустановка, которую изображаю я в «Родниках Берендея» или в последней главе «Кащеевой цепи», принимается публикой за то мещанское спокойствие, иллюзорную идиллию, которую вообще соединяют со словом «природа». С другой стороны, в это напряженно-индустриальное время мысль невольно остерегается притягательной силы Земли, как предустановки индустрии: с этой землей связаны имена Руссо, Толстого и особенно народников, построивших неверную систему жизни. Главное плохо, что публика развращена дурной литературой и привыкла догадываться (вот что выходит). Никому не приходит в голову читать мои вещи не символически, т. е. за простотой моего языка видеть и

простую, хотя и поэтическую жизнь. Пиши я о заводах, конечно, я и там бы нашел Землю и говорил то же самое, но тогда у меня не было бы таких сбивчивых понятий, как природа и т. п., и скорее мог бы выбиться к широкому пониманию меня обществом. Но ведь целая жизнь истрачена в скитаниях по лесам, и переключаться на индустрию трудно, особенно в спехе, при посредстве командировок от журналов или бригад с их условностью.

На последние слова ответят: «пишите о колхозах».

24 Июня. Вчера подписал договор с «Известиями» о поездке на Дальний Восток. Приходили литераторы, удивлялись, что мало деревьев у меня в огороде.

— Не до деревьев, — сказал я, — вот и последние срежу, а то свету мало, овощи в тени плохо растут.

— Значит, — сказали они, — вы тоже по главной линии.

Это я-то, почитающий деревья за живые прекрасные существа, живу в самом деле по линии. Вероятно, если стать на государственную точку зрения, точно так же «по линии» станешь смотреть и на лесогубительство, а может быть и на самое искусство.

Еще вот одна общая черта новой жизни вошла в мою жизнь и стала моей личной чертой: жизнь с расчетом лишь на короткое время. Власть мелкоты. Почему-то господство мелкоты соединяется с Горьким, хотя сам Горький не мелкий человек. Большой человек — это открытый сосуд, всегда возле него создается культ пробки, которой сосуд должен быть закрыт. Однако, в Горьком есть и что-то родственное с этой мелкотой вроде того, что он сам есть как бы отец мелкоты. Да и верно, глядя на его жизнь, каждому является соблазн попытать счастья выйти в люди.

1 Июля. Сборы в полном ходу. Петр Мих. Никитин — директор звероводного комбината — дал письмо Фирсову Мих. Аркадьев. (Влад. Китайская ул., 33, Д. В. Звероводный комбинат Пушносиндикат.) Под влиянием его план:

Хабаровск — Сахалин — Владивост. переменили: сразу во Владивосток на острова и к делу.

2 Июля. Ели землянику. Расцвет луговых трав. В огороде зацвели огурцы и помидоры.

Возможно, что фотография для охоты, с которой не нужно девственной природы, повлияла на меня так, что я начинаю дорожить не девственной, а сотворенной природой. Но вернее всего к этому привело (разрушение храма — разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну). Наивный доктор К. все хватается за хороших людей и мучится, не имея в себе смысла за пределами «храма сего». Типы «Душечки» и Гепеусихи.

Шли некрещеные, не помнящие родства и с ними прежние битые в силу того, что битая морда вспухает — шли битые с непомнящими, воображая, будто сами и для себя идут. Но свет им в пути давался неведомым им источником, и поезда, на которых они ехали, управлялись невидимыми стрелочниками... (Так передаю сущность слов полубезумного Ш. Его безумие состоит в персонификации «врага» на основе вульгарного и безумного Нилуса. Анализировать: искреннее и умное чувство, попадающее в сети пошлости, например, кустарь-судья погибает в юриспруденции, Ш. — в Нилусе и т. п.).

Поэзия для меня есть дело самой жизни, только являемое в ритмическом соотношении слов. (М. П.)

Цикл идей прошлого лета не совсем изчез: да, теперь осуществляется распятие, но в то же время чувствуешь его чем-то вроде наказания («Услон») и необходимость преодоления чего-то темно-обреченного, соединяемого с представлением креста. Преодоление смерти должно быть в таком радостном творчестве жизни, чтобы смерть забывалась.

3 Июля. Евг. Алекс. типичный средний интеллигент, и его настроение — всех подобных. Сейчас у них отчаяние переходит в «сего не прейдеши», значит, к сему надо при-

выкать, в этих условиях жить. Между прочим, та двойственность, которая до сих пор была так непереносимо противна, теперь мало-помалу становится «естественной» («так все живут»). Человек получает деньги, возможности и честно старается, ощущая себя как орудие.

1. Кож. чемоданчик: пиш. машинка и лейка, пленка.
2. Винтовка.
3. Ружье.
4. Руж. припасы, увеличитель, трансформатор.
5. Пушка с фотоматериалами.
6. Провизия.
7. Белье.

Привести в порядок ружье.

4 Июля. Раньше было хорошо жить, потому что всему был выход, если чувствовал злобу, то вот он виновник, сосед плохой, дерись, судись, избивай. А если тебя тянет добро, подавай милостыню или гостей созывай. Там и тут сводилось к человеку. Теперь же не человек, а процесс, ни винить нельзя никого в отдельности, ни любить. Так заблудится собака, прибьется к другим людям — ничего себе жить, только временами не по себе ей, завоет... Часто думаешь вот: чтобы жить, надо все принять, весь наш страшный опыт жизни, а когда задумаешься — что это? Смерть.

Часто теперь приходит в голову такое, — что надо бы все существующее у нас принять как неизбежное всякого глубокого опыта жизни. Но когда ясно представишь себе случай этого неизбежного, то возмущаешься и говоришь: «Нет, этого принять невозможно». И вдруг начинаешь понимать, что это невозможное для приятия есть смерть и что единственный выход из сферы позорного случайного есть своя личная полная готовность идти своим личным углублением жизни на смерть, и как говорится: смертию смерть...

Искусство — это врученный художнику момент всеобщего творчества жизни, момент мироздания в ритмической согласованности сущего.

5 Июля. Вчера приехал из Москвы Лева. Сегодня окончательно собираемся.

1) Вопрос о комнате. 2) О фин. повинности. 3) Проявитель, открытки и прочее. 4) Аптека. 5) Ружье. 6) Денежный счет. 7) Копир. бумага. 8) Часы.

6 Июля. Плен и смерть. Вчера прочитал о перемене политики в целях получения рабочей силы на строительство. В связи с этим думал о рассказе своем «Орел», написанном еще до войны. Я думал, что в условиях земной жизни для человека фактом неизбежности смерти предопределяется и возможность рабства. Выход из рабства двойной: или 1) личной выслугой попасть в вольноотпущенники или 2) понять сущность жизни земной как рабство и смерть и определиться на жизнь загробную. То и другое теперь господствует в «Услоне», и правительство, разумеется, не глупо делает, что ориентируется на «честную выслугу». То же из Августовских лесов: плен и смерть как одно и то же. Лично я неизбежность и возможность на каждый момент смерти и плена (безумие) раз навсегда понял и, раз поняв, добивался лишь свободы личной, ограниченной пленом и смертью. Наша личная свобода ограничена возможностью во всякий момент жизни плена и смерти. В этих пределах существует на земле и наше счастье. Давным-давно, где-то, в «Русском Богатстве» (журнал 80-х гг. прошлого столетия) было напечатано исследование о влиянии зверя на формирование типа сибирского таежного зверопромышленника. Еще рассказывал недавно мне бывший председатель Всеохотсоюза, уроженец тайги, что в его родной деревне все, кто из поколения в поколение ходил на медведя, в своем облике, походке, привычках приобретал черты таежного зверя, кто ходил исключительно на белку, тот и выглядел по-беличьи существом легким. Сколько раз тоже самому приходилось в лицах старых деревенских женщин подмечать черты галок, ворон, сов или кротких горлинок. Таким образом, можно предположить, что мы не только приходим в мир по лесенке эмбрионального развития, но, бывает, часто и

уходим, нисходя по ступенькам от высшего человеческого образа к зверям, птицам и т. п.

Письмо Феге, Разумнику, Павловне (о щенке). Взять винчестер (проверить документы). Деньги с аккредитивов Павловне на сент. Проверить проявитель и фодис. Вечером (завтра) аптеку у Любы.

Плен и смерть.
Начало рассказа.

8 Июля. Зуева, Зворыкин. Поиски пива: все чужие и все чужие в Москве. Купе и немцы. Счастливый *<1 нрзб.>*: кучи от ореховой шелухи и глухари. Жара ночная.

9 Июля. Немец, едущий из Берлина в Кузнецк, выражал свое удивление, что едет пятые сутки лесами и не видел ни одного зайца, ни одной козы (в Германии стоят удивленные, и когда проедешь, вдруг бросаются). Так мы проехали более тысячи км, и везде было одинаково. Кое-где начинают косить.
Кострюк до 10 ф. больше.
Чолбыш до 40 и осетр.
Из лиственницы смолистой (сук бьет лося (без *<1нрзб.>*).
17 белок одной пулей (чтобы не выходила из черепа).
Суслик — евражка.
Якуты — зерно — суслики.
Скопцы.

11 Июля. (в 6 веч. 3-и сутки)
Омск — Бар. — Новосибирск
То кочки, то клочки леса, и не поймешь ничего: что эта земля так лежит без человека или к чему-нибудь выходит. Вечером на ст. Болото немцы пересели в Кузнецк. Туда ехал, щеголял с новеньким чемоданом, оттуда ехал *<1 нрзб.>* ободранный, серый, усталый.

Клыков рассказывал, что в Якутии скопцы сеют пшеницу, а после сбора приходят якуты-охотники и выкапы-

вают запасы сусликов очень большие, колосок к колоску, и будто бы за пуд такого зерна дают 3 пуда.

12 Июля. Красноярск — Агинск — <*1 нрзб.*> Канск? — Минусинский — <*1 нрзб.*> (граница Монголии). Рассказы о Нижнеудинске (охота и ловля хариуса). Подсечное хозяйство. Скот в изгороди. Нетронутая трава (не косят, и скот не ходит). Цветы: саранки, жарки, маковки.

14 Июля. Этой ночью мы проехали невидимый Байкал. Мне удалось лишь полюбоваться Ангарой почти при впадении в Байкал.

Лежит тяжелая каменная плита, и на краю ее врослась в камень березка и смотрится в воду, а вода такая чистая, что даже в хмурый день все равно на воду весело смотреть, и кажется, будто от нее самой исходит свет. На этой большой нижней береговой плите у воды лежит другая плита, и на ней тоже березка, и над ней еще плита с березками, и так выше, выше смотришь, пока свалится шапка с головы, пока, наконец, в облаках на самом верху не явится сибирский кедр. Так складывается берег Байкала, разделенный падями, по которым сочится или бежит вода, но, главное, ветер от разности температур во время дневного нагревания (на широком просторе воды воздух нагревается и поднимается вверх, а из падей со всех сторон Байкала холодный воздух устремляется, и получается переплет ветров).

Тут есть горячие ключи, там и в −50 градусов зеленеет зимой трава и на теплом месте шаман сидит...

Есть глубоководная рыбка коломянка, которую ветер выбрасывает. На солнце она превращается в рыбий жир.

Новосибирск, Бийская 15, Клыков Константин Николаевич (краснознаменец, охотник).

— Веру потеряла и жалость к людям потеряла, ничего не осталось, и тут от нечего делать начала сама жить: наряжаться и в гости ходить.

На Енисее весной отправляется вверх плот с припасами. Охотники снабжаются всем и отдают свою пушнину. Так раз в год происходит встреча.

Тунгусы спят на снегу в мешках и во сне поют, он поет, и жена затянет.

На лабазе у тунгусов висит пушнина и запас мяса. Если хозяин увидит след под деревом, означающий, что был человек, и если при этом окажется пушнина и мясо нетронутыми, он скажет: был нехороший человек.

— Если же пушнина цела, а мясо тронуто, тунгус обрадуется и скажет: был хороший человек.

Нерпа.

На Байкале через пади ветер с водою вступают в борьбу, лед трескается. Через трещину вылезает нерпа. Охотник делает парус, похожий на льдину, надевает под колени *<1 нрзб.>*, на каблуки тормоза и по ветру на выстрел подъезжает.

Сегодня 6-й день: (Верхнеудинск — Чита. Вчера: Нижнеудинск — Байкал).

Ночью: седой молодец из ТГПУ. Рыбка коломянка глубоководная, в четверть растопится в жир; горячий ключ — в –50°, травка зеленая, и шаман сидит, рассказ о докторе, который *<1 нрзб.>* жену председателя, и *<1 нрзб.>* в городе председатель его жену: легенда повторяется. Как сшибают орехи.

Алданские *<1 нрзб.>*: китайцы (опиум, бои), русские (спирт). Путь строителей из Алдана (был) и *<1 нрзб.>* А открыли пушники. Утверждение власти.

Иохер (танец) у якутов: хоровод, в пургу один поет, а все трясутся в пыли, только зубы белые видны.

Меряки — болезнь, сделай резкое движение — старуха ответит, плясать, и она в пляс до упаду. Не целуются, а нюхаются, ребенка обнюхивает.

Юст, корресп. Kellner Zeitung, не фашисты, а мещанство является противоположным коммунистам.

16 Июля. Утром на ст. Невер сошли алданцы и отправились на автомобиле в Алдан.

Известный золотоискатель О. поставил заявку на алданское золото гораздо раньше, чем оно было официаль-

но открыто. Но заявка не пришлась на самое золотоносное место, и потому, вероятно, золото не давало выгодного для эксплуатации расчета. Открыли Алдан пушники. Они стали снимать верхние слои земли, чтобы поставить зимовье, и увидели золото в самородках. Добыв себе золота, они пошли его пропивать и пьяные все рассказали. Прослышав о золоте, народ повалил туда. По дороге гибли в болотах, иногда вместе с лошадьми. Собралось тысяч десять китайцев и русских. Конечно, параллельно с самотеком явились представители власти, и их задача была организовать эту массу распаленных поисками золотого счастья людей. Был голод такой, что ели тех погибших в пути лошадей, и доходило до каннибализма. Все расчеты производились на золото. В конце концов, явились войска ГПУ, и власть начала определяться. Но мало-помалу власть сама попала под влияние золота и разлагалась. Тюрьма (устроили и тюрьму) была переполнена. Однажды тюремные восстали, убили начальника, был бой. Наконец, узнал центр. Прислана была комиссия. Перед этим быв. начальники перестреляли своих жен как свидетельниц. Теперь Алдан вполне такое же предприятие, как и все советские тресты.

Рассказывали мне, что ссыльные работают в приморской полосе на лесозаготовках. Перед мужиком тайга все равно, что море, но все-таки некоторые смельчаки пытаются бежать из Приморья через хребет на Амур. Они того не знают, что надо три хребта перейти, чтобы попасть на Амур и потому, перевалив первый хребет и встретив первую значительную речку, делают плот и плывут, думая, что по Амуру, обратно к тому самому морю, откуда бежали. Однажды туземец увидел там, на какой-то реке, одного из таких беглецов-неудачников, он сидел на плоту и ел человеческую руку. Туземец сказал ему:

— Брось есть человека, на, ешь рыбу.

Притянул плот багром и подал рыбу. Тот взял рыбу и тоже стал ее грызть, как руку, а в лице, в глазах эта перемена ничуть ничем не сказалась.

— Ничего не понимай, — сказал туземец.

По рассказам немцев, у них теперь безработные на год всем обеспечены и на полтора года наполовину против их обычного заработка. Каждый немецкий рабочий имеет квартиру в три комнаты, и все больше и больше распространяется среди рабочих покупка маленького земельного участка с маленьким домом, где он проводит конец недели. Вот это всеобщее немецкое мещанство и является самым главным антагонизмом нашего большевизма.

— Нынешний немецкий вопль имеет относительное значение, — сказал он. — Вот одна семья: отец, мать и мальчик имеют квартиру и жалуются на тесноту, между тем мать жалуется особенно, что мальчику тесно в его двух комнатах, потому что малы комнаты, ему нельзя в них ездить на велосипеде.

Одно время Уралмашинстрой весь был взволнован неприятностью с немецким инженером, которому понадобилась цинковая ванночка для новорожденного: завод рассчитан, чтобы делать блюминги, и ванночку сделать невозможно, а между тем инженер не может обойтись без ванночки.

Вот почему и невозможно приглашать немецких рабочих: ведь они тоже разбалованы и тоже потребуют цинковых ванночек.

Сковородино. Жара.

Ведьмедь. Оказалось, это тот самый медведь, который был в Ельце у красноармейцев при наступлении Мамонтова. Он вырос на войне. Красноармейцы — лучшие дрессировщики. Ходил за водой. (Только если слышал, ведро оставлял и бежал.) Мой рассказ о том, как меня расстреливали, и я под конец рассмеялся.

— Как это вы могли? — спросил ведьмедь.

— А под самый конец не страшно, — ответил я.

— Нет, очень страшно.

И рассказал, как его расстреливали: вывели босым на мороз и почти совсем заморозили...

— Ну, зато и им же досталось от нас!

— Неужели вы сами расстреливали?

— Я? Нет! Я только одного попа расстрелял.

Рассказ: красные переоделись в белых. Ведьмедь пошел к попу и, узнав о заговоре, не выдержал и расстрелял попа из пушки. Воздухом разнесло так, что ничего и не видели.

Пассажиры: партизаны-краснознаменцы: Клыков и другие и между ними ведьмедь. Врачиха Анна Марковна все покупает на станциях, со всеми знакома и так осторожна, что старается все хвалить, даже когда тухлое мясо дали, и то, скрепя сердце, хвалила. Золотоискатели — алданцы. Люди от ТГПУ.

Если раненый медведь бросится в воду и станет гнаться, то не надо плыть от него ни поперек реки, ни по течению, а надо спасаться от медведя вверх по реке, так он догнать не может. Самое же лучшее, это намочить в воде пиджак, допустить медведя и накрыть им голову зверя. Медведь обеими лапами станет тянуть пиджак с головы и так сам же свою собственную башку погрузит в воду и утопит себя.

Рассказы Клыкова-партизана о зверях.

Медведи.

Однажды в тайге молодой медведь упал с дерева, повредил себе зад и закричал от боли. Этот крик медведя услыхал тунгус-охотник, пришел, понял и не только не стал убивать медведя, а дотащил к себе, накормил и приручил.

На каторге приучили медведя с запиской во рту ходить на склад, там медведю отпускали железо, и он пер его. Но только, если медведь слышал звонок к обеду, то железо бросал на том месте, где пришлось ему услышать звонок.

— Ничего мудреного нет, — сказал Клыков, — что приучили медведя железо носить — вот на каторге один крыс приучил так, что впрягал их в тележку и возил на них домой провизию. Всякое животное человек может приучить. У одного каторжного старика под бородой жили два воробья.

Если бывает неурожай на ягоды, то медведь кидается на человека. Так однажды медведь из мешка за ноги вытащил спящего тунгуса.

Тунгус ест одно мясо. Заготовка сухого мяса.

Пальма — рогатина на медведя. Тунгус никогда не расстается с пальмой, например, к свату верст за пять-десять и *<1 нрзб.>* покурить и пальму непременно берет с собой.

По212 сограм (болотам) живут тетерева.

Когда шелушат кедровые шишки, то падающие на землю копытца образуют огромные кучи, в них, конечно, остается много мелких орешков, и потому эти кучи в тайге всегда служат приманкой глухарей.

Охота на кабана. Заметив по следам близость кабаньего стада, охотник готовит большой пень для укрытия и делает выстрел в воздух. На выстрел мчится секач, охраняющий стадо. Охотник убивает его непременно под шерсть (а то пуля дает рикошет). Стадо свиней прибегает на выстрел и начинает рвать раненого секача. Охотники вскакивают на пни и бьют свиней топорами.

Рассказывают, что Николаевск-на-Амуре в отношении медведей самое богатое место, что тут у гиляков сохранился еще культ медведя и, вообще, медведя стреляют неохотно. Можно видеть часто такую картину: медведь лапой достает рыбу и кидает на берег через голову, после того он рыбу зароет и есть придет, когда рыба немного подтухнет.

В Николаевске можно наблюдать иногда переселение зверей, в особенности белок. Раз видели, как через Амур переплывали один за другим восемнадцать медведей.

Волки.

Однажды на охоте с поросенком свалился человек в ящик с поросенком, причем ящик, падая, прикрыл и человека, и поросенка. Человек из-под ящика осторожно просунул волкам поросенка, а сам пополз, как черепаха, с ящиком на спине. Волки, съев поросенка, бросились к уползающему ящику, конечно, догнали его сразу. Человек же, поняв над собою волков, стал зарываться, а ящик, значит, опускаться глубже и глубже в снег. Удивленные по-

гружением ящика в снег, волки один за другим стали подходить к нему и мочить. Тут подоспела помощь и спасла человека под совершенно мокрым ящиком.

Казак мчался на коне от волков по дороге и вдруг увидел с радостью перед собой зимовье. Он быстро открыл дверь и ввел лошадь в избушку, потому что дворик был сверху открыт. В избушке он провел тревожную ночь и слышал, будто сверху во двор как будто что-то падало. Потом все стихло, и утром, когда совсем рассвело, тишина продолжалась. Может быть волки ушли? Скорее всего, ушли, но казак выйти не решался. Наконец, показался на дороге крестьянин, и казак из окна попросил обойти избушку, чтобы узнать, куда делись волки. Скоро крестьянин пришел и говорит:

— Иди смотри на своих волков!

Оказалось, что волки, падая вниз в сарайчик, тут же робели и теперь битком набитые в сарайчике сидели там с поджатыми хвостами.

Тут казак принялся их ловить петлями и вешать, приговаривая:

— Вот вы, голубчики, думали, что меня ловите, а это я вас ловил.

Было это на Байкале в то время, когда медведи ложатся в берлоги. Жил-был возле Байкала один старик. Он тем жил, что разным охотникам давал приют в своей избушке, и те ему оставляли немного провизии, кто сколько мог. Вот однажды, когда медведь хотел ложиться на зиму, волки напали на него и стали гонять. Спасаясь от волков, медведь ворвался в избушку к старику и дверь за собой лапой закрыл.

Старик слез с печи и видит: медведь в сенях стоит и лапой держит дверь. Глянул в окно, а там волки. Вот он пятится, пятится к стене, где ружье, а сам глаз не спускает с медведя и ласково говорит ему:

— Миша, Миша, погоди!

Медведь же, как пришил дверь лапой, так и замер, стоит. Вот когда старик добрался до ружья, то, конечно,

наладил его не на медведя, а на волков, ударил в окно и говорит медведю:

— Миша, Миша, погоди!

Так девять волков убил, а другие все разбежались. Медведь очень хорошо понял, что старик стрелял по волкам, и когда все успокоилось, отпустил лапу и стал отдыхать у старика, как у себя. Старик же ему хлебца подбросил, покормил. Раз от разу привык медведь к старику и стал жить у него в избушке. А на случай, если медведю вздумается уйти, старик надел на него белый ошейник и просил всех охотников не стрелять его никогда.

Вот еще рассказ.

— Почему ты печален, Хали, что, здоровы ли твои овцы, коровы, лошади?

— Здоровы коровы и овцы, и лошади, — ответил Хали.

— Руки-ноги? Жена здорова ли?

— Вот жена, — печально ответил Хали, — она здорова, а никто не хочет ее любить, значит, она нехорошая, и я печален.

Много интересного рассказывали о якутах, например, что у якутов особенную роль имеет обоняние, мать, например, ребенка своего не целует, а больше нюхает, и также любящие пары не целуются, а нюхаются.

Говорили об особенной болезни якутов «меряки». Эта болезнь состоит в подражании резким движениям. Так старуха-мерячка, когда посетивший ее русский махнул рукой, сама махнула. Тот еще нарочно махнул, и она дальше —больше, он пустился плясать, и старуха вприсядку плясала буквально до упаду, до смерти. Едва не умерла.

Иохер — так называется якутский танец: в середине хоровода один якут поет, а другие, взявшись за руки, делают однообразное па ногами, поднимают пыль. Через пыль видны только белые зубы. И тоже так долго, почти до упаду, во всяком случае, до экстаза.

Рассказчик у якутов в особенном почете, всю ночь рассказывает о богатырях, и всю ночь люди, часто усталые, и не спят, и стараются за ним всячески ухаживать.

Сковородино — Бочкарево.

После чистого восхода явился туман, и, казалось, он должен сегодня нас спасти от жары. Нет! К полудню поезд раскалился, и стало невыносимо. Однообразная редкая выбранная тайга, слабый рельеф и речки не радуют сегодня, как вчера, воды сегодня встречается мало, как будто текущий где-то невидимо огромный Амур все забрал себе. Спасаясь от жары, я долго стоял у окна на сквозняке, с жарким ветром вдыхал в себя сильный запах скипидара, несущийся откуда-то из настоящей девственной тайги. Сегодня признаков человеческой жизни еще меньше заметно в этой пустыне, а в неприкосновенной траве всюду громадные цветы, интересней всех из них были ирисы тёмно-, почти черно-лилового цвета. Я бы сказал, однако, что на всем огромном пространстве в несколько тысяч километров господствует розовый цветок Иван-чай. На телеграфной проволоке, однако, сидели птички мне совсем не известные, очень маленькие. Итак, если всмотришься в мелочи, то, конечно, уже все не так, как у нас: вороны черные, часто видны орлы. Впрочем, поезд идет так скоро, что редко удается заметить особенное. Больше всего меня обрадовала одна речка и через нее веревочка, потяни за нее, и переедешь на другую сторону, а как представишь себя на той стороне идущим по непомятой траве в тайгу за сохатым или козой — хорошо! К вечеру мы пересекли огромную реку Зею.

17 Июля. Мы недалеко от Хабаровска. За ночь переменился на земле тот привычный узор, который на зубцах и рубчиках земного ковра так сросся с нами, что мы не замечаем его, не говорим о нем до тех пор, пока нас не посадят в тюрьму или от чего-нибудь он сам не переменится. Особенно удивили меня какие-то невиданные папоротники и ярко-красные большие гвоздики. Много было всего, а в долинах, защищенных горами со всех сторон, явились вместо пихт, лиственниц и кедра ясени, липы, дубы и другие южные широколиственные деревья, которых из окна вагона было очень трудно узнать.

18 Июля. Владивосток. Всю уссурийскую долину мы проехали ночью, и я проснулся на ст. Евгениевка от удара церковного колокола, привешенного на станции для сигналов отходящих поездов.

Мой попутчик, иностр. корресп., ехал по Сибири под впечатлением строительства в Кузнецке и, конечно, он правильно переживал, потребность немецкой газеты увидеть Сибирь не со стороны девственной тайги, ее необыкновенных цветов и зверей, а со стороны нового дела в Сибири: ее индустриализации. Мы ехали день за днем, сутки за сутками, и все было, с <его> точки зрения, одинаково, та же самая выбранная возле дороги тайга, те же самые жалкие и чрезвычайно редкие домишки, на <*2 нрзб.*> непомятая трава, остающаяся навсегда из года в год со всеми своими цветами, как счастливая возможность жизни коз и лосей, и медведей.

Я этим всем и занимался и очень удивлял своего попутчика. Так мы приехали к туннелю Владивостока, по краям туннеля были цветы на фоне неба.

Когда же остался позади тоннель, я спросил:

— Вы видели цветы?

— О, да, какая встреча!

— Вы теперь понимаете, зачем я занимаюсь, я поднесу их победителю.

Выходя таким образом из рамок привычной бессознательной работы «на счастье», конечно, я приспособляюсь к требованию современности, но переживаю не более того, что переживает зрелый мастер, расставаясь со своей звонкой юностью: зрелый мастер не может, как даровитый юнец, дуть в одну только свою дудочку. Но самое главное, мне уже давно самому хочется отделаться от случайных попутчиков, чтобы мою «природу» не смешивали ни с дачной, ни с мистической, ни с поэтически-девственной, при безнадежности сберечь эту «девственность» от разрушения. По моему убеждению, после разрушения природа явится нам в тысячу раз лучшей и, главное, без того непереносимого противоречия в сопоставлении с человеческой жизнью. Если же не удастся...

Но не надо думать, что я говорю лишь об эстетике слов. Возьмем, к примеру, слова «Вечная мерзлота», как бы осуждавшие на вечное бесплодие сибирские области величиной в несколько европейских государств. Теперь оказывается, что граница вечной мерзлоты по вершинам спускается глубоко в подпочву, если мы почву подвергаем культурной обработке. И разными другими приемами мерзлоту можно загнать в совершенно бесконечную и для построек и для культуры хлеба глубину. Имея это в виду, художник слова не назвал бы мерзлоту вечной, а хотя бы сибирской. И это не просто эстетика.

Земля...

Революция заставила делать опыты, и я <*5 нрзб.*>

Мысль:

Открыть карты... мой рычаг на «случай»...

Как то ...

Сегодня мы едем где-то в краю Амура, один раз показалась Шилка, которая вместе с Аргунью и составляет Амур. Множество малых речек переезжаем и проезжаем. Берега этих огромных быстрых речек представляют собой цепи сопок, покрытых лесом, между сопками часто сверкает ручей. Самый счастливый человек в нашем вагонном обществе бельгийский геолог, старик 80 лет, открывший нам золотоносный Алдан. Он счастлив, потому что в свои 80 лет он ясными глазами может смотреть часами в окно и с большим интересом читать историю земли. Я подошел к нему. Он сказал:

— Смотрите, вон там в этих сопках непременно должно быть золото.

— Как вы можете это знать?

— Очень долго рассказывать, но вот вам доказательство: глядите, там изрытая земля, это шурфы старателей.

В это время подошел Алданский бухгалтер и сразу тоже своими привычными глазами золотоискателя заметил шурфы. Вдруг между сопками мелькнула вода, стремительно несся в горах ручей.

— Вверху моют! — в один голос сказали алданцы.

В одно мелькнувшее мгновенье оба успели рассмотреть, что бегущая вода была мутная, оттого что вверху неизвестный старатель промывал золото.

— Старатель? — спросил я.

— Неизвестно, — ответили алданцы, — возможно, хищник, глушь-то какая!

И правда, очень уж глухо: вся эта прекрасная трава, ковер невиданных нами в России цветов, огненных саранок, оранжевых жарков, желтых маков и лилий не потопчет нога человека, и животные домашние тоже не придут сюда. Только козы где-то пасутся, сохатые.

Во всей Сибири, даже и западной, редкие жилища людей поражают жалким своим видом. А сколько лесу! Один сибирский старожил объяснил мне это явление тем, что огромное большинство сибиряков русских перемешалось с инородцами и восприняло от них пассивное отношение к природе и презрение к внешнему благоустройству. Правда ли это? Во всяком случае, чем дальше на восток, тем лица людей все больше и больше выглядят, становятся монголовидными.

Все говорят, будто инородцы за особенную честь считают, если русский остается с их женщинами. Так около Омска мне рассказывали, будто один русский ночевал у тунгуса и не отказался поспать с женой хозяина. А когда этот тунгус ночевал у этого русского в городе, то, в свою очередь, потребовал жену русского. То же самое рассказывали мне на Байкале о каком-то докторе и председателе буряте: доктор не отказался от жены председателя, а потом в городе у них вышла ссора из-за претензии председателя на жену доктора. Очевидно, это странствующая легенда.

Целыми днями видим мы непомятые травы с цветами и знаем, что эти травы все останутся в лесу, кроме незначительной доли сохатых и коз. Между тем, как говорят в вагоне жители Владивостока, там сено стоит пуд 19 рублей, курица 24 рубля, яйцо одно рубль двадцать. И все потому, что нет порядочного транспорта. По-настоящему надо бы транспорт наладить, а потом начинать металлургию, но другие ответят, что нельзя строить железные до-

роги без железа. Мы опаздываем только на четыре часа, но это дается тем, что под гору мы развиваем запрещенную скорость в 90 километров, а час на горах стоим, стучим молотками.

Станция «Ерофей Павлович» вызвала у нас сегодня большие споры. Лева от кого-то услышал, что Ерофей Павлович был инженер, строитель этой дороги, но мы знаем, что Ерофей Павлович — это казак Хабаров, завоеватель Сибири. Бельгиец-геолог откуда-то узнал, что это не инженер, а каторжник, бежавший и бесследно пропавший, что на каком-то камне он написал: «Ерофей Павлович». Мы принесли книгу, дали справки, он слушать не хотел и заключил: «А казаки это все равно что каторжники». Тогда я ответил: «Раз дело заходит так далеко, то я скажу, что все бельгийцы тоже каторжники». Произошел скандал, и мы разошлись.

<На полях:> *Ненависть европейца к восточному органическому* <1 нрзб.>

Вот опять в голову лезет Ерофей Павлович. Ведь, в сущности, от набега Ерофея Павловича остался лишь факт разорения Даурской страны и кое-какие географические данные, как говорит историк, «для Европы». Для нас набег ничего, имя Ерофей Павлович непонятно. Ну а что, если понять это в отношении всего Дальнего Востока, что все как набег до противостояния большевиков и немцев: одно, как набег, как закрепляющий труд.

Сейчас у нас в поезде едет богатырь, потомок казаков. Он рассказывал, что ездил в 29 году на военном судне к чукчам на самый север для исследования экономики. В одном месте к ним вышел Старейшина, прекрасно владеющий английским языком. Он сказал, что о перемене власти ничего не слыхал и намерен руководствоваться той грамотой, которая была ему выдана императорским правительством. Советские люди подумали, что же делать в этом отдаленном краю без людей? Взяли императорскую грамоту у старика и, приписав несколько строк на ней о перемене власти, приложили советскую печать.

По словам рассказчика, пушнина вся целиком скупается американцами.

Что земля не наша, а какая-то даурская что ли — это еще около Хабаровска ясно показалось в цветах возле самых рельс. Потом, как при переезде из Москвы в Ленинград, прошла одна ночь в стремительном беге курьерского поезда прямо на юг, и в эту одну ночь езды по Уссурийской долине узоры растений и самый воздух переменились еще больше. Удар колокола разбудил нас недалеко от того самого озера Ханка, где Дерсу спас Арсеньева от верной гибели. Колокол этот был настоящий церковный и повис на станции, очевидно, с тех пор, когда была мода снимать церковные колокола. Тут мы узнали, что хотя в Уссурийской долине после железной дороги все сильно переменилось, но не надо думать, что со времени экспедиции Арсеньева природа сколько-нибудь переменилась в самых дебрях хребта Сихотэ-Алинь. И пусть даже с берегов сплавных рек плывет лес, тайга подальше стоит в полной сохранности. Один из пассажиров рассказывал даже, что будто бы недавно тигр снял машиниста с поезда и унес его, как котенка, в дебри Уссурийского края. Замечательно было, что эту небылицу сейчас же выяснили, но при этом выяснили серьезно, а не смеялись, как если бы рассказали это у нас.

(Новая глава: Владивосток)

Перед тем, как показаться морю, мы нырнули в туннель, и в это мгновенье на солнце ярко просветились необыкновенные цветы, свесившиеся венком над самой дыркой туннеля. И когда мы вынырнули на ту сторону горы, то солнца уже не было там и моросило из тумана что-то среднее между дождем и росой: б у с, как называется это моросиво на Камчатке и других тихоокеанских островах. Из-за этого буса не было особенной радости при встрече с морем. Мы ехали по самому берегу залива, названного в честь реки Амур, великой реки, Амурским, точно так же, как назван по ту сторону Рога залив Уссурийским, оба эти залива вместе составляют залив Петра Великого, а на Роге по сопкам раскинулся Владивосток.

Приехали во Владивосток в 11 дня. Дождь, пахнет рыбой. На дождь никто не обращает внимания. Зампредс. зверовод. комбината Анатолий Дмитриевич Батурин сказал:

— Фирсова нет, совсем нет.

Мы решили, что он расстрелян, и не стали спрашивать. Между тем Фирсов бежал в Манчжурию.

— А вы как, — спросил (Фирсов). — Вам можно доверять, вы советские люди?

Глуповатый разговор. Но дело как будто делается и очень увлекает.

Мыс Гамов. Пантовое хозяйство. Зав. Иван Васильевич Богданов. Знаток дела Георгий Джеймсович Дулькейт. Но самый нам нужный Довбня. Пароход понед. и пятн. 9 ут. Морской вокзал. До бухты «Витязь».

Добровольский-Дмитриевич, ветеринар, очень дельный человек, хорошо знает пантовое хозяйство.

О. Фуругельм. Григорий Спиридонович Елисеев. Ехать пароходом до бухты Посьет и там просить Дальневосточный трест представить на остров.

Выпустили самку оленя — оленуху, и она привела дикого рогача. Возможный прием для увеличения стада. Если говорят изюбрь и олень, то это значит пятнистый олень.

Показывали панты, сваренные русскими (Довбня варил). Какая экономия на варке! Панты стоили 700 рублей золотом. Кусок пантов растворяется в спирту до насыщения. Пьют месяц и больше, до выздоровления. Тибетская медицина и золотое искушение. Завтра покажут женьшень.

Ходили в порт, видели пароходы, нагружаемые и пустые. Дождь, сырость.

19 Июля. В ОГПУ выходной день, и пропусков нам не дали. Из-за этого завтра не состоится наша поездка на Гамов. В зверокомбинате тоже выходной день. В горсовете тоже выходной. Очевидно, воскресенье празднуется. Так у нас ничего и не вышло. Лева пришел из «Красного Зна-

мени» расстроенный, потому что там весь Дальвосток понимают как сплошной прорыв и во всех отношениях.

Господствующая сопка во Владивостоке «Тигровая» названа, потому что еще в 1905 году тигры снимали с батарей часовых. Город вырос сразу и остановился теперь в росте жилплощади. Узнать демогр. рост населения. Справочник.

Начинаю понимать в желтых лицах китайцев индивидуальности. Поражает статность русских молодцев в сравнении с китайцами. Но уважение к китайцам растет: истинно трудовые люди и живучие (в противоположность вырождению туземцев), люди несущие тяжести. Казачий налет на Сибирь, и в результате пустыня, а китайцы наполняют землю силой размножения. Из Влад. нельзя уехать, не вникнув в смысл этого. Буду собирать у китайцев материал о пантах и через это войду в понимание.

20 Июля. Увидел первое солнце во Владивостоке.

Вчера в китайском театре изображалась жизнь за 500 лет от нашего времени, и приемы игры были древние, а сюжет состоял в том, что богатый по своей оплошности попадает в руки бедного, переносит через это все страдания, какие только может вынести человек, но, в конце концов, правда торжествует, богатый восстанавливается в своих правах, а бедного ведут на виселицу. Китайский театр был переполнен, у каждого китайца в руке был чайник и чашечка, курили, грызли семечки тыквы. В этой обстановке невольно перестраивался согласно сюжету пьесы, манерой игры и видом публики тоже на жизнь за 500 лет до нашего времени. И вот именно потому, что перестроился на то время, долго я принимал изображение на заднем экране за балдахин, под которым сидит человек. И вдруг товарищ мне говорит:

— Вглядись-ка получше, ведь это же трактор.

Я надел очки и увидел, что это действительно трактор, притом цепной и самой совершенной конструкции, и на нем сидел человек в кепи. Вверху же было напечатано на двух языках, на китайском и под ним на русском:

«Голос пролетарского искусства дружно везде поднялся против новой войны».

Вот тут-то и пришла мне в голову простейшая мысль, которая мгновенно осмыслила все то долгое время, пока я в раскаленном от жары вагоне ехал, проезжая десять тысяч километров. Двигаясь вперед, как двигалась история казацких завоеваний, мы достигли, наконец, предельной точки земли у Тихого океана. Казалось бы, конец продвижения, а нет, вот на занавесе китайского театра назначается путь продвижения не на какие-нибудь ничтожные десять тысяч километров земли — просто отечества, ограниченного в пространстве, мы вступили в сферу бесконечного продвижения по стране социалистического отечества.

Значит, дело казацкого расширения перешло к большевистскому и в этом весь смысл нашей истории.

Так сложился путь казацкого продвижения и большевистского в один путь, и вместе с тем явилось противоречие правды большой и правды маленькой: мы далеко продвигаемся — вот большая правда, и мы занимаем пустое пространство, которое должно быть заполнено не по большой, а противоречащей ей маленькой правде. Маленькая правда получается вследствие ошибок большой: маленькая заделывает промахи больших отвлеченных проектов творческой мысли, отвлеченной творческой мечты. И часто бывает, что большая правда вступает с маленькой в смертельный бой, называя ее презрительно «мещанством», а маленькая в борьбе с большой все более и более зарываясь в землю, мстит за себя нищетой людей, голодом и злобой.

Маленькая правда в нашей стране — это немецкая правда.

Солнце порадовало и скрылось в тумане. И весь день, как обыкновенно, было сыро, шел дождь, и парило. Мало-помалу надо понять здешнюю природу. Пока мне кажется, будто здесь только два времени года.

Осматривал пантовую базу. Пантовый сортировщик Иван Иванович Сурганов.

Бывает, изюбрь скусит верхушку жень-шеня, и тогда корень не растет семь лет: спит. Жень-шень: головка, на ней ценятся морщины, шейка, верхние отростки — их надо как можно меньше, тело с ногами. Грамм — 1 рубль золотом. Узнать, какие растения целебные и всякие встречаются ищущему жень-шень. Кержаки тоже искали и называли это: корневать. Если оставить дело госзаготовки пантов и корня, то значит предоставить дело контрабанде.

Тибетскую медицину представляют большей частью шарлатаны, но так же, как и у нас среди знахарей, можно встретить бабушку, понимающую толк в целебных травах, среди представителей тибетской медицины тоже, и несомненно, в большем числе можно найти людей добросовестных и знающих. И даже если допустить, что драгоценные панты и корень жень-шень мало приносят пользы больным и мы не будем больше из-за принципа заготовлять их государственным порядком, то это значит предоставить заготовку пантов и жень-шеня контрабандистам, потому что Китай еще очень не скоро перейдет к европейской медицине.

Панты изюбря менее ценны, чем оленя, и еще меньше ценны панты марала. Панты различаются по шерсти, цвету и форме.

Видел варку пантов: неделю варят одну штуку.

Уссурийский приморский горал (козлик).

Вечером разговоры о пустоте, которая явилась мало-помалу во всей Сибири. Китайцы-ремесленники исчезают, потому что раскулачили их «старшинок»: старшинки им заготовляли все за три рубля в день (на шахтах), а когда исчезли старшинки, пришлось тоже обеспечить китайцам продовольствие за три рубля, но только приплачивать громадную сумму.

21 Июля. Солнечный день. Встретили Великопольского по пути к Евстратову. Снимал жень-шень (человек-корень). Если говорят просто «жень», значит, корень представляет фигуру человека наиболее отчетливо. Белые

башмаки, т. е. резиновая подметка с кусочком побеленной парусины, в Пекине 75 золотых копейки или советские 20 рублей, во Владивостоке стоят 35 рублей, значит, заработок по контрабанде 50 копеек с пары. Продающий кореец на базаре шепнет, покупатель за ним, тот снимет с ног, продаст, и за другими.

Доски из тротуара повыбраны, легко ночью сломать ногу. Выбирают доски на топливо, потому что угольный кризис, а кризис, потому что рабочие-китайцы забастовали из-за того, что уничтожили учреждение их старшин (подрядчиков).

Владивосток — это ворох камней, по которым лежат дощечки, часто дощечки вытаскивают для растопки, и в дыру можно провалиться, приходится идти не деревянным тротуаром, а шевелить ботинками камни.

Рассказ алданского бухгалтера о работе китайцев и русских на Алдане. Русский работает шесть часов и расходует себя в эти часы совершенно. Китаец работает часов двенадцать потихоньку, догонит русского и не устанет. Этому соответствует как пища тех и других, так и принимаемые ими наркотики. Китаец курит опиум с целью побывать на родине, а может быть и свидеться на небе с его дорогими покойниками. Тут же в таежных условиях он устраивает себе к празднику Нового года что-то вроде кумирни. Для этого обливается водой ведро до тех пор, пока не образуется прочный слой льда. После того ведро слегка нагревается изнутри, отчего возможно бывает снять ледяную форму. В эту прозрачную форму ставится свечка, теплый воздух из нее выходит в отверстие вверху и приводит в движение бумажную карусель, на которой вырезаны китайские божества, драконы и тому подобное. Так работает китаец в постоянном общении с невидимым миром. Напротив, русский пьет спирт, ест в обилии мясо и с богами не имеет общения. Китаец живет как бы согласованно с землей и небом, больше, вероятно, с небом, русский живет как налетчик, сорвет и дальше. Так каждый народ согласованно с характером своим подбирает себе

наркотики, но возможно и наркотики очень влияли на образование народного характера.

23 Июля. Ночью ливень.

Темный товар. Зав. отд. разного экспорта Давыдов.

Жень-шень. До 27 года включительно корневать разрешалось по лицензиям: 50 иен за фунт, и вся польза государства была 250 фунтов корня. В 28 году сменили китайских приемщиков русскими, причем госторг сделал соответствующее объявление. Стали сами учиться приемке, иметь дело непосредственно с искателями. Контрабанда не могла принести большого вреда, потому что жень-шень хранить долго нельзя, портится. Установили свой стандарт. В 29 году вследствие конфликта на КВЖД на границе стояли войска вплотную, дел не было, весь корень остался у нас. Это обстоятельство учли, улучшили стандарт и получили 288 кило корня самостоятельно собранного. Пример темноты товара: представитель фирмы Сяо-юс-джоу пил ром (редчайшее явление) и потому на обычно бесстрастном лице можно было заметить некоторое беспокойство при сдаче корня, и вот когда один как будто незначительный корешок был отложен в сторону, Фу-дзю быстро положил его обратно. Поняв, что этот корень особенно ценится, Давыдов назначил за него 1000 иен особенно (обычно 1000 иен кило, но бывает один корень стоит 3000 иен). Фу-дзю согласился. Скорое согласие побудило к общей цене товара набавить 1000 иен, и опять согласился. Таким образом, мы взяли за корень 2500 иен. Вскоре после этого стало известно, что представители разных фирм, в числе которых были и Фу-дзю, поднесли Джезолину подарок, корень в 3000 р.

В 30 г. наши решили через аппарат торгпредства выйти самостоятельно заграницу (после окончания монопольного договора). В 30 г. наши специалисты отправились на ярмарку лекарственных растений в Инь-коу и получили на 20% больше. Таким образом, в четыре года закончился путь: заготовка, сортировка, вывоз, реализация на месте сбыта.

Сколько дает валюты вывоз жень-шеня?

Американцы выращивают жень и много продают, но это дешевый товар. Возможно ли выращивание корня на уссурийской почве по-настоящему? Янковский имел на грядках в Сидеми до 1000 корней, но перед побегом в Корею все повыдергал.

Пересадка до 1 $^{1}/_{2}$ метра диаметр и $^{1}/_{2}$ метра глубины. Если диаметр меньше, то форма хуже.

Конец: Давыдов обманул <*1 нрзб.*> Все врет — все врет.

23 Июля. Рак (Отнести к Русскому острову).

Как происходят политические реликты. N., теперь седой гражданин, был когда-то кадетом. Но когда большевики взяли власть, он осердился не на большевиков, а на кадетов, и задумался вообще о либералах, и это раздумье мало-помалу привело его к пониманию их внутренней пустоты. Постепенно он стал в себе заполнять эту пустоту чтением сочинений старых славянофилов. В настоящее время он пришел политически приблизительно к тому, чего хотела когда-то самая маленькая партия — мирного обновления. Успеет ли он до смерти дойти до К. Леонтьева и сделаться из мирного воинствующим...

Ездил в Ботанический сад. Дорога возле самого-самого моря. Своему соседу, вероятно, инженеру и, вообще, большому дельцу я сказал:

— А может быть так, что инженер <*1 нрзб.*> во внимание красоту, что, мол, все равно технически выше или ниже, а дай вот проведу <*1 нрзб.*>, как ласточки у воды... может быть такой инженер?

Мой сосед принялся хохотать, рассказал другим, и все смотрели на меня с улыбкой и удивлением, как на человека особенного, нездешнего.

24 Июля. К полудню разгорелся солнечный день. Так пока с утра очень тяжело все выходит из тумана. А растения развиваются роскошно. Странно, что и трава и огороды поспевают в один срок с нашими. В Семеновской гавани фотографировал. Женщины сидели на корточках

у самого моря, китаянки с ребятами, привязанными назади, все ждали судов, иваси 60 к. десяток, и беднота ожидает, чтобы купить. Жарить иваси можно без масла, такая она жирная.

Вечером из Золотого Рога перебрались на другой конец города в Гнилой угол на житье к Евстратову Леониду Ивановичу (Софья Моисеевна, Анна Романовна).

Есть сказание, что будто бы Бог при посеве своем забыл про Дальний Восток и, увидев его пустым, посеял остатки всевозможных семян.

Правда ли, что приморье Америки возле Вашингтона обладает климатом совершенно таким же, как и Уссурийский край? (Неправда).

Если бы жень-шень не обладал целебными свойствами и действовал лишь по вере людей, то все равно почитание этой травки единодушно многомиллионным народом в течение тысяч лет и в то же время способность этой травки жить в течение многих столетий... То же самое и панты, взятые с головы красивейшего зверя Олень-Цветок.

Сохранившийся в небольшом количестве в приморском краю Дальнего Востока пятнистый олень — одно из самых изящных в свете животных — по-китайски называется олень-цветок, и панты его ценой далеко превосходят панты маралов и даже изюбрей.

Полуясно. Был Шмидт из пушной эксп. Рассказывал, что на Римс. Корс. пустили оленей и лисиц. Остров каменистый, лисицам нельзя было вырыть нор, и пищи не было. Лисицы поэтому истребили всех оленят. Индийские виды птиц (иволг).

Китаец взялся мне консервировать жень-шень.

— Ты, — говорит, — его наливай в рюмочку водки, много нальешь — кровь из носу пойдет, налей поменьше, и в глазах станет так чисто, тебе захочется к твоей мадаме.

— Эти прелюдии, — сказал мне на это вечером торгпред Иван Ефимыч, — и мне когда-то говорили. Я тоже просил китайца настоять мне жень-шень. Получил от него бутылку спирту. И как раз приехал ко мне приятель, никакого вина не было. Думал, думал и дал ему рюмочку

жень-шеня, за рюмочкой по другой выпили, по третьей, и кончили бутылку. Утром жена и говорит: «Никакой пользы от жень-шеня я не вижу».

Говорил Иван Ефимыч из Харбина, что есть корни в 600 лет (по морщинам на теле), что искусственно выращенные в Америке, потому малоценны, что им не больше 30 лет. И еще рассказывал, что китаец, увидев хороший корень жень-шень, сидел целый час, полузакрыв лицо.

Владивосток начался в <18>61 году, и с 1914 не было построено ни одного дома. Садов нет, потому что все приезжали на короткое время.

Китайцы, спящие ночью на улице. Кот кричал, как ребенок.

26 Июля. Вчера весь день туман, вечером дождь. Были у экзотического охотника Неделина. Рассказ об охоте на львов: трава жирафу по плечо. Жираф видит, зебры слышат и страусы держатся вместе. Темная ночь. Лягушка-турлушка. Шакалы. Пантеры. Лев. Луна розовым светом, и при луне на дереве обезьянки.

Браковка несимметричных пантов раньше казалась бессмыслицей, а теперь дознались, что несимметричность есть следствие какой-нибудь неисправности организма. Точно также боролись с бабушками, что они кормят младенцев соком свеклы, а теперь нашли витамины.

27 Июля (выехали в 9 у. в Посьет).

Мы сидели во Владивостоке в ожидании погоды, чтобы на островах можно было фотографировать оленей. И вот сегодня, отправляясь в Посьет, только что выехали мы из бухты, как оказалось, что везде солнце, и только во Владивостоке туман.

Вот европеец, он взвалит на китайца семь пудов, на старика, который согнется в три погибели, и никто не скажет ничего. Но если кто-нибудь, притом очень легкий, пуда в три весом, сядет на китайца, то все закричат возмущенно.

Однажды я сказал корейцу, приняв его за китайца, совсем простодушно: «Ходя!», а он обернулся и говорит: «шовиниста!» Ходя значит на китайском друг.

Выехали в Посьет, в 12 в. приехали. Ночевка на столах в канцелярии... Вчера приходил Борисов, автор книги «Тайна маленькой речки», и говорил, что жизнь лососевых на Д. В. подорвана. Раньше селедку иваси не ловили, при нынешних темпах и ее выловят. Белухе нет будущего: родит одного, ходит стадом, растет медленно — все уничтожат. Японцы ловят каракатицу и, вообще, иные объекты, если же рыбу, то далеко в море. Океан не глубок, истощимы его запасы у берегов.

Очарование островов. Вдруг туман. Несчастье <*1 нрзб.*> Д. В. плохо сигнализуются. Бухта Троицкая очень уютная. Рассказы пограничников: как захватили китайцев на лесорубке и проч. Ночью в 11—12 в. прибыли в Посьет. Ночевка на столах в канцелярии. Дураки или провокаторы. Концерт лягушек (китайский) и бухгалтер:

— Наши крепче!

Разговор о контрабандистах, национальн. — корейские шкиперы уводят катера, а русские нет: русским доверие. Ночь. Луна. Берег.

28 Июля. Залив Посьета. Сегодня мы смерили лист молодого маньчжурского дуба, и в нем оказалось 50 × 26 сантиметров. Муравей бежит по листу, и тот не такой как у нас, очень большой. Ничего нет нашего: вороны черные, галки пестрые, сороки голубые, дрозды синие. Хотел пчелу рассмотреть на цветке, и такое оказалось: ни пчела, ни оса, ни муравей. Муха села на лоб. «Ну, — думаю, — вот хотя мухи-то наши». Нет! Раз согнал, — вернулась, два — вернулась, после же двадцатого раза подумал, что, пожалуй, наша муха после двадцатого сгона побоится вернуться. А ночью русский человек, проходящий через Дальний Восток, уверял меня, будто необыкновенные звуки, похожие на фанфары китайского театра, исходят от лягушек.

Мы долго слушали. Моросил бус — нечто среднее между дождем и туманом. Бус был очень теплый, не мочил, и мы были, как в оранжерее, всюду сверкали ночные летающие насекомые, занятно было мысленно проводить линию от одной вспышки к другой и так следить в полной темноте за полетом светляка. Но своему деловому и недовольному соседу...

Утро 29 Июля. Дружба с бухгалтером (чай). Промыслы. Корейцы. Акула. Жара. В кустах пчела-муравей. Бабочка. Щитомордник. Купанье в море. Хозяин на коне. Кувасака № 40. Переезд по морю на о. Фуругельм. С <*1 нрзб.*> вверх по ручью.

30 Июля. Пауки. Распад. Ежи.

Ветер с юга — дождь, но сегодня слегка дует N, однако, слишком слабо дует, и перемены погоды нет: туманный дождь. Вся гора покрыта сетями пауков. Значит ночные летающие огни должны постепенно обрываться в своем полете. Несмотря на туман и дождь фотографировал пауков.

Вечером ездили на подкормку песцов до Кесаря. Песцы при виде лодки кричали и следовали верхом. Кровь на скале <*1 нрзб.*>: океан, камни, лишаи, губки, ежи, рак-отшельник, бакланы — выправлять линию природы. Бакланов не бить (хозяйство: бакланы, чистик, ары — недоступны песцам). Бакланьи глаза и глаза акулы: золотой венчик... Песцы перешли, потому что блохи заели (накопление нечистот). Прожорливость, жадность песца, нахальство: залез в форточку и лег возле шеи хозяйки, хотя тронь погладить, и укусит... Остров азалий.

Молодой баклан из гнезда на недоступной скале должен броситься вниз и, не учась, полететь.

Мышь очень вредна песцам, как промежуточный носитель ленточных глистов. Значит, нельзя мышей для корма.

Всю ночь луна, утро чистое, очень жаркое. После обеда туман и холод до ночи. Снимал песца-мать у Центр. под

скалой. Эта мать после лова *<1 нрзб.>* часов в 8 плывет в море, за ней плывут ее дети, хвостами вверх, чтобы не замочить. Становятся на камни, она плавает и ловит сонную навагу, иваси и корюшку, дает всем по рыбке, плывет, и за ней они, хвостами вверх, чтобы не замочить.

Под вечер сегодня повела кормить *<1 нрзб.>* приплод, 9 штук неслось с криком, кусаясь, по пути присоединились пять из другого гнезда, а родители остались ругаться, т. к. путь к кормушке был через их владения.

В загородке, сидели-жили отдельно молодые песцы, дети квакуши-самца (мать погибла от заражения крови). Квакуша схватил большую рыбу и хотел передать ее своим детям (отдельно из опасения, что все они на него, и он при *<1 нрзб.>* поранит). Ему удалось подняться и отдать.

Посадили раненого в изолятор (ногу лечили перекисью водорода).

Кормили навагой.

Обедали мы: суп из ары, жареная навага и корюшка. Бедная жизнь. Жалованье 100 р.

Взвешивали щенят: в среднем по $2^{1}/_{2}$ кг — норма 8 килогр. и до 11 кило.

Рассказ об орлах: белоплечий орлан, белохвостый орел, белоплечий поймал рыбку «присос» — драка, песец улучил момент и вырвал (М. Курок).

Песец на льду: *<1 нрзб.>*, в воду и, как ни в чем не бывало промышлять на льду.

Пошутил с молодым — загнал на камень, пришлось выручать шлюпкой.

Случай на Восточном мысу: под скалой и загнал на камень, а сам наверх и орет.

Охота: яйцо унесет — в мягкий грунт, другой песец с *<1 нрзб.>* попал в чужой район и украл зарытое яйцо.

Выпивает, а яйцо целое.

31 Июля. Лов акул (живородящ., глаз, как у баклана).

На рыбалке попались судаки — кому судаки? Все на Чапурного, который будто бы завладел судаками, на самом же деле удовлетворялся камбалой.

3 Августа. Первое утро на Гамове. Вчера 2-го выехал из Посьета в 7 у. в Зарубино, оттуда — в Андреевскую гавань (агр. Суханов). Встреча с Левой. Поход в г. Витязь. Третьего дня утром выехал. Суббота 1-го Августа из Фуругельма. 31 Июля, пятница. Обход острова.

Темы: Посьет 1-го Августа (Суббота). Муки в поисках жилья. (В жилое место). Стол канцел. Дальрыба (Вых. день: замок). Нигде нельзя. Когда убедился, лег на камень под скалой, камень сорвался... На стене белые розы.

Катер и шаланда — рвет, пока не вышел бензин. Камень и водоросль — отлив, прилив — бакланы.

Жена бухгалтера: чай устроила, жалоба на туманы, а хорошо на Кавказе: ... жалуется на грязь: бумажки возле берега, умывальник разломанный, железная кровать.

Мальчик вытащил скумбрию, и другую, и третью.

— Вот жизнь! Человек с Кубани.

Легенда о поиске живого бога-Дома = на нем башмаки, обратно пошел домой, постучал, мать узнала сына и бросилась второпях башмаками обратно. Почитание матери.

Неумолимость в деле мести. «Косматый» убил жену обидчика (не его — чтобы мучился), и очень ему это было трудно: «хороший люди».

Месть за потопление в 1894 г.

Китайская Арсея.

16-го к вечеру.

Зея.

16 медведей переселены — белки в <*1 нрзб.*>

Медведь лапой рыбу при себе, закопает, ест, когда протухнет.

Печать (чукчи): людей нет, <*1 нрзб.*> р. Томь, и как проверить — есть люди, живут в деревнях беличьих, <*2 нрзб.*> хорошо говорят по-английски.

Американцы скупают пушнину.

4 Августа. Вчера на дню сто перемен, когда солнце выйдет — станет очень жарко (моя рубашка скоро «сло-

мается»), а солнце скрылось — холодно и, собравшись купаться, раздумаешь.

За чаем до 12 мы проболтали с Марией Грациановной. Вообще, жизнь в Гамове в возмещение Посьета. Петр Михайлович Довбня рассказал, что он в 1904 году поймал дикого бычка помещику, и теперь из-за этого у него отобрали питомник. (Недавно в запрещенное время население захватило оленей в лесу, один свидетель показал, что Довбня поймал, в протокол не занесли, что в 1904.)

Справка: управление партизан. Лишение голоса. Когда жирный самец и худая оленуха — родятся самцы и наоборот.

Вечером в 6 пошел в Фермопилы. В одном месте увидел, что сильно помята трава, захотел посмотреть на лежку, и вижу — стоит оленуха в 30 шагах — прошла минута — она пожевала губами и бросилась, и вслед за ней из травы поднялось лежащее в тени деревьев стадо штук в 30 и бросилось сначала вперед, но потом завернуло вверх и так передо мной, пересекая дорогу, пронеслось все стадо. Все ли? Одна оленушка не побежала со всеми, а куда-то вниз. Я прошел еще $^1/_2$ км по дороге и увидел штук 5 оленей, среди которых, вероятно, были и те, которые не побежали со всем стадом, кроме того, среди этих пяти был небольшой олененок. Не меньше минуты стояли они, как окаменели, потом старая оленуха пожевала губами, и все бросились. Когда я подошел к Фермопилам, светило солнце и было жарко, а когда перевалил, солнце скрылось, и черная гора впереди у моря была одета в густой туман. Волны угрюмо бились о скалы. Я пошел назад и в одном лесистом уголке от меня <*1 нрзб.*> олень и бросился. Я так его и не видел.

Подвиг Рака.

Вечером Мария Грациановна рассказывала, как однажды оленуха сорвалась со скалы и упала на площадку между маяком и морем. Вызвался некий Рак (старый рабочий) достать ее. Узел заело. Ветер — не слышно. Едва спасся. А мяса этого не взяли...

5 Августа. Вчера в полдень был настоящий теплый дождь, после чего стало светло и прохладно и так осталось на ночь. Мы вчера ходили навстречу Геор. Дж. и видели оленуху с олененком, которые в 300 шагах от нас паслись, зная о нас и не убегая. Вечером был Борисов.

Китайская Арсея: Арсея под водой, будто бы на китайских картах Арсея значится под водой (утонула).

Между прочим, тропы везде китайские и теперь зарастают (искали жень-шень, соболевали, пантовали, сеяли мак).

Вчера я поднялся к истоку Малинового ручья, больше и больше камней и, наконец, одни камни, и на камнях лес, и под лесом глухо журчит вода.

Малиновый ключ.

Под [брызги?] водопада я привязал свою одежду и пока мылся, в один башмак влезла ящерица, в другом была бабочка.

Олень на задних ногах достает лист дуба.

Борьба двух оленух с орлом за олененка: тоже на задних ногах.

Приезд Борисова из-за пресной воды. Завод консерв.

Лежбище нерпы: ревет нерпа.

Конец всем паркам из-за потравы.

Запах моря — где и как?

Центр холода: Верхоянск Як. обл.

Паводки. Заросли полыни в сажень высотой (десятки видов), астры, перепутанные павиликой, и сама павилика — цветок величиной в хорошую рюмку.

Причины холода: 1) На краю громадн. континента, с холодными ветрами. 2) Теплое течение Куро-Сио отделено японским островом. 3) Муссоны приносят ясную сухую погоду зимой и сырую прохладную весну с сырым жарким летом.

Корейский кедр, бархатное дерево (пробковое), <*1 нрзб.*> (Aralia), вяз, сирень (дерево), клены, японская вишня, лианы лимонника и винограда, лотос.

В сосновых скалах есть «барсовый запретный ключ». Енот к берегу приходил за (бокоплавками?) — след оста-

вил — бочонок нерпы, с другой стороны: барсовый запретный ключ.

Оленьи тропы. С этого мыса.

Мыс Шульца.

Пахло оленем. К перешейку оленьи тропы сходились полосами. Слева обрывы с погребальной сосной: орел белохвост и бакланы в теснине; на другой стороне в бухточке бился бочонок, потом <*1 нрзб.*>

Две нерпы. Лежки у самого обрыва. Так я согнал их в угол. Одна вперед выступила, топнула ногой и замерла, все замерли: живая картина. Тем даже скучно, маленькие начали почесываться, траву щипать, как вдруг она резко свистнула и бросилась вниз, за нею все веревочкой тише-тише и шагом, задние стали даже кормиться: распределились по тропам и наверх.

Купался с нерпами: они для удовольствия купаются, зачем им плавать на спинке.

Пил воду из трех ручьев. Синий дрозд отдаленно напоминает дрозда. Голубая сорока, пестрая чайка, черная ворона, скелеты морских ежей.

Происхожд. орлиного гнезда.

Мыс Шульца — можно собрать стадо в 300 штук.

Я залез по тропе, сверху спустились и прямо на меня, вдруг понюхали след мой, и стадо бросилось назад.

Сайгак уже с рожками отогнал олененка и сам принялся сосать.

Смерть оленя: сломал ногу и, волоча ее, попал в расщелину между камнями и умер. Другой случай: доставая дубовый листок, попал в развилку головой, сломал шею и повис. Упал со скалы. Смерть старой самки от <*1 нрзб.*>: последние силы берегла, и она до <*2 нрзб.*> рожает. Пантач погибает часто от ударов во время гона. Очень часто умирает весной от зеленой травы... смерть оленей бывает большей частью весной.

Мать свистнула и топнула ногой, маленький свистнул и тоже топнул, она побежала, ему интересно: он остался, она задержалась и свистела ему.

Петр Мих. Довбня — пантовар говорил, что если самки худые, а самец жирный — родятся самцы и наоборот. (Торку и Холопу прихудил — вышли бычки).

6 Августа. Снарядили егеря на камни убить нерпу для подкормки енотов. Пошли в Астафьево к Ивану Ивановичу Долгаль. Он отравил барса (леопарда). Рассказывал о коте (диком) в $1\,^1/_2$ метрах с хвостом, опасного не только для олененка, но и для козла (с дерева на шею). Самый далекий выстрел в пантачей у него был в этот раз — 270 шагов. Случай смерти оленей: один, доставая дубовый листок на задних ногах, передней ударил между двумя дубками, нога застряла, и он погиб. Оленуха тоже пыталась достать что-то и, головой в развилок, повесилась. Тайфун во время растела погубил молодняк, нашли 20 штук. Гибель диких оленей была от корейцев с их множеством собак, а не китайские *<1 нрзб.>*, как у Арсеньева («Все врет Арсеньев, и Дерсу не гольд., *<1 нрзб.>* и честный человек, а стрелял — неважно».) У Ив. Ив. от ружья на плече всегда так, что одно повыше...

Когда мы вернулись из Астафьева, *<2 нрзб.>* разделывали убитую нерпу (6 пудов). Вечером ходили через Фермопилы к острову «Томящееся сердце» (назван так бывш. владельцами, потому что во время прилива шевелился камень на острове). Олени начали выходить на открытые места, были и пантачи и сайки (оленуха как кормит? — оставит под кустом, вернется кормить: с одной стороны олененок, а с другой саек с рожками).

Как убить вон того пантача. Зайти туда — там ветер... и перебьет этот ветер, или можно сверху (попал на вершок от хвоста — и пантач был убит). Шли они на ту траву, которая после пала (в крайнем случае есть и горный камыш). (Ив. Ив. море не любит — тайгу). Пантач с коронкой (уши и панты). Рогач бережет панты, оленуха бережет олененка. Ночью олени подпускают очень близко.

[Вечер. Крик фазана]. Оленухи при охоте на пантача — первые враги: свистнет, и кончено.

Георгий Джеймсович Дулькейт (б. Витязь).

Мария Грациановна и мать ее...

Рутковская Вера Васильевна. Никольск. Уссур. Сухановская, 30.

6 Августа. № 2-й.

Вечером <*1 нрзб.*> после крика фазанов явились «гости».

Рассказывал, что в тайге много зверей и когда едешь и темно, то какой-нибудь зверь подходит близко вплотную к лошади. Раз толкнул его ногой, и он отошел.

— А какой это зверь?

— Как я могу знать, какой, привалился к лошади, я толкнул, а он убежал.

— Глаза у меня были такие, что когда солнце садится, на востоке я вижу звезду.

Видел бархатное дерево, пахнущее мускусом. Кусочек лимонника — чай пахнет лимоном.

7 Августа. С утра хозяйка стала зазывать к себе капитана с «Менжинского» (надеялась заказать ему башлыки), но капитан пришел с боцманом, и нелегко было его попросить. Капитан рассказывал о том, что жена его была в 3-й степени чахотки, но он вылечил ее медвежьей желчью.

Потом пришел начальник поста, осторожный и корректный человек (впрочем, невредный). Рассказывал, что корейцы озлоблены были раньше русскими — заставляли их на себя работать, а когда почуяли свободу, умели ею воспользоваться.

В 4 ч. пришел пароход, в 5 — уехали.

Гамов — 18 верст длины и от 3 до 9 ширины — всего 55 кв. верст.

Катер, заваленные иваси. Спор: есть ли икра?

Примерные цены пантов в 1200 р.

Сбрасывание рогов с каждым годом раньше, значит, панты ранние и ценнее, потому что весенняя зелень дает целебность, и прохлада — успешней варка.

9 Августа. В субботу вечером приплыл с Гамова. «В общем и целом» хозяйство наше плохо, главным образом, потому, что каждый хороший хозяйственник несет на себе тяжесть социального груза. Так вот на Фуругельме отличный работник Чапурин имеет корову и молоко продает, на этой почве женщины, у которых есть дети и нет молока, подняли крик, и теперь Чапурин на волоске. Но тяжесть социального груза делается для простого смертного вовсе невыносимой, если к ней присоединяется тяжесть национального груза. Корейцы, живущие в СССР, люди с особенно обостренным самолюбием, потому что вынесли на себе казацкое рабство, к тому же, по-видимому, очень способны к самопродвижению в сфере интеллектуальной: всюду видишь корейца с карандашом в руке, с автоматическим пером, не раз приходилось видеть в простой фанзе корейца за пишущей машинкой. Притом все эти писатели в очках и даже те, у кого глаза нормальные, будто бы носят очки, так как очки придают вид учености. Эти кляузники, спекулирующие на шовинизме, вместе с социальными проходимцами, самолюбивыми недоучками, свое нравственное и умственное убожество прикрывающие классовым флером, являются главнейшим тормозом нашего хозяйства, едва ли возможно даже учесть, какие миллиарды растрачиваются в народном хозяйстве, чтобы пронести идею социализма в атмосфере этой, будто бы классовой борьбы, сколько идиотов создано из самых лучших людей и в умственном и нравственном отношении. В этом аспекте партийцы и беспартийные не представляют между собой розни: в борьбе с торжествующей, организованной мелкотой, те и другие в равных условиях.

Вечером, когда пароход прибыл в Посьет, после ужина я остался работать в кают-кампании. Вскоре стали проходить через комнату кают-кампании служащие парохода «Желябов» в соседнюю с кают-кампанией каюту-красный уголок, где все было устроено так же, как и везде в СССР. Вскоре началось собрание судового комитета, выступил кореец с жалобой на шовинизм русского, который его, корейца, обругал матерным словом. Русский

стал защищаться тем, что он ругал его не как корейца. «Но у нас нет матерного слова», — говорил кореец. «А у нас есть, — отвечал русский, — я никакого дела не могу делать без этого слова, и кто плохо работает, ругаю всех одинаково: и русских, и китайцев, и корейцев».

Плохо спалось, кусала одна и та же муха, я сгонял ее, она назад, и когда прошло раз десять, мне стало казаться, что у нас так не бывает и эта муха особенная, уссурийская, существующая как реликт, подобно винограду, тигру. Я насчитал 67 возвращений одной и той же мухи, после чего уснул. (Посьет. Прилив и отлив.)

Трактор и соха. Соха наша погибла, но китайцы успели перейти к высшей (ручной) культуре. Европейская и китайская культура перед фактом размножения: люди и машины (то есть у европейцев машина, и с ней торжество цивилизации, у китайцев огород для себя, самосжимание: машина требует экспансии, а огород самосжимания).

10 Августа. У Трофима Мих. Борисова пробовали консервы тунца, пойманного на Фуругельме.

Чушка. Соф. Моис. не могла похоронить чушку в силу постановл. горсовета: только трупо-сжигающая станция. А она не может дозвониться. Явилась к председателю горсовета: «Придете домой — её не будет». Чушка дома. Сегодня с утра за... Является С. М. счастливая: дала китайцу 30 р., и он унес чушку на трупо-сжиг. станцию с обратн. запиской. Счастлива. Почему же она не закопала сама или не отдала труп китайцу раньше? Боялась соседа, который следит за ней весь день из окна.

На Дальвостоке китайские огородники производят все лето до осени такое множество красной редиски, что всех людей, красных по виду и на словах, а внутри белых, называют обыкновенно редисками <*2 нрзб.*>

Не в редиске ли дело?

С. М. — еврейка, доктор, бывшая, все понимает, но ...

14 Августа. После двух тропич. дней опять «бус».

Мы ездили в Песчаное смотреть спилку пантов. Но в дождь не летали насекомые, олени охотно ели подножный корм и не заходили в ловушку. Смотрели изюбрей. У них скоро (в сентябре) будет рев (у оленей на месяц позднее). Один хорошо откормленный изюбрь уже раз пробовал реветь. Изюбрь, как северный зверь, груб, олень — субтроп. животное, гораздо нежнее. Лица китайцев после театра только стали для меня разными, а Александр Александр. Богоявленский, зав. питомником в Песчаном, из 200 оленей в стаде каждого может узнать по лицу.

Талисман: Коготь барса, при виде которого всякий, претендующий на славу охотника, говорит, напр.:

— Это с задней левой ноги.

И все говорят разное. Алекс. Алекс., убивший много барсов, сказал:

— Могу сказать только, что с задней ноги, а какой задней — не могу.

— А есть, кто может и про это сказать?

— Есть!

И даже назвал Ив. Ив. Долгаля, егеря: тот может. Рассказ А. А. о том, как он убил барса ножом. Под вечер вышел на коз. Увидел барсов и расстрелял все свои пять патронов. Когда подходили к дому, вероятно, один их этих стреляных барсов бросился на собаку с дерева. «Стыдно перед собакой уйти». Подошел ближе, в это время Неро стряхнул барса, тот прыгнул на меня и сбил с ног. Грызет плечо, а я ножом его тюкаю и ничего сделать не могу, размаха нет, наконец, между ребрами весь нож, он дрогнул, я выбился наверх, он внизу, нож в рот и забивать (насквозь пробил). Неро все время рвал его сзади. Ногу изгрыз. И теперь ничего не чувствует (нерв). Другой раз Неро лает. Я залез выше сопкой. Хвост на дереве. Промахнулся. Неро опять посадил на дерево. Убил. Еще раз ночью. С дерева спустил, кишку выпустил, он лапой кишку оторвал, кишка замерзла «Пошел на меня. Мушки не видно. Испустил в упор, в полном смысле слова, уперся в ствол и убил». Барс ведет ленивую жизнь. Из-за этого любит ходить по лежнице, чем и пользуются.

Рев оленей: в это время даже и в парке рогач ходит около решетки и пробивает тропу.

Камчатские рассказы: кедр. сланец внизу, вверху снег, соболя в сланце. Так же и летом. Медведи (огромные, экземпляр был в 35 пуд.) и раненые не бросаются. Лебеди в незамерзающем ключе (сверху вниз). На собаках на глухарей.

Начинает складываться фенология: великие весенние обещания Марта и Апреля, а в Мае—Июне—Июле — ежедневный туман (наша осень), осень — лето, зима. Или: пантовка, а вслед за ней рев (изюбрей), за ним — оленей.

Барсук — собака не берет его, енот притворяется мертвым.

24 Августа. Несколько дней тому назад в природе произошла перемена, стало ясно, и главное, в ясности явилась благодатная прохлада, как у нас осенью, чувствуешь, что впереди-то непременно будут истинно прекрасные дни и по-видимому эти муки заключения в парник кончились. Нет по ночам больше уже летающих светляков, и когда вспоминаешь Фуругельм, то кажется, был в какой-то другой, тропической стране.

Из совхоза Майхе через реку, слитую из рек Майхе и Батальяндза, видны громадные казармы, собиравшие в себя в императорское время значительные войска, теперь там, в этом Шкотове, расположенном в самой глубине Уссурийского залива, собран лагерь заключенных и видно, как на островном мысу, отделяющем Манхе от залива, они убирают сено. А по реке непрерывно плывут плоты в море, на плотах корейцы, они доедут до моря, станут на якорь и будут дожидаться японского парохода, который увезет этот лес к себе.

Розанов ошибался, выдвигая пол на место как бы единственного фактора жизни. Стоит только на улицу выйти и увидеть толпу, идущую по своим делам, чтобы предстало все лично-насиженное убожество этой розановской мысли. Но то верно, например, что это как бы общественное отрицание пола больше выражено на евро-

пейской улице, чем на азиатской, в европейском чистом доме, чем в китайской фанзе и, вообще, скажем, в Европе отрицательный пол общественной жизни резче проявляется, чем в Азии. Вместе с тем, конечно, теряется в Европе и сила родства между людьми. Знаете, как где-нибудь в Швейцарии, вокруг много людей, а ни им до них, ни тебе до тебя, ни тебе до них решительно никакого дела, и даже подчас вовсе не замечаешь людей, как будто один живешь, и все обычаи, все порядки, костюмы, весь стандарт устроен как будто именно для того, чтобы не замечать друг друга, укрываться, и среди людей быть одному. Да, конечно, очень противно, когда тебя в упор разглядывает азиат, не хорошо тоже и равнодушие европейца, человека совершенно делового и знающего только свой деловой час, а не тебя. Что лучше? Можно ли сказать, что современная европейская общественность отрицательна к роду и тем самым к полу? Иначе сказать, что современное дело идет против родни. В этом и есть мысль Розанова.

Вот если совсем просто сказать о великом, то Китай потому Китай, что народ, а Европа — машина.

Было великое разделение живого мира — на одной стороне была способность делать орудия, и начался животный мир, другая часть осталась просто расти, и так остались растения.

Так если бы не было возможности <*1 нрзб.*> Европы в Китай, то Китай и Европа были бы две формы жизни: на одной стороне машина, на другой...

Дальн. Восток.
Владивосток.
Остров Путятин.
Романовск. Петр Васильевич.
Катерина Степановна.
Юлия Николаевна.
Милочка.

Директор зверов. совхоза Кулигин в частной беседе поддержал нелепый слух, будто ребенок старшего егеря Машкова (Григор. Афан.) родился у него от какой-то приезжей. Вот тогда Машков, чтобы сорвать на ком-нибудь

зло — донес на заведующ. крольчатника Тропарева, будто он князь по своему происхождению и <*2 нрзб.*> служил, и Тропарева лишили голоса, вместе с ним лишили голоса жену заведующего <*1 нрзб.*>, оказавшуюся действительно урожденной княжной, а также прихватили китайца не то за контрабанду, не то за торговлю. Кстати, китаец ничего не говорил по-русски, кроме «моя ходи за «мадам» и т. п., и потому лишение голоса китайца было веселым эпизодом в разгоревшейся борьбе всего совхоза, распавшегося на две партии: Машковых и Тропаревых.

Солнечные ожоги.
б. Разбойник.
<*1 нрзб.*> Григор.
Васил. Горовой.
Утренники.
Рев изюбрей.
Михаил Семенович, 19 в. 5 улица, 3-я дача.
Киселев психолог. Улица жертв Революции, д. 8, к. 8а.
Петр Васильевич
Екатерина Степановна } Романовские
Юлия Васильевна мать
Машков Григорий Афанасьевич, егерь, очертивший круг.

В зверокомбинате узнал, что экономической стороны звероводства почти не существует. Познакомился с Гончаровым, который переходит куда-то с Римс.-Корсакова. Итак, все директора, которых я видел за месяц, переходят: Елисеев, Дулькейт, Гончаров, Батурин, Юдин. Когда я указал на это, как на слабое место, кто-то ответил мне словами Форда, что успех предприятия был обеспечен непрерывной реконструкцией. На это пришлось сказать, что там реконструкция шла от хорошего к лучшему, у нас же... Послезавтра 26 Августа еду на Сидеми, сопровождать меня будет выдвиженец на научную работу Янушкевич Анатолий Павлович. Буду просить показать мне Кедровую падь.

Был в Музее. Коллекции собраны значительные, но за ними не чувствуется органической научно-общественной работы. Обыкновенный казенный современный музей.

Актиния пристраивается к раковине рака-отшельника и потихоньку вместе с ним едет.

Такое содружество рака-отшельника с губкой.

Почему медузы бывают годами, а нынче их нет? Рыба Прилипало, с помощью ее ловят черепах.

Кета-цветок, т. е. цветет, когда кета идет.

Даниленко Дмитр. Андр., пушной чел., послед двер. по Киаиской, 3-й этаж в здан. Комбин.

Усвоить правило: во всяких публичных местах вмешиваться в споры исключительно при необходимости самой крайней.

К рассказу о барсе Самсоне: изобразить момент его жизни, когда после домашней обстановки Янковский первый раз вывел его в тайгу, и барс, напр., залег за камень, и только глаза были видны.

25 Августа. Когда С. М. поступила врачом в один город на Дальнем Востоке, поваром в ее больницу нанялся один богомольный китаец Ювен-юн. В Шанхае у него была старая мамка и еще жена старшего брата с тремя детьми. Ювен-юн имел план на десять лет, чтобы устроить эту семью, поставить на ноги «мало-мало» малышей, а самому уйти в горы совсем и молиться богу с монахами. Ювен-юн был очень хороший, честный человек и не хотел заниматься торговлей вместе с другими русскими китайцами. Он любил говорить, что каждый «купеза» (купец) есть «машинка» (мошенник). Через несколько дней после вступления в обязанности больничного повара три китайца, хлебник, водонос и прачка, живущие в разных отдаленных друг от друга частях города, но соединенных крепко между собой единством места рождения в Китае, привели в сподручные повару мальчика бойку и поручились за него: «наша люди». Мальчик был очень веселый, здоровый с цветущим круглым лицом и прозвище его было Чисыза, значит, вишня. Когда его привели,

С.М. велела няньке отвести его в ванную и вместе с няней сама пошла туда. Мальчик не заставил себя ждать, живо разделся, залез в ванну, стал кричать и радоваться и говорить, что ни одному китайскому мальчику нет такого счастья, что у него три мамы: одна мама в Китае, другая мама — доктор, третья мама — няня, этого нет ни у одного китайского мальчика. Так стали жить повар и бойка в больнице, персонал подобран был в больнице на редкость хороший и согласный. К повару-китайцу относились прекрасно, с мальчиком носились, учили его русской грамоте. Китайцы, как известно, народ исключительно чуткий и отзывчивый к мелочам хорошего сердечного отношения. Почему это? Долго жили на земле как народ или много терпели? Трудно передать, какое усердие приложил Ювен к приготовлению пищи, с каким старанием он чистил посуду, никогда не пробовал пищу, но всегда было и вкусно, и верно посолено. Когда его спросили, как это он может делать пищу без пробы, он ответил:

— Русская бабушка пробует ложка и опять ложка в суп — это дрянь, моя пробует нос.

Так стали жить повар Ювен и бойка Чисыза, Ювен много молился богу, постился и когда сам ел постное, то и Чисыза тоже постился, и это значит по-китайски просто ничего не ел. Все забавлялись с мальчишкой, немного учили грамоте, никому и в голову не приходило, однако, вникнуть и глубоко задуматься о сложном влиянии безбожной медицины на мальчика и его начальника с беспрерывным молением и частыми постами. Однажды в кухне поднялся крик, это разгневанный повар старался хлестнуть чем-то бойку, а тот увертывался и кричал, слышалось только два слова: «машинка» (мошенник) и «пенза» (коса). В конце концов, выяснилось, что мальчик Чисыза обрезал себе косу, а Ювен за это хотел стегнуть его и мальчик увертывался и кричал:

— Пенза ю — машинка ю, пенза мию — машинка мию.

Это значило по-русски, что с косами китайцы мошенничают, а и без косы можно жить честно. После этого большого события, о котором, конечно, стало известно, явились все три поручителя, или, может быть, даже по-

печителя, хлебник, водонос, прачка, и в кухне поднялся великий спор и крик. Мальчик Чисыза объяснил:

— Не хочу быть купеза, всякий купеза — машинка.

После долгих споров, уговоров, Чисыза обещался во всем слушаться Ювена и держался несколько лет, никаких споров в кухне больше не поднималось. Но случилось однажды, эту больницу пришлось ремонтировать капитально, врачу и техническому персоналу дали отпуск на месяц, больных направили в другую больницу. И случилось как раз в этот месяц, у китайцев был строгий пост. Вот когда ремонт был закончен и служащие явились на работу, Чисыза опять поднял в кухне свою революцию и стал кричать. Когда сбежались, оба китайца стояли друг против друга со скрученными салфетками и старались друг друга покрепче стегнуть.

— В чем дело? — спросила мадам.

— Мал-мало не слушается бога, — ответил Ювен.

Чисыза кричал и плакал, кричал и плакал:

— Моя хочет кушать, его хочет бога.

С трудом в этот раз помирили повара и бойку, долго уговаривали в присутствии всего совета из хлебника, водоноса и прачки.

Были, конечно, потом еще кое-какие мелочи в жизни Ювена и Чисызы, но о них не стоит рассказывать. Конечно, никто, кроме самого Ювена, не знал, когда, наконец, наступит тот последний день десятого года, когда Ювен выполнит свой долг в отношении своей старой мамы, жены старшего брата и его детей. В этот день мадам, вернувшись к себе, нашла у себя на столе необыкновенный букет, слишком роскошный даже в отношении цветов Уссурийского края: букет был из живых китайских цветов и значил прощание Ювена. Никто не видел, как он вышел, куда ушел. В кухне все блестело и стояло на своих местах. Чисыза стоял там и плакал и <*2 нрзб.*> и говорил: «Ювен хочет мал-мала бога, моя хочет мал-мала человек». Он не остался поваром, поступил в русскую школу.

Не ел никого, у кого живой мама (вегетарианец).

Сектант (вегетарианец).

Чисыза просил подарить атлас, буду показывать китайским дуракам, как люди на свете живут.

Возражение: у китайцев нет постов, и монашество надо бросить, а Лувен как сектант, работал, читал, развивался.

...все проиграл (описать притон).

Нельзя ли сюда «Арсея».

26 Августа. Всю ночь шел дождь и настоящий, а не то, что мы, приезжие, здесь принимаем за дождь: так что чуть ли не весь месяц были дожди, между тем садовод местный жаловался на полное бездожие.

Оказалось, что этот дождь из тумана для земли вовсе не дождь, и она лежит совершенно сухая, потому что туманную влагу вмиг сушат ветры. Как трудно здесь быть сельским хозяином! Там, в недрах страны, почти всегда мы можем накануне сказать, какая завтра будет погода, мало того, иные пытаются как-то по новолунью, как расположены рожки луны, предсказать продолжительное вёдро или ненастье. И пусть даже неверно предсказывают, все-таки хоть попытку делают разобраться и познать фенологический ритм природы. Здесь на дню семь пятниц, приезжий человек после нескольких усилий понять что-нибудь опускает руки и обращается за советом к китайцу. Так и повелось, что в затруднительных случаях многие говорят:

— Надо бы китайца спросить.

Очень возможно, что старинные искатели жень-шеня, охотники и звероловы, старинные таежные китайцы и понимали что-нибудь в этой природе, но нынешний владивостокский китаец, мелкий ремесленник или торговец, понимает в этом едва ли больше нас. Гидролог и любитель-садовод Булгаков, услыхав от меня ссылку на китайца, ужасно возмутился и прямо отрезал:

— Ничего китайцы не знают.

Papilio Raddei — черная дневная бабочка.

Actias artemis — голубая ночная, большая.

Русскому все непонятно на Д. В., растения невиданные, животные, насекомые, в особенности непонятны и неожи-

данны переходы в погоде. В России ведь часто накануне с уверенностью говорят о будущем дне — вёдро будет или ненастье, иные по новолунию, куда луна рогом смотрит, пытаются предсказать надолго погоду. Здесь за час не знаешь, как будет дальше, и если уж очень надо узнать, даже пусть неверно, лишь бы что-нибудь предположить, говорят:

— Надо бы китайца спросить.

Оно понятно, кому ж знать, как не искателю жень-шеня, охотнику, ловцу. Но ведь эти китайцы, которые теперь торгуют мелочами во Владивостоке, что они могут знать, тем не менее «китаец» везде для жителя Владивостока барометр. И вот нашелся, наконец, один гидролог и любитель садоводства, сам во всем разобрался и объявил:

— Ничего китайцы не знают.

Капитан Желябов в тумане замучен, весь день возмущенно кричит, глядя на катер с ивасями:

— Проклятые, <*1 нрзб.*>! Под суд сукиных детей.

Кончить судом: суд над русским и корейцем.

27 Августа. Дождь, который начался во вторник вечером, все усиливаясь, в ночь на четверг стал ливнем, и в то же время разыгрался тайфун, не самый большой, как бывает здесь, но порядочный. Верещагин Василий Николаевич: Оксанская, ул. Загоскина. Спросить улицу «вторую» и по ней до № 4 и налево круто в гору Загоскин.

Будто бы, по словам Верещагина, оленьи пятна — это его защитные пятна: под блики солнца. И что будто бы все звери родятся с признаками пятен.

Еще он говорил, что предполагают устроить питомник пятнистых оленей на Кавказе (почему, правда, олень избрал для житья такой маленький уголок). Удачные опыты Дорогастайского на Байкале.

Рассказывал о стрельбе Кочергина. Вот в море шагов за тысячу показался какой-то хищник, промышляющий рыбу, кореец, китаец, может быть японец даже? Кочергин в это время спорит с кем-нибудь, что для него это легкий выстрел. Хищник между тем перекидывает парус, тянет

за веревку, уперся ногой, весь склонился спиной за борт и держится только веревкой. Кочергин стреляет, хищник падает в море и через мгновение исчезает в волнах. Какой тут ответ, перед кем?

Какой-то любитель музыки прибоя в жаркое время, а отчасти и чтобы спастись от комаров, свою железную кровать поставил в воду и так спал. Можно себе представить, какое блаженство испытывал он! Чем успокаивает шум моря, когда сидишь на берегу? Тем, думается, что мерный звук прибоя говорит о больших сроках земли, прибои — это как будто часы у самой планеты, и вот эти большие сроки встречаются со сроком твоей маленькой жизни, и начинается раздумье, и маленькая скорбь исчезает.

Третьего дня с Верещагиным встретился приятель:

— Эх вы, опоздали, малина прошла, а даурский бекас вчера у меня из-под сарайчика вылетел.

Даниленко, зав. пушной базой, живет в здании комбината.

Все охотники, встречаясь, говорят:

— Фазанов-то! Страсть! Пропасть! Везде фазаны!

В 25-м или 26-м году охотсоюз раздал корейцам ружья и порох для заготовки эксп. фазана. Корейцы до тех пор не охотились, фазаны у них по пашням как куры бегали. Стрелять влёт не умели, а потому гоняли их с собаками. И заганивали, потому что фазаны долго не могут летать: сядет у моря и рот раскрыл, тут его и бьют.

Вечер. Тайфун продолжается, и это вечером создает то же настроение, как бывает у нас в самом конце осени. Завтра Успенье. Слышу, говорят:

— Вот и лето прошло, а лета не видели.

Все говорят, что это лето исключительное, и обыкновенно с $^{1}/_{2}$ июля погода стоит хорошая, а тайфун в августе бывает один.

Пусть исключительное, но зато яснее видна характерная черта здешней природы. Здесь очень быстро природа живет, силою волн, ветра, дождей и туманов горы чуть не

на глазах разваливаются. Вот в Посьете я прошел низом, узкой тропой между скалой и камнем, лежащим в море.

— Вы низом прошли? — спросили меня местные люди. — Как Вы не побоялись, у нас никто не ходит, камень вот-вот упадет.

— Да он уже упал, — сказал я. — Он уже в море лежит.

— Разве упал, когда же это...

Вот когда это поймешь, что именно здесь не Урал, где старые горы кончились, развалились и богатства их все лежат на виду, что здесь молодые горы и вся природа бунтует, начинаешь приходить в себя, разбираться во всем: эти все перемены в природе вследствие особенной силы напряжения разрушения и созидания...

28 <Августа>. Ночью тайфун стал тише, удары его были реже, и утром уже была тишина и совершенный мир.

— Вы этим возмущаетесь, Вам кажется это абсолютно плохо, головотяпство или вредительство? а другой находит вполне естественным следствием тех или других причин и ничуть не возмущается, как же нам согласоваться?

Тайфун. Цветы поломаны и разбросаны. Серебристый тополь, вывернув свое белое «серебро» наверх, как зверь в последних мучениях закатывает глаз и вывертывает один белок, <трепался> в стороны, взмахивая кроной вверх, бросаясь вниз.

И все время около дома пищала искательным голосом птица, похоже как цыпленок пищит, только грубее и чаще. Бабушка говорила, что это тайфун у нее детей побил.

29 Августа. Ездил в Сиданку смотреть лисятник АКО. По пути какой-то агроном уверял меня, что культура риса невыгодна, так как портит почву, создает болото, истощает землю. С уважением относился к азиатской культуре и рекомендовал механизировать ручные азиатские приемы при грядковой культуре. Вот, напр., китаец разбирается в навозе, находит в нем навоз конский и отделяет его, а в конском навозе находит экскременты тех лошадей, которые кормились бобами, — вот это самый ценный навоз; так

вот, попробуйте механизировать китайскую обработку навоза!

Русский смотрит на грядковую культуру китайца, вроде как бы мы смотрим в микроскоп. Русский воспитан на размахе. Шел за соболями в Сибирь и, отбирая шкурки, как ясак, завоевал всю Сибирь. А земледелие в Приамурье? Наши отдавали новь корейцу или китайцу, те собирали три урожая, а потом с возделанной земли собирал русский. Вот почему при виде земледелия корейца, обреченного весь год есть чумизу, русский смеется над «чумизником». А сам живет гораздо хуже... Так на русского большевика со всех сторон наступает трудовое мещанство, с запада немцы, с востока китайцы. Интересна не русская встреча с китайцами, а немецкая.

Было время, когда правительство покровительствовало внедрению китайцев и корейцев в Приамурье, но потом раскаялось в этом, и началась обратная политика. Сов. политика вначале, конечно, ликвидировала имп. политику. Вот за этот промежуток возгорелась рисовая авантюра. Теперь, наоборот, корейцы, как японские шпионы, взяты на мушку. Рисовая культура повисла в воздухе, начался разговор о том, что рис портит почву и, ежели рис, то не лучше ли сухая культура, пусть она даст урожай не 200 пуд, а 60... и пр.

Большой размах — все равно, что теория, а малый размах — это практика. Русские — теоретики, немцы — практики.

Акула.

Когда вода в море спокойна — это не остановка жизни, а отдых могучего существа, все живое в океанском мире должно неустанно жить, чуть остановился, и ты обречен на погибель. Вот мы сегодня осматривали акулу. Она была еще живая, но глаза были выедены и кое-где на мягких местах пятнами бесчисленные маленькие рачки, поедающие мясо еще живой рыбы. Разве эта мелочь посмела бы напасть на громадную рыбу, когда она полна сил. И вот она попала на крючок. Она еще была жива, еще билась, но уже была обречена, и на обреченную можно... Так в океа-

не жизнь ни на мгновение не должна снижать своего течения. И когда бывает спокойна вода — это не остановка движения, это отдых могучего существа.

Много, много лет, отдаваясь впечатлениям от украшений поверхности земли, я, считая, что смотрю на лицо природы, лицо земли, очень удивлялся, почему после первых приятных впечатлений внимание к этому пропадает, а многие люди совсем даже и не обращают внимания.

Через много лет я, наконец-то, понял, что это не лицо, а это у земли зад такой, а лицо...

Русские моряки славятся не тем, что хорошо плавают, а то удивительно, как некоторые в море могут выплыть из беды в крайних случаях, и вот этих людей называют героями, а у нас в небыстром плавании надо уметь не выплыть из беды, а просто плавать — и так повелось, что в плавании не видят геройства.

Зверей потому интересно наблюдать, что через них себя, то есть человека, понимаешь в глубине, без прикрас и обманов. И не знаю, верно ли это, но я постоянно при наблюдении держу такую мысль в голове: какое бы ни было в природе живое существо, где-нибудь оно сохраняется в человеке, если и не в физическом виде, то хотя бы в психическом. И это до того верно, что стоит назвать зверя, и сейчас же по нем видишь и человека. Скажете — ящерица — и сейчас же она является в виде человека, крокодил, бык, корова, волк, баран, змея, голубь, ласточка, курица, галка, воробей, улитка, *<2 нрзб.>*, комар, муравей, пчелка — все люди. Правда, есть целый ряд зверей еще не открытых в человеке, например, песец, но стоит присмотреться к их жизни, и сейчас же открываются давно знакомые типы. Говорят, в глухой тайге есть деревни, где туземцы сотни лет из поколения в поколение занимаются охотой, кто на медведя, кто на белку, кто на оленя, кто на изюбря и лося, и все будто бы, кто из поколения в поколение медведем занимался — сам стал походить на медведя, кто белкой — на белку, кто лосем — на лося.

А что уж все наверно знают в деревнях, что и старые люди, в особенности женщины, ужасно начинают походить на галок, сов, ворон.

Кавасаки перевез нас с Путятина в бухту Разбойник в 9 у., но «Желябов» не пришел до 8 веч., и мы сидели на берегу бухты Разбойник даже без крыши до вечера. К счастью, погода была хорошая. Я достал чайник, вырезал в кустах рогульки, собрал дровец и стал готовить чай. К огоньку стал подваливать народ: кинооператоры, китайцы-<*1 нрзб.*>, радистка, умеющая говорить по-западному и по-восточному, дама с лотосом, охотник Горовой психотехник, корейки с подвяз. детьми, лишенный голоса китаец, два осужденн. с о. Аскольда: завидовали их сапогам и говорили: вот им хорошо, с рыбного завода дама. Китаец: жень-шень.

Каштанка, старая собака, говорят, будто бы умеет различать хороших людей от дурных: хорошего человека понюхает и отойдет, а плохого укусит. Леонид Иванов, экономист, выдумал себе работу: вычислить процент людей хороших и плохих. У него получилось, что людей плохих по Каштанке — 49% и хороших — 51%, из этого вывел заключение, что 49% людей хороших уходит на погашение, и таким образом равновесие мира возможно при 49% хищников и 49% их жертв и только 2% людей движут мир вперед: из сотни два! Эта же Каштанка может отличать корейцев от китайцев.

31 Августа. Сидеми. Приехали в 12 д. Опыты на рост пантов (европейцы научно, встреча культура, а с рисом в грязь). Фенолог. 2/3 оленей к 1-му сентября переменяют прекрасный летний наряд на скромный брачный. Почему нельзя купить банку сельди на промысле и засолить? Еврей — таежник.

31-го вечером мы поднялись на гору, чтобы наметить участок, в который в ближайшее время будут выпущены еноты. Нам были видны и олени домашнего питомника, и олени парка кое-где на просеках. Парк был очень избит оленями. Саженцы кедра, переросшие свое назначение, были с объеденной оленями корой. Жень-шенник Янковского тоже был избит оленями. Управляющий пытался найти хоть один живой корешок и не мог найти. Вечером

было заседание с рабочими о переходе на полупарк, для чего должно быть изловлено и пущено в заповедник Сузухе 500 оленух. Говорили о том, как их изловить. Ночевал в хозяйстве и пил чай у заведующего. Латыш по фамилии вроде Пеливзир. Чем раньше занимались? Тоже администрировал. Оказалось, он фармацевт, был зав. Здравотделом, старый парт. работник. Большой дипломат, как впрочем, и все партийцы. Психика такого «администратора» (партчеловек) и научного работника, «спецчеловек». Спецчеловек имеет ориентацию на далекое будущее, потому что опыт его иногда длится больше его жизни, и туда он относит свое упование, что же касается сегодняшнего дня, то он непременно должен сомневаться во всем, как всякий работник науки. Напротив, партчеловек непременно должен быть готов, чтобы дать ответ, что все хорошо. Так вот с опытами над действием пантов. Мы говорили со спецчеловеком Миролюбовым (Исаак Иванович).

Был заключен договор с эндокринологическим институтом. Дали ответ на маленькой бумажке, что в пантах есть признаки сперматина. Миролюбов называл этот ответ возмутительным, и нельзя не возмущаться таким отношением, если знать, что мы торгуем пантами, что если все равно, чем ни торговать, то ведь выгодней всего сеять мак и продавать опиум. Так спец. выразил свою большую тревогу, а партчеловек сказал, что все благополучно и существует «договоренность», что он сам лично во Владивостоке договорился с деканом мединститута и т. п. Очень подозреваю, что нынешнее предпочтение экономики перед биологией происходит потому, что посредством экономики скорее можно дать результат, конечно, цифровой пример студента-экономиста, ничего не понимающего в Приморск. природе и делающего проект оленника. Но вот по вопросу о бочке селедок нечто другое. Спец. сказал, что здесь на море громадные сельдевые промыслы, между тем нельзя себе достать на зиму бочонка селедок. На это парт. сказал, что селедки направляются в Центр, где, конечно, нужда в них больше, а если для нашего совхоза нужны будут селедки, то всегда можно сговориться, и нам

дадут. Таким образом, ясно выходило, что спец. говорил о бочонке в личную заготовку, а для парта ничего личного как бы не должно было существовать...

31 Августа — 4 сентября. Сидеми. К первому сентября лучшие старые рогали свое яркое солнечно-защитно-пятнистое одеяние переменили на скромное зимнее. Фазаны из бурьяна стали перебираться на азиатские пашни. Пролетел табунок маленьких куликов. Конец виноградной лианы, огромной, обнявшей и скрывшей собой совершенно высокий и просторный грецкий орех, побурел от осени, стал такого цвета, как переспелый виноград. Надломленный прошлым тайфуном листик этой лианы трепался все сильней и сильней. Исаак Иванович обратил, вероятно, на него внимание, или может быть, что-нибудь другое подобное навело его на мысли, он сказал:

— На тайфунчики не обращайте внимания, еще один или два, и вернется чудесная погода, и весь сентябрь и октябрь, а может быть, и половину ноября будет стоять наше осеннее лето.

Вечером пошел дождь, и ветер поднялся и креп, превращаясь в тайфун...

Закупоренный тайфуном в даче Бриннера сидел я без чая, без книг и думал о прошлом владельце Бриннере, недавно убежавшем в Китай. Все построено было дельно, только с тем немецким вкусом, который убивает всякую эстетику. В этой безвкусной, однако, удобной даче, устроилась внизу дальневосточная испытательная станция. Там был уже теперь микроскоп и еще кое-что, и на стенах развешены были оленьи рога. Но электричество было еще без тока, водопровод без воды, фонтан не бил, термометр висел без ртутного шарика, в комнатах, отлично сохраненных, но пустых, там лежал тюфяк, там одна кровать без всего, там столик был и стул. Детская клеточка лежала на балконе без птички. В саду были как будто фруктовые деревья, на самом же деле это были обманчивые здешние лесные дубы, совершенно как яблони, орехи и бархат. Летали черные птицы, по крику похожие иногда на ворона, иногда на ворону... Остались, было, на клумбах последние

цветы, лилии и маргаритки, но вчера на катере приехали женщины из Дальлеса и все их оборвали и увезли с собой. Среди интеллигентного мещанства распространено мнение, будто безвкусная немецкая дача верх красоты. Так же думает и студент, молодой коммунист, страшно довольный, что Бриннер сбежал и оставил такое великолепие. Особенно глупо стоит на скале эллинский портик. Нужно ничего не понимать ни в красоте, ни в живой природе, чтобы тут, где природа похожа на первый хаос первого мироздания, где на глазах тайфуны и волны обваливают громадные скалы и в короткое время каменная форма берегов разрушается и переделывается, поставить символ спокойствия и красоты завершенного творчества. Эту деревянную глупость, побеленную мелом, поставили на самом видном месте над морем, но революция не обратила внимание, и так это осталось... Но в море для едущих, среди однообразных волн Тихого океана портик имел большое значение, и глаза каждого моряка и в ясную погоду, и в тайфун упирались в нелепость на скалистом берегу. Сколько капитанов посадили в тумане на рифы свои суда и пошли под суд. Вот стоит на боку прибитая последним тайфуном японская шхуна...

Трясогузка почти белая... Цапля бурая (не серая) огромная, очень сторожкая и летает в водных зарослях пресных озер возле самого моря.

Бьем тревогу!

1 Сентября. Солнечный день. Ходил со студентами вдоль лебяжьей лагуны в Семивершинную падь, и дошли до 3-го Медвежьего распадка, такой адрес: Семивершинная падь, 3-й Медвежий распадок. Женщина у сторожки не хотела нас пропустить в парк. Мы сказали, что мы научные сотрудники, и при слове «научные» она сделала резкое движение рукой и, не дав договорить свое, сказала быстро и неприятно:

— Все равно, никому...

Там было три коровы. Но молодой коммунист сделал предположение, что женщина при коровах обнаглела:

— Там раскулачивают, а тут окулачиваются...

Это было неверно: если бы коровы принадлежали женщине, она непременно была бы добрая и рассудительная, между тем жест был явно нигилистической распропагандированной женщины. И действительно, в следующей караулке нам сказали, что коровы принадлежали трем егерям. Между тем, студент, оказалось, вовсе не по молодости ошибся, он был немолод и три года «администрировал» на Камчатке. Он ошибся, потому что был коммунист, и он не знает природы и оленя, а хочет посредством экономики создать олений питомник, это тоже, потому что он коммунист.

На обратном пути из куста против узкого места лагуны вышел охотник-егерь и вскоре вся облава. Это они хотели кабана и ушедшего из питомника пантача загнать в узкое место и застрелить, место между лагуной и сеткой. Ничего не нашли и сами разбрелись так, что едва друг друга собрали. Было две собаки, немецкая зверовая овчарка и помесь легавой с дворнягой. Эта последняя собака — специалистка по енотам, берет их живьем, — енот притворяется мертвым, а собака не рвет, — приходи и бери.

Гнилая мысль.

На одном острове, не стану его называть — не та цель — на этом острове разводят дорогих серебристых черных канадских лисиц. Был перед этим на острове этом фруктовый сад, большая редкость. Организаторы лисьего питомника, занятые лисами, а не садом, необдуманно уничтожили сад...

История эта длинная: сад уничтожили по примеру Германии, а тут под 42 параллелью <*1 нрзб.*> на голом месте стали самцы <*2 нрзб.*>, и явилась нужда в деревьях для защиты.

Впрочем, как все сообразить, лисица канадская, устав германский, а жизнь под 42 параллелью и Тихий океан. И не в том дело, не та цель у нас.

Вот когда сад уничтожали, Вас. Иванович взял несколько деревьев под свою защиту, пересадил к себе возле своей квартиры фруктовые деревья. Василий Иванович — один из тех партийцев, которых гоняют с запада на восток и с

севера на юг и обратно без перерыва. И когда он деревья сажал, то уже бумага пришла о назначении куда-то далеко, а потом передумали. Вас. Ив. на короткое время остался, и деревья определились за это время, прижились. Кроме этих деревьев в садике было еще много всего рассажено, и цветы.

— Как это вы можете, — сказал я, — сажать деревья, устраивать сад, когда наверно знаете, что вам ни от плодов и, возможно, даже цветов ничего не достанется?

— Что мне вам ответить, — сказал Вас. Ив., — я удивляюсь, откуда вам в голову могла прийти такая гнилая мысль, что человек на земле сажает деревья только в расчете для себя воспользоваться его плодами. Совершенно гнилая мысль!

Голова болит, делать ничего нельзя по плану. Выхожу на улицу искать случая забыться. У моря погано, старые суда, которые починить невозможно, бревна какие-то, хоть иди по ним, и женщины с привязанными назади детьми, наклонившись <*2 нрзб.*>: те же самые женщины у ручья или у моря.

— Вы геолог? — спросил меня лодочник.

— Нет, а что?

— Тут геолог, говорит, ехать... на Русск. остров — <*1 нрзб.*> и мы поехали через Золотой рог.

Экзотика.
Кащей все знает, да забыл по злости, когда сидел на цепи.
Реликт:
Марконетт — умру с буквой ять.
Пантовка: в тумане олень вниз пантами.
Охота с камерой.
Роковой предел (фазаны).
Ходя — шовинист.
Чисыза — Лувен.
Масло св. Митрофания.
Олень — цветок.
Виноград — оленуха.
Женщина — Зеленая грудь.

Фуругельм.
Гамов.
Желябов.
(морская жизнь и островная).

Охота с камерой.
Кочерыгин.
Матвеев и корова.
Фото — 100 раз солнце село:
как «ничего не поймешь» — и среди
всего этого бухта и материк.

Корреспондент (Лидия).
Задание редакции:
экзотика + хозяйство,
например: краб — это экзотика, когда
узнаешь крабовое судно — позвольте!
Что же экзотика?
— Не будь расстояния — не было
бы экзотики: это поверхностность.
Экзотика, значит поверхностность
поскольку <*2 нрзб.*> непривычный
глаз, как только приглядишься, на-
чинаешь смотреть вглубь, и тут ко-
нец экзотике.

О <*1 нрзб.*> я расспрашивал и,
наконец, оставалось послед-
нее: помзавморбазы. — Это то
же и актинидии? — спросил
я. — Все смеялись. Оказалось
помзавморбаза — это помещения зав.
базой морского <*1 нрзб.*>

В старом русском хозяйстве так постоянно было, и с человеком отчасти перешло и в новое хозяйство: что вот хозяин тратит средства, например, куда зря в какой-нибудь месяц прожил девяносто девять частей, а когда увидел, что осталась одна только часть, то живет на нее несколько лет. Эта способность размахнуться, расшириться до бес-

конечности, а потом долго вести жизнь на последнем кусочке и составляла особенность русского характера. Вот и «Желябов», судно битое, разбитое, и давно бы его бросить надо, но нет ничего другого, и вот находится капитан, до того преданный хозяйству на последнем кусочке, что потерял имя свое и всюду стал известен как «товарищ Желябов».

2 Сентября. Пасмурно, ветрено и слышно, как шумит Табунная падь. Мне сказали, если так шумит Табунная падь, возможно, будет тайфун. Ходил туда, снимал прибой. Мой адрес был: Табунная падь, Партизанский распадок. Лучшее в моем путешествии было эти встречи с морем в одиночестве среди пустынных гор и дико распавшихся скал. И тут у края земли возле белого кружева соленой воды среди ракушек морских звезд и ежей и сюрпризов моря человеческого (сколько бочонков!) на твердой земле тут лучше всего: тут вся трагедия мира, тут все, и в этом огромном я тоже живу. Корень огромного, засыпанного морским песком дерева... какой-то след в высокой траве привел к зарубленному бревну с веревкой, дальше следа не было видно. Вероятно, старая брошенная ловушка, потому что ловушку на зверя в оленьем парке нельзя же поставить: на береговом песке было много следов оленей, и были енотовые лапки.

К вечеру ветер разыгрался, и Миролюбов предсказал, что к завтраму может и дождик надует. Знаем мы этот дождик ихний...

Так и случилось, ночью пошел дождь, разыгрался тайфун, и пошло, и пошло... Скверно жилось, без чая, за голодным обедом в туфлях две версты к рыбакам. А мужики хвалят обед, потому что хлеба вволю. В обществе сорока рыб-рабочих. Один говорит:

— От нас в город каждый день ходит катер с песком, вы с ним всегда можете уехать.

— А что, — спросил я, — разве возле города мало песку?

Рыбак засмеялся, понимая меня так, что я знаю, — песку много, а вот катер посылают сюда за песком. Рыбак заметил под конец:

— Надо, чтобы ходил, вот и все, только бы ходил. Мы все за песком ходим. А вы зачем приехали?

4 Сентября. Сидеми. 31-го приехали в Сидеми. Полуясно. Ходили на гору определять места енотов. парка. Оленье опустошение. Поеденные и переросшие кедры. Исчезнувший жень-шень (жень-шенник). Ужин у Исаака Ив. Миролюбова. 1-го солнце. Ходил со студентами в Семивершинную падь вдоль Лебяжьей лагуны и дошли до сенокоса, ходили навстречу охотникам на кабана и пантача (вне загородки), нашли барсука, собака берет живьем енотов. 2-го. Пасмурно, ветер, шумит Табунная падь. Ходил на Таб. падь (Партизанский распадок). До снимка коряги на море 1-й ∞ 2-й тоже с поворотом. Вечером беседа с Миролюбовым, и его слова:

— Это ветер нагоняет дождь, ничего, один, два тайфунчика, и потом будет погода!

3-го Тайфун. Портик: погибшая японская шхуна. 4-го Пятница, к утру дождь перестал, приветливо глядело утро, но скоро опять захмарило.

Фенология. Конец виногр. лианы свесился... Виноградн. лиана задушила грецкий орех совершенно, а концы ее пожелтели, и одна лиана на самом конце треплется, играет... Фазаны из бурьяна перебираются в азиатскую пашню. Олени перекрашиваются в зимний наряд. Плотный табунок куличков.

Тайфун. Портик (покой) и тайфун. Сад по виду, но это не яблони. Клетка без птички, лампочка без электричества, водопровод без воды, даже термометр без ртутного шарика, комната без обстановки. Катер согнало.

Птичьи существа из вороньих, ни ворона, ни грач, большие черные и кричат почти как вороны, но не совсем, они очень пугливы. Фонтан без цветочной клумбы — приехали дамы из Дальлеса на катере и увезли.

5 Сентября. Вчера с катером «Островитянка» приехали из Сидеми во Владивосток. Личное счастье и цель человека (мужчины) состоит в том, чтобы свое призвание

и профессия непременно соединились в целое (по поводу разговора со старшим врачом ГПУ Игнатьевым, который своим истинным призванием считает музыку).

Во время поездки и в кожаной куртке я дрожал от холода, как пойнтер.

Рогаль и оленюшка.

Вера молодого коммуниста исключительно на следующем основании: верит естественным порядкам силой молодого организма и не знает ничего о прошлом.

6 Сентября. Спецчеловек работает, делая опыты, которые часто бывают дольше жизни самого спеца; его упование «оптимизм» и его общественность, общественная реализация находятся в отдаленном будущем с риском вовсе ничего при жизни своей не увидать, результатов своего труда. И потому в бытовой жизни, конечно, он должен быть существом более личным, чтобы не лишиться связи со своей идеальной задачей. Он должен больше и лучше отдыхать, иметь домашних, друзей, уют во всяком случае. Вот почему в вопросе о личной заготовке селедок, конечно, он должен возмущаться, что, живя на огромном промысле, он не может купить себе селедок, а довольствоваться сбором рвани на берегу. Партчеловек, напротив, имеет короткие задачи, ему не нужен срок отдаленный для реализации себя в обществе, он... Вот почему в вопросе о бочке селедок он возмущается, что кто-то имеет личные претензии на личный засол: вся селедка должна быть заготовлена общественно и поступать не в личное, а в общественное пользование.

Сегодня утром вышло солнце, а через час возможно будет тайфун... Измучила погода.

Вера молодого коммуниста во все лучшее основана на незнании прошлого и, вообще, коренится в незнании, а молодой организм в силу того, напр., что вера в добро имеет необходимую рабочую ценность, напирает. Сам коммунизм имеет при этом роль скелета, каркаса, по кото-

рому должна ползти, цепляясь, лоза жизни. Нельзя жить без веры — вот все, что выносишь от беседы с молодым...

Молодой человек.

Он мало знал и опыта в жизни настоящего не имел, а потому, конечно, он должен был слушаться, кто ему что-нибудь властно приказывал. Но главное, он был молод, ему непременно нужно было по молодости своей считать хорошим то, что ему назначено было делать. Злые языки, однако, говорили, что будто бы он «подкоммунивал».

Есть такие сентябрьские утренники в Приморье, когда не мороз, а только первая прохлада с росой и строгостью после звездной ночи согласует силы природы в творчестве роскошно цветистой сказочно прекрасной и, вероятно, единственной по красоте в мире осени — приморской осени. Вот в это самое время, около этих первых утренников начинает реветь изюбрь, а пятнистый олень, меняя летний наряд на зимний, только-только начинает готовиться к гону. А когда поспеет виноград в октябре, вот тут бывает разгар гона пятнистых оленей.

Январь и Февраль олени к о п ы т я т, а верхний корм у них, самое главное, прутики липы. Смена пищевых ресурсов летом у оленя бывает не в силу того, что одно съедят и приступают к другому, а всякое растение имеет свое время: так, напр., к тому времени в августе, когда цветет леспедеция, трава внизу бывает груба, и олени предпочитают кустарник таволожки.

Олений отстой или солнечные ожоги.

Северные и восточные склоны покрыты лесом и кустарниками, на юге ничего не растет из деревьев, как говорят, потому, что на юге солнце приводит в движение жизнь растения в то время, когда еще корни стоят в мерзлоте и, кроме того, вечерний мороз схватывает приведенные в движение днем соки и так разрушает древесину... (это солнечный ожог). Так вся земля острова резко разделяется на солнцепеки и сивера. Ночами олени часто пасутся на солнцепеках, и когда нет насекомых, то и днем.

От насекомых олень уходит в куст. Но когда затайфунит, в кустах бывает и мокро и страшно, потому что ничего же не слышно от шума. Вот тогда олень выбирает себе место где-нибудь за горой от ветра среди редких дубов. Эти места оленьих отстоев потом бывают резко заметны и по черной выбитой копытами земле, и по заломам сучков на деревьях.

Гора Лысый Дед на материке недалеко от Путятина, там зверь еще держится, дикий олень.

Пасхальное место. Рассказ егеря Григория Афанасьевича Машкова. Олень Мишка ударил так, что отлетел к забору, а когда второй раз он хотел ударить и промахнулся, хотел и метил ударить в самое пасхальное место, и попади, там бы только мокро было, тут Григорий Афанасьевич Машков схватил его за рог одной рукой, другой схватил за ногу и повалил. А когда повалил, то олень больше не только в этот раз не смел уже нападать, а и навсегда потерял эту охоту. Но, конечно, бывает, олень пудов в 11, того не повалишь, и тот уж со всяким человеком справится.

Перед тайфуном олень бывает на сопках, охотники говорят: зверь-олень под вечер вышел на гору, смотрите, ребята, завтра погода переменится.

По́кать: олени днем были все на покатях, а к вечеру вышли на горы.

Старцева гора со стороны бухты Разбойник похожа на тот утес Разина, который воспевается в известной песне, только зарос он не мохом, а лесом, и на вершине его тоже не растет ничего. Вся махина широко опускается в море и продолжается над водой невысокими относительно сопками острова Путятина. Весь остров на карте похож на фигуру с головой и ногами, в ногах известные всем морякам рифы Пять Пальцев, а голову делает гора Старцева. Весь остров до революции был во владении купцов Старцевых. Тут была фарфоровая фабрика, оленье и разные другие хозяйства. Несмотря на крупное хозяйство, тут не было тех дворянских хором, которые обыкновенно в революцию сначала шли под театр, клуб, а потом посте-

пенно разваливались в короткие годы, и кирпичи скоро так зарастали травой, и так быстро вырубались парки с садами, что только по остаткам акации и очень упрямых цветов на клумбах можно было узнавать место прежнего дворянского гнезда. В хозяйстве Старцева личный дом владельца ничем не отличался от простой конторы и других домиков, устроенных для служащих и для приезда китайских гостей. И это очень понятно, если вспомнить короткую и не расцветшую жизнь русской буржуазии: деловое напряжение у русских купцов так тяжело ложилось на личность предпринимателя, так мало помогали традиции, что о личном устройстве мало было времени думать В предсмертном бреду Старцев просил своих детей похоронить его на горе. Как это было понять? Просто по обряду православному как-то вообще не надлежит возноситься, и все русские православные кладбища отличаются исключительной скромностью. Революция так быстро и решительно разорвала нашу связь с предками, что теперь нет никакой возможности верно и скоро установить расспросами родных и близких, чем именно руководствовался «патриарх» Старцев, распоряжаясь поднять свои останки на огромную высоту. Но мне, потомку подобных купцов, желание Старцева чрезвычайно понятно. Вот как я все понимаю.

У Старцева было дело и на совести, конечно, ряд компромиссов: дело с компромиссами, как известно, собственно и называется д е л о м, в отличие, например, от дела науки, поэзии, семейной жизни и тому подобного. Я понимаю так, что у Старцева, как у большинства русских крупных, средних и мелких купцов, жизнь была сплошь д е л о, и вот среди этой сплошной серости является большая гора имени Старцева, по высочайшему повелению обозначенная так на всех картах Тихого океана, омывающего русские берега. Подумайте! Ведь эта гора для делового купца была, во всяком случае, не меньше же, чем имя для знаменитого литератора, которого, согласно с его особенным значением, хоронят в Ленинграде, напр., на особенных литературных мостках Волкова кладбища:

Тургенев, Белинский и много других знаменитостей. Как не понять теперь, что купец Старцев, умирая, в предсмертной тоске и холоде близкой могилы преодолел всю суету сует своего дела, осознал, быть может, и ничтожество тех людей, которых он произвел и которые будут п р о д о л ж а т ь... Гора, только высокая гора осталась в его воображении на смертном одре, и на горе имя Старцева.

Да, это надо тоже принять во внимание, что имя, связанное с частью земли, отличается особенной прочностью. Возьмите улицы, устроенные человеческой рукой, как скоро они переменяют названия: Миллионная улица в Ельце теперь уже улица Розы Люксембург, или даже имена городов: Петербург, Петроград, Ленинград. Но посмотрите на послереволюционную карту Дальнего Востока: все тот же залив Петра Великого, и полуостров генерал-губернатора Муравьева-Амурского, и залив Посьета, остров Фуругельм и множество других адмиралов и генералов, счастливо связавших свои имена с самой землей. Понятно ли вам? Океан, вечно бунтуя, для отдыха, для замыслов нового бунта оставляет себе эти твердые мысы, косы, уютные бухты и огромные скалы. А человек, постоянно блуждая в постоянных туманах Тихого океана, вполне понятно, хочет иметь на этих твердых пристанищах имена более твердые, прочные, человек более консервативен в морских именах. И вот среди этих прочных имен гора Старцева!

Да, кто из нас, имея за собой такую огромную гору, захотел бы отказаться и лечь просто на низком месте православного кладбища. Некоторые говорят, будто родные, принимая во внимание огромные трудности доставки трупа на высоту горы, объяснили желание покойного лечь на горе предсмертной ненормальностью и похоронили его на сравнительно небольшой высоте, откуда, впрочем, тоже видно и хозяйство, и бухта Назимова с промыслом, катерами и лодками. Недурное место, вид превосходный, и близким всегда обеспечена возможность в четверть часа подняться на гору и побыть на могиле. Другая версия передает так, что родные тут ни при чем,

что будто бы процессия с телом уже тронулась, было, на Старцеву гору, но корейцы, несшие гроб, устали, возмутились нелепостью своего дела, забастовали, не донесли и похоронили много ниже того, чем хотелось покойнику. За первую версию говорит то, что могила, в конце-то концов, расположена не на покати Старцевой горы, как передает версия «несли — не донесли», а совсем на другой горе и очень обдуманно — над всем хозяйством. Но вернее всего было, я думаю, что родные отвергли желание покойника и отнеслись к нему, как к безумному бреду. Но мне нравится версия «несли — не донесли», потому что она умнее и глубже, больше дает горизонта для раздумья о прошлом: ведь мне думается, что ведь и всю-то русскую буржуазию тоже как будто не донесли...

Материалы: могила Старцева раскопана, валяются кирпичи, обломки бюста, озорной олень-Мишка чешет окостеневшие шишки пантов о кирпичи. Над раскопанной могилой решетник, едва прикрытый кирпичами. В могиле цинковый гроб и череп Старцева. Кости растащили собаки, лисицы. Разрыта могила в недавнее время. На вопросы, кто делал это, зачем? отвечали: хотели достать перстень и медальон, и что достали, и медальон у... имя не назвали. Другие более корректные говорили, что нуждались в кирпиче и цинке по хозяйст. соображениям. Но кирпич весь на могиле, цинк в могиле. Покрывают, не желая попасть в свидетели окаянного дела. Кто Каин? Он был русский, никакой другой народ не дошел до последней черты окаянства, только русский. И самый русский, самый хороший, добрый русский скажет, что нет такого окаянства нигде и не может быть ни у одного народа. Кто же был Каином в этом случае, кто разрыл могилу? Я напрягал свое воображение, расспрашивал долго. Наконец, мне шепнули, что это сделал студент зоотехник, один из учеников знаменитого Мантейфеля. Я его лично знаю: юноша милого вида и по всей вероятности бессознательный последователь наших знаменитых ученых нигилистов и скептиков. Но в это время нигилисты питались верой простого народа. Теперь же, когда простой народ стал

сам нигилистом, откуда же должен брать питание интеллигент-нигилист, потому что если мы говорим о Каине, то думаем об Авеле. Вероятней всего юноша, разрывший могилу, делая это бессознательно, покормил лисиц, посмотрел оленей, делать было нечего, вот и вздумал...

7 Сентября. Солнечное утро. Трамваи пошли. Живая мама.

Если ты взглянешь на женщину с прелюбодеянием один раз, то во второй раз встречаешь ее как знакомую и даже родную — и тебе остается с ней близко сойтись, чтобы она стала совершенно родной. Значит, женщина есть источник родства на земле. Китаец сказал: «Если я смотрю на мадам один раз и восхищаюсь, то второй раз встречаю мадам как маму, и я понимаю так: мадам, если я полюбил ее — это как мама и от мамы рождается жизнь на земле. Потому я не хочу есть ничего, у кого есть живой мама».

Вчера Л. И. рассказывал о прошлом раздолье Дал. Вост., когда русский имел работником китайца или корейца, в то же время и учился этим сознавать свое достоинство, когда на приволье лесов и морей являлись великие предприниматели и военные тут были не тепличные, а вплотную стояли лицом к врагу и ежедневно воспитывали в себе мысль о реванше. Теперь же Владивосток, обираемый краевым центром, опочил.

В обществ. жизни человека есть предел и отрицание домашнему (родственному) чувству или любви, на улице поутру невидимая холодная роса смывает все возбуждение ночи, и люди стремятся куда-то к «делу».

Тайфун. Приближаясь к берегу, вал захватывает огромную массу круглого камня, и он гремел, проходя, и опять гремел, уходя, а, кроме того, валы били прямо в скалу и от этого...

Начало повести.

Не по размерам же карманов в штанах галифе судить о патриотизме и политич. настроенности гражданина,

а между тем, если идут два гражданина в галифе и внешние очертания кармана у одного огромны, а у другого поменьше, то невольно задумываешься о том, чем руководствовался гражданин, просивший портного сделать карман как можно побольше, и другой, сказавший портному: «Только не раздувайте карман, как это любят некоторые».

Итак, по улице Владивостока шли два гражданина в галифе, у одного был огромный карман, у другого умеренный...

Гон. Бой между оленем самым главным (королем), которому обрезали рога, и тем, который перескочил через сетку, а потом с костяными рогами вошел (тайга загнала) и сделался господином всего стада, безрогий силач стал ассистентом или был убит.

8 Сентября. Ездили на Океанскую в Ботанический сад к Владимиру Михайловичу Савичу, по пути встретили Бориса Александр. Симбирского и Виктора Петровича Мазуренко, с которым я учился 33 года тому назад в Риге. Вечером съехались с охотниками, которые возвращались с охоты на «дауров». Пролет дауров теперь в самом разгаре и будет продолжаться еще недели две. Он живет и встречается в сыроватых местах на горах и на убранных местах азиатских пашен.

День был исключительно прекрасный.

Адрес наш: Сихотэ-Алинь, из множества хребтов которого к нам подходит один Блогадиндзе, против ст. Океанской Богатая Грива, под гривой, и тут река Ланьчи-хэ, мы перешли Ланьчи-хэ и горой возле моря попали в Ботанический сад. Четыре интересных дерева в приморской тайге в речных долинах: акация белая, маньчжурский орех, ясень, бархат, из какого-то из них делают японцы пропеллеры, какое-то имеет коричневую древесину и все промысл. значение, а подлеском у них бывает сирень, из которой делают деревянные гвозди.

Мелкоплодник.

Кендырь, недавно открытое на Кавказе растение прядильное, из него ткань почти шелковая. Actinidia aryntal (или Кишмиш) по-местному дубильное растение.

Бадан.

Подбел — любимая медведями трава.

Громадные тополя (сажень в год подросло).

Осмунда (третич. папоротник).

Белая серпуха (медоносное, 2-е после липы).

Косые деревья на горах.

Леспедеция — олений кустарник любимый, медоносное растение, чрезвычайно крепкие прутья для живых изгородей.

Роза ругоза — красная, возможна на Фуругельме.

Роза мультифлора — белая там же.

Дикуша — рябчик, которого петлями...

Микробиот — среднее между туей и можжевельником, похожа на можжевельник, но ягоды туи.

217 высота в Владив. прогулка на день.

Мольтрек доктор глазн., энтомолог.

Ступень Макарова около Гамова, где дробится океанская волна на мелкую волну залива Гене Густав. Густав француз, историк дома Янковских: женщины в штанах, обедали с рабочими, но русскими, корейцы: Юрка — подданный. А Барсом Самсоном владел Иван Янк., который съел котлетку и умер от язвы в желуд. Батурин Анат. Дмитр. Текинская 32 кв. 14 Жихарев — история оленеводства, рукопись у Дулькейта.

На одной стороне Союза, на западе стоит страшный враг — это разумное мещанство немцев, на другой, восточной стороне иррациональное мещанство китайцев. Трудно сказать, которое сильнее и опаснее для большевика: мещанство немецкое соблазняет разумным устройством повседневной личной жизни, согласованной, впрочем, и с жизнью общественной; китайское мещанство, презирающее материальное расширение благ в своем пассивном сопротивлении насилию соблазняет своей личной свободой, которая остается и у раба в его ночных сновидениях, и у смертельно больного, когда сама боль как бы устает и

на короткое мгновенье уходит. Этим формам немецкого и восточного стационарного мещанства только по внешности противоположно американское динамическое мещанство, где в абсолют взят не покой, а вечное движение. Но это, конечно, тоже одна из форм мещанства, характерного, вообще, разобщенностью между собой личностей, составляющих то или другое общество или государство.

Мы хотим всем этим формам мещанства западного, восточного и американского противопоставить коллектив, в котором внешние перегородки между личностями будут расплавлены: тысячи глаз в таком коллективе беспрепятственно глядят на негодного члена и тысячи рук выбрасывают его вон, тысячи людей восхищаются хорошим примерным человеком, воспитываются и так мало-помалу преодолевают в себе тот грех, который отцы называли «первородным».

9 Сентября. Третьего дня день ясный, вчера полуясный, сегодня густейший туман. Так здесь не по-нашему: у нас, если туман или что, думаешь: «День велик, переменится». Тут же обыкновенно гнусность не часами, а днями считается.

Вчера почти решили, что Лева 1-го Окт. едет в Москву, а я в тайгу, и там буду сидеть до тех пор, пока не будет мне всего довольно.

Олень-цветок.

Оленуха вышла из парка и привела самого сильного оленя-короля в парке, ему срезали рога, выросли другие, и эти срезали. В то же время олень, бывший когда-то ассистентом...

Начало: Ив. Ив. Долгаль разнял двух оленей в момент, когда король хотел нанести смертельный удар «ассистенту» (за сеткой парка). Через некоторое время оленуха (случайно ушедшая) привела в ловушку этих самых двух пантачей. Сильному срезали рога, ассистент же удрал, и когда окостенели, то явился в парк и сделался хозяином и убил другого.

Туман и дождь. Василий Яковлевич Бокорась рассказывал о фазанах, что стоит два раза перегнать фазана, как он больше не может лететь, и его можно поймать, что корейцы злейшие враги фазанов и заганивают их собаками. Охотятся на фазанов до 15 Дек., но разрешено в интересах экспорта до 15 Февраля. Сознательн. охотники не охотятся в это посл. время, потому что фазану плохо, бескормица, взять его тут ничего не стоит, везде следы.

Весной бывает так: нигде не видно фазана, не слышно крика петухов, куда ни пошел, везде мертвое место. Но вот в начале мая зацвел ландыш, и фазан пришел. Откуда? Всюду слышно, по-весеннему кричат петухи. Точно так же и осенью до 20 Окт. Фазан сидит на месте, а 20-го первые холода, и приходит в движение. Это малая и ежегодная миграция, но бывают годы массового переселения фазанов, когда, напр., одна бухта, затянутая льдом, сделалась красной от массы фазанов, пожелавших бухтой сократить свой путь. Они при таких переходах сторожки, ближе 200 шагов не подпустят, но если на лошади, то можно вплотную подъехать, и так их бьют по сотне штук в день на охотника. В Большие ходы фазанов были: 900 г., 908, 22, 28 или 29.

Собака должна п о с а д и т ь фазана: так подходить, чтобы он прислушивался, а не пугался.

На лебяжьей лагуне в Сидеми раньше весной и осенью лебеди задерживались недели на две штук по тысяче.

Янковские Юрий, Иван и Павел, Бриннер и концессия в Тетюхе.

Если с вечера олень выходит на гриву, то это значит, завтра будет дурная погода.

Рождение оленя происходит в самой чаще, в распадке. В мае оленухи начинают телиться, в июне кончают. Но вследствие истощения гон расплывается. (Начало 1-го Октября, разгар 25-го, конец в начале Ноября. У нас же гон бывает в Декабре.) А если гон, то и отел тоже растягивается во времени.

Если старше олень, то у него уши длиннее, чем у молодого, лобовая кость шире и выпуклей, окраска темная с ясными пятнами. Есть окраска и совсем темная, а пят-

на сливаются в полоски. Бывают светло-серые без всяких пятен (зимой).

Весной на скалах показывается мох, любимый оленями и, если гололедица, то олень может поскользнуться и упасть, а то нависнет снег и зимой держит оленя, а весной рушится.

Олени вышли на солнцепек в чистогоры.

Встреча с Василием Ивановичем Левчуком.

Пугливость оленя, по рассказу Дулькейта:

300 оленей кормились в домашнем питомнике, кукуруза высыпалась на землю из кормушек, голуби подбирали ее. Случилось, одна оленуха наступила на крыло голубя, он забился, оленуха испугалась, бросилась вперед, это послужило сигналом, эпидемия испуга мгновенно охватила все стадо, и все триста оленей бросились на сетку и, конечно, ее сразу порвали.

Лунною ночью олень виден, и к нему можно подойти близко. Ночью олень чувствует себя хозяином.

Лунною ночью где-то в горах слышались сухие удары рогов.

12 Сентября. Преддверие гона: олень более старый, копает землю, очищает рога о деревья (зуд), начинают драться...

Шея толстеет. В домашн. питомнике олени упитанные и <*1 нрзб.*>. Рвутся на волю, ломают сетку: на волю.

55 домашних
533 в парке
153 молодежь 31 г.
182 молодежь 30 г.
Взрослых самцов 63

Перед началом гона олени все перепробуют силу друг друга, а потом <*5 нрзб.*>
Хороший олень дает $^1/_2$ килограмма <*1 нрзб.*> пантов.

Он их табунит.

Если олень припадает на передние ноги — конец.

Один самец попробовал 22 самки (рекорд 28).

«Карабай» (молодой олень).

Развалистый (<*1 нрзб.*> и форма рогов).

Круторогий (крут. рога).

Рамзя (человек Рамзя – <*1 нрзб.*>).

Белохвостый (резко выделяется).

Сероглазый (большие черные глаза, серые, карие очень редко).

Черноспинный (резкая лента и спина).

Охот. приметы: чернополосный – панты толстые, а другие красные.

Большой.

Ширина сухих рогов 18 см – самые большие, а обыкновенно 15–16.

Развалистый – серьезный бьет во время кормежки самку, она <*1 нрзб.*> взгляд сердитый, глаза блестят, ясные.

Рамзя – спокойный, большой, серые глаза, не больше человека <*1 нрзб.*> ест много, но и упрямый: во время срезки из денника не выгонишь...

Круторогий – спокойный...

Салфетка.

Во время отела – он отводит (рождение оленя, отводила – <*3 нрзб.*> у олененка.

Раннее утро. Расширение <*1 нрзб.*> (связали с криком).

На свист самка иногда отзывается, как тетерка. К 1-му Ноября гон кончается, олень начинает много есть. Пенек во время гона от удара в него вкопался.

<*2 нрзб.*>, лоб в лоб.

Дерутся олени и не во время гона в летнее время, дерутся ногами, жалеют панты, но часто бывает у одного панты...

История с выпуском лисиц. Два «героя». Григор. Афанас. Машков, оленевод, хотел сделаться заведующим и оклеветал отличного работника Припаркова в том, что он будто бы князь и жандармский штаб-ротмистр.

Если секретарь рабоч. комитета провинится, не будет работать, то администратору нет возможности его уволить, и так он будет разлагать рабочих.

13 Сентября. Старцева Гора. Купец завещал похоронить себя на горе, но корейцы не могли донести гроб

и похоронили пониже. Потом искатели драгоценностей раскопали могилу, взяли медальон, перстень с бриллиантом, а кости расшвыряли. Что я видел по пути на вершину Старцевой горы? Зеленый дятел с писком и трепетом-пырханьем. Дрозд почти как наш рябинник, но пятна черные и глаза как будто побольше. Громадные <*1 нрзб.*> наверху горы, пять горлинок взлетели и большой круг морем. Медянка на камнях, под камень, и там пропала. Некоторые камни сочили сырость и блестели на солнце. Олени лежали на продуве, саек ногу <*1 нрзб.*>. Свистун. Как переставляет оленуха уши, когда хочет определить, откуда свист.

14 Сентября. Вдоль гусиного озера в Открытой бухте. Гора-болото, тропа-ручей (без травы) и уже камни собрались. Наши русские голуби в скалах. Чайки вынесли, или волны выбросили (морские ежи или <*2 нрзб.*>). Во всей пустыне кореец в <*2 нрзб.*> выбирает. Шум гальки. Счастье в открытой бухте, отчего же счастье?

Как деревья молодые и гибкие, выросшие на скале, схватились за землю всеми своими прутиками. Как дубкам нельзя вырасти выше положенного, чуть поднялся и засох. Почему тянет к морю?

Морская капуста...

Жизнь оленя.

Дружок, Жулик, Кастрюлька.

Рождение: оленуха старалась так подвинуться, чтобы вымя попало олененку. Через два часа он встал и пробовал пить, но ослабел, и она легла, чтобы он лежал. В это время вдруг появилась голова Тайги, оленуха бросилась, а олененок замер, что-то задумала она ... уложила олененка, и он стал как костяной. Вдруг появилась Тайга. Оленуха бросилась, <*1 нрзб.*> взял олененка, а он не разгибался.

Разговор о бочке с селедкой.

Рождение: как все жвачные, она уничтожила следы, чтобы по запаху разложения не нашли враги. Но вот тут-то, когда уничтожила, послышался шум.

Рождение: солнечные пятна: защита, на <*2 нрзб.*> отчетливо — блики. В бинокль N. заметил, что у одной оле-

нухи на солнце сверкнула нить, и она стала отставать от стада.

Жизнь оленя.

Дружок, Жулик, Кастрюлька.

Сергей Федорович сегодня заметил в бинокль, что одна из оленюшек стала отбиваться от табунка и прижиматься к распадку, где бежит горный ручей, и камни обросли пышной маньчжурской флорой. Солнце вдруг показалось, и потому особенно ярко обозначились в лучах все предметы. В бинокль было видно, как сверкнула у оленюшки назади светлая нить, и тогда Сергей Федорович окончательно убедился, что эта оленюшка через короткое время будет телиться. Он уложил свою зверовую собаку Тайгу и, сообразив, где именно в этом распадке возможно будет ему найти новорожденного теленка, стал тихо, прячась за камнями, отступать, чтобы вернуться через несколько часов.

Оленюшка между тем, отступая к 3-му Медвежьему распадку Семивершинной пади, вошла в густые дубовые заросли, перевитые лианами лимонника, и очень скоро родила желтого теленочка с крупными отчетливо-правильными белыми пятнами, совершенно похожими на блики солнца.

Как Тайга нашла. Как свистнула мать. Как топнула и уложила теленка. Как прижимала вначале (когда родила) к его морде вымя, лежала и старалась придвинуть вымя. Как, наконец, встал теленок, попробовал сосать и устал, и опять лег, и она легла и ему подвинула вымя, и как, наконец, он встал твердо, но тут шум, она свистнула и пр.

Ее назвали Кастрюлька (пила из кастрюли). Она укусила — не идет! тогда — нечего делать, она уложила его и сама легла рядом. Солнце зашло, и пятна совершенно скрылись, — вот человеку ни за чтобы не разобрать, но Тайга... Как новорожденный теленок, улегшийся по приказу матери, каменеет, если его взять на руки, как отлитый из бронзы.

Пойманного олененка назвали Октябренком, и его стала выхаживать дочка заведующ. Сергея Федоровича Люся.

Нет, недаром даются имена. Октябренок — олень, как и у людей октябрята, получил совершенно иное воспитание в совхозе Майхе, чем бывало это в небольших домашних питомниках таежных крестьян-старообрядцев.

Мигун — идет и все время мигает.

Монах — (кость в <*1 нрзб.*>).

Татарин — (черноглазый) особенно злой.

Курносый...

Значит, по заветам этого, как его! бывшего проповедника — а! вспомнил, Христа, — тебя ударили по одной щеке, то ты другую подставь.

16 Сентября. Леспедеция (повилика) — едят олени, когда загрубеет трава, кстати, это бывает к осени в августе, когда леспедеция зацветает.

Гнилые корни... светились в темноте...

Олений отстой...

Перепела кричат не по-нашему, а: мужик, мужик!

Скворец не поет, а как-то похрапит...

Весна — это дождь и туман.

Оленьи заломы (сучки надломленные).

Расчешет бороду — мужик <*2 нрзб.*>

Остров, у нас прокаженных нет.

Зимний корм оленей, главное, липа (прутики), [кора?] дуба и др.

По́кать.

1-я) Старцева гора, Широкая бухта.

2-я) Фелькерзан, м. Родионов, б<ухта> Открытая (кореец живет ... и ловит морскую капусту).

3-я) г. Наблюдатель, м. Бертенев, корейская деревня, б. Камбала, перевал, водораздел, рыбальчий ключ.

Перед штормом олень вылезает на сопки, охотники говорят: зверь-олень на горе был под вечер, погода переменится.

Олений отстой.

Тайфун, в кустах мокро и опасно (ничего не слышно): олень идет, становится за гору, где тихо, стоит между высокими деревьями...

Январь—февраль — олени «копытят».

Выдающихся, особенно энергичных людей во Владивостоке, было больше, чем в других местах нашей страны, но от них земля не процвела, п. что нет условий для среднего человека.

Календарь оленевода.

Рождение оленя 15-е Мая.

География имен.

Много ли людей нашего старого времени было, кто рассаживал сад под конец своей жизни, не имея возле себя тех близких, кто стал бы продолжать начатое дело? Очень мало было таких, но были. И теперь они есть даже в таких условиях, когда сегодня ты посадил дерево, а завтра тебя самого посадят и потом «перебросят» в такое далекое место, что ты не можешь рассчитывать хоть когда-нибудь увидеть посаженное тобой дерево. И все-таки находятся и тут люди, рассаживающие по любви к жизни цветы и деревья. Только очень мало таких... Примером может служить город Владивосток, куда раньше ехали с тем, чтобы послужить, нажить и вернуться на родину. В этом как бы временном городе садов столько, сколько людей, способных так любить жизнь, чтобы при жизни своей жить как бы после себя, связывать <*2 нрзб.*> новые поколения. Нельзя сказать, чтобы садов во Владивостоке не было, есть, конечно, как всюду есть хорошие люди, но так мало садов таких, что нужно искать, знакомиться с людьми, расспрашивать и находить их где-то...

Не стоит писать своего имени на деревьях, заборах, скамейках, как делают иные наивные люди, настойчиво стремясь увековечить себя. Не стоит и памятников делать на своих могилах. Вот купец Старцев на Путятине завещал похоронить себя на вершине Старцевой горы. Корейцы будто бы не донесли гроб. Другие уверяют, будто бы не

в корейцах дело, а просто сами родные не захотели, чтобы могила была пониже, поближе. Мне лично нравится версия первая, что не донесли, потому что ведь вся русская буржуазия такая: началась и не дошла до вершины. Так и Старцева не донесли и похоронили около *<1 нрзб.>*, и памятник поставили с бюстом и сделали из кирпича и цинка *<1 нрзб.>* в советское время *<2 нрзб.>* цинк и кирпич, разломали из-за кирпича, а памятник свалили из озорства и даже *<1 нрзб.>* останки – раскопали могилу, а собаки растащили все кости. Но имя Старцева, связанное с горой, осталось и на географ. карте? и у всех на устах живет Старцева гора. Я этим давно занят...

19 Сентября.

1) Не донесли!

2) Валюта жень-шень. (Раньше у китайцев, если находит жень-шень и видит заметку – знак тайги: уйти.)

3) Тайна (психотехника).

4) Сахалин (все бегут на Сахалин, места бывшей каторги, для вет. фельдшеров – рай. Зайцев был во время военной службы вет. фельдшером и после того загорелся сделаться звероводом-объездчиком, все прочитал, и вдруг его *<1 нрзб.>* вет. фельдшер: он возненавидел звероводство и решил бежать на Сахалин).

5) Островная мелочность.

6) Гусиное озеро (дама из Ленинграда приехала посмотреть лотос – как это возможно. Муж был командирован, я забыл бинокль: гора сочилась, дама шла по озеру).

Тигр оленя потащил, встретилось дерево, и олень о дерево пополам. Барс не мог броситься (какой зверь).

17-го (четверг) ночью вернулся с Путятина, ночевал у психотехника (день 17-го провел в ожидании парохода в бухте Разбойник).

18-го был у зав. Дальлеса *<1 нрзб.>*, вечером проявка.

Поставлен вопрос: фазаны или Дальлес. Парох. на фазанов 21-го и 25-го.

Власть цифры.

Человек из Госплана (большая шишка, а между тем беспартийный), поверил в магическую цифру Госплана.

Я поверил в нее, читал историю Владивостока: жизнь гор. Владивостока была жизнью маленького человека, который дрожал все время, что его перебросят из центра в другое место (в Посьет). И когда он окреп и стал большим городом, вдруг кончилось и жизнь перешла в *<1 нрзб.>* (Дальний) и в Порт-Артур. Все время: что скажут в Центре.

Человеку, верящему в цифру (абсолют), противопоставляется немец-корреспондент, который говорил: в русских есть что-то, отличное от жизни немцев, так вот с курорта приехал русский и говорил не о природе, а что у нас там была отличная «компания» (без компании он не может жить).

Материал, добытый на Путятине, куда отправился в Пятницу 11-го и вернулся ночью 17-го. Переночевал у психотехника и весь день 18-го проявлял.

Леонид Иванович Евстратов — это интеллигент, который тупо верил во все те прелести, которые обещала нам когда-то либеральная партия: в свободу совести, собраний и т. п. Когда же большевики, волей или неволей выполняя свое назначение, должны были отнять у граждан все кадетские ценности, то Леонид Иванович восстал не на большевиков, а на кадет, обманувших его. Как человек типично русский он не мог жить вне среды, удовлетворяясь самим собой в общении с природой или Богом, он должен был непременно примкнуть к каким-нибудь взглядам. И он примкнул к тем, кто некогда был против кадет и опирался на больше чем кадеты, на русскую народность, это была партия октябристов или, еще точнее, славянофильствующих милых людей партии мирного обновления. Жив ли хоть кто-нибудь из немногих людей этой маленькой группы? Если жив, то, конечно, во всем своем прошлом разуверился и доживает свой век где-нибудь в Париже, подчас удивляясь сам себе, как мог он в этой единственной по окаянству стране вырастить славянофильское прекраснодушие. И вот уж кто никак не

может допустить, что где-то, на самой восточной окраине окаянной страны живет возрожденный последователь партии мирного обновления...

<На полях:> *Захотелось поблуждать, попал на Русский остров.*

Сделать его почитателем китайцев.

20 Сентября. Крепко-бодрый рассвет, совсем как у нас в Сентябре. Напряженно резкая линия гор против солнца.

Типы зверокомбината: аппаратчик <*2 нрзб.*>... Вопрос: лица или система. Система в оправданье себя ищет личной жертвы (Марков).

Если что-нибудь любишь...

Влюбляться и проходить — вот счастье путешественника, влюбляться, но не любить: чуть ведь полюбил, надо беречь, чтобы другой это не украл, беречь, ревновать, защищать и, в конце концов, служить и в служении забывать тот синий лотос, в который когда-то влюбился и потом полюбил.

— Горе, горе, у меня муж Григорий, хоть бы дурак, да Иван.

— А у меня Иван, не пожелала бы и всем.

Начало «Эроса» (жень-шень).

Вы послушайте хоть раз внимательно морской прибой с целью найти два удара волны совершенно подобные. Бывает такой прибой при безветрии, он баюкает, как колыбелька, и кажется, вот тут все одинаково как в часах, но нет! лучше прислушаться и услышать в каждом новом ударе что-то другое: и это есть сама жизнь, она движется, и вы можете это слышать даже в безветрии. Но если трудно вам вслушаться при безветрии и, может быть, слух изменяет, придите к морю, когда где-то вдали раскачивается океан на огромном пространстве. Тогда волны со дна достают гальку и шарахают ее, невидимую, вам навстречу и сейчас же с другим грохотом и гулом откатываются. И тут уж всякий услышит, что никогда-никогда ни одного случая нет, чтобы раз на раз приходилось. Так вот в нашей

человеческой жизни, все равно как везде и всюду неровен час и от него, именно вот от этого неровного часа идет и <*1 нрзб.*> и все наше лучшее, а не когда все сложится и пойдет в <*1 нрзб.*> час на час одинаково, как на обыкновенных стенных часах. Началось у меня с того, как я поймал первого оленя, но как это вышло... мне все хочется, чтобы случай этот... весь бы вышел из случая.

Было это раз, в глубокую ночь, Лайба вдруг бросилась из фанзы и за нею, вскочив с барсучьей шкуры... вышел Лувен. Я схватил винтовку...

Наша люди

Явление корня...

Показал (обещал)

Поймали Хуа-лу

Панты — схватить — пол

Жень-шень — удержать — эрос

В то время я был так же наивен и прост, как и вы, я тоже придавал слишком много значения тому, что, как все говорят, «вполне естественно» и можно быть «без черемухи».

Сынок мой и вы, милые девушки, прошу вас, вдумайтесь, я говорю о тех самых сокровенных вещах и минутах, определяющих всю нашу жизнь... Я в то время был наивен так же, как и вы, и роковую разминку объяснял по-охотничьи, представляя себе, что если бы я схватил за копытце, как оленя, то и мой «корень жизни», как я это теперь называю, был найден.

Там у моря в новом поселке я пробовал свой вопрос разрешить, как вы теперь говорите, «без черемухи». Вы сами теперь отлично знаете, что это не способ. И у меня, конечно, из этого ничего не вышло: я был так наивен еще! я был так прост! я на других людей смотрел и их общее применял к себе и тужил, что у меня нет того, что у всех: я на себя самого смотрел, как на уродца, и прямо за какой-то ужасный грех считал, что я разделился и не могу быть «как все».

В таких случаях ужасно, что решение «вопроса» часто находится возле тебя, но ты не дожил до того, чтобы видеть и этим пользоваться, а должен в какой-то долгий срок сам до того дойти. Лувен, конечно, понимал наивность мою, и я не знаю, едва ли бы мог тут прожить, если бы не было его возле меня, и так он мне помогал, распределяя свой внутренний свет на мои долгие годы, да и сейчас... Он лечит людей, к нему приходят охотники-китайцы и русские даже.

Он не скрывал от меня свои лекарства. Тем, кто страдал слабостью жизни, он давал в порошок растертые сухие панты, насыщенные кровью пятнистого оленя... От болезней душевных он давал корень жизни, жень-шень, иногда смешивая и панты и жень-шень, одним — больше панты, другим больше жень-шень, кроме того, у него было множество всяких лекарств... он брал, из лесных грибов, трав. Но он мне сам говорил, что это все панты и жень-шень. На все это я с улыбкой смотрел, как на знахарство, и помощь видел в самом влиянии необыкновенной личности старика, умевшего вдруг превращаться в юношу. Иногда я спрашивал его:

— Лувен, что, я болен?

— Немножко есть, — говорил он.

— Что же мне надо, панты?

Он очень смеялся, а я спрашивал:

— Или жень-шень?

Он прекращал смеяться, долго глядел на меня, и думал и ничего не говорил, но раз он сказал:

— Твоя корень жизни еще растет: моя тебе это скоро покажет.

Раз глубокою ночью Лайба залаяла и бросилась вверх, Лувен выбежал. Я схватил винтовку.

— Не надо, — сказал, возвращаясь, Лувен, — наша люди.

И скоро вышли к нам шесть вооруженных китайцев: это были высокие красивые маньчжуры с винтовками и большими ножами.

— Наша люди! — сказал им Лувен, показывая на меня.

Тогда все эти шесть хорошо вооруженных людей положили на стол какой-то небольшой предмет, окружили его со всех сторон и позвали к себе в круг Лувена, а он, как увидел, вдруг переменился в лице, и с ним это бывает, загорелся, сложил обе ладони возле подбородка в одно и восхищенно смотрел и все смотрел молча, и это было очень долго.

— Лувен! — сказал я потихоньку, — можно и мне посмотреть?

Лувен сказал по-китайски, и это было, конечно, «наша люди!»

Маньчжуры все обернулись ко мне, что-то сказали по-своему, а Лувен поманил.

И я это увидел. Из лубка кедра был сделан небольшой ящик, в нем была земля и в ней, черной, лежал желтоватый корешок, имеющий подобие человека: голова, руки и ноги, с головы падали длинные волосы-мочки, с рук и ног — длинные пальцы-мочки. Тогда я смотрел и ничего не видел. Теперь я понимаю, что это был корень жизни невиданной красоты и неслыханной ценности, и оттого маленькую вещь, которую можно одному легко спрятать за пазуху, несли шесть вооруженных людей.

Я тогда ничего не понимал, в чем тут дело, а теперь я знаю — есть Англия, где вся земля возделана и каждое дерево, каждый цветок вырастает с согласия человека и с его помощью, и есть вот эта пустынная земля, где вырастает само и... Там, где нет человека, жень-шень... а там, где одни только люди — там, я так теперь понимаю, жень-шень...

Я теперь так понимаю, но тогда в недоумении я просто стоял и разглядывал.

Прошло много времени, все переменилось, загудели палы по всей тайге, и там, где пал прошел, там навсегда замер и *<2 нрзб.>* корень жизни жень-шень.

К зиме — табунки в табунок.

Лудева — коридор из крон поваленных деревьев с волчьими ямами в проходах.

Легкие собачки по насту...

Загудели палы по всей тайге.

Панты <*1 нрзб.*> деятельность сердца и обмен веществ.

Пантач в рогаля (трение).

Есть, конечно, вовсе бесчувственные люди, и я не о них говорю, а вот те, кто л ю д и в том самом смысле, как Лувен даже воробьев понимает, — все ли эти люди должны переболеть, как я, или это я один такой уродился? С белым светом, кажется, легче расставаться, чем было мне — сколько было слепых музыкантов, кому на место открытого белого света стал внутренний мир музыкальный. И у меня, конечно, происходила такая же замена утраты, но не мог же я сам ее видеть в себе, только вот одно было мне основанием жизни, и тут начинались догадки о каком-то моем переходе из внешнего мира беготни в какой-то более глубокий — что когда вспомнишь себя, вольного, легкого человека до самого того мгновения, когда олень Хуа-лу расцвела в человека и открылась какая-то прекрасная долина возможных сближений с людьми — при всем моем горе я не захотел бы вернуться в того человека...

Покров светолюбив. растений.

Сирень.

Даурский рододендрон.

Тенелюбивые растения.

Долинные светолюбивые растения.

Могучие заросли папоротников.

Дикие вишни.

Жасмин.

Барбарис.

На сырых местах лимонник с подростом ясеня и аралии.

Амурский кот.

Олень спасался от хищников у человека.

Ходовой серый волк.

Слезные ямки.

Хуа-лу (олень), Ма-лу (изюбрь), Чин-да-Гуйза (наоборот: мама-олень, папа-изюбрь).

Цвет красный с белыми пятнами.

15 мая.
Распускается зелень — олень летней окраски.
Хуа-лу ... подробное описание наружности Хуа-лу.
Зимний — переход: сизо-стальной цвет.
Следок копытца самца покруглей, чем у самки.
4 сайка.
Старуха отелилась двумя и умерла.
1) обоняние, 2) слух, 3) зрение.
Подсосные детеныши.
Борьба с безрогим оленем человека.
Одинцы.

Утром был полный туман, но с 10 у. мало-помалу солнце освободилось. К сожалению, и прошлое мое в эти дни мне было, как туман. А та известная мне тревога — это смертная тревога. Или может быть это жизнь такая, вернее музыка жизни и «смертная тревога» тоже музыка, о которой после в последнем равнодушии и холоде жизни с сожалением будешь вспоминать? Но может быть, я не доживу до холода, и жизнь моя оборвется на какой-нибудь ноте «музыки»?

Была возможность одного ничтожнейшего мгновенья (стоило руку протянуть, и как не пришло в голову?), а между тем ведь это упущенное мгновенье никогда не простишь себе и не оправдаешь даже ценою всей жизни, посвященной служению науке, искусству, а может быть даже и добрым делам. Ненасытимость бесконечная религиозного чувства, возможно, тоже выходит из невозможности компенсировать чем-нибудь упущенное мгновенье жизни самой по себе. И сознание этого, вернее, признание рождает скептицизм. Нет: романтизм — это не взять здесь и возместить взятое в другом (искусство и проч.), скептицизм: это взять и увидеть «не то». Так, романтизм и скепсис, — как будто противоположные друг другу по существу, дети этого упущенного мгновенья, родные дети, истоки «духовной жизни».

Лектехсырье. Костромин Петр Иннокентьевич зав., Бухта Преображенье остр. Петрова, Альгологическая

станция; Гарри Иванович Гаил, латыш, энтузиаст морской капусты. Не Лектехсырье, а отдел Дальиод. Зав. Костромин устраивает свое питание по-китайски, потому что это питание богаче витаминами. Его точка зрения на объекты «темного товара» такая, что если на этих товарах сосредоточено самовнушение народа, то пусть эти товары полезны, и мы имеем полное право ими торговать.

Растения.

Морская капуста Laminaria.
Агаровые водоросли (красные) Jredia, *<1 нрзб.>*.
Морская трава Lostera.

Животные.

Трепанг Goloturia, Хай-шэнь (полулекарственные),
Гребешок сушеная ракушка (пепельница).
Мактра белая ракушка Mactra *<1 нрзб.>*.
Мидия Mussel.
Рапана.
Устрица.
Чилимцы.
Мизига.

Преимущество всех этих товаров экспорта то, что экспортируются товары те, которые у нас не потребляются.

В проекте:

Осьминог.
Каракатица.
Кальмар.
Лангуст (омар) — вновь открыт.

Один ангел *<1 нрзб.>* в тот самый момент об утрате самого ценного момента жизни: ангел упущенного мгновения стал служить человеку, заменять *<1 нрзб.>* романтизм; другому *<3 нрзб.>* великое счастье, мгновение жизни было поймано, и ангел стал охранять его (скепсис).

И чернила готовы к употреблению.
Поэзия океанских островов.

Поэзия океанских островов предполагает кораблекрушение, и надо, чтобы человек спасся и вышел на берег и был тут на неведомых тропинках среди невиданных зверей. Без кораблекрушения, а просто жизнь на острове в ограниченном пространстве, где все стало своим, известным до мельчайших подробностей, где нет прохожих людей, безмерно серей, чем на материке, но толчок творцами робинзонад был так велик, что мы до сих пор не можем освободиться от сказочных чар островов и страдаем от «романтизма».

В архипелаге тихоокеанских островов возле Владивостока самый отдаленный остров Фуругельм лежит уже в Японском море, и с него видны Корея и Маньчжурия. Есть с одной скалы на нем точка зрения — видится остров, как уснувший пан, весь до самого моря разукрашенный белыми и алыми, многоцветными розами и прекрасными азалиями.

На этом острове птиц и цветов поселили жить голубых песцов.

Истощимость моря. Жизнь лососевых. Иваси. Белухи родят одного и стадами.

Японцы (далеко по берегам?).

Наши крепче.

Пауки.

Ежи. Спрут.

Акулы и отшельники.

Переход песцов (блохи).

Баклан должен упасть.

Хвостики вверх.

Креветки.

Квакуши и дети.

Изолятор на территории Квакуши.

Вес: 8–11 кило.

Орел и песец.

Украденное яйцо.

Столовая (пьют яйца).

Запас Квакуши — 100 <*1 нрзб.*>.

Все тащат (ребенок).
Креветки (и сухие хвостики).
На веранде (игрой завлекает в море, игра с волной).
Оранжерея (чернота и свет).
300 га. Берег. линия 9 км.
Начало 16/VIII 1929.
Паук и бабочка.

21 Сентября. Прохладно-сентябрьское строгое ясное утро, и я заметил с балкона во впадине Чуркина мыса как будто бы лежал наш обыкновенный нижний туман. В комбинате сказали: изюбрь ревет!

Есть вид кукушки (поменьше нашей и кричит она не по-кукушечьи, а вроде как бы: «продам берданку, куплю винчестер». По китайским поверьям ее нельзя увидеть, и она стережет жень-шень, увидишь и услышишь ее только в тот момент, когда нашел жень-шень. Русские же эту кукушку видят и слышат часто и говорят, даже понимают будто бы ее слова: продам берданку и пр.

Искатель жень-шеня галлюцинирует — если увидел и отвернулся, в этот момент жень-шень переходит и потому, как увидел, скорей надо воткнуть палочку.

Верит в бессмертие пятнистого оленя и что есть олень — всегда с сухими рогами.

Гончаров и его приятель из Госплана, который в цифру поверил, что есть такая цифра, если с чистым сердцем и ясным умом к ней подойти, то можно управлять не только Союзом ССР, а и Европой и Америкой, что генеральная линия и есть путь к цифре магической.

— Вы в партии?

— Нет, я еще недостоин и занимаюсь внутренней переподготовкой.

Тунгусы прячут ободранную тушку соболя в дупле дерева.

Я спросил:

— Может ли барс броситься с дерева на человека?

Горлов ответил:

— Никакой зверь на человека не смеет броситься без особого повода, и даже тигр не бросится. (В опровержение рассказа Богоявленского, будто бы барс бросился, промахнулся и растерялся: это барс прыгнул сам по себе...)

Вчера после большой подготовки выпустили тигра (для съемки кино) и впустили туда дикую козу. Тигр бросился прежде всего не на козу, а просто удирать, но ударился о сетку, сетка спружинила, отбросила тигра, и он тогда уже подошел к козе и принялся ее лизать. Звери в беде перестают друг за другом охотиться. (Вот лев и ягненок — вот когда лягут — в беде.)

Если китаец находит жень и делает заметку ... (китаец суеверен), то эта заметка значит и для другого, кто найдет: «замечено, не трогай». И не трогают, потому что иначе смерть.

Если китаец в карты играет и у него «сошлось», то он, не показывая карт, бросает их и берет банк. Конечно, если случится обманщик, то это карается смертью. Какая экономия жизни бюрократич., как сократили бы госаппарат.

Китайцы не пьют коровье молоко, потому что надо корову мамой считать.

Почему китайцы жестоки с лошадьми и бьют их в глаза...

Лотос

Как я это мог забыть, что на острове Путятине у берегов Гусиного озера живет розовый лотос! Я там был, обошел кругом Гусиное озеро, видел, как высокая женщина, подобрав юбку, зачем-то полезла в воду и что-то из воды доставала. Между тем я забыл дома свой призматический бинокль и не мог рассмотреть подробности: как эта женщина подошла к большим, как тарелка, зеленым листам на воде, как посмотрела на розовые, величиной в чайное блюдечко, пышные, как георгины, цветы и, не тронув ни одного, удалилась. Я узнал потом, что она нарочно из Ленинграда приехала, чтобы только взглянуть, и расскажу

потом, как нашла она себе такую возможность в наше трудное время, но пока мне надо передать, сделать понятным для всех, как я мог забыть про лотос и уехать с Путятина, не повидав самого интересного, из-за чего в наше-то советское время героическая дама проехала по железной дороге 12 тыс. километров! Я устроился на Путятине у замдиректора зверосовхоза, познакомился с его женой и сватьей и, обласканный ими, сам ответил вниманием, особенным к их трудной жизни на острове. В действительности, по всей вероятности, и у них жизнь не трудней, чем у нас, но живут на острове, и невольно безвыходность островная каким-то образом создает безвыходность и человеческой личности. На острове много хуже, чем в мещанском захолустье. Вот жена замзава привезла с Камчатки нерпичьего жира, и он распустился в бутылке необыкновенно прозрачно. Пришла бухгалтерша, посмотрела, спросила, а замзавша, шутя, ответила, что это подсолнечное масло. Хотела тут же и объяснить, но бухгалтерша поджала губы и ушла и по всему совхозу раззвонила, что завы из особенных запасов берут себе подсолнечное масло. Мало-помалу за спиной хозяев нерпичьего жира разыгралась большая история, и на первых порах пострадал китаец, подозреваемый в контрабанде, и его лишили голоса, хотя по-русски он знал только «моя ходи» и совершенно не мог понять, что вообще значит лишение голоса. И вот как раз в тот самый момент, когда я собирался идти на Гусиное озеро и хозяева объясняли мне путь и, несомненно, дошли бы до лотоса, вдруг явилась жена старшего егеря и перешептала изумленным женщинам всю историю борьбы из-за подсолнечного масла с лишением голоса китайца Лин-чу.

Я узнал, что дело вовсе не в масле, а в неосторожных словах зава о младшем сынишке старшего конторщика, что будто бы этот сынишка родился не от него. Разозленный конторщик сразу же отомстил заву, объявив княжеское происхождение его жены. Лишенная голоса женщина скоро доказала, что она не княжна, и ее восстановили, но конторщик, обозленный до бесчувствия, стал мстить всем

завам и всем его близким. Он страшно обрадовался постному маслу и на первых порах свел счеты с китайцем.

— Какой же выход из положения? — спросила бухгалтершу жена замзава.

Вот в это время я потихоньку удалился от женщин, спустился к морю, прошел по рыбалке, потом перешел небольшую речку и стал взбираться на гору, чтобы избавиться от болотной сырости, в которой утопала нога. Вскоре я увидел все Гусиное озеро в древности, по всей вероятности, бывшее проливом, разделявшим от небольшого острова Путятина нынешнюю часть его между мысом Фелькерзама и бухтой Открытой. Мало-помалу соленая вода морская пересохла, в котловину со всех сторон текла пресная вода. Самое удивительное было для меня, что сухого места на горе я не находил, и на самой горовой покати всюду сочилась из камней вода, и нога на крутом склоне тонула в болоте. Троп не было, каждая тропинка, даже зверовая, оленья превращалась в поток, и сейчас же в этом маленьком потоке откуда-то брались камешки и громоздились, как в настоящей горной реке. Так в поисках сухого места я взбирался по склону все выше и выше над озером, и мне вовсе не хотелось мочить ноги и тонуть в грязи, чтобы рассматривать обыкновенные растения, живущие на низких болотистых берегах Гусиного озера. Я думал с неудовольствием вообще об этих гусиных озерах и лебяжьих лагунах на островах Приморья: величие моря делает эти озера и лагуны жалкими и нечистоплотными лужами. С удивлением одно время смотрел я на высокую женщину, зачем-то идущую по колено в грязи... Я думал о людях, заключивших свою жизнь на острове, продумывал насквозь интригу с нерпичьим жиром, придумал хороший конец и, не глядя на неинтересное Гусиное озеро, пошел предложить конец: предложить несъедобный нерпичий жир бухгалтерше. Каково же было мое удивление и радость, когда я возвратился домой, что замзавша сама подарила бухгалтерше нерпичий жир, только, коварная, не предупредила, что нерпичий жир не едят. Тут был, конечно, тоже расчет лукавый, но бухгалтерша, поев карто-

шку с жиром, прибежала, нашла его необыкновенно вкусным и пришла еще раз поблагодарить.

Мало хорошего видел я на острове, но, уезжая на пароходе, разговорился в кают-компании с одной дамой, бывшей одновременно со мной на Путятине.

— А лотос видели? — спросила меня она.

И тут оказалось, что это я ее видел, как она шла по болоту, я же, спасаясь от грязи, поднимался все выше и выше. Она мне рассказала, что занималась ботаникой, что долго колебалась и мучилась, вынужденная из-за детей бросить науку, что случай такой вышел, муж ехал в командировку на Дальний Восток на несколько дней, и она поехала за ним, чтобы взглянуть на лотос, живущий на Гусином озере. Она достигла своей цели, повидала, отлично отдохнула в этом и завтра думала ехать назад.

— Неужели вы так и не видели? — спросила меня восторженная женщина.

Я рассказал ей историю с нерпичьим жиром, которая, в сущности, и была причиной, через которую я смотрел на Гусиное озеро, как отвратительное болото, а не на родину лотоса.

Ах, и тошно же мне было, как я прозевал! И как мне тоже было трудно думать о женщинах, из-за которых одна нашла себе возможность ехать повидать лотос, а другая радовалась несъедобному жиру...

В чем дело, товарищ? Одна говорит:

— Горе, горе, у меня муж Григорий, хоть бы дурак, да Иван.

Другая отвечает:

— А у меня Иван, не пожелаю и вам.

В чем дело товарищ? Подумайте и решите.

Начало: Влюбляться и проходить, — вот счастье путешественника, влюбляться во все и ничего не любить: чуть ведь только полюбил, так надо это очень беречь от другого, ревновать, защищать и в конце-то концов конечно же служить и в этом трудном служении забывать тот самый

лотос, из-за которого когда-то влюбился и потом полюбил.

Конец:

...Нет, я с этим не согласен, можно влюбляться, можно и любить и можно служить, не забывая о лотосе. Можно!

22 Сентября. Яркое утро. Был на Орлином гнезде и так спешил снимать город, будто он скоро будет не наш: вечером по городу распространился слух, будто Япония объявила войну Китаю, и это означало общей войны.

Старушке я сказал:

— Бабушка, Япония объявила войну Китаю.

— Кабы нам! — с разочарованием ответила бабушка.

— Могут убить, — сказал я.

— А лучше умереть, чем так жить, — сказала она.

В зверокомбинате переживают прорыв. Один конторщик говорил другому:

— Пожалуй, не стоит и оправдываться и бежать незачем и некуда: везде одинаково.

— Так учил, — ответил другой конторщик, — учил... по-твоему... как его? ну вот этот бывший проповедник...

— Христос?

— Вот-вот Христос и учил: если тебя ударят по одной щеке, ты другую подставь.

Владивосток населялся всегда людьми временными, приезжавшими, чтобы скопить себе некоторую сумму на двойном окладе и уехать на родину. Помимо своего расчета некоторые застревали тут навсегда, другие ехали на родину и тоже помимо расчета возвращались сюда. И оттого в городе нет устройства в домах и возле домов крайне редки сады. Впрочем, не только люди были временные, но и сам город, как маленький человек, жил неуверенный в завтрашнем дне: сначала дрожали, что порт перенесут куда-то в Посьет, а когда устроился богатый порт и маленький человек уверился в постоянстве территории под его ногами, порт перенесли в Дальний и Артур... Теперь сроки службы чрезвычайно сократились, появились летуны,

и впечатление такое, как будто все куда-то стремятся уехать, перебраться, удрать.

23 Сентября. Появление преследующего меня Лидина принадлежит к той же категории неприятностей современного состояния литературной профессии, как, напр., ожидание диффамирующих статей с последующим каким-нибудь литерат. ущербом, вроде лишения пайка и возможности печататься и влиять. Равнодействующая всех этих сил направлена прямо против охоты писать и достигать.

Рассказ Верещагина. В то время, когда были заготовки фазанов, китайцы тоже принимали участие, но не убивали их, а опьяняли. Намочит в спирту чумизу, фазан опьянеет, ляжет, он берет его и несет на базар живого. Просит покупатель голову отрубить, но он дешевле продаст, только бы не рубить самому:

— Не могу...

Суслики.

В Якутии скопцы занимаются с большим успехом культурой пшеницы, а якуты не занимаются хлебопашеством, они только охотники. Когда скопцы снимут пшеницу и уберут, на поле приходят якуты и, угадывая по всхолмлению почвы гнезда сусликов, выкапывают из земли их магазины, собранные из колосьев пшеницы. Колосья суслики выбирают самые многозернистые, самые тяжелые и укладывают их очень аккуратно, колосок к колоску. Пуд зерна, добытого из таких колосьев, будто бы равняется трем пудам обыкновенной пшеницы.

Суслик в тех местах называется е в р а ж к а.

Клыков рассказывал, будто в Амуре есть черепаха, которая хватает человека всегда за яйца во время купанья. Раз было прихватила черепаха человека и створками своими прикрыла его вещи. Человек помертвел. Хорошо, тут на берегу была китайская кузница, и черепаху заставили раскрыть створки каленым железом.

Барсук будто бы тоже стремится схватить человека за причинные места. Знакомый Клыкова, таким образом, лишился одного яичка.

<На полях:> *Притор: тропа по скале. Шапка на притор. Лыжу нашли — сообщили в сельск. сов. — погиб. Каек (лыжу переднего прощупать). «Пал под надым». Порожки (надым). Оптич. обман: лыжа пошла вверх.*

Жень-шень.

Река бежит между орехом и *<2 нрзб.>* через реку дерево, по которому проходит весь в белом с длинным чубуком кореец, или в черном (?) — искатель жень-шеня китаец. Тут молчание, и кузнечиков не слышно, потому что они постоянно поют, и от них тишина сильнее. Речка в камнях, напротив, очень неровно журчит и как бы ждет вас, и если вы что-нибудь *<1 нрзб.>* подумали, то вдруг быстро схватывает: «Говорите, говорите!» когда речка так вдруг, обратишь внимание, какое же множество кузнечиков поет. Если дальше идти — *<2 нрзб.>*, жень-шень и тут кукушка — трубку воткнул.

Дрова гори, а уголи гори нету.
Мадама — женщина.
Бабушка — жена.

Корейская фанза — окна и двери вместо стекол заклеены листами бумаги журнала «Красная нива», и все-таки в большие морозы до –30° с ветром в этих фанзах, говорят, очень тепло, потому что люди сидят в них на теплом полу.

Стены мазанки тоже оклеены страницами журналов: лежишь, и всюду на тебя глядят то какой-нибудь когда-то вновь выстроенный броненосец, то Лев Толстой, то носорог, то Чехов...

В комнате для гостей, где мы устроились, есть две двери, одна во двор — против этой двери стоит черная собака, стерегущая фанзу, другая дверь в общую комнату, и на нас из этой комнаты смотрят, не смея перелезть порог, дети. (Утри нос!)

Каждая фанзочка похожа на живот, и как вошел в нее, будто вскрыли живот: так в ней полно содержимым, так

тесно живое к живому, кишит каждая фанза детьми разных возрастов.

— Утри нос! — сказал, входя, мой товарищ одному. И, осмотрев комнату для приезжих, сказал: — Нет, не нравится, пойдем в другую.

— Чем же не нравится? — спросил я.

— Циновки грязные и <*1 нрзб.*>

Перешли в другую, опять дети и опять:

— Утри нос!

Женщина чистит, моет, варит, никогда не расставаясь с привязанным сзади ребенком. Хозяин надел чистое белье, подштанники, рубашку белую (ночную), сидит на корточках и курит из длинной трубки. Время от времени он отстраняет ребятишек и сам смотрит в нашу дверь, если заметит где-нибудь соломинку или перышко, войдет и поднимет.

Тигра — белая девица с обветренным лицом в синих штанах, в серой мужской рубахе и с солдатским подсумком на боку и с молотком на плече переходит с сопки на сопку (всюду появляется: изменить имя).

Откуда манера бесцеремонно, не спрашиваясь, осматривать фанзу и, не спрашиваясь у хозяина, а, заявляясь, только оставаться ночевать. Странно, что при этом корейцы остаются любезными. Не договариваясь, мой товарищ бросает хозяину фазана, и он как будто бы обрадовался, начинает щипать и варить нам суп. Все наши желания предупреждаются и, в конце концов, денег давать нельзя, не возьмут. И когда, в конце концов, вспомнив наши деревенские порядки, скажешь товарищу, что корейцы с нами необыкновенно любезны, он отвечает: «Ну, это только лицо!» Да, эта грубоватая <*2 нрзб.*> таежная манера и эта готовность услужить тоже манера, «лицо» — необходимое условие совместного бытия «в сопках», и вот так всегда и у всех в процессе жизни внутренней, лично своей, забывается лицо ее, доступное лишь тем, кто их еще не видел. На этом и основан интерес путешествия. А может быть это с человека взято лицо неверно и что у нас лицо, то у них

зад, а лицо жизни скрыто в повседневной жизни <*2 нрзб.*> преодолевается трудом и через много лет является лицо...

Нужно быть мудрецом и поэтом, чтобы, повседневно делая жизнь, не упустить из виду лицо ее. С лица жизни иду в недра ее: это «лицо» по-иному есть и Бог, и религия — это сила, вечно имеющая в виду лицо... молитва не дает погружаться.

Козел стоял на хребте, первая пуля ударила в землю под брюхо, он ответил удару пули сердито: гав!, а с места не тронулся, вторая пуля попала чуть-чуть правей, козел осердился и пошел от этого проклятого места прямо на охотника. Третья пуля уложила козла. Из-за камня с бархатным деревом вышел охотник с ножом в руке и принялся...

Психология «крымского» крестьянина: они уверены, что хлеба скоро не будет и голод вызовет в свет множество бродяг-головорезов, будет сплошь резня.

Эдельвейс и «тигра» с молотком на плече.

Версаль 50.

Мершин Пав. Мих. (Кино) 6—7 веч.

Эдельвейс на горных открытых склонах по россыпям цветет с 25 июля по 25 окт. до заморозков.

Айю Мих. Иван., дочь Оля (Мих.), дер. Крым.

Вечером с моря в бухте Разбойник в устье речки Разбойник кряквы тянули.

Каких только семян не попало в Приморье! — один капитан привез из Америки, другой из Японии, из Крыма женщина привезла (в 907 году) георгины... (не могу жить без цветов) — (параллельно с посевом Бога). Соленый туман (как думают) губит растительность: может ли быть?

Прошение — руку резиновую — ну, и так немножко будут (показал, как шевелятся пальцы).

Дождь чувствуется по теплу и облакам и надолго ли?

А то, бывало, подъезжаешь ночью на пароходе — сколько огней горит в порту, как роскошно это сияние и строения и внизу, и на горах, но уже видел это не раз, и не думаешь об этом, и не видишь, обеспокоенный мыс-

лью, — придет ли по позднему часу ГПУ нас встречать, потому что без ГПУ с парохода на берег не выпустят.

У нас каждая травинка представлена поэтом и даже, «еще в горах белеет снег» учили в школах Баку, где снега не бывает совсем. Но кто обжил тихоокеанское побережье до того глубоко, что поэты могли бы воспеть? Очень мало жили в нем русские, ... сиротская жизнь.

Воля в просторе — одно... зато какие же моряки вышли! Не знаю, как отнестись... — я о тех моряках думаю, которые претерпевали... и в последнюю минуту вдруг счастливо хватались и выплывали к берегу (талант русского моряка: в последний момент выбраться и спастись). И хозяйски: растянуть последние кусочки хлеба.

Леди спит в духовом шкафу. Оля утром разводит плиту и на горячее кладет ракушки. Леди долго борется с жарой, но под конец ракушки выстреливают, и Леди выскакивает и смотрит. Умненькая, сразу понимает, что это ракушки стреляют, и лезет обратно в духовку, но жара...

Гора Иосифа со стороны бухты Разбойник похожа на срезанный до половины купол, и самая высокая из сопок часто показывается. Тут сохранились еще пятнистые олени, очень много козлов и бесчисленное множество фазанов. Со стороны же бухты А — гора Иосифа не имеет правильной формы, и тут отлогие россыпи, по которым можно взойти: внизу Крым...

Опасные росы.

Утренние крики фазанов и ругательства козлов на горах.

Оля утром к завтраку жарила фазана, а из кухни было слышно, как живой фазан в огороде кричал.

Гребешки на плите — выстрел! и раковины открылись — закрылись; испеклось, очистили, ели и по раковине высчитали 30 лет жизни.

Чилица (не сеют, не жнут, ловят чилицу, не богаты, но и не бедны: вольно, вода, горы, лес, и подчас кажется, будто богат и что здесь лучше, чем где-нибудь на земле.

История Крыма: дачи рабочих (конец: Кнепер). Змей не убиваю, беру за хвост и быстро швыряю.

Один сказал: я из Москвы, другой сказал: живу в сопках — то и другое понятно.

Жирные птицы весной — отъедаются в Корее.

В июле (1-го) фазаны родятся. Спор о сроках, один: с 15 Сент. по 1 Декабря, другой — с 1-го Ноября по 1 Января. [К 1-му Окт. фазан жиреет и погода прохладная]. Зимой по следу фазана убить ничего не стоит.

Орлиное гнездо: каштанка, умру с буквой ять.

Лотос.

Барс.

Бригада.

Бражник.

Нет разлуки большей на свете, чем была моя разлука, расстаться с белым светом, с глазами. Но так устроена природа, что если одно потеряешь, то это находишь в другом: сколько на свете было слепых музыкантов! И так я, сам не зная того, стал заменяться в себе каким-то другим содержанием: похоже, как будто раньше мне, как ребенку, нужно было погремушку сломать и зачем-то узнать, что там гремит. Я и теперь не утратил к тому интереса, но мне теперь и не нужно ломать: я посмотрю на вещь в родстве ее с другой и потом догадаюсь. Я стал догадываться о всем по себе. И раньше я по себе узнавал, но в небольшом кругу: себе подобных я узнавал. А теперь через утрату я со всем вступил в родство, то, о ком мне нужно узнать, в того и превращаюсь и узнаю.

Я знаю, вы думаете — вот как доволен собой человек. Нет, это неправда — очень редкие минуты, когда я доволен и спокойно живу без тревог — почти никогда! но я постоянно бываю рад, если на досуге посмотрю на себя, кем я был перед тем, как увидел в первый раз Хуа-лу, и теперь...

Я живу в постоянной тревоге и переменах, и так много было перемен, что я о себе вчерашнем могу рассказать,

как о нем. Вчера он вздумал *<1 нрзб.>* из нашего города, с ним была женщина...

Я себе вчерашнему — я рад.

И стану собирать тех, кого нашел — я рад.

Прощание со всеми...

Жизнь на земле — это единство, и каждое событие в ней есть явление целого (тем кто) — все-таки надо вперед понимать целое, чтобы узнавать его появление в частном. Иначе жизнь пройдет как суета.

Петровы Ирина Павловна, Всеволод Алексеевич: Ленинград, 40, Пушкинская, д. 6, кв. 21.

Жук Belutus *<1 нрзб.>*

Понемножку будет лючше.

Человек с киноаппаратом из Якутии весь в *<6 нрзб.>*

Человек этот пил водку стаканами *<1 нрзб.>* закусывал, что у него жена — балерина, *<2 нрзб.>* с ней не живет.

Понемножку будет лючше.

— Красота *<1 нрзб.>*.

— Значит дорого стоит.

Машинка.

Пенза (коса) ю.

Ювен-юн — повар.

Чи-сы-за (вишня).

Его мало-мал бог.

Мал-мал-мала человек.

Три купезы хлебник, *<1 нрзб.>*, прачка.

Бойка — сподручный мальчик.

Не хочу быть машинка, *<1 нрзб.>* купеза-машинка, а я не хочу.

Три мама (на один китайск. мальчик это хорошо).

Цветы из... мама, дети, старший брат.

Не пробует — русская бабушка *<1 нрзб.>* — а нос.

Жень-шень.

Между огромными до тонкого стержня прорезанными листьями манчжурского ореха речка бежит, и через нее лежит огромное голое серое естественное бревно: быть

может, ствол того же ореха, родоначальника всех других. По этому дереву переходит речку весь в белом старый кореец, искатель жень-шеня, «белый лебедь», на которых, бывало, охотились, чтобы отобрать у него драгоценный корень... Китайцев, искателей корня, одетых в синее, называли «фазанами», и охота была и на них, так и говорили: на лебедей и фазанов.

Так переходил «лебедь» бревно, а у меня в руке было ружье для простых фазанов...

Валюта: жень-шень.

Горовой пост: жень-шень.

В бухте Разбойник.

Пересыльный питомник зверей АКО. Зав. с Командорских островов Николай Петрович Силантьев. На островах нет ЦРК, и потому там везде рабочие и служащие отлично питаются, пользуясь собственным хозяйством. В Седанке есть ЦРК, и рабочим есть нечего, и они, конечно, ищут, где лучше. Правда, как это, может быть, что рабочий несет лисицам мясо, молоко, кашу, а сам голодный, самому дома есть нечего.

Лисиц в 28 г. куплено в Канаде 60, в 1931 г. от них накопилось 500 — всего стало 560, из них отдано на Камчатку 212, осталось 348. Превосходное состояние лисиц. Американские дома. Служ.: 3 Зав-Помзав-4 смотр., теперь 3 смотр, потому все бегут.

Нужен холодильник на 5 тонн мяса — 1200 дол. Все расчеты хоз. посылаются в счетную часть АКО во Владивосток, здесь целый ряд учреждений АКО, где полная свобода калькуляции в отношении частей, лишь бы сходилось в целом. Так возьмем, напр., лошадь, купленную для птичника очень дорого у чёрта за куличкой, во время перевоза лошадь пала, туша была отдана в лисий питомник, а кстати, и ценность лошади 270 р. была приписана к лисьему питомнику. Но мало того, счетоводная база вдруг была перенесена на Камчатку, плыла она при скверных условиях и теперь наверно валяется где-нибудь и ждет Страшного Суда. Рано или поздно, конечно, суд наступит, и так часто слышишь: во-время ушел. Впрочем, день суда

может и не наступить. Так, напр., лисий питомник потерял свое значение для АКО, на него целится звер. комбинат, Хабаровский техникум звероводства. При передаче очень легко переписать. Это отсрочивает день Суда, но не решает.

На Камчатке и Командорах хозяйство имеет столетнюю давность, но люди служили от году до двух, научатся и уйдут.

Котик. Миграция в Японию. Возвращается с картечью под кожей. Миграция в теплые воды. У американцев мигрирующих животных сопровождает охранное судно. Отбой секачей. Гаремы. Отрезают цепью тех, которые не имеют гаремов. Некоторые помирают, когда их гонят. Бьют палками.

Подсчет морских бобров (около тысячи). Морская капуста.

Колтоновский Павел Михайлович, звеовод-организатор АКО, Пушкинская 45, кв. 1 или в конторе АКО: Верхнепортовская, от вокзала налево, на правой руке.

Остров Карагинский из 2-х 3-х сот лисиц 10 чернобурых и сиводушек.

Нечего говорить о колоссальных суммах, которые получает государство от пушнины, расчеты неинтересны, раз вопрос идет о первом или втором месте, лес или пушнина. Но этому есть естественный предел. Навстречу гибели зверей движется милосердный отряд звероводов, который рано или поздно должен пополнить посредством искусственного разведения то, что берется из запаса.

Третьего дня был на заседании о монастыре оленух. Ухо оленухи фунтиком свернуто и, по-моему, в этот фунтик поместится не меньше двух кило сахарного песку. Олени заели. Куда девать оленух? 1 килом. загородки стоит 5000 руб. Пустить в Сузухе.

Жень-шень (корень жизни).

По Арсеньеву.

Жень-шень (пан-цуй), аралиевые, родня чертову дереву. Пять листьев, как пальцы руки. Цветет в августе (мел-

кие немного розоватые). Реликт (капризный) (замирает: изюбрь наступил). Враг — лесные пожары; погибает лес, погибает жень-шень.

Обыкновенно 3—4 листа, 5—6 — очень редко, не было случая более 7 листьев. Самый большой достигает пояса человека и толщ. стебля 2 т.т.

Наиболее ценный в горах Хехцира (и друг. местах Уссур. края). Цена корня зависит: 1) места, где найден (берег моря или Уссури), 2) насколько мочковат, 3) величина, 4) похож на человека.

В 1905 г. на Сучанск. ж. д. найден корень, 200 лет, вес $1\,^{1}/_{2}$ фунта, продан за 1800 р., а в Шанхае 5000 мексик. долларов.

Занимались 30.000 китайцев, добывали 400 корней, вывозили на 750.000 рублей. Теперь от лесных пожаров промысел упал с 90 фунтов до 3—4 ф.

Огородный жень-шень (смеш. лес с кедром, на северн. склоне горы — не солнцепек. Навес с освещением 7—9 утра и 5—7 веч.)

Нежное растение: муравей испортит. Сильный дождь забивает. Искатели радуются моросливому лету. Лечение. Режим (без крепк. напитков, *<1 нрзб.>*, работа на воздухе, летом меньше, зимой больше).

Тоито (название *<1 нрзб.>* маленькая ночная сова с ушами, как у филина. Кричит в тайге до сентября, а женьшеньщики думают, что это души погибших трех братьев перекликаются. Жень-шень скрывался. Ученый Лао-Хань-Ван открыл местонахождение, жень-шень скрылся в Уссурийск. край (Дун-да-шань). Он наплодил множество себе подобных... Способность превращаться в любое животное, птицу и т. п.

Искатели: промазанный передник от росы, палка, дерев. браслет на левой руке и барсучья шкурка сзади (шкурка — садиться везде). Надламывают кусты или кладут мох и сухую траву на сучки деревьев (для человека другого: что осмотрено).

Чистый человек должен искать Ж. Ш., а то растение исчезает, гора станет колебаться и из зарослей выходит

тигр: «Пан-цуй, — не уходи! Я чистый человек, я душу свою освободил от грехов, и сердце мое открыто, и нет худых помышлений».

Кумирня из дикого камня «Господину истинному духу гор, охраняющему леса. Моя радость сверкает как чешуя рыбы и красивое оперение <*1 нрзб.*>. Владыке гор и лесов, охраняющему прирост богатств». Если просят, непременно [дает?] — просящему нет отказа.

Вокруг Ж. Ш. — ковром кислица (заросли).

Найденный корень обтыкается палочками (найден).

Выкапывание: палочка в 6 дюйм. Ножом <*2 нрзб.*>, очистить траву и пр. ежегодно посещает.

Китайцы, обрекшие себя на жизнь в лесу навсегда из-за Ж. Ш. (как умирают).

Жень-шень (Байков).

По числу листьев судят о величине корня (самое большее 5—6 листьев). Пятипалые листья, как раскрытая рука человека.

Цветет в Августе. Соцветие — простой зонтик с 15—20 цветами. Плоды — светло-красные ягоды.

Гл. город Лхасс — высш. дух. школа: обучение лам светским, духовным и медицинск. наукам. Центр мудрости всех народов Востока. Здесь под «крышей мира» из тьмы веков явился древний человек, неся с собой священ. огонь самосохранения и свободы бессмертн. разума.

Распространение: юго-вост. Маньчжурия, Южн. Уссур. край и северн. Корея. Предел северной 48° широты. В самых глухих черных лесах, на северн. склонах, среди густых зарослей папоротников, актинидий, винограда, плюща и кислицы, в рассеянном свете лучей, проходящих через чащу. По-видимому, необходим для него кедровый лес.

Таинственный реликт.

Гиринская провинция, в Маньчжурии, после того как исчезнет Уссур. жень-шень, будет единственным местом на земном шаре.

На ногах улы (искатели Ж. Ш.).

Весь вид искателя «корня жизни» говорит об отречении от мирского, от суеты, радости и горя.

С начала июня — начало исканья.

$^{3}/_{4}$ всего корня (до 1 тысячи корней) в Маньчжурии и $^{1}/_{2}$ Уссур., случаи продажи одного корня за 5—10 тыс. долларов.

Змеи из рода Ancystrodon (священные) по камням алтаря греются под солнцем.

История кумирни на горном перевале Лянза-лин (хребет, отделяющий бассейн р. Майхе от бассейна р. Лян-цзухэ), сооружена в честь господина гор и лесов (тигра) двести лет тому назад одним искателем.

В 1909 году вместо каменной хунхузы поставили здесь новую, а материал для постройки был отпущен лесной концессией Фрида со ст. Шитоухэцзы, выкрашена краской малинового цвета. Змеи продолжали жить (стали ручные, брать в руки). Лесной пожар в 1913 году уничтожил кумирню. Хо-син (искра) знаменитый искатель, мог превращаться в зверей и птиц... личность его исчезла в океане безбрежного Шу-хая. Яркий тон и нивеллировка — уступает зверолов пахарю.

Он (корень) служит как бы стимулом справедливости и добра, эмблемой равновесия творческих сил природы и воплощения высшего существа вселенной, в нем заложена частица Великого Духа, жизни и движения в мировой бесконечности. Ж. Ш. — источник и корень жизни, незримый свет мировой энергии.

Происхождение Ж. Ш. из молнии: если молния ударит в чистую, прозрачную воду горного ручья, источника, последний исчезает и уходит в землю, а на месте его вырастает Ж. Ш., который хранит в себе силу небесного огня, силу неиссякаемой мировой энергии.

Птица «кон-гуль-тогу» по имени погибшего брата, другой брат, искавший брата Лу-у, был превращен в птицу (филин, кукушка?)

2 Октября. Речка Ингода (в мраке), по ней сало. Чита 2-я, Чита 1-я (р. Читинка). Озеро Кенон. Сухо по-прежнему, но полуясно! Мысли о самоопределении: Петя с

Мантейфелем. Выбор: на бой литерат. или отступление на охотслужбу. Киноагент: передвижку забрал в Якутию: любитель приключений.

— Три месяца не читал центральную «Правду»!

Даурия (сев. Монголия: Амур—Енисей). Кедр и Даурская сосна. Снега почти не бывает. Эта сосна зимой слегка желтеет под тон всего желтого (между *<1 нрзб.>* и папоротником). Виноград Петрова (прищепляется к скале и каучук).

Якуты ленивые: по очереди ходят в лес за дровами и ночуют множеством в одной юрте. Приходилось из-за этого предпочитать ночевку в мешке (—70? — все живое прячется). Так он забросил 10 передвижек. Вопрос: «Что побуждало к такому труду? Деньги?» — Нет. Снова нет ответа: «Я любитель приключений». (Ведмедь и китаец).

От рода к государству для охраны рода, и от государства (идеи) к роду для охраны государства (человек — воин). Так вот, например, П-ов крепился — попутничал до тех пор, пока не понял, что тут «идея», тогда он явился к Абрамову и сказал: отстрелял 12 пантачей — прощай.

Инженер по вечной мерзлоте.

Падь — на дереве написано: «Не ходи — чики будет».

Спросить Петрова о реликте: особенности края как реликта (вообще) и частно: напр., жирафы в одну зиму выращивают у нас длинную шерсть, то, что вырастает.

Я не контрреволюционер, напротив, я охраняю революцию от всех видов опасностей ее окостенения. Часть революц. движения встречается с необходимостью временного ограничения частных интересов, среди которых возможны (частные <зачеркнуто>) интересы отдельных личностей, в общем полезные для общества и государства. Таким личностям приходится ожидать времени для возможности осуществления своих личных интересов, т. к. требование немедленного их осуществления создало бы непременно видимость их сопротивления делу рево-

люции. Вполне естественно, что не всегда этим личностям удается до конца подавить в себе этот личный интерес. Вот этим пользуется особая группа людей, существующая исключительно сыском. Она объявляет таких людей вредными для революции, и одна статья в газете выводит их под стрелы людей влиятельных.

Жена заведующ. Совхозом привезла из Камчатки нерпичьего жира, растворила его и в бутылки. Жир выглядел чистым, ясным, как подсолнечное масло. Пришла жена бухгалтера Л. и спрашивает: — Что это? — Подсолнечное масло, — ответила. — А разве выдают? — Не знаю, нам выдали. — Та поджала губу, ничего не сказала и прямо на склад. И что из-за этого нерпичьего жира было! Жена зав. так напугалась, что отдала нерпичий жир, и вот удивительно: съели этот жир.

Олений отстой. Копытят — январь, февраль.

Тайфун — в кустах мокро и опасно (за гору идет на отстой).

Виноград поспел — разгар гона. С 1–15 окт. уборка урожая овощей, корнеплодов.

И осталось квасить.

Панты.

Пасхальное место — мокро.

Борьба с оленем — раз и забор.

Другой раз метился, извините за выражение, в самое пасхальное место, и попади туда, осталось бы мокрое <*3 нрзб.*>, но как я это понял, что силы за рога и за ногу, и так повалил — он бежать.

Перед штормом олень на сопках (пришел охотник): зверь-олень на горе под ветер, <*1 нрзб.*>, погода переменилась.

По́кать.

3 <Октября>. Почти решено, что Лева едет 6-го в Москву с заездом в Бийск, значит, в Москве он будет приблизительно 22-го Октября. Он старается уехать раньше меня, чтобы легче было ему договориться с «Известия-

ми» в моем отсутствии и получить командировку в Италию, где он хочет устроиться матросом и ехать с тралером на Дальн. Восток. Я имею против этого три возражения: первое, что остаются неиспользованными материалы и незакончены обязательства к «Известиям», второе, надо работать пером, а не мыть корабли (боюсь, сделается настоящим оболтусом, невежественным и ничего не умеющим делать человеком), наконец, третье: больно думать, что весь намеченный план работы в Москве (ведь и комнату достали), все обязанности к семье (ведь все доверенности ему передал) без колебания отбрасываются, раз предоставляется случай удрать и отлынить, без всякого колебания. Какой-то поверхностный, неврастенический, вернее инфантильный романтизм. Если он уедет, мне больше от него ожидать нечего, потому что каждая поездка у него будет вызывать другую.

— Ну а тебе то что? Он взрослый, пусть себе живет, как хочет.

— Да я разве задерживаю? пусть себе ездит, но только пусть не обманывает доверчивых редакторов, будто он литератор.

Мне остается три дела: гон оленей в Сидеми, Кедровая тайга и цифровые материалы. 25—28 Октября я должен выехать.

4 Октября. Из доклада Абрамова: Изюбрь 121 р. 50 к., если экспортных продуктов 12 р. 50 к., при отстреле же на панты 133 р. 30 к. из них для экспорта 128 р. 30 к. Директивы массовых заготовок хвоста через организации заготовляющие, планирующие и регулирующие экспортные заготовки, эти директивы против запрещения отстрела изюбрей во все время, кроме пантовки, разрешают из-за хвоста стрелять изюбрей во всякое время, притом самок.

Горал, амурская серна. В тибетской медицине ценится сердце горала, наполненное кровью.

Кабарговая струя.

Восточно-азиатский кабан.

Бой медведя с тигром продолжался несколько суток (из доклада Абрамова).

Волк серый и волк красный.

Топорков остров (песцов пустили и топорки...)

Чалдоны и навозные (от навезенных). Навозные.

Комиссия из Москвы потребовала от комбината: ни один пантач не носил бы валюту на голове.

Капустоловы будто бы по Абрамову вылавливают запрещенную выдру (корейцы).

Тазы — это ассимилированные китайцами орочи.

Первые панты по времени самые дорогие, потому что травы этого времени дорогие. Итак, нельзя перевести оленя на овес: китайцы узнают панты кормленого оленя.

Янковский пантовал верхом, из магазинки бил зараз по семи пантачей, и бывала поломка, тогда он вставлял кукурузу в панты, и в партии они проходили.

Панты принимают после 45 лет, когда склероз начинается, как йод, и потому невозможно, чтобы невеста подносила их жениху.

Опыты.

Тысячи лет Китай лечит пантами и результатов не записывает, как лекарство действует и как надо делать, чтобы получить большие панты. Может быть, это и знают мудрецы и хранят в тайне? Теперь европейский научный метод через СССР вплотную подошел к Китаю. Мы сделаем им такие панты, каких Китай еще не видал. Решили кормить оленей вволю, как свиней. Какие выйдут панты?

Вот вес пантов при макс. и мин. корме.

Миним.	Максим.
646 Арго	1270 гр. Диченко
830 гр. Шамо	1028 Савицкий
736 Дружок	955

1 кил. веса пантов дает 250 р., а цена истраченного на повышение веса корма 75 р.

Опыты приручения оленя. Ловят оленят, и чем скорей, тем ручней. Молоко дается три литра на голову и три раза в день. Так три месяца, а потом болтушка.

От этих оленей скоро можно отвести домашних, но зачем? Из-за пантов и мяса? Молока мало, но жира в нем до 30%.

Опыт влияния костяной муки из ракушек устрицы.

Кривая роста (взвешивание).

Поедаемость травы: испытывается 80 растений: перв. мотыльковые, потом злаковые, под самый конец горный камыш.

К след. году: огуливаются ли оленюхи в первый год и тоже с сайками...

Нападение волка. В одну ночь зарезал 25 оленей, в полтора мес. — более сорока. Все эти полтора месяца по телефонному сигналу егеря: волк в парке, все служащ. на охоту...

450 поденщины по 3 руб., не считая труда 5 егерей плюс 40 оленей по 75 р. — всего стоил волк 4500 р.

5 Октября. Некий Яворский, охотник тип Елисеев + Абрамов. Горовой + Яворский — патриотизм в пустоте = индивидуалист = сирота.

— Как жить? — спросил я.

— Надо приспособиться, — отв. он, — и все приспособляются и переменяются, пот. что ведь есть надо каждый день — это во-первых, и, это самое сильное, пот. что ведь каждый день надо, и перемена незаметно совершается из-за еды, потом у человека есть самолюбие, хочется взять больше другого, тут кровью залито. Вот отчего мы все уже другие теперь, в другой вид перешли или в другую стадию.

— А позвольте спросить — <*1 нрзб.*> которую — если стадия, то как совершается, из головастиков в лягушку переходим или обратно...

— А я думаю человек на 49% из дряни и на 51% человек, и потому медленно, а движется вперед.

Приехал бригадир и ударил именно по тем людям, которые были лучше всех, этот удар развязал язык некоему Артемову, который написал в газете статью.

Таежный человек, как дерево, искривленное тайфунами: сам на себя надеется, попробует бить козлов на продажу, и вот тебе конец...

«Тайга» — искривление: два пути, смирение и выход в ясность и ширь, или тайга: бодливой корове (неудачники). Обдумать (Курочкин, Артемов — тип, грибок (подсек: в газету написал).

Итак, два типа — один из бригады «Балда» — попадает не в то место, и грибок Артемов.

Философ приспособления биологического — фаталист.

Люди живут до последнего...

Поезд. по вторн. (билет выдают воскрес. с 9 час.). Поезд четверг (выдают среду). Огани в 6.48 или 6.45 *<1 нрзб.>* за неделю позвонить, чтобы иметь в виду, и потом за день до отхода.

Биологический — фаталист.

Технический — оптимист.

7 Окт<ября>. Вчера Лева уехал домой. Вчера небо здесь впервые для меня напоминало наше небо, тоже, как у нас, весь день ходили настоящие дождевые тучи, и даже раз брызнуло дождем: тучи с просветами синего неба, и даже если без просветов, то все-таки где-то хоть на самом краю горизонта с надеждой, что погода переменится в течение одного дня.

Источники зла. Мужик Артем на первом и единственном учредительном собрании Соловьевской республики. Он никогда не был ни на каком большом собрании, кроме схода, и тоже хотел, как другие, говорить, но приступившая к горлу злость не давала ему возможности не только говорить, но даже и подумать, он принял участие в собрании только после того, как началась драка. Анализировать источник зла в Артеме: во-первых, наличие тягости жизни, неправды, в создании которой и сам виноват, но так виноват, что сам-то не первый: «не я начал», кто-то другой, хуже (сосед или кто?); хорошо бы свалить зло на соседа, но в больш. собрании, не на сходе, сосед — пустяки,

надо свалить на большой первоисточник зла, а где он? вот и дуется Артем, и дуется...

Тр. Мих. Борисов, таежный человек, вышел из енисейской тайги в литературу, другие таежные люди не обрадовались этому (вот один хоть вышел в люди!), а возненавидели, каждый думал: «Вот если бы я вышел, я то бы написал!» Вот тоже теперь Арсеньева рвут. А как мужики тверские говорили о Калинине? (В своем отечестве пророк.)

Теперь у нас создалось так, что каждый выделяющийся чем-нибудь человек ставится в положение пророка в своем отечестве, причем фактически чем-нибудь он выделиться даже и не успеет, в своем отечестве тысячи глаз следят за ним, и чуть заметит кто-нибудь попытку и крикнет, все разом закричат: «А, захотел в пророки!» Сейчас же разберут, разъяснят и переведут на какое-нибудь другое место. В развенчании пророка участвуют следующие главные агенты: отечественный грибок (Артемов) и отечественная балда.

Отечественный грибок: летун в производстве, проходимец, нахватался всего (свободно говорит даже о Ницше, а сам, напр., ветфельдшер): ветер. фельдшер теперь звеovод. Продвигается или, вернее, заявляет о себе не делом, а выявлением недостатков других деятелей, посредством этого и движется, достигает места, творит беду...

Балда же бьет не туда.

Таежная сила и сила сорадования.

Найдите эдельвейс и покажите, он не обрадуется, а скажет: «А у вас в Москве этого нет».

Биологический индивидуализм (таежный) вызвал эту теорию биологического приспособления: очень спокойное состояние, противоположное тем, кто говорит, что все кончится голодом, грабежом и разбоем. Началось с того, что я спросил: как устроится у крестьян? Он ответил: «Приспособление?» — и пошел.

Мне стало вдруг покойно. Так вот первая выгода в признании: спокойствие, перемелется — мука будет.

Было очень тепло, в рубашках многие шли по улице. Но главное, это был очень яркий свет солнца, как бывает только на юге. В этом свете было одно зеленое платье, переливающее в синий цвет, на ходу колыхалась девственная грудь, и это волнение, подхваченное лучами солнца, было из зеленого в синее, как в море.

Вот красота моря: бьет о скалу сотни лет и, наконец, добивается жизни: в трещинах скал вырастают цветы, розы, саранки и эдельвейс. Сюда к цветам на «продув» от комаров и слепней выходит красивейшее в мире животное — пятнистый олень, становится на задние ноги и достает себе со скалы сочные листики винограда. Какие глаза были у этой оленихи! Я унес эти глаза с собой, как женские глаза, но когда увидел действительно женщину с такими глазами, то вдруг понял в этом возможность продолжения моей любви к морю, от которого произошли и цветы, и олень, ведь с этой женщиной я мог говорить и как-то дальше таинственно-интересно жить в том же самом...

Так вот, значит, есть любовь как рождение личности, и та любовь, о которой говорят: «Да, это же вполне естественно!» (естественная потребность). Во всяком случае, любовь, рождающая личность, главным образом это она ставит черту между человеческим и чисто «естественным» миром — отсюда «роман».

Бокорась Вас. Яковл. Владивосток. Иркутская 34, кв. 1.

Иванов жень-шень.

Овсяников Владим. Федор. т. 13–80 Пушкинская.

проф. Лесоводства д. 9 (от 2—6).

Корейская фанза «Головной кабинет» (комната для гостей).

Абрамов б. с. р., вынули из петли, он очнулся и полез в партию, а между тем ему 50 с чем-то лет!

Залив Петра Вел. с островами, как мешок.

«Желябов» капитан и Маруся.

Юрка Янковский петрушкой торговал (выращивал жень-шень).

Фанатик цифры.

Фанат. приспособления.

8 Окт<ября>.

Г. С. Подгайный. Владив. Дзержинская 41, к. 2.

Сортировщик жень-шеня (комсомол).

Матвеев из пушной бригады: Москва, Пуш. синдикат, отд. кадров.

Мой жень-шень все 20 уч. I класс 5-й сорт имеет тело, морщины, головку, шейку, ноги, руки, косу = 40 руб.

Комсомолец зубной щеткой вычистил Ж. Ш., <*1 нрзб.*>, оторвал одну мочку, проткнул костяной иглой.

Венерин холм — лонное возвышение.

Комсомолец, зуб. щетка и китаец (рассказ Орлова).

9 Окт<ября>. Суровый ветер (N?), уважаемый всеми моряками, потому что надежный, при нем невозможен ни туман, ни тайфун. Вечером в суконном пиджаке и фуфайке было холодно.

Был у Борисова и говорил о жень-шене: что вот у нас вокруг Владивостока все горы плешивые не потому, что очень высоки, — нет! напротив, так невысоки, что человек мог доставать лес и через это очень скоро весь его уничтожил; а в Японии такие же сопки, когда-то лесные и непременно затем тоже плешивые, иные все до одной покрыты садами, Англия тоже вся представляет собой парк. Нечего искать в этих преображенных странах дикий жень-шень, всякое дерево, всякая травинка и цветок здесь носят на себе следы человеческого загада и его хозяйственной и художественной воли. Возможно, в иных странах встретить даже культурный жень-шень и целые его плантации, но это, конечно, растение уже не той силы, не той цены, потому что творческая сила прежнего дикого Ж. Ш. перешла в самого человека и распределилась на тысячи ветвей его деятельности.

Но и этот Ж. Ш., содержащийся в самом человеке, находить и понимать не менее трудно, чем находить его преж-

нему китайцу среди дикой природы... Жень-шень — это социальное явление.

В этом, вероятно, и есть разгадка тех душевных состояний, когда человек вздыхает об исчезновении реликтов и перемен лица земли: этот реликт он получает как «достояние»: самому-то ведь не приходится искать этот жень-шень, не надо для этого ни ходить, ни заботиться о чистоте своих помыслов, реликт сфотографирован, описан со всеми подробностями: сидя за столом, читая, всякий грамотный может восхищаться этими смелыми и удивительными искателями, но поди-ка сам поищи, попробуй-ка встать со стула, выйти на улицу и начать искать Ж. Ш. в сердцах и делах этой массы людей, идущих на службу. А ведь есть он, вот даже собака Леон. Ив. Каштанка понимает разницу между хорошим и злым человеком (49 хороших жертв и 49 хищников, но 2% тех, кто, имея тайно Ж. Ш., движет миром — Каштанка может найти, узнать).

Не потому ли деньги не прислали мне, что получили мое письмо о Лидине («мол, воздержусь»).

Холодное утро, захотелось фуфайку надеть. Вчера достал «корень жизни» и читал о том, как ищут его, как страдают. Вспоминал при этом свое хождение в град Китеж, страдания паломников и тоже «чистое сердце», и так одни ищут «корень», страдая, другие вылечиваются, а третьи на этом корне наживаются. Бедный старый китаец в поисках корня жизни отдает в тайге свою жизнь, убитый бандитом. Богатый китаец отдает за корень большие деньги и пытается спастись от страсти. Третий человек, начиная с бандита, кончая купцом, выигрывает в этом деле... Три тысячи лет так шло! и вот пришел русский, довольно образованный человек, стал разводить на огороде Ж. Ш. Ценность мало сравнима с тем, но, рассуждает Янковский, в сущности же это петрушка и выходит за корешок 100 руб., так выгодно петрушкой торговать.

Тут уж тебе не Берендеево царство, где и в новое время нет-нет, да и вспомнишь старую и древнюю свою родню, впрочем, не древнее какого-нибудь IX в. нашей эры — да!

только всего... Тут, в этом краю, можно считать, русского ничего не было, тут китайцы...

Порядок: 12-го понед. — Сидеми (гон). — 18 Окт. До 1-го Нояб. в лес. 10 Нояб. — Москва.

Сегодня: 1) почта-деньги, 2) фотоаппарат и бригада, куртка, обед, Борисов—Абрамов, Версаль, перезарядка. Заказать бабушке яйца для Сидеми.

Вот берег и море: бьет о скалу море сотни тысяч лет и добивается жизни: в трещинах скал вырастают цветы, розы, азалии и эдельвейс.

Сотни тысяч лет еще проходят и наконец рождается из пены морской. И я тут около...

Среди цветов безвинно проходит сотни тысяч лет та любовь между живыми, о которой говорят: «Да это же вполне естественно!» И, наконец, рождается личность...

10 Окт<ября>. Прохладно и прекрасно ясно, как у нас в сентябре. Разгар гона пятнистых оленей. 12-го собираюсь ехать, но колеблюсь между Сидеми и Гамовым. Достал 20 м. полихромной пленки.

У китайцев все сделки бывают на слово, им не нужно счетоводов, кассиров и банков. Напротив член пушной бригады, следуя во всем примеру Ильича, все записывал и шагу не делал без документа.

Диалектика, материализм и все это (марксизм, ленинизм) повторяется на тысячи ладов и будет повторяться до тех пор, пока многое множество людей нашего Союза в отношении какого-то Икса не придут к единству. Дело, конечно, не в том, про что говорят... Возьмем, к примеру, какой-нибудь полит-старатель непрерывно много лет подряд говорит непонятное слово Фим, и когда через лет 10 я, наконец, понимаю, что вместе с произнесением слова Фим сцепляется целый ряд жизненных событий, благоприятно влияющих на мою литерат. деятельность, то я вдруг начинаю понимать значение слова Фим и сам при необходимости говорю: «Фим!» Иной, открыв этот секрет, приходит в такой наивный восторг, тут же перед всеми вы-

ворачивается, пишет автобиографию, сводя все свои прошлые мученья к погибельному индивидуализму вплоть до блаженного пресуществления в коллективе «Фим», другой, наоборот, все время что-то делал за кусок хлеба, слушая по радио, между прочим, и «Фим», но, не придавая ему значения ни малейшего, и вдруг, когда ему однажды сказали нечто против «Фима», он возмутился и спросил: «А как же без Фима?» — и с тех пор сухо и бесстрастно, как нечто абсолютно бесспорное, стал повторять «Фим». Третий говорит: «А черт его знает, может быть и правда все Фим!» Четвертый: «Нет ничего, Фим — это ерунда, но я не буду спорить из-за ерунды, нужен вам Фим, пусть будет Фим. Признаю и подписываю и действую часто во имя Фима». Так из разных углов сходятся разные люди в единстве дела, и от их согласного труда жизнь как зерно наливается, и труд отдельного человека, имея поддержку других и даже вызывая сорадование, приводит субъективно многих к счастью, а объективно к накоплению материальных ценностей в обществе. Вот когда нальется все зерно жизни и поспеет и каждое в себе самом даст гарантию будущего урожая, то вот тогда и делается спор за Фим таким же смешным и, главное, непонятным, как было это в схоластике и у нас очень недавно в споре о двуперстии.

Собственно говоря «молчи!» ведь это для дураков, а умный и дельный человек этому даже рад: дураки замолчат и, значит, ему можно будет что-то делать и даже сказать, потому что «умный»-то человек всегда сумеет сказать...

Явление личности, единственной неповторяемой, есть условие «любви» (в этом и состояла вся эта болезнь: рождение личности).

Огромная часть человеческого «счастья» состоит в разумном заботливом устройстве своей личной повседневности. Вот вчера, наконец, я собрался вымыть свою чернильницу, сделать свежих чернил и стал писать не обломком карандаша, а чернилами. Я вернулся сразу к своему писательскому настроению, и мне стало хорошо. Если

же это «счастье» устройства продолжить до чьей-то любящей заботливой руки, то...

Поэзия случая. Рассказываю в этой книге о том, что сам видел своими глазами, а о чем слышал, то буду ссылаться на того человека, от которого слышал. Иные глупцы говорят, будто пишу от своего имени, оттого, что ношусь со своим «я» и что нужно писать не «субъективно», а «объективно». Вот именно затем и пишу от своего «я» из-за правды: свой опыт достовернее, что видел своими глазами. А еще пишу так, потому что так мне дано описывать случаи, а не события. Много разъясняет в этом фотография. Сотни снимков сделано мной на Дальнем Востоке, из них десяток найдется, бесспорно, художественных и не в смысле подобия живописи, а именно тем, что живопись дать не может: художеством не события, а случая. Вот голубой песец на острове Фурунгельм. Чтобы схватить убитого нами баклана передними ногами перекинулся через трещину в скале, сквозь эту трещину видно море и лодки. Попробуйте так нарисовать, и люди не поверят, скажут «неестественно, выдумка»... И они будут правы, п. ч. живопись занимается событиями, а это случай, и только фотография может убедить, что именно так это было. Точно так же и в литературе есть поэзия событий и поэзия случая. Был один момент в природе поздней осенью, когда льдинка на солнце сверкала до того похоже на рыб, что чайки спускались... Можно, конечно, представить этот наш случай событием и написать рассказ, но вероятность будет в сто раз меньше, чем если я напишу, что просто видел это сам однажды осенью в районе Плещеева озера. Редко до крайности, когда настоящий художник вкладывает свое искусство в фотографию и дает нам художество случая. Потому редко, что нельзя надеяться на случай. Наоборот, очень часто крупный писатель пишет очерк, только пишет он снисходительно, поэмы, романы — вот искусство, а фото, очерку всерьез отдается поэт так же редко, как искусству фото художник. Поэзия случая или очерк хорош тем, что дает жизнь самого материала. Вот увидит мастер, обрадуется, вот бы сделать этот случай

событием, — хвать! а оно уже само сделалось: материал-то живой и говорит сам за себя. Переделывать — хуже будет. Поэзия случая (очерк) протягивает руку фотографии и фото — к кино.

...чтобы читатель вместе с автором побывал на Д. Востоке.

11 Октября. Прохладно ясное утро: наш сентябрь.

Вчера был у Круковского и просил у него «секретные цифры» пушнины, Круковский согласился, что за прошлый год не может быть секрета, но Батурин стал ему доказывать, что и это нельзя. — Вы говорите глупости! — ответил Крук. Батурин же продолжал доказывать из желания прислужиться. «Вы говорите глупости!» — повторил Круковск. И так несколько раз подряд. Батурин принимал на себя все падавшие удары ежедневно, стал плоским, вроде доски, перешел как бы в одно измерение и так существует. А впрочем, мне думается, он даже и не существует... (по всей вероятности, он тоже сумасшедший, хотя, возможно, что и хитрый...)

Рыба Прилипало (прилипает к кораблю и путешествует). И так все строительство (со всей бедой службы) теперь будто бы затормозилось плохой работой Дальлеса (через лес и уголь стал).

Завтра выезжаю наблюдать гон пятнист. оленей.

Купить $^{1}/_{4}$ чаю.

1 кор. мармелада.

12 Окт<ября>. Длинный кусок морской капусты навернулся и прибился на лаге три с половиной часа. Из-за этого лаг соврал[1], и капитан <*1 нрзб.*> неверно определился в тумане. Последствия: «Желябов» <*3 нрзб.*> Амурск, Уссурийск.

Можно было сделать 70 с чем-то рейсов, но явились люди с пристани и потребовали 111 рейсов. Эти люди

[1] Прибор для измерения скорости движения судна и пройденного расстояния, представляет собой вертушку, которую спускают на тросе за борт. — *Ред.*

вскоре исчезли, и когда явились налицо результаты перегрузки, то взыскивать было не с кого. 500 человек было, а один всех обманул, и потом ошибка всех 500 легла на капитана (он исчез на Камчатку).

Кореец плюнул в глаза русскому и сказал: «Моя могу, твоя не могу». Суд: обвинялся русский в руганье и что плюнул. Русский сказал, ругань производственная, а плюнул первый кореец, а я взял и тоже плюнул.

Капитан говорил: «Есть капитан дальнего плавания и есть капитан каботажного плавания, я капитан каботажного плавания, мое суденышко маленькое, но я держу его чисто, а кому-то хочется, чтобы у меня была грязь, кто-то старается... кто это? Вот если грузят сено и железо, если я нормальный человек, я буду сначала грузить сено и на него железо, но мне говорят: «Грузи вперед его!»

Воды нет, угля нет, час простоял. Где причина? В рабочих. Он незаинтересован, он не хочет работать.

Если чистое судно, без аварий чисто все лето, капитан получает костюм, штаны с разрезом.

13/X. Утро в Посьете (привелось еще!). Чуть рассветало. Я не спал и чувствовал привычную тоску и с ней желание и вместе с тем страх смерти. И еще бы не чувствовать, если переживаешь во второй раз ни за что ни про что раскулачивание. Потом я встал и как глянул в окошко... куда что девалось! все разошлось в себе, как туман, а там из утреннего тумана в предрассветной морской совершенной тишине выступали черные горы, черные суда...

Вечером ехали мы из Сидеми к Гамову, солнце село за высокую сопку, но пароход шел, сопки менялись, повыше, пониже, подальше голубые, поближе черные, и когда сопка была пониже, то солнце как бы всходило и опять заходило много раз, пока, наконец, не село совсем, и тогда на осеннем оранжевом небе стали там и тут вырастать силуэты лиц с волосами (лицо — из скалы, волосы — лес). Но не надо думать, что это был берег обыкновенный или острова, это был берег до того изрезанный бухтами, что

сопки казались как острова, и в несколько рядов, одно за другим, от черного до последнего голубого и оранжевого.

Травы пожелтели. Деревья пережили первый осенний расцвет и теперь, хотя многие не только желтые и красные, но и зеленые, все-таки обрели общий мертвенный тон!

Летний туман (морская капуста навернулась на лаг). Капитан кипит (см. выше). 500 обманутых людей ищут жертву и уже, было, произнесли не один раз по адресу капитана «оппортунист», но капитан не прост: ведь все пароходы на северной линии потерпели аварии, только «Желябов» ходит и какой чистый, все царапины заделаны. Маруся подает и улыбается, в кают-компании даже ГПУ шапки снимает во время еды, а если кто не снимет, Маруся прикажет. Дело в тумане: необеспеченные рабочие не работают (незаинтересованность — вот причина).

Мечтаю жить в Сузуки и ...

В 12 будем обратно в Троице, пусть даже в 3 д. буду у Андреевой, еще поснимаю.

14 Окт<ября>. 5 ч. вечера, ясно, ветер свежий с юга. Вероятно, ветер мешал гону, оленей не было, только видели двух оленух в овраге, стояли в тени. Быть может, слушали, ждали рева? Перед сумерками слышали рев одного и потом другого рогаля. По пути к И. И. Долгалю в Астафьево спугнули еще одного рогаля, вероятно, он почуял нас по ветру и быстро исчез.

Возвращались в темноте. Ветер продолжался. Звезды на всем небе. Летели гуси, вероятно, гуменники (валовой пролет в конце октября). Раньше гуменника (вторая половина сентября) летит китайский гусь (лебединый гусь). Казарки летят весной, а осенью возвращаются каким-то другим (неизвестным) путем. Ол (гордон) залаял. Какой-то зверь в траве фыркнул, узнал, это барсук. Я осветил спичкой. Г. Д. выстрелил по силуэту и попал. Барсук раненый шарахнулся. Он докончил его. Охота на счастье, с фонариком, без ружья.

Виноград весь красный, а ягоды черные. Иной дуб из молодых стоит тоже весь красный, и рядом дуб стоит совсем зеленый, и есть дубы, у которых желтые листья по-зимнему свернулись в трубочку. Одна трава пожелтела.

Свист всех оленух. Начало гона 27 Сент. Рогач из тайги к кормушкам — и его выгнали.

Умирающая оленуха забитая (плод, а может быть, она сама их не пускала?)

Дети: утки поют.

Скопа злая-презлая.

Конечно и тут на Фуругельме рассказы о самце, что был смелый самец и пр. Но давно прошла пора представлять *<2 нрзб.>*

Голубые песцы мчались под небесами с Командорских островов, прямо из Америки, на Соловецкие острова, и вот бы наших дедов поднять и показать аэроплан с голубыми песцами! И если иные звери так странствуют, как птицы, то можно ли удивляться, что с острова Кильдин за полярным кругом сюда, под 42 параллель на остров Фуругельм прибыл биолог Антоныч и нам за стаканом рассказал о жизни песцов на Кильдине такую историю, что жизнь тех же зверей на Фуругельме осветилась ярко и понятно.

Туман: кроме сарая ничего не видно. Переночевал у Суханова в Андреевской бухте. Со мной ночевали двое с морского поста, они пришли купить корову. Ночной спор с ними о больной чушке: гепеушнику непременно нужен виновник, а раз есть ветеринар Миролюбов, то значит он и виноват. Эта подозрительность в отношении интеллигента носит характер суеверия.

Рабочий Лу-вен по контрабандной тропе отправился в Маньчжурию за женой — всего только один день перехода, но у жены были ноги маленькие, в ступне полтора вершка: не могла идти и вернулась.

Рисовая сторожка. Егерь Том Цой, воспитанник Янковского.

Первый рев в этом году он слышал 9/X. По его словам: Сайки обязательно действуют, если им удается. Место гона: верх пади, ямка перед гривой. В 19 году из Сидеми и других оленников прислали на Гамов оленей в 5 пуд., и на хорошем корму они достигли веса в 7 $^1/_2$ пуд., и тоже благодаря хорошему соединению кровей. Теперь опять пятипудовые, причина в корме, и клещи размножились, изнуряют.

Старые пантачи сбрасывают раньше рога, значит, и панты у них лучше.

Зимой корешки трав, кору лип, ясеня, дуба.

Летом в сиверах, весной в солнцепеках.

5 вечера ясно, ветер свежий с юга и он, вероятно, мешает: оленей не было, только видели двух оленух, стояли в тени, быть может, они ждали рева, выслушивали? В сумерках послышался рев рогача одного, потом другого. По пути в Астафьево спугнули еще одного рогача, вероятно, он почуял нас по ветру и скрылся.

Возвращались в полной темноте. Ветер продолжался, небо звездное. Гуси летели, вероятно, гуменники (валовой пролет в конце октября). Раньше гуменника, во второй половине сентября, летит лебединый (китайский гусь). Казарки летят только весной, а осенью возвращаются каким-то другим неизвестным путем.

Собака Дулькейта Ол (гордон) залаял, фыркнул барсук, при свете спички заметили его силуэт и ранили, Ол доконал. На енотов и барсуков существует правильная охота с фонариком и собакой.

Дулькейт рассказывал, что сайки, бывает, стоят с матерью и рогач, стерегущий гарем, не отгоняет его. Бывает, напротив, за оленухой бежит саек, а сзади его рогач и саек покрывает оленуху, а рогач смотрит куда-нибудь в сторону. А то рогач погонится за другими, да и не вернется к своему гарему вовсе. А то случается из кустов покажется какой-нибудь ничем не замечательный рогач, а хозяин без всякого сопротивления просто уходит и оставляет свой гарем.

Виноград стоит весь красный, а ягоды черные и мелколиственный клен совершенно цветом как розан, дуб из молодых стоит весь красный, рядом стоит дуб зеленый, и есть дубы, у которых желтые листья по-зимнему свернулись в трубочки.

Что такое случилось, — в горах был свист всех оленух, не волк ли, или барс?

Начало гона, записанное Дулькейтом 27 Сент.

Рассказы Дулькейта:

В снежную зиму пробрался в парк голодный рогач — из тайги, дикий, все олени бросились к нему и отогнали от кормушек. Еще было, пришла старая оленуха умирать к стогу и умерла. На ней были следы от ударов копыт других оленух. Что, они, увидев умирающую, забили ее, или, может быть, она не пускала их к сену, и от того. Как часто бывает, оленуха была с плодом и, может быть, именно плод и был причиной ее последнего истощения. Как общее правило надо принять, что оленухи рожают до самой смерти.

Вечером, когда Медведица вытаскивала последнюю свою звезду из-за хребта с левой стороны нашего дома, в том самом месте, где кастрюлька Медведицы опиралась углом своим на гору, слышался рев оленя и очень редко повторялся и еще слышался рев от другого.

15 <Октября>. Олень ревел утром при звездах точно на том же месте, где вечером, и еще один напротив нашего домика и направо на той горе, из-за которой должно явиться солнце.

Я залез на лесенку и устроился для наблюдения возле крыши. На рассвете недалеко от сенного сарая показался черный и важный рогач, навстречу ему шла оленуха, и он пошел ей навстречу, миновал и разминулся с ней, как будто шел по своим делам дальше, но только она миновала его, как вдруг он перевернулся и за ней, она в рысь, и он, она во весь дух, и он тоже во весь дух, и так оба исчезли в кустах.

Направо у подножья горы, закрывающей восход солнца, в траве было несколько оленух, не менее десятка. Из этого стада вышли два рогача и стали подниматься по горе, медленно расходясь под углом, потом оглянулись и стали медленно сходиться, пройдут по два шага, станут и долго стоят... Между тем, внизу возле гарема, замаскированный от наблюдения высокой травой, обнаружился громадный рогач. Так являлся гон на рассвете: стадо оленух в траве под горой, и возле них ходит рогач, повыше на горе стоят два рогача-ассистента, неустанно следя друг за другом. Потом солнце вышло из-за горы, ослепительно засверкала трава, и наблюдать оленей на этой горе стало невозможно. На другой же горе рогач уводил за перевал оленух. В распадке, заросшем широколиственными кустами, слышался рев на все лады и просто и-и-и (свист) — о-о (рев) и ав-ав — вроде как бы ругался. Можно было понять, что издали не хватало много других побочных звуков рева.

Дома перед чаем Дулькейт обратил мое внимание на странный звук — в сенях вроде как бы ветер гудел о проволоку телеграфного столба. Этот звук прерывался, и опять гудело. Вот уже несколько дней гудит. Китаец-огородник сказал, что это к войне, но если уж отдаваться суеверию, то лучше бы надо было сказать, что от войны, потому что война Японии с Китаем уже началась. Дулькейт думает, что это где-нибудь застряла ночная бабочка бражник и, пытаясь освободиться, иногда гудит крылышками. Он рассказывал, что на Сучане ночью бывает столько бабочек, что явственно слышится шелест множества крыл.

После чая пошел в Старый парк, снимал против солнца горный камыш. Не доходя мыса Шульца сбился с тропы, но потом нашел ее и, перевалив сопку, увидел голубую падь и сторожку.

Вечером, когда Медведица седьмую звезду своего хвоста вытаскивает из-за хребта, опираясь углом своей кастрюльки на хребет, как раз в этом месте слышался рев рогача. Он очень редко повторялся и еще где-то слышался далеко, а больше ничего не было.

Утром при звездах на том же месте ревел олень и еще против места и направо. На рассвете возле сарая показался черный важный рогач, навстречу ему шла оленуха, и он пошел к ней навстречу и сначала миновал ее, но потом перевернулся и пошел за ней, она побежала и он, важный, черный, устремленно побежал за ней, и оба исчезли.

Направо у подножия горы, закрывающей восход солнца, в траве было много оленух, отсюда вышли два рогача и стали, восходя на гору, расходиться под углом, потом стали и начали медленно сходиться, пройдут два-три шага и станут и стоят долго. Между тем внизу между оленухами оказался громадный рогач — оленухи кормились. <*3 строчки нрзб.*> рев разнообразный — и-о-о и ав! ав! ав! (в темноте дерутся).

Конец.

Бражник чудит (китаец: война с Японией). Солнце поднялось и закрыло все, что делалось на сопке, только видно было, как рогач повел вверх оленуху <*1 нрзб.*> (ужасно сверкала роса) и на другой стороне оленуха стала уходить в кусты. В распадке слышался рев (гав-гав-гав).

Бражник.

Гудит!

Дулькейт-исследователь: энтомология — какое-нибудь большое насекомое: шелест клыльев. Скорее всего, это бражник... Позвали китайца (слова) — это перед войной: война Японии с Китаем. Осмотрели: бражник гудел.

Чем старше олень — уши длинней и голова длинней, лобовая кость шире и выпуклей, окраска темная с ясными пятнами, есть совсем темные — пятна сливаются в полоски, бывают светло-серые без всяких пятен (зимой) — только серые.

Весной на скалах показывается мох, любимый оленями — скользнет и упадет, а то нависший снег — зимой держит, весной обваливается.

Чистогоры.

Прорыв (голубь).

Объективно причина: оленуха наступила на крыло голубя — все 300 оленей бросились и прорвали сетку.

Лунною ночью олень виден, и к нему близко можно подойти, вплотную, п. что он чувствует себя хозяином — в эту ночь слышались сухие удары рогов.

Фазаны — добровольные куры.

Пейзаж теней в редеющей тайге: очень яркое солнце, и я узнал, что саек, по тени на его спине: уши и еще что-то — что? Пригляделся: саек.

1. Полная оленья семья.
2. Переход оленух через падь.
3. Двойная тень уха.

Пейзаж теней.

Опыт побега. Васил. Ив. Левчук арестовал.

С утра тепло и пасмурно, вечером сильный ветер и накрапывал дождь. В 5 в. Ив. Ив. Долгаль показывал оленей против Орлиного мыса. Возмущение: не могут быть оленухи в старом парке неоплодотворенными: рогачи рыщут всю ночь, и за ночь рогач пройдет все 18 верст парка в поисках оленухи в охоте (на следу такой оленухи заревел, а то заревел оттого, что она убежала или легла). Он и находит, но с другой стороны к ней подходит другой, более сильный. Гарем? Просто кучка оленух, среди которых есть охочая. Почему же он других-то не выпускает из гарема? А может быть, они сами не идут, а убегает охочая: ведь за ней надо долго ухаживать. Мы были на пастбищах против Орлиного мыса, на них деревьев нигде не было. В одном месте стоял рогач (где-нибудь оленуха? так и оказалось). А то паслись вместе 8 рогачей, это какие-нибудь неудачники. А то было (глядите на средний увал на гривке, вы подумаете, это камни? нет, глядите: сотня оленух), на другом увале и держалось много рогачей в связи с этим стадом. А тот, который, нам казалось, один стоит — за хребтом его оленуха, она к нему пошла на его сторону.

До 10 у. пасутся, а то уходят в кусты. Вот стоит группа деревьев, подлесок опал, и сами деревья светятся, красные, желтые, насквозь видно, кажется, собака пробежит

и не укроется, а вот испугались нас олени, мелькнули салфетками, и все в эту маленькую группу деревьев, и ничего не видно. А то была россыпь, скала рассыпалась, и силуэты камней на хребте были силуэты оленьих голов: это они выглядывали из-за хребта, мы узнали: слева был рогач, потом три оленухи, и последняя направо голова-саек.

Пьют очень мало. Хорошо бы полить такое пастбище (без деревьев) ранней весной; прежде всего это как очистка клещей (на одном теленке тысячи).

Стелящийся кустарник красно-огненного цвета, между ними кучка сухой травы и у самой земли зеленый — вот это зеленое и есть корм. Не будь снега, то этого корма хватало бы, но это не северные олени, они не могут из-под снега, или нужны деревья.

Оленуха бежит, бежит и ляжет, а он ревет (вроде как бы обиженно).

Саек-победитель: два сошлись и бились, а саек воспользовался. (Рогач увидел другого, язык на бок, бр-бр и пошел) так снимаются с якоря.

Олени в тайге во время гона на местах гнездования, а потом самцы уходят в глубину. Вот почему оленухи остаются в старом парке одни, а рогачи все собираются возле решетки (в надежде прорваться).

Сегодня утром точно такая же картина, как вчера, тот же рогач, стерегущий свою оленуху в стаде других оленух, и два рогача-ассистенты. Но вчера они закрылись солнцем (против солнца в полгоры), а сегодня продолжение: ассистенты дрались.

Увидать, как покрывает олень, очень трудно: за весь гон — раз.

16 <Октября>. На рассвете открылась мне с лесенки точно такая же картина, как было вчера: стадо оленух в траве, возле них рогач и выше на горе два стерегущие друг друга ассистенты.

Утро складывалось пасмурное, и я мог наблюдать продолжение оборванного вчера восходом солнца действия

гона. Ни минуты не сомневаюсь, что картина, совершенно подобная вчерашнему утру, сложилась случайно, что возможно даже и олени были не те, и говорю об этом только потому, что так интересно сложилось: точь-в-точь как вчера и при пасмурной погоде сегодня, я могу наблюдать продолжение вчерашнего действия, да, конечно, того же действия, хотя может быть актеры другие. Сегодня оба ассистента несколько энергичней наступали друг на друга и, наконец, сблизились и уперлись лоб в лоб. Вероятно, это были молодые рогачи, и бой у них был не всерьез: упираясь лбами, они в то же время вовсе незлобно как-то по-ребячьему пищали.

Вдруг раздалось резкое кокотанье: это прилетели два петуха фазана и опустились в огороде, совсем близко от моей лесенки. Потом, я увидал, протянула скопа и так близко, что я мог в бинокль отчетливо рассмотреть ее злющую физиономию. Наверно много бы я и еще чего интересного увидел в это утро, но послышался звонок телефона, потом крик: «Пароход в Слав вышел из Славянки», и в доме началась кутерьма.

Пароход уже был в виду, как вдруг директор совхоза Василий Иванович Левчук увидал меня и прямо забрал: как, я уезжаю так скоро! Неловко? Вот еще! Жить надо у него. Отдельная комната. Все готовое. «Познакомьтесь вот с этим зверем!» — и он представил меня очень полной даме, его жене Лидии Ивановне. Конечно, я согласился и очень обрадовался, тем более что главный егерь Иван Иванович Долгаль постарается показать мне гон во всей его силе.

Оленьи повадки в это время года такие, что около пяти часов вечера они выходят из кустов на открытое пастбище и так проводят всю ночь, а после восхода солнца начинают медленно стягиваться и к десяти утра все опять убираются в кусты.

Гамовский парк состоит из двух: Старого парка и Нового. Старый парк это, по существу, одна гора Туманная, которая со всеми своими падями, распадками представляет собой почти весь остров: Бухта Витязь с одной стороны и бухта Астафьевская с другой омывают шейку,

соединяющую горный узел Туманной горы, этот почти остров с Новым парком. На этой стороне шейки, где бухта Витязь, расположены все постройки совхоза, на противоположной, у самого берега Астафьевской бухты живет главный егерь и первый отбойщик старинный таежный охотник Иван Иванович Долгаль. Вот тут между этими двумя бухтами раньше и была сетка, заключавшая весь узел Туманной горы для оленей. Но мало-помалу олени, заключенные в определенном пространстве, поделили и повыбили корм, сильно размножились и от недостатка питания стали снижать вес. Тогда сетку перенесли далеко к Андреевской бухте, и этот парк стал называться Новым. Дулькейт мне говорил, что оленухи вообще неохотно выходят за пределы Старого парка, и он продолжает быть главным местом гнездования, напротив, рогачи держатся более в новом, и под конец гона даже всей своей основной массой держатся возле самой сетки на противоположном конце за 18 верст от оленух Старого парка. Из-за этого, говорил Дулькейт – возможно, что некоторые оленухи остаются неоплодотворенными.

<На полях:> *В 25 г. перенос сетки. Тех оленей (начальных) уже нет ни одного (все меченые) и оленей 2500 штук, из них 2000 оленух.*

Из Печеночного, Сидеми, Путятина привезли 500 оленей (примерно, в 21 году). В 25 сетку перенесли. В 28-м у артели (Филипчек, Ян Янковский, Конрад, Менорд, Шевелев) Гамов отобрали. Ян Янковский в Гамове (отец оставил 200 оленей, брат *<1 нрзб.>* выпустил их в парк и *<1 нрзб.>*.

Вот об этом предположении Дулькейта я и сказал Долгалю, когда мы вышли с ним в пять вечера наблюдать гон.

– Это он говорит! – воскликнул Долгаль таким тоном, как будто он был Цезарь, а Дулькейт Брут: «И ты Брут!»

– Так и сказал Георгий Джеймсович, что оленухи в Старом парке могут быть неоплодотворенными?

– Да, он это сказал.

— А не спросили вы его, отчего истощается рогач во время гона.

— Нет, не спрашивал: я сам знаю: рогач худеет оттого, что не ест почти ничего, мало ест и ревет.

— А главное, — подхватил Долгаль, — оттого, что много ходит, он все время ходит по следам оленух, по воздуху, с одного конца парка за 18 верст он может за ночь пройти в другой, где есть охочая оленуха. Возьмите любую точку времени, вот хоть сейчас, много ли в эту точку охочих оленух? Очень мало, а рогачи все в охоте и все рыщут, и у них следы на земле и ветер, ну как же им не найти, а ведь и она тоже не иголка и тоже, раз ей охота, незачем прятаться. Ах, Георгий Джеймсович! Рогач не ест, рогач ревет, рогач рыщет в парке из конца в конец. Рогач не человек, он не на службе, у него довольно времени, у рогача одна служба, одна мысль, как бы верхом сесть, а Георгий Джемсович нашел каких-то неоплодотворенных оленух!

Трудно было себе представить более расстроенного человека, чем Долгаль, и я начал сам колебаться в себе: а что, если я как-нибудь ослышался, как-нибудь иначе понял.

— Иван Иванович! — сказал я, — извините, пожалуйста, я спутал, это не Дулькейт, я вспомнил теперь: это сказал мне заведующий снабжением тов. Богданов.

— Богданов! — обрадовался Долгаль, — ну, это совсем другое дело, Богданов все может сказать.

Так мы перешли Малиновый ключ и мало-помалу поднялись на песчаный хребет Фермопилы. Тут на песке было множество оленьих следов, а вид открывался, пусть не с птичьего полета, но тоже хорошо, вид был с высоты тигрового или барсового глаза, когда эти звери залягут в камнях на хребте и смотрят из-за камня вниз. Да что вниз, пусть прямо смотрят, и то разве только по блеску глаза отгадаешь затаившегося зверя: такой ведь лоб у барса, что заляжет за камень, и будешь видеть только глаза. Нам был вид на бухту Витязь, тут через красивые и добрые кучевые огромные толстые облака солнце бросало на море лучи, и от этого было весело. А за перевалом виднелась

бухта Теляковского, и тут небо было все темное от синих туч, земля же была вся желтая, как песок, и на ней, на желтом, кое-где, как густо пролитая кровь, большими пятнами была. Только близко рассмотрев, можно было понять, что это стелющиеся кустики азалии с покрасневшими от осени листьями. Белые волны рассыпались о черные камни. Какое-то Томящееся сердце — такое название камня: будто бы камень этот от напора волн шевелится иногда, зато и назван сердцем. Задорный Орлиный мыс, весь убранный ажурно фигурными погребальными соснами. А желтое — это не песок, это пожелтевший горный камыш, если же наклониться и рассмотреть, то у самой земли есть низкая зеленая травка, и вот из-за этой травки на вечер олени выходят на открытое пастбище. Их переход из кустов бухты Теляковского к открытым пастбищам и из Астафьевской бухты ко времени нашего перехода был в полной силе. На пастбище против Орлиного гнезда стоял неподвижно, как монумент, рогач.

— Чего он стоит? — спросил я егеря.

— Где-нибудь тут есть оленуха, — ответил Иван Иванович.

А то паслись вместе восемь рогачей.

— Это что значит, почему они вместе и возле них нет оленух?

— Какие-нибудь неудачники. А вот глядите на средний увал, видите?

— Кажется, камни.

— Кажется да, а это оленухи, штук сто. Ну, так вот, и те восемь рогачей с ними в связи. Глядите, глядите, вот тот отдельный где стоит, видите?

— К нему подходит оленуха из распадка, вот другая, вот...

— Их там много в распадке, это все одно стадо, они в связи.

На увале и простым глазом были видны прямые и косые тропы, по тропе и с косых троп на центральную сходились олени, и было через это понятно, что все олени в связи, и все огромное стадо в сотни голов, разбросанное

в падях и распадках, в общем движется медленно куда-то дальше к Астафьевской бухте. Отдельные группы в этой массе формировались и распадались.

— А где же гаремы? — спросил я, — слышали вы о них?

— Слышал, только это один разговор, а гаремов никаких нет, просто кучка оленух, и среди них одна охочая, из-за нее и весь гарем, потому что не сразу она дается, а как далась, так и кончился весь гарем.

— Но почему же если какая-нибудь оленуха, любая из гарема, не только охочая, вздумает удалиться, рогач загоняет ее назад в стадо?

— Олени держатся стадом, зачем неохочей оленухе отбиваться от стада, может быть, убежать хочет именно та, за которой ухаживает рогач, и только выдумали, будто он всех держит. Да и то сказать, к ним разве в душу залезешь: мало ли по какой причине он держит оленух кучкой. Но только это верно, гаремов постоянных нет, и когда рогач достигнет своей оленухи, то зачем ему гарем. Добьется своего, понюхает воздух, уверится, что в этой оленухе нет ничего и сразу снимается с якоря.

Правда ли? Если правда, то все неверно, что писали о гоне оленей и что мы все знаем, будто у оленя-рогача оленухи составляют гарем, переходящий, впрочем, к другому, более сильному, после того как захватчик израсходует свою энергию.

— Глядите, глядите, вон вырвалась из вашего гарема, и он за ней летит.

Они прибежали к распадку, где высокая трава и деревья. Вот он настигает ее, но в последний момент она ложится на землю в траву, а он поднимает нос вверх, рога закладывает на спину и ревет.

Мне вспомнилось, еще о рогачах говорили, что будто бы они держатся больше и собираются большими стадами возле сетки на той стороне за восемнадцать верст от оленух. Почему так?

— Потому так, — ответил Долгаль, — что в тайге дикие олени после гона непременно отходят в более глухие, отдаленные кедровники. И тут тоже, когда закончится гон,

они мало-помалу, стремясь к выходу, соберутся на том конце пади.

Олень все равно что цыган, оленуха другое дело: она местная и не идет за ним, а как гон кончился — рогач идет в кедровники.

Скоро стемнело. Дул холодный пронзительный ветер. Последнее, что я видел в этот вечер, это на фоне красной зари виднелись силуэты камней россыпи, и оттуда, из россыпи, это оказалось олени смотрели на нас: слева был рогач, потом оленуха одна, другая и под конец саек. Но очень возможно, что это и не олени были, а только складывалось так из камней россыпи на фоне красной зари, обещающей ветер.

Получен был приказ рубить для экспорта роскошную, но еще не совсем спелую Власовскую дачу. Прочитав приказ, спросили мнение собрания. Все молчали, и когда приезжий заготовщик потребовал голоса, то кто-то сказал: «Отвечай, могут ли свести дачу местными силами». Кто-то сказал: «Раз приказано, то значит, можем». — «Как так можем, — возразил Ш., — сапоги нужны, полушубки, плащи, пища». После этого граждане все заговорили, и с тех пор всегда стало так, что во всяких делах Ш. начинал, и так он сделался вождем масс.

Любовь оленей в изображении Долгаля.

Ведь как ухаживает! Как он ищет, как рыщет, как ухаживает. Вот бежит, вот догоняет, вот бы взять, — нет! стал: как будто чисто по-человечески робеет, жалеет, и потом какая дружба. Но нет, не верьте оленю: под предлогом дружбы каждый рогач норовит сесть верхом.

Так говорит мне Долгаль, показывая мне из-за камня на оленей. Там через горное пастбище возле Орлиного Гнезда проходят олени. Движутся они медленно, на место хорошее.

Барсук и енот.

Барсук видом и повадкой похож на медведя, а енот на лисицу. Барсук злее енота, и собаке от него иногда здоро-

во достается. Енот часто замирает при нападении собаки, так что если собака не рвет, можно набрать живьем енотов. По словам Долгаля, енот зимует в барсучьей норе.

17 Окт<ября>. Ночью шторм NW, и ясно.

Два рогача пришли с воли и стоят у сетки в надежде попасть к оленухам. Инструктор егерей.

Фотографировал «Малиновый ручей» в красных деревьях (самый красный мелколиственный клен). Ветер обрывает красные листья винограда (листья хвачены морозом).

Сильный ветер, олени спрятались, но Малиновый ручей бежит как ни в чем не бывало в камнях, осыпанных кровяно-красными листьями винограда...

В $1^1/_2$ ездил на Поцелуе в Рисовую и через Улунчу (река и сторожка; долина Улунчу, где совхозное сено. Раскулачивание Покорного. (Чехо-словак, чушка—собака). Два графина. Зимний вид пастбища: все дубки засохли, и листья уже в серых трубочках, тогда как здесь (в Астафьевской долине) дубки зеленые только краснеют. Гамов вообще почти весь продувается сев. ветрами (мало южных склонов), мало-мальски укрыться можно в Запретной и Барсовой падях.

Вопросы: История оленья на Гамове (тех уже нет ни одного, п. что те меченые и при отстреле меток не было). Теперь всего 2500 из них 2000 оленух.

Вопросы к Левчуку:

партизаны за совет. власть, но против колхозов. Беднота, которая работать не хочет.

Егеря Покорного. На лавочке возле этой избушки против голубого моря отдохнул, потом пытался снимать погребальные сосны на фоне этого голубого, чтобы вышла Голубая падь. После этого спустился к ручью и в каменной россыпи потерял тропу. Перейдя ручей, задумал подняться на самый верх, идти дальше по хребту, как барсы ходят, по тому самому хребту, где некогда ходил барс, о

котором я записал интересный рассказ. По пути наверх не раз слышался свист и последующий топот спугнутых мною оленух, но рева рогачей не было слышно. Я не добрался до самого верха, потому что вслед за Голубой падью открылся вид на всю Запретную падь и рядом с ней на Барсову. Поснимав погребальные сосны с камнями на фоне моря в Запретной пади, я перебрался в Барсову падь, спустился почти к самому морю и без тропы перешел и с трудом одолел подъем по Барсовой пади, по Запретной обратно в Голубую. Солнце было уже над самым морем, когда я сел отдохнуть на лавочку сторожки Голубой пади. Пришел домой ночью при луне и застал полный разгром: как полагается, к Дулькейту набралось перед пароходом множество ночующих. Мне стало очень неловко, а тут Дулькейт передал мне приглашение студентов переночевать у них. У Дулькейта не было никакого умысла, но я принял как намек и решил уехать.

Ночью был шторм нордвест, но с утра ясно. Егерь доложил, что на том конце сетки с воли пришли два дикие рогача.

Так сама жизнь указывает способы обновления крови. И нужно сделать парк в самом обильном дикими оленями месте (Судзухе) и устроить так, чтобы дикие олени могли проникать к парковым оленухам.

Ходил фотографировать Малиновый ключ, который мне все как-то не удается снять хорошо. Горный ключ бежит, не обращая никакого внимания на ветер среди расцвеченных деревьев. Вот почему и не удается мне снять: впечатление цветовое так сильно, что не хватает спокойствия прочитать картину только и по свету и тени. Ветер обрывает хваченные морозом красные листья винограда, обнажает черные сладкие теперь после мороза ягоды. Особенно красивые розовые тона дают листья мелколиственного клена. И вообще я замечаю, что красного в здешнем осеннем лесу гораздо больше, чем у нас в средней России, где желтое сильно преобладает над красным.

В полдень на коне Поцелуе с Левчуком отправились увольнять егеря Покорного. Левчук намекнул мне, что

причина политического свойства, что Покорный, по всей вероятности, есть «чушка-собака». «Что значит?» — спросил я. Он ответил: «Чехо-словак».

Эта поездка дала мне представление о Новом парке. Долгаль дал схему распределения оленух в этот момент — Старый парк, 2 — Сеннокосная и до Рисовой, 3 — Юго-восточный склон от бухты Астафьево до Высокого мыса. Рогачи держатся более в Новом парке по западному склону в левой пади и пади Белинского по р. Улунчу и до Высокого мыса более по северному и частично по Южному склону (в летнее время). После гона возле сетки по северному склону.

В Рисовой мы узнали, что Долгаль только выходит ставить нового егеря-красноармейца на место Покорного. Они пошли туда по сетке, мы же заехали на Хутор возле Андреевской бухты, доехали до р. Улунчу и долиной сенокосной р. Улунчу, часто спугивая фазанов, доехали до сторожки Покорного. Как могут устроиться немцы в тайге! И как неожиданно и мгновенно вся эта идиллия была разрушена. Долгаль говорил, что Гамовский парк весь продувается северными ветрами, и оленям хорошо укрыться можно только в Старом парке в падях Голубой, Запретной и Барсовой. Парк в районе Улунчу был покрыт низким дубняком, широкие листья которого теперь уже были завернуты в желто-серые трубочки — какое обилие зимнего корма! если только не засыпет все снег. Эта зимняя картина пастбища совершенно изменилась, когда мы приехали к Астафьеву ручью, тут многие дубки были совсем еще зеленые и часто были с листьями, краснеющими лишь по краям.

Когда мы выезжали от Покорного, был сильнейший шторм, и у нас был спор, ехать ли нам через хребет прямо, где сильный ветер, или объехать. Решились ехать через хребет, но когда поднялись, там было тихо: ветер кончал.

Ветер стих совершенно. Утром наблюдал оленей с Долгалем, вечером один.

18 Окт<ября>. а) Стоят ясные ветреные и холодные дни. В 10 у. через горное пастбище возле Орлиного мыса

проходят олени и прячутся в кустах Старого парка. В пятом часу вечера они выходят снова из кустов и медленно движутся в район Астафьева, на местах, где есть корм — задерживаются, где нет — идут ходко своими тропами гуськом. Теперь на этих открытых пастбищах низко стелющиеся кустики азалии кровяно-красного цвета и среди всего желтого, всей желтой земли, кажутся пролитой кровью.

Стадо оленей одно, другое, третье. В большом стаде штук 70, среди них много рогачей и сайков. Вот один из рогачей направился к оленухе, она заметила и отошла, он за ней, она в рысь и то ныряет в одну кучку оленух — нет! он знает, какая она? и врезается за ней... Выбегает, он за ней, удаляются от стада, спускаются в падь, вот дерево, под ним густая трава, она ложится, он стоит и ревет скорее жалобно, чем грозно... И тут он дежурит долго, все стадо ушло, он будет до тех пор, пока она не встанет... В это время откуда-то со стороны из-за хребта показались рога, голова и весь черный громадный рогач. Он откуда-то идет и совсем один, быть может, он весь парк (18 верст) прошел в поисках, по следу шел, а может быть, ветер доносил ему запах, он идет, как будто знает, с сопки на сопку и прямо к тому дереву, где лежит оленуха. И когда он показывается, тот отступает, дальше, дальше... Новый становится на его место, а он, как этот, идет дальше, дальше в странствие.

Между тем стадо движется в Астафьево, и по пути постоянно рогачи ухаживают и гонят своих оленух до встречи с другим, более сильным, которому он обыкновенно уступает без боя...

Ветер летит, уши ловят, нос чует. Возле нас погуляли и остановились: впереди саек, в середине большая оленуха, назади оленуха поменьше. Старая оленуха верно определила место опасного запаха и шума, смотрела прямо на нас, младшая смотрела на Орлиный нос, саек просто вперед. Старая оленуха нашла возможность в виду дальности людей продолжить путь тем же осторожным шагом, но впереди стоял саек, она его толкнула — он стоял, тог-

да еще — стоит! нечего делать, она его укусила с досады и так, что шерсть полетела... Саек двинулся, и все пошли.

Вот бежит, бежит за оленухой, гонит, гонит ее, вот нагнал, и она остановилась, а между тем почему-то нельзя, он смущенно прямо по-человечески стоит и ревет почти жалобно...

Утром с Долгалем, вечером один. От м. Орлиное Гнездо мы дошли до Астафьева. На берегу моря сидел на камушке усталый от перелета кулик (вроде ржанки, по-немецки Regenlogen...) он потом пришел к самому дому Ив. Ив., его состояние я угадывал по своему собственному после поездки верхом на Поцелуе в Улунчу. Перелет вальдшнепов от 15/X до конца месяца. Тяга у них с 10 Апр.

Мало кто знает, что у енотов кал очень скоро высыхает скорее всего и потому, если вчерашний кал в клетках неубран, то непосвященному кажется, он тут месяц лежит. Но кто же знает особенности жизни уссурийской енотовидной собаки? Во всяком случае, т. Матвеев не знал и по этому своему простительному незнанию набросился на директора...

Полуостров Гамов в разных частях своих разными ветрами продувается и потому, хотя и на одной высоте, но жизнь природы в какие-нибудь 5—10 километров друг от друга бывает совсем иная: возьмем, к примеру, местность по р.Улунчу по Астафьевскому ручью.

В сопках р. Улунчу теперь лист дубовый весь в серой трубочке, а у Астафьева только краснеет, и очень много даже вовсе зеленого.

Барсук — и видом и повадкой своей похож на медведя, а енот на лисицу. Енот зимует большей частью в барсучьей норе (сказал Долгаль).

История Гамова: из Песчаного, из Сидеми и Путятина привезли 500 оленей (в каком году? кажется, в 21-м). Теперь их 2500. В 25 г. по предложению Долгаля сетки перенесли (Новый парк), а в 28 г. у артели (Филипчек, Конрад) Гамов отобрали. Как Юрка Янк. надул брата своего Яна:

оставил отец брату 200 оленей. Юрий подговорил сторожей, олени прорвались в парк, и Юрка их не отдал.

В субботу (17-го) мы ездили верхом на Улунчу ставить новых егерей и выселять Покорного.

Драки у оленей бывают в конце гона, когда остается немного непокорных оленух.

Ночью ветер доносил стук оленьих рогов.

Ведь как ухаживает! Кажется, чистая дружба, но, гражданин, дружбы, собственно говоря, нет никакой: каждый под предлогом дружбы норовит сесть верхом.

Иной олень не сразу попадает и вскакивает несколько раз.

Орлиный мыс и остров Томящееся сердце окружены погребальными соснами.

Снимок: старые манзы (мыс Астафьевский).

22 <Октября>. Возвратился во Владивосток.

Сегодня шел по улице Ленина — мостовая умощена камнями с кладбища... нашел имя своей невесты... как ссорились мы с ней из-за рабочего движения, я был революционер, она целиком была против рабочих и даже нарочно затыкала нос, если рабочий входил в трамвай. Я бессилен был объяснять ей, что при вере в новое будущее человечества исчезают запах и грязь рабочего человека, что не в этом дело... Довольно, пора и тебе на мостовую рядом с возлюбленной...

23 Окт<ября>. Утром (ночью в гавань не пустили) приехал с Гамова в город. Получил радостную телегр. о Пете. Денег у меня 1800 р. Через неделю выеду и в полов. Ноября буду дома. Сегодня хлопоты: белье, столовая, номер, комбинат.

Гон.

12 Окт. выехал на Желябове («Капитан Желябов») Вас. Ив., матрос: «Жизнь была никуда не годная, а матросы на

удивление, нынче жизнь отличная, а матросы — вырождение». — Красота? вы говорите о чайках, понимаю. Все это туман — дунул, и нет ничего. На берегу, край — это да, а на море — вот вы, вот я, Желябов, и пристал к берегу, шапки снимали, поклонился, и нет ничего. Пар! Чайка!

13 Окт. После ночевки в Посьете на пароходе поиски Кувасаки в Зарубине. История с ГПУ и с молодым мотористом (текучесть, итал. забастовка: бесконечная сеть). Старый опытный моторист увез в море. Ночевка у Суханова (в Андреевской) с двумя морск. гепеушниками, купившими корову в совхозе.

14 Окт. Пешком на Гамов. Гепеушники и корова. Том Цой — егерь, преемник Янковского, жизнь оленя в его рассказе. Встреча с Долгалем (флюс). Встреча с Вас.Иванов. Левчук <*1 нрзб.*> Юлия Ивановна на увале. Беседа с Дулькейтом. Поход с ним в Астафьево. Гуси, барсук, съедобные <*1 нрзб.*>. Звезды.

15 Окт. Утро по лесенке. Гон. Рев. Фазаны. Обход падей (Голубая, Запретная, Барсова). Сюрприз у Дулькейта (полон дом гостей). Моя подозрительность: Дулькейт хочет сплавить, и решение уехать.

16-го. Утро в ожидании парохода. Левчук не пустил. Водворение в Совхозе. С Ив. Ив. в бухте Теняковского.

17-го. Ветер. Утром беседа с Долгалем. В обед поездка к Покорному верхом.

18-го. Утро с Ив. Ив. в бухте Теняковского прошли до Астафьева, и завтракали. Вечером ходил сюда же самостоятельно.

19-го. День отдыха. Это не работник, кто отдыхает в день отдыха и считается с 8-ю часами рабочего дня.

20-го. Голубой день. От Орлиного до Теняковской.

21-го. В Алексеевской сторожке. Блуждание в тоске возле самого края (как оказалось, распоряжение по телефону было...)

Лоскутов егерь, пароход с <*1 нрзб.*>, пробег. Устройство с пропуском и пр.

22-го. В 12 д. выехал.

Гон.

Туманная гора — это узел, связывающий всю землю от бухты Витязь до б. Астафьева, все пади и сопки, все распадки с большими и маленькими ручьями и просто вечно мокрыми камнями.

Есть скалы, из трещин которых, как из слезниц, незаметно влага собирается и мочит камни, как будто скала эта вечно плачет. Не человек это, камень, и не чувствует, а я не могу не сочувствовать, и мне кажется, будто скала плачет, как человек... Я прилег на скалу эту отдохнуть, сердце мое билось, и мне казалось, будто это в скале сердце бьется... Не человек же это, скала! но вот как же хочется быть с людьми, что скалу за друга считаешь.

И она знает, сколько раз я, страдая, восклицал:

— О, хитрец, зачем же не взял ты ее за копытца!

Коровы голландские огромные выдвинулись из кустов, загородили путь и стояли, смотрели черными глазами и белыми большими бровями-пучками. Такие были глаза, будто это из самой земли смотрело то самое чрево, из которого образовался и сам человек. И казалось, глаза говорили: «Пусть я при помощи человека стала голландская, но все равно я корова, родня твоя...» Даже Матвеев заметил эти глаза, задержался на них на мгновение, погрузился куда-то в бездну, но скоро выбрался из нее и подумал: «И при таких коровах они сидят голодные и жалуются!» Между тем, коровы эти давали только $^1/_2$ литра.

Драка оленей бывает сильная в самом конце гона, когда остается немного непокрытых оленух. Тогда ветер с гор ночью часто доносит сухие удары рогов. Долгаль однажды попробовал разнять и подошел, так вот один на него бросился, пошел, но, в конце концов, струсил. Дикий олень никогда не посмеет броситься на человека, но домашний теряет уважение и очень опасен.

Скала <*1 нрзб.*> сердце, а мне было так, будто вся скала как сердце мое жило и билось <*2 нрзб.*>.

Рогач — певец (из распадка).

Сайки стали лбами, а теперь сели друг на друга, и тут я почувствовал, что сам я рогач.

— И прощай...

Скала пропускает ручей: и <*1 нрзб.*> у моря в тень.

Свистун.

В кустах перед выходом на пастбища свистун (токовал) так-как-ка-ка.

Косые лучи солнца: олень чешет рога.

Ветер кончал.

Звук: свист и <*1 нрзб.*>, во всяком случае, нам музыка, а может быть, и вся культура (лирика) — пол, т.е. вся культура есть звук от задержки пола.

У И. И.: пантовка и жизнь.

Семья камней и хребет и оленьи головы промелькнули.

Оленья тропа: горные камни...

Пропасть.

Такая отличная тропа, что забываешь подумать — человек доверчиво...

Красота — это не значит, что в ней непременно обещана тебе хорошая жизнь, совсем нет...

Все — сосны, море, олени, все голубое и море, и небо, а горы (от близких малиновых до фиолетовых, и те далекие голубые. Как я счастлив. Оленья тропа у обрыва, ведь это оленя!

В глубине, в черноте плеск.

тепло. В горах под звездами стон...

Тонкие стебли с пустыми метелками злаков, среди них горный камыш, ниже их желтые листья остр<ых> мет<елок> и под ними зеленая трава (желтая, красные азалии).

Обложили.

Гон.

1) Я шел по горной тропе, сохраняющей дорогу от Алексеевской сторожки к Совхозу, олени шарахнулись, в

кустах замелькали их салфетки и рога. Но одна оленуха выдумала себе не бежать, а затаиться, полагаясь на свою защитную окраску. Я подошел к ней на 20 шагов и стал. Она двинула черными губами, свистнула по-человечески и убежала, но не туда, куда все.

2) Бывает, услыхав шаги, олени верно определяют по слуху место стука и бросятся в противоположную сторону, а одна растерялась, не может определиться сама и пропустила тот момент, когда можно, не думая, просто бежать, имея в виду белые салфетки других. Вот она-то и затаилась (см. 1).

3) Переходя с Орлиного гнезда увалами, я спустился в бухту Теняковского. Море было спокойно. Из кустов на распадках слышался свист и рев рогачей. Я определил по слуху место, где ревел один рогач, и решил пробраться к нему низом распадка в расчете, что ветер будет пролетать над оврагом, и я подберусь вплотную. Тихо, почти не шевеля гальку ногой, я подошел к оврагу, и когда завернул в него от моря, лицом к лицу встретился с оленухой, она стояла в тени, падающей от скалы к ручью, и, по всей вероятности, пила воду. Она коротко свистнула, и эта короткость свиста выражала то же самое, когда мы, кругло раскрыв рот, вдыхаем в себя в ужасе букву А. И этот короткий свист и мгновенное исчезновение не потревожили свистуна-рогача, к которому я намеревался подойти: он свистел и ревел. Из распадка я тихонечко выбрался наверх и затаился в кустах. Страшно мешал мелкий дубняк с сухими скрученными листьями. На березах лишь кое-где висели желтые, почти белые листики, мелколиственный клен стоял в ярко-красной рубашке, и через все это виднелось синее море и на нем «Томящееся сердце» с погребальными соснами. Олень свистел направо... Я мучился с дубняком... попал на оленью тропу. Какое счастье! Он свистел резко, а ему отвечал... Потом вроде курицы. Неужели так у фазанов? Свистун подходил сзади — понюхал мой след и скоро ушел... Другой остановился и стал чесать рога о дерево... Солнце впилось... и глаза особенно кроткие оленьи долго... все протер и лег. А токовик? Увидел его... Ка-ка-ка... мимо

промчалась незаметная оленуха, а рогач остановился как вкопанный: я успел [снять?] пенсне, поставить скорость, щелкнул раз, два... и лишь тогда ужас его отпустил (оленуха стояла с хитростью: не заметит! он стоял в ужасе). Олень-токовик ходил... Когда ушел, я увидел, маленькая, почти белая оленуха стояла в высокой траве, и почему-то я вспомнил ту китаянку с маленькой ножкой, которая не могла идти, и мужа-контрабандиста — трепет (вот она-то затаилась. См. 1).

Катер тащил шесть <*1 нрзб.*> с ивасями.

На всем пастбище, на всей желтой сопке наверху стояла одна, одинокая погребальная сосна, и от нее резкая тень неподвижная была.

Как рогач на чистом месте перехватил оленуху, совсем как в горелки, и догнав — ничего и даже отошел.

24 Окт<ября>. Хлопотал о номере, обеде, в зверосовхозе опять почуял, что Батурина нет, хочется крикнуть: Батурин! (Разложение: деревня + разложение человека. Матвеев похож на шулера, поумней всех (промблема).

«Промблема» двух уволенных егерей (не Левчук ли спроворил, а то почему же: «не боги горшки обжигают, и в 25 л. командовал армией»).

Вечером был Феклин: помзав морбазы.

Вот еще: когда Литвинов упомянул Мантейфеля, Матвеев оговорил: «не Мантейфель, а массы». Следовательно, борьба с «личным» проникла в глубочайшие недра «масс». «Разве дело в единице, — сказал т. Матвеев, — дело в массе, мы должны расценивать единицы с точки зрения целевой установки в плане общей наметки творчества масс, нам не единицы, а нужно взять массы под упор».

25 Окт<ября>. Гроза (единственная и то...).

Тайфунчик. В садике на ясени и на мелколиственном клене трепещут последние листики, но пирамидальный тополь весь цел и зелен. Точно так же много сюрпризов можно встретить и по месту: там на юру кончилась всякая

жизнь, а где-нибудь под защитой гор сохранилась в полной свежести виноградная лоза...

Всем на свете известный евангельский рассказ о вере в горчичное зерно, достаточной для того, чтобы человек мог привести в движение гору, у нас в настоящее время во всем СССР повторяется в словах: «нет объективных причин». О, как я искренно всей душой приветствую.

Кто у нас в СССР теперь не знает, что для человека в его творчестве нельзя ссылаться на «объективные причины». О, как я это приветствую. И кажется, из всех евангельских рассказов с детства всех ближе мне было о вере в горчичное зерно, достаточной, чтобы человек повелевал горами, а не ссылался в своей слабости на объективные причины. Но признаюсь, что чем старше я становлюсь, тем проклятые объективные причины, сцепляясь одна с другой, как звенья железной Кащеевой цепи, неумолимо подводят меня к объективным причинам. Вот кусок морской капусты без умысла буржуазии и влияния Тихого океана случайно встретился с пароходом «Желябов», намотался на лаг, и лаг соврал.

— Разве это не объективная причина? — спросил я «Желябова».

И он мне ответил после раздумья:

— Нет (следует рассказ о том, как он победил 500 человек).

После большой грозы стало, как у нас, ясно, чисто, явились нежные разноцветные облака, и перспектива гор стала во всех тончайших переходах от голубых к фиолетовому и опять к голубому небу и морю, разделенная белым горизонтом. Но к вечеру подул ледяной ветер. И так это всегда на Д. В.: после теплого дождя непременно холод, ветер, мороз. И сколько дней снега, столько потом ветра.

Вечером был у Конст. Георг. Абрамова и ел ветчину из пятн. оленя. В лице его туча идет на заполярн. зверокомбинат и его героя Батурина. Никто не отрицает, что Матвеев может оказаться просто актером и даже беспартийным.

Это явление (вопреки такому плотному коллективизму, что без глаза и осуждения рюмки водки не выпьешь) могло произойти будто бы вследствие того, что Пушсиндикат наследовал от Госторга его навыки (выспросить детально у Абр.). По словам Абрамова теперь место Пушсиндиката должна занять кооперация.

Инфантильный романтизм: на фоне погони за длинным рублем в атмосфере авантюризма, халтуры и охотничьего инфантильного романтизма явился проект островного звероводства.

В чем сила Батурина? [NB. Есть натуры: уступая, оскорбляясь в глубине души, оскорбляя, унижая себя своей трусостью и подлостью, лелеет мечту этим отступлением дождаться падения врага своего и своего торжества.] А между тем, дела никто не знает и каждого «актера» легко обойти охотничьим виноградом. Так обошел Батурин Никитина. А людей нет. Ученых от работы сбивают постройками (переделывать старую фанзу). Собрать материалы о распадении испыт. станции. Лозунг: «полупарк!» И теперь возможно возвращение к мелкой ферме оленьего хозяйства. Еще цело 5% знатоков этого дела.

Желудь — все едят (и рябчики).

Олени — к самой воде.

26 Окт<ября>. Тихий, холодный и чрезвычайно яркий день, каких в это время никогда не бывает у нас. Ну, просто диву даешься, что при таком ярком свете многие деревья стоят совершенно без листьев или с остатками желтеньких.

Так вот почему цвета осени здесь такие яркие: свет не такой.

(Суббота 1-е — Воскр. — понед. — 4-го ехать во вторник.)

Еще вот что: вчера утром была гроза очень сильная, стеной дождь, а вечером холод, мороз такой, что с трудом просунул кувшин в бочку с дождевой водой.

Лес

Стрижи на горе — так всё: наши стрижи, но только наши поменьше, наши не так сильно визжат при полете, и

так все будто чуть-чуть сдвинуто с места, вот тоже дрозды показались совершенно как наши, но наши трещат, а эти как-то по-своему.

Кедровка трещала, провожая какого-то зверя.

Море при помощи тайфунов сотни тысяч лет било в скалу и добилось жизни: скалы растрескались, и оттуда вышли цветы, а потом и дубки. Море добилось жизни, но что это за жизнь на скале! Те дубки, что были ближе к морю, и думать не смели поднять головы вверх, они росли лежа, ползли тонкими стеблями прочь от моря и были похожи на волосы, гладко расчесанные на голове. Эти волосы-дубки чем дальше, тем выше поднимались и еще дальше достигали роста человека, но выше роста человека на скале никто не смел подняться — чуть повыше и засыхал. Так у людей семьи бывают: дети растут до <*2 нрзб.*>. В этих сухих и густых дубовых зарослях, в то время когда на полях еще... прятались летающие фазаны, а за ними лисицы охотились.

1) Туман в невидимое состояние.
2) Восход солнца много раз.
3) Поклон тигру.

Путь.

Лес по Арсеньеву: величеств. кедры, прекрасный молодняк, тополя с узловатыми сучьями — 300 лет <*2 нрзб.*>, гигантские липы <*6 нрзб.*>, черная береза, ель, пихта, граб <*5 нрзб.*> в зарослях крушины, бузины, черемухи.

Приметы для другого искателя: путь пройден.

Фанза Лувена с двухскатной крышей, опирающейся прямо на землю, два окна заклеены бумагой, скребки, лопаточки, берест. коробочка и пилочка для выкапыв. женьшеня.

Изобразить анимизм по примеру Журавлиной Родины: родств. внимание Лувена.

Река, стесненная горами, и «Щеки», и борьба за свободу.

Безымянный ключик.

Даурские камни.

Обрыв — древняя речная терраса.

Образ — является (его нельзя притянуть), когда художник, чувствуя целое, — и нелепо себе его представлять (напр., океан: видеть нельзя всего), — всматривается в деталь, и в этой детали, в этой частности ему является целое (напр., он видит на море пустой челнок и начинает думать, что человек утонул, но человек спал и вдруг поднимается, берет весло и ведет челнок против океанической волны; и вот в этой борье человек <*1 нрзб.*> океан.

Образ — это явление целого в частном, значит, образ предполагает в художнике чувство целого и сущего.

Жизнь чужая и своя, бывает, сходятся, и оттого чужую жизнь можно понять, как свою, и на себя самого посмотреть с чужой точки зрения. И эта острота сближения бывает иной раз так сильна, что не только себя и по себе начинаешь людей понимать, но и всю жизнь, как Лувен — животных, растения, скалы (бывает, как скалы рушатся и проч.) — все не чужое. И этот стон рогачей я слушал в себе, узнавал, как что-то родное, да — <*2 нрзб.*> — не раз и сам ревел.

Не прекращу благодарить за то счастье, что создался Лувен, сколько человек прошло, пока создался в человеке его эти «люди», такой «люди», что совсем и не виден тот ствол человека, на котором создался и вырос этот цветок «люди». Но я же сам видел оленей в грезах, обрастающих плотью своей поэзии, и знаю, как создался олень-цветок, что и «люди»...

«Схватил»

Тропы китайских охотников и тропы зверей, изюбрей, кабарги, коз, пятнистых оленей и горала до того схожи между собой, что не охотник легко спутает. Так вот, одна человеческая тропа шла по звериной и вилочкой расходилась, люди шли вверх, где растут одни только кедры и <*2 нрзб.*>, где одни только каменные россыпи: там,

в россыпях, живут соболя, звериная тропа, по которой и я пошел, в этот раз спускалась к узкому перешейку, отделяющему гору Оленью от моря: на горе этой в распадках были для оленей самые лучшие пастбища. Я шел по этой оленьей тропе и скоро совсем забыл, думая, что не по звериной иду тропе, а обыкновенной человеческой, и так я обманулся в забывчивости, по тропе оленей я попал на отвесную скалу: голый камень, и в расселинах лишь кое-где красовались (погребальные сосны) пинии. Внизу, в дальней глубине, на дне этой горной расселины кипело море, забегающее сюда лишь с одной стороны. По скалам сидели рядами бакланы, ары и чайки, залетел орел и, сделав круг, удалился. У меня закружилась голова, и я едва успел схватиться и удержаться за ствол пинии: если бы она вырвалась, то и я бы полетел в белую пену, взлетающую высоко по черному к белым птичьим базарам. Так я ошибся с оленьей тропой, но бывает, и олень ошибается. Бывает, он придет на это место в гололедицу и сорвется — это бывает! я находил не один раз расхватанные хищнически остатки разбившихся горалов и пятнистых оленей. Да, они тоже ошибаются, и бывает даже у испуганного оленя роковой прыжок.

Вот случилось, та самая оленуха с простреленным ухом повела сюда маленького на прекрасное пастбище и вывела его на пастбище, не открытое, но все-таки сверху орел усмотрел. Это был, вероятно, тот самый орел, что покружил внизу над птичьим базаром, взмыл наверх и увидел на пастбище Хуа-лу с маленьким. Я только что с оленьей горной тропы кое-как перевалил через кряж в эту Барсову падь, и мне открылось сверху: у куста, как мертвый, пластом лежал олененок, а мать Хуа-лу встала на задние ноги, передними отбивала орла. Я выстрелил сверху, орел упал. Хуа-лу на мгновенье замерла, чтобы понять событие и, увидев меня, свистнула: и со всего маху бросилась... В кустах, вероятно, было много оленей, но их было трудно разглядеть. Я обошел... дубовая вилка от удара оленя разошлась, но тут же мгновенно обратно сошлась и зажала ногу у самого копытца.

У них бывает. Раз я нашел скелет оленя в чаще, кости туловища были внизу, а голова висела наверху, и рога были так запутаны в лианах и ветках, что и теперь, через несколько лет после гибели, с трудом удалось их вызволить. А то раз оленуха стала на задние ноги, потянулась за дубовым листком и кого-то испугалась, ошиблась, голова ее попала в развилок, и я нашел висящим еще теплое безжизненное тело...

Вот и тут Хуа-лу, не доглядел я, обречена была на погибель. Я издали узнал ее по дырочке на правом ухе и стал подбираться: она лежала с раскрытым ртом, серый язык висел на боку, из маленьких черных губ выбивалась белая пена, глаза навыкате безумно белели. Я бросил винтовку и полз осторожно, *<2 нрзб.>* и неловкое движение, она соберет последние силы и сломает свою хрупкую ногу, нет! я должен был незаметно подползти и сзади сразу схватить за оба копытца.

Ну, вот, я подполз и схватил двумя руками за две ноги *<1 нрзб.>* копытца: мне дуб помогал, и я обе задние ноги крепко связал кожаным ремнем. Я пояском прикрутил ее передние ноги к шее, примерился поднять на себя, но не мог. Потом я долго обламывал кусты, где свалился орел и, верно, много раз проходил мимо олененка: он слился с землей, покрытый и своими собственными и солнечными зайчиками, я на него наступил, и он не поднялся, он был как неживой, но я его хитрость понял, тоже связал и отнес к матери...

Мы скоро вернулись сюда, срубили носилки и вдвоем кое-как с трудом донесли Хуа-лу.

Прибой моря — это часы и такие сроки...

С этого все началось. И так всегда настоящее жизненное дело начинается случаем, похожим на сказку. Я это много раз у других замечал, и вы только вспомните, вдумайтесь, как, друг мой, у вас началось. Да, я знаю, конечно, надо уметь, надо быть готовым, надо учиться и даже план держать в голове, но роднит нас с целым не план, а

случай и как ты сам в этом случае — умел схватить свою судьбу за копытце...

Целебные свойства широко известны в примерах, и я в Зусухэ был не первый оленевод: просто был известным, и Лувен меня знал...

1) Очерк Владивосток.

2) На базе.

Жизнь разбивается на две — досуже-поэтическую и буднично-деловую, потому что мы разделяемся в себе надвое, и так было давным-давно, а новый человек Дерсу Дауров должен быть целым, и жизнь ему должна быть единой, и его деловой взгляд на вещи должен скрывать в себе поэзию, а поэтическое воззрение его быть деловым. И вот еще что! жизнь разбивается на две, потому что мы распадаемся в себе на великих людей, двигающих историю, и на «быдло», наше, дремлющее в своем болоте, все от этого. А новый человек Дерсу Дауров является не отдельно великим, а только именным описателем великого безымянного освобождения из недр нашего «быдла». И еще последнее — что я, автор бумажной затеи «Новая Даурия», если только не имею намерение просто обмануть рабочего человека сказкой во время досуга, а оживляю этой бумажной затеей и самую жизнь, я должен всем своим «животом», как только могу...

Конечно, бывает в отдельных случаях, что человек безобразит в природе, и ничего не остается от него на траве, кроме обглоданных косточек и гадких бумажек. Но это случаи, и, как правило, вот, например, взять большой город: вот именно в скрытых недрах большого города, в его муках и судорогах создается мечта и сила для созидания новой Даурии. Чтобы это не умозрительно только, а прямо по себе <*2 нрзб.*>, хорошо жить где-нибудь на окраине большого города, видеть...

Возможно, при нынешнем человеке без того, чтобы в какой-нибудь мере не смешать поэзию с правдой и не выдать одно за другое, совсем и нельзя и что это вообще и не

беда, но только при одном, конечно, условии, чтобы сам поэт обманывался, а не обманывал сознательно других...

...мягкие, у других сухие, и 1-й становится на ноги, и другой с сухими не бьет его, а тоже становится и ногами...

Хороший самец волку не дается.

Хромой укрывается во время пантовки (около дома), хромой от браконьеров.

1883 — Старцев купил остр. Путятин и стал сельско-хоз. (овцы) *<3 нрзб.>* и оленеводство.

Итак, рогач идет... (его путь, его тропы). Утро у оленух: они идут в кусты, большое стадо (500 голов); распределить стадо в 500 голов между Орлиным гнездом до Теняковской (в распадках, в горном камыше, наверху, где азалии, наверху, где одна сосна и ее тень, на Орлином мысу в связи с расщеплением сосен... В связи с ветром (переход, напр., из Голубой, Запретной и Барсовой падей в бухту Теняковского и проч.). Оленухи, распределенные в «гаремы», в разной степени готовности к coitus'у[1], и потому все рогачи в ожидании, могут и подраться, возможно, из ревности рогач старый загоняет в гарем и «подругу» (гарем — это невеста и ее подруги); точно так же со стороны самцов (рогач-жених и его враги). Среди этих гаремов одна эта самка, по следу которой шел тот рогач...

Мнение Долгаля: олени были бы сыты и этим кормом, если бы не снег, закрывающий мелкую травку (этот олень не может, как северный, разбивать наст), обрекающий оленя на полуголодные веники...

Начало описания: странная картина, ничего не понятно. Манера научного сомнения. Рассказывая, все *<1 нрзб.>*, хоть чуть-чуть, да привирают, и это вполне естественно, потому что каждому хочется дать какую-нибудь личную оценку бесстрастным фактам жизни, поступающим в сознание, каждому хочется быть судьей и давать явлениям жизни свои собственные имена и качества. И каждый имеет право быть таким творцом качества, но только не

[1] спариванию.

каждый, а даже очень немногие знают *<1 нрзб.>* границу исчерпывающего знания о предмете, пройдя которую явление можно расценивать от себя, не задевая его самого... Но где же граница? — это раз, и второе — тот, кто дошел до границ знания объективного, не хочет говорить от себя. И так выходит, что любуются явлениями обыкновенные люди, сравнительно мало знающие о них, и потому все более или менее своими личными суждениями задевают факты и, значит, врут.

Я избегаю такого вранья тем, что не касаюсь в описании самих фактов и явлений, я касаюсь их, лишь поскольку они пришли в соприкосновение со мною: я их описываю вместе со мной, как тень себя, а себя самого я могу описывать совершенно правдиво. И потом еще можно ссылаться на источники: рассказывал такой-то человек, при таких-то обстоятельствах... Например: самый опытный егерь Ив. Ив. Долгаль...

Рассказываю то, что сам видел своими глазами, а о чем слышал, буду так и говорить, что слышал это от такого-то человека. И мое предисловие затем, что иные глупцы говорят, будто я пишу от своего имени и ношусь со своим «я», а нужно, чтобы у нас не было «я» и ничего субъективного, а все объективно. Вот именно затем и пишу от себя о том, что видел своими глазами, из-за правды, из-за этой «объективности», это мой личный материк, а то, что слышал от людей, то буду на них ссылаться и так опишу жизнь пятнистого оленя гораздо верней и правдивей, чем если бы я писал объективно об олене, которого не мог изучить в три месяца.

27 Окт<ября>. Если завтра достану билет на четверг, то возможно ли собраться? 1) Остричься, 2) Купить пищи, икру, булки, сыр, шоколад, сахар. Возможно. Перенести вещи к Борисову завтра же к вечеру.

Если остаться, то дней: четверг, пятница, суббота, воскрес., понедельник = 5. В пятницу поехать в Майхе, пробыть субботу, воскресенье. Попробую ехать.

Абрамов (Конст. Георгиев.), Горовой, Яворский и Елисеев — один сибирский тип. Мы говорим о ином человеке «провинциал» и понимаем в этом ограниченность кругозора интересами данного места. Но тайга разве не ограничивает, разве таежный человек не является, в свою очередь, в известном смысле провинциалом? И вообще сибиряк?

Здешние особенно интересуются, какое впечатление оставил на меня Д. В.[1] Это потому, что им опереться не на кого, нет авторитетных лиц (поэтов, писателей), кто бы растолковал эту природу.

Всякий нормальный человек обладает естественным самолюбием и, если он притом молодой, горячий, то очень легко так задеть это самолюбие, что молодой человек вон из кожи полезет, чтобы кого-нибудь перегнать. Его отличают и он, истратив свое лучшее, дорожит этими отличиями. Таких людей называют ударниками.

Долгаль и Коренев таким образом очистили енотовую ферму, и когда дело шло к концу, явились 5 человек студентов и тоже начали работать на ферме. Они рассчитывали тоже попасть в ударники, но...

В Приморье нет того ровного времени, которое у нас определяют в одном слове, например, зима или осень, лето, весна.

У нас снег и мороз разделяют год на два времени года: холодное и теплое; кроме того, много значит и свет, так же как холодное и теплое, можно сказать, темное и светлое время. В Приморье снег мало имеет значения, старожилы замечают, что сколько дней идет снег, столько же дней потом бывает и ветер, сдувающий снег. А то вдруг в январе так тепло станет, что не только снег, а в одной рубашке ходят. Точно так же и свет определяет время скорее даже против нашего в обратную сторону: в летнее время, когда у нас наступает царство света, здесь туман, а осенью, когда у нас тьма, тут над желтой засохшей землей является солнце, и такой свет является, такие он создает зритель-

[1] Дальний Восток. — *Ред.*

ные чудеса из неба, моря и уцелевших остатков летнего растительного покрова земли, что...

Особенно хороши такие поздние осенние дни на Гамове, туманной горе, где скалы покрыты редким для Приморья изящнейшим деревом — погребальной сосной...

Рогач шел по следу оленухи, постоянно наклоняясь к земле и проверяя. На широких прямых оленьих тропах он не наклонялся для проверки к земле, а бежал. Но когда раздваивалась тропа, останавливался и проверял след, узнавая, куда прошла оленуха...

Так самцы ходят, рыщут целые ночи, утром до 10 часов и ничего не едят, а от десяти до четырех вечера стоят в кустах, свистят, протирают рога о деревья, валяются в грязи и тоже много едят. От ходьбы, рева, постоянного расстройства всякого рода они худеют, и так этот гон у зверей, их любовь, скорее болезнь, чем радость, а если и не болезнь, то мучительная растрата избытка жизненных сил.

28 Окт<ября>. Все окно разукрашено резными цветами мороза, собрались тучи, и полетел снег (а давно ли гроза?).

— Куда мне с маленьк. цыплятами деваться, ноги поморозили.

— А не надо поздних цыплят выводить.

Но и это не зима, не осень, а какой-то уступ, после которого снова будет так, что хоть в одной рубашке ходи, и так проходит вся зима неровно, капризно...

Делаю попытку купить билет на четверг 29-го, если выеду, то 9-го ноября буду в Москве (самое дрызглое время).

Вчера по Левиным следам достали билет (Софья Моисеевна на улице, как рыба в воде: торговое иудейское племя). Перешел в 4 д. за китайцем к Тр. Мих. Борисову (Нелли и Лиличка). День был холодный, но тихий, солнце

показывалось и пропадало. Ночью хватил сильный ветер и стих к утру.

Борисов рассказывал, что при переселении на Амур в тайгу — там, под гнилыми пнями, было полно тараканов (рыжих). Тайга, между прочим, есть также и родина рыжих тараканов.

Б. послал шкурку горностая к известному классификатору млекопитающих С. И. Огневу, горностай оказался новым подвидом, вследствие чего Огнев к видовому имени Mushela ermonca присоединил еще также и фамилию Б. Через это присоединение горностаю имени, Б. получил всеобщую известность, между тем, как сам Б. по-прежнему остался никому не известной личностью, и я, например, узнав от самого Б., что горностай Mushela Б. происходит от открытия, горячо поздравил и тут же с ним подивился, что открытый горностай... может являться носителем имени человека.

Сегодня шел по улице Ленина (около Версаля), и вдруг мне как будто буквы какие-то явились на камнях мостовой, я остановился и действительно увидел буквы, а рядом были целые слова, вырезанные на камне: «Упокой, Господи!» и через несколько камней: «прах Зинаиды Ивановны». Стало понятно, что мостовая сделана из плит уничтоженного Покровского кладбища. Церковь наполовину разобрали... Некоторое время я задержался, разглядывая там и тут отрывки слов и по ним восстанавливая целые фразы, вроде «Покойся, милый друг, до радостного утра». Так нашел я, наконец, половину имени своей невесты, которую когда-то потерял в сутолоке жизни и потом долго искал с ней встречи. «А что если это действительно она?» — подумал я и последовали дальше воспоминания: как ссорились мы с ней из-за рабочего движения и грядущей революции, я был революционер, она целиком была против рабочих... и даже нарочно затыкала нос, если рабочий входил в трамвай. Я бессилен был объяснить ей, что при вере в новое будущее человечества исчезает запах

и грязь рабочего человека, что не в этом дело. И вот, мне казалось теперь, опять наш спор продолжался (я говорю ей, это виноваты китайские каменщики), и обрывок ее имени, перенесенный с Покровского кладбища на мостовую, упрекает меня, гражданина рабочей социалистической республики: Довольно, мол, пора и тебе на мостовую рядом с возлюбленной.

Островное хозяйство началось из-за никчемности площади островов — деваться некуда им! и рядом соображения о выгоде звероводства на островах: не надо больших расходов на проволочные сетки, на охрану; а также, казалось, и в отношении эпидемий — звери на острове гарантированы от проникновения заразы. Теперь остров облеплен рабочими, потому что им выгодно иметь базу ближе к производству.

Есть люди, которые отводят или тупят глаза, если смотреть на них, вовсе не потому, что бессовестны, а просто потому, что не хотят состязаться в упорстве. Теперь, когда тупить и отводить глаза от нахальных глаз стало невыгодно, эти люди заставляют себя глядеть в упор, но при этом взгляд их как бы раздваивается и очень [напоминает?] филера...

29 Окт<ября>. Прохладный, тихий и чрезвычайно яркий день. Море холодное и уже неласковое в это утро — в обед сверкало, ласкалось, голубело, как летом.

Снимал «кладбище под ногами».

Покровское кладбище, Японские и укрепления.

Покупка икры, балыку, прощание с Борисовым.

Вагон. Неполадка с билетом. Появление «ботаников». Конфеты московские. Китаец с пальчиками.

(Выехал домой.) (Путевые заметки.)

Общество охраны уважения к слову в Китае. Прежде нельзя было в уборную нести газету из уважения к слову, но теперь начинают понемногу пользоваться. ...Все эти мои восхищения перед китайской культурой, страной и людьми не нужны... это вторичные переживания фило-

софии народнического демократизма и социализма (тоже под другим соусом). ...История феод. Китая есть история самых кровавых восстаний. Существует особая форма истребления: истребление полное, включая кошку и собаку.

30 Окт<ября>. Лунная ночь в Уссур. краю, белые пятна первой пороши. Появление приятных берез. Рассвет чистый, безоблачное утро над желтой землей (седые зеленя и чистые березы).

Снег медленно нарастал, и около Хабаровска земля была им почти уж скрыта. Но солнце светило по самому весеннему. Да, пусть сибирские ветры приносят стужу, мороз и земля покрывается снегом — свет солнца *<2 строки нрзб.>* у нас весна света в конце Февраля.

Китаец сидит, усердно читает «Правду», изучает ленинизм.

1 Ноября. Утро. Ерофей Павлович.

Восход: море молчаливо-фиолетово. Ерофей Павл. считается теперь худым местом — некуда человека деть и сюда малые речки местные стали.

Говорят, до Москвы такая же погода: ясно, легкий мороз, тихо.

Просмотр негативов: бесцеремонность, вытекающая из чувства: я хозяин, наше дело.

Желтые сопки, нечесаные — кому их, впрочем, чесать? в долинах замерзшие, остекленевшие речки, временами сверкают заревом...

Ведьмедь (краснознаменцы и китайск. революционер).

Тихий вечер, деревенька в 10 домов распустила дым между сопками.

В солнечный день по солнечной стороне улицы в ярко-зеленом с синим отливом платье шла девушка быстро и...

Евражки (суслики).
Ангара и Байкал.

Тайга (руку гложет) — рассказ о родине и отце.

Якуты (не охотятся) (моряки, <*1 нрзб.*>).

Тунгусы — охотники (в мешках, <*2 нрзб.*>)

Нерпа на Байкале.

Коломянка <*1 нрзб.*>.

Горячий ключ.

Рассказы про медведя: все рассказы кончаются байкальским медведем (и волки), отсюда переход к «у деда под бородой» и отсюда переход к «человеку» (Елецкий медведь). Ведьмедь.

Волки (ящик и зимовье).

Копытца и глухари.

Соболя (Петины и Лувен).

Невер (Алдан — золото — Ерофей Палыч — Геолог — Казаки — Рассказ об отце («Ведьмедь»).

Амур (Амур, Амур, какая река! поток крови и пота. Китайцы и месть).

Сколько раз обернулось колесо вагона под нами, пока поезд из Москвы пришел под 42-ю параллель во Владивосток? В голове же человека больше колес, и они там, в голове, еще много больше прошли. Впрочем, конечно, голова голове рознь, каждый о своем думает, иной просто спит всю дорогу...

...в тени. Он сел спиной ко мне и стал чем-то усердно заниматься. Может быть, он обедал? Я решил обождать и потом подойти к нему и разговаривать: пусть поест себе, ничем не смущаемый, свою благословенную и единственную пищу чумизу. Насекомых не было, я задремал, и прошел целый час. А кореец все в той же позе сидел спиной ко мне и чем-то спокойно и усердно занимался. Теперь я подошел к нему и увидел у него на коленях маленькую собачку. Это он выбирал у нее блох. И я думал, вспоминая прежнюю Русь с ее непритязательными мужиками, что этот кореец еще много прежде живет теперь того покорного русского мужика, что и в то время и, вероятно, когда еще и я не был на свете, наши мужики все-таки не доходили в жизни своей до той последней корейской простоты

и потому и тогда не имели возможности тратить часами время на то, чтобы выбрать блох из собачки. Все кругом говорят, будто корейцы очень плохой народ, японцы держат их в рабстве, и там у них они хороши, а у нас они хамят. Но я посмотрел этими глазами на свой собственный народ, как иностранец посмотрел, и подумал: кто же лучше, мы или корейцы? Но что китайцы лучше нас, это бесспорно.

Продолжение рассказа о винограде и чумизе. Кореец ест чумизу, а коза внизу ест виноград. Когда же здесь были французы, то бочками увозили виноградный сок, потому что в этом винограде особенный букет (такая экзотика!). Корейская и китайская культура, быть может, хороши на месте, где существует перенаселенность страны, и грядка вырастает, как необходимость. Но здесь, на огромных пустых пространствах, требуется американский подход, широкий. Садоводство возможно: яблони с трудом, но в иных местах американское яблоко очень урожайно (с Канадой очень похоже). Груши. Мичурин иностранные сорта прививал к уссурийской дикой, и выходило очень хорошо. Вишня не растет, но слива отлично. Кусты смородины и других ягод на зиму зарывают в землю.

У нас на Майхе было ясное утро, но с моря к Владивостоку подходили туманы-пары, встречаясь с горами, они должны были подниматься вверх и там охлаждаться и, охлаждаясь, падать за перевал, и там вновь испаряться и опять охлаждаться. Женщина стояла на скале и ожидала, не развеется ли туман и не увидит ли она там внизу китайца с какой-нибудь провизией. И вдруг, как бы по ее просьбе, туман побежал, и открылась внизу улица, там шел китаец, совершенно как представляя собой аптекарские весы: с длинным коромыслом на плече, на концах коромысла по большой чаше и в чашах картофель. «Ходя!» — крикнула ему женщина с горы. А туманы, поднимаясь, вовсе очистили гору, и постепенно выше женщины показывались козы, коровы и на самой вершине козлы и быки.

...успел добежать откуда-то целый табунок оленух, и с ними два старых шишкача и саек с одним тонким и смешным рогом. Ни одного оленя не показывалось со стороны старого парка, в который по болотистой долинке вела оленья тропа, совершенно черная по зеленому с определенным раздвоением: одна веточка вела на берег Майхе, другая в ту сторону, где Майхе своим лиманом обнимала скалу, погруженную в Уссурийский залив. Старый парк теперь был пустыней: зеленели в нем только несъедобные травы, и на их все-таки зеленом фоне всюду торчали черные прутья ощипанных дочиста молодых деревьев. И когда одна оленуха, проходя к кормушкам этим кустарником, потянулась к одному зеленому листику, и в этот момент я ухитрился щелкнуть шторкой своей фотокамеры и снять оленя и конечно испугать его, то заведующий с большим удивлением подошел к зеленому листу и стал его разглядывать. Он удивлялся тому, что всего за какие-то три дня со времени удаления оленей в новый парк успел явиться новый лист. Пока все это происходило, Иван Францевич и трубил и сыпал из мешка в кормушки сою. Теперь олени собрались в большой табун у кормушек, а из кустов являлись все новые и новые. Я уже привык видеть издали в лесах и на горах и отдельно кормящихся оленей и их табунки, я привык смотреть на них непременно в бинокль, укрываться даже и на значительном расстоянии. И вот удивительно, что когда эти прекрасные и таинственные существа плотной массой окружили нас, то прелесть оленя-цветка нисколько не уменьшилась от их близости. Среди этих оленей нашлось несколько выкормленных с рук, к ним свободно можно было подходить и гладить, как собак. Все олени привыкли к собаке Тайге до того, что почти не обращали на нее никакого внимания, и только изредка какая-нибудь оленуха-мать молниеносно бросалась на нее, стараясь ударить передними ногами. Но Тайга и от барса умела увертываться, Тайга вдвоем за уши держала молодого секача. Но все-таки и на старуху бывает проруха. Что-то укусило Тайгу в самое нежное место и так больно, что, уткнув голову в область хвоста,

наморщив нос, зубами часто стала, как это делают собаки, подбираться к блохе своими частыми зубами, как едет парикмахер машинкой по волосатой щеке. Одна молодая оленушка обратила внимание на беспомощное положение Тайги, шаловливый огонек блеснул в ее прекрасных оленьих глазах, она осторожно, неслышно, как пойнтер, подошла и вдруг одной ногой, этой острой вилочкой, дала Тайге по спине. Конечно, Тайга опрометью бросилась прочь, я, к сожалению, следил за Тайгой, смеялся и не видел оленуху, между тем, теперь мне положительно кажется, будто слышался смех... с той стороны. По всей вероятности, это Иван Францевич смеялся.

Иван Францевич нарочно тонким слоем сыпал из мешка сою, чтобы олени не сбивались в кучи, а распределились во всю большую длину кормушек и, таким образом, создалась «бесконечность» в перспективе кормящихся оленей. Оленята в это время, справедливо побаиваясь попасть в давку больших, общим табунком собрались в стороне на долине, некоторые из них нетерпеливо посвистывали, очень похоже, как иногда коршун свистит в высоте. Когда соя была съедена и олени стали расходиться не спеша, матери сошли к оленятам, некоторые тут же кормили, но по большей части медленно уводили их в Новый парк.

В скором времени старый парк будет совершенно закрыт для посещения оленями и оставлен в ремонт. Предполагается новый парк не допускать до такого опустошения и перегнать оленей в третий парк и создать переменное пользование в трех парках.

Если оленей можно созвать трубой для подкормки, то это называется полупарк, а если олени содержатся исключительно на домашнем кормлении, то это — домашний питомник. Здесь, в Майхе, соединяется полупарк с домашним питомником, потому что весной, когда все олени выходят в парк, пантачи остаются в питомнике до тех пор, пока у них не срежут панты.

И вот какая выгода оленю, если он живет здоровым, со всех сторон тогда ему являются помощники против

слабых. Во-первых, у более сильного скорей вырастают панты, значит, он скорей других выпускается в парк и там нагуливает против и без того слабых, сам, и без того уже сильный, новый избыток здоровья и сил. Такому оленю легче и зиму перенести, и на осенних боях во время рева, конечно, он бывает победителем. По всей вероятности, и в человеческом быту тем самым объясняется примета о том, что если кому-нибудь счастье повалит, то оно так и продолжает счастливцу валить, против несчастного, на которого, как на бедного Макара, все шишки летят.

Операция срезки пантов имеет то же значение, как всякий сбор урожая, и тоже, как урожай может погибнуть от дождя или огня при неосторожности, так и драгоценные панты могут быть смяты и разломаны при неумелом обращении с оленем.

В среду 19-го было предназначено для срезки пантов восемь оленей. Егерь Иван Францевич поопасался позволить мне посмотреть, как он распределит предназначенных для спилки оленей по денникам, ведь малейшая неосторожность, подчас даже щелчок спуска шторки фотокамеры, может быть причиной того, что олень взовьется и обо что-нибудь сломает свои драгоценные панты. И даже заведующий не принимал участия в этой подготовительной операции.

Отбор пантачей надо представлять себе таким образом: среди тридцати всех пантачей восемь имеют спелые панты, как же брать их и загнать в денники? Иван Францевич, закрывая и открывая разные воротца в разделенном перегородками общем для пантачей дворе с кормушками, сделает, наконец, так, что оленям останется единственный ход, если осторожно нажимать, в сараи с длинным коридором, по обе стороны которого распределены денники с открытыми дверцами. Все олени, войдя в коридор рано или поздно, если егерь нажимает, должны войти в денники. Егерь идет вслед и денники закрывает... В каждом деннике есть окошечко для света, но самое главное, что каждый денник имеет выход не только в коридор, но и в оба соседние денника. Представим себе, что в каком-нибудь деннике сидят

два пантача, один из них годится для срезки, другой годится лишь через две недели. Егерь подходит к этому деннику и, осторожно и ласково уговаривая: «Мишка, Мишка, Мишка! оленя, оленя, оленя!» старается как можно ласковей разлучить их, так, чтобы один вышел или оба вышли из этого денника, но только в разные выходы. Вслед за этим он закрывает в деннике дверцами нужного оленя и вовсе выгоняет во двор оленя с неспелыми рогами.

Так в течение какого-нибудь часа все восемь оленей находились под навесом в полутемном коридоре, запертые в денники, а другие пантачи гуляли в окружающий панторезный сарай дворах с распределенными в нем кормушками.

Мы думали начать операцию часа в четыре, когда солнце бывает против панторезного станка, и значит, можно будет фотографировать с большой скоростью, например, такие моменты, когда олень, освобожденный после спилки пантов, делает колоссальный прыжок и, получая полную свободу, уносится в парк. Но недаром у меня так странно горело лицо, и я как бы предчувствовал опасность самую неопределенную. Вскоре начался тайфун и сильнейший дождь. Фотографировать стало невозможно, и я упросил товарищей операцию отложить до утра. Трудно это было потому, что олени должны были без воды провести ночь, но решили дать им в денники мокрой травы.

Вот это уже можно рассматривать в этой капризной природе как закон, что после тайфуна с дождем на другой день бывает чистый свежий воздух, легкий для дыхания и радостный. Так случилось и в этот раз. Правда, утром против станка все равно не было солнца, но в солнечный день и в тени можно снимать с значительной скоростью. Мы взяли большое эмалированное блюдо для спиленных пантов, продезинфицировали пилку, которой режут металл, и вставили ее в обыкновенный лобзик. Захватили карболовое масло, карболовую кислоту и отправились собирать дорогой урожай.

Кроме завсовхоза, теперь панторезa и егеря, с нами было три практиканта, но панторез и егерь вдвоем могут при

нужде сделать всю операцию, и я буду рассказывать, как будто все делали двое.

Панторезный станок.

Начинается с того, что егерь открыл в коридор дверцу того денника, где находился предназначенный для операции олень, а сам быстро вошел в соседний денник, откуда начал уговаривать оленя ласково: «Миша, Миша, выходи!» В это время на том далеком конце коридора, где находится панторезный станок, панторез следит в дырочку за выходом оленя из денника, а я стою за щитом на противоположном конце, очень близко от денника, из которого должен выйти олень. Этот большой деревянный щит висит передо мной, и если нажимать на него, может свободно двигаться и так погонять оленя в его движении к месту операции. В щите есть дверца, через которую егерь может войти на другую сторону щита, впрочем, он также может из денника очутиться по сю сторону щита, переходя из денника в денник боковыми ходами. Ну вот, Иван Францевич сейчас в деннике, соседнем с оленем, и старается выгнать его в коридор. Что он там делает, мне не видно, и мне, и оператору с другого далекого конца коридора видна только открытая дверца, через которую должен выйти олень. Полная тишина и тревожное напряжение, потому что олень — ведь это почти дикий зверь, и из диких особенно чуткий и пугливый, и он почти птица и, прыгнув, всегда может или ногу сломать или разбить драгоценные свои панты. Он может многое сделать, если его испугать, и до тех пор, пока он не в станке, все еще неизвестно, чем это кончится.

Все восемь виденных мной через щелку оленей вели себя по-разному. С одним было так, что покажет из денника голову со своей коронкой и спрячет. Егерь выбегает в коридор, затворяет денник, перегоняет в другой денник, и оттуда олень не хочет выходить, и так долго, а насильно выгнать, опасно. И был олень, который, выйдя из денника, со всего маху ногами ударил в наш щит, потом разбежался и еще и еще. Самый удивительный олень был тот, который, выйдя из денника, спокойно пошел себе в сто-

рону станка. Все остальные стремились нажимать слегка в сторону нашего щита, и мы с егерем, в свою очередь, нажимали, двигая щит до тех пор, пока олень не входил в панторезный станок. Да и как же ему не войти, если сзади щит нажимает, а сам панторезный станок ничем почти не отличается от коридора, по которому уже так далеко и так благополучно прошел. Бывает, однако, особенно чуткий олень, он ложится перед самым станком, и возня с таким оленем, настоящая борьба бывает долгая и трудная. Но, вероятно, это очень редко бывает. Нормально входит олень в станок, оператор же, следивший за ним в дырочку, открывает тихонько свою дверцу сбоку и ею сзади закрывает за оленем, отступление его из станка. Впрочем, оленю нечего пугаться этой дверцы, по всему длинному коридору за ним двигался щит. Олень вошел в станок. Оператор для верности прикрыл за ним дверцу и нажал рукой на рычаг. Тогда с обеих сторон станка, в который вошел олень, две длинных узких доски повернулись на петлях и сжали оленя с боков. Сейчас еще у него есть возможность освободиться от этих ужасных досок прыжком вверх, пожертвовав своими пантами, может быть, и ногой, он может еще выбить закрывающую спереди дверцу, но как раз вслед за тем моментом, когда его сжали доски с боков, панторез нажимает на второй рычаг, и под оленем проваливается пол настолько глубоко, что ноги его болтаются в воздухе, опоры нет, он висит. Когда прогремел второй рычаг, егерь быстро вылезает в калитку щита, открывает дверцу в станок и садится оленю на спину. В тот же самый момент оператор посредством блока поднимает переднюю крышку в станке, и вся картина плененного оленя видна на белом свету. Если видишь эту картину впервые, то чувствуешь себя вроде как на море: качка не бьет меня, держусь я молодцом, но внутри бывает как-то гнусно. А может быть, олень и не так страдает, как представляешь себе его душу по своей человеческой? Пусть так – мы человеки, но зато насколько же олени ближе нас к природе, и какой это вдруг выходит контраст с природой, если ноги болтаются в воздухе, тело лежит на боковых досках, на спине сидит

Иван Францевич и ремешком за стаканы пантов крепко притягивает голову к плашке. Передняя доска открывается, в тот самый момент <олень> сознал всю невозможность освободиться. Один стонет, другой кричит, третий храпит, язык его какой-то серый и страшный, на боку, он тяжко дышит и очень часто как бы отравлен стрихнином и задыхается, у иного оленя все горе в глазах и все, даже спилку пантов, он переносит без малейшего стона и звука. Был совсем удивительный олень, старый пантач, который, поняв положение, отдался без всякой борьбы, и когда в его персикового цвета налитые кровью панты впилась пила и кровь фонтаном брызнула, и я в этот момент спустил шторку фотокамеры, он покосился на меня с моим крошечным аппаратом, и так это было странно, что даже оператор заметил, и после мы вспоминали вместе, как он покосился на такую безделицу...

Для спилки пантов нужно всего три-четыре движения пилой, панты кладутся на блюдо, на срезанное место накладывается марля с карболовым маслом.

...после того нажимают рычаг, управляющий боковыми зажимами, олень проваливается, чувствует там почву под ногами, упирается, делает прыжок... К этому времени я приладился уходить назад за станок, чтобы видеть <его> летящим на фоне неба. А еще потом я пробрался наружу к той калитке, через которую олень со срезанными пантами должен выбежать в парк. Ведь он с прошлого года из-за этих своих пантов сидел в неволе и теперь впервые получает свободу. И тут, конечно, из этой калитки некоторые делали прыжки не меньшие, чем из станка.

Жаль только одного, что они еще не знали о новом парке со всем его богатством и разнообразием трав и бежали в парк старый, где трава была начисто выбита. К вечеру они, однако, узнали о новых открытых богатствах парка. Вероятней всего, в старом парке сохранились солончаковые травы, до которых оленухи большие охотницы. Несколько десятков оленух пошли в старый парк за солью и там встретили пантачей с окровавленными шишками. Около этого времени мы обходили парк и остановились

на некоторое время, наблюдали, как бурундук, полосатый и гибкий, бегал по дереву, пищал по-птичьему в страшной тревоге. Вскоре мы нашли его маленьких бурундучат, довольно проворно бегающих между деревьями по выбитой, как ток, оленями черной земле.

Вот тут, посмотрев в бинокль, мы заметили, что из старого парка в новый шли две оленухи с оленятами, за ними шел один из тех пантачей, которых сегодня оперировали, и за пантачом шла еще одна оленуха с олененком. Все можно было понять так, что оленухи пошли в старый парк на солончаковые травы и встретили там окровавленных пантачей. Когда оленухи нализались соли и собрались уходить на богатое разнотравье в новом парке, пантачи, достаточно голодные, робко пошли за ними. Конечно, и оленухи не просто шли, их переход открытыми местами — целое представление: тихо идут, как бы на пружинках, оленята пугаются малейшего шороха и всего, что представится, все эти причуды матерям приходится проверять. Но гораздо робче, неуверенней в новый парк шли пантачи, может быть, и потому, что там они еще не бывали, а может быть, их пугала возможность повторения там еще раз пережитого утром ужаса. Переход в полкилометра потребовал с полчаса времени, а там показался еще новый отряд оленух, ведущих другого пантача. Этот пантач перед кустами решительно уперся, как будто ожидая выхода из кустов какого-то ужасного зверя. Но это не хищник шел, а оленуха навстречу процессии, ведущей пантача. Она шла в другую сторону, потому что наелась и возвращалась сытая с полным выменем молока к своему новорожденному олененку, спрятанному в кустах.

Браконьеры: самый главный был Кочергин — за сто руб. пулей на сто шагов разбивал стакан на голове брата. Был убит тремя пулями егерем-корейцем, который, получив за голову от охот. общества и опасаясь мести, бежал в Корею.

Лисицы: три брата, один из них, захваченный на острове Аскольде, связал два бревна подштанниками, лег между бревнами и угреб через пролив 8 верст.

Браконьер Страхов был убит в перестрелке на остр. Путятине, егеря зарыли труп у берега и шлюпку испортили и ушли. Тогда оставшиеся браконьеры выкопали гроб, добыли из него гвозди, починили шлюпку и уехали.

Собака спасла. Недалеко от Майхе жил у хозяина молодой парень на заимке. Раз он уехал в город, но вспомнил, что забыл вернуть хозяину ключи. Вернулся, видит, на дворе жеребец, глянул в окно, там хозяин на коленях, а хозяйка убита. Он привязал своего жеребца к чужому, жеребцы стали драться, разбойник вышел посмотреть, а работник его ломом убил. И второго убил и вошел: хозяин убит и с ним третий разбойник. Замахнулся ломом, зацепил за матицу, выбил нож. В рукопашную. Ослабел. Девочка. «Спусти собаку!» Прибежала собака и загрызла разбойника.

Катамаран — индийское судно, к лодке параллельно кусок дерева, бревно. Не перевертывается: браконьер на катамаране.

Усы тигра. Есть, правда не у всякого тигра, один ус, с которым во всем можно достигать себе счастья. Вот почему в поисках счастливого уса у мертвого тигра все рвут все усы, отчего тигра везут всегда с хорошо завязанной головой.

Вальдшнеп живет и размножается в сырых распадках в дубняках. Весенняя тяга бывает в апреле, осенью с собакой охота случайная, потому что пространства огромные и определенного места для высыпки нет.

Фазан возле азиатской пашни и на пашне по долинам рек в бурьяне. Часто при снежных зимах уходит в Китай. Это ходовой фазан, идет в табунах штук по 100 и больше, отчего и неохота его разводить. Ходит в ноябре перед снегом. Весной возможно и возвращается, но массового возвращения, подобного уходу, не приходилось замечать: вдруг появляются выводки до 15 штук. Во второй половине сентября петушки уже взматереют. Собака должна быть и осторожная и нажимистая. Сеттер хорош или дворняга, которая и маленькие заминки делает перед фазаном, не бежит после выстрела, и хорошо потом собирает.

Ходовая коза. От местной козы ходовая отличается, она поменьше и более желтой окраски, шерсть короче. Идут из Китая к нам в теплые зимы табун за табуном, и больше все по хребтикам гор. Охотники их убивают тогда в день по десятку.

Трехлинейка — любимое оружие, ею бьют все, до тигра. Мушку делают на ней яблочком, обматывают ее снизу кожей, чтобы видна была только головка, и на бегу можно было сразу схватить. Ложе укорачивается, облегчается, прицел делается с охотничьим щитком. В комбинате теперь есть разные старые ружья, маузер, манлихр, винчестер, патронов новых нет, частые осечки.

Бекасы с 20 Авг. от Угольной до Никольска, обыкновенный бекас и Даурский двойной, даурский на сырых горных пастбищах (по-нашему дупелиные места).

Утиные перелеты на Ханке и в Посьетском районе на границе с Кореей.

Уменьшение дичи колоссальное: не соблюдают сроков, никто не спрашивает билета.

Выгора — большие неприступные болота возле Ханки, на них гнездится вся птица и тучами по радиусам разлетается на пашни. В 28 году раздавали порох для отстрела, а то птицы вовсе уничтожили рис. Запрещение весенней охоты во время посева может привести к полному уничтожению посева: утки на рис, гусь на овес и пшеницу.

Охотник Перебейнос село Гайворон возле Ханки.

Охотник Гаври Грушниц самый замечательный рассказчик, недоезжая Спасского, дер. Прохары, слезть на раз. Кнорринг Юдина назвать Сережей Гречиным.

Барс, которого зарезал Богоявленский (перед собакой стыдно было уйти) был при Неро, а Петро в это время был болен.

Скверная котлетка.

Семья барсов жила на Туманной горе в Голубой пади в нескольких десятках саженей от тропы егеря в россыпи, укрытой зарослью. Этих барсов выследил Конрад, понявший, наконец, что барсы ходят непременно по становику, с которого можно наблюдать в обе стороны. Так поймали

старого барса капканом, нашли молодых, из которых один был выращен Янковским и ходил за ним, как собака. Звали его Самсон, из его замечательных штук любимая была прыгнуть в сторону и залечь за камнем, какой у барса лоб, весь назад, и так выходит, что ничего не видно, одни только глаза глядят из-за камня. Самсон жил несколько лет и возможно жил бы и теперь, но случилось, его хозяин съел где-то какую-то скверную котлетку, и от этой котлетки у него началась язва в желудке. Так рассказывают, но вероятней всего язва в желудке у него уже давно была, а скверная котлетка была последним обстоятельством: после котлетки Янковский вскоре умер, никто не мог кроме него управлять Самсоном, и от того барса убили.

Остров Стенин (между Рикордом и Римским), в 29 г. туда пустили две пары соболей.

Силантьев Николай Петр. Зав. Пересыльного питомн. АКО. Против б. архиерейского участка. Переговор о песцах и проч.

Билет же брать до Спасского. А то можно из Спасского на катере Дальриса. Автомобиль.

Каряка — рябчик, которого ловят петлями.

Судзухе — заповедник, ветерин. фельдшер Воронин. О заповеднике и охотниках узнать у Слуцкого — шофер скорой помощи, дозвониться во Владивостоке.

Белые иманы: в Судзухе есть альбиносы.

Русский колхоз убежал с двумя тракторами, третий отбили пограничники.

Курящаяся деревня: набили в печи тряпок, сухих грибов, зажгли, и деревня долго курилась, и все думали, что тут люди живут, а люди все убежали в Китай.

Возвращение — убежит один, а потом придет за женой.

Кедровая падь — заповедник. Если урожай орехов, кабан в кедровнике, желудей — в дубовнике.

Полуостров Муравьева-Амурского.

Амба-Беодза — гора, падающая в лиман Майхе.

Богатая грива — идет до самого Владивостока.

Тигр ревет под изюбря: все говорят.

Изюбрь — охотник ревет, изюбрь подходит, когда близко, то в землю трубит, изюбрь ломает сучки, и охотник ломает.

Олени: если в парке показывается волк или чужая собака, то олени бегут к человеку. Однажды из парка ушло 60 оленей, их загнали обратно собаками, потому что олени бегут от собак к человеку.

Новые статьи экспорта.

Секретно. Гриб Ко-у-амо водится в Монголии и ценится почти как Жень, но с Монголией у Китая нет отношений, и потому ведутся переговоры с Монголией, чтобы дело шло через нас.

Тигры с потрохами.

Сердце тигра — будешь храбрым. Если заболел мизинец на левой ноге, съешь мизинец от тигра и т. п. По 500 р. тигр, 20 тигров ежегодно — около 10 тыс. валюты. Раз партия незакрытых тигров пришла с голыми мордами, оказалось, что усы очень ценятся и их повыдергали.

Грибы на дубах поваленных, эти гнилушки, высыхая, испаряют 98%, остальная часть, если разбухнет в воде, очень вкусное кушанье. Назначили цены. Лесничие восстали: стали валить дубовые рощи, чтобы получать гнилушки.

Черепахи: кровь ее целебна, мясо очень вкусно, панцирь на поделки. Кусается так, что если дать палочку, то можно вытянуть голову с шеей далеко. Рассчитывали японцы на концессию в Цуруге — ближайший порт был устроен как бассейн для черепах. Предполагают заключить договор на устройство завода и за летнее время предоставлять 5000 штук по 2 иены.

Гон пятнистых оленей.

Старый опытный боец сильно упирается лбом в лоб противника и вдруг подается назад, неопытный падает на колени, и тот его бьет в бок насмерть.

Не в рогах дело. Вот знаменитому бойцу срезали рога, но по-прежнему вид его подавлял других, и когда при-

шлось драться, он костяными шишками проломил ребра противнику, и тот погиб.

Обыкновенно, завидев соперника, олень, вздернув нос, бежит к нему, и если тот бежит, то преследует, а в это время стерегущий молодой попользуется и чикнет себе разок. Были случаи, когда побежденный олень, обезумев, бросился в море и вылез на другом конце бухты.

Обыкновенно гарем рогача состоит из 7—8 оленух, но, говорят, бывает у диких до 15 штук.

Бывает, бьются до того, что не могут стоять, лежа бьются и оба погибают.

Бывает, раз было, один бился по очереди с восемью, вот когда при восьмом то, возможно, что окостенелые рога были тем преимуществом, которое решило бой в пользу слабейшего. Итак, было: однажды король загнал Ивана в море, а тот на другой год, имея страх, дрался не первым, а восьмым и окостенелыми рогами добил лежачего короля.

Рождение оленя.

Явился орел и она, став на задние ноги, била его передними.

Лагуна и лиман?

Скелетная почва.

Широколиственные леса северо-маньчжурской флоры с преобладанием монгольского дуба и с густым подлеском из леспедицы, таволожки, крушины, волчьих ягод, бузины, боярки, жимолости, калины, барбариса, шиповника, чертова дерева, багульника, орешника, липы, клена, бархата, бересклета, перевитых и перепутанных лианами винограда, кишмиша, лимонника.

Пищу оленей составляют травы лесных полян, преимущественно широколиственные, горькие и ароматические растения, также бобовые (вика) листики, почки и ветки деревьев и кустарников, липы, клена, дуба, сочных верхушек чертова дерева, побеги бархата, леспедицу и особенно любят объедать листья винограда. Любимая пища оленей соевые бобы и их листья и стебельки, морская капуста.

«Поеди» оленей: землю едят.

Морской лед лижут олени.

Олени копытят желуди из-под снега. Биоценоз лесного пространства, населенного оленем, сейчас же, сначала неуловимо, затем все резче и резче, будет изменяться, как только мы определенный участок обнесем сеткой. Так создаются проклятые вопросы удержания равновесия, и призрак упадка непрестанно веет в таких хозяйствах.

Угодье для парка: отроги хребтов, покрытые *<1 нрзб.>* с горными лугами, низкими болотными местами, на которых весной раньше всего появляется зеленая трава, сопки с солнцепеками и сиверами.

Старый самец ушел из сетки во время пантовки, вернулся в парк с окостенелыми рогами и во время гона сделался властителем оленника.

К а б а н ы. В одной пади был порядочный табун кабанов.

С о б а к и. У охотников спор идет, какие собаки на зверей лучше – немецкие овчарки или лайки, а между тем мало говорят о простых дворнягах Полкане и Лайбе, которые, по общему признанию, лучшие зверовые собаки. Полкан потерял глаз таким образом: при встрече с Медведем у Семена заело патрон в винтовке, пока он исправлял винтовку, Полкан держал медведя и лишился глаза. Лайба – это вожак знаменитый, однажды догнала по насту оленуху, схватила за щеку и опрокинула. Есть маленькая собачка величиной в кошку, а между тем по насту достигает оленя, впивается ему в бок и мчится до тех пор, пока олень, безумно несущийся, не заденет собакой за дерево.

Полкан и Лайба, кажется, принадлежали охотникам Буренкам и после их раскулачивания перешли в олений совхоз Майхе. Полкан принадлежал Семену Буренку, Лайба Тихону (Тихона расстреляли, Семен убежал в Китай, они убили егеря).

Белка редкий гость в Сучано-Шкотовском и Посьет-Сайфуском районах.

Собака Эра ловит оленят для домашнего питомника на о. Аскольде, она дочь Тайги.

Собаки Сем. Иван.

Вблизи Песчаного был рудник Пашковского, там была нем. овчарка, кобель, вывезенный из Герм. фирмой Кунст и Альберт.

Отсюда началось обновление крови.

У одного из служащих был вывозной кобель из Герм., Конрад повязал у себя на хуторе в Песчаном этих собак и взял себе четыре щенка. Отсюда пошли знаменитые в краю зверовые собаки самого Конрада Фрина и Белла, Вольфак, Петро и Неро и ныне живущий на Песчаном Джери, в Майхе Тайга, на Путятине Дора, на Аскольде Эра ловит оленят для дом. питомника.

Тайга вернула в парк 60 оленей, потому что олени от собаки бегут к человеку.

Зимородок.

Пересмешник — любимая птица китайцев, в клетках держат.

Обдув — это логовища оленей на хребтах, где обдувает ветром и не бывает насекомых. Мыс Шульце.

Оленуха на Шульце, почуяв мой след, бежала, а в полупарке было так, что оленуха понюхает след и бежит по следу к Юдину, который шел впереди, а я отстал и следил, как оленуха догоняла.

Амга за Ольгой, охотники Бортниковы.

За след тигра староверы давали полтысячи, шли по следу и даже в Китай попадали, за тигренка 3000 р.

Октябренок — олень, которого выходила дочурка Юдина Люся.

Махаон Манке?

Байков «В горах и лесах Манчжурии».

Барс попался на фазанью головку.

Ходит по горячему следу сзади, кругом шагом вообще скачет не более 150 шагов. Конрад, узнав это, пошел с рабочим, его пустили, а сам сел в куст. Барс, скрадывая рабочего, подошел к кусту и был убит.

Фунтов пять съест оленя и бросит.

Рыхлили землю, чтобы заметить следы. Но заметил Конрад на камне в просвет на небо приставшие к камню шерстинки (Барсова площадка) Шесть Грелевских капканов на 10 вершков друг от друга. Якорная цепь. Бубенцы егеря дали сигнал. Изрытая искусанная земля, разбросанная вырванная трава. Что делать. И вдруг звонок шагах в пятнадцати. Самсон скрадывал гостей. Залегал за камни, одни глаза. Ляжет, он лижет, всю голову вылижет, еле стерпимо: язык жесткий.

Адрес барса этого ныне известен: полуостров Гамов, Туманная гора, Голубая падь, Барсов распадок, в этом распадке есть Барсова пещера и над пещерой на самом становище, откуда был вид во все стороны, Барсова площадка. Адрес точный: и барсов распадок, и барсова пещера, и барсова площадка, только барса в распадке больше уж нет. Мы будем говорить о том времени, когда барсовых названий на Туманной горе не было, но зато где-то в неизвестном месте жила семья барсов, лет пять жила, резала оленей, и никто не мог убить.

К рассказу «Скверная котлетка».

Из крупных хищников на Д. В. красивейший, по-моему, не тигр, а барс, разновидность пантеры. В тигре плохо, что как-то уж очень он кошка, обыкновенная кошка, увеличенная во множество раз. И барс, конечно, тоже кошка, но все-таки в нем больше своего, чем у тигра. И потом эта царственность тигра тоже как-то возвращает мысль к кошке, все царственное сдано теперь в музей, а в животном мире царей транспортируют в отдельные помещения зоологических садов всего мира. Барс — не царь зверей, но зато совершенно свободен от обязанности быть всем на показ: в зоологич. садах барс за спиной тигра укрывается от общего глаза, и вот очень может быть, что влечение мое к барсу основано просто на том, что он менее известен, чем тигр, и потому мне легче про него рассказать.

6 Ноября. Вчера по обыкновению вышел из себя при споре с Гепеушником. Оборона против «мелкоты» необходимая раковина... или абсолютная простота с чистотой...

«Проба на это: где ты был, когда мы воевали?» ...Конец болтовне и начало охраны бесстрашия (а то жить нельзя). И поправляй всегда беседу так, чтобы тебе давали больше, чем ты даешь (так строй беседу). Раковина — это порядок. Вспомни, что порядок, прежде всего, дает чувство уверенности и спокойствия. Завтра приедем. Лучше всего, если Петя будет учиться, а Зоя у нас. Лева пусть к Известиям...

25—3 авг. Фуругельм — Гамов.

5 авг. Песчаное.

10—17 Майхе.

20—1 сент. Сидеми.

10—17 сент. Путятин.

19—1 окт. бухта Разбойника.

12—17 Сидеми.

20—1 ноября Лес.

8 Ноября приезд. 9 Ноября. Идея кинорассказа «Хуалу — олень-цветок» (дает высшее использование материала)...

11 Ноября. Конечно, Христос — анархист. И «отдайте Богу Божье, а кесарю кесарево» надо понимать, прежде всего, в том смысле, что не следует смешивать Богово с кесаревым и подменять дело Божье делом кесаря. Вот именно за то, что священники подменяют одно другим, и ненавидят их революционеры... Впрочем, эта ненависть первично исходит от чувства собственной нравственной гибели. А уж вторично обрушивается на попа как обманщика (Ведьмедь попа из пушки расстрелял).

14 Ноября. Ни свет, ни заря с Яловецким и др. охотниками вышли на зайцев. Растер ногу и вернулся босиком. Вчера вечером Н. Савин приехал, направляется в Ленкорань на Персидскую границу, собирается жить в шалаше на местах гнездования птиц. Лева из Москвы явился: Гронский назначил разговор 18-го в 8 веч... Выключили электричество. Внук заболел. Теснота. Общие условия невозможности работы. Что же делать? Постараться ис-

подволь преодолеть. Начнем с электричества... Если динамку достать, а на крыше поставить ветряной двигатель! Невозможно: фининспектор обложит. Словом, ноябрь во всей красе: туман, слякоть.

Как ни различны Горький и Алеша Толстой, а в чем-то сходятся: в характере своей хитрости.

В Дерюзине семья Старшиновых разделилась пополам: одна половина вошла в колхоз, другая осталась дома из-за коровы: так оставили корову. И Саня может охотиться, потому что может дома обедать.

Все, о чем бы я хотел сказать в печати, верно и нужно, только все мое идет напротив общей линии, и всякое мое верное замечание в то же самое время открывает меня всего для обстрела врагов. Вот, напр., во Владивостоке нечаянно намостили улицу могильными плитами с разоренного кладбища, и всякий гражданин понимает, что ведь нехорошо, напр., ни в чем не повинную покойную учительницу Зинаиду Ивановну бросить под копыта лошадей или резинку моторов, или плевки пешеходов. Безобразие! но попробуйте об этом написать и подписаться... никто не напишет, потому что никому не захочется публично стать на защиту покойников.

Разрушитель выступает ныне как охранитель революционной идеи.

16 Ноября. Природу я понимал раньше, как условие рождения на земле человека и в этом смысле смотрел на охрану природы. Теперь охрану природы хотят свести просто к охране советского хозяйства.

Начинают некоторые голоса возвещать, что природу надо охранять, лишь поскольку она является материалом для советского хозяйства. Лично я соглашаюсь с этим в принципе, но только практически необходимо подождать пускать такую охрану на плакаты до тех пор, пока наша малокультурная масса не будет красоту жизни, всякого рода любительство и т. п. считать фактором, благоприятствующим устройству сов. хозяйства. А то вот у нас в

Загорске два года тому назад в союзе охотников решили домашних кошек по возможности ловить как валюту, не считаясь с личной привязанностью граждан к своим домашним животным.

Я был лично на одном районном собрании, где домашние хозяйки возмущенно ревели, изрыгая проклятия на «закон» против кошек. Но самое главное, без кошек неимоверное число крыс развелось на улице. Сколько крысы погрызли советского добра — подсчитать невозможно. Кроме того, среди крыс были бешеные, и я хорошо знаю по своим собакам, что бешенство собак, целая эпидемия, началась от этих крыс. А давно ли было с лисичками на юге (корсак), которых уничтожили поголовно, а мыши после этого уничтожили урожай. Словом, я хочу сказать, что рационализировать наше отношение к природе в интересах советского государства надо непременно с умом и, главное, с чрезвычайно осторожным вниманием к жизни животных. Я скажу еще точнее: экономический интерес наш к природе должен возбуждать, а не подавлять собой биологический интерес. Вот к этому пример. В одном зверовом хозяйстве молодой человек все лето работал над проектом реорганизации хозяйства. Однажды я с большим трудом оторвал его от работы и увлек в *<1 нрзб.>* прогулку. Тут я убедился, что молодой человек совершенно не знал, никогда не видел, в руках не держал тех самых трав, о которых пишет в докладе как о корме оленей. Дома в присутствии лиц я поднял об этом разговор, и вот кто-то сказал: то, о чем вы говорите, есть биологизм, а экономика позволяет нам сократить путь биологического изучения.

— Биологизм, — ответил я, — подавляющий хозяйственный расчет, есть вредное течение, но и экономизм, не возбуждающий, а подавляющий интерес к жизни животных, есть тоже не дело.

— Зачем мне знать травы, которые хотят дать оленям, — ответил мой оппонент, — если мы задумали сделать его домашним животным и как корову переведем на овес.

— Затем, — ответил я, — что пятнистого оленя мы содержим для получения дорогих пантов, а китайцы узнают

панты, выращенные на овсе и на диких травах, и за последние платят во много раз дороже.

Скажите же по этому примеру, кто из нас двух больший хозяйственник, я — биолог, или этот усердный «экономист». Нет, конечно...

...выпустили оленуху, а она во время гона привела в ловушку двух рогачей.

Соболь.

Покорение Сибири: география — *<1 нрзб.>* (белка) — *<1 нрзб.>*: герой не знал и все убил, пришел ученый и узнал.

Раньше была Сибирь для всех на свете интересна как страна пушного зверя и ссылки.

Покорение Даурии.

Соболь.
(проект культфильма)

Первая картина.

Завоевание Сибири, начиная с Урала, сопровождалось сбором пушнины — ясака и, главным образом, соболя.

Примечание: сценарий этого кинофильма одновременно передается в Союзкино, а здесь тема представлена исключительно в *<1 нрзб.>* форме кинообозрения, очерка.

Ныне в мире золотые деньги — самое главное, а раньше деньгами была пушнина и, самое главное, в пушнине, был соболь. Правда, ведь это значит, покорение Сибири без всякой особенной натяжки и даже не как парадокс можно представить себе как движение казаков за соболем. Так была когда-то цветущая Даурия...

Итак, устраним время, пусть казаки движутся вперед непрерывно, и дадим на экране только пространство от Урала до Камчатки и движение казаков на лодках по реке, по сухопутью в тайге и...

Картина вторая.
Покорение Даурии.

Ветродуйный кедр. Вот падает снег и закрывает белым темные плиты, деревья седеют, и тот ветродуйный кедр, заваленный снегом, раньше других встречает восход, горит в лучах восходящего солнца. Из снежного леса зигзагами на лыжах выходят один за другим десять монголовидных дауров и <*6 нрзб.*> (соболяники). Все они располагаются под кедром...

Новая Даурия.

Аналогично диким пейзажам — теперь дается картина индустриальной Сибири. Свердловск — Уралмашстрой. Совхозы <*1 нрзб.*> Байкал. Даурские <*1 нрзб.*>... Новый Дерсу. Изобразить центр. заповедный питомник. Фокус: открытие...

Даурия.

Из всего, что я видел и слышал в Сибири по пути на Дальний Восток, больше всего мое внимание остановил контраст двух миров, Сибири как страны лесов, рыбы, диких зверей, первобытного человека и Сибири новой, индустриальной. Волнующих материалов собралось так много, что понадобилось как-нибудь разбить и сократить трафарет формы газетного очерка. В поисках более короткой формы мне пришло в голову, что кинотеатр подготовил широкие массы для восприятия литературы, вызывающей зрительные образы. Словом, я свой обыкновенный газетный очерк в 500 газетных строк хочу попробовать сделать в духе сценария и таким образом проложить путь от кино к газетной литературе.

18 Ноября. Вечером в 8 свидание с Гронским. Какой великолепный дом, этот красный свет озаряющий Страстной монастырь... какие перспективы могущества. И вот по рассказам Пети и по своим впечатлениям...

20 Ноября. Лева поехал определяться на службу. Сам подумываю поступить корреспондентом в ВСНХ. Есть много оснований для этого. Первое, что я «разъяснен», и писать можно лишь до того приспособляясь, что самое

писательство становится неудовлетворяющим занятием в своем существе. Второе, — что теперь действительно уже сложился новый быт, и хорошо быть к нему ближе. В третьих, семья разрослась, и надо быть более уверенным в средствах.

22 Ноября. Очень сухо. Мороз –5. И так без снега может оставаться желтой и пустой природа очень долго. Но это много лучше, чем слякоть.

Из-за маленького существа (внука) мы лишились все покоя. Лева сказал: «Никогда почему-то не сходится жизнь с нашим загадом. А впрочем, нет: на Алтае мне было так хорошо, лучше гораздо, чем я мог себе вообразить».

23 Ноября. Изо дня в день наседающий иней. Земля голая, небо толстое. Фотографировал 4,5 у 1/40 + Ф, (4,5/40 + Ф) и 6,3/20 + Ф. Первое слабовато, второе в точку.

По-настоящему бы очень обидно, а так выходит, что обижаться нельзя: так выходит, что не на кого обижаться, лица такого нет, чтобы можно было обидеться. Вот именно обида невозможна при безличности среды, все равно что обижаться на землетрясение. Евреи, впрочем, всегда из своей деловой практики устраняют чувство обиды, и понятно: обида пассивное состояние. Но если мы стали так грубы, что обижаться нельзя, то сердиться допустимо и даже в двух стилях: или в матерном, или подкопном с доносом и т. п.

Теперь каждый домогатель считает необходимым столкнуть с пути своего авторит. лицо (Арсеньев и его земляки).

Раньше я бессознательно верил в революцию, будучи, наверно, в тайне души своей большевиком (мы все большевики), — тогда вера моя <была> внутренняя, субъективная, теперь эта внутренняя вера утратилась, но зато, видя вокруг себя и чисто вовне факты строительства, и в

то же время, рассуждая о внешней политике, — я холодно, без веры, сознаю необходимость и безысходность в существующем...

Привычка.

Читал «Старосв. помещики» и вот теперь только на старости лет понял, из-за чего написана эта вещь: сила привычки религиозно противопоставлена рациональным начинаниям. Это восточная вещь. Так живут китайцы. Вот и Зоя такая же: она свое личное связывает с личностью любимого человека, но личность свою не вкладывает в предприятие (не ищет любимого дела, а просто готова делать всякое дело). «Любимое дело» для таких людей все равно, что сказать постный снег и т. п. — несогласуемые понятия.

Выходит так, что страсть бессильна, а самая любовь, любовь сильная, рождается в привычках. И еще: люди живут бессмысленно — и это не важно: важно, что они, привыкая друг к другу, любятся, и от этого весь внешний мир приходит с ними в согласие: двери поют.

24 Ноября. (Начальник). Навоз. Деловитость. Привычка. Роль ее в устройстве жизни. Фаворский в тоске по хорошим людям. (К начальству.)

Иней продолжается. Зоя поступила на трикотаж. фабрику. Леве выходит место в «Известиях».

Китаец сидит на куче городских отбросов, палочкой выбирает из нечистот целый день нечто более ценное и укладывает бережно в коробку. Из этого он потом выберет нужное для всех и обратит в какие-то копейки валюты, чтобы переслать в Китай жене своего покойного брата с кучей детей. Время от времени он находит в навозе и для себя что-то: кладет себе в рот и жует. Ему для себя немного нужно, он живет для семьи покойного брата.

Ломакин рассказывал, что среди кожаных курток начальства был старикашка в засаленном пиджаке, подметал двор. Кожаные куртки вдруг ушли, и остался один старик на дворе. Ломакин спросил старика, остался ли кто-нибудь здесь из начальства, а старик ответил:

— Ну, как же, а я.

— Ты?

— Ну да, я же и есть все начальство.

Оказалось, действительно, что на этой фабрике старик был и <смотрителем-?>, и счетоводом и дворником. (В связи с рассказом чекиста о том, что хорошему рабочему незачем, невыгодно идти в партию и что партия — это союз на крови (идея) и не на труде в его специальной углубленности. Труд людей, как большая река слагается из разных рек... река человеческого пота и река человеческой крови (вот хорошо бы в описание Амура: Уссури и Зея).

Амур, Амур, какая река! понять невозможно, как сложилась такая громадина Амур. Да и вот как задумаешься, когда станешь вспоминать о том, как сложилась такая река. Жили самые мирные люди дауры, и край процветал, реки даурского трудового пота влились в Амур... Пришли воинственные казаки, отняли соболей, разорили и уничтожили все Даурское мирное царство, и тогда реки крови влились в Амур. Так вот он, Амур, из двух великих рек: реки пота и реки крови... Я так понимаю, а вы? Пот и кровь слились в одну реку...

Что только не придумывалось для постройки моста, соединяющего в одно свое стремление к мирному творческому труду и современное строительство, какими только не соблазняешься скрепами, — нет! как ни бейся, рано или поздно вся постройка разламывается, и становится невозможным делом соединить пот труда и кровь.

Разве от себя совсем отойти, забыть свою родину и взять Китай.

Есть еще действенные противники большевиков (их очень немного). Они, как будто любя меня, не любят и даже прямо злодействуют против меня. Вероятно, они понимают, что их сила прошлого с лучшей стороны во мне тоже находится в той же самой мере, как и у них, но я как обладатель этого кажусь им ненадежным сосудом и уж если захочу их предать, то предам совершенно. Я их не люблю, потому что это лишь супротивники, а не противники.

1 Декабря. Чуть припорошило голую землю, а мороз –22 R. И все-таки мы с Петей и князем ходили по зайцам, и я убил одного. Прелесть!

Князь говорил, что заграницей к цивилизации привыкаешь в три дня, значит, с этой стороны удовольствие заграницей хватает всего на три дня, а потом мало-помалу начинает казаться, что у нас хорошо. А теперь во время кризиса, когда столько недовольных, все поддерживают стремление выбраться из СССР, даже и жандарм сочувственно глядит на красный паспорт. И только вернулся домой, сразу же тысячи неприятностей, к которым никак не привыкнешь, неожиданностей самого низменного порядка... И все это как будто в наказание за то особенное чувство советского патриотизма, охватившее заграницей под диктовку кризиса и всеобщего неудовольствия.

Сочиняю необыкновенный фельетон «Даурские соболя».

Андрюша развелся с женой. Лева женился на Андрюше. Оба служат в газетах и получают по 250 р. Нет безработных! И правда, это достижение, понемножку, но все едят.

Все возвращаюсь к «Стар. помещикам» — вот удивительный, почти какой-то научный химический эксперимент: писатель устранил все факторы быта, оставил одну привычку и показал нам, что истинная, прочная, настоящая любовь держится привычкой... Чувствую, что и к сов. власти мы привыкаем, и на этой привычке уже сложился быт...

2 Декабря. Намечаются лица однотипные: Смирнов, Леонид Иван., Марг. Вас., Огниха, — все эти люди похожи точь-в-точь на учителей гимназии, описанных мной в «Кащеевой цепи». Это раз. Второе, явно сказываются благодетельные следствия всеобщей работокормежки, т. е., что кусок хлеба все могут заработать.

4 Декабря. Морозы на голой земле. Очень зябко. И я вот о чем думаю: не добро, а зло всегда является победи-

телем, потому что у зла все средства борьбы. Но зло, победив, непременно разлагается, и лично-созидательный труд (добро) незаметно начинает господствовать на месте разрушительно-безликой силы.

Оканчиваю «Даурские соболя» и все боюсь, что выйдет очень хорошо, т. е. будет понято, как мое приспособление. Все дело в том, пишу я от самого себя или настроил незаметно себя на удовольствие угодить, что кажется, будто от себя, а на самом деле... Прочитаю друзьям.

Прошло 59 – 29 = 30 лет. Мне через год 60 лет, и все-таки невесту свою я снова видел во сне. Она мне написала письмо удивленная и пораженная тем, что узнала, будто я все еще ее не разлюбил. Явилась ко мне самая серая барышня, но я без тоски и разочарования всматривался в ее лицо, удовлетворяясь и тем, что кое-как по отдельным черточкам мог представить себе лицо моей Вари. И вот после того говорите, что поэты не родятся, а ими делаются. А еще, сколько на свете существует таких тайных поэтов.

Иногда чувствуешь, будто совесть мучит тебя за что-то, а на самом деле это не совесть, а какая-нибудь нарушенная привычка, вроде как потребность настоящего чаю дает себя знать...

Иногда чувствуешь, будто совесть мучит тебя и тоска грызет, а это не от совести и тоски, а что в баню давно не ходил и белья не менял.

Раньше я писал, понимая читателя как друга, может быть, в далеком будущем и дивился, когда находил современников, до которых доходило мое писание. Теперь современники представляют собой властную организацию цензоров, не пропускающих мое писание к будущему другу.

Литература, вероятно, начнется опять, когда заниматься ею будет совершенно невыгодно...

Надо сделать, чтобы имитация и всякого рода литературная халтура не давали возможности много зарабаты-

вать и жить хорошо с пользованием закрытым распределителем. Нужно поддерживать писателя только после того, как он доказал исключительность своего таланта и свою неустанную заботу о нем.

В нашей семье у меня и у Левы есть нечто от избалованности и каприза, остальные все: мать, Петя, Зоя вполне серьезные люди.

У самого берега моря, от морской воды в нескольких десятков шагов была вода пресная и узким озером тянулась вдоль морского берега. Можно так понять это, — что озеро это отделилось от моря поднятием суши, морская же соленая вода, понятно, мало-помалу сменилась атмосферной пресной. Все это озеро было покрыто так густо водяными растениями, что воды почти не было видно. Когда я подошел ближе к озеру в нескольких десятках шагов от меня — я сразу узнал ее по форме — цапля, но только цвет ее был рыжий, это была бурая цапля.

Не знаю, какое число, первая треть Декабря. Вчера переломилась погода и полетела пороша, стало сильно теплеть.

В ожидании князя с гончей ставлю самовар. Лучинки вспыхивают по краям, где обломлено, и тухнут, остается едва живой огонек, и я загадываю, спасая его, повертывая вниз — выживет огонек, и я выживу еще как писатель, еще попишу.

И огонек выжил...

Кстати, от Левы письмо о сильном улучшении денежного положения.

Приезжал Федор Кузьмич, крестьянин-колхозник моих лет, которого я 30 лет тому назад обучал агрономии.

По его словам, у них в колхозной деревне нет ни одного коммуниста и все, скрывая друг от друга, ненавидят колхоз, считая его крепостным правом. Интересно, что группа, стоящая в управлении, такие же недовольные, как все, но они не могут сливаться со всеми недовольными, ведь они ударники. В последнее время появился «избач», у ко-

торого в руках само собой и сосредоточилась вся власть над колхозом.

Общее дело теперь проявиться может лишь как дело казенное, и в этом казенном деле одна большая часть населения рабски подчиняется директивам, а другая, индивидуалисты, пробивают себе путь к власти и казенному пирогу.

Ф. К. ненавидит попов. И это правда, теперь, когда все всего так страшно натерпелись, что картина ада становится прямо смешна в сравнении с обыкновенными муками — в каком свете предстает жизнь высшего духовенства с ее животной роскошью и как унизительно противна и жалка жизнь маленьких побирушек попов.

Перед тем как осуществиться злому действию, в самый последний момент мелькнет образ: это какая-нибудь дурная черта недруга, поставленная на первый план всего его физического облика, все остальное не видно, только это...

Читал дисуссию о РАПП попутчиков с Леоновым и Полонским. Люди «перестраиваются» (Леонов, Полонский), другие робко заискивают. Значит, все решено свыше и правильно: писатель даровитый (попутчик) есть собственник своего таланта и находится в отношении членов РАППа, как кулак к бедноте. И немедленно он должен быть раскулачен, а вся литература должна обратиться в Литколхоз с учтенной продукцией и готовностью при случае войны дать то, что потребуется, а не то, что захочет дать отдельный производитель.

Положение такое, что в момент обострения материального <*1 нрзб.*> можно оказаться без куска хлеба, потому что при нажиме сверху на месте все отнимут.

Надо непременно достать в Москве комнату, второе — не упустить момент поступления на службу корреспондентом, куда-нибудь в ВСНХ.

РАПП или воинствующие... Пролетарские или воинствующие писатели.

У попутчиков есть вера в культуру в том смысле, что литература создавалась народами всего мира и с самых давних времен, что за эти времена человечество нащупало законы лит. творчества, которые каждому писателю необходимо понять, изучить и что без этого прошлого не войдешь в литературу современную.

У воинствующих вера такая, что настоящее вовсе не вытекает из прошлого, а есть факт небывалый, и чтобы войти в него скорей, надо забыть прошлое, чем из него исходить. В этом и состоит спор пролетарских писателей с попутчиками. «Надо, а не выходит без прошлого» (у РАППа). — «Хотим примкнуть, а не можем без прошлого» (попутчики).

Лицемерие РАППа: все-таки берут все от прошлого и попутчиков.

Лицемерие попутчиков (Леонов): никак не могут по чистой совести примазаться.

10 Декабря. Синтез (ботаник Петров) и жена его Еклектика (жена, вероятно, в ГПУ из-за удобств).

Если в математике для исчислений допускаются, напр., бесконечно малые величины и посредством этого допущения достигается в конце концов сооружение мостов и других плотных для всех «реальных» предметов, то почему вы не можете себе представить, что художник в искусстве при создании реальных вещей не может руководствоваться тоже какими-нибудь допущениями невидимого, напр., свободы, как условия для творчества. И пусть эта свобода сама по себе не существует и недопустима в обществе, но...

Очень возможно, что за то и тянутся все к поэзии, что в ней допущена свобода личности и что только эта свобода отделяет «поэзию» от «жизни».

Я защищаю не иллюзорность искусства, а реализм, я только хочу сказать, что чувство свободы художника, точно так же как мысль о бесконечно малых в математике, есть необходимое условие для творчества и что именно это допущение качественной величины самочувствия

«свободы» и делает искусство искусством, а не государственным строительством.

Вот, положим, я дикий писатель (попутчиком никогда не был) и кое-что пишу полезное, но, допустим, что я принят в РАПП. Вначале я ничего не буду писать, я буду привыкать и когда освоюсь с предметами в «перестройке», то буду летать и между этими предметами, не задевая их. Но горе в том, что РАПП именно и создан для того, чтобы быть умнее писателя и направлять его полет в желательную им сторону.

Отправил «Дауры».

13 Декабря. Вчера по хорошей пороше вновь обложили на том же самом месте (10 минут от дома) лисицу, по которой несколько дней тому назад я позорно промазал. Лисица (большой кобель) вышла на свой входной след, и я в 18 шагах в голову 7-м номером так положил ее, что она ткнулась в снег, не сделав ни одного того бессмысленного движения, разделяющего движение жизни и покой смерти (так наз. «конвульсии»).

Общество является из общности переживаний, образующих «быт». И тут, конечно, самое главное — семья, создающая *<1 нрзб.>* равенство условий жизни (все мы дети одного отца). Напротив, госуд. власть существует неравенством людей и, сама этим удерживаясь, стремится всюду создавать это неравенство.

Вот какой охотник: принимая за лисий след — след собаки своей, он ухитрился каким-то образом ее обложить и зафлажить.

Кто удивится винограду на навозе? Но если виноград среди хвойных деревьев и еще так, что и особенно вкусный и сладкий после морозов, то... и кажется, что и так все.

«Перестроиться»: (о чем говорит Полонский, — «я уже перестроился»): все привычки отбросить и с ними все прошлое, и оставался бы один труд у всех на глазах, толь-

ко один труд (если же что-нибудь свое личное, то потихоньку, вроде как бы в отхожее место сходить).

Дерево приморское – это не наше плотное и стойкое: там деревья рыхлые до такой степени, что в деревянной посуде, если применить ее для соления сельди – рассол не держится. Рассказать об этом, и всю приморскую природу поймешь.

Перемена, перемена! не всем же на свете перемена: северянин, правда, мечтает приехать на юг, но южанин очень редко ищет, что желает северянин.

Полонский и проч. (Леонов) это обыгрывают материалы жизни. («Новая» диалектика) если 100 человек честно в борьбе за существование себя самого произносят слово диалектика, то они этим самым дают возможность 1000, а может быть и больше играть с диалектикой, и всякие примкнут к ней материально безответственно...

Пьеса: отец и два сына: родной и подвопросный.

Что же в самой жизни?

Все эти раппы шушера-мушера, и когда им об этом скажут, то они отвечают справедливо: не в нас дело, а в принципе. Так вот, значит сила их состоит лишь в их отношении к принципу, т. е. в их логически-научной вере... В это и надо проникнуть. И я думал об этом (Кащеева цепь) и теперь думаю, что может быть уже совершается обыгрывание принципа... Принцип нашли, но жизнь обыграли. В литературе это и сказалось, все равно как в глазах, да и сами вопят, что нет человека-писателя, который мог бы написать в уровень событий (это значит: жизни), и бумаги не хватит. Вот били жен да и теперь бьют много, только теперь это не правило, надо даже скрывать. Но дети рождались и жили. Теперь не бьют, но зато женщины повалили на службу и детей вытравляют. Это значит тоже обыграть жизнь.

Вообще стоит только *<1 нрзб.>* самую жизнь возвести в принцип, чтобы вслед за этим искренним и добрым решением некто (Ленин) стал обыгрывать жизнь.

Я так много в юности повторял: бытие определяет сознание, что теперь после опыта в жизни мне это стало казаться таким туманным и теперь я даже иногда думаю, не творческое ли это сознание определяет бытие...

Но пусть бытие определяет сознание, зато в опыте я убедился, сознание всегда обыгрывает жизнь: то определяет, а это обыгрывает.

Суетятся, бегают, война бы поскорей, один конец.

Если два противника (из которых один прав, другой не прав) сошлись и решили биться до смерти, то, конечно, мораль, гуманность и тому подобные дорогие сестры отходят в сторону и потом одна за одной переходят на службу к победителю. Что же им делать и в самом деле, если тот, кому они раньше служили, не мог удержать и уступил. Да, эти дорогие сестры могут существовать только при силе и, если они бывают у слабого, то всегда на время и будто лишь для того, чтобы свидетельствовать о позоре его.

Так, вероятно, сказал бы и Заратустра, но мы приходим к тому же из опыта нас окружающей жизни.

Читатели ругаются на литературу, но критики судят и часто хвалят, вероятно потому, что если ничего в литературе нет, как думают читатели, то значит и критику жить не для чего.

Решаю писать теперь пьесу (Елец).

Стало почему-то противно читать стихи о военно-партизанском самохвальстве (манерность при этом необыкновенная). Вероятно, и другие это чувствуют, но как сказать!

Всегда ли принцип обыгрывает жизнь? Вероятно всегда, вот христианство, по Розанову, обыграло жизнь в самом зародыше.

С этим можно согласиться, что как мистический интуитивизм, так и рационализм должны быть преодолены чем-то третьим, что интуиция и разум должны сойтись в

одно (как у меня два Дерсу). Но я всегда об этом думал и соединял в творчестве, а не в марксизме. Марксисты-диалектики очень много дали доказательств своей связи с интеллектом, но ничего от интуиции.

Истинный ученый, все равно как и художник, в своем творчестве, между прочим, непременно обладает интуицией. Просто говоря, интуиция значит почти то же самое, что талант (милостью Божьей).

15 Декабря. За круглым столом читали Даурию. Как изобразить нового человека?

В понятии марксизма, совершенно мертвом, как в известковой скорлупе таится новая вера, а диалектика означает просто талант.

Новый человек: есть нечто такое в Пете, когда он разбирает следы, а я хуже его понимаю (устаю) и невольно с охотой ему подчиняюсь: он лучше меня знает, и потому он ведет, и в окладе он хозяин, а не барин-стрелок, как раньше. Но, возможно, стрелок сам не хуже понимает охоту и нанимает егеря, а сам становится стрелять, потому что это интереснее?

«Тигровая сопка» — сделать из нее сценарий так же трудно, как сделать по сценарию фильм. И вот это медленное преодоление порождает болезненную усталость и смерть творчества — скуку. В борьбе с усталостью и скукой создается атмосфера сорадования.

Разработать — «сотрудничество» (в работе над окладом зверя) и «сорадование».

Зворыкин рассказывал, что храм Христа Спасителя взорвали, и осталась груда камней, а на прежней высоте креста в воздухе вьется много птиц, бывших жителей храма, и как будто все надеются, что явится опять их насиженное место. На этом месте должны воздвигнуть величайшее и красивейшее здание Совета.

17 Декабря. Не может, конечно, жених смотреть невесте, как лошади, в зубы. Вот для чего в браке раньше не-

пременно участвовали старшие и судили невесту по родне, разбирали все по косточкам. А «романом» в собственном смысле слова была линия свободы любящих относительно родных. Прежний писатель в своем искусстве вел ту же линию свободы, противопоставляя «свободу» себя в искусстве мещанской условности жизни. Вот с чем и трудно справиться нынешнему писателю: та своя личная линия любви в романе и свободы в писании, противопоставление общества государству, героя толпе, любовников — силе родных — все это исчезло: государство и общество принципиально слились, смешно говорить об авторитете старших в браке, а писатель свою силу поэзии и не может вознести на высоту независимости от текущей жизни: поэзия должна просто быть на службе, и поэт в колхозе или на фабрике. Теперь поэзия не есть личный выход недовольного человека, напротив, — это избыток чувств от радости осуществления заветного...

Итак, исчезает вся троица: личность, общество и Бог, и поэтому остается быть лишь сочувствующим очеркистом производственного быта. Но стоит только представить себе, что прежнее «мещанство» то же самое, и «старшие», решающие судьбу любовников и пр., есть буржуазный класс всего мира, стремящегося уничтожить СССР, как для поэта вновь является возможность существовать. Вот почему вероятней всего я и уцепился за Китай, которому мы сочувствуем, а европейцы уничтожают.

Или вот тоже быт... быт создается миром и требует срока.

18 Декабря. В 8.50 — 11 у. с Петей в Москву. 11.50 Мантейфель. 1 ч. д. Воронский. 3 ч. — обед, 4 распредел. — Карасева — 5 д. Известия.

Идея кино-бригады. Разговор о Вав. башне и египетских пирамидах. Все правильно, только за что страдает и почему не обеспечивает нас честный товар: лежит, блестит, а взять никто не может, т. е. если у нас разложение, то — нет! если усиленное строительство за счет счастья масс — есть результат разложения, то наше разложение есть ничто иное, как явление разложения капитализма

(последствие войны). Он говорил еще, что наше строительство есть обезьянье в сравнении со спокойным обыкновенным американским.

19 Декабря. Меня расстроило, что отказались печатать «Кащееву Цепь», и на это чувство обиды насела картина московской трамвайной давки, злобы, потом бой за место на жел. дор., серые лица и такое множество людей с мешками провизии, зло, усталость, ...истинный ад! и на это навернулась дальше совр. литература. Началась тоска самая острая со сладостной мыслью о смерти... И в то же время о том, что находится по другую сторону смерти: пристройство, подобное уверованию, с наглым тире вместо всяких сомнений, вопросов и колебаний, — в этом царстве Максима Горького ведь еще много хуже, чем смерть. Я теперь живо представил себе состояние духа Л. Толстого, когда он желал, чтобы его тоже вместе с другими мучениками отправили в тюрьму и на каторгу. И мне теперь тоже жизнь в ссылке, где-нибудь на Соловках, начинает мерещиться, как нечто лучшее. Я накануне решения бежать из литературы в какой-нибудь картофельный трест или же проситься у высшего начальства заграницу. Мне думается, что в конце концов меня отпустят, потому что люди у нас не глупые и...

На мой взгляд, художник, создавший крупную вещь, тем самым преодолел свою индивидуальность и стал личностью.

В одном любовном письме она, восхищаясь его фигурой, говорит: «даже жаль, что она принадлежит вам, что Вы сами вольны распоряжаться собой». Замечательно верно и глубоко.

22 Декабря. Зима необыкновенная, все было так, что мороз на голой земле и так долго! а потом каждый день новая пороша. Мы с Петей вчера этому дивились, а Зоя сказала: «Каждый год пороша». Мы ей объясняли, что каждый год пороша бывает, но не столько: тут ведь каждый день. Она опять сопротивляться, и я, наконец, потре-

бовал объяснения. И вот она: «Потому что Петя каждый день на охоту ходит» (т. е., что Петя ходит, и ей неприятно это, а потому она против пороши).

Какой я вам попутчик, я вам — отец. Но если я взял на себя обязательства к вам и работал для вас четверть века, то я требую теперь, чтобы и вы взяли на себя обязательства в отношении меня как отца.

Журнал «РАПП».

Чисто-начисто еврейский (слова: «подытоживая», «несомненно», «разумнее было бы потерпеть с ним»). Напр., открыли, что Ап. Григорьев был идеологом торговой буржуазии. Для нас это «открытие» ничего не открывает, можно быть идеологом буржуазии и дать миру много ценного, и это ценное надо бы и раскрыть критику. Но маркс. критик открыл «идеолога», и тут все. И так было 30 лет тому назад, и я этому же точно так был предан и точно так же надувался, делал такие же открытия. Теперь это мое господствует надо мной и не дает мне возможности жить. Я же теперь думаю, что классовая борьба есть частность нашей общей повседневной борьбы, частность, принимаемая за все (pars quo totum). Между прочим, практически это открывание первопричин или «разъяснение» (писателя) выбрасывает живого человека и обрекает на бездействие и часто голодание; если же заглянуть в жизнь шире, то там эта философия превратилась в настоящую инквизицию, которую называют «чисткой». Жизнь какого-нибудь совхоза состоит в постоянной чистке, доносах, интригах и беспрерывной смене лиц.

<На полях:> *Для меня — старо. Вопрос: почему у нас дружба с наукой и вражда с искусством?*

Дело это на большой палец.

Дело это на два пальца (больших).

Товарищи, здесь написано «не курить», почему же вы невежничаете?

Обвал в лесу.

Лес завален снегом, но оттепели не было, и потому если на верхней ветке высокой ели обсыплется хоть одна только лапка, то кажется вначале зверек прыгнул, белка или куница: даже вздрогнешь иногда, когда шевельнется; но там это лишь начало: с первой лапки снег падает на вторую, берет с нее все с собой, это падает на третью лапу, дальше, дальше, и вот рушится все, с тупым звуком падает в обвале снег на снег, и некоторое время в снежной пыли, как в дыму, стоит все дерево странно, как живое существо, раскачивая всеми ветками.

Вот сколько я наблюдаю природу, а каждый год все идет по-новому, и я привык как художник жить этим разнообразием и считать за открытие и счастье, когда является такое новое, о чем хочется всем рассказать; теперь за открытие считается явление единообразия, стандарта (Ап. Григорьев — идеолог буржуазии). Художник должен не ждать от жизни подарков ее разнообразия и неожиданности, нечаянных радостей, а обыграть ее и подвести под стандарт. Так вот теперь вся жизнь и обыграна, и, вероятно, во всем мире и для всех времен нынешняя картина советского единообразия есть единственная...

23 Декабря. Вчера почти что устроил Петю в Салтыковку. Пригласил на сегодня Пушкова слушать мой сценарий. Никак не могу освободиться от презрения к писателям, которое, конечно, сводится к личным неудачам. Смешно, достигнув известности, под 60 лет вдруг очутиться в положении неудачника и брюзжать. Но мышиный путь (Иван Иванович) невыносим.

Явился охотник продавать собаку, сослался на Чумакова. Мы приняли его, обласкали. На пробе я убил зайца и, чтобы подвесить, взял у него ремешок. Дома он попросил у меня ремешок обратно (значит, на зайца он, хозяин собаки, не имел претензии). Мы подвесили зайца в передней на гвоздике. Накормили охотника, простились, звали в гости. А он, выходя, потихоньку взял моего зайца. Утром хватились — украл.

Интересно в этом наше расположение к нему, во-первых, как к гостю, во-вторых, как к охотнику и, наконец, к рабочему. Трудно устоять против такого добра, но он устоял и на добро наше насрал. Если бы отнять самого Достоевского от его «Человека из подполья», то было бы похоже, но тут надо понять без романтики и символики: есть такой человек. Максим Горький в своем опыте стоит перед таким человеком. Из таких вышел Контелин, комсомолец, ищет в карманах пальто учителей политически компрометирующих их записок и тут же сопрет кое-что... Примеры коварного предательства (прошлый год политрук из Каляевки). Есть такой фактик в нашем народе, и очень возможно, что научный идеализм (хочу все знать) питается у простых людей (и у Горького) именно фактом этого мелкого и страшного зла: кажется, это зло от невежества... хочется, чтобы мало-мальски почище было.

Итак, — это один из героев моих. Очень хитер и туп. Попадает в среду, где с хитростью не считаются, а берут умом и совестью. Но ни ума, ни совести у него нет. Драма в том, что у хитрости есть своя сила. В колхоз это надо перенести...

Стать перед фактом последней низменности, — это вот и значит приблизиться к жизни: показать это в свете величайших явлений человеческого гения (коммуна и пр.).

<На полях:> *Вот так и остались: мужики на бобах, а бабы, как всегда, на грибах.*

<На полях:> *Человек и служение человеку — дело самое серое, кто не хочет: все хотят повыситься или увлекаются, но никто не хочет служить человеку.*

Собственность — как материализация личности, вероятно, незыблема, потому что личность абсолютно не может совпасть с обществом. И пусть произведенные личностью блага делаются достоянием общества, все равно тогда собственность на вещь трансформируется в славу, а слава, предпочтение дает превосходство над другими, и это превосходство трансформирует власть над человеком так же, как собственность, что есть почти власть.

24 Декабря. Мужики и бабы.

Марья рассказывала, что мужики все у них разбрелись по производствам и оттуда шлют письма и жалуются на харч, а бабы остались в колхозах на тяжелых работах, пилить, дрова возить. «Так вот, — сказала Марья в заключение, — мужики остались на бобах, а бабы остались, как всегда, при грибах».

Аппарат.

Тупоголовый слесарь, укравший у меня зайца, когда увидал мои снимки, сказал: «Хорош аппарат!» Я обстоятельно пояснил ему, что аппарат хорош, но главное в этом глаз и мастерство, что с хорошим глазом и мастерством при плохом аппарате можно сделать прекрасную вещь и наоборот, при неумелом и с самым хорошим аппаратом ничего не сделаешь. Для пояснения я показал ему множество снимков, и он тупо в них смотрел, переваривая трудную для него мысль. Только под самый конец, когда мы пришли к охотничьим снимкам, вдруг оживился, все, что говорил я, забыл и воскликнул: «Ну, и хорош же у вас аппарат!»

Генератор.

Сгорел генератор на электростанции. Город погрузился в тьму, потому что лампы, какие были, расстроились и ужасно плохо горят, кроме того, и керосину-то нет. Все надеемся, устроят как-нибудь генератор и обещают: вот только бы у кого-нибудь металла достать. Так вот и живем в полутьме и мечтах о лучшем, живем ни при лампе, ни при электричестве. Однажды, раздумывая о первопричине такого состояния, спросил я мастера по электричеству: отчего же именно сгорел генератор? Мастер ответил: «От большой нагрузки, товарищ».

Служение человеку.

Что думала эта девушка, когда сказала, что она человек и хочет служить человеку? «Все хотят повыситься, — говорила она, — или увлекаются, но человеку служить никто не хочет, потому что это дело незаметное, трудное и скучное». «О каком человеке думала эта жен-

щина?» — спрашивал я себя не раз. Вскоре она вышла замуж и родила. Мальчик вышел беспокойный, кричит по ночам. Мать не спит, укачивает, клизмы ставит. И как-то раз утром, увидев ее измученное лицо, я вдруг догадался, о каком человеке думала она, когда говорила, что в служении ему нельзя ни повыситься, ни увлечься. Это она, предчувствуя свое материнское призвание, говорила о человеке-ребенке. Но ведь оно верно и в применении к человечеству: так и весь человек, как ребенок, вопит или что есть ему хочется или живот болит и надо постоянно думать об этом и чистить и выносить, — в самом деле, служение человеку какое же скучное серое дело!

Собственность.

Собственность есть последствие материализации личности, и мы лишь потому настроены против собственности, что в ней часто заключается власть над другим человеком. И только если личность совершенно совпадает с обществом, как у пчел, исчезает личная собственность. А наш нынешний продолжительный коммунизм похож на практику скопцов: режет яйца у человека, оставляя полноту воображения. Да и не одного воображения: ведь душа-то собственности есть власть над человеком, а разбив материю собственности, домогатели гораздо легче находят себе дорогу к власти.

Фукс.

В фотоотделе Мосторга встретился человек в дорогой желтой коже с бобровым воротником, в руках у него был роскошный портфель из крокодиловой кожи. Он спрашивал себе увеличитель для Лейки. Ему ничего не сказали, я вмешался и дал ценные сведения. Он же вынул из портфеля новенькую ленту (очевидно, контрабандную) и, показав ее, сказал, что в этом ленточном деле он, в свою очередь, мне может быть очень полезен. «Одним словом, — сказал он, — служу во Внешторге». Я сделал вид, что радостно изумлен и даже выдавил из себя: «А-а!» Это его подзадорило и, одно мгновение поколебавшись, он сказал: «Фукс моя фамилия!» — «А-а-а!» — воскликнул

я, как будто это имя мне было с детства известно. — «А-а-а! — К вашим услугам», — ответил он и пожал мне руку. Конечно, еврей.

Недоумение.

Вот Миша однажды ехал в трамвае и видит: перед ним стоит какая-то женщина, раз посмотрел, и захотелось в другой раз, и с третьего разу не мог оторваться, она пошла, и он пошел за ней, она вон из трамвая, и он. Она взяла такси, и он хотел взять, но шофер отказал. Она уехала, а он остался на мостовой. И вот тут комсомолец одумался и сказал сам себе: «Это неправильно!» В этот момент я был возле него, услыхал и спросил: «В чем дело, рабочий класс, что неправильно?» Я выслушал его бред и нахожу в этом такой смысл: как это назвать, не знаю, нельзя же действовать избитым словом «пристал», это бывает с каждым, встречается иногда такая удивительная фигура, такое чудесное лицо, глаза, губы, шея, ноги... а кругом такие уродливые серые измученные лица. И вот эта, ну, пусть, «красота» берет тебя и уводит. А в красоте этой сидит и пользуется ей по своему произволу какая-нибудь Мария Ивановна. По какому праву она этим распоряжается, за что это ей, как это? — «Неправильно!» — сказал Миша. Я с ним вполне согласился — это действительно неправильно и несправедливо в высшей степени.

Жертва.

Авраам видел Бога, когда принес в жертву ему сына, а люди не знавшие Бога, если бы видели, как отец резал своего сына, ужаснулись бы мерзости. Точно так же и мы, тоже неверующие в дело революции, ужасаемся, когда на наших глазах дети режут отцов живых и растаптывают могилы умерших.

<На полях:> *В конце концов, у сына не хватит сил на это дело, и революция останется только революцией, т. е. делом более узким. Жертва Авраама или наоборот. Рано или поздно отец возьмет свое, тем более, что «сын»-то переходит* <1 нрзб.>, *это пара: сын ведь сам делается отцом.*

25 Декабря. Вчера было 1-е заседание кинобригады. Лева приехал, новости: Полонского съел РАПП, издат. писателей тоже «смыли». Нечего и думать об издании книг, прямо так и пишут: «Пришвин, реакционный писатель». Говорят, что теперь надолго нельзя будет печататься. Но можно служить и тихонько пописывать под другим именем. У Левы тема: мотор и парус.

Козья Матка.

Авдотья Тарасовна, когда у нее стали раскапывать цветочный горшок в поисках ее четырех золотых (сама указала), вдруг бросилась на гепеушников, как львица, и закричала: «сама, сама!» Она испугалась, что они повредят корни выращенного ею за 30—40 лет супружества лимона. От поливки золотые расползлись, и она с большим трудом их нашла. Всегда хитрая Козья Матка и тут успела придумать объяснение: она говорила, что муж ее за каждые десять лет жизни на память давал ей по золотому. Но всему бывает предел. И тоже настал предел хитрости у самой Тарасовны: вдруг у нее пропала охота ладить, приспособляться. Козья Матка почуяла смерть. Оказывается, что было 40 золотых: не за 10, а за каждый год он давал по золотому. Хитрость житейская, прикрытая страдальческим добродушием, в старину не знала предела своей силе, но теперь она в революцию встретила себе предел. Революция их видит, а они не видят. И доходило до того, что вот решалась судьба домов, а <*1 нрзб.*> перед самым концом два новых дома строили. А революция не только это, она прощупывала их все тайные помыслы. И кто не знает из сыщиков, например, что обыватели зарывают золотые деньги в цветочные горшки. Однако хитрецы, действуя каждый за себя, продолжали делать в этом открытие и золото зарывали в цветах.

Сердитая жизнь.

Вчера Маня по недосмотру бросила острые кости в корм, поросенок подавился, захрипел и еще бы минута — сам собой кончился, но за минуту до смерти от косточки ему успели воткнуть в сердце нож, и он кончился от ножа.

Но это понятно в хозяйстве, помри поросенок сам собой, есть бы его не стали. Но почему же теперь у людей все стараются как бы только воткнуть друг другу нож в сердце, хоть за минуту до естественной смерти. Трудно понять почему, но тоже, вероятно, и тут какое-нибудь хозяйство.

26 Декабря. Вот именно, что у писателя золотом в его творчестве является его собственная личность...

Болезнь.

Вечером 26-го что-то съел, начало тошнить, 27-го весь день ныло, к вечеру стало рвать беспрерывно, ночью доплелся до Кр. Креста, 28-го лежал, 29 к вечеру встал.

29 Декабря. Сегодня Петя привез известие, что наконец-то его приняли в Вуз (в Салтыковку).

Торгсин в образе паука. У К. дочь за попом. К. сказал: «Саша, брось свое поповство на время». Саша снял сан. Впали в бедность. Жена К., желая помочь дочери, выкопала два золотых, пришла в Торгсин и на золото купила материи. Вышла на улицу, а за ней филер. В Сергиеве К-а арестовали. Велели написать записку домой: «Выдайте все наше золото, а то меня сошлют». Получив золото, взяли расписку, что о всем случившемся с ними никому ни слова. Сколько таких мух поймал паук на Кузнецком — Торгсин?

30 Декабря. Ребенок больной, всех замучил и до того, что мое любимое новое Рождество (Спиридон — Солнцеворот) пропустили... Впрочем, тут не мы одни, а общее: старые люди Новое Рождество от большевиков не приняли, молодым оно вовсе не нужно, а если останешься один с Рождеством, то это не праздник.

По-видимому, нынешние военные условия невозможны для выращивания здорового ребенка. Один сказал на это, что надо допустить к производству детей только абсолютно здоровых родителей, иначе что выходит: вырастает негодное, слабое племя, и хорошая жизнь в будущем невозможна.

Хорошая жизнь, — ответил другой, — не явится, если вы будете запрещать любить, кастрировать людей или поощрять аборт. Люди будут сами подбираться и выращивать здоровое и хорошее племя, если вы устроите сносные материальные условия существования.

Храм Христа Спасителя. Кто не слыхал о нем? А между тем никто не узнал через газеты, что он был взорван. Теперь лежит на том месте обеленная снегом гора камней, а в высоте, там, где был крест, реют тучи птиц, обитателей крыши бывшего храма. У птиц есть крылья, но ведь и крылатому существу непременно надо куда-то присесть. «Куда сесть?» — думают птицы даже, но как же не мучиться бескрылому человеку, у которого из-под ног вырвали все ему дорогое...

Впрочем, я это по старинке о птицах и о людях. Новая Москва равнодушна к разрушению храма. Теперь даже так, что если Василия Блаженного взорвут, — ничего, и все ничего, потому что снявши голову по волосам не плачут.

Ритмический говор людей, идущих на рынок:

— Как тебе сказать, Анютка, больно уж теперь на то, что тяжело стали смотреть, и оно через то много тяжелее стало и почти невыносимо. А так подумаешь, ну, когда же было на свете трудящемуся человеку легко...

— Ну, все-таки, бабушка, такого в ваше время не было: овес отобрали начисто — раз, муку выбрали — два и теперь пришли за коровой.

Вслед им идущий пожилой человек говорит:

— Бывало, после работы приду, лягу и как убитый сплю, а теперь лягу, сплю-не сплю, время провожу и в голове мечта.

Вечером собрание бригады. Вопрос с ножом к горлу: с белыми или красными. Как же ответить, чтобы остаться самому по себе? Вопрос этот вообще коренной вопрос всей революции, и такие как Иванов-Разумник его ставят все. Все равно как и то, что мы, личности, порождены массами, и отсюда особенный культ человека у станка (все

равно как у народников было: мужики). Все это продолжается в материализме и является перед личностью как «черный бог» (экономическая необходимость, социальное происхождение, чистка, судьба, всякая неминучесть). И все это «массы» (и «как бы не оторваться от масс»). И все это против европейского «героя», рыцаря, личности (ядра). И отсюда самая блестящая неоспоримая защита личности в лучшем случае будет снисходительно отнесена к старине, и вообще к реакции. Теперь личность (творческая) должна спрятаться, как спрятано в плазме ядро, и творить воистину не для себя. Герой и рыцарь не исчезнут, но переплавятся, чтобы явиться в ином выражении.

Я тоже за массы и я тоже против белизны европейского героя, но меня задевает и рвет на части, когда наивный человек вроде Пушкова искренно с чистым сердцем минует все личное и говорит: личность — обществу. Минует трагедию, историю, Архимеда, Шекспира, Христа... А когда дело доходит до выявления личного вкуса, то все оказывается самым пошлым мещанством, бытом с роялью.

После мне с большим трудом (по дороге домой) удалось моему спутнику выяснить мое отношение к искусству через сопоставление с охотой: судят охотника не охотники — моралисты, так и художника теперь судят политики.

Всмотреться в формы отдельного дерева в лесу, это будет картина самого невозможного приспособления в поисках света: какие чудовищные искривления в борьбе за жизнь; и вот теперь надо себе представить, что человек тоже в борьбе за жизнь весь распластался по такому дереву и до того слился с ним, что стал незаметен; человек распластался по дереву... Вы пришли куда-нибудь в гости, стали о чем-нибудь открыто говорить, подошли к какимнибудь ныне спорным местам и вдруг чувствуете, что вас будто кто-то останавливает, шепчет, одергивает... Вы оглянулись, а людей-то нет, вокруг все деревья, и с деревьев ушки на макушке — подняли головы притаившиеся распластанные по древу люди... Мороз по коже... собачонка вышла из-под стола, и тут происшествие: зверь? как это

здесь в собрании зверь — что это? И тут же ответ сверхразумного существа: «Успокойся, это просто домашняя собака и леса конечно нет, это люди сидят за чаем».

31 Декабря. Леве: позвонить в Кубу (ночлег). Купить чаю (на Сухаревке). Кило кофею в зернах.

Леве о машинке: не пропала бы.

При пересмотре фотографий.

Как-то ничего не остается связанным с недавним прошлым, как будто время так, само <по> себе проходит, и к нему жизнь не пристает; что же это, жизнь моя холоднеет и не вяжется со временем? или нет, я такой же, а время стало холодным?

Мертвые лучше бы умирали совсем, а не ходили по улицам. Мертвые, если их схоронить, как бы вновь оживают в наших сердцах и участвуют во многих наших делах даже, а не то, что в мечтах. Но если они, будучи мертвыми, распределяются среди живых, то очень восстанавливают именно видом своим против себя... Или это потому, что сам за себя боишься!

Ясней и ясней становится, что тема времени есть «сын на отца».

Мы жили долго сознанием, что Отец послал Сына для спасения нас на смерть и что ужас распятия есть «воля Господня». Но вот теперь, если сын распинает отца (в этом есть ens realissimus[1] времени), то чья же тут воля? Религия это или расправа?

[1] суть (*лат.*).

КОММЕНТАРИИ

Миф о Пришвине — «певце природы», который сложился в советские годы, включает в себя и расхожее мнение многих писателей, критиков и части читающей публики, что Пришвин писатель детский, ясный и простой. Безусловно, «детское и простое» у Пришвина есть, но оно является одновременно и очень сложным: в любом тексте Пришвина всегда есть глубина и незавершенность, в нем угадываются иные смыслы. На самом деле, Пришвин — «трудный» писатель, и читать его нелегко. Его текст представляет собой сплетение идей и зрительных образов, культурных реминисценций и исторических событий, в нем присутствует как собственный опыт, что для писателя всегда очень важно, так и культурная традиция, что для него не менее важно («Иные глупцы говорят, будто пишу от своего имени, оттого что ношусь со своим «я», и что нужно писать не «субъективно», а «объективно». Вот именно затем и пишу от своего «я», из-за правды»). Кроме реалий, Пришвину нужно всегда ухватиться за культурную традицию, что только и дает возможность понять смысл происходящего и не только сложить новую, небывалую картину мира, но и осознать ее, культурно обжить, художественно осмыслить — по Пришвину, «поэтически описать» («какое же счастье написать такой рассказ, чтобы в нем созвучно дрожали общие струны души следопыта-охотника и человека, искушенного довольно близким соприкосновением с мировой культурой»).

В дневнике бесконечное разнообразие мира собирается в единую картину бытия — где бы Пришвин ни оказался, что бы он ни увидел, какой бы страшной ни оказалась эта картина, — он ее воссоздает. Как и в прежние годы, он пытается преодолеть фундаментальное разделение мира на идеальное и материальное, причем теперь в самом что ни на есть

прикладном смысле этого разделения, очевидном и характерном для современной истории: в реальной жизни столкнулись победившая утопия и побежденная органическая жизнь («Жизнь разбивается на две — досуже-поэтическую и будничнo-деловую, потому что мы разделяемся в себе надвое… деловой взгляд на вещи должен скрывать в себе поэзию, а поэтическое воззрение… быть деловым», «жизнь разбивается на две, потому что мы распадаемся в себе на великих людей, двигающих историю, и на "быдло" наше, дремлющее в своем болоте»).

Существенно, что он не повторяет традиционного в русской культуре вопроса «кто виноват?», но отвечает на него: «мы».

Так изо дня в день создается дневник писателя, придающий ежедневному и преходящему статус вечности — по определению современных культурологов, текстуальный аналог истории. Но Пришвин не просто свидетельствует и ведет летопись жизни России. Тем и интересен дневник писателя, что ему удается не только отрефлексировать происходящее, не только сохранить исчезнувшие из новой жизни по идеологическим соображениям имена и связанные с ними идеи и смыслы; ему удается ввести их в контекст изменившейся жизни, вступить с ними в диалог — развить, оспорить, согласиться или подвергнуть сомнению, связать с парадоксами нового времени, увидеть просчеты, ошибки… пророчества — и создать современный текст, открытый для новых дискурсов.

В конце 1931 года «певец природы» Михаил Михайлович Пришвин записывает в дневнике: «Всмотреться в формы отдельного дерева в лесу, это будет картина самого невозможного приспособления в поисках света: какие чудовищные искривления в борьбе за жизнь; и вот теперь надо себе представить, что человек тоже в борьбе за жизнь весь распластался по такому дереву и до того слился с ним, что стал незаметен; человек распластался по дереву… Вы пришли куда-нибудь в гости, стали о чем-нибудь открыто говорить, подошли к каким-нибудь ныне спорным местам и вдруг чувствуете, что вас будто кто-то останавливает, шепчет, одергивает… Вы оглянулись, а людей-то нет, вокруг все дере-

вья, и с деревьев ушки на макушке — подняли головы, притаившиеся распластанные по древу люди... Мороз по коже... собачонка вышла из-под стола, и тут происшествие: зверь? как это здесь в собрании зверь — что это? И тут же ответ сверхразумного существа: “Успокойся, это просто домашняя собака, и леса, конечно, нет, это люди сидят за чаем”».

И что это за «лес», и что за «деревья», и что за «собачонка» — не пудель ли тот самый, известный — фаустовский?..

И еще одна запись, сделанная в том же 1931 году: «Возвращаясь по городу, я вдруг поймал у себя то чувство безысходной тоски, которая мучит меня последнее время и, почуяв ее, сразу же стал внимательно рассматривать предмет, возбудивший ее. Это был маленький, вросший в землю дом, и можно было понять, что тоска моя произошла частью от цвета домика, темно-красный цвет, местами повытертый до серого из-под него, а частью от чего-то, что в этом домике все было кривое, подоконники, крыша и даже сосульки на крыше были все кривые».

И что это за дом, как будто возникший в кривом зеркале, отразившем суть целого мира, в котором все вросло в землю, сдвинулось, потеряло цвет, окривело и вызывает «безысходную тоску»?..

Пришвин пытается дышать, когда дышать, кажется, нечем. Он пытается писать честно, соответственно себе, когда это кажется невозможным... И только присущая жанру дневника абсолютная свобода, дает возможность писателю говорить на любые темы. Он продолжает вести традиционный — «не советский» — образ жизни: охота, которая по-прежнему для него способ сохранения собственной идентичности, внутренней свободы; работа над дневником, о котором по-прежнему никто не знает; нестоличная жизнь, что определяется, в частности, отсутствием жилья в Москве. В его жизни доминируют известные «мещанские» ценности: бытовые заботы человека, живущего с семьей в собственном доме с необходимостью думать о заработке (Пришвины, к примеру, держат корову, и жена писателя продает соседям молоко); о том, как вписаться в новую жизнь со своим делом. Пришвин — человек народной жизни и судьбы, и, хотя его печатают, он не принадлежит к писательской элите, ни к той

(официальной) части, которая преуспевает, ни к той, которая преследуется... В дневнике очевиден существенный пласт — как если бы его вел простой человек, современник, не писатель, а обыватель, с которым Пришвин себя легко идентифицирует («чувствую себя в СССР как Робинзон... очень много людей в СССР живут Робинзонами... среди людоедов»).

Мироощущение Пришвина включает мощную жизненную составляющую. Ему удалось сохранить натуру несмотря на увлечение революцией в юности, европейское образование, петербургскую школу религиозно-философского общества и писательскую практику. Ему удалось сохранить мягкий провинциальный елецкий говор и язык — живую речь сказывающего, а не декларирующего человека. В его жизненной и литературной практике актуализируются глубинные пласты коллективного народного сознания, в его личности органично, а не отвлеченно-теоретически осуществляется сплав натуры и культуры — он писатель интеллектуальный и рефлексирующий, с мощным архетипическим комплексом. Пришвина отличает особая впечатлительность человека, сумевшего сохранить органическую связь с миром: мир для него не только предмет художественного исследования, но и потрясающее переживание — так было с первых строк, написанных им в 1905 году...

Пришвин связывает культуру и жизнь не только известным и продуктивным способом, когда жизнь с очевидностью является источником творчества, что не вызывает ни вопросов, ни удивления. Он самой своей жизнью и творчеством выражает столкновение народного, этнографического сознания, простой обывательской жизни с культурой.

В писательской среде он всегда если не странный, то уж точно необычный человек, который и выглядит, и ведет себя самобытно, не так как принято. Дело не только в том, что он появляется в редакции в сапогах и с рукописями в ягдташе — главное, что он человек свободный и не идеологизированный, не вписывающийся в парадигму противостояния «*за* или *против*», что в 1930—1931 гг. — а впрочем, и раньше, и позднее — вызывает, по меньшей мере, недоумение. Дневник Пришвина — это не только и не столько природа, охота, литература, не только рассуждения и идеи (хотя все это, конеч-

но, в нем есть), но и повседневная жизнь конкретных людей, которые пытаются выжить — в меру своих сил, кто как; это судьбы людей, от известных до маргинальных — их в дневнике Пришвина десятки и десятки; сама жизнь обрела голос, и этот голос не громкий, тон не пафосный — жизнь идет, от нее некуда деться, остается только жить. О повседневной жизни «маленького человека» своего времени говорит писатель и в дневнике, и в художественных произведениях («Ритмический говор людей, идущих на рынок: — Как тебе сказать, Анютка, больно уж теперь... тяжело стали смотреть, и оно через то много тяжелее стало и почти невыносимо. А так подумаешь, ну, когда же было на свете трудящемуся человеку легко... — Ну, все-таки, бабушка, такого в ваше время не было: овес отобрали начисто — раз, муку выбрали — два и теперь пришли за коровой. Вслед им идущий пожилой человек говорит: — Бывало, после работы приду, лягу и как убитый сплю, а теперь лягу, сплю-не сплю, время провожу и в голове мечта»)[1].

Так или иначе, писателя не пугает «бездна бытия», он не только изучает народную жизнь, но и живет ею («В частных разрозненных явлениях уметь выслушивать ритм общего дела», «жить своей обыкновенной жизнью и записывать, как обыкновенная жизнь изменяется в связи с событиями»). В единстве писательского и человеческого переживания находит Пришвин оправдание себя как писателя — в такое-то время («не имею намерения просто обмануть рабочего человека сказкой во время досуга, а оживляю этой бумажной затеей и самую жизнь»).

Тавтология «оживлять жизнь» обнаруживает состояние жизни: нормальную жизнь не нужно «оживлять». Идея преображения жизни, уходящая корнями в культуру модерна, которую теперь разрабатывает государство, приводит жизнь

[1] Нужно отметить, что даже в 1960-е гг., когда из забвения вышел целый ряд писателей и поэтов, публикация дневника Пришвина, за исключением отдельных вырванных из контекста записей, оказалась невозможной; так же, как невозможна была публикация его очерков революционных лет (*Пришвин М. М.* Цвет и крест), ряда рассказов и повести «Мирская чаша» (Собр. соч. 2006. С. 581—667).

к омертвению, окостенению, она застывает в каркасе лозунгов и идей — и свою задачу писатель видит в сохранении живой жизни.

Мироощущение Пришвина, несмотря на беспрецедентное идеологическое давление, агрессивное внедрение «нового» во все сферы жизни, катастрофическое изменение как жизни, так и самого человека («Смотришь, бывает, на человека и думаешь: что бы за человек он был, если бы марксизма не было») всегда ориентировано на неповторимость и уникальность — личности, события, «пролетающего мгновения» каждого дня, на развитие и изменение — идей, жизни, истории, на смысл происходящего, на разнообразие и движение мира.

Потому и в ситуации 1930—1931 гг. Пришвин всей глубиной своей натуры и культурной традиции, которая воспитала его, понимает, что вопреки окружающему, нужно жить и делать свое дело. Он уверен, что «место поэта в рабочем строю» во все времена остается неизменным («Сталину: Среди ограбленной России / Живу, бессильный властелин»).

Главное для Пришвина в эти годы — не бросить писательство, не уехать за границу, не покончить с собой (все это постоянно возникает в дневнике), а заниматься своим делом, «отстоять жизнь», то есть писать и, по возможности, выжить; это была его задача в современной культурной ситуации — труднейшая, и в то же время для него единственно возможная («ставка теперь не на сильную личность в широком творческом смысле слова, а на личность, которая выживает»).

В разговоре с художником Бостремом «ошибка» попавших в Соловки уподобляется «ошибке» Христовой (каждый уподобляется Христу), чье доверие и открытость не были поняты и привели к трагедии Распятия. И теперь происходит подобное («Самых хороших людей недосчитываешься»): жить открыто (по Христу) невозможно; чтобы отстоять жизнь (Христа) необходима маска, смысл надо скрывать и отстаивать тайно, будучи всегда готовым к расплате (Распятию). Так и церковь переводит на более понятный язык Христову тайну, прячет ее «обратно в организм, в природу» и говорит об этой же самой тайне прикровенно, симво-

лически. Вопреки реальности, которую Пришвин хорошо понимает, он пытается овладеть ситуацией и не сломаться, чтобы самому сознательно строить свое «творческое поведение» («самое главное, установление своей линии, какою бы ни было ценой, даже в последний момент ценой личины, т. е. "жизни"»). Так живут многие люди, окружающие писателя, так живет и он сам.

В это время сложные семейные отношения усугубляют и подчеркивают полное одиночество Пришвина в его попытке продолжать жизнь («мне хотелось идти по дороге... пока хватит сил, и потом свернуть в лес, лечь в овраг и постепенно умереть. Мысль эта явилась мне сама собой и вовсе не сейчас после ссоры, она последнее время живет со мной, и с удивлением вычитал я на днях у Ницше, что это — «русский фатализм»... Когда же стал себе представлять, что лежу в овраге, то вдруг жизнь моя последнего времени именно такой и явилась... как если бы я лежал в овраге с ожиданием конца. В чем же дело? Лег и лежи. Не все дождь и холод, будут и радости, потому что, если и немножко меньше будет дождь, и то станет полегче. Вот сахар выдали по 4 кило»). Так в диалоге с Ницше, всегда очень существенном для Пришвина, преодолевается ницшеанское представление о русской душе как пассивной и мистически ориентированной — выход обнаруживается в ироническом остранении, снимающем актуальность «конца» («В чем же дело? Лег и лежи ... будут и радости»), позволяющем не просто продолжать жизнь, но радоваться в ней самым простым и насущным вещам.

Между тем, главная идея времени была очевидной: поглощение человеческой личности во имя общественной пользы — и что в таком мире могла делать литература?.. Не думать об этом писатель не может, и в связи с этим актуализирует идею игрового характера культуры как способа существования во враждебном мире и противостояния ему: в мире, где «необходимости умереть» невозможно противопоставить свободу жить (смерть (Танатос) становится главным содержанием времени), он воссоздает оппозицию необходимости и игры, смерти и радости («мы, артисты, призваны дать людям радость игры против необходимости умереть»). Развивая эту тему, Пришвин оказывается в русле евангельской

традиции («будьте как дети»), которая, несмотря на исторические парадоксы, остается глубинной подсознательной подоплекой современности («Сущность жизни, конечно, игра (фантазия, свобода), но чтобы жить, играя, надо быть как дети. Редкие могут быть как дети, но смутно все этого хотят, повторяя лицемерно заповеди необходимости и долга»).

Внешняя жизнь писателя в эти годы почти не изменилась — Пришвин по-прежнему живет в Сергиевом Посаде, который как раз в это время переименовывается в Загорск.

Дневник 1930 года начинается записями об уничтожении колоколов Троице-Сергиевой лавры. В фотоархиве Пришвина сохранилась жестяная коробочка из-под чая с наклеенным на крышку листочком белой бумаги, на котором его рукой написано: «Когда били колокола». В этой коробочке отдельно от всего архива хранил Пришвин разрезанные на кадры пленки. И сохранившиеся фотографии, и дневниковые записи первого месяца 1930 года оказались невольной метафорой последующей за этим жизни («по всей стране идет теперь уничтожение культурных ценностей и живых организованных личностей»). И даже методы уничтожения колоколов, описанные в дневнике, кажутся теперь символическими («Язык Карнаухого был вырван и сброшен... губы колокола изорваны домкратами»; «Как по-разному умирали колокола. Большой... доверился людям в том, что они ему ничего худого не сделают, дался опуститься на рельсы и с огромной быстротой покатился... Карнаухий как будто чувствовал недоброе, и с самого начала не давался... И на рельсы шел неохотно, его потащили тросами»).

В эти дни Пришвин, кажется, впервые отмечает новое в общественной жизни — страх, определяющий поведение людей, другими словами, первые признаки террора («довольно было... назвать дом ученых контрреволюционным учреждением, чтобы вся Москва начала говорить о закрытии дома ученых», «Вышел дефективный человек... сказал речь против Христа... верующие молчали: им было страшно сказать за Христа, потому что вся жизнь их зависит от кооперативов, перестанут хлеб выдавать — и крышка!»)

Надо сказать, что у Пришвина еще теплится надежда на то, что вся эта безысходность таковой, быть может, только

кажется и зависит от чего-то, что еще можно изменить («какой-нибудь негодяй из семинаристов, спасая свою шкуру, воинствует в безбожии, а мы, запуганные, забитые, воображаем себе какую-то непреодолимо великую силу разрушения, проносящуюся над нашими головами»), но эта последняя иллюзия быстро исчезает. А может быть, это даже не иллюзия, а попытка хоть за какой-то смысл, за какую-то знакомую мысль ухватиться... Однако найти какой бы то ни было смысл в происходящем оказывается невозможным («Неужели опять доведут до людоедства? Только теперь еще хуже, теперь уже нет "без аннексий и контрибуций" и т. п. Полное неверие теперь»).

Стратегия выживания писателя в годы террора, конформизм и его пределы — одна из проблем, которая в настоящее время постоянно и широко обсуждается: как удавалось сохранить себя и писать, публиковаться и даже быть актуальным в годы тотальной идеологизации культуры. Каждый писатель, так или иначе, вынужден был решать эту проблему в своем творчестве — и Пришвин, конечно, не исключение («Мы, старые писатели, не можем сразу справиться с этой огромной задачей: приспособиться и остаться самим собой»). Как известно, опыт писания «в стол» был у писателя очень ранний: начиная с 1918 года в его архиве постепенно формируется целый пласт неопубликованных художественных произведений, не говоря уже о дневнике. Но этот пласт сосуществует с прагматикой конкретных культурных действий.

Пришвин стремится присутствовать в официальной культуре, не изменяя себе и не отступая. Он уверен, что может писать о том, *что* закажут, но не может писать так, *как* закажут («Я готов с эпиграфом Сталина "снять колокола — подумаешь, какая революционность!" написать новую "поэму с фотографиями". Я напишу ее с темпераментом и без малейшего лукавства, если мне будет дана возможность высказывания, не озираясь на "партлинию"»). Каким образом это возможно и на что он надеется, когда записывает так в дневнике? Здесь возникает проблема языка.

Во-первых, литературный язык Пришвина находится в тесном взаимодействии с живым народным разговорным языком, который менее всего связан со складывающимся

«советским новоязом». Даже если считать, что в дневнике писатель пишет свободно, а в художественных произведениях с оглядкой, то не на цензуру и не на идеологию, по крайней мере, не в эти годы. Язык писателя — не эзопов язык иносказаний или зашифрованных смыслов, а язык, на котором можно сказать все... «имеющим уши». Как в дневнике, так и в художественных произведениях он «отягощен» разговорной составляющей, по сути своей обращенной к каждому конкретному человеку, в пришвинском случае — к человеку понимающему, к другу, что является и главной особенностью языка писателя, и его неотъемлемой частью. Это язык неидеологизированного человека, по-другому он не может, не умеет ни думать, ни писать, ни говорить.

Может быть, писательская стратегия Пришвина, так же как тайна его личности и весь его талант, заключается именно в языке, который оказывается неуловимым для цензуры, потому что существует на другой территории, за пределами «*за* или *против*» («Как я живу? Живу, укрываясь делом, которое понять и разобрать до сих пор не могли; пожалуй, я даже и не укрывался. Я просто жил за счет своего таланта, меня талант выносил»)[1].

Кто только ни вспоминает о языке Пришвина, кто только ни удивляется ему по разным поводам — каждый, кто хоть раз сталкивался с ним в жизни или читал его произведения. Сколько раз он сам раздумывает об этом в дневнике.

Текст Пришвина выявляет его природную индивидуальность — его язык не вписывается в исторический контекст, даже если он к этому стремится. Или, вернее, торчит из этого контекста со всех сторон... прорастая новыми смыслами... Писателю важно не только выразить свое чувство и мысль, но как бы раскрыть, продемонстрировать мыслительный процесс, обозначить путь своего поиска, сомнений, поделиться всем этим с читателем, тем самым, вовлекая его в творчество — и уже сама высказанная мысль рождает самобытную, как сам он впоследствии скажет, «небывалую» форму. Разговорная лексика уживается с книжной и с революционным клише иногда в одной записи, что совершенно не смущает автора («Итак, если тебе *получшеет*, то знай, что, значит кому-

[1] Ср.: *Рыклин М.* Террорологики. Тарту; М.: Эйдос, 1992. С. 149.

то *похужело*, вроде как бы отобрали корову у кого-нибудь, чтобы ты пил молоко. Ты можешь *радоваться бытию при условии забвения ближнего*, ты можешь, впрочем, *жить идеей*, т. е. самозабвенным *участием в творчестве будущего нового человека*»). Главное качество мысли Пришвина не в том, что она верная, точная, сильная или наоборот — неверная, а в том, что она живая, она пульсирует в тексте, доминирует в нем («Мыслей вам хватит на всю жизнь», — сказал Пришвину в 1908 году в Петербурге Дмитрий Владимирович Философов).

Пришвин становится понятен, если рассматривать его творчество в контексте литературы XX века, для которой мысль важнее, чем жанр («очень легко писать книжки, которые они принимают, прежде всего, как отдых, развлечение, а не труд совместного с автором продолжения творчества»). И в этом свете замечание А. Блока, о котором Пришвин не раз вспоминает в течение жизни, оказывается не задачей, которую писателю надо решать, а признаком его стиля, от которого ему никуда не деться[1].

Так или иначе, Пришвина отличает способность свободно говорить о существенном и глубоком, когда говорить именно о существенном и глубоком абсолютно невозможно. В его тексте, как и в повседневной жизни, всегда присутствует смысл, который одним совершенно не нужен, а другим необходим как воздух. Этот смысл не приходится выявлять рационально, путем рассуждений и пр. — он слышится, как далекий гул, чувствуется как глубина, в явном ощущается скрытое. Уникальность личности Пришвина заключается в том, что он обладает сознанием, не укладывающимся в какую бы то ни было заданную форму. Его тексты многосмысленны и зависят от внутреннего мира читателя, от его жизненной установки, мироощущения, взглядов — один не услышит ничего, а другой услышит все, и бесполезно с тем или другим о чем-то спорить. (Кажется, что даже не очень

[1] Ср.: «К сожалению, Пришвин владеет литературной формой далеко не так свободно, как языком. От этого его книги, очень серьезные, очень задумчивые, очень своеобразные, читаются с трудом. Это — богатый сырой материал, требующий скорее изучения, чем чтения» (*Блок А. А.* Собр соч.: В 8 т. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 651).

частые упоминания имени Пришвина в критике можно было бы разделить по тому же признаку.)

Пришвин всегда отстаивает идею сотворчества с читателем: ориентация на понимающего всё читателя-друга остается главным признаком его стиля (он пишет не для всех, а для каждого). Далеко не всегда ему удается обойти цензуру и победить на этом пути, как в повести «Жень-шень», написанной в результате поездки на Дальний Восток в 1931 году и опубликованной в 1933-м. Потому, наверное, до конца жизни он считает «Жень-шень» «кристаллом» и самой лучшей, самой свободной своей вещью. В ней победил художник («Какая же это цепкая традиция у критиков объяснять творения личности той или другой социальной средой, в то время, как именно в том и состоит творчество, чтобы уйти и увести с собой читателей в мир иной, совершенно свободный от социальной и родовой тяготы, с их первородными и производными грехами. В этом мире творчества качество всех вещей так же свободно, как на базаре цены, и всякий прохожий может сказать: это мне нравится, это нет»)[1].

Между тем литературная политика в 1930 году ознаменовалась дальнейшим усилением давления на литературу: власть навязывает писателю язык, темы, идеологию. РАПП принимает это как должное, «попутчики» как невозможное, а Пришвин...

Перед литературой ставится задача служить утверждению революционного мифа о новом строе и новом человеке, а также участвовать в процессе насильственного изменения мира существующего. Ни в том, ни в другом Пришвин-писатель никогда не участвовал и участвовать не собирался. Неудивительно, что в 1930 году, в связи с новыми обвинениями в адрес «Перевала» и писателей-«попутчиков», Пришвин оказывается в эпицентре развернувшейся литературной борьбы[2].

---

[1] Ср.: «...текст предстал как подлинный смысл пребывания вне власти ... текст ... затягивает в ... не поддающееся классификации место, вдали от пространства политизированной литературы» (*Рыклин М.* Террорологики. С. 153).

[2] См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 94–127.

В это время Пришвина упоминают в разгромных журнальных статьях, которые он цитирует в дневнике («выяснилось, что Пришвину верить нельзя... Пришвин разъяснен: он принадлежит к контрреволюционной организации “Перевал”»), они его, естественно, задевают, он подумывает о выходе из «Перевала» («В чем виновны перевальцы, не могу понять. Во всяком случае, числиться в организации, в которой никогда не бывал... в наше время рискованно и, пожалуй, надо бы из нее выйти»). Об окончательном решении писатель официально объявляет в статье «Нижнее чутье», опубликованной в «Литературной газете» от 9 января 1931 года. Свою линию защиты Пришвин выстраивает не с точки зрения идеологии, а с точки зрения творчества. Он не раскаивается, а объясняет («Несколько лет назад, когда “Перевал” был для всех хорошим, ко мне... приехали отличные молодые люди, охотники... я подписал предложенную мне бумагу с планом неустанного движения вперед, любви к ближнему и чистоты русского языка... больше я их не видел у себя, и ни разу не был ни на одном перевальском собрании»), не защищается, а нападает («я... современник Максима Горького. Я завоевал себе право... на собственный образ жизни, помогающий мне экономить свою энергию для фактического строительства жизни»). Он противопоставляет «невежественных критиков» современности критике дореволюционной, предполагает, что обвинение в причастности к «Перевалу» — только повод для нападок, и утверждает, что на самом деле «люди в футляре» уже не чуют простой язык, как не чуют живую жизнь и потому не понимают его творчества. В статье нет пафоса утверждения новой жизни и борьбы с враждебной идеологией — того, что требует от литературы новая власть, но нет и демонстративной оппозиции. Пришвин подтверждает свою готовность продолжать работать над «повседневными темами», однако ставит определенные условия, и, как это ни странно, с этими условиями всем некоторое время спустя придется считаться... хотя никто и не подозревает, что с ними считается, публикуя повесть «Жень-шень».

Все это очень важно, но едва ли не интереснее те внутренние мотивы, по которым писатель не может и не хочет считать себя «перевальцем». Об этом можно судить по дневнику. Пришвин вновь подтверждает культурную несостоятель-

ность утопической идеи преображения жизни словесным творчеством, которой был в прежние годы в определенной мере привержен («Есть же, значит, во мне нечто "перевальское", если юноши избрали меня своим шефом... Ошибка... произошла от наследственной привычки подчеркивать в своем сознании важность словесного творчества относительно общего творчества жизни... этой ошибке, по-видимому, подвержен и "Перевал"»). В то время, когда победила идеальная, романтическая, не имеющая никакого отношения к реальной жизни утопия — социализм, Пришвин понимает свое положение в культуре как гораздо более близкое к реализму, чем к романтизму («Если бы юноши из "На посту" отказались бы от некоторых своих приемов убеждения, я сейчас был бы ближе к их организации, чем к "Перевалу", потому что из двух дам мне ближе теперь "Необходимость" с ее реализмом, чем "Свобода" с ее иллюзией и романтикой»). «Высокое» и «низкое» в культуре поменялись местами: провозглашенная «свобода с ее романтикой» обернулась жесточайшим террором, а о «необходимости с ее реализмом» можно было только мечтать...

Правда истории может, конечно, не нравиться — Пришвину она и не нравится, — но не признавать очевидное и с ним не считаться он не может («В наше время правительство обладает теми кадрами, которых не было при царе: фанатически преданной ему молодежи. Вот почему троцкизм, воронизм, перевальцы должны сойти на нет: это прежние либералы»). Кроме конъюнктурных соображений для выхода из «Перевала», которые, безусловно, нельзя сбрасывать со счетов, Пришвин понимает, что не здесь проходит русло современной культуры, что кончилось время объединений свободных, творческих личностей и воцарилась масса, победило единое сознание, а личность вынуждена скрыться под маской, и если действовать, то невидимо, тайно («для нашего искусства наступает пещерное время, и нам самим теперь загодя надо подготовить пещерку»).

Укорененный в культуре, для которой понятие личности — незаменимой, неповторимой, творческой и пр. — было фундаментальным, Пришвин теперь живет и работает в рамках культуры, рассматривающей личность как частный случай, который можно и нужно использовать в интересах государства... Он готов многое понять в этой жизни и при-

нять как неизбежность, но в главном он не отступает: для него крайне важно сохранить традицию, преемственность в современном мире, теряющем культурную память («Правда, как-то после краха всей христианской культуры стало бессмысленно жить. И вот эта необходимость ... привести жизнь современную к относительной ясности и прочности является единственным смыслом нашего мрачного жестокого существования»). Всеми силами он пытается отстоять собственную личность и свое слово от поглощения временем. Каждое его произведение, и в первую очередь дневник, — это испытание на способность сохранить внутреннюю свободу. Ежедневно своей жизнью и творчеством, без всякого пафоса и геройства Пришвин утверждает реальность существования личности в чуждом, враждебном окружении («Я тоже за массы и я тоже против белизны европейского героя, но меня задевает и рвет на части, когда наивный человек... искренно с чистым сердцем минует все личное и говорит: личность — обществу. Минует трагедию, историю, Архимеда, Шекспира, Христа...»).

В дневнике 1930—1931 гг. Пришвин впервые определяет сложившееся государство как машину подавления («если дать ... волю государству, оно вернет нас непременно к состоянию пчел или муравьев, т. е. мы все будем работать в государственном конвейере, каждый в отдельности, ничего не понимая в целом»). Он видит, что происходит замещение всего, что только и может творить жизнь: иллюзия подменяет реальность, будущее вытесняет настоящее («замена качества причиной, творчества механизмом, личности единой множеством является следствием жизни, направленной в будущее»). Кроме того, Пришвин подчеркивает, что новая власть воспроизводит самое отсталое из всего, что было в дореволюционной России («коллектив государственный вполне соответствует строю русской деревни... мы, интеллигенты, воспитанные на европейских, гуманных идеях, так оторвались от деревенского коллектива, что не можем без отвращения и возмущения думать о государственной “принудиловке”, а между тем, очень возможно, она органически выходит из жизни крестьянина»).

В эти же годы Пришвин, кажется, впервые дает оценку личности Сталина («Сталин, человек действительно сталь-

ной», «человек, в котором нет даже и горчичного зерна литературно-гуманного влияния: дикий человек Кавказа во всей своей наготе»). Он понимает, что возвышение Сталина — результат развития революции, а не случайное стечение обстоятельств истории («личная диктатура должна завершить революцию неизбежно»). Может быть, потому Пришвин и принимает происходящее как данность, которую невозможно изменить, а сама личность Сталина не занимает его до такой степени, чтобы именно в ней искать причину происходящего («Сильнейшая центральная власть и несомненная мощь красной армии — вот все «ergo sum» коллектива советской России»). Перспектива развития государства, основанного на принуждении, подавлении, уничтожении всего живого («Наш коммунизм есть неприкрашенный безобманный дух человеческо-отрицающей цивилизации (машинной)»), для Пришвина совершенно очевидна, так же как и основные составляющие жизни, сложившейся в результате революции («Занялся бы поэзией управления государством (вероятно, разлагается на утопизм, авантюризм и халтуру)».

В течение послереволюционных лет юношеское романтическое понимание революции как творческого преображения жизни, вероятно, в той или иной степени присущее большей части поколения писателя, им, безусловно, изживается, но нельзя сказать, что это происходит легко. Пришвин не перестает раздумывать об истоках и неизбежности революции в России («есть ли наша революция звено мировой культуры или же это наша болезнь?»); он признает цивилизующее значение революции, ее активизирующее начало, и считает это необходимым для страны («Я не контрреволюционер, напротив, я охраняю революцию от... опасностей ее окостенения»). Революция в его сознании то вновь приобретает романтический ореол («эти явно пустые слова, прикасаясь к интимно-вечному человечества, имеют какое-то свое действие... являясь как зло, она, в конце концов, творит добро... присоединяет к творчеству жизни самое зло»), то обнажает свою губительную сущность — надежды и иллюзии, связанные с идеей революции, иссякают, как только начинается их воплощение: полная сложностей и противоречий реальная жизнь выталкивает идеально-прекрасную утопию («Ма-

ленькая правда... заделывает промахи больших отвлеченных проектов творческой мысли... И часто бывает, что большая правда вступает с маленькой в смертельный бой, называя ее презрительно «мещанством», а маленькая в борьбе с большой все более и более зарываясь в землю, мстит за себя нищетой людей, голодом и злобой»). Такова, по Пришвину, перспектива развития утвердившейся в послереволюционной России оппозиции: «утопия — реальная жизнь».

Это парадоксальное столкновение рационального и иррационального, внешнего и внутреннего, жизни и смысла, трагичность которого заключалась в принципиальной невозможности необходимого, спасительного компромисса, Пришвин находит в глубине русской истории («Вероятно, так было и в эпоху Никона: исправление богослужебных книг было вполне разумно, но в то же время под предлогом общего лика разумности происходила подмена внутреннего существа»).

Если в конце двадцатых Пришвин противопоставляет новой идеологии силу жизни как органического процесса, который невозможно запретить и остановить, то теперь он отмечает углубление кризиса и (вслед за Замятиным) обнаруживает неразрывную связь экономики с интимной жизнью («скоро выйдет наружу явным для всех... направление революционного внимания к самому истоку собственности, в область пола и эроса. И это произошло как-то без всякого идейного принуждения, прямо вышло следствием раскулачивания и обобществления»).

Мир существует как некое целое, разрушение не может быть частичным — репрессивная культура проникает в существо жизни, в самый ее центр, в ядро, уничтожая творчество жизни в его абсолютном значении, доводя оппозицию природы и культуры до абсурда («Ритм жизни (радость зачатия будущего и др.) сохранился теперь только в природе: ведь грач чувствует же себя, как грач, и корова знает, что она корова, а человек нет, он расчленен, и человек-кулак или человек-пролетарий разные существа»).

Кризис фундаментальных основ жизни не исчерпывается областью «пол-эрос», но пронизывает и другие сферы жизни («наша революция... добралась до разрушения интимнейших

ценностей человеческой жизни — детства, как оно сложилось в нашем понимании за десятки тысяч лет существования человеческого рода, брачных отношений, материнства», «сестер милосердия наставляют классовых врагов лечить во вторую очередь, а маленьких детей — ненавидеть родителей и предавать их, как классовых врагов»). Для писателя очевидна обреченность жизни, отрицающей жизнь («в социализме Эрос обрывается, и отсюда все бедствия»).

В дневнике возникает один из портретов современника, «героя нашего времени» — психологический тип, востребованный новой культурой («кляузники...вместе с социальными проходимцами, самолюбивыми недоучками, свое нравственное и умственное убожество прикрывающие классовым флером... сколько идиотов создано из самых лучших людей и в умственном, и нравственном отношении»).

Пришвин отмечает в дневнике жестокость власти («Едва ли когда-нибудь доходили политики до такого цинизма... отдав приказы об уничтожении колоколов... когда колокола будут разбиты... негодовать на тех, кто их разбивал», «Страшнейшая чистка... (наган на стол и мужикам: «Колхоз или Нарым»)», понимает состояние людей («перемученные люди»), переживает крушение надежды на улучшение жизни, которое в конце 20-х годов казалось ему возможным, и на фоне бесконечного падения качества жизни не может не видеть парадоксального укрепления идеологии («мы живем все хуже и хуже, революционные лозунги и понятия все больше и больше густеют в своем содержании»).

Слово как первопричина действия и речь как способ коммуникации обесцениваются («пустые слова»). Пришвин чувствует ангажированность советской речи («Поражает наглая ложь. (Умные лгут, глупые верят). Пишут, будто как коллективизация, так и раскулачивание происходили сами»), и вновь, как уже не однажды в послереволюционные годы, отмечает девальвацию слова, его цинично-целевое использование («У них все обстоит так, чтобы слово о добре использовать во зло»). В народе статья Сталина «Головокружение от успехов» вызывает обсуждение («Манифест вызвал бурю радости у мужиков... интеллигенция расценила его, как искусственный прием, сдерживающий прорыв гнилого на-

рыва»), но власть держащие знают, что на самом деле оно не означает ничего...

Оппозиция «слово-дело» в 1930 году достигла максимального напряжения. Осуществление идей, которые в течение века вызревали в обществе, было одновременно их профанацией; новая жизнь (дело) спародировала все: либерализм, гуманизм, христианство, свободу, творчество и саму идею как таковую. Все эти слова в новой жизни требовали переосмысления, в настоящем же пропасть между словом и делом бесконечно углублялась, поглощая смысл жизни («"я", которое все расходится в действии»). Обманчивость, лживость официальной речи становится обыденной и ведет к углублению кризиса человека («Пока еще все миросозерцания запрещены, кроме казенного, настанет время, когда над этим будут просто смеяться. Каждый будет вполне удовлетворен своим делом и отдыхом. Вот почему и был разбит большой колокол: он ведь представлял собой, своими краями, круг горизонта»). И понимая все, Пришвин своим делом — писательством пытается переломить интенцию разрушения слова, превращая свои произведения в оазисы, где слово полно смысла («мне думается, что еще можно отстаивать свою позицию, которая состоит в том, чтобы личным примером в деле осуществлять то добро, которое обещают на словах»).

А между тем, на деле развертывается коллективизация, результаты которой Пришвин изо дня в день наблюдает вокруг себя и которую понимает как уничтожение всего живого, творческого, лучшего, что когда-либо существовало в деревне («деревенская среда является положительной средой для кулака, способный человек непременно проходит в кулаки. Это очень сложный процесс: индивидуальность заостряется на достижении материального благополучия — всякий талантливый обращается в кулака. Вокруг лень, безвыходность, пьянство, слабость, зависть. Страшная среда. И вот это идеализировали и поэтизировали! Теперь кулак потерял всякий смысл, зато вся остальная деревня ринулась по легкому пути, сбрасывая с себя все старое, и плохое и хорошее»; «Долго не понимал значения ожесточенной травли "кулаков" и ненависти к ним в то время, когда государственная власть, можно сказать, испепелила все их достояние. Теперь только ясно понял причину злости: все они даровитые люди

и единственные организаторы прежнего производства, которыми до сих пор, через 12 лет, мы живем в значительной степени»).

Размышляя о фундаментальных категориях добра и зла, Пришвин вырабатывает современную стратегию жизни и работы, определяя этическую норму, не абстрактно-понятную, но трагически-реальную, соответствующую современной жизни. Ситуация тотального принуждения – господства зла как такового, с которым невозможно открыто бороться – обращает писателя к толстовской идее непротивления злу насилием и попытке оценить современную жизнь в свете этой идеи («Борьба с этим злом... невозможна, и в этом смысле можно говорить о непротивлении», «непротивление злу означает сознание бессилия борьбы», «пассивное сопротивление» есть иначе борьба со злом на путях добра в смысле подготовки», «при всяком господстве зла можно стоять на путях добра»). Героическая модель поведения никак не вписывается в новую абсурдную реальность, и, по Пришвину, не может быть способом борьбы с ней – потому что любому сопротивлению противостоит смерть.

У Пришвина нет иллюзий, он понимает, что на самом деле речь идет о самой народной душе с ее традиционной установкой на то, чтобы пережить, переждать, пока «зло перейдет», пока «боги насытятся кровью», и о необходимости изживания подобной установки – «просветлении масс» («несомненно, все господство зла обусловлено состоянием в данный момент всего народа... это зло в нашем сознании почти сливается со временем, сроком, необходимым для просветления масс»).

Безысходность актуализирует традиционные формы коллективного народного сознания: пережить, перетерпеть, дождаться... Но жизнь личности, жизнь каждого отдельного человека, и в особенности его как писателя, заключается в том, чтобы вопреки реальности строить свое «творческое поведение» («искусство как поведение» = текст как поведение), скрывая лицо свое под маской («Нельзя открывать своего лица – вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и маска», «Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуясь с обстоятельства-

ми»). Главное для писателя — это возможность заниматься своим делом, быть свободным в творчестве в надежде, что «имеющий уши» друг-читатель услышит и поймет; а для этого сыграть, обойти эту власть — игра? юродство? Может быть, и так... но не сдаться, устоять, выдержать («Мне было так, будто черт по-своему незнанию черт, а если ему раскрыть истинное творчество, то он им тоже заинтересуется... я раскрывал ему поразительный мир творчества, не говоря прямо, что он происходит от Бога... смотрите, я сделал хорошо! Черт смотрел, улыбался и говорил: «Эта манера писать, во всяком случае, годится, как образец, для обучения нашей молодежи»).

А если не выйдет — чемоданчик с бельем на случай беды был у Пришвина приготовлен.

Так разрешается для писателя проблема *как* писать: язык в эти годы становится для него не просто важнейшим, но, пожалуй, и единственно возможным, инструментом сопротивления власти. Говоря же о том, *что* писать, нельзя не отметить следующий факт: едва ли не единственная запись о беспредметном искусстве появляется в его дневнике именно в эти труднейшие годы — Пришвин делает попытку выйти за пределы видимого зла и видимого добра («Всякий предмет с нашей человеческой точки зрения есть воплощение добра или зла, предмет — образ бытия какого-нибудь духа. Беспредметник хочет писать о самом духе... Это возможно путем святости («жить иначе»)... В сущности, я всегда был беспредметником»).

Никому не может понравиться этот выход из ситуации, так как он не облегчает реальной жизни, но другого выхода писатель не видит, другого способа борьбы не находит — ни для себя, ни для своих героев, ни для своих современников.

Пришвин понимает, что новая мораль, требует от человека не просто одобрения происходящего, но отказа от культурной памяти («Нечто страшное постепенно доходит до нашего обывательского сознания, это — что зло может оставаться совсем безнаказанным, и новая ликующая жизнь может вырастать на трупах замученных людей и созданной ими культуры без памяти о них»). Человек будущего, о котором писатель не может не думать («а что как большевики

правы, и им удастся построить новый мир») представляется ему появившимся «откуда-то», то есть абсолютно не связанным с культурной традицией («откуда-то придут другие новые настоящие люди и поселятся в этих домах»), соответственно и способ существования личности в этом новом мире становится принципиально иным («Самых хороших людей недосчитываешься... И какая мразь идет на смену. Так создается новое время, и новые хорошие люди... будут знать, что вокруг них мразь, а свое упование будут охранять в недоступных тайниках личности»).

Вопреки государству с его идеями и официальной литературе с ее славословием, писатель вновь актуализирует оппозицию «культура-цивилизация» — «мы и они» («Цивилизация учит закрывать глаза на трагедию человека, культура причащает», «Они хотят человека заставить быть машиной, мы хотим машину одушевить»).

По Пришвину, культура непременно включает в себя и человеческую природу, и зеленую природу окружающего мира — и то, и другое не только требует внимания, изучения и охраны, но и при любом государственном устройстве остается основой человеческого творчества. Эта природа и есть то, о чем писатель всю свою жизнь думает, что он «поэтически» описывает и изучает[1].

В 1930 году Пришвин как бы проводит черту под целой эпохой, и граница проходит одновременно по природному и человеческому миру («Меньше и меньше становится людей, кто может выслушать песню глухаря, и людей меньше и глухарей: эта птица не современной эпохи... в лесу она исчезает»). По Пришвину, уменьшение количества глухарей как-то связано с тем, что слушать глухариное пение некому... связь эта очень существенна, и понять ее не так легко, как кажется на первый взгляд. Человек смотрит в природу и видит себя самого — изменившегося, существующего внутри культуры, им же и созданной, но уже отнимающей у него способность восхищаться нетронутой девственной природой, ценить ее, понимать и хранить. Это взгляд человека сложного совре-

[1] Ср.: *Эткинд А.* Культура против природы: психология русского модерна // Октябрь. 1993. № 7. С. 189.

менного сознания, предчувствующего будущие трагические последствия преображения природы и определяющего это как конец эпохи. Сам же он в этой нерукотворной дикой природе продолжает жить: наблюдает, фотографирует, охотится и в то же время черпает силы для жизни и работы. Взаимоотношения человека и природы в практике Пришвина обнаруживают огромный неисчерпанный потенциал жизни («Вечером отправился изучать глухарей... раздалось близко знакомое хлопанье крыльями: сел глухарь на сосну... Было совсем темно. Я рассчитывал, что глухарю я буду незаметен на темном фоне, а я его замечу на фоне неба... глухарь сидел в полдерева над моей головой и вдруг с треском сорвался... Чудесно было думать, что наверху этих огромных сосен спала такая огромная птица. Кого-то она могла ужасно испугать, но мне именно потому и не было жутко одному в бору... что вокруг спали живые существа»).

В дневнике 1930 года много нереализованных замыслов. Пришвин пытается уйти в кино, в переводы, стремится печататься за границей. В дневнике появляются новые для него мотивы: плюшевый Мишка, которого он фотографирует в лесу, задумывая новую книгу — игра живого с искусственным, снятие серьезности мира, попытка переосмысления реальности. Так выстраивается оппозиция вечного и временного, личности и машины, игры и реального мира. Пришвин чувствует в этом культурный потенциал, но... человек на его глазах превращается в игрушку — ничего, кроме нескольких дневниковых вариантов начала книжки, написать на эту тему ему не удается («большевик представляется мне не больше, как мой “Мишка” с пружинкой сознания в голове»).

Тем не менее, проблема визуализации текста остается для писателя актуальной: у него появляются «фото-книги» — переплетение текста с фотографией. Записи в дневнике также часто сопровождаются серией снимков, что нельзя рассматривать как простую иллюстрацию к тексту; это параллельный творческий процесс, который, в любом случае, представляет собой интересный опыт создания словесно-визуального текста («колокола», «пауки» и др.) Кстати сказать, фотографией, раздобыв хороший фотоаппарат «лейка», Пришвин в это время занимается страстно, и большинство

экспериментов с ракурсами, светом, планами, сюжетами и пр. относятся именно к 1930 году.

В 1931 году состоялись две первые поездки Пришвина по стране — это входило в образ жизни советского писателя и соответствовало способу изучения мира, присущему Пришвину с самого начала его творческой жизни. Хотя вряд ли можно сравнивать его первые дореволюционные путешествия и нынешние поездки по стране. То были именно путешествия, связанные с изучением края — природы, истории, обычаев, включающие встречи и разговоры с десятками людей. Дневник путешествий оказывался книгой, над которой писатель по возвращении в Петербург работал и затем издавал. Теперь все было иначе.

В начале 1931 года он отправляется в командировку на строительство Уралмаша, с некоторой иронией записав об этом в дневнике («деньги получены от «Достижений»... едем в Свердловск искать достижения»). Газетная, официальная версия «достижений» на строительстве Уралмаша, может быть, и не вызывала у него доверия, но то, что он видит на Урале, превосходит все возможные ожидания.

Поездка длится месяц — с 23 января по 23 февраля, — и в это время дневник заполняется страшными картинами строительства. Отмечая огромное количество проблем — от организационных («видели каких-то совершенно железных людей, на которых возложена волевая установка этого не-дела»), бытовых («В этих землянках живут те, кто приехал сюда из деревни с лошадью зарабатывать себе на постройке», «Неурожай, разорение, крайняя нужда пригнали их сюда», «Вагоны переполнены, вокзалы набиты людьми»), до идеологических («большинство, работая, не верят, что завод когда-нибудь выстроится», «строительство это внешнее и непрочное, внутри его те же слезы и кровь») — писатель в то же время понимает, что сила на стороне власти, которая способна осуществить задуманное, какую бы цену ни пришлось за это заплатить («Весь идеализм собрался на строительстве заводов», «Это стремление вперед так огромно, что будущее становится реальней настоящего», «выстроить могут»).

Только спустя некоторое время после возвращения Пришвин приходит в себя — возвращается утраченное чувство

жизни, всегда связанное у него с творчеством («Я так оглушен окаянной жизнью Свердловска, что потерял способность отдавать себе в виденном отчет... не с чем сравнить этот ужас... Только вот теперь, когда увидел в лесу, как растут на елках сосульки, вернулось ко мне понимание возможности обыкновенных и всем доступных радостей жизни, и вместе с тем открылась перспектива на ужасный Урал»).

Именно на Урале писатель убедился в том, что пафос новой жизни заключается в борьбе с природой, в этой насильственной бурной деятельности («будущий механический цех представляет реальность большую, чем стоящий вдали лес»). И в то же время, все понимая, вопреки очевидному и ужасному, на строительстве он почувствовал магию этой жизни («Иногда на Машинстрое я заражался этой психологией (что новая жизнь началась»)...

«Старая» психология, связанная с библейской традицией, ориентирована на личность и культуру («есть в человеке природа, которая преодолевается тысячелетиями, и то немного, а последнее преодоление, когда лев ляжет рядом с ягненком»). «Новая» психология, связанная с революционной традицией, ориентирована на массу и рационализм — борьбу с природой и переделку мира («усилием воли можно все переменить... всё мальчишки делали и некультурные люди... сила молодости, доверчивой к разуму (юность, число, сила самоутверждения: сказано — сделано, ясно! факт! точка!»).

Именно в эти годы в дневнике переосмысливается притча о блудном сыне: начиная с революционных лет, все происходящее в России так или иначе соотносится Пришвиным с евангельской парадигмой, вмещающей возвращение блудного сына, покаяние, прощение и пир — продолжение жизни («станем есть и веселиться» — Лк. 15, 23). В дневнике 1930–1931 годов писатель обнаруживает, что уничтожается начало и самый смысл жизни, время обращается вспять, «проходит само по себе», «к нему жизнь не пристает» («Ясней и ясней становится, что тема времени есть «сын на отца», «теперь... сын распинает отца») — сын, распинающий отца, обрекает себя на тупик, ему некуда возвращаться. И никуда не денешься от упрямой «фрейдистской» логики: вытеснение Отца — искажение божественной воли — ведет к появлению «отца народов» со всеми вытекающими отсюда последствия-

ми... Интуиция писателя может иногда подвести его в оценке реальных событий, но никогда не подводит в понимании их причин и истинного содержания («Мы жили долго сознанием, что Отец послал Сына для спасения нас на смерть и что ужас Распятия есть “воля Господня”. Но вот теперь, если сын распинает отца (в этом есть ens realissmus (суть. — *Ред.*) времени, то чья же тут воля?»). Кроме того, — может быть, это и есть самое главное — природа «заблуждения», по Пришвину, иная: это не личный выбор пути, а обман, соблазн «малых сих» («Колокола, все равно, как и мощи, и все другие образы религиозной мысли уничтожаются гневом обманутых детей. Такое великое недоразумение...»).

Ничего написать в результате этой поездки Пришвин не смог. На Урале он вновь, как когда-то в годы революции, почувствовал богоборческую суть современной жизни, которая профанирует христианскую парадигму, превращая ее в жуткую пародию («В большевизме есть эсхатологическое начало или нет — я не знаю... эсхатология основана на чувстве конца мира и начала совершенно новой жизни (“загробной, после светопреставления и Страшного Суда). Так вот у нас теперь, как после светопреставления чистилище (чистка) и Суд и разделение овец (пролетарии) и козлов (о лишенцах: там будет скрежет зубов)”»).

24 июня 1931 года Пришвин подписывает договор с «Известиями» о поездке на Дальний Восток, которая фактически определила его дальнейшую писательскую судьбу и положение в литературе.

На Дальнем Востоке все признаки террора тоже были налицо: насильственная организация новой жизни («ссыльные работают в приморской полосе на лесозаготовках»), страх, порождающий немыслимые преступления («начальники перестреляли своих жен как свидетельниц»), доведенные до каннибализма беглые ссыльные («сидел на плоту и ел человеческую руку»). Более того, «остраненная революцией жизнь» (Шкловский) становится привычной, острота переживаний по поводу увиденного притупляется, возможность собственного ареста представляется вполне вероятной и выглядит буднично («Много всего говорится между нами, и большую часть сказанного мы ни за что считаем, но если за-

вести канцелярию с секретарем и машинистками, то довольно двух простых болтунов, чтобы канцелярии было дела по горло и... зависит от того, как смотреть — важного дела. (Хорошо сказать на суде, или в ГПУ на допросе)»).

Но, в отличие от Урала, на Дальнем Востоке Пришвин обнаруживает миф о жень-шене и носителей этого мифа — собирающих корень жизни китайцев. Пришвин потрясен дикой первозданной природой, наблюдает гон пятнистых оленей, оказывается в мире, полном жизнетворчества. «Эрос жизни» выявляет гармоническое соотношение природы и культуры, наполняет мир, живущий в ритме океанского прибоя, смыслом — восстанавливает его целостность («Чем успокаивает шум моря, когда сидишь на берегу? Тем, думается, что мерный звук прибоя говорит о больших сроках земли, прибой — это как будто часы у самой планеты, и вот эти большие сроки встречаются со сроком твоей маленькой жизни, и начинается раздумье, и маленькая скорбь исчезает»). Без этого чувства связи своей жизни со всем миром Пришвин вообще не может ни жить, ни писать, а с этим чувством он может и жить, и писать, и выдерживать невозможное, искать, и находить непреходящий, не зависящий ни от чего внешнего смысл жизни. Пришвин записывает рассказы охотников, байки о медведях, тиграх и волках, миф о жень-шене, личные впечатления.

Ожившие архетипы мифологического сознания возвращают его к творчеству. В 1933 г. выходит, написанная одним духом повесть «Жень-шень», одно из рабочих названий которой — «Эрос». Эрос противопоставляет Пришвин-художник господствующему Танатосу современности.

Считается (впрочем, вполне справедливо), что именно с повестью «Жень-шень» Пришвин триумфально вошел в советскую литературу. И это притом, что повесть не отвечала ни одному из требований, предъявляемых в это время к литературе. Безусловно, тема организации заповедника соответствовала современному пафосу строительства и использования природных богатств, однако в повести строится совершенно противоположная господствующей модель развития — воплощение которой в реальной жизни было абсолютно невозможно.

«Жень-шень» — это повесть о любви, в которой не обсуждается, «за» или «против» революции ее герой. В ней

обсуждаются две модели поведения, соответствующие двум моделям отношения человека к природе: первобытно-родовая («Всякий охотник поймет мое почти неудержимое желание схватить зверя и сделать своим»)[1] и сложно-современная, соединяющая поэтическое («Прекрасное мгновение можно сохранить только не прикасаясь к нему руками»[2] — культурная традиция Гёте) с современным прагматично-рациональным — организация заповедника с целью добычи оленьих пантов для изготовления лекарства. Охотник противостоит поэту — но поэту, способному к осуществлению реального дела, органично соединяющему в отношении к природе традицию (культуру) и современность (цивилизацию).

Кроме того, в повести «Жень-шень» Запад в лице главного героя (сложный, сомневающийся, рефлексирующий человек «фаустовского» типа) и Восток в лице китайца Лувена (простой, органичный, традиционный, все понимающий в жизни и природе человек) не противостоят друг другу, но творчески взаимодействуют, дополняют друг друга, осуществляя задуманный проект организации заповедника.

В художественном мире повести проект организации заповедника становится моделью мира, в котором снимаются оппозиции «Восток—Запад», «природа—культура» «культура—цивилизация» поскольку осуществление вполне прагматичной цели, стоящей перед человеком, требует и умения, и трезвого расчета, и знания, и поэзии, и мудрости, и любви. И как (в такое-то время!) это все удалось писателю Пришвину сказать, кажется, никто до сих пор так и не может понять...

В течение всей жизни в дневнике Пришвина по разным поводам то и дело возникают две женщины — Варвара Петровна Измалкова и Ефросинья Павловна Пришвина. Невеста и жена.

Варя, Варвара Петровна Измалкова — первая любовь, дочь крупного петербургского чиновника, студентка Сорбонны; с ней связаны воспоминания, сны, мечты, неудовлетворенность, сожаление о несбывшемся счастье и сомнения в

[1] Собр. соч. 1982—1986. Т. 4. С. 15.
[2] Там же.

его возможности, и, самое главное — творчество; Пришвин уверен, что встреча с Варей сделала его поэтом, что она муза, и остается источником его писательства.

Фрося, Ефросинья Павловна Пришвина (Смогалева) — деревенская женщина, сохранившая связь «с природой, народом, русским родным языком», жена, мать его детей, превратившаяся со временем в «злейшую Ксантиппу»; с ней связано семейное, повседневное, родовое, трудные личные отношения с вечным вопросом о необходимости расстаться, непонимание, пережитые вместе труднейшие годы, чувство вины и ответственности за неравный брак.

Другими словами, все романтическое, поэтическое, эротическое связано с Варей, а реальное, бытовое, природное — с Ефросиньей Павловной.

В течение многих лет Пришвин не может никуда деться от связанных с Варей эротических снов, и так же никуда он не может деться от своей семейной жизни. Может быть, потому он так привязан к Ефросинье Павловне, что она связывает его чувственность, реализует его мужское естество, причем обыкновенно, безыдейно, «как у всех», как в народе, как в природе, а при его рефлексирующем эротическом комплексе (Невеста) это очень существенно и важно. Эрос Пришвина связан с творчеством, но это не сублимация — он лично не задет, не заинтересован, он не переводит в поэзию свои комплексы, но освобождается от них в жизни (за что он Ефросинье Павловне всегда благодарен). Потому-то он и чувствует, что «обманывает» Ефросинью Павловну. Он понимает, что благодаря ей он свободен в творчестве, где таится недоступная Невеста, Прекрасная дама, Муза — Варя Измалкова (надо сказать, что эта двойственность указывает на столкновение символистской и акмеистской практики в творческой и личной судьбе писателя, обнаруживая в его любовном дискурсе культурную подоплеку). «Недоступность» с необходимостью присутствует, но разрешается без символистских «сложностей», обычным путем — естественным, природным, здоровым, в семье; и это не циничное пользование семьей, а искренняя попытка выстроить семейные отношения. Роль Ефросиньи Павловны в его жизни огромна — она соответствует одной стороне его натуры, но другая — поэтическая, мятущаяся, рефлексирующая, связанная с эросом жизни,

реализуется в творчестве, но не находит успокоения в жизни («живая любовь непременно эротическая»).

В дневнике 1930–1931 годов (как и в более ранние годы и в последующие) появляются записи о семье, свидетельствующие об одиночестве Пришвина и попытках разорвать порочный круг семейной жизни («надо почаще вон из дома, и к этому бездомью (возможно ли?) приучать себя»).

Истощаются отношения с Ефросиньей Павловной – пол без эроса истощается, не имеет творческой силы, и, в конце концов, становится невозможным. Между тем, в культуре как раз в это время господствует встречное движение – «любовь без черемухи», «без флирта, без кокетства», пол без эроса («сдержанный пол... создает эротическое свечение мира с цветами (черемуха): дети... сказочки, праздники... стихи... Какой же мир вне влияния эроса... Что же остается? Вот тут и является "герой нашего времени". Боюсь, что качество мира исчезнет и останется количество (счетный разум). А может быть, так мы подойдем к пчелиному трудовому государству?»)

Так или иначе, несостоявшийся проект личной жизни Пришвин превращает в состоявшийся проект творчества. Уникальность пришвинской ситуации состоит в том, что хотя пол и эрос в его практике отрицают друг друга, но комплекс, почти обязательно при этом возникающий, у него отсутствует. Это необычно, особенно для художника, который всегда изломан этим несоответствием, а Пришвин, хотя напряжен до крайности в эротическом чувстве, но спокоен и свободен в физическом... Многие так живут и о чем-то втайне мечтают, а Пришвин – писатель, который только об этом тайном и пытается говорить, – к примеру, в повести «Женьшень».

Как всегда в связи с темой пола в дневнике возникает диалог с Розановым. Теперь Пришвину кажется, что он дожил, наконец, до понимания розановских парадоксов («Розанов добрался и до "сладчайшего Иисуса", который является нам в творчестве, и увидел там, что "сладчайший" (радость творчества) обретается за счет того же пола, что весь "эрос" находится внутри пола и христианская культура – это культура по существу эротическая, но направленная против самого рождения человека, она как бы паразитирует на поле, со-

бирает лучи его и защищается духами от пота и вони. Вот и добрался в Розанове до того, чем и сам живу»). Пришвин понимает, что его творчество тоже «паразитирует» на поле, что освобожденный эрос наполняет творчество жизнью. И еще много лет спустя он отметит, что все его писательство — это обращенная в неведомое будущее песня «Приди!»

В дневнике 1931 года появляются записи, свидетельствующие о том, что сквозь страдание, ложь, мрак и жестокость новой жизни Пришвин пытается увидеть и понять смысл происходящего. Речь идет о новой культуре, и писатель понимает, что она уже реально существует, как бы к ней ни относиться... И, конечно, можно ненавидеть свое время, но другого не будет — и потому приходится культурно обживать то пространство («пустое пространство») и то время («время стало холодным»), в котором живешь. Невозможно изменить ход истории, но свидетельствовать о нем — писать... хорошо писать — возвращая истинный масштаб попираемым жизнью ценностям, необходимо. По дневнику видно, как писатель прорывается сквозь бессмыслицу к смыслу, без которого невозможно жить. У него хватает мудрости сквозь современность почувствовать присущее революции обновление жизни. Варварское, невыносимое, но сметающее застывшие культурные нормы, которые уже были (стали) само собой разумеющимися, утратили живой первоначальный смысл, воспроизводились механически, формально — традиция, из которой ушла жизнь, обряд, из которого ушла вера (когда-то в предреволюционные годы Пришвин записал «Россия разломится ... скреп нет»)... В момент разрушения, уничтожения всех и вся, из этой пучины возникает новый — варварский — взгляд на культуру («нечто действительно ценное в революции: как будто мы подходим с открытыми глазами к существу вещей»). Этот взгляд снимает патину времен и обнаруживает под ней нечто, что оказывается парадоксальным образом совершенно необходимым здесь и сейчас. Понятно, что это «нечто» — культуру (к примеру, русскую классику) начинают идеологически строить, «варварски» использовать... но и культура сама по себе начинает невидимо действовать — облагораживать варвара.

И трагедия (настоящая) была не только в самой революции, но и в том, что она оказалась репрессивной, механистической, рациональной, мертвящей, а не животворной. Революция, воспользовавшись кризисом культуры, назревшей потребностью в обновлении, оказалась неспособной открыть таящиеся в прежней жизни родники подлинного возрождения. Она оказалась неспособной использовать этот посыл революции (всякой), ее тайный, глубинный, как теперь говорят, мессидж. Напротив, все органическое, продуктивное, уже зарождающееся в недрах старой культуры революция методично уничтожала («Вычитал у Фабра, что он делает свои метеорологические наблюдения, избегая инструментов... зачем термометр, если для своих опытов достаточно узнавать холод и тепло "по себе"... При пользовании инструментом мы обыкновенно приучаемся не "обращать внимание" на непосредственное воздействие среды, утрачиваем корректив "по себе", и вот начало той страшной силы, которую называют по-разному, то схоластикой, то бюрократизмом, то автоматизмом и т. п. Вот говорят: "нам необходимо повидаться". Это значит, что надо отбросить всех посредников общения (всякие термометры, письма, телеграммы и т. п.) и обратиться к свидетельству цельной личности. Я думаю, это и есть истинный смысл того, что называют революцией... люди повидаться хотят и на это ссылаются, то как на "смысл", то как на "естество" и т. д. Бросают Бога, церковь, быт, потому что раз свидание, то зачем все эти посредники. И если эти посредники мешают свиданию, то надо разбить их... Так я понимаю происхождение революций из необходимости личного свидания между людьми»).

Потому-то и уходит все в глубокие тайники личности, где вопреки внешнему — истории — невидимо и трагично, жертвенно и героически, а также просто и повседневно совершается возрождение, идет процесс обновления культуры. На это-то обновление Пришвин и нацелен, на это он и надеется, потому и не встает в позу, а продолжает работать, как и многие люди вокруг него («Да, страдание огромно (кресты без конца) но, конечно, свидание происходит, строится невидимый град и растет»).

Я. Гришина

Настоящий том представляет собой последовательные дневниковые записи, сделанные Пришвиным на протяжении 1930–1931 гг. Хронологию нарушают лишь вложенные в дневниковую тетрадь листки со списками сделанных Пришвиным фотографий, которые вынесены в комментарии.

Текст дневников считан по автографам, хранящимся в РГАЛИ.

К сожалению, многие слова и даже предложения не удалось прочесть по рукописи. Такие случаи обозначены в тексте угловыми скобками (< >) и буквами *нрзб.* Также угловыми скобками обозначена расшифровка сокращений. В квадратных скобках ([ ]) приводится предполагаемое написание слова со знаком вопроса.

В алфавитный указатель не включены имена крестьян, едва знакомых Пришвину людей, встретившихся ему на Урале, Дальнем Востоке и др. местах.

Приносим благодарность за помощь в разыскании материалов для комментариев и указателя имен: В. П. Балашову, Н. П. Бирюковой (Пришвиной), С. Л. Воробьеву, Л. В. Гирлиной, В. Н. Грекову, Е. В. Грековой, А. Колесову, А. Кравецкому, Г. Б. Кремневу, А. Медведеву, Н. Мизь, И. Г. Новоселовой, Ю. Н. Палагину и К. Филимонову.

Принятые сокращения:

Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине — Аймермахер К. Политика и культура при Ленине и Сталине. 1917–1932. (Серия «Первая публикация в России»). М.: АИРО-XX, 1998.

Варламов А. Пришвин — Варламов А. Н. Пришвин. М.: Молодая гвардия, 2003.

Дневники 1914–1917 — Пришвин М. М. Дневники 1914–1917. Книга первая. М.: Московский рабочий, 1991.

Дневники 1918–1919 — Пришвин М. М. Дневники 1918–1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994.

Дневники 1920–1922 — Пришвин М. М. Дневники 1920–1922. Книга третья. М.: Московский рабочий, 1995.

Дневники 1926–1927 — Пришвин М. М. Дневники 1926–1927. Книга пятая. М.: Русская книга, 2003.

Дневники 1928–1929 — Пришвин М. М. Дневники 1928–1929. Книга шестая. М.: Русская книга, 2004.

Ленин. ПСС — Ленин В. И. Полное собрание сочинений: В 55 т. М.: Политиздат, 1970–1983.

ЛН — Горький и советские писатели. Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 70. М., 1963.

Личное дело... — Личное дело Михаила Михайловича Пришвина: Воспоминания современников. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2005.

Михаил Пришвин. Журавлиная родина — Пришвин М. М. Журавлиная родина. М.: Московское товарищество писателей, 1933.

Михаил Пришвин. Мой очерк — Пришвин Михаил. Мой очерк. М.: Московское товарищество писателей, 1933.

Пришвин М. М. Цвет и крест — Пришвин М. М. Цвет и крест. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2004.

Пришвина В. Д. Путь к Слову — Пришвина В. Д. Путь к Слову. М.: Молодая гвардия, 1984.

РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства.

Собр. соч. 1927—1930 — Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 7 т. М.; Л.: Государственное издательство, 1927—1930.

Собр. соч. 1935—1939 — Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1935—1939.

Собр. соч. 1956—1957 — Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Художественная литература, 1956—1957.

Собр. соч. 1982—1986 — Пришвин М. М. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1982—1986.

Собр. соч. 2006. — *Пришвин М. М.* Собрание сочинений: В 3 т. М.: Терра — Книжный клуб, 2006.

Чуковский К. Дневник 1930—1969 — Чуковский К. Дневник 1930—1969. М.: Современный писатель, 1994.

1930

С. 5. *...упавший вчера колокол...* — речь идет об уничтожении колоколов Троице-Сергиевой лавры, что происходило в русле антирелигиозной борьбы, развернутой в 1929—1930 гг. Ср.: «Самый большой колокол в СССР, б. Троице-Сергиевой лавры, в 67 тонн весом, будет перелит на необходимые стране сельскохозяйственные орудия»; «Трудящиеся закрывают очаги дурмана» (Безбожник. 1930. № 4. С. 10—13). Кроме дневниковых записей, о том же свидетельствуют более 200 фотографий, сделанных Пришвиным в течение января.

...свет погас и надолго... — ср.: «Протокол № 28 от 27.12. 1932 г. Слушали: О включении электричества писателям Пушкову В., Пришвину, Григорьеву, Кожевникову, проживающим в г. Загорске. Постановили: Предложить Коммунальному Тресту включить эл. энергию в квартирах вышеуказанных писателей по одной электрической лампочке» (из протокола Президиума РИКИ (райисполкома)). Указано К. Филимоновым.

Пришлось бросить фотографию... — в 1930 г. Пришвин много занимается фотографией: он не только снимает и печатает, но и создает новый жанр — фотоочерк («Каляевка», «Зооферма», «Гибель биолога Давыдова и народного учителя Автономова», «Мох»). См.: *Михаил Пришвин.* Мой очерк. С. 201—312.

С. 7. *Я читал «Литфакт» (Страшная зюзюка)...* — Имеются в виду две первые главы очерка «Каляевка»: «Литфакт» и «Зюзюки». См.: Там же. С. 202—221.

Проф. Шевырев уехал в Париж...потому что гр. Бобринский дал ему пощечину... — С. П. Шевырев затеял ссору, которая переросла в драку с гр. В. П. Бобринским, внуком побочного сына Екатерины II; по разным источникам это произошло либо на заседании Московского художественного общества, либо во время обеда у тайного советника А. Д. Черткова в 1857 г., за что

оба были высланы из Москвы. См.: *Афанасьев А.* «Я защищал только честь русского имени» // Источник. Приложение к ж-лу «Родина». 2003. № 5. С. 34–35.

С. 8. *...в тюрьме царской от тов. прокурора.* — Воспоминание относится к 1897 г., когда Пришвин — студент Рижского политехникума был арестован за участие в работе марксистского кружка и помещен в одиночную камеру Митавской тюрьмы. Ср.: в автобиографическом романе «Кащеева цепь»: «Политическое дело "школа пролетарских вождей" выкопал и создал, как интересный момент современности, один талантливый товарищ прокурора, маленький чистенький петербургский тип, Анацевич. Равнодушно выслушивая все на свете, этот следопыт политики говорил одно только слово "любопытно" и все-таки держал в своих руках жандармские, сыскные и всякие полицейские управления» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 223).

С. 10. *...после заседания правления Федерации...* — речь идет об изд-ве, органе Федерации объединений советских писателей (ФОСП), созданном в 1929 г. на базе кооперативных издательств. Первым заведующим его был А. Н. Тихонов (Серебров). В 1933 г. изд-во получило название «Советская литература»; в 1934 г. влилось в изд-во «Советский писатель».

...у Воронского... — критик и публицист А. К. Воронский, будучи ответственным редактором первого советского литерат.-художеств. и научно-публицистич. журн. «Красная новь», привлекает к сотрудничеству в нем так называемых писателей-«попутчиков», которые в конце 1923 г. под его руководством объединились в литературную группу «Перевал». С этих пор, постепенно нарастая, развивалась конфронтация писателей-попутчиков и пролетарских писателей: первые, в русле традиций классической русской и мировой литературы, отстаивали принципы художественной правды и творческой свободы, вторые — видели задачу литературы в пропаганде социалистических идей и требовали борьбы с идеологическим влиянием буржуазных писателей. К 1930 г. борьба с «попутчиками» достигла апогея: выступая на XVI съезде партии (1930) писатель Киршон обвинил группу «Перевал» в том, что она «в ответ на лозунг ликвидации кулачества как класса выдвигает лозунг гуманизма и человеколюбия» (XVI съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1930. С. 75, 279). В течение 1930–1931 гг. наблюдается массовый выход писателей из «Перевала» и группа прекращает свое существование. См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 65–127.

...встретил Пильняка... — диалог с Пильняком интенсивно развивается на страницах дневника в течение 1922 г., после того, как Пильняком был написан и опубликован роман «Голый год» (1921), а Пришвиным написана повесть «Мирская чаша. 19-й год XX века» (1922), которую опубликовать не удалось (впервые в 1978 г. (с купюрами), полн. в 1991 г.). См.: Дневники 1920—1922 гг. С. 256, 260, 265—267; Собр. соч.: В 3 т. 2006. Т. 1. С. 583—667.

...мастерил ложно-советские вещи. — Вероятно, имеются в виду романы Л. М. Леонова «Барсуки» (1924), «Вор» (1927) , «Соть» (1930).

С. 11. *Вчера приезжал Ю. М. Соколов...* — вероятно, речь идет о Ю. М. Соколове — известном фольклористе, одном из организаторов кафедры русского устного народного творчества на филологическом факультете Московского университета.

...«грабь награбленное»... — впервые лозунг прозвучал в выступлении донского казака Шамова на III Всероссийском съезде Советов (16 января 1918): «Мы грабим грабителей». Неделю спустя эта фраза была процитирована В. И. Лениным: «Мы грабим награбленное», а еще 3 месяца спустя на заседании ВЦИК в докладе «Об очередных задачах советской власти» Ленин сказал: «Попало здесь особенно лозунгу "Грабь награбленное", лозунгу, в котором, как я к нему ни присматриваюсь, я не могу найти что-нибудь неправильное, если выступает на сцену история. Если мы употребляем слова: экспроприация экспроприаторов, то — почему же здесь нельзя обойтись без латинских слов?» См.: *Ленин.* ПСС. Т. 36. С. 269.

...«ergo sum»... (*лат.*) — неполная цитата известного афоризма Рене Декарта «Cogito, ergo sum» — «Я мыслю, значит, существую». Ср.: «*29 Апреля 1944.* И пусть Декарт верит: мыслю, значит, существую, ведь надо еще спросить его, в каком направлении он мыслит... люблю, значит, существую» (РГАЛИ).

Вот жуть с колхозами! — Ср.: «1.VI.1930. Я изучил народничество — исследовал скрупулезно писания Николая Успенского, Слепцова, Златовратского, Глеба Успенского — с одной точки: что предлагали эти люди мужику? Как хотели народники спасти свой любимый народ? Идиотскими, сентиментальными, гомеопатическими средствами. Им мерещилось, что до скончания века у мужика должна быть соха — только лакированная, — да изба, — только с кирпичной трубой, и до скончания века мужик должен остаться мужиком — хоть и в плисовых шароварах. У

Михайловского — прогресс заключается в том, чтобы все мы по своему духовному складу становились мужикоподобными. И когда вчитаешься во все это, изучишь от А до Z, только тогда увидишь, что колхоз — это единственное спасение России, единственное разрешение крестьянского вопроса в стране!» (*Чуковский К.* Дневник 1930—1969. С. 9).

Пильняк уезжает в Америку. — 9 ноября 1929 г. Пришвин вклеивает в дневник газетную вырезку (ни газета, ни автор статьи не определяются), в которой указано, что писатели-«попутчики» на самом деле уже не объединены общей идеей и что самая значительная группа писателей «представляет литературу квалифицированной интеллигенции, отчасти старой, отчасти новой, живущей преимущественно интересами своего ремесла в зависимости от внешних условий, тяготеющей то влево, то вправо... В левом центре оказываются Ю. Тынянов, Б. Пильняк, Л. Леонов, Константин Федин, М. Пришвин...» (Ср.: Дневники 1928—1929. С. 309) — таким образом, с официальной точки зрения Пришвин и Пильняк — писатели идейно близкие. Между тем, Пильняк, ставший частью литературного официоза, и Пришвин, живущий под Москвой и не всегда знающий о происходящем в кулуарах литературной жизни столицы, не имеющий ни малейшей склонности к административной деятельности и рассматривающий литературную ситуацию в первую очередь сквозь призму творчества, находились на разных полюсах литературного процесса того времени, прежде всего, с точки зрения отношений с властью (Ср.: Дневники 1928—1929. С. 301—310). Непохоже, что Пришвин знал о политической травле, которой подверглись в конце 1929 г. Б. Пильняк за опубликованную без его ведома в берлинском «Петрóполисе» повесть «Красное дерево» и Е. Замятин за роман «Мы», опубликованный там же, о том, что оба они (Замятин — председатель Ленинградского отделения Союза писателей, Пильняк, возглавлявший Всероссийский Союз писателей) были вынуждены подать заявление о выходе из Союза, что Пильняк обратился с просьбой к Сталину разрешить ему выезд в Америку для написания нового романа, в котором он надеялся «противопоставить нашу новую, делаемую, строимую, созидаемую историю всей остальной истории земного шара». См.: *Борис Пильняк.* Мне выпала горькая слава... Письма 1915—1937. М.: Аграф, 2002. С. 347. Поездка была разрешена, и в январе 1931 г. Пильняк выехал в США и, как известно, вернулся обратно, но травля не прекращалась, вплоть до его ареста в 1937 и расстрела в 1938 г.

С. 12. *ЦКУБУ* — Центральная комиссия по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (ЦЕКУБУ) была создана по инициативе М. Горького в 1920 г. в Петрограде, в 1921 г. в Москве. Просуществовала до 1931 г.

«Разрушьте храм сей»... — Ин. 2, 19.

С. 13. *(Фабгел).* — Начиная с первых революционных лет, Пришвин время от времени отмечает в дневнике появление в языке новых слов, устойчивых словосочетаний, аббревиатур и т. д., связанное с ломкой традиционного поведения, переоценкой морально-этических установок в обществе, происходящих в момент революционного разрушения прежней жизни — государственного, экономического и социального устройства. В настоящее время лексико-фразеологические особенности русского языка советской эпохи изучаются лингвистами как пропагандистские клише, служившие для внедрения в сознание людей идеологических стереотипов. Совокупность этих клише и приемов их употребления получает название «советского новояза» или просто «новояза» (новояз — приблизительная калька английского Newspeak, слова, употребленного Д. Оруэллом в его романе-антиутопии «1984», опубликованном в 1948 г.). «Расцвет» новояза связывается со «сталинской эпохой». В настоящее время считается, что в собственно лингвистическом аспекте в чертах «новояза» трудно обнаружить что-либо принципиально неизвестное до того времени русской языковой системе. Поэтому полемика направлена не столько против «новояза» как такового, сколько против государственно-политического устройства и идеологии, которые воплощались в «новоязе» и обслуживались им: использование клише, стереотипных словосочетаний способствует искажению истины, языковой трансформации реальности; умолчания, негативная оценка целого ряда слов, связанная со сменой идеологических доминант (мещанство, богатство, свобода и пр.), лишает слова их подлинного смысла — многие исследователи считают это главной функцией тоталитарного языка, создающей искаженный образ мира, который соответствует идеологическим установкам. Ср.: *Земская Е. А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 533—534.

С. 14. *Аргýс.* — Ежемесячный литературный журнал (1913—1917), относился к группе так называемых «тонких» литературных журналов, публиковавших беллетристику, библиографическую хронику текущей литературы и др. материалы.

С. 15. ...*«шедше научите все народы»*... — Мф. 28, 19.

С. 16. ...*поместил в «Атеисте»*... — для антирелигиозной пропаганды была создана организация «Союз воинствующих безбожников», а под названием «Атеист» основаны общество, издательство и журнал (1922—1930).

С. 19. *Боголюбивая киновия с церковью*... — киновия (*грег.*) — общежительный монастырь, скит — место с двухэтажной церковью (1859—1861) в честь Боголюбской иконы Божией Матери, расположенное западнее Гефсиманского (Черниговского) скита. В нижнем этаже находился престол во имя св. жен Матроны и Капитолины, и погребение устроителя киновии — монаха Филарета, известного более как Филиппушка, основателя пещерного отделения Гефсиманского скита. Киновия задумывалась как кладбище для братии лавры (указано Ю. Н. Палагиным).

Пустынь Параклита (Духа Утешителя) основана в 1858 г. в 5 км от Посада по желанию настоятеля лавры архимандрита Антония (Медведева) устроить обитель для молитвенного уединения. После революции на месте пýстыни была создана трудовая сельскохозяйственная артель «Параклит», в 1929 г. преобразованная в колхоз «Смена» (указано Ю. Н. Палагиным).

Полиспаст (*грег.*) — система подвижных и неподвижных блоков для подъема или передвижения тяжестей.

С. 21. ...*их жития пр. Сергия проф. Голубинского*... — имеется в виду исследование историка церкви и богослова Евгения Евстигнеевича Голубинского «Преподобный Сергий Радонежский» (2 издания — в 1892 и 1909 гг.).

С. 22. ...*описал в рассказе «Клубника»*. — Рассказ «Клубника» вошел в цикл «Журавлиная радость». См.: *Михаил Пришвин*. Журавлиная родина. С. 206—207.

С. 23. ...*оставлю после себя замечательную детскую книжку*... — замысел книги осуществлен не был.

...*на днях полугил новое имя*... — Сергиев Посад был переименован в Загорск в честь известного революционера В. М. Загорского (Лубоцкий), убитого в Москве в 1919 г. бомбой, брошенной эсерами в помещение МК РКП (б), секретарем которого он являлся. В 1991 г. Загорску было возвращено его прежнее имя — Сергиев Посад.

...*юмористические рассказы Бальзака*... — имеется в виду сборник новелл Бальзака «Озорные рассказы» (1832—1837). Перевод на русский язык был заказан В. Д. Бонч-Бруевичем, в

то время главным редактором сборников «Звенья», М. В. Голицыну, который переводил рассказы вместе со своим отцом Владимиром Михайловичем. Внук В. М. Голицына С. М. Голицын вспоминал, что название «Смехотворные рассказы» придумано его дедом и что «дедушкин устарелый слог» оказался подходящим для новелл, написанных стилем XVI столетия. См.: *Голицын С. М.* Записки уцелевшего. М.: 1990. С. 271.

С. 24. *...помню, Мережковский кому-то доказывал, что его Христос выше...* — в 1908 г. в Петербурге Пришвин знакомится с З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковским и Д. В. Философовым, становится членом Религиозно-философского общества, а также знакомится с петербургскими сектантами-хлыстами. Духовное брожение в России начала XX века предстает в раннем дневнике Пришвина (1905—1914) в виде религиозного поиска народа и интеллигенции, в котором Пришвин обнаруживает много общего. (См. об этом: *Эткинд А.* Хлыст. (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 454—486.) Ранний дневник Пришвина в настоящее время готовится к изданию.

Чулков — настоящий религио-спортсмен. — Взгляды писателя и критика Г. И. Чулкова связаны с его теорией «мистического анархизма», как «пути последнего освобождения» через «утверждение личности».

С. 25. *Умрем за это!* — Воинская песня времен Первой мировой войны «Слышали деды, война началася...», созданная на мотив романса «Белой акации гроздья душистые...» (1902); слова впоследствии дважды переделывались: в годы революции 1917 г. — «Смело мы в бой пойдем за власть Советов! / И как один умрем в борьбе за это!». В гражданскую войну стала гимном добровольческой армии Деникина со словами: «Мы смело в бой пойдем за Русь святую!». Авторы слов неизвестны.

С. 28. *ФИСК* — Буквально: сыск, орган слежки и доносительства; в данном случае, возможно, имеется в виду орган, осуществляющий экспроприацию.

С. 29. *...князь поехал вчера на зайцев...* — здесь и далее Пришвин называет «князем» Владимира Сергеевича Трубецкого, зятя В. М. Голицына, своего товарища по охоте. В. С. Трубецкой — музыкант и писатель, его рассказы «Веселые охотники», «В дельте Волги», «Записки кирасира» печатались в журнале «Всемирный следопыт».

С. 30. *...тайну пружинки медвежьего сознания.* — Ср.: А. Толстой «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936).

С. 34. *...большая часть жителей занимается изготовлением детских игрушек.* — Имеется в виду Богородская резьба, народный промысел резных игрушек и скульптуры из мягких пород дерева (липы, ольхи, осины), существующий в деревне Богородское (ныне Загорский район Московской области), вероятно, с XVI—XVII вв. В начале XX в. мастера объединились в артель (1923 г.) «Богородский резчик».

Встретился Пендрие. — Частный фотограф, который был, по-видимому, колоритной фигурой в городе, так как спуск к Келарке за музеем игрушки, где он жил, называли Пендриевской горкой; считалось, что он французского происхождения и его имущество было по каким-то причинам конфисковано, что, впрочем, в 30-е гг. было неудивительно (указано Ю. Н. Палагиным).

С. 36. *Райфо* — Районный финансовый отдел. Ср.: *«11 Мая 1930.* Позвонил Тынянов <...> Какие ужасы были с ним <...> Он уверен, что кем-то указано не сбавлять ему, Тынянову, налога... К счастью, он продал в ГИЗ своего "Кюхлю" по 225 р. за лист 5000 экз. — в качестве 1-го тома собрания своих сочинений — все эти деньги и пойдут фининспектору <...> Это грабеж». См.: *Чуковский К.* Дневник 1930—1969. С. 7—8.

С. 37. *...рукопись «Каляевка».* — Каляевка — устоявшееся в народе название территории Черниговского скита, где после революции основали исправительно-трудовую колонию им. Каляева (указано Ю. Н. Палагиным).

«Погорельщина» — поэма Н.А.Клюева (1928). Впервые полностью опубликована в 1987 г.

С. 38. *...все мы корреспонденты всякой войны...* — Пришвин был военным корреспондентом на фронте во время Первой мировой войны. См.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 2. С. 602—608.

С. 39. *Александр Николаевич Энгельгардт* — профессор химии в С.-Петербургском земледельческом институте, агрохимик, по убеждениям народник. Автор книги «Письма из деревни» (1882), написанной во время ссылки в Батищеве. Ср.: *Пришвин М. М.* От земли и городов. Письма из Батищева // Пришвин М. М. Цвет и крест. С. 519—528.

С. 40. *В Октябре: рукопись...* — имеются в виду очерки «Каляевка». См.: Октябрь. 1930. № 3, под назв. «Девятая ель».

С. 41. *...в каждом Волисполкоме...* — Волостной исполнительный комитет.

А. Н. Ремизов... — владелец трактира в местечке Зимняк (Дубна), о котором Пришвин в книге «Журавлиная родина. Повесть о неудавшемся романе» (1929) писал: «Трактир Ремизова — это ключ ко всей устной словесности Московского Полесья» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 75).

Академик Платонов. — Речь идет о директоре Пушкинского Дома и Библиотеки АН СССР историке Сергее Федоровиче Платонове, обвиненном в «контрреволюционном заговоре».

С. 42. *...для создания евхаристии...* — Мф. 26, 26—28; Мк. 14, 22—24; Лк. 22, 19—20; Ин. 6, 51.

...«Недра». — Имеется в виду изд. товарищество «Недра», организованное в 1924 г. трестом «Мосполиграф» и просуществовавшее до января 1932 г. Неизменным руководителем «Недр» был Н. С. Ангарский (отв. редактор), активное участие в работе изд-ва принимал В. В. Вересаев (редактор-консультант). В изд-ве печатали свои произведения В. Вересаев, А. Толстой, П. Романов, М. Булгаков, С. Сергеев-Ценский, а также пролетарские писатели группы «Кузница». Изд-во «Недра» обвиняли в либеральном отношении к творчеству писателей — представителей «мелкобуржуазной интеллигенции».

С.43. *...статья Сталина «Головокружение от успехов»...* — в статье Сталин возлагает ответственность за полную дезорганизацию сельскохозяйственного производства на местное руководство.

Письмо Разумнику. — Имеется в виду Разумник Васильевич Иванов-Разумник — публицист и литературный критик, автор первой статьи о творчестве Пришвина «Великий Пан» (1910—1911). Воспоминания Иванова-Разумника о Пришвине см. в кн.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 264—265.

...вопрос о лишенности прав... — впервые о лишении «политических прав» и «ограничении свободы» было заявлено в «Программе партии», написанной Лениным и принятой VIII съездом РКП (б) (1919). В Программе было сказано: «Лишение политических прав и какие бы то ни было ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер... По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, и партия будет стремиться к их сужению и к

полной их отмене» (КПСС в резолюциях. 1953. Ч. 1. С. 414). В дневниковую тетрадь 1931 г. (18 мая) вложена газетная вырезка (название газеты не определяется) со статьей А. Морозова «Об учете лишенцев», в которой вопрос рассматривался в свете политики свертывания НЭПа и коллективизации.

С. 44. *...нанятая кооперативным магазином «Смычка»...* — кооперативный магазин «Смычка» (смычка города с деревней) появился в период НЭПа, находился в торговых рядах у Пятницкой башни Троице-Сергиевой лавры и просуществовал до 1935 г., когда по решению правительства на смену ему был создан горторг. (Краеведческий вестник. 2003. № 88. 17 авг. Сергиев Посад. Указано Л. Гирлиной.)

С. 46. *...Чистый понедельник...* — первый день Великого поста. *...Чистый на Страстной...* — ошибка; все дни на Страстной седмице — Великие; и Понедельник — Великий. *...Прощеный день* — последнее воскресенье перед началом Великого поста, когда на богослужении совершается чин прощения. На Страстной Чистым называют четверг — день Тайной Вечери.

С. 50. *Все злодейство... с государственной точки зрения названо «исправлением партлинии».* — По-видимому, речь идет о постановлении ЦК ВКП (б) от 15 марта «О борьбе против искривления партлинии в колхозном движении».

...примеры их неправильной жестокой политики. — Одно из последних принципиальных критических выступлений прессы было связано именно с оценкой сталинской политики коллективизации. Зам. отв. редактора центральной газеты «Красная звезда» М. Н. Рютин в январе 1930 г. отмечал «ошибочность курса по отношению к крестьянству», «его несоответствие решениям XV съезда партии», где речь шла о развитии всех форм кооперации, где имелось в виду активное вытеснение кулака экономическими методами, а не принудительным методом ликвидации кулачества как класса. Статья Рютина стоила ему сначала должности — 2 марта 1930 г. его сняли, а затем исключили из партии по ложному доносу и арестовали.

Крайнее напряжение народного хозяйства, резкое падение жизненного уровня в городе и деревне приводит к массовому недовольству: в течение первой половины 1930 г. по стране прокатилась невиданная волна крестьянских восстаний. Немало писем с осуждением сталинской статьи, возлагающей вину за происходящее на местное руководство приходило в редакцию «Правды», и отдельные письма с протестом против возложе-

ния вины за «перегибы» на «стрелочников» всё же появились на страницах газеты. В одной из опубликованных в «Правде» статей говорилось: «У кого же закружилась голова?.. Постановляем одно, а на деле проводим другое. Так нечего наводить тень на ясный день. Надо сказать о своих собственных прострелах и не учить этому низовую партийную массу... Выходит, “царь хорош, а чиновники на местах негодные”... Надо под ленинским микроскопом проверить причины перегибов и не карать за них покорных исполнителей — сельских коммунистов» (Правда. 1930. 9 июня).

«Значит, народ такой», — ответил Каменев. — Ср.: Дневники 1920—1922. 17 Декабря 1920. С. 116.

С. 51. *...я был свидетелем гибели... Растреллиевской колокольни...* — ошибка: строительство колокольни Троице-Сергиевой лавры осуществлялось под руководством архитекторов И. Ф. Мичурина и Д. В. Ухтомского.

С. 52. *Слова Конст. Леонтьева: если только мужики попадут в католичество, то за папу они всю либеральную Европу расплющат.* — По некоторым сведениям, часть эпистолярного наследия К. Н. Леонтьева находилась у писателя А. А. Александрова, с которым Пришвин тесно общался в эти годы, и, вероятно, у него эти письма читал.

Ср. с письмами Леонтьева к о. Иосифу Фуделю: «И если совокупность — всех выше перечисленных условий — приведет <...> к Соединению Церквей под Папой — то скорее может случиться, что русские, в одно и то же время — столь расположенные к мистическому подчинению, и столько неудержимые в страсти разрушить, столь бешеные, когда они одушевлены, — скорее, говорю я, может случиться, что эти русские-Паписты не только не будут кротки <...> а положут лоском всю Европу к подножию Папского престола; дойдут до ступеней его через потоки европейской крови» (от 19.01—1.02. 1891 г.).

«...гораздо лучше будет и для будущего Папы, если мы придем к нему тогда во всеоружии смелой, суровой и пышной культуры, в цветном кафтане и с мечом воина, смиренного лишь перед Церковью. <...> Но если мы будем сами собой, то мы в отпор опрокинем со славой на них всю Азию, даже мусульманскую и языческую, и нам придется разве только памятники искусства там спасать. И так как гибнуть как-нибудь нужно, то пусть славянство, независимое и великое, религиозное (так или иначе: по-Оптински или по-Соловьевски), сословное, мистическое,

поэтическое, пусть оно лет через 500 будет жестоко завоевано пробужденными китайцами и пусть покажет новые и последние (перед концом света) примеры христианского мученичества» (от 6–23.07.1888 г.). (Указано Г. Б. Кремневым.)

С. 53. *Весна света сияет.* – В начале одной из дневниковых тетрадей 1918 г. находится первая летопись жизни, которую Пришвин составляет, видимо, в связи с работой над автобиографическим романом. В ней есть пометка: «1885. Второй класс. <...> Счет годов с весны». (См.: Дневники 1918–1919. С. 365). Под таким названием есть у Пришвина рассказ «Весна света» (1938), который включается во все сборники рассказов писателя (Собр. соч. 1982–1986. Т. 5. С. 254–257). В конце жизни в дневнике появляются такие записи: «*2 Марта 1951.* В Москве уже лет тридцать и больше я наблюдаю чудесное время, названное мною весной света, когда первый воробей запоет по-своему в стенной печурке, желоб высунет из себя ледяной язык, и с него закапает, и поперек тротуара побежит первый маленький ручей. <...> Лет пятьдесят я уже веду пропаганду весны света»; «*30 Декабря 1953.* Мало ли чего в нашей жизни было разбито, но я спас и вывел к людям "весну света"» (Собр. соч. 1956–1957. Т. 6. С. 372–373, 794).

...есть много такого в... природе, чего не знаем... – ср.: «Как сейчас помню доклад Михаила Михайловича в Русском географическом обществе (ок. 1910. – *Я. Г.*) об этнографических исследованиях где-то в Заволжье <...> Зал был переполнен <...> И вот, характеризуя женское население изученного района, докладчик рассказал о какой-то "девке Матрешке", которая, несмотря на свою незаурядную религиозность, сделалась будто бы добычей темных сил. "Эта Матрешка, – рассказывал докладчик, – както исчезла из дома, пропадала трое суток и, вернувшись, объяснила свое отсутствие тем, что ее запер где-то в землянке леший, который ее там подковал подковами". – Шокированный зал разразился хохотом. Но Пришвин ничуть не смутился. "Вот вы смеетесь, – сказал он не без сарказма, – вы, разумеется, скажете, что лешего не существует. Согласен, здесь, в этом зале, может быть, он и не появляется, но там... Впрочем <...> если лешего вообще нет, то объясните мне, пожалуйста, кто же подковал Матрешку?"» (см.: Личное дело... С. 45).

Он постиг... самую высшую математику... – речь идет о работе П. Флоренского «Мнимости в геометрии» (М.: Поморье, 1922).

С. 54. *...о системе Птолемея...* — Птолемей Клавдий — древнегреческий математик, астроном, оптик первой половины II в., главный труд «Сочинение или математическая система» — высшее достижение древнегреческой математической астрономии. Геоцентрическая система Птолемея сохраняла свое значение и в средние века, вплоть до появления гелиоцентрической системы Коперника. П. Флоренский в книге «Мнимости в геометрии» пишет: «На этом поразительном юбилейном подарке Средневековью... дело, однако, не кончается... Вопрос идет о реабилитации Птолемее-Дантовой системы мира» (Там же. С. 48).

С. 56. *22 Марта. Сóроки. Тепло и в тумане тает.* — В дневник вложены листки со списком названий отснятых Пришвиным фотоснимков. Хронология нарушена.

22 Марта (9. Сороки)

1. Второй берег Кончуры под Сергиевом (Сорочье царство).
2. Гуси спешат к первой воде на р. Кончуре.
3. Проводы Зои в Сибирь.
4. Зоя на Комсомольской.
5. То же.
6. Павловна с Левой вслед за Зоей.
7. Зоя, Павловна и Лева на платформе.
8. Лева с Дубцом на платформе.
9. Я с Мишкой (линза 1).
10. Зоя в вагоне.
11. р. Кончура весной (Сорочье царство).

25 Марта.

12. Мишка на дереве (структура осины).
13. Мишка по сорочьему царству.
14. Мишка под разливом.
15. То же.
16. Мишка на берегу.

26 Марта. Пасмурный день после большого ночного дождя. То посыплет крупой, то явится надежда на солнце, но все-таки солнце не показалось ни разу. В Вифанском пруду* воды прибавилось на метр, и мельник сегодня вечером собирается воду пустить.

---

* *В Вифанском пруду...* — пруд получил название от Спасо-Вифанского монастыря и Вифанской семинарии, основанных в конце XVIII в. митрополитом Платоном (Левшиным) в 4 км от лавры. После революции монастырь и семинарию ликвидировали, но до 1925 г. в монастыре существовала монашеская артель, а храмы и музей митрополита Платона

18. Мишка идет на очень аппетитную проталину.

19. Мишка достигает проталины и садится на корень дерева.

20. То же в другом плане.

21. Остов старой березы (Алтайское дерево).

22. Оледенелый спуск мельницы сверху (вода по желобу) и снизу (с Мишкой).

23. Река под мельницей — надо отпечатать.

24. Мишка у воды.

25. Корневище дерева на проталине.

26. Мишка в раздумье у воды — печатать.

27. Мишка выкупался. За́береги.

28. Мишка на мостике у Вифанского пруда.

Удивительно, что никто не спрашивал у меня, зачем я снимаю Мишку, все как будто понимают мою затею и если говорили, то, наприм., только с улыбкой: «в чем это он у вас умазался».

27 Марта. Мы ходили в Бобошино. Дорога развалилась. В полях сорочье царство. Прилетели скворцы.

29. Сорочье царство: Дерюзинские поля 5*.

30. Озимь у дороги вытаивает. Павловна. 5.

<На полях:> — Вот моя полоса вытаивает, — сказал Тимофей.

31. Мишка на дороге, а дорога развалилась 4 +

32. Дом *<1 нрзб.>* бедняка Еремина в Бобошине: это он собирался отвинтить гайку... 5.

33. Мишка на вытаявшей тропе и на возу Тимофея 3.

34. Мытищенские шефы в Бобошине.

35. Мишка в почках ольхи и у потока 5 +.

36. Сани в распутицу 4–.

37. Мишка на осине 3+.

<Приписка на полях:> Бабы заметили медведя и засмеялись: «Не боишься? — Чего бояться: он еще глуп».

5 Апреля. Сияющий день, с утра мороз и ослепительное сверкание снега, в полдень все потекло и размякло, но нижележащий под слоем последнего снега наст не проваливался, и по всему лесу ходить было свободно. Попали к пильщикам леса, которые ни-

---

действовали до 1929 г. Затем в зданиях семинарии и храмах был организован детский дом им. В. И. Ленина, затем на территории монастыря был организован птицекомбинат, в храме — клуб, в семинарии — общежитие (указано Ю. Н. Палагиным).

* Здесь и далее Пришвин, вероятно, дает оценку снимков по пятибалльной шкале. — *Ред.*

сколько не удивились Мишке и помогали инсценировке. «Плохо вырабатываем, — воздохнул старик, — и что выработаешь, исчезает, куда делось: купить нечего». И тебе, старик, придет время, скажут: уходи-ка ты с Мишкой, не нужно это больше. (Смеяться — страшно теперь для смеха, плакать? некому слез утереть.)

38. Тень лесной изгороди?
39. На протаявшей кочке. 5.
40. У корня двух сросшихся елей. 4.
41. То же иначе.
42. Лесная изгородь с березой.
43. Ель с проталиной и тенью.
44. Мишка на лесном столбике с надписью квартала.
45. След лисы, преследующей зайца.
46. Березы срастаются в одну. Проталина, тени, Мишка.
47. Пильщики. Мишка рубит.
48. Лес валят.

7 Марта. Стоят богатые, прекрасные сплошь солнечные дни. Снегу все убывает и убывает.

49. Сани по сухой мостовой.
50. Мишка на сломе сухой березы.
51. Разбухают ольховые сережки.
52. Мишка на высоком сломе, тень на снегу.
53. Вытаивают причудливые пни.
54. Мишка лезет на березу за грибами.
55. Купола без крестов на Виф. храме.

<Приписка на полях:> Сюда же весь Мишка заткнут.

8 Апреля. Опять богато светом. Бушует поток. В лесу пестро. Но певчие лесные птицы (дрозды) еще не являлись.

56. Весенний поток возле города.
57. Мальчики у потока.
58. Владимир Сергеевич и Елизавета Владимировна Трубецкие.
59. Владимир Михайлович Голицын с внуком.
60. Елизавета Владимировна Трубецкая с детьми.

9 Апреля. Журавли летом. Муравьи заработали. Зяблик запел. Певчих дроздов нет. Солнечный день с летними облаками.

70. Снег, вода и летние облака.
71. Весенний поток. Contre jour*.

* Contre jour (*фр.*). — против света.

73. Все поет в лесу.
74. Ольха цветет на снегу. Мишка.
75. Муравьи заработали. Мишка.
76. Мишка у потока.
77. Мишка на столбе (лесн. кварт.).
78. Начало весеннего потока в лесу.
79. Облака и снег в лесу (тяга).
80. Проталина в лесу.
81. Снег осел, но нижние сучья прижаты еще и под елкой шатер. Мишка.
82. Тает в лесу.
83. Ручеек поливает сверху.
84. Весенний пейзаж с сосной на 1-м плане. После напечатания все пачкали и особенно много в № 86.

Весна света.

10 Апреля. По пути на тягу (вальдшнепов еще нет). Изредка поют дрозды и зяблики. Снимки сделаны от 4 до 5 веч. (за 1 час — 2 до заката).

<u>6,3</u>

$^{1}/_{25}$ — и $^{1}/_{10}$*

+85. Распутица с телеграфным столбом.
86. Князева вырубка.

11 Апреля.
+88. Снежный берег с тенями, подмытый водой.
89. Муравьи под 3-й линзой.
90. Ольха цветет ... поле.
+91. Поток и снег.
92. Тропа-ручей. Отражение берез.
+93. Еще в полях белеет снег.
94. Март в березовой роще.
+95. «Вот и моя полоска вытаивает!»
+96. а) Лесной поток. б) Подмытый берег (снег).
97. Поток в лесу с подмытым и тающим берегом.
+98. Водопад.
99. Светотени на снегу и отражение в воде.

12 Апреля.
100. Весенние водопады.

---

* Здесь и далее указаны характеристики фотоэкспозиции: диафрагма, выдержка, время съемки. — *Ред.*

101. Весеннее возле Княжьего места.
102. То же по-иному.
103. Тетя Женя.
104. Весна.
105 + 106. Ольха цветет.

16 Апреля.
107. Грачи на гатях в Селкове.
108. Весна Вифанского пруда.
109. Ольха цветет.

22 Апреля.
110. Осина цветет.
111. Лягушки мечут икру.
113. Ольха цветет и сухая тропинка.
114. Ранняя ива цветет.
115. Труп березы.
116. Береза плачет от радости (сок прибавился).
117. Ольха цветет на последнем снегу.
118. Ранняя ива цветет.
119. Береза накануне позеленения.
120. Цвет осины и ивы.
121. Пчела на иве и разлив Торб. озера.
122. Голубые лягушки.

15 Апреля.
123. Антонина Касьяновна Налетова.
124. Щучий бой и просохшая тропа.
125. Корень дерева.
126. Мария Кондратьевна. Фенька в дровах.
127. Портрет М. Пришвина с карт. Пичугина.

1 Мая.
128. Майские торжества. Стоят колонны возле фабрики Зайцева.
129. Колонны сестер (распускается береза с грачами).
130. Ленин и дети.
131. Майские торжества. Бляди.
132. М. торжества. Разукрашенный Совет.
133. Войска с сестрами.
134. Народ с музыкой.
135. Массы с лозунгами.
136. Дети восп. дома. Оратор.

9 Мая. Немного теплее. Холода как будто проходят. Трава растет все-таки. Лоза зеленеет. Береза цветет и чуть распускается (сок течь перестал). Последние сморчки.

137. Трава прорастает в болоте.

138. Бия роет крота. Прислушивается к кукушке. Знакомится с муравьями (нет).

139. Бия и Нерль.

10 Мая. Солнечный день. Для проработки теней брал 3,5/25 и получилось очень хорошо. Следовательно, это верно: черные негативы — недодержка.

140. Силоамская купель: цветут березы, отражение, гуси.

141. Главы без крестов. На стене распускается береза.

142. Погорельщики.

143. Березы цветут возле домиков.

144. Захолустье. Березы цветут.

11 Мая. После ночного дождя солнечно-переменно. Тепло. Воздух насыщен ароматом цветов ранних ив. Березы в сережках. Лоза зеленеет, но, в общем, пора еще шоколадная (от массы почек и цветов березы, осины, ольхи). На лесных ручьях в воде желтые цветы.

Начинаю катушку в 25 т. (Zeiss- 4 км). Чувствительность слабовата как будто. Большинство снимков 315/25 с/2, были 6,3/25 и даже 6,3/10 (хорошо).

145. Нерль и Бия.

146. Шоколадная пора. Бочаги. Желт. цвет.

147. Шок. пора. Домики с бочагами и <*1 нрзб.*> Опыт на светофильтре <*2 нрзб.*>.

12 Мая. Очень пасмурно, почти дождь, Пашут огород.

149. Тимофей, Мария и Павловна 3,5/10 д...

13 Мая. Солнечно. В лесу на сером большие листья черемухи.

150. Мария сбивает масло $\frac{3,5}{5}$ 8 у. Т. и $\frac{3,5}{10}$ 8 у. Т.

151. Долина Кончуры $\frac{3,5}{100}$ 10 у. С. и $\frac{3,5}{10}$ Ф 10 у. С.

152. Тоже с передн. планом — дерево в почках $\frac{9}{10}$ С 10 у.

14 Мая.

153. Влад. Мих. Голицын. Отражение в бассейне, когда березы только, только распускаются: $\frac{3,5}{25}$ С 5 в.

154. Утка и селезень — $\frac{3,5}{25}$ С 5 в контр. жур.

16 Мая.

155. В еще сером лесу ярко выделяются листья черемухи $\frac{3,5}{10}$ о 9 у и $^{9}/_{5}$ ° 9 у. С. Т.

156. Мои сосны, под ними куст в почках $\frac{3,5}{100}$ 9 Ст.

157. Бия учится выкапывать зверьков на берегу $\frac{3,5}{25}$ $\frac{С}{2}$ $9^{1}/_{2}$

158. Гнездо совы в дупле липы. Дупло с совенком $\frac{3,5}{5}$ 5 в. т.

159. Совенок в дупле. Тоже и один $\frac{3,5}{2}$ 5 в. т.

160. Два совенка на пне. Линза №1 $\frac{3,5}{5}$ 5 в. т.

17 Мая.

161. Чертова теща $\frac{35}{25}$ С 10 у.

162. Еж $\frac{3,5}{25}$ С 9 у. и с выдержкой.

163. Долина Кончуры с кустами в молодых листьях. + овраг с березой.

164. Вифанка... (май) с дв. берендеями $\frac{63}{25}$ 12 д. 63/25 12 д.

165. Домик с березами 63/25 12 д.

18 Мая.

Солнце. Очень тепло. К вечеру начала зацветать черемуха.

166. Афанасьевская заводь $\frac{6,3}{25}$ о С 9 у.

167. Береза и тропинка возле Виф. пруда: прошлогодние тростники: старые кончились, новые не выросли.

19 Мая.

Самый яркий день. Поездка в Пушкино на зооферму«Лисья поляна».

169. Перекочевка цыган $\frac{6,3}{25}$ 9 у. С.

170.

171. Дом зоофермы и норковый сарай. 2

172. Лисятник с вышки. 6

173. Лисятник. 2

174. Домик лисы и она. 2
175. Лисятник с вышкой и ток. 2
176. Домик лисы и она. Молодые с кормушками. 2
177. Заведующ. с лисенком Лисофон. 2
178. Завед. с производителем кошек-кормилиц.
Нина, у которой соболь берет изо рта леденец. 2
179. Общий вид соболятника. Соболь за решеткой. 2
180. Соболь за решеткой. 4
181. Соболь выглядывает из домика. 6
182. Енот. собака детеныш 4
183. Енот. собака <*2 нрзб.*> 2
184. Jst. музея Александра 3

22 Мая. Никол. Вешн.
Жара. Яркий свет. Цветет черемуха.
187. Павловна на тракторе $\frac{3,5}{25}$ 8 у. против солнца.
188. Павловна на лугу и на тропинке.
189. Князь с княгиней. Павловна на тракторе.
190. Тимофеева группа со мной и без меня.
191. Колхозный телятник. Дерюзинский пруд.
192. Волчья голова Бьюшки.
193. Бьюшка слушает кукушку. Семафор. И другие прекрасные Бьюшкины портреты.

30–31 Мая.
Зооферма.
194. Две вольеры с тамбуром. Семейная жизнь.
195. Соболиный питомник. Ограда.
196. Соболь за едой.
197. То же.
198. Соболь выглянул из домика.
199. Соболь на своем домике.
200. Внутренность домика соболя и он там.
202. Кормежка маленьких соболей.
204. Портреты соболиных мадонн.
205. Домик соболя весь. Изгрызенная затычка.
<На полях:> Лисица.

206. Внутренность соболиного сарая.
207. Кормежка лисиц.
208. Кормящая лиса.
209. Кормежка лисиц.

210. Линяющая лиса.
211. Кормежка лисиц.
212. Вид лисятника с внешней стороны.
213. Кошка — кормилица лис.
214. Собака-кормилица.
215. Енот. <*1 нрзб.*> норы у воды.
216. Енот. <*1 нрзб.*> вольеры.
217. Похищение ложки лисицей.
218. Енот американский.
219. Новорожденный заяц.

<*На полях:*> *Соболь.*

15 Июля.
222. Одуванчики.

С. 69. *Может быть, Сталин и гениальный человек...* — ср.: 5 июня 1930 г. К. И. Чуковский записывает в дневнике: «Вечером был у Тынянова. Говорил ему свои мысли о колхозах. Он говорит: я думаю то же. Я историк. И восхищаюсь Ст[алин]ым как историк. В историческом аспекте Сталин как автор колхозов — величайший из гениев, перестраивавших мир. Если бы он кроме колхозов ничего не сделал, он и тогда был бы достоин назваться гениальнейшим человеком эпохи. Но, пожалуйста, не говорите об этом никому. — Почему? — Да, знаете, столько прохвостов хвалят его теперь для самозащиты, что если мы слишком громко начнем восхвалять его, и нас причислят к той же бессовестной группе». Но уже 13 сентября Чуковский записывает: «...работа в колхозе вялая... крестьянин для коммуны работает не так энергично, как работал он для себя... колхозники сами себя обманывают, набирая вдвое больше талонов на обед, чем им нужно... Особенно обидно колхозникам, что они продают кило винограду по 75 коп., а частник свез ночью тайком свой виноград и продал по 2 с полтиной... Тракторов нет» (*Чуковский К.* Дневник 1930—1969. С. 9, 13).

С. 74. *15 Апреля.* — В эти же дни К. И. Чуковский пишет: «14 [апреля] вечер. Это страшный год — 30-й. Я хотел с января начать писание дневника, но не хотелось писать о несчастьях, все ждал счастливого дня <...> и вот моя мука с Колхозией, и вот запрещены мои детские книги и вот бешеная волокита с Жактом — так и не выбралось счастливой минуты» (Там же. С. 5).

С. 75. *Отказ в комнате...* — в течение нескольких лет Пришвин пытается получить в Москве комнату, о чем в 1931 г. пи-

шет письмо в Союз писателей: «Мне отказывают под предлогом, что я не городской человек и удовлетворяюсь жизнью в природе <...> Мне совершенно необходима в Москве комната, в которой я мог бы удобно работать и уезжать из Москвы без опасения за целость архива моего» (Личное дело... С. 306).

С. 78. *...по своей специальности агрономии...* — в 1902 г. Пришвин закончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета, вернулся в Россию и начал работать агрономом — в лаборатории Прянишникова в Петровской академии, затем в том же году — на хуторе графа Бобринского в Богородицком уезде Тульской губернии, в 1903 г. — в Клинском земстве Московской губернии. Об этом времени сохранились воспоминания уездного учителя Е. Н. Волынцева (см.: Личное дело... С. 32—34). В дневнике Пришвина в разные годы появляются записи о том времени, интересные, прежде всего, тем, что уводят к истокам творческой личности писателя (Ср.: «Утро богатое, холодное, седая роса на капусте, и тугие завернутые кочаны раскинули вокруг себя как седые бороды нижние, покрытые росою листья. Я успел памятью захватить этот источник счастья, откуда он льется мне в душу при начале каждой осени. Это было на хуторе графа Бобринского, где я был управляющим еще в 1903 году. Душа моя была взорвана до самого дна, до самой природы и соединялась свободно со внешней природой: отсюда потом стало во мне это чувство природы нарастать»; «Я вспомнил первое морозное утро на Балахонском хуторе графа Бобринского, когда я записал к себе неумело о какой-то ощутимой материи, где встречается Бог с человеком и начинается жизнь... Я думаю, что это было почти что первое мое литературное произведение» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 92).

С. 79. *Энгельгардт не Успенский.* — Имеются в виду очерки Глеба Успенского в тот период (с 70-х гг. XIX в.), когда его творчество определялось идейными поисками революционно-народнической интеллигенции, и было связано с проблемой отношения интеллигенции к народу, с положением крестьянина в пореформенной деревне и пр. Признавая исключительные личные качества народников, Пришвин, тем не менее, не считает обязательным «хождение в народ» и «опрощение», о чем и можно судить по данной записи, противопоставляющей Энгельгардта Г. Успенскому. Истоки отношения Пришвина к народничеству уходят в детство и связаны с образом его двоюродной сестры

Е. Н. Игнатовой, в юности члена народовольческой организации «Черный передел», затем учительницей в деревенской школе, организованной на собственные средства. Через нее Пришвин воспринял идеи народничества, но сама жизнь Дунечки стала для него символом кризиса этих идей. В летописи своей жизни Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Дуничка (орф. автографа. — *Я. Г.*) учит любить человека (Некрасовым)» (Дневники 1918—1919. С. 365). В 1929 г. в дарственной надписи на книге «Кащеева цепь», подаренной Е. Н. Игнатовой, Пришвин написал: «...в первые дни моего сознания моя великая учительница Дуничка внушила мне долг и любовь к природе и людям» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 8).

С. 85. *Аракчеевщина, военизация страны...* — имеется в виду политика, которую проводил при Александре I генерал и военный министр А. А. Аракчеев.

С. 89. *Fodis* — оптический дальномер для наведения резкости при фотосъемке.

С. 90. *...все равно как в былое время Ник. Мих. зарывал себя в землю...* — речь идет о брате писателя Николае Михайловиче Пришвине, человеке сложном, мятущемся, ищущем. Записи о нем в дневнике Пришвина крайне интересны: «*б/д.* Николай Михайлович (брат) был человек очень хороший, но, как все хорошие люди, он не знал, что хорош, и всю жизнь свою мучился, что он не такой, как настоящие люди. Где эти настоящие люди, кто они такие — в жизни он едва ли видел, но настоящий человек был ореолом его личного существования; после, в самые тяжелые минуты своей жизни, он недоуменно меня спрашивал: если все кругом так безобразно, то откуда же пришло к нему, что есть какой-то светлый человек?» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 19—20).

С. 92. *...Бострем собирается уехать на Кавказ...* — художник начиная с 1920 г. часто бывал в Сергиевом Посаде, реставрировал настенную роспись в Святых воротах Троице-Сергиевой лавры, дружил с Пришвиным, несколько раз писал портреты Пришвина, которые, по свидетельству сына писателя, Петра Михайловича, Пришвину не нравились и потихоньку им уничтожались (указано Ю. Н. Палагиным).

С. 96. *Читаю К. Леонтьева. Из его пророчеств многое сбылось, напр., о падении монархизма в Германии...* — О непрочности монархического строя в Германии Леонтьев много рассуждает в публицистике 2-й половины 1880-х гг.

С. 98. *...болтают в своих газетах, будто варшавская бомба — дело наших собственных рук.* — Возможно, имеется в виду взрыв собора св. князя Александра Невского в Варшаве в разгар конфликта между православной и римско-католической церквями в Польше, причиной которого был подписанный в 1927 г. польским правительством и Римским Папой конкордат, объявивший католичество господствующим вероисповеданием в Польше, за чем последовало требование католической церкви передать в свое владение около 700 зданий, включая храмы, принадлежащие православной церкви. Виновники взрыва в 1930 г. не были установлены.

С. 99. *Читаю К. Леонтьева. Самое его худшее предчувствие сбылось, и мрачные пророчества осуществились.* — Ср.: «“Столетие Леонтьева” (т. е. “русский XX век”) — так называлась одна из юбилейных публикаций 1991 г., посвященных памяти мыслителя, поставившего перед собой на первый взгляд невыполнимую задачу: заглянуть в будущее — России и мира. Это “будущее” <...> было предсказано им со столь неправдоподобной точностью, что цитаты-доказательства могут показаться “подложными”... Подобная зоркость может быть объяснена не столько даже особым даром предвидения, сколько, думается, тем ускользнувшим от исследователей леонтьевского наследия обстоятельством, что мировоззрение его системно (хотя, конечно, не есть система) и — внутри себя — продуманно и логично до такой степени, что это позволяет “расчислить” (“вообразить”) все возможные варианты глобальных культурно-исторических процессов (самым трудным и мучительным оказалось определить степень вероятности или, как Леонтьев однажды выразился, “сбыточности” этих вариантов:

“Вообразим себе, что лет через 50 каких-нибудь весь Запад сольется (мало-помалу утомленный новыми европейскими войнами) в одну либеральную и нигилистическую республику наподобие нынешней Франции. <...> Положим, что и эта форма солидной будущности не может иметь, но так как всякое, хотя бы и преходящее, но резкое направление человеческих обществ находит себе непременно гениальных вождей, — то и эта общефедеративная республика лет на 20—25 может быть ужасна в порыве своем. Если к тому времени славяне, только отсталые от общего разрушения, но не глубоко по духу обособленные, со своей стороны, не захотят (по некоторой благой отсталости) сами слиться с этой Европой, а будут только или конституционным

царством, или даже и без конституции, только, как при Александре II, монархией, самодержавной в центре и равноправной, однообразно-либеральной в общем строе, то республиканская все-Европа придет в Петербург ли, в Киев ли, в Царьград ли и скажет: «Отрекитесь от вашей династии, или не оставим камня на камне и опустошим всю страну». И тогда наши Романовы, при своей исторической гуманности и честности, – откажутся сами, быть может, от власти, чтобы спасти народ и страну от крови и опустошения, и мы сольемся с прелестной утилитарной республикой Запада.

Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для произведения насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и купцов для новой, ужасной, быть может, Пугачевщины. <…> Известно, что русский человек вовсе не умерен, а расположен, напротив того, доходить в увлечениях своих до крайностей. Если бы Монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не Сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности, русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. Теперь он плачет об убитом Государе в церквях и находит свои слезы душеспасительными; а тогда о депутатах он не только плакать бы не стал, но потребовал бы для себя как можно побольше земли и вообще собственности и как можно меньше податей. <…> При конституции и нигилистам гораздо легче было бы вести свою проповедь среди молодых земледельцев, мещан и фабричных; а людям порядка и преданий труднее было бы им противодействовать. Воспитывать наш народ в легальности очень долгая песня; великие события не ждут окончания этого векового курса!

Вообразим себе на минуту, что в <18>81 году торжество нигилистов в России было бы полное. В России республика; члены дома Романовых частию погибли, частию в изгнании. Монастыри закрыты; школы «секуляризованы»; некоторые церкви приходские, так и быть, пока еще оставлены для глупых людей. Чернышевский президентом; Желябов, Шевич, Кропоткин министрами…

Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равенства должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, к меньшей подвижности капитала и собственности, с другой — к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным; вероятно, даже к новым формам личного рабства или закрепощения"» (*Кремнев Г. Б.* Константин Леонтьев и русское будущее // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 2. СПб., 1995. С. 681—682).

Вот почему троцкизм, воронизм, перевальцы должны сойти на нет: это прежние либералы. — В ряде записей дневника речь идет о либералах, не оправдавших свои слова делом («представители старого гуманизма и либерализма в настоящее время совершенно пусты», «не большой творческой силой создавалась мысль, а раздувалась ненавистью к власти»), к которым Пришвин в определенной степени относит и Воронского с «Перевалом» и Троцкого.

С. 100. *Знакомство с Влад. Андр. Фаворским.* — Известный советский график и живописец В. А. Фаворский в 1933 г. иллюстрировал книгу Пришвина «Жень-шень». См.: Личное дело... С. 166—168.

Замошкин — Николай Иванович, литературный критик, автор статей о Пришвине «Творчество М.Пришвина» (1928), «Писатель-Берендей» (1929), до 1932 г. член литературного объединения «Перевал». Сотрудничество и дружеские отношения с Замошкиным сохранились до конца жизни Пришвина. Впоследствии автор еще двух статей о творчестве писателя: «Охота за счастьем. Заметки о детских рассказах М. Пришвина» (1940), «Михаил Пришвин» (1958).

...«Записки писателя» Лундберга. — Писатель и критик Е. Г. Лундберг в книге «Записки писателя» (т. 1—2, 1930) вспоминает о крахе своих народнических иллюзий, а также пишет о разложении берлинской послереволюционной эмиграции: с 1920 по 1924 г. Лундберг жил в Берлине, где организовал левонародническое издательство «Скифы», берлинский отдел Госиздата и Гостехиздата.

Реквием. Памяти Л. Андреева. — Речь идет о сборнике памяти Леонида Андреева «Реквием» (М., 1930), выпущенном сыном писателя Даниилом Андреевым и В. Е. Беклемишевой.

С. 101. *...все в пентаграмме.* — Пентаграмма — пятиконечная звезда. Рассуждая об оппозиции «пентаграмма—крест», При-

швин имеет в виду противостояние новой пролетарской культуры, рожденной революцией и сделавшей своим символом пятиконечную звезду, и традиционной двухтысячелетней христианской культуры, символом которой является крест. Пентаграмма означает отрицание традиции и возврат к «темным временам» язычества, далее обращение к гностицизму, оккультизму с их неприятием идеи Богочеловека и культом «человекобога» (Ф. М. Достоевский), понятого сугубо рационалистически. В этом смысле крест — не только религиозный, но и философский (онтологический) символ: за ним не только христианство с идеей спасительного, искупительного страдания Богочеловека Христа, но и определенное мировосприятие, для которого страдание есть необходимый элемент бытия вообще и человеческого бытия — в особенности: через индивидуальное преодоление страдания человек, собственно, и «вырабатывается» (Ф. М. Достоевский) в человека. Гедонистический идеал человека, провозглашенный коммунизмом, означает на практике перманентную войну власти против народа («весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем...») и отсюда искусственно создаваемые чудовищные страдания человека (пентаграмму в народе называли «ведьминой ногой»). Единственный способ противостояния, по Пришвину, — это «против пентаграмм крест поднять из себя», что «тяжело очень» (коммент. С. Л. Воробьева).

С. 102. *...идите в Живую церковь, там недурно.* — «Живая церковь» — обновленческое раскольническое движение внутри Русской Православной Церкви в 1922—1946 гг. Пользовалось относительной поддержкой большевистской власти и даже, по некоторым данным, было инициировано органами ВЧК в противовес Московскому патриархату. Идеологом и самопровозглашенным митрополитом «Живой церкви» был А. И. Введенский (1888—1946); после его смерти в связи с изменением политики сталинского руководства в отношении Московского патриархата обновленческое движение самоликвидировалось. Что касается идеологии «Живой церкви», то она носила преимущественно негативный, протестный характер (модернизация христианского вероучения, Устава и языка богослужения, требования лишить ведущих иерархов Церкви сана за антисоветские настроения, закрыть монастыри и упразднить монашество и т. д.) В политическом плане идеология обновленчества сводилась к безусловной поддержке атеистической власти и воспеванию «успехов социалистического строительства» (коммент. С. Л. Воробьева).

...смотрел, как со Страстного монастыря снимали огромных майских чудовищ, лягушек с <1 нрзб.> головами... – вероятно, имеются в виду издевательские изображения и муляжи священников в виде лягушек и др. уродов, которые в майские и октябрьские праздники в послереволюционные годы развешивали, в частности, на стенах церквей и монастырей.

С колокольни Расстреллиевской... – см. коммент. к с. 51.

С. 103. *Вы знаете «Черного Араба»...* – цикл очерков «Черный араб» с подзаголовком «Степные эскизы» был впервые опубликован в журнале «Русская мысль» в 1910 г. Пришвин продолжал работать над текстом до 1948 г., включая в разных изданиях в цикл одни очерки и выпуская другие. Писатель считал, что «Черный араб» можно называть очерком «за особенное напряжение, как бы усиленно реальное отношение автора к материалу», что «очерковый налет на всех сочинениях... является... от "сопротивления материала", не так-то скоро поддающегося переплавке в художественном горне». См.: *Пришвин М. М.* «Мой очерк. Биографический анализ». Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 91–96.

С. 104. *...до отъезда получу камеру...* – по свидетельству Л. М. Алпатова-Пришвина, сына писателя, при содействии А. В. Луначарского Пришвин получил из Германии два фотоаппарата «лейка» (фирма «Эрнст Лейтц»).

...nihil. – ничто (*лат.*) – философская категория, означающая отсутствие каких бы то ни было определенных качеств, либо бытия вообще. Противоположна категориям «нечто», «сущее», «бытие».

С. 105. *...у него же мать англичанка!..* – по сообщению Ивана Дмитриевича Шаховского, мать В. А. Фаворского Ольга Владимировна была дочерью известного скульптора Владимира Осиповича Шервуда.

...выслать «Гибель». – Имеется в виду очерк «Гибель биолога Давыдова и народного учителя Автономова».

С. 107. *Книга Чулкова.* – Имеется в виду книга воспоминаний «Годы странствий» (1930).

С. 113. *МОНО* – Московский отдел народного образования.

С. 116. *...«Лисья поляна».* – Имеется в виду самая крупная в нашей стране и в Европе зооферма черно-бурых канадских лисиц и соболей «Первая московская» или «Лисья поляна» в 13 км от станции Пушкино Сев. ж. д. «Зооферма. Очерки с фо-

тоиллюстрациями автора» были опубликованы в журн. «Новый мир» (1931. № 1).

С. 120. *С. А.* — Имеется в виду Софья Андреевна, жена Льва Николаевича Толстого.

С. 121. *...мальчишка ... пустил струю, как у Рубенса.* — Аллюзия на картину Рубенса «Вакх» (1640).

С. 123. *Познакомился с художником Влад. Ивановичем Соколовым.* — Ученик Левитана, преподаватель живописи, основатель нового вида декоративно-прикладного искусства — выжигания по дереву с последующей раскраской. В 1902 г. Савва Терентьевич Морозов привлек его к преподаванию рисования в Сергиевом Посаде. Один из основателей в 1906 г. Троице-Сергиевского Художественного общества, официально утвержденного в 1914 г. С 1920 г. — сотрудник историко-художественного музея в Сергиевом Посаде, возглавлявший комиссию по охране памятников старины (указано Ю. Н. Палагиным).

С. 125. *Насильник (восп<итатель> Козочки)...* — Козочкой называет Пришвин в дневнике Софью Васильевну Ефимову, дочь его соседа по дому в Петербурге на Васильевском острове, где Пришвин в революционные годы снимает квартиру. См.: *Пришвин М. М.* Цвет и крест. С. 34—35, 45—46).

С. 127. *Семашко, снова на склоне лет вмешался в мою жизнь.* — Земляк Пришвина и его товарищ по гимназии, под влиянием которого в гимназические годы Пришвин заинтересовался марксизмом и с которым поддерживал в течение многих лет дружеские отношения. Прототип Несговорова — персонажа автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь».

С. 128. *...врачом-педологом...* — педология (греч. Pais — дитя + Logos — учение), течение в психологии и педагогике, возникшее на рубеже XIX—XX вв., представляло собой учение о развитии ребенка, придающее решающее значение биологическим, физиологическим и психологическим особенностям в формировании его характера и способностей.

С. 131. *...о согласии издавать «Записки Охотника».* — Имеется в виду сборник «Записки охотника» с рисунками и обложкой Е. Чарушина (М.; Л.: Молодая гвардия, 1932).

...эта книга... станет на место Аксаковской. — Имеется в виду книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» (1852).

С. 132. *...счастливо я миновал Сциллу и Харибду...* — мифологические чудовища Сцилла и Харибда, обитавшие на прибрежных скалах Мессинского пролива и поглощавшие мореплавателей.

С. 133. *Я мало знаю Петряева...* — по-видимому, имеется в виду Петряев Павел Александрович — с 1925 по 1927 г. заключенный, был на Соловках ученым секретарем Соловецкого общества краеведения, зав. музеем, редактором каторжанской газеты. До революции — гвардии капитан, во время гражданской войны перешедший в войска Советов и дослужившийся до командующего армией. После войны был инспектором артиллерии; обвинен в связях с Троцким и арестован. См.: *Ширяев Борис.* Неугасимая лампада. М.: Столица, 1991. С. 124—125.

С. 134. *...будет время, лев ляжет с ягненком...* — Ис. 11, 6—9.

...обращение пролетарских писателей к европейским писателям. Всего несносней ответ Роллана, Горький что ли вскружил ему голову? — Возможно, Пришвин имеет в виду так называемое письмо «группы русских писателей» к «писателям мира», опубликованное в парижской эмигрантской газете «Последние новости» от 10 июля 1927 г., в котором речь идет о положении литературы и писателя, о цензуре, о невозможности творчества, о всем «ужасе положения, на которое осужден язык, слово, литература» в России (см.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 101—105).

По крайней мере, известен ответ на это письмо Ромена Роллана, о чем Пришвин пишет в дневнике, а также Люка Дюртена, который в письме упоминается. В статье «Иосиф Сталин — имиджмейкер страны Советов» (2002) современный автор Тимур Латыпов пишет: «Ответом Запада было молчание. Только писатель Люк Дюртен, "друг СССР", посетовал, что вот, дескать, эти люди "не нашли для своей страны ничего, кроме жестоких слов". "Правда" тут же назвала письмо фальшивкой и заверила, что в СССР писатели — самые счастливые в мире. Бунин и Бальмонт в ответ написали протест, но опубликовать его в крупных газетах не удалось. А Роллан дал обоим отповедь в своей обычной манере: "Для вас гудит набат прошедшего прошлого. О, люди прозорливые, почему вы ищете себе союзников среди ужасных реакционеров Запада, среди буржуазии и империалистов? О, новобранцы разочарований!.. Секретная полиция всегда была в России, этот ужасный яд, от которого вянут цветы души нации... Высокие умы ездят в Россию и видят, что делается там... Ученые лихорадочно работают на вашей родине, там больше

писателей и читателей, чем у нас... Человечество идет вперед... По вас, по мне..." Все же Роллан на всякий случай обратился к Горькому: правда ли изложенное в письме? Горький дал вполне удовлетворивший француза ответ, что в СССР писатели более счастливы, чем в буржуазных странах, и работают более плодотворно, чем до революции. И западная интеллигенция легко, с радостью этому поверила. В 30-е годы большинство крупных писателей на Западе не то что не выражали никакого протеста против творившегося в СССР, в том числе против гонений на писателей. Луис Арагон, Анри Барбюс, Теодор Драйзер, Андре Жид, Синклер Льюис, Ромен Роллан, Жан-Поль Сартр, Герберт Уэллс, Лион Фейхтвангер, Анатоль Франс, Стефан Цвейг, Бернард Шоу — все были крайне заинтересованы "социальным опытом" новой России...» (www.sovetnik.ru).

С. 135. *...живые... на современный вопрос... обыкновенно отвечают несерьезно, вроде Б. Шоу: «меня, вероятно, повесят».* — Очевидно, имеется в виду известный афоризм Б. Шоу: «Иногда надо рассмешить людей, чтобы отвлечь их от намерения вас повесить» (www.aphorizm.ru).

...ответ дал Роллан: живу и умру индивидуалистом, а соединяюсь с коммунистами. — Известно более позднее (февр. 1931) «Письмо Федору Гладкову и Илье Сельвинскому (Об индивидуализме и гуманизме)» Р. Роллана, в котором говорится: «Я верю в дело СССР. Я буду защищать его до последнего дыхания», «Я "индивидуалист". Я верю в "человечность". И этот индивидуалист, и этот верующий в человечность борется на вашей стороне» (*Роллан Р.* Собр. соч.: В 14 т. Т. 13. ГИХЛ. С. 217; указано В. П. Балашовым). Возможно, этому письму предшествовали заявления Р. Роллана подобного рода в печати, известные Пришвину.

С. 138. *Сходил на могилу Верного.* — Так звали собаку Пришвина. Рассказ «Верный» (1925) входит в цикл «Календарь природы». См.: Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 267—273.

Ласка озера. — Имеется в виду Плещеево озеро под Переславлем-Залесским, где в б. дворце Петра I на Ботике в 1925 г. Пришвин жил.

Пуня. — Сеновал, сарай, отдельный чулан, где летом часто спит хозяин (*В.Даль*).

...вырождение берендеева царства... — В 1925 г. в «Красной нови» была опубликована книга Пришвина «Родники Берендея. Из записок фенолога с биостанции "Ботик"» (это была «Вес-

на», первая часть будущей книги «Календарь природы»). Тогда критика высоко оценила новое произведение писателя: отмечалась «преемственность между исследовательской лирикой Пришвина и пантеистическим раздумьем Кнута Гамсуна или философскою живописью Шеллинга», «записки фенолога» характеризовались как «очаровательная лирическая поэма в прозе» (*Войтоловский Л.* Печать и революция. 1926. № 8). Однако в 1930 г. рапповской критикой книга была подвергнута полному разносу: «Творимая легенда о берендеевом царстве — это, по существу, опоэтизация остатков древней дикости, идеализация и идиллизация тьмы и суеверия, оправдания старины, а следовательно, один из способов борьбы против нашей советской культуры» (*Ефремов А.* Красная новь. 1930. № 9—10).

С. 140.... *эти портреты даром не прошли.* — Речь идет о художнике Бостреме, который, мучаясь и страдая, писал на заказ портреты вождей.

...*миллионы умученных (невинно) людей, вот отчего «темпы»*... — судя по записи, Пришвин не знает того, что именно Рыков, Томский и сторонник Бухарина Угланов на Пленуме ВКП (б) (окт. 1928 г.) выступили против сталинских резолюций о необходимости догнать и перегнать капиталистические страны путем усиления темпов индустриализации и коллективизации, поскольку тогда, руководствуясь желанием сохранить единство партии, они за эти резолюции проголосовали; так же и вынужденность раскаяния Рыкова и Томского на XVI съезде партии в 1930 г. была для неискушенного в кулуарных политических интригах того времени человека непонятна. См.: *Верт Н.* История советского государства. 1900—1991. М.: Издательская группа «Прогресс», 1992. С. 184, 202.

С. 144. *При чтении фельетона Радека.* — В течение 30-х гг. (до 1936 г.) К. Б. Радек был одним из самых известных журналистов газеты «Известия», в которой один за другим появлялись его фельетоны. В 30-е гг. в деятельности отечественных средств массовой информации происходит серьезный поворот. С их помощью утверждаются жесткая диктатура авторитарной власти, командно-административные методы руководства всеми формами жизни. Пресса становится важнейшим инструментом в руках партийно-государственного аппарата, она служит внедрению официальных политических и идеологических установок и одновременно — дискредитации их оппонентов. Наибольшую популярность К. Радеку, постоянно печатавшемуся в

«Правде» и «Известиях», принесла его книга «Портреты и памфлеты», изданная в 1927 г. В ней, кроме очерков о Ленине, Свердлове и других государственных деятелях, еще можно было прочитать и о Троцком. Однако в двухтомнике, вышедшем под тем же названием в 1934 г., уже в сильной степени проявилось влияние культа личности Сталина. Очерк о Троцком был снят, зато появился другой, полный хвалебных слов в адрес вождя, — «Зодчий социалистического общества», что продолжалось в каждом новом его фельетоне,

С. 147. *Вчера меня задела статья в «Новом мире», где автор осуждает «Перевал»...* — речь идет о статье Арк. Глаголева «О художественном лице «Перевала». См. коммент. к с. 220.

С. 148. *К. Леонтьев где-то говорит, что пессимизм или неверие в будущее благополучие человечества, обыкновенно сопровождается оптимизмом в частных делах...* — ср.: *Леонтьев К.* О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике (1880) (указано Г. Б. Кремневым).

...в свое время я был именно таким... — речь идет о юношеском увлечении марксизмом, когда, будучи студентом Рижского политехникума, Пришвин с 1893 по 1896 г. участвует в работе марксистских кружков, затем в 1897 г. следует арест, годичное одиночное заключение в Митавской тюрьме и высылка на родину в Елец. В летописи жизни, составленной Пришвиным в 1918 г., коротко отмечено: «1896. ... схожусь... с марксистами, перевожу Бебеля. 1897. Попадаю в тюрьму за марксизм. Это один из определяющих моментов жизни... 1898—1900. Высланный на родину в Елец, продолжаю быть марксистом. 1900. В Берлине, Йена, Лейпциг. 1902. Марксизм мой постепенно тает... я учусь на агронома и хочу быть просто полезным для родины человеком. Сумасшедший год. Весной после окончания в Лейпциге еду посмотреть Париж. Встреча (имеется в виду Варвара Петровна Измалкова, студентка Сорбонны, и вспыхнувшая любовь к ней. — *Я. Г.*), последующий переворот от теории к жизни, определивший все мое поведение». Ср.: Дневники 1918—1919. С. 366.

С. 150. *К. Леонтьев: «Только созданное для себя и по-своему может послужить и другим».* — См.: *Леонтьев К.* Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни (1885) (указано Г. Б. Кремневым).

С. 152. *«Кащеева цепь»* — Автобиографический роман «Кащеева цепь» (1927).

...пьеса для чтения «Базар»... – «Базар. Пьеса для чтения вслух» (1916–1920) (Впервые: Собр. соч. 1927–1930. Т. 4. С. 159–194). Первоначально называлась «Чертова Ступа».

В авторской ремарке Пришвин пишет: «В Кремле города, бывшего когда-то сторожевым окраины Московского государства, ныне в каменных и как бы приплюснутых, без всякой архитектуры, домах, похожих на сундуки царства Ивана Калиты, живут богатые купцы, окруженные цепью полуголодных, озлобленных мещанских слобод. В этих слободах рождается дух зависти и злобы, столь сильный, что носитель ее, мещанка, прозванная Чертова Ступа, может существовать не как рядовая мещанка, ворчащая на недостатки сего дня, а как одержимая, как дух, пророчествующий хотя бы только на завтрашний день. У нее маленькое, в кулачок, лицо с одним далеко выдающимся зубом, голос сиплый, простуженный; отхаркивается; в правой руке – всегда "цигарка"; во время речи, с приподнятой рукой, двумя пальцами и цигаркой, заключенной, как в двуперстии, она смутно (как обезьяна) напоминает боярыню Морозову в картине Сурикова» (Собр. соч. 1935–1939. Т. 4. С. 295).

Ср.: «Люди, которых я описал в "Чертовой Ступе", существуют в действительности, и русские люди, близкие к русскому быту, узнают их, а далекие от них считают за мои изобретения, "химеры" (Вяч. Иванов за талантливые, Гершензон за бездарные). Вопрос: есть ли ценность в том, что эти люди существуют» (Дневники 1920–1922. С. 101). «Задумал я, было, составить книгу под общим названием "Чертова Ступа" – первой поместил бы сцену (пьесу), потом показал бы все пережитое (многое написано в отрывках), поработаю, поработаю и оборвусь – нецензурно выходит (напр., как опускают в прорубь мужика при взыскании чрезв. налога)» (Дневники 1920–1922. С. 235–236).

А. М. Ремизов упоминает пьесу в книге «Ахру. Повесть петербургская» (Берлин, 1922): «Пришвинский "Базар" – хоровая пьеса» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7. Ахру. М., 2002. С. 22; указано В. А. Фатеевым).

...поэма «Девятая ель»... – первоначальное название фотоочерка «Каляевка».

С. 156. *...но это слепая голгофа...* – ср.: Очерк «Слепая Голгофа», посвященный событиям Первой мировой войны (дата первой публикации не установлена, впервые опубликован в 1924 г.), заканчивается так: «...я привыкал и, привыкая, слеп. И нас, слепых, кто-то взял на Голгофу. Кто же видел и кто творил эту слепую Голгофу?» (Собр. соч. 1982–1986. Т. 2. С. 598–601).

«Сия есть кровь моя!» ... «пийте от нея вси». — Мф. 26, 28.

С. 157. *...бунт... как у Мериме...* — имеется в виду новелла французского писателя Проспера Мериме «Таманго» (1829).

С. 158. *(«шпанские мухи»).* — Ср.: *«4 Июня. 1953.* Полный расцвет сирени, и в каждой великолепной кисти шевелятся, перебирая губами листики, зеленые жуки (шпанские мухи) с эротическим запахом: так на глазах, на всем солнце благодатный девственный аромат небесный обращается в земную страсть (кстати, на эту тему был написан мой первый рассказ, и после того я бросил жуков» (Собр. соч. 1956—1957. Т. 6. С. 708).

С. 162. *...«верую, Господи, помоги моему неверию».* — Мк. 9, 24.

С. 173. *Воробьиной ночью* называют в народе и самую короткую ночь в году, и летнюю грозовую ночь с непрерывным блеском молний и раскатами грома.

С. 176. *«В полном разгаре страда деревенская»...* — строка из стихотворения Н. А. Некрасова «В полном разгаре страда деревенская...» (1863).

Художник, чтобы существовать, пишет черта... — Запись связана с художником Бостремом. См. коммент. к с. 140.

С. 178. *... очерк «Колобок»...* — вторая книга Пришвина «За волшебным колобком (Из записок на Крайнем Севере России и Норвегии)» (1908).

С. 179. *...от первого ... очерка...* — речь идет об одном из первых очерков Пришвина, включенном позднее в цикл «Заворошка» (1913). В газете «Русские ведомости» (а также в газетах «Речь», «День», «Утро России» и др.) с 1905 г., переехав в Петербург и круто изменив свою жизнь, Пришвин печатает свои первые очерки.

...кончая единственным романом... — имеется в виду автобиографический роман «Кащеева цепь».

С. 182. *...сказки Кота Мурлыки.* — Псевдоним Н. П. Вагнера — русского ученого и писателя, профессора зоологии Казанского, затем С.-Петербургского университета. Сборник философских сказок и притч «Сказки Кота-Мурлыки» (1872) многократно переиздавался.

С. 185. *Ночевали у меня охотники...* — известный советский лингвист Александр Александрович Реформатский и его жена Надежда Васильевна Реформатская, литературовед, критик и библиограф. Дружеские отношения с ними сохранились у Пришвина до конца жизни. См.: Личное дело... С. 153—168. *Елена*

Васильевна Вахмистрова — жительница Сергиева Посада, санитарный врач, охотница.

Рассказ «Нерль» (1927), о котором А.М.Горький написал Пришвину в письме от 18 июня 1927 г.: ««Нерль» — вещь совершенно изумительная! Это сделано как гравюра, и притом такая, что сам Дюрер, вероятно, позавидовал бы Вам. Ни одного лишнего штриха, чудесная стройность, насыщенность и — ощутимость». ЛН. Т.70. С. 348.

С. 190. *...Дерзу с его анимизмом...* — речь идет о герое документ.-художеств. повести В. Д. Арсеньева «Дерсу Узала» (1923). Здесь сохраняется написание Пришвина: Дерзу, которое позднее заменилось общепринятым: Дерсу. Анимизм — (от *лат.* anima, animas — душа, дух) — вера в существование душ или духов. В данном случае подразумевается благоговение перед жизнью главного героя повести Дерсу.

С. 191. *Ерошка Толстого...* — персонаж незаконченной повести Л. Н. Толстого «Казаки» (1863).

С. 203. *...представления антропоморфизма...* — наделение животных или предметов присущими человеку свойствами; в данном случае, стандартный образ паука-кровопийцы вытесняется у Пришвина, наблюдающего «ритмически-мерную, четкую» работу паука образом «артиста труда».

С. 214. *Журнал «Наши достижения»* (1929—1937), созданный М. Горьким, сыграл большую роль в развитии очерка.

С. 220. *...«биологизм» в литературе...* — обвинение в «биологизме» прямо относится к «перевальцам» и задевает Пришвина. К примеру, в статье Арк. Глаголева «О художественном лице “Перевала”» говорится следующее: «Несмотря на внешнее кажущееся тематическое отличие “Жестоких рассказов” Барсукова, например, от вещей Зарудина или Пришвина, они... глубоко родственны. И Зарудин и Пришвин тесно связывают “охотничье” и “детское”... И вот этот весьма специфический “биологизм”, особая “биологическая” направленность... совершенно свободная от всякой “примеси” художественного социологизма, является одним из существенных идеологических пороков художественной позиции “перевальцев”» (Новый мир. 1930. № 5. С. 158, 160, 161).

...надо бросить Шпенглера. — В 20-е гг. книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» (1923) воспринималась как «апокалипсис» о грядущих судьбах западного мира.

С. 221. *...дупелиные святые Иван Постный и Александр Невский.* — День перенесения мощей св. благоверного великого князя Александра Невского и день памяти патриарха Константинопольского Иоанна Постника отмечается православной церковью 30 августа по ст. стилю. Пришвин называет их «дупелиными святыми», так как в это время разрешается охота на дупелей, покровителями которой, по народным приметам, эти святые и являются.

Усекновение главы. — 30 августа православной церковью отмечается день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

С. 223. *...дерут на дубку корье...* — на дубленье вымачивают в отваре древесной коры кожи для выделки, а также снасти, холсты и сети от гниения.

С. 224. *Ландрин* — леденцы.

С. 226. *(Рассказ егеря.)* — Цикл детских рассказов под назв. «Рассказы егеря» вошел в Собр. соч. 1927–1930.

С. 231. *...пятилетку в четыре года проеду...* — XVI съезд ВКП (б) (июнь-июль 1930) одобрил предложения по ускорению темпов социалистического строительства и тем самым утвердил лозунги «темпы решают все» и «пятилетку в четыре года», которые в данном случае пародируются.

«Обоснование интуитивизма» — труд Н. О. Лосского (1906), одного из крупнейших (вместе с С. Франком) представителей этого направления начала XX в., рассматривает интуицию («внезапное озарение») как способ получения истинного знания о мире путем внимания к миру, что очень близко мировоззрению Пришвина.

С. 234. *«Охота с камерой».* — Книги с таким названием у Пришвина нет.

С. 242. *Мысль о воспитании пионеров... оказалась «дутой».* — См. запись 14 сентября. С. 228.

С. 248. *Рассказ «Гуси-лебеди»...* — впервые опубликован в 1935 г., включен в цикл «Календарь природы».

С. 252. *...для очерка «Соболь».* — Название второй главы очерка «Зооферма».

С. 254. *Журнал «Ёж»...* — детский ежемесячный журн. «Ёж» издавался в Ленинграде с 1928 по 1935 г. (1930–1932 – двухнедельный). Редактор Н. М. Олейников; журнал издавался под руководством С. Я. Маршака.

...где помещены «Одуванчики»... — очерк «Одуванчики» был опубликован в журн. «Ёж» в 1930 г. (№ 15—16. С. 24—25).

С. 256. *Р. В.* — Разумник Васильевич Иванов-Разумник.

Очерки *«Башмаки»* (под назв. «История цивилизации села Талдом») были опубликованы в 1923—1924 гг. в «Красной нови».

С. 257. *...приведшего Толстого к отрицанию значения даже своего... дарования.* — Ср.: «*б/д.* Истинное художественное творчество должно знать свое место и не становиться на место действия самой жизни, не становиться тем, что делает религия (дело жизни, как у Ницше, Гоголя, Толстого). Дело совершенно безнадежное для художника ставить на разрешение проблемы морально-общественного характера, потому что все они разрешаются только жизнью, а жизнь есть некая тайна, стоящая в иной плоскости, чем искусство. Художник должен быть скромен, потому что свет его, как лунный, только исходит от солнца, но сам он — не солнце...

Выходить за пределы своего дарования под конец жизни свойственно все русским большим писателям. Это происходит оттого, что посредством художества кажется нельзя сказать всего. Вот в этом и ошибка, потому что «всего» сказать невозможно никакими средствами, и если бы кто-нибудь сумел сказать «все», то жизнь человека на земле бы окончилась» (*Пришвин М.* Незабудки. М.: Художественная литература, 1969. С. 141—142).

С. 258. Рассказ под назв. *«Человек»* неизвестен.

С. 260. *Думаю о Ницше.* — Немецкая культурная традиция, прежде всего в лице Ницше и Вагнера оказала в студенческие годы (Лейпцигский университет, 1900—1902) большое влияние на мировоззрение Пришвина («Роман моей жизни: столкновение Германии и России, я получил все от Германии»: Дневники 1914—1917. С. 151). Диалог с Ницше пунктиром проходит через весь дневник писателя («Над изображаемой мной эпохой в "Кащеевой цепи" висела философия Ницше»: Дневники 1926—1927. С. 533). На страницах дневника то и дело возникает то явная, то скрытая полемика с Ницше (см. запись 27 октября 1930). Кроме того, проблему противостояния личности и общества (одну из важнейших в творчестве Ницше) на протяжении всей творческой жизни и в художественных произведениях, и в дневнике решает Пришвин.

Розанов, вникнув в меня, сказал... — диалог с Розановым, который не прекращается в дневнике Пришвина в течение всей

жизни, а также история их взаимоотношений является одним из интереснейших явлений русской культуры начала XX века. «Розанов стоял у истоков творческой личности Пришвина: он сыграл решающую роль в двух событиях жизни юного Пришвина (оценка "побега из гимназии в Азию" и исключение из гимназии), в которых впервые проявился конфликт между мечтой и действительностью, столь существенный для Пришвина впоследствии. В личности Розанова для Пришвина воплотилась идея самоценности мечты и связанной с ней жизненной трагедии. Импульс в духовном развитии, полученный в гимназические годы, превратился в личную сверхзадачу, которую он решает своим творчеством: спасение мечты и выход из трагедии. Второй период отношений с Розановым связан с деятельностью Религиозно-философского общества в Петербурге, на собраниях которого они встретились (1908). Книга "За волшебным колобком" получает одобрение Розанова, а его завет "Поближе к лесам, подальше от редакций" Пришвин всегда помнит. Дневниковые записи с несомненностью указывают на глубокие и сложные отношения близости и отталкивания, соединявшие Пришвина с Розановым, которые не определяются словом "личные". Речь идет о преемственности философско-эстетических взглядов и литературного стиля Розанова в творчестве Пришвина» (коммент. В. Гришина. См.: Контекст-1990. М.: Наука, 1990. С. 161—218). В данном случае речь идет об одной из встреч в 1908 г. в Петербурге. Ср.: *Леденев В.* В. В. Розанов и М. М. Пришвин: к истории литературных встреч ученика и учителя (www.lebed.com).

Сам же Розанов есть Ницше до Ницше. — Ницшеанскую парадигму в восприятии Розанова задал Д. С. Мережковский: «Ницше, со своими откровениями <...> "святой плоти и крови", воскресшего Диониса — на Западе; а у нас, в России, почти с теми же откровениями — В. В. Розанов, русский Ницше. Я знаю, что такое сопоставление многих удивит; но когда этот мыслитель, при всех своих слабостях, в иных прозрениях столь же гениальный, как Ницше, и, может быть, даже более, чем Ницше, самородный, первозданный в своей антихристианской сущности, будет понят, то он окажется явлением, едва ли не более грозным, требующим большего внимания со стороны церкви, чем Л. Толстой, несмотря на всю теперешнюю разницу в общественном влиянии обоих писателей» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М., 1995. С. 150). В «Уединенном» Розанов приводит слова Мережковского о нем: «Это такое

же бурление, как у Ницше, это *конец*, или, во всяком случае, страшная *опасность* для христианства» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 87–88). Э. Голлербах вспоминал, что самому Розанову «прозвище “русский Ницше” не казалось ему ни удачным, ни лестным» (*Голлербах Э.* В. В. Розанов. Жизнь и творчество (1922). М., 1991. С. 4; указано А. Медведевым).

Мережковский сказал, что Ницше под конец в своем Дионисе узнал Христа. — Ср.: «Ницше называл себя “*последним учеником философа Диониса*”. Но так и не понял он, а может быть, только не хотел понять, нарочно закрывал глаза, чтобы не видеть слишком страшной и загадочной связи Диониса, бога трагического отчаяния, бога вина и крови, отдающего людям кровь свою, как вино, чтобы утолить их жажду, — связь этого бога с Тем, Кого “последний ученик Диониса” не потому ли так яростно отрицает, что все-таки слишком чувствует свою беззащитность перед Ним, — с Тем, Кто сказал: “Я есмь истинная лоза, а Отец Мой виноградарь. Кто жаждет, — иди ко мне и пей”. <...> Недаром в вещем бреду уже начинавшегося безумия называл он себя не только последним учеником, не только жрецом и жертвою Диониса, но и самим “*распятым Дионисом*” — “der gekreuzigte Dionysos”. <...> В последние минуты свои, уже чувствуя приближение безумия и вспоминая весь пройденный им крестный путь, все неимоверные муки тела и духа, которые привели его к этой Голгофе безумия, — Ницше с жалкою усмешкою назвал себя “распятым Дионисом”. Но, конечно, в действительности был он более “распятым”, нежели “Дионисом”» (*Мережковский Д. С.* Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. С. 240, 262; указано А. Медведевым).

С. 261. *У Достоевского «Великий Инквизитор» иронически защищал традицию против «самого» Христа.* — В «поэме» «Великий инквизитор» Иван Карамазов рассказывает о втором пришествии Христа в испанскую Севилью XVI в. Великий инквизитор принимает предложенные Христу в пустыне три искушения дьявола (хлебом, чудом и властью) (Мф. 4, 3–10), оправдывая их пятнадцативековой традицией, а отвергнувшего эти искушения Христа он готов сжечь на костре, «как злейшего из еретиков»: «в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле. Тогда это не могло быть еще так видно, ибо будущее было неведомо, но теперь, когда прошло пятнадцать веков, мы видим, что всё

в этих трех вопросах до того угадано и предсказано и до того оправдалось, что прибавить к ним или убавить от них ничего нельзя более» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 230).

...при наличии сил изуродую жизнь свою под Христа: и в конце приду к Христу. — Пришвин имеет в виду не только смерть Ницше (см. коммент. к с. 260: *Мережковский сказал, что Ницше под конец в своем Дионисе узнал Христа*), но и христианскую кончину Розанова. О предсмертном духовном перевороте Розанова от яростного христоборчества к церковному исповеданию Христа можно судить по дневнику Н. В. Розановой: «Когда я переносила его с кровати на кушетку, он с какой-то ненавистью и вместе пристально смотрел на свое тело, эти ужасные изломы своего тела: "Надя, по-моему, я похож на Христа, снятого с креста. <...> я не сравниваю себя с Христом, но эти ужасные изломы, эти кости напоминают мне страдание Христа, его погребение". Он часто, очень часто возвращался к этому. <...> Он все твердил, что везде во всем видит знак Креста, и крестил окружающих. <...> И часто, часто он говорил: "Христос Воскресе. Обнимемся все, все! Радость вокруг"» (На последнем изломе: В. В. Розанов в записках дочери / Публ. В. Сукача // Литературная газета. 1999. 10 февраля. С. 12; указано А. Медведевым).

...в состоянии Заратустры в сверхчеловеческом... — Заратустра (Зороастр) — древнеперсидский пророк, послуживший прообразом учителя и пророка в философском трактате Ницше «Так говорил Заратустра». Ср.: «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали вы, чтобы превзойти его? <...> Смотрите я учу вас о сверхчеловеке! Сверхчеловек — смысл земли. Пусть же ваша воля говорит: да будет сверхчеловек смыслом земли!» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль. 1990. Т. 2. С. 8—9.) В библиотеке писателя (музей Пришвина, филиал ГЛМ) нет случайных книг, только те, к которым он постоянно обращался («вечные спутники»), среди них — томик Ф. Ницше «Так говорил Заратустра» (СПб., 1913).

...в чем и Ницше и Розанов обвиняют Христа: «да» за счет отрицания рода. — Противопоставляя Ветхий Завет Евангелию, Розанов исходит из слов Христа о разделении в семье (Лк. 12, 49—53) и об оставлении Христовым учеником родных (Лк. 19, 26): «Вот Царство Христово: разодрание уз *между людьми* и *с землею*» (*Розанов В. В.* Собр. соч. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 133); «Иисус и мог только (Мф. 19) сослаться формально на заповедь Ветхого Завета: "плодитесь" и проч.,

но именно с этим “и прочее”, равнодушно; когда же дело дошло не до ответа пристававшим на улице (Мф 19), а до *личного* Его отношения, то Он и воскликнул: “Ни — *жены*, ни — *детей*, ни — невесток и свекровей. *Мой огонь — другой! О, если бы он возжегся*!!!” Такова была Его небесная природа...» (Там же. С. 348).

Это характерное для Розанова противопоставление Ветхого Завета Евангелию вызвано его «врожденной непредрасположенностью» к последнему, которая «образовалась от ранней моей расположенности к рождению» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 247; указано А. Медведевым).

С. 262. *Русский фатализм.* — См.: «Болезненное состояние само есть своего рода ressentiment (злопамятство. — *Я. Г.*). Против него существует у больного только одно великое целебное средство — я называю его *русским фатализмом*, тем безропотным фатализмом, с каким русский солдат, когда ему слишком в тягость военный поход, ложится, наконец, в снег. Ничего больше не принимать, не допускать к себе, не воспринимать *в* себя — вообще не реагировать больше... Глубокий смысл этого фатализма, который не всегда есть только мужество к смерти, но и сохранение жизни при самых опасных для жизни обстоятельствах, выражает ослабление обмена веществ, его замедление, своего рода волю к зимней спячке. Еще несколько шагов в этой логике — и приходишь к факиру, неделями спящему в гробу... Так как истощался бы слишком быстро, *если бы* реагировал вообще, то уже и вовсе не реагируешь — это логика» (*Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 704).

С. 262. *Рассказ «Птичий сон».* — Впервые напечатан в журн. «Охотник и рыбак Сибири» (1930. № 11), вошел в цикл «Календарь природы» (Собр. соч. 1982—1986. Т. 3. С. 303—307).

С. 263. *И о могиле Розанова, попираемой ногами проституток...* — в дневнике сохранился чертеж места захоронения В. В. Розанова и К. Леонтьева в Черниговском скиту с подробным описанием, что позволило уже в наше время определить местоположение могил. См.: Дневники 1926—1927. С. 296—297.

Ср.: «Эта-то “вечная женственность”, как проявление повышенной самочности, и лежит объяснением в основе древнего факта, неразгаданного историками, — так называемой “священной проституции”» (*Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства. СПб., 1913. С. 46).

С. 264. *Ресурсы Гиза кончились.* — В 1930 г. на базе литерат.-худож. сектора Госиздата РСФСР и изд-ва «Земля и фабрика»

было образовано Государственное изд-во художественной лит-ры (ГИХЛ). С 1934 г. стало называться Гослитиздатом, с 1963 — «Художественная литература».

С. 266. *...у того партийца вырвалось...* — см. запись от 25 октября (с. 259—260).

...Дудышкин, автор предисловия к старинному изданию Лермонтова. — По-видимому, речь идет о подготовленном литературным критиком С. С. Дудышкиным первом критическом Собр. соч. М. Ю. Лермонтова: Сочинения Лермонтова, приведенные в порядок и дополненные С. С. Дудышкиным. СПб., 1860.

С. 267. *...найдется ли в толпе один...* — Аллюзия на стихотворение М. Ю. Лермонтова «Не верь себе» (1839): «А между тем из них едва ли есть один, / Тяжелой пыткой не измятый, / До преждевременных добравшийся морщин / Без преступленья иль утраты!.. / Поверь: для них смешон твой плач и твой укор, / С своим напевом заученным, / Как разрумяненный трагический актер, / Махающий мечом картонным...»

С. 270. *...за слезу ребенка, которую нельзя переступить...* — слова Ивана Карамазова о «высшей гармонии», не стоящей «слезинки хотя бы одного только замученного ребенка», на целый век определили нравственный императив, то и дело возникающий в размышлениях о русской истории XX века (см.: *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 14. С. 223).

...как у По, человек, переживший на целое столетие срок своей смерти. — Очевидно, контаминация трех произведений Эдгара По: «Беседы Моноса и Уны» (1841, русск. перевод 1886), «Повести Скалистых гор» (1844, русск. перевод 1884), новеллы «Поместье Арн-Гейм» (1842, русск. перевод 1886).

С. 272. *...Воронский... Троцкий... Луначарский... Кто же теперь просто заступится за творчество?* — в декабре 1927 г. Воронский был снят с должности главного редактора «Красной нови», а в 1928 г. после партийного процесса над Троцким (1927) исключен из партии; власть Луначарского в 1929 г. была ограничена лишь исполнением некоторых функций в Наркомпросе.

С. 273. *...идите помогать писателям...* — имеется в виду движение, возникшее 29 сентября 1930 г. по инициативе РАППа, с целью привлечения ударников производства к литературному творчеству. См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 128—132.

С. 275. *...мальчика, заблудившегося в огромном лесу...* — впоследствии мальчик, заблудившийся в лесу, станет одним из главных персонажей романа-сказки Пришвина «Осударева дорога» (1948) о строительстве Беломоро-Балтийского канала, который только в 2006 г. был опубликован в том виде, в каком автор завещал его опубликовать. См.: Собр. соч. 2006. С. 227—460.

С. 276. *...моя принадлежность к литературной организации «Перевал».* — В течение 1930 г. в периодической печати появились разгромные статьи, обвиняющие Пришвина в принадлежности к группе «Перевал»: *Григорьев М.* Бегство в Берендеево царство // На литературном посту. 1930. № 8. С. 49—61; *Ефремин М.* Михаил Пришвин // Красная новь. 1930. № 9—10. С. 219—232; *Григорьев М.* Пришвин, алпатовщина и «Перевал» // Литературная газета. 1930. 4 дек.

...от современных Передоновых... — имя героя романа Федора Сологуба «Мелкий бес» (1907) Передонова стало нарицательным для обозначения человеческого невежества, пошлости и мещанства.

С. 277. *...искать вместе с ними Галатею...* — имеется в виду статья теоретика «Перевала» Д. А. Горбова «Поиски Галатеи» (1929) (в греч. мифол. — статуя прекрасной девушки, изваянная скульптором Пигмалионом). Ср.: Дневники 1928—1929. С. 294, 301.

...на ту свадьбу, где я должен бы быть генералом. — См.: *Алпатов-Пришвин Л. М.* Из воспоминаний об отце // Личное дело... С. 97.

...у напостовцев... — имеется в виду журн. «На посту», теоретический орган Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) (1925—1932).

С. 280. *...я выхожу из «Перевала»...* — о выходе из «Перевала» Пришвин официально объявил в статье «Нижнее чутье» (см.: *Пришвин М. М.* Творить будущий мир. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 104—108), которая 9 января 1931 г. была опубликована в «Литературной газете». Ср.: *Варламов А.* Пришвин. С. 292—328.

С. 281. *...«Колобок», «Башмаки»...* — имеется в виду вторая книга Пришвина «За волшебным колобком» (1908) и цикл очерков «Башмаки» (1923).

...я сотрудничаю в... «Зорьке»... — возможно, речь идет о газете «Зорька» (до революции — детский журнал «Зорька»).

С. 282. *...я описал в Курымушке (гл. Сушеная груша).* — Имеется в виду главный герой автобиографического романа «Кащеева

цепь» (1927) и глава первого звена романа «Тайна сушеной груши».

С. 285. *...как у меня рассказ «Глина».* — Рассказ под таким названием неизвестен.

С. 286. *...истинное знание представляется явлением deus ex machina, вернее, deus ex Nihil...* — deus ex machine (*лат.*) — Бог из машины. Драматургический прием, применяемый в античной трагедии, когда запутанная интрига получает неожиданное разрешение при вмешательстве бога, который посредством механического приспособления, появлялся среди действующих лиц — выражение употребляется для указания на неожиданное разрешение трудной ситуации, которое не вытекает из естественного хода событий; deus ex Nihil (*лат.*) — бог ниоткуда.

...такие люди как Бухарин... — ср.: «Резолюция съезда увенчала разгром бухаринской группы, указав, что последняя противопоставила генеральной линии партии "откровенно-оппортунистическую линию", которая "ведет к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны". "Правые уклонисты" были объявлены "объективно агентурой кулачества". Резолюция утверждала, что "оппортунисты всех мастей, особенно правые, применяют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ошибок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к скрытой или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки на партию". Требуя "объявить самую беспощадную войну такого рода двурушничеству и обману", резолюция предупреждала, что признающие свои ошибки должны доказать искренность этих признаний "активной защитой генеральной линии партии... Неисполнение этого требования должно влечь за собой самые решительные организационные меры". Всё это означало недвусмысленное указание "правым", что их малейшее несогласие с любой будущей акцией сталинского руководства приведет к их полному изгнанию с политической арены. Только под этим условием Бухарин, Рыков и Томский были оставлены на XVI съезде в составе ЦК. Единственный член "тройки", сохранивший свой пост и место в Политбюро, Рыков, спустя полгода после съезда был выведен из Политбюро и заменен на посту председателя Совнаркома Молотовым» (См.: КПСС в резолюциях и решениях. Т. 5. С. 131—132).

«Протоколы XVI съезда ВКП (б) являются “символом всего современного режима” — дикая картина распоясавшихся бюрократов и аппаратчиков, соревнующихся в улюлюканиях <...> Трудно сказать, в ком больше утеряно чувство собственного достоинства, — в тех ли, кто под свист и улюлюкание покорно склонял голову и пропускал мимо ушей оскорбления в надежде на лучшее будущее, или же в тех, кто тоже в надежде на лучшее будущее наносил эти оскорбления, зная наперед, что противник будет отступать. Еще на XV съезде аппаратчики не могли себе этого позволить. Над XV съездом чувствовалось дыхание истории, чувствовалось, что происходит что-то серьезное, что партия переживает какую-то трагедию. Теперь попытались это же повторить по отношению к правым, но второй раз получился, как это всегда бывает, пошлый фарс» (Бюллетень оппозиции. 1931. № 25—26. С. 9—10).

С. 290. *...читая перевод Элиасберга «Черный араб» ...* — «Черный араб» в переводе А. Элиасберга вышел в Мюнхене в 1914 г. В библиотеке писателя (музей Пришвина, филиал ГЛМ) хранится присланный писателю экземляр книги с дарственной надписью: «Михаилу Пришвину его благодарный переводчик. Александр Элиасберг. Мюнхен, март 1914».

С. 292. *...роман Ап. Григорьева с «Устюжской барышней».* — Мария Федоровна Дубровская, об отношениях с которой Ап. Григорьев писал Н.Н. Страхову в 1861-1862 гг., а также в поэме «Вверх по Волге» (1862).

Ап. Григорьев: странствие тем... и хорошо, что чувствуешь себя в руках Божьих... — 23 сентября 1861 г. в письме к Н. Н. Страхову поэт и театральный критик, переводчик и мемуарист Аполлон Александрович Григорьев писал: «Знаешь, когда я всего лучше себя чувствую? В дороге. Право, если б я был богат, я бы постоянно странствовал. В дороге как-то чувствуешь, что ты в руках Божьих, а не в руках человеческих» (*Григорьев Ап.* Воспоминания и письма. Пг., 1917. С. 282).

С. 293. *У Ап. Григорьева о Тургеневе сказано...* — в статье «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа “Дворянское гнездо”» Ап. Григорьев пишет: «Высокая поэтическая идея, за одну которую можно простить Тургеневу всю неоконченность создания» (*Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 185).

...Рамзин и К°... каются во вредительстве. — Речь идет о сфальсифицированном деле Промпартии (1926—1930) во главе

с выдающимся инженером Леонидом Константиновичем Рамзиным, обвиненным в организации диверсий на фабриках и заводах, в принадлежности к контрреволюционной организации, выражающей интересы буржуазно-технической интеллигенции. Л. К. Рамзин – известный ученый-теплотехник, член ВСНХ, директор Всесоюзного теплотехнического института со дня его образования. В 1930 г. был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами тюремного заключения, где он работал по специальности и за свои изобретения был в феврале 1936 г. амнистирован.

С. 298. *...описать эпоху богоискательства...* – одна из папок раннего дневника писателя (1905–1916) называется «Богоискательство» и включает материалы к задуманному Пришвиным роману «Начало века», который так и не был написан. См. коммент. к с. 24.

...«Иван Осляничек»... – «Иван Осляничек (Из сказаний Семибратского кургана)»; впервые: Заветы. 1912. № 2. С. 5–30; № 3. С. 5–29. См.: *Пришвин М. М.* Цвет и крест. С. 233–273).

...напечатанный в «Заветах»... – имеется в виду организованный в Петербурге представителем партии эсеров С. П. Постниковым журн. «Заветы» (1912–1914), редактором литерат. отдела которого был Р. В. Иванов-Разумник.

...«Грезица»... – впервые опублик. в журн. «Летопись» (1917. № 2–4. С. 9–17; см.: *Пришвин М. М.* Цвет и крест. С. 306–312). Сонная Грезица – образ, возникающий в грезах и снах, сопровождающийся воспоминаниями о первой любви и утраченной невесте; в снотворчестве выражается целый комплекс противоречивых эротических переживаний в духе символистской идеи Вечной Женственности. Ср.: Дневники 1914–1917. С. 31–33.

...в ж-ле «Летопись». – Ежемесячный литературный, научный и политический журнал, основанный М. Горьким, который непосредственно руководил его литературным отделом; с 1915 по 1917 г. издавался в Петрограде А.Н. Тихоновым (Серебровым).

...Лев Алпатов... – старший сын Пришвина пробовал в это время силы в литературе под псевдонимом «Лев Алпатов»; впоследствии занимался не литературой, а фотожурналистикой.

...«Голубые бобры» с Марьей Моревной. – Название первого звена автобиографического романа Пришвина «Кащеева цепь». Марья Моревна – персонаж романа, прототипом которого стала двоюродная сестра Пришвина М. В. Игнатова, в детстве и юношестве оказавшая большое влияние на формирование лич-

ности будущего писателя. В летописи (1918) Пришвин отмечает: «Двоюродная сестра Маша прельщает неземным (Лермонтов)» См.: Дневники 1918–1919. С. 365.

Вгера в Рике... — Районный исполнительный комитет.

С. 300. *...организовал первое рабогее движение в гор. Риге...* — имеется в виду участие Пришвина, студента Рижского политехникума (1894–1897) в работе первых марксистских кружков, арест за революционную деятельность и одиночное заключение в Митавской тюрьме, которое закончилось высылкой на родину в Елец.

...послужил прототипом марксиста «Ефима». — Ефим Несговоров — один из персонажей романа «Кащеева цепь».

...(*«Коровья Смерть»*)... — прозвище одного из учителей Елецкой мужской гимназии, где учился Пришвин. Персонаж романа «Кащеева цепь».

С. 301. *...рассказ «Белая собака»...* — входит в цикл «Календарь природы», впервые опубл: Огонек. 1929. № 2.

...рассссказ «Крыса»... — впервые опубл.: Новая земля. 1912. № 13–14 (под назв. «Жид»).

...во время дела Бейлиса... — имеется в виду дело Бейлиса, приказчика кирпичного завода в Киеве, обвиненного в ритуальном убийстве 13-летнего мальчика А. Ющинского и оправданного присяжными заседателями 28 октября 1913 г.

С. 308. *...с елками мы боремся.* — Борьба с рождественскими елками началась в 1918 г., но официально запрет появился в середине 20-х гг. и действовал до 1935 г., когда по инициативе Павла Постышева, было разрешено украшать елки под Новый год.

1931

С. 313. *...гти отца и матерь твою.* — Исх. 20, 12.

С. 315. *...они даже не расписывались...* — разрушение традиционного уклада в бытовой жизни и морали после замены церковного брака гражданским (1918) в полной мере сказалось на проблеме семьи и брака; в течение 1920-х гг. широкое распространение получила идея «свободной любви», без «флирта, ухаживаний и кокетства», пропаганда «свободного секса» и пр., что в обыденной жизни часто принимало самые уродливые формы и отразилось в принятом «Кодексе о браке» (1926), фактически

приравнявшем незарегистрированный брак, определяемый как «свободный союз», к зарегистрированному.

Между тем сам-то я... — имеются в виду отношения с Ефросиньей Павловной, брак с которой Пришвин заключил спустя несколько лет после начала совместной жизни. В записях Пришвина о Ефросинье Павловне едва ли много места уделяется морали и традиции, однако уровень осознания отношений мужчины и женщины в них совершенно другой. Ср.: *Пришвина Е. П.* Моя жизнь с Михаилом Михайловичем // Личное дело... С. 35–39.

С. 318. *Сборы в Свердловск.* — Имеется в виду поездка Пришвина по командировке от журнала «Наши достижения» на строительство Уральского завода тяжелого машиностроения, которое разворачивалось в соответствии с планами правительства по индустриализации страны; завод был введен в эксплуатацию в 1933 г. Надо сказать, что, начиная с 1931 г., командировки писателей на «великие стройки социализма» становятся едва ли не главным признаком литературно-политической ситуации в стране.

...(сдать «пауков»). — Имеется в виду цикл «Пауки», состоящий из записей, которые Пришвин делал с 11 августа по 2 сентября 1930 г. Входит в книгу «Лесная капель» (1940).

...восхваляющие мою статью «Нижнее чутье». — См. коммент. к с. 280, а также черновой вариант статьи в дневнике 15 декабря 1930. О литературной ситуации в это время см.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 94–119.

С. 319. *...я тоже «ударник», тоже закрепился...* — идея привлечения ударников производства к участию в литературном труде возникла в сентябре 1930 г. по инициативе РАППа с целью превращения литературы в орудие «производственной пропаганды» (см.: К вопросу о движении ударников в литературе // Литературная газета. 1930. 14 сент.).

С. 321. *«Птичий сон».* — См. комм. к с. 262.

С. 323. *«Крестьянский писатель» Каманин рассказывал...* — писатель Ф. Е. Каманин, круг творческих интересов которого был связан с послереволюционной деревней и коллективизацией («Ивановская мельница», 1927; «Свадьба моей жены», 1929; «Волчий лог», 1931), познакомился с Пришвиным в 1930 г. См.: Личное дело... С. 113–124.

С. 331. *...«в Елец к образованным купцам!»...* — неточная цитата из пьесы А. П. Чехова «Чайка» (1895–1896). Имеются в виду

слова Нины Заречной: «Завтра рано утром ехать в Елец в третьем классе... с мужиками, а в Ельце образованные купцы будут приставать с любезностями. Груба жизнь!» (действие IV).

С. 332. *...хорошо помню вид филипповских калачей, расстегаев.* — Имеется в виду известная в Москве сеть булочных («филипповские»), организованная Иваном Максимовичем Филипповым; его отец Максим Филиппов, бывший крепостной крестьянин, организовал в Москве небольшую пекарню с бронзовым калачом, который стал чем-то вроде родового герба Филипповых.

С. 334. *...вроде как Пифия.* — В Древней Греции жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах.

С. 336. *Процесс меньшевиков...* — 28 февраля 1931 г. газета «Руль», выходившая в Берлине, писала: «1 марта будет слушаться процесс так называемого "союзного бюро центрального комитета российской социал-демократической партии меньшевиков". Обвинительный акт, имеющий 130 страниц, утверждает, что меньшевики, находящиеся в сношениях с промышленной партией и социал-революционной кулацкой группировкой Чаянова и Кондратьева... стремились к восстановлению капиталистического режима в СССР при помощи саботажа и интервенции... Рабочие завода "Динамо", еще не дожидаясь начала процесса, потребовали смертной казни для всех обвиняемых. 9 марта 1931 г. Верховный Суд СССР приговорил обвиняемых (14 человек) за шпионаж и вредительство к различным срокам лишения свободы».

В 1967 г. один из обвиняемых, М. П. Якубович, отсидевший 22 года в тюрьмах и лагерях, в письме на имя Генерального прокурора СССР рассказал, как был фальсифицирован процесс. См.: *Геллер М., Некрич А.* История России: 1917–1995: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 242.

...«и покори ему под нози всякого врага и супостата». — Контаминация слов из Псалтири: «вся покорил еси под нозе его» (Пс. 8.7) со словами из молитвы Честному Кресту: («на прогнание всякого супостата»).

С. 339. *...песня моя об Ине Ростовцевой осталась бы неспетой.* — Речь идет о юношеском романе Пришвина с Варей Измалковой (в автобиографическом романе «Кащеева цепь» — Инна Ростовцева), встреча с которой произошла за границей в годы студенчества. Разрыв с нею Пришвин переживал очень глубоко и в течение всей жизни вспоминал свою первую неосуществлен-

ную «парижскую» любовь, которую пережил как жизненную катастрофу. Любовь выявила существо его личности — «невозможность быть как все», и «повела по пути странничества», поиска — в глубине своего «я», в окружающей природе, культуре, народной душе. Этот путь оказался одновременно спасением собственной личности и становлением художественного мышления — у Пришвина этот процесс вылился в форму дневника.

Ср.: «Первый раз в жизни я просто от скуки выдумал себе... немного пописать, и вдруг увлекся, и как!.. Это была регистрация места и времени (даты) непонятного огромного события в моей личной жизни, меня куда-то повело по пути страданий к блаженству. И вот эта-то первая попытка регистрирования даты события и была началом моего писательства».

«Вернулся, читая о Гёте, к своей первой любви, к тому особенному чувству, в котором как бы предусмотрен отказ ("я не согласна"), и все чувство направлено к тому, чтобы п о с т р а д а т ь ("я согласна" — значит, конец любви). Это любовь поэтического эгоиста, бессознательно отнимающего от возлюбленной душу». «Я хочу сказать, что в психологический состав сложного чувства первой любви у поэта входит чувство недоступности объекта любви... даже в момент разгара моей безумной страсти я сознавал, что простое обладание женщиной, брак и т. п. невозможен и не удовлетворит меня, что эта женщина только повод к моему полету». «Как великие однолюбы, я все-таки про себя ее ждал, и она постоянно ко мне приходила во сне. Очень долго спустя, когда я уверился, что хотя писатель я очень медленный и неуспешный, но настоящий, я понял, что моя "она" у настоящих поэтов называется Музой...» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 81—105).

С. 340. *...открылась перспектива на ужасный Урал.* — О своей поездке в Свердловск в июне 1932 г. так отзывался Пастернак: «В начале тридцатых годов было такое движение среди писателей — стали ездить... собирать материалы для книг... Я хотел быть со всеми и тоже отправился в такую поездку с мыслью написать книгу. То, что я там увидел, нельзя выразить никакими словами. Это было такое нечеловеческое, невообразимое горе, такое страшное бедствие, что оно становилось уже как бы абстрактным, не укладывалось в границы сознания» (*Пастернак Борис.* Собр. соч.: В 5 т. М.: Художественная литература, 1992. Т. 5. С. 634—635).

С. 343. *...кухарки, управляющие государством».* — Неточная цитата из статьи Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» (лето 1917): «Мы не питаем иллюзий, будто любая кухарка, любой чернорабочий тотчас же возьмутся за дело управления государством. Мы должны научить кухарку, рабочего создать такие условия, чтобы и она постигла возможность участвовать в управлении государством» (*Ленин.* ПСС. Т. 34. С. 315).

С. 345. *«Блажен муж иже не иде на совет нечестивых».* — Пс. 1, 1.

С. 356. *...лев ляжет рядом с ягненком...* — см. коммент. к с. 134.

С. 363. *...об изобилии плодов земных и временах мирных, Господу помолимся!* — Из Великой ектинии на Божественной Литургии св. Иоанна Златоуста.

С. 364. *Наладил Петино дело.* — В 1929 г. младший сын Пришвина Петр Михайлович закончил охотоведческие курсы Всекоохотсоюза и по направлению уехал работать в Новосибирск, а затем в Бийск охотоведом-практикантом. В связи с начавшейся коллективизацией обострилась политическая обстановка в Горном Алтае — жизнь и работа там стала опасной. Пришвин добился для Петра Михайловича разрешения вернуться в Москву (указано Н. П. Бирюковой (Пришвиной)).

...метать бисер перед свиньями. — Мф. 7, 6.

С. 368. *...принес ее к себе, постелил на жестком корье и улегся.* — См.: рассказ «Борец и Плакса». Впервые: Красная нива. 1931. № 22. Вошел в цикл детских рассказов «Золотой луг»: Собр. соч. 1956—1957. Т. 4. С. 512.

С. 369. *Красная горка.* — Народное название первого воскресенья после Пасхи.

С. 372. *Три дня во гробе.*— Ин. 11, 17.

С. 375. *А разве не читали «На лит. посту»?* — Имеется в виду журнал «На литературном посту», теоретический и критический орган РАПП (Российской организации пролетарских писателей), которая оформилась в январе 1925 г. и стала массовой организацией, включающей рабкоров и литкружковцев. В 1930—1931 гг. литературно-политическая ситуация в стране определялась новыми требованиями, которые партия поставила перед литературой: «Следующему XVII съезду партии пролетлитература должна уже рапортовать о своих колоннах, о колоннах писателей и произведений, которые пером и словом

непосредственно участвуют в генеральном сражении за социализм, сидят в окопах великой стройки, заливают ураганным огнем врага, ободряют, воодушевляют, зажигают героическим пафосом, ориентируют в окружающей обстановке миллионы трудящихся» (Печать и революция. 1930. № 5–6. С. 4); были сформулированы лозунги, призывающие к созданию «большевистской» литературы, обязывающие писателей «незамедлительно отразить в художественной форме героев пятилетки, фабрик, отдельных ударников, награжденных орденом Ленина или Трудового Красного Знамени» (На литературном посту. 1931. № 14. С. 1–2), призывающие всех ударников производства принять непосредственное участие в литературном труде, а по отношению к писателям-«попутчикам» вслед за статьей Б. Кора «Не попутчик, а союзник или враг» (На литературном посту. 1931. № 2) появился лозунг «Союзник или враг». См.: *Аймермахер К.* Политика и культура при Ленине и Сталине. С. 128–132.

С. 378. *Дан первый очерк «Звери и Люди»...* – вероятно, рабочее название очерка «Зооферма», в котором речь идет о приручении и разведении соболя. Ср.: «Новые и новые звери в последние десятилетия начинают входить в повседневную жизнь человека... Мы еще говорили о потемках науки, когда она встретилась с живым делом приручения животных, чем занимались дикари и потом цивилизованные люди почему-то перестали» (*Михаил Пришвин.* Мой очерк. С. 249, 270).

Дорогой А. М. (Это послано 15-го Мая.). – Переписку Пришвина с Горьким см.: ЛН. С. 319–362.

С. 379. *...признанные классическими: «Еж», «Говорящий грач»...* – впервые: «Еж» – в журн. «Искорка» (1924. № 8); «Говорящий грач» – в журн. «Огонек» (1924. № 1). Вошли в цикл «Рассказы егеря Михал Михалыча», многократно переиздавались.

С. 380. ... *(«погубить свою душу»).* – Ин. 12, 25.

...погубить свою душу («за други»)... – Ин. 15, 13.

С. 381. *Несмотря на это Ш<ик>, еврей, переходит в христианство и делается священником.* – Речь идет об иерее, о. Михаиле Шике, в 1918 г. принявшем крещение, в 1925 г. получившем сан диакона и вскоре арестованном и сосланном в Среднюю Азию, где в 1927 г. он принимает сан священника. В 1928–1929 гг. о. Михаил служит в Сергиевом Посаде в Воскресенско-Петропавловской церкви, где его духовной дочерью была Татьяна Васильевна Розанова, дочь В. В. Розанова. Был близок с известной «мечевской группой» храма свт. Николая на Маросейке

в Москве. В феврале 1937 г. арестован и 27 сентября расстрелян на Бутовском полигоне.

С. 383. *...договор с «Известиями» о поездке на Дальний Восток.* — С 10–12 июля по 8 ноября Пришвин совершает путешествие на Дальний Восток.

С. 384. *...разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну.* — Ин. 2, 19.

...на основе вульгарного и безумного Нилуса. — Творчество церковного писателя Сергея Александровича Нилуса весьма неоднозначно: так, современник Нилуса, св. праведный Иоанн Кронштадтский, очень высоко оценивал его книги. Действительно, нельзя сбрасывать со счетов колоссальную агиографическую работу, проделанную С. А. Нилусом в годы, проведенные им в Оптиной пустыни, когда он кропотливо собирал и публиковал архивные биографические сведения и живые воспоминания современников о подвижниках Оптиной пустыни — как прославленных ныне старцах, так и о простых насельниках монастыря. Среди его трудов можно назвать: «Великое в малом» (1903), «Сила Божия и немощь человеческая» (1908), «Святыня под спудом» (1911) и др. Тем не менее, имя Нилуса прочно ассоциировано не с этими трудами, а с публикацией так называемых «Протоколов сионских мудрецов», которые сразу вызвали недоверие и двойственную реакцию в обществе. Ср.: *Скуратовский В.* Проблема авторства «Протоколов сионских мудрецов». 2001.

...чем-то вроде наказания («Услон»)... — сокращенно — Управление Соловецких лагерей особого назначения. Весной 1930 г. официальное название «Соловецкие лагеря особого назначения» изменилось на «Соловецкие и Кемские трудовые исправительные лагеря». Однако старое установившееся название «Услон» так и осталось во всеобщем употреблении вместе с эмблемой Соловецкого лагеря и торговой маркой этого предприятия — слон. Клеймо это можно было встретить в СССР на многих товарах, произведенных заключенными.

...отчаяние переходит в «сего не прейдеши»... — имеются в виду слова Христа: «Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как все это будет. Небо и земля прейдут. Но слова Мои не прейдут» (Лк. 21, 32–33).

...и как говорится: смертию смерть... — слова из тропаря в Святую и Великую неделю Пасхи: «Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав».

С. 386. *...думал о рассказе своем «Орел»...* — впервые: Раннее утро. 1918. 14 апр. В 1948 г. вошел в состав книги очерков «Черный араб» (1910): Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 501—532.

То же из Августовских лесов... — впервые: под заглавием «В Августовских лесах (Отзвуки войны)» в газете «Биржевые ведомости» (1915. 4 и 17 апр.). Входит в цикл очерков «Слепая голгофа»: Собр. соч. 1982—1986. Т. 2. С. 602—608.

...где-то, в «Русском Богатстве» (журнал 80-х гг. прошлого столетия)... — журн. «Русское богатство» выходил в Петербурге с 1876 по 1918 г. В 1880—1882 гг. издавался народнической группой (С. Н. Кривенко, Н. Н. Златовратский, П. В. Засодимский и др.), в 1883—1891 гг. — Л. Е. Оболенским. С 1892 г. позиция журн. определялась Н. К. Михайловским, который боролся с либеральным народничеством. После смерти Михайловского в редакцию журнала вошел В. Г. Короленко.

С. 391. *...в Ельце ... при наступлении Мамонтова... Мой рассказ о том, как меня расстреливали...* — см.: Мои тетрадки: Собр. соч. 1982—1986. Т. 5. С. 259—261.

С. 395. *...если медведю вздумается уйти, старик надел на него белый ошейник...* — ср.: рассказ «Белый ожерелок». Впервые: *Пришвин М.* Зверь бурундук / Рис. Е. Чарушина. М.: Детгиз, 1935.

С. 403. *Вчера в китайском театре...* — Китайские театры — яркая страница многонациональной истории Владивостока. В конце 20-х — начале 30-х гг. в городе было несколько зрелищных зданий для китайского населения. Судя по записи, Пришвин был на представлении в самом большом Северном театре (указано Н. Мизь, А. Колесовым).

С. 404. *...дело казацкого расширения перешло к большевистскому...* — история завоевания Сибири начинается в 1032 г., когда новгородцы дошли до Уральского хребта. В царствование Ивана III экспедиции добирались до Оби и Иртыша, а с 1552 г. (присоединение Казани) восточные походы предпринимались регулярно. В 1555 г. сибирский хан Етыгар (или Етигер), отправил к Ивану Грозному послов с подарками, которые русский царь принял за дань и стал именовать себя «повелителем всей Сибири». Однако спустя десятилетие нагайский хан Кучум основал Сибирское царство, которое отказалось подчиняться Москве. Присоединение Сибирского царства осуществили не правительственные войска, а частные лица — колонизаторы восточного края Строгановы и поволжские казаки. В 1581 г. казачий атаман Ермак разгромил войско Кучума. Правда, в 1584 г. Ермак

был убит, а завоеванные им территории потеряны. Федор Иоаннович отправил в Сибирь новую казацкую экспедицию, которая основала город Тюмень, ставший отправной точкой для дальнейшего движения на восток. В течение XVII в. казаки, поддержанные Москвой, совершили огромное количество вылазок и экспедиций. Казаками были построены Лозвинский острог на р. Лозве, Пелым, Березов, Сургут, Тара, Обдорск. По притокам Оби возникает целый ряд поселений: Кетский острог (1596), Нарымский острог (1596), Кузнецк (1618), Енисейск (1618), Маковский острог (1619) и др. Казацкие экспедиции не только завоевывали новые территории, но и составляли карты и описания. Так, например, открывшая Берингов пролив экспедиция атамана Семена Дежнева составила план нескольких колымских рек. В результате усилий казаков-землепроходцев уже в 1672 г. стало возможно составить карту Сибири. А к началу XVIII в. присоединение Сибири было завершено. Движение казаков на восток во время гражданской войны повторила Красная армия, когда в конце 1918 г. были взяты Сызрань, Бугуруслан, Бузулук и Бугульма — до этого времени практически вся Сибирь была под контролем антибольшевистских сил. Движение большевиков на восток продолжалось до 1920 г., в июле которого Япония вывела войска из Дальневосточной республики. В 1922 г. ДВР вошла в состав Советской России («И на тихом океане свой окончили поход»). Третья волна движения России на Восток была связана уже с «гулаговской» колонизацией Сибири, свидетелем которой оказался Пришвин (указано А. Кравецким).

С. 408. *Янковский имел на грядках в Сидеми до 1000 корней, но перед побегом в Корею все повыдергал.* — Эта информация (так же как и вся информация, которая была доведена до писателя о Янковских) не находит подтверждения ни в одном из источников и по-видимому, связана с отношением новой власти к «бывшим»; известно, что Янковские до революции были владельцами успешных оленеводческих хозяйств на Дальнем Востоке, затем учредителями оленеводческого комплекса в районе бухты «Витязь» (указано Н. Мизь, А. Колесовым).

С. 415. *...проболтали с Марией Грациановной.* — Речь идет о дочери Грациана Осиповича Рутковского — статского советника, известного предпринимателя Южно-Уссурийского края, основавшего в 1893 г. животноводческую племенную ферму и занимавшегося проблемой акклиматизации редких пород домашних животных из Европейской России и из-за границы, которые он выписывал (указано Н. Мизь, А. Колесовым).

С. 418. *...Дерсу не гольд...* — гольд — народность.

С. 423. *Розанов ошибался, выдвигая пол на место как бы единственного фактора жизни.* — Ср.: «Человек весь есть только трансформация пола, только модификация пола. <...> Человек, из полового акта вышедший и из страстно-половых частиц сложенный, есть во всем своем “я”, “целом” и “дробном” — половое же существо, страстно дышащее полом и только им, в битвах, в пустыне, в отшельничестве, в аскетизме, торговле, но в самом чистом и святом виде, в самом нормальном — в семье» (*Розанов В. В.* Собр. соч. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 288–289).

Тему пола Розанов называл своей «Коперниковской вещью» «относительно всей человеческой культуры». Об открытии этой «своей» темы он писал в 1898 г.: «Тут открылась тема пола: и едва я подошел к ней, как увидел, что, в сущности, все тайны тайн связаны здесь в узел. Если когда-нибудь будет разгадана тайна бытия мироздания, если вообще она разгадываема, — она может быть разгадываема только здесь» (*Розанов В. В.* О себе и жизни своей. М., 1990. С. 678). Принципиальной в розановском понимании пола является его связь с «религиозным мистицизмом»: «<...> став на эту благословенную догадку, разом для себя осветил я и Жизнь и Божество; а человек не в догадках только, но в прямом чувстве стал для меня религиозною вещью, святым существом, вечно бредящим о небесном» (Там же) (указано А. Медведевым).

С. 429. *...Лувен как сектант, работал, читал, развивался.* — В конце записанной в дневнике истории жизни китайца его имя Ювен трансформируется и превращается в Лувен — имя будущего персонажа повести «Жень-шень».

С. 432. *Ездил в Сиданку...* — железнодорожная станция.

С. 433. *...обреченного весь год есть чумизу...* — однолетнее травянистое растение семейства злаков.

С. 437. *Конец виноградной лианы ... скрывшей собой совершенно высокий и просторный грецкий орех...* — имеется в виду маньчжурский орех.

Закупоренный тайфуном в даче Бриннера... — фирма Бриннер существовала на Дальнем Востоке с XIX в. Ей принадлежали свинцово-цинковые рудники, пароходная кампания, судоремонтные мастерские; дачный комплекс включал и склеп-усыпальницу Бриннеров, выходцев из Швейцарии, осевших на Дальнем Востоке (указано Н. Мизь, А. Колесовым).

С. 446. *По́кать* (сиб.) — горный склон, косогор.

...остров до революции был во владении купцов Старцевых. — Алексей Дмитриевич Старцев купил остров Путятин в 1891 г. и назвал его «Сказка». А.Д. Старцев — сын декабриста Бестужева и башкирской женщины Сабиллы, китаевед, меценат. См.: www/concu rent.ru.

С. 459. *...тебя ударили по одной щеке, то ты другую подставь.* — Мф. 5, 39. См. также запись 22 сентября, с. 476.

С. 464. *...и можно быть «без черемухи».* — Аллюзия на рассказ П. С. Романова «Без черемухи» (1926), который вызвал оживленную полемику среди читателей. См.: *Романов П.* С. Без черемухи. М.: Правда, 1990.

С. 468. *Утром был полный туман... и прошлое мое в эти дни мне было, как туман.* — Туман в дневнике Пришвина — устойчивая метафора состояния души художника, ищущего смысл в событиях собственной жизни. Ср.: «А за деревней подальше, возле самого леса, лег плотный белый и плоский туман, в котором прошла моя молодость»; «в душе моей при виде этого тумана поднимался весь туман всей моей жизни, и я видел себя в нем, как будто весь этот туман — вне души, и только я один в нем, воплощенный в материю, брожу и силюсь, и все не могу то ли увидеть что-то сквозь туман, то ли вспомнить что-то в себе» (*Пришвина В. Д.* Путь к Слову. С. 92).

...это упущенное мгновенье никогда не простишь себе и не оправдаешь даже ценою всей жизни... — имеется в виду первая любовь к Варе Измалковой. См.: *Варламов А.* Пришвин. С. 62—75.

С. 468—469. *Альгологическая станция...* — альгология — раздел ботаники, изучающий водоросли.

С. 470. *...тут на неведомых тропинках среди невиданных зверей.* — Неточная цитата из пролога к поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» (1817).

С. 477. *...ожидание диффамирующих статей...* — от лат. diffamo — порочу; порочащие статьи.

С. 480. *Психология «крымского» крестьянина...* — Крым — название поселка в бухте Разбойничьей.

С. 481. *...«еще в горах белеет снег»...* — неточная цитата из стихотворения Ф. И. Тютчева «Весенние воды» (не поздн. 1830). У Тютчева: «Еще в полях белеет снег...»

С. 482. *Нет разлуки большей на свете, чем была моя разлука...* — имеется в виду разлука с Варей Измалковой.

...сколько на свете было слепых музыкантов! — Аллюзия на повесть В. Г. Короленко «Слепой музыкант» (1898).

С. 486. *Ученый Лао-Хань-Ван открыл местонахождение...* — до сих пор на Дальнем Востоке бытует легенда о том, что женьшень — чудодейственное целебное растение, обладающее способностью превращаться в людей или животных, бежало в Уссурийский край, спасаясь от ученого, который открыл его местонахождение в Северном Китае.

С. 492. *...из магазинки бил зараз по семи пантачей...* — магазинка — многозарядное ружье.

С. 495. *...на первом и единственном учредительном собрании Соловьевской республики.* — Василий Николаевич Соловьев, правый эсер, с 31 августа 1918 г. был областным якутским комиссаром Временного Сибирского правительства, т. е. фактически главой Дальневосточной республики.

С. 498. *Вспоминал свое хождение в град Китеж...* — имеется в виду поездка в Керженские леса Нижегородской губернии на Светлое озеро — к граду Китежу, которую Пришвин совершил в 1908 г. В результате этой поездки была написана книга «У стен града невидимого. Светлое озеро» (1909). Собр. соч. 1982—1986. Т. 1. С. 387—473.

С. 529. *...евангельский рассказ о вере в горчичное зерно...* — Мк. 4, 30—32.

С. 555. *...(между Рикордом и Римским)...* — имеются в виду острова Римского-Корсакова.

С. 561. *...«отдайте Богу Божье, кесарю кесарево»...* — Мк. 12, 17.

С. 569. *Сочиняю... фельетон «Даурские соболя».* — По-видимому, рабочее название очерка «Соболь». Впервые в кн.: Золотой Рог / Фото М. Пришвина. Л., 1934.

С. 576. *Так, вероятно, сказал бы и Заратустра ...* — см. коммент. к с. 261.

...вот христианство, по Розанову, обыграло жизнь в самом зародыше. — Ср.: «Иисус действительно прекраснее всего в мире и даже самого мира. Когда Он появился, то как солнце — затмил Собою звезды. Звезды нужны в ночи. Звезды — это искусства, науки, семья. Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа — так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, — «слаще», привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства. <...> С рождением Христа, с воссиянием Евангелия

все плоды земные вдруг стали горьки. Во Христе прогорк мир, и именно от Его сладости <...> мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле *сладости* — уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир — сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен. Вот главное событие, происшедшее с пришествием Христа. <...> мир стал *тонуть* около Иисуса. Наступил всеобщий *потоп* прежних идеальных вещей. Этот потоп и называется христианство» (*Розанов В. В.* Собр. соч. В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 424—425) (указано А. Медведевым).

С. 577. *...храм Христа Спасителя взорвали...* — храм был взорван 5 декабря 1931 г., и на следующий день газета «Вечерняя Москва» сообщала: «Ровно в 12 часов дня раздался первый взрыв: рухнул один из 4-х пилонов, на которых держался большой купол здания. Через полчаса другим взрывом был обрушен второй пилон, а еще через четверть часа и остальные. Последующими взрывами были обрушены внутренние стены и части наружных. Остатки здания будут снесены через несколько дней». С 1932 г., по решению Сталина, на месте храма началась подготовка к возведению Дворца Советов.

С. 585. *Авраам видел Бога, когда принес в жертву ему сына...* — Быт. 22, 1—12.

С. 586. *Полонского съел РАПП...* — имеется в виду кампания, развернутая в это время РАППом в отношении Вячеслава Павловича Полонского, защищавшего в печати М. Булгакова, Б. Пильняка, С. Клычкова и др. Ср.: «По его всегда спокойному лицу и размеренным движениям нельзя было понять, как ему тяжело, как теряет он свое влияние, преследуемый литературной бандой... Полонский умер не старым, съеденный РАППом» (*Липкин С.* В Овражном переулке и на Тверском бульваре. Зарисовки и соображения // Новый мир. 1994. № 2).

Я. Гришина

Указатель

СОДЕРЖАНИЕ

Художественное издание

Михаил Михайлович Пришвин
ДНЕВНИКИ
1930–1931

Редактор: *Т. Н. Беднякова*
Корректор: *Т. Н. Беднякова*
Верстка: *С. В. Степанов*
Художественное оформление: *Г. Расторгуев*

Подписано в печать 28.08.06. Формат 84 × 108 1/32.
Бум. офсетная. Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 44,00. Тираж 3000 экз.
Зак. № 3650

ООО «Издательство «Росток»
E-mail: rostok_publish@front.ru
По вопросам оптовых закупок
обращаться по тел.: (812) 323-54-70

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12